СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА

П. А. ПЛЕТНЕВА.

ПО ПОРУЧЕНІЮ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ИЗДАЛЪ

Я. ГРОТЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь, 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛЕТНЕВА.

Томъ III.

Переписка.

Переписка съ Пушкинымъ.

*) За пропускомъ № 22, всего 64 письма къ кн. Вяземскому.

стран.

Переписка съ Жуковскимъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ [1].

1852.

I.

Поэзія, можетъ-быть, никогда не была такъ ложно понимаема, какъ многіе понимаютъ ее въ наше время. Съ высоты провозвѣстницы божественныхъ истинъ (таково было о ней понятіе древнихъ) теперь низводятъ ее до забавы младенчествующихъ народовъ. Изъ вдохновеннаго искуства превращаютъ ее въ холодное разсужденіе на заданный предметъ. По счастію, въ природѣ души человѣческой гораздо болѣе силы и истины, нежели въ убѣжденіяхъ превратнаго или ложнаго ученія. Истинные поэты и въ наше время являются съ тѣмъ же достоинствомъ, могуществомъ и вліяніемъ на современниковъ, какими ознаменовано было ихъ явленіе въ прежніе вѣки. Для человѣчества поэзія не утратила и никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое, отъ при-

---

[1] Эта статья, подъ заглавіемъ: «Чтеніе о В. А. Жуковскомъ», первоначально напечатана была въ 1-мъ томѣ *Извѣстій* Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ (стр. 146—162 и 194—206) съ такимъ на 1-й стран. подстрочнымъ примѣчаніемъ: «Читано въ Отдѣленіи по случаю выхода въ свѣтъ пятаго изданія Сочиненій В. А. Жуковскаго, еще до полученія извѣстія о его кончинѣ». Тогда же это чтеніе появилось и въ отдѣльныхъ оттискахъ подъ заглавіемъ: «О стихотвореніяхъ Василія Андреевича Жуковскаго», при чемъ въ примѣчаніи сказано только: «Статья начата еще до полученія извѣстія о его кончинѣ». Цензурное разрѣшеніе тогдашняго непремѣннаго секретаря П. Н. Фуса помѣчено 2 сентября 1852 года.

роды врожденное намъ и душѣ нашей. Ея основаніе не искуственное, не случайное, не временное: оно изъ числа тѣхъ вѣчныхъ и повсемѣстныхъ началъ, изъ которыхъ какъ въ древнія времена, такъ и въ новыя, у дикихъ и образованныхъ народовъ, возникли одинаково равныя понятія о доблестяхъ и совершенствахъ души. Во времена явной испорченности нравовъ, для человѣчества не утратили точнаго значенія своего ни благодарность, ни состраданіе, ни кротость, ни терпѣніе. Подобно тому и съ поэзіею всегда будетъ слито понятіе о вдохновенной человѣку силѣ къ возсозданію всего прекраснаго, поражающаго его въ природѣ. Это понятіе, въ сущности своей, нисколько не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Только формы и краски поэзіи могутъ измѣняться, а сама она неизмѣнна.

Поэтъ, о которомъ я начинаю говорить, прекрасно сравнилъ поэзію съ добродѣтелью. Въ его опредѣленіи больше обширности нежели въ моемъ. Я полагаю только, что основаніе поэзіи, какъ и добродѣтели, не можетъ быть измѣнено или уничтожено произволомъ нашимъ, потому что оно принадлежитъ къ числу врожденныхъ намъ понятій. Но тотъ, кто сказалъ:

«Поэзія есть добродѣтель;
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель» (II. 81),

ясно и опредѣлительно вноситъ въ понятіе поэзіи, кромѣ равнаго ея происхожденія съ добродѣтелью, самые законы бытія послѣдней. Онъ прекрасный талантъ свой и его вдохновенія, въ назиданіе всѣмъ, торжественно подчинилъ закону нравственныхъ дѣйствій, вознаграждаемыхъ не приговоромъ людскимъ, а сладостію внутренняго своего сознанія и оправданіемъ передъ Создателемъ. Приводя здѣсь это мнѣніе, я только мимоходомъ вношу, безъ сомнѣнія, самую замѣчательную черту въ характеристику нашего поэта; но принятіе, или отрицаніе столь возвышенной мысли зависитъ вполнѣ отъ нравственныхъ убѣжденій каждаго.

Что касается до неизмѣняемости основанія поэзіи, это само собою защищается. Оставляя въ покоѣ древность, которой при-

мѣры начинаютъ терять для насъ убѣдительность по чрезвычайному различію всѣхъ сторонъ прежней и нашей жизни, остановимся на явленіяхъ, самыхъ близкихъ къ намъ. Германія и Англія были не только не въ младенческомъ, но уже и не въ юношескомъ развитіи, когда Шиллеръ и Вальтеръ-Скоттъ съ современными имъ поэтами такъ достойно, такъ торжественно и неуклонно вышли на поприще поэзіи. Преобладаніе теоретической дѣятельности въ одной сторонѣ и практическаго стремленія въ другой не уничтожили въ нихъ свыше посланнаго дара. И мало того, что высокія и прекрасныя созданія ихъ не остались затаенными, или подавленными противодѣйствіемъ такъ называемаго неблагопріятнаго времени и прочихъ обстоятельствъ — поэты встрѣтили полное къ себѣ сочувствіе, которое было и осталось ни рѣже, ни слабѣе, какъ и вѣчное сочувствіе къ трогательнымъ или героическимъ доблестямъ души. Силою дарованія ихъ призванные къ жизни образы, дѣйствія, чувства и страсти обошли современныя племена почти на всей землѣ, глубоко проникнули въ душу и переходятъ наслѣдственно къ новымъ поколѣніямъ. Въ глазахъ нашихъ самымъ жалкимъ показался бы тотъ человѣкъ, который бы какимъ-нибудь образомъ лишенъ былъ этого сокровища.

Покорившись естественному призванію и покоривши современниковъ своихъ неодолимой его власти, названные мною поэты развили для человѣчества столько истинъ религіозныхъ, политическихъ, философскихъ, нравственныхъ, историческихъ, что положительныя заслуги ихъ, какъ гражданъ, указываютъ имъ мѣсто въ блистательномъ ряду полезнѣйшихъ для общества дѣйствователей. Между тѣмъ, для исполненія этой высокой обязанности, которой отвѣтственность они глубоко чувствовали, движимые геніемъ поэзіи, ни одинъ изъ нихъ не избралъ постояннаго предмета для своихъ вдохновеній, равно обнимая душою все прекрасное въ природѣ. Что значитъ ограниченное мѣсто и исключительный источникъ для того, кто, какъ сама природа, неистощимъ въ разнообразіи, понятенъ всѣмъ племенамъ и сочувствуетъ каждому движенію всемірной жизни? Не безъ основанія и конеч-

но не безъ намѣренія Шиллеръ изобразилъ эту мысль съ удивительною силою и прелестью. Жуковскій намъ передалъ ее слѣдующими словами:

«По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ.
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина —
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ» (III. 13).

Высказывающееся въ наше время мнѣніе, будто поэзія отжила свой вѣкъ для европейскихъ народовъ, или что она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія, это мнѣніе принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, нерѣдко соблазняетъ слабые и легкомысленные умы. Никто не сомнѣвается, что истинные поэты являются рѣдко. Но такова судьба всего, что возвышается надъ человѣчествомъ. Исчезнуть же, или возникнуть въ противоположность естественному закону — можетъ только вымышленное прихотью человѣка, а не дарованное безсмертной его душѣ Создателемъ.

II.

Ежели можно дойти до убѣжденія въ томъ, что, при всѣхъ перемѣнахъ общественной жизни, для поэзіи всегда останется мѣсто въ сердцѣ человѣка, и что обильные источники ея вдохновенія до тѣхъ поръ не изсякнутъ, пока сохранится животворная связь между природою и нашею душой, то самымъ любопытнымъ и самымъ близкимъ становится вопросъ: какимъ путемъ и къ какой цѣли долженъ итти поэтъ, чтобы его произведенія навсегда сохранили достоинство, силу и дѣйствіе свое? Первая часть этого

вопроса обыкновенно разрѣшается почти одинаково: путемъ совершенства, то есть, красоты, или изящества. Вторая часть давно составляетъ предметъ спорный. Такъ какъ и въ самомъ опредѣленіи изящества часто слышатся разногласія, то я предпочитаю остановить здѣсь вниманіе читателей на словахъ Жуковскаго же, который, по моему мнѣнію, точнѣе всѣхъ и всѣхъ удовлетворительнѣе опредѣлилъ то и другое.

Вотъ его мнѣніе о сущности *прекраснаго* [1]: «Руссо говоритъ: Il n' y a de beau que ce qui n'est pas,—*прекрасно только то, чего нѣтъ*. Это не значитъ *только то, что не существуетъ;* прекрасное существуетъ, но его *нѣтъ*, ибо оно, такъ сказать, намъ является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, оживить, обновить душу — но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа. Оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, очарованіе счастія, вдохновенія несчастія и проч. производятъ въ насъ сіи живыя ощущенія прекраснаго — и весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности. *Прекрасно только то, чего нѣтъ.* Въ эти минуты тревожно-живого чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего въ немъ нѣтъ, но что гдѣ-то и для одной души существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ: эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимопролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по от-

[1]) Москвитянинъ. 1848. № IV. Отд. III, стран. 14.

жизнѣ, темная память объ утраченномъ, искомомъ и со временемъ достижимомъ эдемѣ. Оно дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ *настоящимъ*, но и неяснымъ, въ одно мгновеніе сліяннымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *ожиданіемъ* лучшаго въ будущемъ».

Надобно полагать, что изъясненіе сущности прекраснаго не одинъ разъ занимало нашего поэта. Замѣчательнѣе всего, что въ глубинѣ души своей онъ постоянно находилъ одинъ на это отвѣтъ, чего нельзя не почувствовать, прочитавъ слѣдующіе стихи его:

«Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила!
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью....
Но льзя ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?
Святыя таинства! лишь сердце знаетъ васъ.
Не часто ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена,
Спирается въ груди болѣзненное чувство,
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
Ненареченному хотимъ названье дать —
И обезсиленно безмолвствуетъ искуство?
Что видимо очамъ — сей пламень облаковъ,
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката —
Сіи столь *яркія черты*
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,

И есть *слова* для ихъ *блестящей* красоты.
Но то, что слито съ сей блестящей красотою —
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее незапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ
Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ —
Какой для нихъ языкъ?..Горѣ душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится,
И лишь молчаніе понятно говоритъ» (III. 62).

Подобное представленіе предмета, со всѣми тончайшими, едва уловимыми его чертами, должно было образоваться въ умѣ только истиннаго поэта, который не могъ удовольствоваться сухими, холодными опредѣленіями ученыхъ, извлекающихъ заключенія свои не изъ собственныхъ ощущеній, а изъ сравненія соображеній предшественниковъ. Итакъ сущность прекраснаго поэтъ опредѣляетъ таинственною силою духовной и вещественной природы, увлекающею душу къ возсозданію явленій, возвышающихъ ее, трогающихъ или плѣняющихъ. Въ этомъ соотношеніи внѣшняго съ внутреннимъ все чисто-матеріальное отстранено. Подобно тому, какъ на каждомъ твореніи Божіемъ, вдохновляющемъ поэтическую душу, чувствуется преобладаніе живой, свѣтлой мысли — на твореніи поэта остается также неисчезающее выраженіе неземной красоты. Она поражаетъ умъ новою истиною, сердце глубиною чувствованія, воображеніе полнотою, стройностію и вѣрностію созданія. Неудивительно, что чтеніе великихъ поэтовъ образуетъ великихъ людей для всѣхъ поприщъ гражданственности.

Что касается до прямой цѣли поэтическаго произведенія, о ней Жуковскій выразился такъ [1]): «Цѣлію его можетъ быть не иное что, какъ осуществленіе того прекраснаго, котораго *тайну* душа открываетъ въ твореніи Бога и которое стремится явно выразить въ твореніи собственномъ. Сіе ощущеніе и выраженіе прекраснаго, сіе возсозданіе своими средствами созданія Божія есть *художество*. Что же такое *художникъ?* творецъ; и цѣль его не иное что, какъ самое это *твореніе*, свободное, вдохновенное, ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное». Ежели прекрасное, по мнѣнію поэта нашего, въ себѣ самомъ заключаетъ и цѣль поэзіи, отсюда не слѣдуетъ, что оно осуществленіемъ своимъ ни къ чему не приближаетъ ни насъ, ни того, кто его производитъ. Оно, какъ я замѣтилъ, вноситъ въ душу лучшія начала, изъ которыхъ развивается духовное бытіе наше. По мѣрѣ воспріемлемости и нравственной нашей силы, оно способно вдругъ устремить насъ ко многимъ высшимъ цѣлямъ жизни, точно такъ, какъ созерцаніе явленій природы внушаетъ человѣку столь высокіе помыслы, до какихъ никогда бы не вознесся онъ разсчитанными путями холоднаго умствованія.

Эти общія замѣчанія о поэзіи мнѣ показались необходимыми передъ разборомъ сочиненій поэта. Какъ введеніе, они опредѣляютъ точку, съ которой я смотрю на избранный предметъ. Въ наше время не безполезно объясниться и о такихъ понятіяхъ, которыя прежде всѣми принимаемы были одинаково.

III.

Поэзія, въ смыслѣ правильнаго стихотворства, основаннаго на требованіяхъ изящнаго и въ то же время словеснаго искуства, у насъ получила начало только со второй половины XVIII столѣтія. Появленіемъ ея въ литературѣ нашей мы обязаны Ломоносову, человѣку многообъятнаго ума, соединившему въ себѣ разносто-

---

[1]) Москвитян. Тамъ же.

ронія ученыя свѣдѣнія съ способностями къ стихотворству. Ничего не отнимая отъ его заслугъ, справедливо всѣми признанныхъ, его нельзя впрочемъ назвать творцомъ этой поэзіи, потому что правила ея всѣми Европейцами заимствованы были отъ древнихъ — и Ломоносовъ только счастливо умѣлъ приложить ихъ къ русскому языку, постигнувъ духъ его и свойства. Выборъ содержанія стихотвореній его, ихъ расположеніе, пріемы въ переходахъ отъ одной части къ другой, краски изображаемыхъ предметовъ и общее настроеніе поэзіи его — все также явно отзывается искуствомъ заимствованнымъ. Нигдѣ не встрѣтишь у него самобытныхъ созданій, вызванныхъ къ жизни внутреннимъ его увлеченіемъ, сильнымъ сочувствіемъ, страстію или художническимъ призваніемъ. Есть нѣсколько описаній, нѣсколько движеній прекрасныхъ; но они свидѣтельствуютъ гораздо болѣе объ искуствѣ оратора, нежели поэта. Такимъ образомъ, въ общемъ характерѣ его поэзіи образовалась явная подражательность, изысканность, даже холодность.

Между тѣмъ новость этого искуства въ нашей литературѣ, изумительная на первый разъ звучность стиховъ, нѣсколько живыхъ описаній отечественной мѣстности и особенно геніальное имя писателя, указавшаго пути почти ко всѣмъ отраслямъ умственныхъ занятій, не только успѣли доставить его поэзіи всеобщее уваженіе, но и внушить какое-то благоговѣніе къ ней. До самаго конца XVIII столѣтія всѣ поэты наши отъ нея заимствовали и содержаніе, и языкъ, и стихотворныя украшенія. Даже геніальный Державинъ, въ этомъ отношеніи, долженъ названъ быть ученикомъ Ломоносова. Положенія лицъ, голосъ страстей, языкъ чувствованій, краски и освѣщеніе картинъ — все высказывалось не въ естественномъ состояніи, не въ дѣйствительной жизни, а на какомъ-то искуственномъ возвышеніи и въ очертаніяхъ театральныхъ. Однимъ словомъ, къ поэзіи того времени можно примѣнить сказанное Дмитріевымъ въ его сатирѣ «Чужой Толкъ»:

«Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты*

И *райскій кринъ*, и *Фебъ*, и *небеса отверсты*.
Такъ громко, высоко... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ».

Совершенный и самый счастливый переворотъ въ нашей поэзіи произведенъ былъ Жуковскимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Только съ этого времени и только въ стихахъ Жуковскаго мы почувствовали, какую власть надъ душою можетъ принять истинная поэзія. Приступая къ изображенію увлекавшихъ его предметовъ, онъ не думалъ, какъ Ломоносовъ, о внѣшней формѣ стиховъ и подборѣ громкихъ выраженій; онъ въ образцахъ своихъ читалъ не отдѣльныя слова въ буквальномъ ихъ смыслѣ: прежде всего онъ глубоко проникался тѣми ощущеніями, безъ которыхъ нѣтъ жизни въ поэзіи, тѣмъ господствующимъ направленіемъ души, которое сообщаетъ вѣрный тонъ произведенію, и наконецъ полнымъ представленіемъ тѣхъ принадлежностей положенія или дѣйствія, избраннаго для стихотворенія, безъ которыхъ ничто не совершается стройно ни въ окружающей насъ природѣ, ни въ насъ самихъ. Прежняя поэзія была искуствомъ, заимствованнымъ изъ образцовъ, подражательною оболочкою холоднаго соображенія. Она не истекала изъ оживленнаго участіемъ сердца, а потому и дѣйствіе ея не простиралось далѣе внѣшнихъ чувствъ. Новая поэзія достигнула въ насъ до той глубины сочувствія, изъ которой сама она излилася.

Трудно было бы объяснить безошибочно, какія обстоятельства помогли молодому поэту выбраться на эту счастливую дорогу, если бы кому захотѣлось доискаться истинной причины переворота въ искуствѣ. Одно могущество дарованія не будетъ здѣсь достаточнымъ рѣшеніемъ задачи, потому что въ числѣ предшественниковъ Жуковскаго мы видѣли Державина. Надобно приписать это явленіе содѣйствію многихъ причинъ вмѣстѣ, какъ-то: личному характеру поэта, его воспитанію, первоначальному чтенію, обществу, посреди котораго онъ созрѣвалъ для будущихъ трудовъ своихъ, началу новыхъ идей и самаго вкуса, получив-

шихъ развитіе въ тогдашней литературѣ и жизни, историческимъ событіямъ эпохи и множеству другихъ обстоятельствъ, покидающихъ въ душѣ нашей незамѣтныя впечатлѣнія, но въ сложности своей часто сильныя. По крайней мѣрѣ, подобный способъ объясненія литературныхъ перемѣнъ въ наше время принять всѣми критиками. Онъ не выгоденъ только въ томъ отношеніи, что легко прилагается ко всякому случаю и все рѣшитъ правдоподобно, ничего не разрѣшая въ дѣйствительности, прямо и съ точностію. Впрочемъ психологическія разложенія всѣ такого свойства, что едва ли кто изъ насъ и самъ въ состояніи безошибочно разобрать, сколько истины и дѣйствительности въ каждомъ изъ приводимыхъ обстоятельствъ, если бы предложено было подтвердить намъ самимъ подлинность показанія.

Разбирая каждаго изъ писателей нашихъ, обыкновенно заботятся точнѣе опредѣлить, какой языкъ преобладаетъ въ немъ, тотъ ли, который мы называемъ книжнымъ, или собственно разговорный, чисто ли русскій, или съ замѣтною примѣсью словъ церковно-славянскихъ. Этотъ взглядъ мнѣ кажется несправедливымъ. Всякое слово, изъ какого бы языка мы ни взяли его, изъ книжнаго, разговорнаго, чисто-русскаго, или церковно-славянскаго, можетъ быть равно хорошо и равно дурно: хорошо тогда, когда оно ничѣмъ незамѣнимо для выраженія извѣстнаго понятія, смотря по его значенію мѣстному, историческому, философскому и т. д.; дурно, когда сообщаетъ понятію выраженіе ложное, неполное, слабое и т. п. Что ни излагаетъ писатель, для всего непремѣнно есть опредѣленное мѣсто, время, лицо, сословіе, характеръ, намѣреніе и безконечное множество другихъ принадлежностей. Въ ихъ особенностяхъ и заключаются требованія того или другого языка, того или другого слова. Для писателя, у котораго есть точный умъ, истинное дарованіе, несомнѣнныя свѣдѣнія о предметахъ, имъ изображаемыхъ, природный или воспитаніемъ образованный вкусъ, а болѣе всего живое чувство истины, для такого писателя съ каждымъ понятіемъ соединяется непремѣнно то самое слово (изъ какого бы разряда

въ языкѣ ни взялось оно), которое передаетъ это понятіе вполнѣ, вмѣщая въ себѣ и физіономію его, и исторію, и мѣстность, и характеръ. Слѣдовательно, вопросъ объ языкѣ писателя надобно обратить не къ преобладанію въ немъ того или другого элемента, а къ неизмѣнному въ немъ согласію между понятіями и выражающими ихъ словами. Ничто не можетъ сообщить счастливой мысли такого могущества и власти надъ умомъ читателей, какъ ея изображеніе, во всѣхъ отношеніяхъ точное, ничѣмъ не ослабленное и вполнѣ согласное съ ея разнородными оттѣнками.

Жуковскій явился въ кругу писателей тогда, когда многіе изъ критиковъ примѣтно вступались за честь нашего разговорнаго языка, усиливаясь вытѣснить изъ свѣтской литературы тяжелый или книжный языкъ, за права чисто-русскаго языка, нападая на церковно-славянскій. Такъ какъ школа этихъ преобразователей составилась изъ молодого поколѣнія, которое доставило Россіи нѣсколько образцовыхъ писателей, поэтому многіе приняли убѣжденіе, что и Жуковскій по своему языку долженъ принадлежать къ этой же школѣ. Но въ этомъ мнѣніи явная ошибка. У Жуковскаго въ языкѣ можно встрѣтить болѣе, нежели у кого-нибудь изъ русскихъ писателей, выраженій, даже оборотовъ церковно-славянскихъ и такъ называемыхъ словъ языка книжнаго. При всемъ томъ его языкъ всегда былъ и остается образцомъ чистоты, правильности, выразительности и всѣхъ совершенствъ языка русскаго. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что́ выше сказано мною объ искуствѣ соглашенія понятій съ ихъ словами. Поэтъ нашъ, какъ и всякій самостоятельный писатель, не принимаетъ безусловно требованій одной какой-нибудь школы. Онъ въ своей душѣ и въ дарованіи своемъ находитъ всѣ принадлежности искуства. Оттого оно является для насъ въ его созданіяхъ новымъ, поразительнымъ и неизмѣнно прекраснымъ.

IV.

Въ произведеніи слова, нѣтъ сомнѣнія, языкъ есть принадлежность первой важности. Онъ прежде всего разрѣшаетъ вопросъ, надобно ли приниматься автору за перо. Въ языкѣ мы съ перваго раза чувствуемъ отношеніе мысли къ ея проявленію. Малѣйшій недостатокъ послѣдняго безобразитъ или всю мысль, или нѣкоторыя части ея. Но ошибки въ формахъ, даже въ размѣщеніи словъ, представляютъ столь рѣдкія явленія въ писателяхъ самыхъ посредственныхъ, что было бы слишкомъ мелко для критики вдаваться въ изслѣдованіе ихъ и толковать съ важностію объ ихъ устраненіи. Нельзя же писать на языкѣ, не зная грамматики его хоть по навыку. Труднѣе быть безошибочнымъ въ сохраненіи равновѣсія между понятіями и обнаруживающими ихъ словами. Этому не научишься ни изъ грамматики, ни даже изъ лексикона. Природное чувство, дарованіе, изученіе великихъ образцовъ, внутренняя потребность истины, внимательный умъ — вотъ источники, изъ которыхъ почерпаются писателемъ истинныя совершенства языка. Предназначенный природою въ посредники между явленіями міра духовнаго и чувственнаго, писатель съ дѣтства чутко слышитъ, какимъ звукомъ до сердца нашего вѣрнѣе доходитъ каждый образъ, душою созидаемый. Въ важныхъ книгахъ и въ бѣгломъ разговорѣ, между простолюдинами и въ высшемъ обществѣ, онъ равно поражаемъ бываетъ тѣмъ счастливымъ выраженіемъ, которое для предмета въ извѣстныхъ его обстоятельствахъ только и существуетъ въ языкѣ одно между множествомъ на него похожихъ. Умѣть схватить его во-время, на приличномъ мѣстѣ, дать окруженіе, для него необходимое, опереться на немъ всею силою мысли, отстранить отъ него то, что замедлило бы естественное его движеніе — всѣ эти и подобныя имъ требованія, обыкновенному человѣку непонятныя, такъ важны для хорошаго писателя, что онъ въ употребленіи языка чувствуетъ не менѣе тайнъ, какъ и музыкантъ въ музыкѣ, съ тою только разницею, что къ тайнамъ языка нельзя придумать правилъ.

Русскіе поэты до времень Жуковскаго, сколько надобно заключить по большему числу ихъ стихотвореній, не входили въ изученіе языка съ этой точки зрѣнія. По крайней мѣрѣ, читатель въ предшествовавшемъ періодѣ съ трудомъ отыщетъ какое-нибудь цѣлое стихотвореніе, которое бы обнаружило въ себѣ строгое исполненіе означенныхъ условій. У Державина, какъ у истиннаго поэта, больше всѣхъ было врожденнаго чутья къ требованіямъ искуства. Поэтому есть у него образцовыя мѣста и по языку. Но чѣмъ они окружены? Эта неровность прямо указываетъ на отсутствіе многихъ принадлежностей, необходимыхъ для писателя. Между тѣмъ въ Жуковскомъ слѣдуйте постепенно отъ одного стихотворенія къ другому, или отъ стиха къ стиху, или, если угодно, отъ одного слова къ другому: вездѣ вы чувствуете власть писателя и могущество поэта. Вмѣсто прежняго языка нашего, однотоннаго, упрямаго, неоконченнаго въ обработкѣ, является языкъ разнообразно музыкальный, подчиняющійся всѣмъ условіямъ, даже прихотямъ искуства, мягкій, гибкій, способный къ изображенію всѣхъ оттѣнковъ какъ вещественной такъ и духовной красоты.

Надобно прибавить еще замѣчаніе. Равносильный съ понятіями языкъ есть большое достоинство въ писателѣ, но съ нимъ не всегда соединяется чья-нибудь принадлежность исключительно, потому что каждый поэтъ, достигнувшій полнаго развитія въ искуствѣ, уже владѣетъ этимъ языкомъ, какъ необходимымъ орудіемъ для вѣрнаго проявленія своей мысли. Личная, самобытная его художественность обнаруживается въ способѣ употребленія языка, что̀ называется образованіемъ слога. Ежели слова значатъ то же, что отраженіе внутренняго міра поэта, то слогъ должно назвать движеніемъ, жизнію этого міра. Изъ общихъ элементовъ языка слогъ создаетъ такую необыкновенную рѣчь, что въ ней представляется намъ все оживленнымъ: и положеніе предметовъ, и освѣщеніе ихъ, и тѣни, и краски, и чувствуется особенная теплота, и болѣе выраженія. Безъ слога писатель то же, что человѣкъ безъ физіономіи: и всѣ части въ лицѣ—да вниманія остановить не на чемъ.

Слогъ Жуковскаго — кто его не знаетъ изъ Русскихъ? Онъ въ литературѣ то же, что въ живописи колоритъ и освѣщеніе Корреджіо. Слогомъ своимъ Жуковскій вполнѣ преобразовалъ нашу поэзію. Онъ сгладилъ самые слѣды Ломоносовскаго на нее вліянія, и до сихъ поръ остается прямымъ наставникомъ, недосягаемымъ образцомъ для поэтовъ русскихъ XIX столѣтія. Своимъ слогомъ, въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю это слово, онъ создалъ у насъ все въ новѣйшей поэзіи: живость разсказа, яркость описаній, граціозность положеній, голосъ чувствованій, игривость вымысловъ, блескъ выраженій, разнообразіе картинъ и краснорѣчіе поэтической истины. Самъ Пушкинъ сказалъ, что Жуковскій приготовилъ для него дорогу. Въ слогѣ Жуковскаго олицетворяется, живетъ и дѣйствуетъ все, что только коснется души его, или мелькнетъ передъ нею. Изъ-подъ его пера каждое слово выходитъ одушевленнымъ звукомъ, приноситъ сердцу еще неиспытанное ощущеніе и увлекаетъ его въ какой-то новый міръ невыразимой прелести. Нашъ языкъ въ его слогѣ получаетъ такую прозрачность, такую воздушную легкость, что, кажется, поэтъ нашелъ тайну все духовное свое богатство передавать намъ духовными же знаками.

V.

Какъ назвать эту неизмѣнную отличительность слога въ писателѣ, эту постоянную физіономію его, эту всегдашнюю самобытность его воспріемлемости впечатлѣній и возсозданія ихъ—достоинствомъ, или недостаткомъ? Ежели поэтъ, уступая пристрастію своему къ извѣстнымъ формамъ языка, къ однимъ и тѣмъ же оборотамъ, украшеніямъ и другимъ его особенностямъ, доходитъ до явной ограниченности въ самомъ выборѣ предметовъ и ихъ сферы; то и слогъ его, выказывая однообразное движеніе въ его внутреннемъ мірѣ, не можетъ не превратиться въ явный недостатокъ. Но какъ скоро поэту природа и жизнь во всѣхъ явленіяхъ своихъ равно доступны и отзываются въ душѣ его

тѣми ощущеніями, которыя мгновенно окружаютъ насъ живыми, разнообразными, неисчислимыми образами, картинами, звуками, положеніями и дѣйствіями; тогда его рѣзкій, вѣрный, самобытной слогъ есть высокое достоинство, какъ неизмѣнное вдохновеніе, все облекающее въ яркія краски, въ естественныя пропорціи, и придающее имъ полную выразительность. Во всѣхъ искуствахъ цѣнится дорого счастливая воспріемлемость разнообразныхъ впечатлѣній и съ нею видимая способность самобытно воспроизводить сообщаемое намъ природою, или идеею другого художника. Есть дарованія, особенно между музыкантами, до такой степени живо и легко воспринимающія характеръ и физіономію чужихъ произведеній, что, выполняя ихъ собственными силами, они каждому звуку, каждому его оттѣнку сообщаютъ всю прелесть мысли самого сочинителя. Но и посреди этого кажущагося самоотчужденія сильно слышится властвующій ими собственный характеръ, которымъ они и вступаютъ въ права дарованій самобытныхъ надъ слушателями. Безъ этой непобѣдимой силы души воспроизведеніе утратило бы жизнь и превратилось бы въ бездушную, мертвую копію.

Измѣняя предметы творчества, нельзя ли для каждаго изъ нихъ создать и новый слогъ? Не сообщитъ ли это разнообразіе еще болѣе прелести нашимъ произведеніямъ? На подобное усиліе наводятъ художниковъ нѣкоторые критики. Но въ теоріи ихъ, я предполагаю, больше недоразумѣнія, нежели истины. Само собою разумѣется, что разнородные предметы вызываютъ много разнообразія и въ ихъ проявленіи. Свѣтъ и тѣнь, движеніе и неподвижность, страсть и хладнокровіе, грація и дикость никогда у истиннаго поэта не окажутся въ одинаковыхъ краскахъ. Онъ сообщитъ имъ все, чѣмъ запечатлѣла ихъ природа. Но въ то же время надъ этою картиной, исполненною столь разнородныхъ красокъ, тѣней и выраженій, останется общій характеръ его душевной силы, его вкуса и его умонастроенія. Совокупность этихъ неизмѣнныхъ признаковъ творчества его выразитъ для насъ то, что мы привыкли называть его слогомъ.

У насъ были критики, которые огорчались, зачѣмъ Жуковскій переводитъ Гомера, рѣшивъ, что его талантъ былъ призванъ только для балладъ и подобныхъ имъ стихотвореній. Къ счастію, поэтъ болѣе повинуется воспріемлемости души своей, нежели указаніямъ доброжелательныхъ совѣтниковъ. Русскую литературу, благодаря эту чудную воспріемлемость Жуковскаго, обогатили и украсили теперь неувядающія созданія почти всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Мы получили ихъ не въ буквальныхъ, безжизненныхъ переводахъ, какъ другіе народы, а въ тѣхъ дышащихъ жизнію и красотою возсозданіяхъ, которыя, блескомъ и движеніемъ своимъ замѣняя природу, т. е. подлинники, послужили въ то же время и къ дальнѣйшему развитію въ безграничномъ искуствѣ великаго дарованія. На всякое отдѣльное произведеніе Жуковскаго можно смотрѣть какъ на отдѣльный маленькій міръ, въ которомъ хоть всегда по неизмѣнному слогу его узнаешь творца, но въ то же время выносишь оттуда душу полную новыхъ впечатлѣній, новыхъ думъ, и, къ удивленію своему, новаго русскаго языка. Какъ онъ достигаетъ всего этого? Неизъяснимо. Но кто умѣлъ погрузиться въ его поэзію, напримѣръ, Орлеанской Дѣвы, Ундины, Наля и Дамаянти, Рустема и Зораба и наконецъ Одиссеи, тотъ пойметъ слова мои. Еще можно растолковать себѣ, чѣмъ онъ властвуетъ до такой степени надъ душою нашей какъ поэтъ; но откуда беретъ онъ неистощимыя сокровища свои какъ писатель? Не всегда однакожe это есть слѣдствіе счастливаго только инстинкта. Вотъ что самъ поэтъ разсказываетъ объ усиліяхъ, когда приходилось ему творить языкъ для Одиссеи[1]): «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ, и работу искуства. Какая отдѣлка въ Виргиліи! Сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ всякое слово живописно, поставлено на своемъ мѣстѣ, и

---

[1]) «Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія». Стран. 132.

сколько отдѣльныхъ стиховъ, поражающихъ своею особенною прелестію! Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ: онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное, и лепечущій объ этомъ на груди своей кормилицы — природы. Это тихая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, чисто отражающая небо, берега и все, что на берегахъ живетъ и движется. Видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ, отражающій, какъ будто не существуетъ. Переводя Гомера, недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждаго стиха отдѣльно; ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь во всей его полнотѣ и свѣтлости. Надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго; и въ выборѣ словъ надобно соблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годно для Гомера. Все имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное здѣсь не у мѣста. Надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ того, что всѣ его употребляли, заимствуя его у праотца поэзіи. Надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтическій, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Поэтъ нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ кривлянье. Переводчикъ Гомера ничего не можетъ занять у поэтовъ нашего времени въ пользу божественнаго старика своего и его молоденькой музы. Относительно поэтическаго языка, я попалъ въ область *общихъ мѣстъ*, и изъ этихъ одряхшихъ инвалидовъ, всѣми уже пренебреженныхъ, надлежитъ мнѣ сдѣлать живыхъ, новорожденныхъ младенцевъ. Но какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадіомены, ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи. Въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ; въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой неза-

тѣйливости выраженія; въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскуственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ; ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически-могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе его, среди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній». Предоставляю судить всякому по этимъ соображеніямъ поэта, ясно ли онъ, какъ теоретикъ и критикъ, понимаетъ всѣ условія искуства своего, независимо отъ силы и глубины дарованія, котораго не пріобрѣтешь и не замѣнишь никакою ученостію. Читая эти строки, переселяешься въ его душу, и съ удивленіемъ, съ восторгомъ разсматриваешь, что́ переходитъ по тайнымъ ея обителямъ, прежде нежели она приступитъ къ своему дѣйствію. Какъ проникается эта душа цѣлостію предстоящаго ей труда! Какъ симпатически прикасается она къ самой легкой части образца своего! Какъ постепенно и вѣрно ея настроеніе уравнивается со всѣми принадлежностями изучаемаго творенія! Отсюда становится понятно, гдѣ писатель заимствуетъ столько художническихъ силъ для каждаго своего новаго возсозданія, столько оттѣнковъ языка, разнообразныхъ, но неизмѣнно вѣрныхъ истинѣ, и столько неизмѣнности въ независимомъ своемъ слогѣ!

VI.

Самое обыкновенное и почти общее обвиненіе падало на поэта нашего за то, что онъ болѣе переводилъ, нежели сочинялъ. Тѣ, которые принимались защищать его въ этомъ отношеніи, всѣ согласно отвѣчали, что переводить такъ, какъ переводитъ Жу-

ковскій, значитъ не менѣе, какъ и сочинять. Послѣ отвѣта, столь справедливаго и единогласнаго, можно бы уже и не касаться этого вопроса. Но я не считаю за лишнее прибавить еще вопросъ: какой характеръ получила бы поэзія наша съ XIX столѣтія, если бы Жуковскій, вмѣсто представленныхъ имъ переводовъ, обогащалъ литературу одними собственными сочиненіями? Мы съ энтузіасмомъ твердимъ патріотическое его стихотвореніе: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ»; съ умиленіемъ повторяемъ народную балладу: «Свѣтлану»; съ гордостію читаемъ героическое «Посланіе къ императору Александру»; мы съ благоговѣйнымъ трепетомъ выучили наизусть священные уроки, съ такимъ высокимъ вдохновеніемъ изложенные въ «Элегіи на кончину королевы Виртембергской Екатерины Павловны»; намъ знакомы всѣ восхитительныя его описанія картинъ природы, такъ обильно и ярко украшающія разныя стихотворенія его; душѣ нашей стали какъ родныя эта мечта и эта меланхолія, безотлучныя спутницы его романсовъ, балладъ и прочихъ стихотвореній, глубоко-трогательныхъ, воздушно-легкихъ, задумчиво-игривыхъ и небесно-таинственныхъ: конечно, уже и тутъ, для души, рожденной съ поэтическою воспріимчивостію, образовалось нѣсколько чудныхъ, стройныхъ, исполненныхъ жизни и гармоніи маленькихъ міровъ. Неутомимая дѣятельность поэта, неотступно носящееся надъ нимъ вдохновеніе, могущество дарованія, ясное постиженіе истинныхъ красотъ избираемаго предмета, власть надъ языкомъ, способнымъ до безграничнаго развитія въ формахъ, звукахъ и оттѣнкахъ, наконецъ этотъ волшебный слогъ, вѣнецъ и печать поэта нашего, раздвинули бы широко область самобытной русской поэзіи — и наше народное самолюбіе во многомъ было бы удовлетворено пріятнѣе, нежели теперь.

Но при этомъ ходѣ поэзіи нашей вѣрнѣйшій выигрышъ достался бы только самому поэту, а не русской литературѣ. Его превознесли бы какъ оригинальнаго поэта, украсили бы наименованіемъ народнаго пѣвца, или русскаго барда, и ему радостно было бы, что иностранцы наперерывъ переводятъ стихотворенія

его. Между тѣмъ, въ широкихъ размѣрахъ своихъ, въ плодотворномъ обиліи красотъ, въ совмѣщеніи столь поучительныхъ судебъ, явленій фантазіи и исторіи разныхъ народовъ, эпохъ и мѣстности, двинется ли поэзія волею, силою и дарованіемъ одного человѣка по всѣмъ направленіямъ, какія ей были указаны цѣлымъ сонмомъ вдохновенныхъ дѣйствователей? Это невозможно. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ состояніе русской поэзіи во второй половинѣ XVIII столѣтія. Ломоносовъ, ограничившій поэтическое поприще свое оригинальными одами, заперъ въ немъ геніальнаго Державина. И Жуковскій, указавъ послѣдователямъ своимъ новые пути, велъ бы ихъ за собою, но не далѣе предѣла своихъ опытовъ и своей сферы. А міръ искуства безграниченъ, повсюду новъ и прекрасенъ; его дивныя творенія неистощимо-назидательны, и только въ полномъ ихъ объемѣ постижима таинственная сила души человѣческой. Кому сталъ доступенъ этотъ міръ, тотъ стремится передать о немъ идею. Мелкое самолюбіе исчезаетъ предъ этимъ величіемъ. Онъ собираетъ силы свои для служенія человѣчеству. Такъ, по моему мнѣнію, изъ Жуковскаго-сочинителя образовался Жуковскій-переводчикъ. Онъ, можетъ быть, какъ и всегда случается въ дѣлѣ увлеченія, безсознательно, незамѣтно для самого себя, принесъ въ жертву нашимъ выгодамъ всѣ успѣхи собственнаго своего генія. Но къ его и нашему счастію, онъ вышелъ здѣсь изъ битвы съ полною славою для себя и съ великою пользою для насъ.

О неувядаемой славѣ Жуковскаго пора уже перестать заботиться. Она достойно увѣнчала жизнь его чистою любовію и неизмѣнною благодарностію многихъ поколѣній въ отечествѣ, а судъ иностранцевъ давно приговорилъ ему почетное названіе первокласнаго русскаго поэта. Что касается до принесенной имъ пользы литературѣ нашей, одни близорукіе или мелко-эгоистическіе критики захотѣли бы нынѣ промѣнять то, что совершилъ Жуковскій-переводчикъ, на то, чего мы не получили отъ него, какъ отъ сочинителя. Изъ его поэзіи мы приняли въ душу и, какъ что-то собственное, какъ что-то родное, усвоили умственной

жизни нашей все, все, чѣмъ такъ идеально-прекрасна поэзія Германіи и Англіи, что спасено лучшаго отъ старыхъ временъ Испаніи, что такъ свято хранитъ съ незапамятныхъ временъ отдаленный Востокъ, и чѣмъ навѣкъ оставили насъ, европейцевъ новыхъ, въ своей власти Римъ и Греція, отжившіе свою исторію, но неизмѣнно юные своею классическою красотою. Не по именамъ авторовъ и не по заглавіямъ книгъ, не по однѣмъ скуднымъ выпискамъ и не по уродливымъ переводамъ русскій умъ судитъ, а русское сердце чувствуетъ, какъ жили и дѣйствовали до гроба вѣрные святымъ обѣтамъ рыцари, какъ горятъ, играютъ и разсыпаются яркіе лучи фантазіи въ краяхъ Ирана и на берегахъ Ганга, и въ чемъ заключена патріархальная прелесть странствующихъ героевъ, благоденствующихъ народовъ, семейныхъ празднествъ и торжественныхъ игръ классическаго міра. Мы это все живо почувствовали, потому что поэтъ нашъ внесъ въ нашъ языкъ не простыя понятія о предметахъ, а воскресилъ самую жизнь, которая навсегда останется достояніемъ литературы нашей.

Неудивительно, что, вслѣдъ за появленіемъ первыхъ стихотвореній Жуковскаго, въ такомъ числѣ явились замѣчательныя и разнообразныя произведенія новыхъ талантовъ. Оживленіе литературы нашей для всѣхъ было тогда ощутительно. Теперь мы уже смотримъ на это, какъ на явленіе обыкновенное. Все, что было тогда новымъ для каждой отрасли словесности, наконецъ пригляделось. Но къ чему не привыкаютъ глаза, умъ и самое сердце? Одна исторія признательна къ истиннымъ заслугамъ. На своихъ скрижаляхъ, какъ спасительный урокъ, она хранитъ и передаетъ отдаленному потомству имена и дѣла, достойныя памяти. Между тѣмъ, если не въ назиданіе другимъ, по крайне мѣрѣ для собственнаго соображенія, я попытаюсь пройти этотъ путь трудовъ нашего руководителя, съ которымъ такъ часто въ жизни каждому изъ насъ приходилось бесѣдовать или совѣтоваться.

VII.

Первому стихотворенію, напечатанному осьмнадцатилѣтнимъ юношею, суждено было начать у насъ счастливый переворотъ въ поэзіи. Въ 1802 году Жуковскій перевелъ Гресву элегію «Сельское Кладбище», посвятивъ ее пансіонному товарищу своему и другу, Андрею Ивановичу Тургеневу, который въ слѣдующемъ году скончался. Выборъ стихотворенія, посвященіе его и преждевременная кончина того, чье имя поставлено было въ его заглавіи, все здѣсь располагаетъ душу къ особенному размышленію.

Англійской поэтъ Грей (Thomas Gray) немного написалъ стихотвореній. Хотя они принадлежатъ къ числу произведеній высокаго дарованія, но имя поэта, по малочисленности сочиненій его, для большинства читателей оставалось малоизвѣстнымъ. Въ молодомъ иностранцѣ, который съ перваго раза увлекся его стихами, нельзя не предположить самой тонкой разборчивости и сочувствія въ душѣ къ автору, не образовавшему извѣстной всѣмъ школы, не современному, потому что со смерти Грея прошло тогда ровно тридцать лѣтъ. Изъ-подъ вліянія стиховъ, которые у насъ писаны были языкомъ по большой части изысканно-возвышеннымъ, отъ направленія поэзіи торжественной и громкой, Жуковскій, одиноко, но свободно и независимо, пошелъ по новому пути, избранному его вдохновеніемъ и природнымъ вкусомъ. Умъ его и сердце полюбили въ искуствѣ прежде всего художественную истину, которая жизни нашей, нашимъ мыслямъ и чувствованіямъ, картинамъ природы и самаго воображенія сообщаетъ неизъяснимую прелесть, поэзію вѣчную, неподвластную прихотямъ времени и мѣста. Для искуства, переведеннаго въ эту новую область, естественно образовался и новый языкъ, вѣрный истинѣ, природѣ и жизни самыхъ предметовъ, изъ которыхъ поэтъ составлялъ свои картины.

Разбирая начало и ходъ тогдашней во всемъ перемѣны, я не нахожу въ этомъ явленіи ничего преднамѣреннаго или выве-

деннаго изъ теоріи. Оно вышло прямо изъ души человѣка, родившагося художникомъ и свободнаго отъ посторонняго вліянія, слѣдовательно просто и легко. Но поэтъ сознаъ свое счастіе и поспѣшилъ раздѣлить его съ другимъ сердцемъ, равно чуткимъ и одареннымъ его воспріимчивостію. Радость его подобна была сладкому трепету первой любви, о которой только съ другомъ и можно говорить. Самое появленіе «Сельскаго Кладбища» въ печати не безъ значенія для характеристики поэта. Жуковскій отдалъ его въ «Вѣстникъ Европы». Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ въ сочиненіяхъ своихъ, уже въ 1838 году (V. 479), онъ тотчасъ прибавляетъ: «Вѣстникъ Европы», въ 1802 и 1803 г., былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ». Это не простое библіографическое извѣстіе. Въ своемъ посланіи къ И. И. Дмитріеву (IV. 137), поэтъ изображаетъ Карамзина слѣдующими чертами:

«О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный Ангелъ обиталъ...

«Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ».

По всему видно, въ какомъ особенномъ духѣ развивалась эта поэзія, и какое новое приняла она направленіе. Между тѣмъ судьба не замедлила примѣшать въ нее своихъ тѣней. Потеря друга, перваго участника въ чистой радости, глубоко проникнула въ сердце поэта. Другой міръ, куда переселился наперсникъ меланхолической музы, сталъ ему какъ бы знакомѣе. Сліяніе всего, что *здѣсь* и *тамъ* способно питать задумчивость души, увлекать воображеніе, наполнить сердце святыми радостями и говорить мечтѣ свѣтлыми, лучшими видѣніями, образовало для Жуковскаго источникъ вдохновенія, чисто христіанскаго, безъ примѣси украшеній, наслѣдо-

ванныхъ отъ древнихъ писателей. Предметы и чувствованія, проникающія душу высокими помыслами о Богѣ, о вѣрѣ, о безсмертіи души, о другой жизни, заступили мѣсто изображенія земныхъ суетныхъ благъ и величій.

VIII.

Къ первому стихотворенію своему Жуковскій сохранилъ замѣтную привязанность. Оно для насъ и для него, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послужило программою поэтической его дѣятельности. Бывши въ Англіи, спустя тридцать семь лѣтъ послѣ перевода этой элегіи, онъ снова принялся за нее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ писалъ ее Грей, и подарилъ намъ второй ея переводъ, самый уже близкій къ подлиннику. Сравнивая оба перевода, убѣждаешься особенно въ томъ, что подлинникъ, усвоенный воспріимчивою душою нашего поэта, никогда не терялъ для него ни одной характерной черты изъ полной своей поэтической прелести, сколько бы разъ и въ какую бы форму ни обдѣлывалъ его художникъ на родномъ языкѣ своемъ. И это неизъяснимое пересозданіе не покидало Жуковскаго во всю его жизнь. Изъ явленій вещественной природы всего ближе подходитъ къ этому художественному явленію прозябаніе и развитіе чуть видимаго зерна, изъ котораго лоно земли такъ неизмѣнно выводитъ пышный цвѣтъ и роскошный плодъ. Мы, обыкновенные люди, читая иностранныя слова, довольствуемся ихъ смысломъ, замѣняя каждое изъ нихъ своимъ равносильнымъ словомъ. Это и есть обыкновенно-называемый переводъ. Но для Жуковскаго, когда онъ читалъ слова, прежде всего являлся самъ писатель, котораго состояніе души онъ постигалъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ оттѣнкахъ, во всѣхъ переливахъ мыслей и чувствованій. Его внутреннею жизнію начиналъ онъ жить прежде, нежели принимался за обмѣнъ его словъ на свои слова. Природа надѣлила его всѣми дарами, отличающими душу поэта отъ души простого человѣка: итакъ ему легко было постигнуть и почувствовать дѣйствительную степень, истинный

характеръ, все кругообращеніе творчества, за которымъ наконецъ слѣдуютъ слова, только и получающія цѣну свою отъ того, что́ имъ предшествовало въ душѣ поэта. Проживши недостижимыя намъ минуты вдохновенія, онъ весь наполненъ былъ готовыми звуками, за которыми и надобности не чувствовалъ возвращаться къ подлиннику, потому что всякое сильное, живое, ясное ощущеніе есть уже готовое и лучшее слово.

Отсюда произошла эта странность, которая не могла не поражать насъ въ сужденіяхъ о переводахъ Жуковскаго. Онъ, какъ я замѣтилъ, не слова́ переводилъ, а возсоздалъ жизнь, или, вѣрнѣе сказать, мгновеніе творчества. Кто способнѣе былъ къ постиженію столь вѣрнаго и вмѣстѣ рѣдкаго повторенія такихъ явленій, тотъ съ какимъ-то изумленіемъ чувствовалъ близость перевода; а кто сравнивалъ одни слова подлинника со словами перевода, тотъ не оставался удовлетвореннымъ. Вотъ почему нѣкоторые изъ такъ называемыхъ ученыхъ эллинистовъ, съ лексикономъ въ рукахъ провѣряя Одиссею Жуковскаго, указывали на слова, обойденныя или другими замѣненныя имъ въ переводѣ. Они не обратили вниманія на приведенное мною мѣсто въ отчетѣ поэта объ этомъ трудѣ его: «у Гомера нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь во всей его полнотѣ и свѣтлости». Такъ и всегда Жуковскій дѣйствовалъ: жаръ и силу внутренней жизни, составляющей дѣйствительную поэзію всякаго произведенія, охранялъ онъ отъ малѣйшаго ослабленія, восполняя красоту ея, блескъ, движеніе и свѣжесть собственнымъ сочувствіемъ, а не бездушною вѣрностію подстрочнаго перевода. Два раза входя въ настроеніе души Грея, ни одною чертою не измѣнилъ онъ того впечатлѣнія, которымъ наполняется сердце читателя, вполнѣ способнаго сочувствовать подлиннику. Это тѣмъ болѣе поразительно, что первый переводъ принадлежитъ человѣку въ осьмнадцать лѣтъ, а второй въ пятьдесятъ семь. Можно по этому судить, сколько поэтической силы сообщено было душѣ его и какъ она нормально сохранилась, не уступивши никакимъ внѣшнимъ противодѣйствіямъ времени, мнѣній и вкуса.

Самъ поэтъ созналъ одно различіе между первымъ и вторымъ трудомъ своимъ: онъ сказалъ, что въ послѣднемъ ближе подошелъ къ подлиннику. Не надобно впрочемъ принимать этихъ словъ въ смыслѣ обыкновенномъ: его близость опредѣляется болѣе видимымъ выраженіемъ внутренней красоты подлинника, живѣйшимъ сочувствіемъ съ каждымъ движеніемъ души поэта. Къ этой новой степени совершенства естественно привели переводчика самая опытность его въ искуствѣ, новыя разочарованія въ жизни и особенно магическое вліяніе мѣста, такъ меланхолически настроившаго творца элегіи. Жуковскій, напримѣръ, въ первый разъ сказалъ такъ:

«И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Это глубоко-поэтическое чувство, живо проникнувшее въ юношескую душу, еще сильнѣе овладѣло ею и звучнѣе отозвалось въ слѣдующихъ стихахъ того же поэта, приблизившагося къ старости:

......................................«И кто же.
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ, и съ цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда?»

IX.

Назвавши «Сельское Кладбище» какъ бы программою поэзіи Жуковскаго, я не думалъ подвести всѣ его стихотворенія подъ одинъ элегическій родъ: ихъ разнообразіе, со стороны изображаемыхъ предметовъ, настроенія души поэта, объема картинъ, движенія мыслей и ощущеній, силы языка, богатства стихотвор-

ныхъ формъ и прочихъ принадлежностей искуства, такъ извѣстно каждому, кто изучалъ его, что подобное предположеніе никому не можетъ прійти въ голову. «Сельское Кладбище», какъ литературное явленіе, по моему мнѣнію, опредѣлительно и рѣзко высказываетъ слѣдующія общія истины:

1) Изъ поэтическаго міра вещественной и духовной природы только то можно воспроизвести въ дѣйствительно-художественномъ совершенствѣ, что̀ усвоено собственною душою поэта.

2) Какъ ни велико разстояніе отъ простыхъ предметовъ ежедневнаго быта до разнообразныхъ созерцаній ума и воображенія, всѣ они становятся равно поэтическими и плодотворно воспринимаемы бываютъ нашею душою, когда изящное искуство вполнѣ выразитъ поэтическую истину какъ о̀браза ихъ для чувствъ, такъ и характеристической красоты ихъ въ общей жизни и высшаго значенія ихъ для мысли и сочувствія.

3) Для произведеній поэзіи, состоятъ ли они изъ картинъ, или изъ идей, есть въ природѣ, а слѣдовательно и въ душѣ истиннаго художника, извѣстный объемъ, изъ котораго не должны выходить они ни размѣромъ своихъ очертаній, ни значеніемъ выраженій.

4) Самобытный поэтъ, какъ на собственныя созданія, такъ и на воспроизводимыя имъ по идеямъ предшественника своего, налагаетъ неизгладимые слѣды того вѣрнаго предмету настроенія духа, которое болѣе всего сообщаетъ сочиненію неизмѣнную цѣнность его.

5) Истинная поэзія, какъ непосредственное воспріятіе душою тѣхъ разнообразныхъ красотъ природы и жизни, которыя неисчерпаемы и неизмѣнны, не теряетъ своего могущества и вліянія при всѣхъ перемѣнахъ, совершающихся въ гражданскихъ обществахъ.

6) Языкъ великаго писателя, понятный всѣмъ и повидимому всѣми употребляемый, есть тайная, никому не доступная сила его, которою онъ сперва вноситъ въ душу свою счастливѣйшія явле-

нія физическаго и духовнаго міра, а потомъ подчиняетъ себѣ мысли и страсти читателей.

Эти истины, какъ видимыя положенія, выведены мною изъ перваго стихотворенія Жуковскаго. Нельзя не чувствовать ихъ во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ. Вотъ что заставило меня назвать разсматриваемую элегію какъ бы программою будущихъ трудовъ его. Странно было бы утверждать, что онъ дѣйствительно сочинилъ свою теорію поэзіи и слѣдовалъ ей. Она была врожденнымъ его чувствомъ, которому онъ естественно подчинился и отступленія отъ котораго не нашелъ для себя нужнымъ, тѣмъ болѣе, что оно доставило ему самое обширное поле дѣятельности и къ великому счастію нашему сохранило его отъ вліянія образцовъ, недостойныхъ быть въ обществѣ съ возвышенно-чистою его музою.

Пятидесятилѣтіе поэтической его дѣятельности, по общему на землѣ закону, представляетъ свои періоды. Но такъ какъ духовное начало во всю жизнь нашего поэта могущественнѣе и постояннѣе въ немъ высказывалось, нежели матеріальное (это и сообщило его поэзіи и самому языку его характеръ по преимуществу идеальный), то и постепенность въ литературной дѣятельности его означается линіею только возвышающеюся, то есть, болѣе замѣтнымъ успѣхомъ въ оцѣнкѣ идей, изящества, положеній, страстей, характеровъ, дѣйствій, картинъ и — главное — тѣхъ напечатлѣній, которыя такъ неизгладимо остаются послѣ великаго писателя на многихъ поколѣніяхъ. Разительно подъемлющійся рядъ произведеній его открываетъ въ немъ, сверхъ поэтическаго дарованія, тотъ критическій умъ, которому не безъ причины удивлялся еще Пушкинъ. Въ строгомъ анализѣ разнохарактерныхъ памятниковъ всемірной литературы, онъ не безъ основанія избиралъ для усвоенія родному языку то одинъ изъ нихъ, то другой: не давность и не мѣстность опредѣляли ему права ихъ на вниманіе и предпочтеніе, а глубокій ихъ смыслъ для человѣчества. И вотъ гдѣ изъясненіе, отчего тихая кончина застала за Иліадой и высокою христіанскою поэмой того

почти семидесятилѣтняго старца, который въ первой юности своей писалъ элегіи и баллады.

X.

Съ нѣкотораго времени повторяется мысль, что поэтъ есть выраженіе того общества, посреди котораго онъ дѣйствуетъ. Мнѣ кажется, это не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо. Общество и поэтъ часто находятся на разныхъ степеняхъ умственной дѣятельности. Не всегда жизнь современниковъ вноситъ любимые свои интересы въ душу поэта, котораго дарованіе и высшій умъ ставятъ въ положеніе отдѣльное и независимое. Изъ писателей конечно многіе заботливо высматриваютъ, чѣмъ охотнѣе занимается общество, и поспѣшно возвращаютъ ему отъ него же принятое. Но есть мыслители, которые повидимому посланы Провидѣніемъ, чтобы вести общество къ постиженію высшихъ идей, болѣе достойныхъ назначенія человѣчества. Поэтъ, принадлежащій къ этому разряду существъ, не будетъ выраженіемъ общества. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что истинные поэты всегда сохраняли независимость въ выборѣ предметовъ и въ сужденіяхъ своихъ. Это и было причиною, что на нихъ повсюду смотрѣли, какъ на провозвѣстниковъ новыхъ истинъ. Я приведу здѣсь краснорѣчивыя и полныя убѣжденія слова Жуковскаго объ этомъ предметѣ [1].

«Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободно. Утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть. Всякое *намѣреніе* произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное, или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость и неловкость—тогда, какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости,

---

[1]) Москвитян. 1848. № 4. Отдѣл. IV, стр 20.

летать между небомъ и землею, все посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ этотъ чистый эѳиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью. Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, несвободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что онъ самъ, то будетъ и его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и *самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отрава, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной»*.

Удивительно, какъ особенно справедливы послѣднія слова поэта. Заключающаяся въ нихъ истина, будто инстинктъ, повсюду вызываетъ отвращеніе отъ происковъ соблазна, представляемаго читателямъ нечестивою рукою. Никакія усилія, никакія хитрости еще нигдѣ не обманули внутренняго, врожденнаго человѣку чувства, по которому онъ, какъ бы всемірнымъ голосомъ предостерегаемый, съ негодованіемъ отбрасываетъ лживыя поученія, искусно и усердно разсыпаемыя самымъ опытнымъ притворствомъ. И потому-то въ литературахъ еще не было примѣра, чтобы не только современники, даже поздніе потомки, въ противность закону истины, воздали равныя почести уваженія и благодарности писателямъ, осквернявшимъ своею хвалою правду и чистоту, наравнѣ съ писателями, которые столько же своею жизнію, какъ и сочиненіями, освятили и чистоту и правду. Одна книга, часто даже одна мысль, благодатно явившаяся, увѣковѣчиваетъ достойное имя, а груды изданій и несчетные томы предаются забвенію. Есть въ душѣ нашей что-то сходное съ цѣломудріемъ, удерживающее насъ отъ самаго произнесенія имени недостойныхъ. Все это приводитъ къ одному общему заключенію: писатель пріобрѣтаетъ власть надъ умами и раздѣляетъ съ государственными людьми титло полезнаго обществу сановника не массою напечатанныхъ сочиненій, не разнообразіемъ изложенныхъ предметовъ, но всѣми признаннымъ, недвусмысленнымъ *достоин-*

ствомъ слова, которое остается памятникомъ достоинства души его. Не могу удержаться, чтобы не повторить еще Жуковскаго, изображавшаго писателей, которыхъ отличительнымъ качествомъ жизни и сочиненій было это *достоинство*, такъ свято сохраненное самимъ поэтомъ нашимъ.

«Съ благодарностію сердца (пишетъ онъ [1]) укажу на нашего современника Вальтеръ-Скотта. Поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія, онъ будетъ жить во всѣ времена благотворителемъ души человѣческой. Какой разнообразный міръ охваченъ его геніемъ! Онъ до всего коснулся, отъ самаго низкаго и безобразнаго, до самаго возвышеннаго и божественнаго, и все изобразилъ съ простодушною вѣрностію, нигдѣ не нарушилъ съ намѣреніемъ истины, нигдѣ не оскорбилъ красоты, во всемъ удовлетворилъ требованіямъ искуства. Но посреди этого очарованнаго міра, самое очаровательное есть онъ самъ — его свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа. Ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышится такъ легко, освѣжительно и цѣлебно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги. Съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь, какое назначеніе души твоей. Онъ представляетъ тебѣ во всей наготѣ и зло и развратъ; но ты ими не заражаешься: съ тобою сквозь толпу очумленную идетъ проводникъ, заразѣ ея недоступный и тебя сопутствіемъ своимъ берегущій. Цѣль художественнаго произведенія достигнута: ты былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ, смѣялся, плакалъ—словомъ, ты насладился красотою созданія поэтическаго; но въ то же время душа твоя проникнута довольствомъ другого рода: она вполнѣ спокойна, какъ будто болѣе утвержденная въ томъ, что все ея лучшее вѣрно. Съ такою же благодарностію сердца укажу на Карамзина, котораго непорочная душа прошла по землѣ, какъ ангелъ свѣта, и отъ котораго осталось отечеству, въ созданной имъ его Исторіи, вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь

[1]) Тамъ же.

ко благу и правдѣ, на благоговѣніе передъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ».

Кто приметъ смѣлость доказывать, что эти люди своими чувствованіями, своимъ воззрѣніемъ на міръ и доблестями жизни своей были обязаны внушеніямъ современнаго общества, въ нихъ отразившагося? Нѣтъ: ихъ призваніемъ было нравственное, умственное и эстетическое возвышеніе тѣхъ, которые жили въ одно время съ ними. Изъ глубины души своей, чистой и возвышенной, изъ плодотворныхъ своихъ размышленій, независимыхъ и свѣтлыхъ, изъ сокровищницы многолѣтняго ученія и доведенныхъ до совершенной зрѣлости знаній извлекли они то, что́ такъ вознесло ихъ надъ современниками, для которыхъ они во всемъ служили примѣромъ.

XI.

То же надобно сказать и о Жуковскомъ. Ни при началѣ, ни въ срединѣ, ни при концѣ поприща своего не увлекался онъ господствующими мнѣніями, вкусомъ или направленіемъ современной литературы. Въ его поэзіи постоянно отражается не общество, посреди котораго жилъ онъ, а собственная душа его, проникнутая возвышенными помыслами о своемъ назначеніи. Онъ велъ только избранное общество къ той таинственной цѣли, на которую безпрестанно обращены были вдохновенные его взоры. Неутомимый художникъ, вѣрный своему призванію, онъ не обходилъ ничего, въ чемъ чувствовалъ поэзію. Рисуя природу всѣхъ климатовъ неподражаемо-яркими, живыми красками, и сливаясь душою съ трепетными ощущеніями поэтическихъ лицъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, онъ окружалъ насъ чудною прелестію картинъ, историческихъ характеровъ, темныхъ преданій, своенравныхъ образовъ фантазіи и миѳологіи. И между тѣмъ, изъ его сердца, бьющагося восторгомъ и вдохновеніемъ, лились эти столь намъ знакомые звуки, отъ которыхъ во всемъ пробуждалась гармоническая жизнь, сіяла неземнымъ свѣтомъ и влекла къ себѣ обаятельнымъ выра-

женіемъ. Возьмите, какого угодно, иностраннаго поэта, котораго давно вы знаете и любите: начавши читать переводъ Жуковскаго, вы не оторветесь отъ него, и кончите тѣмъ, что переводчика полюбите болѣе. Въ самое близкое воспроизведеніе лучшихъ мѣстъ онъ умѣетъ внести изъ души своей что-то столь симпатическое съ вашею душею и овладѣвающее сердцемъ вашимъ, что впечатлѣніе, съ которымъ не разстанетесь вы никогда, будетъ принадлежать одному ему.

Ничѣмъ яснѣе не могу я доказать истины послѣднихъ словъ моихъ, какъ представивъ здѣсь какое-нибудь изъ стихотвореній, переведенныхъ Жуковскимъ, и подстрочный переводъ подлинника съ третьимъ переводомъ, который возьму изъ поэта, пользующагося общимъ уваженіемъ.

Подстрочный переводъ.

«Вы приступаете снова, колеблющіеся образы,
Которые рано нѣкогда унылому взору показались!
Попытаюсь ли васъ нынѣ удержать?
Чувствую ли я сердце мое еще склоннымъ къ тому мечтанію?
Вы толпитесь: хорошо; дѣйствуйте же
Такъ, какъ вы изъ облаковъ и тумана около меня возникаете!
Моя грудь чувствуетъ себя юношески потрясенною
Магическимъ дыханіемъ, которое обвѣваетъ вашу толпу.

«Вы приносите съ собою картины радостныхъ дней,
И много любезныхъ тѣней является мнѣ:
Подобно древней полузамолкшей сагѣ
Возстаютъ вмѣстѣ первая Любовь и Дружба:
Горесть возобновляется; Жалоба повторяетъ
Лабиринтно-блуждающее теченіе жизни
И называетъ милыхъ, которые, въ прекрасныхъ часахъ
Судьбою обманутые, отъ меня исчезли.

«Онѣ не слышатъ слѣдующихъ пѣсней,
Тѣ души, которымъ я пѣлъ первыя;
Разсѣялась дружеская толпа;
Замолкъ, увы, первый отголосокъ.
Моя пѣснь звучитъ незнакомой толпѣ:

Самое одобреніе ея стѣсняетъ мое сердце,
И всѣ тѣ, которые прежде радовались моей пѣсни,
Если они еще живы, блуждаютъ, разбросанные по свѣту.

«И мною овладѣваетъ давно забытое стремленіе
Къ тому тихому, важному царству духовъ;
Вотъ несется въ неопредѣленныхъ звукахъ
Моя лепечущая пѣснь, подобная эоловой арфѣ;
Трепетъ объемлетъ меня; слеза падаетъ за слезою;
Суровое сердце, оно чувствуетъ себя нѣжнымъ и умиленнымъ;
Чѣмъ я владѣю, то вижу какъ бы въ дали,
А что исчезло, то становится дѣйствительностію.»

Переводъ М. П. Вронченка.

«Вы носитесь передо мною снова,
Неясныя видѣнья раннихъ дней!
Рѣшусь ли васъ облечь въ одежду слова?
Найду ли прежній пылъ въ груди моей?
Вы неотступны? Чтожъ? Душа готова
Пожить и нынѣ средь былыхъ гостей;
Волшебная, примчавшая васъ сила
Въ нее опять жаръ юности вселила.

«Вы время мнѣ напомнили златое,
И много милыхъ призраковъ встаетъ:
Вотъ, какъ преданье старины святое,
Любовь и Дружба первыя; но вотъ
И Грусть о всемъ, чѣмъ бытіе земное
Изукрашало прежде свой полетъ—
О тѣхъ друзьяхъ, что ужъ къ послѣдней цѣли,
Обмануты надеждой, отлетѣли!

«Да, тѣ моихъ не слышатъ новыхъ пѣній,
Чей слухъ начальнымъ пѣніямъ внималъ:
Разсѣянъ кругъ ихъ отъ мірскихъ волненій;
Ихъ отголосокъ дружній замолчалъ;
Пою для чуждыхъ сердцу поколѣній,
Боюсь, имъ чуждый, самыхъ ихъ похвалъ;
Друзьямъ же какъ почтить меня хвалою?
Кто живъ, тотъ брошенъ далеко судьбою!

«И въ міръ безплотныхъ, въ свѣтлый край свой отчій
Летитъ душа, давнишнихъ думъ полна;
Какъ арфы стонъ эоловой въ часъ ночи
Струится съ лиры пѣснь, едва слышна;
Трепещетъ грудь; отъ слезъ чуть видятъ очи;
Суровость сердца грустью смягчена;
Все сущее мнѣ зрится отдаленнымъ,
А все былое — вновь осуществленнымъ.»

Переводъ В. А. Жуковскаго.

«Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній,
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!....
Приди жъ, о другъ; дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

«Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, отнявъ, назадъ не отдастъ,
Тѳ все опять душа моя узнала:
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

«Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ;
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра,
Не имъ поетъ задумчивая лира.

«И снова въ темномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,

Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Отжившее — какъ прежде оживленнымъ.»

При чтеніи стиховъ Жуковскаго остается въ душѣ два впечатлѣнія: удивляешься столь вѣрному и непринужденному усвоенію прекрасныхъ мыслей подлинника, и въ то же время наслаждаешься незаимствованными красотами этой поэзіи его, которой никто не могъ ему внушить, кромѣ собственной души его, и которая въ незаимствованномъ образѣ переселяется въ сердце наше со всѣмъ своимъ очарованіемъ, новымъ и неизмѣннымъ. Чѣмъ совершеннѣе подлинникъ, увлекшій его, тѣмъ могущественнѣе и независимѣе возникнетъ надъ нимъ другое созданіе, столь же самобытное въ прекрасной своей жизни, какъ часто подлѣ отца является сынъ, полный мужества и самостоятельности, сохраняя всѣ лучшія его черты.

XII.

Когда я говорю, что Жуковскій, повинуясь внушеніямъ дарованія своего, не думалъ объ угожденіи современнымъ требованіямъ вкуса, это не значитъ, что онъ не слѣдовалъ за направленіемъ общества и не зналъ о состояніи умственной его дѣятельности. Какъ гражданинъ, какъ ученый и какъ поэтъ, онъ, по выраженію Пушкина, *стоялъ съ вѣкомъ наравнѣ.* Но, будучи существомъ высшаго разряда во всѣхъ отношеніяхъ, онъ помнилъ и строго соблюдалъ обязанности *святѣйшаго изъ званій: человѣкъ* (его собственное выраженіе). Онъ высказывалъ обществу непреложныя, высокія истины; въ новой прелести возвращалъ ему то, что въ современной жизни образовалось прекраснаго, и не въ славѣ или выгодѣ, а въ одной сладости труда видѣлъ цѣль умственныхъ своихъ занятій. Понятія о поэзіи столь высокія и правила жизни столь строгія не сообщили художническимъ его трудамъ ни скуч-

наго однообразія, ни холоднаго принужденія. Онъ яснѣе всѣхъ понималъ и живѣе всѣхъ чувствовалъ, что поэтическая красота въ своихъ видоизмѣненіяхъ безконечна. Это самое убѣжденіе и влекло его къ лучшимъ созданіямъ разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ. Послѣ Греевой элегіи онъ перевелъ Лафонтенову басню «Сонъ Могольца», которой первая половина, т. е. самый разсказъ вымысла, не только не зарождаетъ меланхолическихъ или грустныхъ думъ, но веселитъ, даже смѣшитъ читателя. И какая открылась въ переводчикѣ способность къ отдѣлкѣ этой комической красоты! Тутъ переселяешься въ новый міръ. Я часто сравнивалъ съ переводомъ Жуковскаго переводъ этой же басни другого поэта нашего, современника его и друга. Ни одна ученая критика не давала мнѣ чувствовать всего разстоянія между ними, какъ это сравненіе. Только подобный случай и могъ вполнѣ высказать ихъ различіе какъ писателей и какъ поэтовъ. У Жуковскаго ни на чемъ и слѣда не осталось принужденности въ трудѣ и подчиненности подлиннику; у Батюшкова каждый стихъ отзывается переводомъ. Ясно, что вѣрность перевода и даже мастерская отдѣлка стиховъ еще не все значатъ для искуства: есть въ немъ внутренняя жизнь, которой непостижимаго, но ощущаемаго нами дѣйствія и опредѣлить не можетъ самый усиленный анализъ. Ее-то и вноситъ Жуковскій въ переводы свои.

Прикоснувшись такъ удачно въ самомъ началѣ трудовъ своихъ до обѣихъ оконечностей изящнаго, до этихъ мысленныхъ точекъ искуства, хотя противоположныхъ, но равно необходимыхъ для стройнаго обращенія эстетическаго міра, Жуковскій постоянно пользовался просторомъ безграничнаго пространства. Каждое движеніе его открывало намъ болѣе и болѣе истинъ, назидательныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Начавъ такъ рано счастливые свои опыты, ни въ чемъ не показалъ онъ у многихъ замѣчаемой незрѣлости то въ силѣ языка, то въ оборотахъ его, то въ объемѣ мыслей, то въ отдѣлкѣ картинъ. Потому-то, воспитывая такъ стройно свое дарованіе, онъ его успѣхами быстро воспитывалъ и современное поколѣніе писателей. Естественно, что,

въ раннемъ возрастѣ и при участіи въ періодическихъ изданіяхъ, онъ не останавливался еще на предпріятіяхъ многотрудныхъ. Но самыя легкія изъ первыхъ его стихотвореній столько же содѣйствовали успѣхамъ искуства, какъ и въ прозѣ классически обработанные опыты Карамзина. Ни одно стихотвореніе не проходило безъ впечатлѣнія, потому что на всякомъ изъ нихъ глубоко намѣченъ характеръ особой живописи, дѣйствія, страсти, или вообще жизни. Рѣдко у кого нѣтъ предпочтительно любимыхъ мѣстъ въ самомъ отличномъ поэтѣ. Въ Жуковскомъ по большой части исключительно нравится то, что начнешь читать. И всему причина одна: онъ ни за что не принимался безъ увлеченія сердечнаго. Давно замѣчено, что самыя неотразимыя истины исходятъ отъ сердца. Ихъ нельзя опровергнуть, потому что прежде появленія своего онѣ уже оправданы опытомъ. Такимъ образомъ, въ стихахъ Жуковскаго, даже то, что называется обыкновенно догматическимъ, является увлекательною поэзіею.

XIII [1]).

Пушкинъ, разбирая стихи Державина:

«За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ —»

въ заключеніе сказалъ: «*слова* поэта суть уже *дѣла* его». Чтобы вникнуть въ истинный смыслъ сказаннаго Пушкинымъ, надобно отстранить отъ себя обыкновенное понятіе о писателяхъ; надобно разсматривать ихъ какъ прочихъ людей, а не какъ отдѣлившуюся отъ насъ касту, которой назначеніе будто бы и состоитъ только въ художественномъ совершенствованіи языка. Нѣтъ: и отъ писателя, какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ сокровищницу добра и

---

[1]) Послѣднія части этого разбора писаны уже послѣ извѣстія о кончинѣ поэта. *П. П.*

свѣта. Такъ какъ это народное богатство служитъ къ удовлетворенію нуждъ, чрезвычайно разнообразныхъ, то и члены общества до безконечности различаются видами и характеромъ своихъ вкладовъ. Писатель, посвящающій жизнь избранному имъ искуству, не обязывается и не можетъ съ другими гражданами раздѣлять механическихъ и форменныхъ трудовъ, но тѣмъ не избавляется онъ отъ общественнаго взноса: плоды его занятій, какъ плоды прочихъ рукъ и ума, должны постоянно увеличивать народное достояніе. Пушкинъ сознавалъ этотъ священный долгъ, равно какъ и то, чѣмъ оправдывается содѣйствіе поэта общей обязанности. Онъ выразилъ это простымъ замѣчаніемъ, что «слова поэта суть уже дѣла его».

Многимъ писателямъ удалось довести слова̀ ихъ до совершенства. Я разумѣю здѣсь успѣхи, пріобрѣтаемые учеными знаніями и облегчаемые природными способностями къ словесному искуству. Не о всѣхъ однакоже изъ этихъ писателей по справедливости можно сказать, что они прекрасными своими словами вполнѣ расплатились съ обществомъ, т. е., что ихъ *слова* равнозначительны съ прекрасными *дѣлами*, безъ которыхъ долгъ постоянно остается неуплаченнымъ. Одни еще при жизни своей, по выраженію поэта, были преданы *проклятію забвенья*; другіе подпали этой участи по смерти своей. Нѣкоторые же, къ сожалѣнію, глубоко врѣзали слова свои въ памяти народовъ, и можно сказать о нихъ, что дѣла ихъ незабвенны, только не какъ желанный вкладъ добра и свѣта, а какъ преступленія, заслужившія справедливое негодованіе. Изъ этого выходитъ, что, разбирая писателей, еще очень недостаточно заниматься одними изслѣдованіями филологическими и эстетическими. Выводы важнѣйшіе, высшіе, вполнѣ достойные подсудимаго и обязанностей его передъ обществомъ, начинаются только съ вопроса: «что значили слова его какъ дѣла»?

На такомъ основаніи я освобождаю себя отъ историческихъ, критическихъ и эстетическихъ изслѣдованій Жуковскаго въ его словѣ. Чего съ этой стороны не показано было у него въ теченіе

пятидесяти лѣтъ? Самая занимательная часть подобныхъ изслѣдованій — характеристика періодовъ дѣятельности его — и та, какъ я уже замѣтилъ, не представляетъ то приближеній къ совершенству, то уклоненій отъ него, или какихъ-нибудь другихъ оборотовъ, полезныхъ, либо новыхъ, въ теоріи искуства; потому что, вообще говоря, никто такъ вездѣ не равенъ самъ себѣ, какъ Жуковскій, а возвышеніе его поэзіи зависѣло единственно отъ возвышенія души его. Слѣдовательно, назидательнѣе и справедливѣе будетъ говорить о словахъ его, какъ о дѣлахъ. Притомъ же у насъ довольно было писателей, которыхъ съ великою пользою для искуства можно разбирать съ обыкновенной точки зрѣнія. Въ нихъ, какъ въ сочинителяхъ, есть много совершенствъ, которыя ихъ уравниваютъ съ Жуковскимъ-писателемъ. Но я не знаю, чьи слова, подобно его словамъ, такъ много обняли сторонъ жизни, и такъ не напрасно вняты были слухомъ, звуча для него съ такою же силою и неотразимостію, какъ для глазъ предстаютъ совершающіяся передъ ними живыя дѣла? По крайней мѣрѣ, таково мое убѣжденіе, основанное на впечатлѣніяхъ цѣлой жизни.

XIV.

Для общаго очертанія предмета, избраннаго мною, напрасно искалъ бы я болѣе правильныхъ, болѣе вѣрныхъ и точнѣе описывающихъ его линій, какъ приведенныя уже мною слова самого Жуковскаго, которыми онъ выразилъ отличительное свойство Вальтеръ-Скотта. Изучивши всего нашего поэта и живо еще чувствуя въ душѣ то, чѣмъ онъ наполнилъ ее, невольно скажешь за нимъ: «Посреди этого очарованнаго міра, самое очаровательное есть онъ самъ — его свѣтлая, чистая, младенчески-вѣрующая душа. Ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышится такъ легко, освѣжительно и цѣлебно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги. Съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначеніе души твоей». Кто сочиненіями своими

заставилъ такого человѣка, какъ Жуковскій, произнести о себѣ этотъ отзывъ, тотъ неоцѣненный внесъ вкладъ въ сокровищницу не только своего отечества, но и всѣхъ народовъ. Тутъ изображенъ гражданинъ великихъ заслугъ. Его слова были не просто сладостные звуки, а дѣла безсмертныя, которыя тѣмъ болѣе, тѣмъ выше цѣнить надобно, что надъ ними нѣтъ власти у самого всесокрушающаго времени: ихъ благотворное появленіе нескончаемо повсюду. Я замѣтилъ, что въ этомъ очеркѣ мнѣ видится самъ Жуковскій. Попытайтеся разобрать каждую черту приведеннаго описанія — она вамъ непремѣнно напомнитъ ея автора.

Надобно между тѣмъ согласиться, что достиженіе этой высоты, этого совершенства въ словесномъ искуствѣ едва ли не самое рѣдкое явленіе въ исторіи всѣхъ литературъ. Кромѣ природнаго дарованія и прочихъ эстетическихъ способностей, кромѣ высшаго, тонкаго ума и усвоенія полнаго круга прикосновенныхъ къ этому дѣлу знаній, надобно войти въ свое занятіе съ душою, вполнѣ убѣжденною въ излагаемыхъ истинахъ, съ нѣкоторымъ энтузіасмомъ къ необходимости осуществленія ихъ, съ религіозною любовію благъ, разливаемыхъ ими, и съ сердечною готовностію посвятить жизнь исполненію глубокаго ихъ значенія. При такихъ условіяхъ, совершающихся въ сознаніи нашемъ не по случайному настроенію души, не въ слѣдствіе ученія, извнѣ принимаемаго и незамѣтно растрачиваемаго при новыхъ впечатлѣніяхъ, а родившагося, воспитаннаго и навѣкъ остающагося въ душѣ нашей, только при этихъ условіяхъ въ каждое произносимое нами слово вселяется власть и могущество дѣла. Чтеніе такого писателя производитъ на васъ дѣйствіе, подобное тому, какое чувствуете вы въ присутствіи человѣка, котораго и любите и боитесь; такъ что каждая мысль его, не исполненная вами, пробуждаетъ въ васъ угрызеніе совѣсти, или наполняетъ сердце ваше тайнымъ страхомъ. Внутренно сознаете вы паденіе свое, и тутъже видите свидѣтеля, при которомъ хотѣлось бы сохранить свое достоинство. Но то, что вамъ не чуждо и къ чему стремитесь вы, утвержденное приговоромъ его, наполняетъ васъ веселостію и

новыми силами къ достиженію. Съ каждымъ днемъ вы болѣе почерпаете убѣжденій. Какое бы положеніе ни указала вамъ жизнь, вы не ослабѣете и не придете въ изнеможеніе: на все, для вашего охраненія, у васъ есть готовый образъ, выраженіе, отзывъ, привѣтствіе.

XV.

Никто не усомнится внести въ разрядъ лучшихъ подвиговъ, по всѣмъ правамъ принадлежащихъ исторіи и обезсмертившихъ славу отечества нашего, той вдохновенной пѣсни, которая извѣстна подъ именемъ: «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Въ незабвенную эпоху появленія своего она пронеслась по рядамъ войскъ нашихъ и по всему пространству Россіи какъ чудно-живительный, свыше раздавшійся голосъ, котораго силѣ такъ сладостно было покориться. Вмѣсто словъ и буквъ явились какія-то огненныя начертанія и сообщили всѣмъ сердцамъ одинъ жаръ, одно стремленіе. Можетъ-быть, въ первый разъ живые позавидовали падшимъ товарищамъ своимъ: такъ достойно и поразительно выставлены были отечеству доблести сыновъ его, принесшихъ жизнь въ исполненіе священнаго долга. Имена ихъ сіяли въ лучахъ ихъ подвиговъ, и радостно было итти по слѣдамъ увѣнчанныхъ безсмертіемъ. Падшіе въ бою вдохновительно дѣйствовали на живыхъ. Это возбужденіе народнаго духа, эти порывы восторженности и самоотверженія не пронеслись подобно звукамъ, на мгновеніе трогающимъ душу, слабѣющимъ и незамѣтно исчезающимъ. Они навѣкъ укрѣплены въ помыслахъ, въ чувствахъ, въ дѣйствіяхъ Русскаго народа. Вмѣстѣ съ безсмертными, которыхъ образы и дѣла такъ вѣрно, такъ рѣзко отпечатлѣны въ стихахъ, ихъ усвоила Россія, и не будетъ поколѣнія, столь жалкаго и недостойнаго предковъ, которое бы не гордилось именемъ своимъ при чтеніи этой пѣсни и не рвалось бы на исполненіе всѣхъ ея завѣтовъ.

Желая объяснить себѣ такое явленіе въ жизни человѣка, едва вѣришь истинѣ событія. Кто приготовилъ душу его къ этой высокой настроенности, магически всѣмъ сообщившейся? Тутъ же самъ поэтъ вотъ что говоритъ о себѣ:

«Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ выпалъ жребій: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы военны» (I. 295).

Только сила истиннаго сочувствія ко всему прекрасному и высокому наполняетъ поэта сокровищами творчества. Въ этомъ неподдѣльномъ, живомъ сочувствіи, онъ, входя въ обязанность историка, скоро начинаетъ принимать впечатлѣнія и говорить какъ самые герои его; окружаясь въ воображеніи фантастическими лицами, вдругъ сообщаетъ имъ все очарованіе правдоподобія, даже поразительной истины жизни, будто все совершается передъ его глазами; предавшись обольщенію вымысла, онъ становится вѣрнѣйшимъ живописцемъ дѣйствительной природы, народныхъ нравовъ и семейнаго быта, который вызываетъ изъ темнаго преданія.

Не болѣе, какъ за два года до отечественной войны, Жуковскій, увлеченный въ мечтательный міръ, казалось, не покинетъ его, гдѣ онъ видѣлъ иныя картины и полонъ былъ иными впечатлѣніями. Молодой человѣкъ двадцати пяти лѣтъ, въ восторженномъ созерцаніи высокихъ истинъ христіанства, обѣщающаго спасеніе самому тяжкому грѣшнику, очистившемуся покаяніемъ, со всѣмъ жаромъ перваго вдохновенія обработывалъ поэму, въ которой разнообразіе и живость картинъ, ужасное и трогательное, дикость и умиленіе, попеременно волнуютъ душу читателя.

Не знаешь, чему болѣе тутъ удивляться, возвышенности ли главной мысли, проведенной по длинному лабиринту столь смѣлыхъ и въ нашей поэзіи безпримѣрныхъ описаній, или этой свѣжей, твердой кисти, которая неистощима ни въ краскахъ, ни въ образахъ. Строгая вѣрность въ изображеніи религіозныхъ обрядовъ сообщила поэзіи истинную высокость и вмѣстѣ ту доступную сердцу простоту, которая одна соединяетъ земное съ небеснымъ. Въ самыхъ лучшихъ идеалахъ изящнаго искуства всѣ почувствовали правильное, свободное и ровное біеніе жизни. Это былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ трогательный призывъ къ христіанскому смиренію и покорности Промыслу.

«Но чадъ оставленныхъ щитомъ
Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань — Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями:
Да славятъ Вышняго Царя
Невинныхъ устъ мольбами.
И горней благодати сѣнь
Была надъ ихъ главою;
Какъ вешній ароматный день,
Цвѣли онѣ красою.
Отъ раннихъ, колыбельныхъ лѣтъ
До юности златыя,
Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
Лишь подвиги благіе;
Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ,
Стекалися во храмѣ;
На клиросѣ, предъ алтаремъ,
Кадильницъ въ ѳиміамѣ,
Въ священный литургіи часъ,
Ихъ слышалося пѣнье —
И сладкій непорочныхъ гласъ
Внимало Провидѣнье» (I 115.)

Столь разнородныя стихотворенія, какъ «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», оставили между тѣмъ равныя напечатлѣнія на современникахъ: поэтъ велъ ихъ по направленію, которое избрала прекрасная душа его. Чѣмъ былъ онъ самъ наполненъ, тѣмъ отозвалось и сердце читателей: святыня Вѣры и искупленіе Отечества явились драгоцѣннѣе жизни и всѣхъ ея благъ.

XVI.

Основаніе моихъ выводовъ можетъ показаться слабымъ, даже изысканнымъ, когда вспомнимъ, что многіе изъ русскихъ поэтовъ до Жуковскаго посвящали дарованія свои прославленію тѣхъ же предметовъ, на которые я указываю. Ломоносовъ, Херасковъ и Державинъ давно возбуждали чувства религіозности и патріотизма. Но кто внимательнѣе вникнетъ въ дѣйствительныя послѣдствія поэтическихъ призывовъ того времени и описываемаго мною, кто съ полнымъ безпристрастіемъ разсмотритъ вліяніе литературы на большинство читателей обѣихъ эпохъ, тотъ невольно согласится, что Жуковскій первый изъ нашихъ поэтовъ сообщилъ словамъ своимъ волшебную силу, поставившую ихъ на одну степень съ дѣлами, такъ что и въ немъ они были явнымъ отголоскомъ внутренняго убѣжденія, и въ читателяхъ оставались какъ двигатели воли. Есть неизмѣримая разность между пріятнымъ обаяніемъ, которое доставляется зрѣлищемъ искуственнымъ, и глубокимъ сочувствіемъ, обнимающимъ насъ при событіи, потрясающемъ душу. У Жуковскаго нѣтъ ни одной строки, которую бы написалъ онъ, какъ говорится, *для эффекта*, или которая бы имъ придумана была какъ украшеніе мысли, извнѣ пришедшей къ нему въ голову. У него все беретъ начало свое въ сердцѣ, и оттого нельзя читать его для препровожденія времени: съ нимъ живешь, т. е. раздѣляешь его чувствованія. Отсюда происходитъ, что какую бы онъ ни представлялъ намъ сторону человѣка или всего общества, мы въ буквальномъ

смыслѣ всегда что-нибудь пріобрѣтаемъ: сказанное имъ обращается въ составъ духовнаго бытія нашего; не память и не воображеніе мы обогащаемъ, съ тѣмъ чтобы, насладившись плодомъ его искуства, со временемъ промѣнять его на другое впечатлѣніе — нѣтъ, мы его усвояемъ и, не замѣчая того, приводимъ въ исполненіе, или мыслимъ по воззрѣнію, въ насъ укрѣпившемуся. Можно противорѣчить этому на томъ развѣ основаніи, что есть читатели, для которыхъ не только искуство, но и самая природа безъ призыва.

Ограничиваясь одною частію общества, которой не отказано въ сочувствіи къ добру, истинѣ и красотѣ, я безпрепятственно могу продолжать свои выводы. Но они едва ли требуютъ новыхъ разложеній. Число ихъ столько же будетъ увеличиваться, сколько стихотвореній придется мнѣ разсмотрѣть въ нынѣшнемъ изданіи Жуковскаго. Между тѣмъ я убѣжденъ, что истинное основаніе этихъ разнородныхъ выводовъ утверждается на томъ же нравственномъ началѣ, которое показано въ первыхъ. Для примѣра останавливаюсь на предметѣ, который можно назвать *избитымъ*, не только въ поэзіи, но и во всѣхъ искуствахъ. Кто не мечталъ и не писалъ о *любви*? Но что отразилось въ этихъ картинахъ воспламененнаго чувства, или восхищеннаго воображенія? Страстное самозабвеніе, несбыточныя грезы, соблазнительные разсказы, или утомительный наборъ словъ. Въ душѣ нашего поэта чувство любви вызываетъ цѣлый міръ ощущеній, не выдуманныхъ, не мимолетныхъ, не упоительныхъ, но гармонически слитыхъ съ той чистотою, съ тѣмъ естественнымъ увлеченіемъ сердца и съ тѣми плѣнительными образами фантазіи, безъ которыхъ нѣтъ истинной любви.

«Любовь есть неба даръ;
Въ ней жизни цвѣтъ хранится;
Кто любитъ, тотъ душой
Какъ день весенній ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ...

Ахъ! въ мірѣ семъ — *она*...
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа;
Съ денницею, со свода
Небесъ она летитъ,
Предвѣстникъ наслажденья,
И въ смутномъ пробужденьи
Блаженствѣ говоритъ:
Я въ мірѣ! я съ тобою!
Въ тотъ часъ, какъ тишиною
Земля облечена,
Въ молчаніи вселенной
Одна обвороженной
Душѣ она слышна;
Къ устамъ твоимъ она
Касается дыханьемъ;
Ты слышишь съ содроганьемъ
Знакомый звукъ рѣчей;
Задумчивыхъ очей
Встрѣчаешь взоръ пріятный,
И запахъ ароматный
Плѣнительныхъ кудрей
Во грудь твою ліется,
И мыслишь: ангелъ вьется
Незримый надъ тобою.
При ней — задумчивъ, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робокъ, лишь украдкой
Стремишь къ ней томный взоръ:
Въ немъ сердце вылетаетъ;
Несмѣлъ твой разговоръ;
Твой умъ не обрѣтаетъ
Ни мыслей ни рѣчей;
Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Языкъ души твоей.
Забыты всѣ желанья;
Безъ чувства, безъ вниманья
Къ тому, что предъ тобой,
Ты одинокъ съ тоской.

Она — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя;
Съ ней розно—лишь въ уныломъ
Мечтаньи бытія
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою къ тѣмъ краямъ,
Гдѣ ангелъ твой прелестный;
Твое блаженство тамъ
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой.
Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ.
Заря ли угасаетъ,
Летитъ ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи,
Или покровомъ нощи
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ,
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ —
Она передъ тобою;
Съ природы красотою,
Со всѣмъ въ душѣ слита
Любимая мечта» и т. д. (I. 219).

Въ стихахъ, писанныхъ съ такимъ жаромъ и вмѣстѣ съ такою непорочностію чувства, перестаешь заниматься прелестію языка: отъ нихъ образуется въ душѣ новая система жизни, по-

добно тому, какъ овладѣвающее нами общество направляетъ всѣ мысли наши, всѣ способности къ достиженію предмета, господствующаго надъ умами.

XVII.

Если бы въ предположеніи моемъ было разсмотрѣніе, не говорю всѣхъ, даже одпихъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній Жуковскаго, и тогда первый періодъ дѣятельности его, періодъ вдохновеній юности, завлекъ бы меня въ лабиринтъ поэзіи самой разнообразной, то возвышенно-назидательной, то плѣнительно-игривой, то поразительно-картинной, то своенравно-причудливой, то смѣло и стройно парящей. Въ «Посланіи Императору Александру» открываются красоты лучшей поэмы, воздвигнутой на христіанскомъ основаніи. Кто изъ поэтовъ глубже проникъ въ святилище царской души?

«Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, Царь земли, колѣна предъ Тобой,
Безстрашный подъ Твоей незримою рукой
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!..
Покойся, мой народъ: не дремлетъ твой хранитель!
Такъ, *мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей.
На удивленіе народовъ и царей
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю.
Какъ небо, надъ моей простертое главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое:
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенной» (II. 177).

Не далѣе, какъ за три года, изъ-подъ этого же пера вылились исполненные національной граціи стихи «Свѣтланы», а въ одинъ и тотъ же годъ съ «Посланіемъ Императору Александру» явилась «Эолова Арфа», въ которой краски, музыка, мечтательность и вымыселъ созданія — все представляетъ особый міръ, царство Оссіана, такъ живо и ясно воскреснувшее въ душѣ поэта нашего. Присоедините къ этой же эпохѣ смѣлыя, послѣ Державина и Пушкина сіяющія своимъ свѣтомъ въ «Посланіи къ Воейкову» картины дикаго Кавказа, поставьте подлѣ нихъ простодушные, умилительно-трогательные разсказы о швейцарцахъ Гебеля и множество въ другихъ родахъ стихотвореній: гдѣ найти можно болѣе убѣжденія въ истинахъ гражданственныхъ, семейныхъ, и прелести красокъ природы, чистыхъ нравовъ, вѣрованія въ Провидѣніе и покорности судьбѣ, имъ ниспосылаемой?

Въ періодѣ мужества, чувствуя потребность дѣятельности въ сферѣ высшей, развивающей силы и вліяніе на умы, Жуковскій вступаетъ въ состязаніе съ геніями разныхъ народовъ, и на родной почвѣ утверждаетъ памятники, которыми гордится человѣчество. Усвоивъ русской литературѣ «Орлеанскую Дѣву» Шиллера, поэтъ не только далеко подвинулъ успѣхи нашего разговорнаго языка, но и открылъ для насъ новую область христіанской драмы со всѣми красотами историческихъ характеровъ, развитія интереснѣйшихъ сценъ, живости разговоровъ, и такимъ образомъ далъ намъ почувствовать все очарованіе высочайшихъ истинъ въ стройной ихъ полнотѣ. Лучшій эпизодъ изъ «Лалла-Рукъ» Мура, подъ названіемъ «Ангелъ и Пери», равно какъ и поэму Байрона «Шильонскій Узникъ» онъ успѣлъ обработать въ томъ же году. Вальтеръ-Скоттъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, Уландъ, попеременно занимали его для совершенствованія нашего. Къ этому же времени относятся первые опыты перевода его древнихъ. Изъ Овидія онъ представилъ «Цеикса и Гальціону», изъ Виргилія «Разрушеніе Трои», а изъ Гомера лучшія мѣста нѣсколькихъ пѣсней Иліады. Заключеніемъ этой изумительной дѣятельности въ періодѣ мужества поэта являются три поэмы: одна

въ своемъ основаніи содержитъ германское изъ среднихъ вѣковъ народное преданіе, другая чисто-историческая, а третья заимствована изъ древнихъ сказаній Индіи. Ничего нѣтъ общаго между ними, кромѣ неизмѣнно-ровныхъ и повсюду одинаково-увлекательныхъ движеній души человѣческой, всѣмъ понятнаго голоса сердца нашего, и той дѣвственной прелести изображеній, которая сопровождаетъ каждую черту произведеній Жуковскаго. «Ундину» было бы странно и сравнивать съ подлинникомъ Фуке. Изъ его сказки, написанной прозою, она явилась у насъ совершенствомъ поэзіи. Ея воздушно-прозрачный колоритъ, граціозно-музыкальный стихъ, сердечнымъ участіемъ проникнутый тонъ и безыскуственная, ни одною линіею не нарушенная простота разсказа указываютъ поэмѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ нашей. «Камоэнсъ» Гальма послужилъ для Жуковскаго основаніемъ къ апотеозу поэзіи изображенному стихами, до такой степени сильными и увлекательными глубиною мыслей, что нѣтъ столь упорнаго скептика, который бы безъ внутренняго убѣжденія оставилъ поэму. «Наль и Дамаянти», неувядающій цвѣтокъ индѣйской поэзіи, краса каждой литературы, въ стихахъ поэта нашего блистаетъ всею свѣжестію весны и разливаетъ ея благоуханіе. Изъ дивной области этихъ трехъ населеній, гдѣ на каждомъ шагу становишься добрѣе, чище, возвышеннѣе, сердце читателя выноситъ лучшіе обѣты жизни и тѣ неизгладимыя напечатлѣнія, съ которыми связаны лучшіе наши поступки и правила.

Въ самой жизни Жуковскаго этому періоду суждено было высокое предназначеніе. Не безъ воли Промысла на него возложена была священная обязанность руководить образователей ума и сердца Государя Наслѣдника престола. Возвышенная душа поэта, какъ бы въ предчувствіи ожидающаго ее жребія, высказалась августѣйшей Матери, привѣтствуя рожденіе ея первенца:

«Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,

Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли —
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла:
Обманетъ ли сіе знаменованье?..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ; подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы:
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ* — *свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать —
Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.
Теперь, едва проснувшійся душой,
Предъ Матерью, какъ будто предъ Судьбой,
Безпечно онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять:
Житейское отъ ней еще далеко...
Храни ее, заботливая Мать:
Твоя любовь — всевидящее око;
Въ твоей любви — святая благодать» (III. 8).

Открывъ поприще мужества своего этими стихами, какъ умилительно и глубоко-назидательно, по истеченіи *двадцати* лѣтъ жизни, въ полномъ значеніи *исторической*, оглядывается онъ на прошлое и говоритъ, приближаясь къ свѣтлому покою завидной старости своей:

«Годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни...

Я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой:
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью...

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать,
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,

Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье» (V. 347).

XVIII.

Многія изъ стихотвореній Жуковскаго драгоцѣнны не только какъ образцы художническаго совершенства и какъ *нетлѣнныя слова*, равносильныя *благимъ дѣламъ*, но какъ и лучшія дополненія къ его біографіи, которая нѣкогда должна явиться въ видѣ назидательнѣйшаго для всѣхъ чтенія. Таково, между прочимъ, только-что приведенное мною. Правда, для полнаго уразумѣнія стихотвореній этого рода необходимы нѣкоторыя поясненія обстоятельствъ частной его жизни, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, всегда скромный и довольствовавшійся благомъ однихъ ощущеній, не расточалъ передъ толпою лучшихъ сокровищъ души своей; не трудно однакоже человѣку, который съ любовію изучалъ его поэзію, а слѣдовательно хоть издали шелъ и за самимъ поэтомъ, угадать, даже опредѣлить многое и въ этихъ стихотвореніяхъ.

Окончаніе упоминаемаго выше стихотворенія состоитъ изъ меланхолическаго прощанія съ поэзіею, которое, благодаря судьбѣ, не оказалось послѣднимъ:

«И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ *послѣдній цвѣтъ*,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни» (V. 350).

Отсюда начинается новый періодъ Жуковскаго поэзіи, исключительная любовь къ представленіямъ идей, образовъ и положеній, высокихъ для созерцанія, но каждому доступныхъ по ихъ естественности и простотѣ, отстраненіе малѣйшей изысканности въ выраженіяхъ и оборотахъ языка, словомъ, явное охлажденіе къ искуственности, вмѣсто которой является неподражаемая прелесть истиннаго искуства. Въ этомъ мірѣ поэзіи прожилъ Жуковскій свои послѣднія десять лѣтъ.

Если необходимо остановить вниманіе на чемъ-нибудь изъ написаннаго поэтомъ въ эту пору, безъ сомнѣнія каждому изъ читателей прежде всего вспомнится «Рустемъ и Зорабъ», повѣсть изъ «Шахъ-Наме». Въ европейскую литературу это восточное созданіе вноситъ появленіемъ своимъ столько поразительныхъ красотъ и совершенствъ, что выборъ его для перевода уже составляетъ важную заслугу въ области поэзіи. Нельзя вообразить событія болѣе трагическаго, трогательнаго и вмѣстѣ величественнаго, какъ разсказанное въ повѣсти, хотя оно совершается со всею простотою истины, безъ всякой театральности и натяжки. Сердце разрывается отъ трепета и боли передъ созерцаніемъ страшнаго могущества рока. И въ то же время картины природы, описанія нравовъ, крики страстей, сокровенные изгибы человѣческаго сердца, въ краскахъ самыхъ разнообразныхъ, поочередно являются и уносятся передъ зрителемъ, наполняя его разнородными ощущеніями. Для сохраненія этихъ рѣзкихъ, новыхъ красотъ, не знающихъ нашихъ убранствъ, необходимо было создать выраженія, обороты, самые періоды рѣчи столь же сильные и безыскуственные, столь же впечатлительные и свободные, какъ эта поэзія. Жуковскій (если не странно такъ сказать) превзошелъ самого себя. Его стихи, сохраняя всегдашнюю свою прелесть точности, музыкальности и прозрачности, отличены здѣсь какою-то металлическою твердостію и простотою языка первобытнаго. До малѣйшей подробности въ описаніяхъ и разсказахъ онъ раскладываетъ передъ вашими глазами всѣ предметы такъ вѣрно, въ порядкѣ, живо и вмѣстѣ такъ спокойно, какъ будто въ

немъ движется Рустемова сила. Можно ли, напримѣръ, что-нибудь, изъ самаго лучшаго писателя, на какомъ бы то ни было языкѣ, сравнить съ слѣдующими стихами?

«И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга
Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ: Здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! Моя завидна участь:
И лѣтами еще полуребенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ; плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Сѣдой боецъ, твоя не сладитъ старость.—
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ: не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздухъ теплъ, но уступчивъ;
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ въ ея глубокомъ лонѣ,
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я
Убитаго во глубь земли холодной;
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избѣжишь,
То ужъ тебѣ никто — ни человѣкъ,

Ни крокодилъ, ни левъ — не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя:
Мнѣ жаль тебя; мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ Туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя. — Такую рѣчь
Привѣтно-нѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала,
И онъ сказалъ: О бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ — себя передъ сраженьемъ
Именовать... Какой-то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель. — Такъ сказалъ Зорабъ...
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нѣжную любовь...
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ»... (VI. 146).

Очарованіе первобытной поэзіи естественно должно было навсегда удержать поэта въ своей сферѣ. Онъ почувствовалъ потребность посвятить послѣдніе годы свои Гомеру. Изъ его воззрѣній на «Одиссею» мы убѣдились, какъ ясно постигалъ онъ принятыя имъ обязанности, а чтеніе перевода его всѣмъ дало почувствовать, какое достояніе укрѣплено за русскою литературой предсмертнымъ его трудомъ. За «Одиссеею», по предположенію поэта, должна была явиться «Иліада» и, какъ вѣнецъ подви-

говъ, хтистіанская поэма «Странствующій Жидъ»; но Провидѣнію угодно было отозвать къ Себѣ труженика съ неконченнаго поприща трудовъ его—и мы, смотря на одни начатки, тѣмъ не менѣе приносимъ на свѣжую могилу его полную дань нашей признательности.

Заключаю краткій обзоръ свой стихотвореній Жуковскаго однимъ только замѣчаніемъ о немъ самомъ: въ этомъ лицѣ природа соединила всѣ лучшія качества, которыя обыкновенно раздѣляетъ она между многими. Ни преклонность лѣтъ, ни утомительные труды, ни самое счастіе семейственное не разслабили въ его доброй до смерти душѣ ни одного изъ тѣхъ могущественныхъ двигателей ума и воображенія, съ которыми такъ неизмѣнно шелъ онъ къ безсмертію. Какая-то сверхъестественная игривость мысли, похожая на младенческую беззаботность, сопровождала слова его даже въ послѣднихъ бесѣдахъ. Когда окончилъ онъ стихотвореніе свое «Царскосельскій Лебедь», изумительное по юношескимъ красотамъ поэзіи, вотъ что о немъ сказалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ [1]): «Посылаю вамъ новые мои стихи, біографію Лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ великую княгиню Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину Лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка ихъ выучила наизусть; но вышелъ *не простой* Лебедь»... При послѣднихъ словахъ теперь невольно сжимается сердце... Это въ самомъ дѣлѣ вышелъ *не простой* Лебедь, а предсмертная пѣснь нашего Лебедя.

---

[1]) См. ниже стр. 723.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО[1]).

1852.

I.

Ни въ одной литературѣ не было поэта, съ которымъ можно бы сравнить Жуковскаго. Большую часть своихъ стихотвореній онъ перевелъ съ иностранныхъ языковъ. Но эти переводы вполнѣ равняются оригинальнымъ сочиненіямъ, какъ по свободному ихъ изложенію на русскомъ языкѣ, такъ и по силѣ дѣйствія ихъ на читателя. Самые извѣстные и болѣе другихъ уважаемые переводчики достигали только до того, что со всею вѣрностію передавали на своемъ языкѣ значеніе подлинника; Жуковскій сообщилъ переводамъ своимъ жизнь и вдохновеніе оригиналовъ. Оттого каждый переводъ его получалъ на нашемъ языкѣ цѣну и силу самобытнаго сочиненія. Этотъ необыкновенный талантъ доставилъ ему средство къ великому преобразованію литературы нашей. До него она была однообразна и почти безцвѣтна. Жуковскій расширилъ область ея, далъ лучшіе образцы различныхъ тоновъ поэзіи, усвоилъ намъ первоклассныя произведенія древнихъ и новыхъ стихотворцевъ и поровнялъ насъ въ поэзіи съ образованнѣйшими современными народами.

Отличительная черта таланта Жуковскаго состояла въ удивительномъ сочувствіи ко всему прекрасному въ изящныхъ искусствахъ. Этою способностію онъ превышалъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ. Но она одна не возвела бы его на ту высоту, на которой онъ стоитъ въ русской литературѣ. Его надобно назвать твор-

---

[1]) Напечатано въ *Живописномъ Сборникѣ* 1853 года, т. III, стр. 355—397, и отдѣльно, Спб. 1853, 12 д. л., 188 стр., съ политипажами.

цомъ новаго русскаго языка, котораго особенности состоятъ у него въ самыхъ вѣрныхъ выраженіяхъ для каждой черты описываемаго имъ предмета, въ необыкновенной благозвучности рѣчи, въ свободномъ, но всегда правильномъ ея теченіи, въ сочетаніи словъ и ихъ украшеніи, столь неожиданномъ и увлекательномъ, что каждая мысль является новымъ созданіемъ, наконецъ въ искуснѣйшемъ употребленіи то краткости, то обилія періодовъ, смотря по свойству излагаемыхъ идей. Въ нашемъ языкѣ болѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ, разныхъ словъ, изображающихъ одинъ и тотъ же предметъ. Одни изъ нихъ составляютъ принадлежность языка церковно-славянскаго, другія собственно называемаго русскаго, третьи образовались въ какомъ-нибудь отдѣльномъ періодѣ исторіи, четвертыя въ особомъ сословіи, и такъ далѣе. До Жуковскаго писатели предпочитали слова избранныя, т. е. употребленіемъ утвердившіяся въ общемъ книжномъ языкѣ, что́ сообщило литературѣ одноцвѣтность и принужденность. Живо сочувствуя безконечно-разнообразнымъ красотамъ природы и красотѣ образцовъ всемірной поэзіи, Жуковскій воспользовался сокровищами нашего языка и внесъ въ свои стихотворенія это разнообразіе выраженій, которое необходимо для красокъ и живости передаваемыхъ имъ безконечно-различныхъ образовъ.

Есть другая черта въ его талантѣ, свидѣтельствующая, что онъ, какъ поэтъ, достигнулъ бы необыкновенной высоты и тогда, когда бы ограничился сочиненіемъ однихъ собственныхъ стихотвореній, не увлекаясь совершенствами другихъ поэтовъ. Въ талантѣ его надъ всѣми качествами преобладало самобытное стремленіе къ осуществленію идеальной красоты, граціи, мысли возвышенной. Оно безотлучно сопровождаетъ его и видимо въ каждой чертѣ его труда. Самые переводы его потому и дѣйствуютъ на читателя какъ оригинальныя сочиненія, что творящая сила переводчика глубоко проникаетъ въ его чувства, въ его пониманіе подлинника и въ выраженія его. Она, подобно солнечному лучу, ничего не отнимаетъ у предметовъ, на которые дѣйствуетъ, ничего имъ не прибавляетъ, но въ то же время наводитъ на нихъ

тотъ восхитительный свѣтъ, отъ котораго всѣ они становятся пріятнѣе и блистаютъ равно озаренные. Въ этой силѣ самобытности заключается изъясненіе того вліянія, которымъ Жуковскій произвелъ эпоху въ нашей словесности.

II.

Къ довершенію столь прекрасныхъ способностей, Жуковскій воспиталъ въ душѣ своей религіозное чувство, чистѣйшую нравственность и высокое понятіе о достоинствѣ человѣка. Ими онъ былъ руководимъ въ теченіе всей жизни, и они составляютъ незыблемое основаніе его поэзіи. Какъ ни разнообразны стихотворенія его по содержанію своему, по формамъ, краскамъ и тону— всѣ они сохраняютъ какой-то семейный отпечатокъ въ общемъ своемъ направленіи: вездѣ присутствіе чистоты, любви къ природѣ, къ нравственному порядку; вездѣ успокоеніе духа, вѣрованіе въ лучшія качества человѣческаго сердца; вездѣ ожиданіе тѣхъ утѣшительныхъ обѣтованій, которыми жизнь и смерть примирены и равно освящены для души христіанина. Жуковскій, казалось, избралъ девизомъ своей поэзіи только три слова: Вѣра, Надежда и Любовь. Онъ прошелъ всѣ возрасты жизни, видѣлъ различныя измѣненія судьбы, вслушался во всѣ ученія — и остался вѣренъ тому, что́ выражаютъ эти всеобъемлющія слова. Они внушили ему то увлекательное краснорѣчіе, то могущественное убѣжденіе, которому такъ отрадно покоряться и съ которымъ чувствуешь въ себѣ и силу и отраду. Человѣкъ, глубоко принявшій въ сердце поэзію его, не только сохраняетъ благородный энтузіазмъ къ славѣ чистой, къ дѣятельности безкорыстной, къ мыслямъ возвышеннымъ и къ чести непреклонной, но и самое понятіе объ искуствахъ, и въ особенности о поэзіи, у него неразлучно съ представленіемъ совершенства нравственно-идеальнаго, а въ идеяхъ, образахъ, положеніяхъ и въ самомъ слогѣ онъ всему предпочитаетъ силу истины, поэтическое созданіе, голосъ чувства и вѣрность выраженія. Посреди явленій господствующаго нынѣ

вкуса, увлекаемаго яркими, но ложными красками, напыщенностію фразъ и своеволіемъ воображенія, еще сильнѣе отзываются въ чистомъ сердцѣ святыня дѣйствительнаго вдохновенія, картины, списанныя съ природы, и гармоническіе звуки, дружные спутники поэзіи Жуковскаго.

Нельзя было и ожидать, чтобы на этой высотѣ поэзіи, съ идеями, чувствованіями и изображеніями столь утонченными и въ нашей литературѣ совершенно новыми, при слогѣ и языкѣ, безъ предварительныхъ опытовъ вдругъ созданномъ для стихотвореній, Жуковскій сдѣлался равно доступенъ всѣмъ классамъ читателей и вошелъ бы въ разрядъ народныхъ поэтовъ. Онъ самъ это ясно сознавалъ, печатая нѣкогда переводныя свои стихотворенія подъ заглавіемъ: «Для немногихъ». Во всѣхъ изящныхъ искуствахъ, а въ поэзіи и преимущественно, есть совершенства, есть красоты, постигаемыя людьми только приготовленными къ тому воспитаніемъ, чтеніемъ, обществомъ, или особенною воспріимчивостію души. Никакія объясненія критики не настроятъ ума и сердца къ постиженію и ощущенію самыхъ вѣрныхъ, самыхъ неподдѣльныхъ, живыхъ и свѣтлыхъ красотъ, являющихся въ тонкихъ и легкихъ очертаніяхъ, въ свободныхъ и граціозныхъ движеніяхъ, въ сочетаніи звуковъ и словъ, сладостно и трепетно прикасающихся къ утонченному слуху, если читатель природою или тщательнымъ воспитаніемъ не возведенъ на одну высоту съ поэтомъ. Итакъ не удивительно, что Жуковскій, какъ поэтъ и какъ писатель, произведеніями своими вполнѣ дѣйствовалъ только на кругъ людей, такъ сказать, избранныхъ. Для пріятнаго занятія читателей, ищущихъ въ книгѣ развлеченія, отдыха, иногда и средства незамѣтно провести время, онъ не оставилъ ничего. Но успѣхамъ искуства, обогащенію литературы, внушенію чистыхъ, высокихъ и назидательныхъ идей, развитію и окончательному совершенствованію языка онъ способствовалъ едва ли не болѣе всѣхъ русскихъ писателей.

III.

Жуковскій цѣлую жизнь посвятилъ трудамъ умственнымъ. Отдавшись имъ съ первой молодости, онъ до послѣдняго дня своего считалъ ихъ главнымъ своимъ призваніемъ. Имъ назначалъ онъ лучшую часть дня, т. е. утро, и потому никогда не вставалъ отъ сна позже пяти часовъ, какъ бы поздно ни ложился, иногда принуждаемый къ тому какими-нибудь особенными обстоятельствами. Этотъ недостатокъ сна, необходимаго для здоровья, онъ старался вознаградить передъ обѣдомъ, когда сонъ не тяжелъ и безвреденъ. Рукописи его, какъ у всѣхъ лучшихъ писателей, сохраняютъ слѣды глубокаго вниманія и самой строгой отдѣлки, что̀ видно и въ рукописяхъ Пушкина. Одна посредственность довольствуется первымъ выраженіемъ, первымъ словомъ, попавшимся подъ перо. Что̀ въ теоріи называютъ слѣдами быстраго вдохновенія, то на практикѣ оказывается неумолимостію вкуса и непреклонностію воли геніальнаго ума. Любовь къ искуству, какъ и всякая страсть, жертвуетъ всѣми своими силами для достиженія цѣли. Какимъ привыкли мы видѣть Жуковскаго въ его стихахъ, таковъ онъ былъ и въ отношеніи ко всему, окружавшему его въ кабинетѣ. Безвкусія, или безпорядка онъ не могъ видѣть передъ собою. У него все приготовляемо было съ опредѣленною цѣлію, всему назначалось мѣсто, на всемъ выказывалась отдѣлка. Чистыя тетради, перья, карандаши, картоны, книги, въ пріятномъ размѣщеніи ожидали руки его. Огромный высокій столъ, у котораго работалъ онъ стоя, установленъ былъ со всевозможными прихотями для авторскаго занятія. Куда бы онъ ни переселялся, даже на нѣсколько недѣль, первою его заботою было устроеніе такого стола. Самую большую и удобнѣйшую изъ своихъ комнатъ онъ всегда выбиралъ для кабинета, который особенно любилъ украшать бюстами.

Люди, отличавшіеся какими бы то ни было талантами, даже только рѣзкими особенностями ума, составляли любимое его общество, когда онъ былъ свободенъ. Но утро, какъ драгоцѣн-

ность, онъ охранялъ для своихъ трудовъ. Въ дружескомъ собраніи вечеромъ, когда душа поэта ничѣмъ не была тревожима, онъ являлся по большой части веселымъ и шутливымъ. Забавные разсказы, самъ ли онъ предавался имъ, или слушалъ другихъ, долго и живо могли занимать его. Сколько вѣренъ былъ онъ своему призванію въ уединенные часы занятій, столько же казался непохожимъ на самого себя въ дружескомъ развлеченіи. Но такъ какъ размышленіе и опыты жизни, рано или поздно, оказываютъ своё дѣйствіе, то и въ характерѣ поэта постепенно являлось возобладаніе той мудрости, которая положила такой чистый вѣнецъ на послѣдніе его годы. Пушкинъ говаривалъ: «одинъ глупецъ ни въ чемъ не перемѣняется». Спокойное, даже строгое воззрѣніе на жизнь въ эпоху зрѣлости ума не есть утрата душевныхъ силъ, изумлявшихъ насъ въ юношѣ, а естественное возвышеніе его духа.

IV.

Жизнь Жуковскаго не представляетъ заманчиваго разнообразія, которое особенно нравится въ разсказахъ объ историческихъ лицахъ. Она сосредоточена была въ тишинѣ кабинета на трудахъ мысли и вдохновенія. Наибольшую часть ея поэтъ провелъ безсемейно. Только дѣтство и старость его озарены были тѣми радостями, которыя животворятъ насъ въ миломъ родномъ кругу. Онъ родился 29 января 1784 года [1]) въ селѣ Мишенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Многочисленная семья, посреди которой онъ явился на свѣтъ, богата была дѣтьми и до него, но все дѣвочками. По этому случаю онъ съ рожденія сдѣлался общимъ любимцемъ. Къ счастію, природа надѣлила его такими прекрасными качествами, что излишняя нѣжность родителей и всего семейнаго круга не только не

[1]) Это показаніе основано на словахъ одного собственноручнаго письма Жуковскаго. *П. П.* — Въ другихъ случаяхъ однакожъ самъ Жуковскій относилъ день своего рожденія къ 1783 году, что подтверждается и другими достовѣрными свѣдѣніями. *Я. Г.*

избаловала его, но быстрѣе развила въ немъ добрыя наклонности и замѣчательныя способности. Черты и выраженіе лица его, ростъ и вся вообще наружность не напрасно заставляли ожидать отъ мальчика чего-то необыкновеннаго. Самыя первыя наклонности его предсказывали въ немъ будущее развитіе вкуса и таланта. Если бы съ первыхъ лѣтъ начали постоянно занимать его рисованіемъ или музыкою, безъ сомнѣнія на каждомъ поприщѣ онъ достигнулъ бы высокаго совершенства: такъ въ немъ было сильно чувство изящнаго.

Въ раннемъ ещѣ дѣтствѣ Жуковскій лишился своего отца. Онъ остался на попеченіи матери. Сестры были гораздо старше его, такъ что дочери ихъ сдѣлались его совоспитанницами. Эти семейныя обстоятельства подѣйствовали во-первыхъ на образованіе души его, которая всегда отличалась нѣжностію, благородствомъ, набожностію и какимъ-то рыцарствомъ, во-вторыхъ на укрѣпленіе самой чистой любви и дружбы между нимъ и его племянницами. Въ родственномъ ихъ союзѣ было что-то болѣе знаменательное, нежели обыкновенно представляется у другихъ, оттого ли, что развивавшійся талантъ уже отражался на окружающихъ его, или природа прекрасно образовала каждое изъ нихъ существо.

Первые опыты собственно называемаго ученія не принесли большой пользы Жуковскому, потому что наставники не угадали его призванія. Изъ него хотѣли сдѣлать математика, а онъ все оставлялъ для поэзіи. Страсть къ сочиненіямъ театральнымъ обыкновенно прежде всего раскрывается въ дѣтяхъ съ живымъ воображеніемъ. Она овладѣла и Жуковскимъ, лишь только помѣстили его въ тульское народное училище. Ревностный къ должности своей учитель, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, выведенъ былъ изъ терпѣнія невнимательнымъ ученикомъ, и рѣшился, въ назиданіе товарищамъ Жуковскаго, исключить его изъ училища. Это происходило въ 1796 году. Для спасенія чести любимца своего, родные записали будущаго поэта въ Рязанскій пѣхотный полкъ, квартировавшій тогда въ Кексгольмѣ. Надобно

между тѣмъ замѣтить, что, по старинному обыкновенію, Жуковскій на второмъ году послѣ рожденія своего уже записанъ былъ въ Астраханскій гусарскій полкъ сержантомъ, а въ 1789 произведенъ въ прапорщики и даже принятъ (разумѣется, на бумагѣ) въ штатъ генералъ-поручика Кречетникова младшимъ адъютантомъ; но черезъ три мѣсяца уволенъ по прошенію отъ службы безъ награжденія чиномъ. Выборъ нынѣшняго новаго пути, не совсѣмъ понятный для насъ, изъясняется тѣмъ, что между знакомыми родныхъ Жуковскаго въ Тулѣ жилъ въ постоянномъ отпуску маіоръ Рязанскаго полка Дмитрій Гавриловичъ Посниковъ, который вызвался устроить судьбу мальчика. Его одѣли въ мундиръ и отправили въ Петербургъ для дальнѣйшаго слѣдованія по назначенію. Здѣсь, въ Зимнемъ дворцѣ, поэта ожидало впечатлѣніе, о которомъ любилъ онъ разсказывать. удержавъ его навсегда въ памяти. По случаю большого выхода, ему достали мѣстечко на хорахъ [1], откуда въ первый и въ послѣдній разъ на вѣку своемъ удалось ему видѣть императрицу Екатерину II. Кто знаетъ, не переносился ли онъ своею мыслію къ этой минутѣ, когда говорилъ передъ кончиною, изображая себя въ видѣ Лебедя:

«Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины».

V.

Между тѣмъ *осьмое ноября* измѣнило положеніе всѣхъ малолѣтнихъ дворянъ въ Россіи, считавшихся въ военной службѣ. Жуковскій снова очутился въ Тулѣ, гдѣ пробылъ только до начала 1797 года. Въ январѣ родные его отправились съ нимъ въ Москву, чтобы остаться тамъ до коронаціи новаго императора. Благородный пансіонъ Московскаго университета избранъ былъ

[1]) Это свѣдѣніе не точно. Изъ одного письма Жуковскаго извѣстно, что онъ видѣлъ императрицу на праздникѣ Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ. (*Р. Архивъ* 1866, стр. 1075). *Я. Г.*

мѣстомъ окончательнаго образованія и воспитанія Жуковскаго. Основанный въ 1770 году кураторами Мелиссино и Херасковымъ, пансіонъ сдѣлался разсадникомъ замѣчательныхъ людей въ Россіи. При поступленіи туда Жуковскаго, главнымъ лицомъ въ пансіонѣ былъ извѣстный педагогъ и профессоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Между товарищами своими по воспитанію, поэтъ встрѣтилъ тѣхъ избранныхъ по уму и сердцу, которые до конца жизни его остались его друзьями. Все здѣсь способствовало къ развитію счастливыхъ дарованій. По истеченіи годичнаго курса наукъ, ученики обязаны были сами достойнѣйшихъ изъ своего круга избрать въ почетные директоры неклассныхъ своихъ занятій и увеселеній. Въ присутствіи кураторовъ и ближайшаго начальства своего, они подносили избраннымъ товарищамъ лавровые вѣнки и давали обѣщаніе слѣдовать охотно ихъ распоряженіямъ. Жуковскій, пробывъ менѣе двухъ лѣтъ въ пансіонѣ, удостоенъ былъ этого отличія. Празднество, совершавшееся 14-го ноября 1798 года по случаю освященія новопостроеннаго при пансіонѣ каменнаго флигеля, происходило въ присутствіи куратора М. М. Хераскова. Такимъ образомъ, одинъ поэтъ благословилъ другого на служеніе высокой поэзіи и чистой добродѣтели.

Начало литературныхъ успѣховъ Жуковскаго надобно отнести ко времени пребыванія его въ пансіонѣ. Извѣстно, что съ 1782 года при Московскомъ университетѣ существовало такъ называвшееся «собраніе университетскихъ питомцевъ». Въ свободные часы отъ должностныхъ занятій, студенты сходились для чтенія литературныхъ своихъ опытовъ. Въ особомъ журналѣ было печатаемо лучшее. Подобное общество образовалось и въ пансіонѣ, подъ названіемъ «Собранія благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона». Такъ какъ начальство пансіона почитало самыми вѣрными успѣхами воспитанниковъ только извлекаемые изъ свободной ихъ дѣятельности, наблюдая за нею внимательно, но со стороны, то и дозволено было молодымъ любителямъ словесности, по ихъ собственнымъ соображеніямъ, приго-

товить самимъ начертаніе устава общества. Товарищи избрали Жуковскаго въ редакторы устава. Послѣдствія этой юношеской забавы оказались самыми замѣчательными для русской литературы. Она съ перваго года текущаго столѣтія начала принимать въ свои произведенія лучшія краски, лучшее направленіе, тонъ и формы языка. Извѣстнѣйшіе дѣйствователи на поприщѣ литературы нашей образовались въ этой школѣ, такъ что Москва не безъ основанія приписываетъ себѣ развитіе новыхъ началъ въ умственномъ и эстетическомъ образованіи отечества.

VI.

Въ пансіонѣ Жуковскій оставался до октября 1800 года. Тогда кураторомъ былъ И. П. Тургеневъ, отецъ молодыхъ Тургеневыхъ, учившихся въ пансіонѣ вмѣстѣ съ нашимъ поэтомъ, который пріобрѣлъ не только дружбу сыновей, но и родительскую нѣжность ихъ отца. Въ домѣ бывшаго начальника своего Тургенева Жуковскій встрѣтился съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, съ этими писателями, которые сдѣлались для него образцами вкуса. Они уже тогда почувствовали, чѣмъ можетъ со временемъ явиться этотъ молодой человѣкъ, только что вышедшій изъ дѣтства. Карамзинъ такое находилъ удовольствіе въ его обществѣ, что послѣ кончины первой жены своей пригласилъ Жуковскаго на цѣлое лѣто съ собою въ Свирлово, и такимъ образомъ утвердилась между ними привязанность, основанная на взаимномъ уваженіи. Въ послѣдствіи времени Карамзинъ же положилъ основаніе нѣжной дружбѣ между Жуковскимъ и княземъ П. А. Вяземскимъ, не измѣнившейся въ продолженіе всей ихъ жизни.

Несмотря на несомнѣнное призваніе свое къ занятіямъ литературнымъ, Жуковскій не уклонился отъ общаго служебнаго пути и получилъ мѣсто въ Москвѣ же въ Главной Соляной конторѣ, гдѣ состоялъ до апрѣля 1802 года, дослужившись тутъ до чина титулярнаго совѣтника. Вышедши въ отставку, онъ по-

кинулъ самую Москву. Его влекло къ себѣ Мишенское со всѣми воспоминаніями его дѣтства. Тамъ еще жили родные его, у которыхъ онъ, и въ пансіонѣ бывши, проводилъ свои вакаціи каждое лѣто. Замѣчательно, что первые стихи, написанные имъ по прибытіи въ деревню, вдругъ поставили его въ разрядъ лучшихъ поэтовъ русскихъ. Это было «Сельское Кладбище», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», начавшемся тоже въ 1802 году, подъ редакціею Карамзина, который на другой годъ, говоря о Богдановичѣ и его «Душенькѣ», такъ точно приводилъ въ разборѣ своемъ одинъ стихъ изъ элегіи Жуковскаго, какъ бы это было всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Ломоносова, или Державина. Въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ писаны были и другія его стихотворенія, оконченныя прежде 1808 года. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ оставалось семейство сестры его В. А. Юшковой, бывшей крестною его матерью, которой дочь, А. П. Зонтагъ, сама пріобрѣла извѣстность въ нашей литературѣ прекрасными сочиненіями для образованія дѣтей, во второмъ же мѣстѣ поселилась другая сестра его К. А. Протасова. Одной изъ дочерей ея, бывшей въ послѣдствіи времени въ замужствѣ за извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ А. О. Воейковымъ, посвящены: первая часть «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» и «Свѣтлана». Тамъ нѣкогда бывалъ у него Батюшковъ. Эти два таланта, яркіе и современные, связаны были самою искреннею дружбою. Лучшій братъ не могъ болѣе принять на себя попеченій, какія оказалъ Жуковскій въ началѣ болѣзни, которая до сихъ поръ не покидаетъ несчастнаго друга его[1]). Въ одномъ изъ граціозныхъ посланій своихъ Батюшковъ, прощаясь, говоритъ Жуковскому:

«Прости, балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель.

---

[1]) Это писано въ 1852 году; Батюшковъ умеръ въ 1854 въ Вологдѣ. *Я. Г.*

Ты счастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая;
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣнял
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Средп забавъ невинныхъ,
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!»

Въ Бѣлевѣ, на берегу Оки, Жуковскій построилъ домъ матери своей, гдѣ она провела тихую свою старость и скончалась въ 1811 году.

Въ первые годы литературной жизни поэтъ нашъ нерѣдко бывалъ въ необходимости трудиться изъ платы надъ переводами въ прозѣ, какъ человѣкъ недостаточный. Онъ умѣлъ однакожe примирять нужду съ потребностію таланта. Этой разборчивости вкуса мы обязаны переводомъ «Донъ Кихота», напечатаннымъ въ первый разъ въ 1805 году, а во второй въ 1815. Онъ воспользовался трудомъ Флоріана, автора, столь уважавшагося въ его время. Какъ ни странно теперь думать, что первокласный поэтъ руководствуется второстепеннымъ кудреватымъ писателемъ, при всемъ томъ истинное дарованіе вывело переводчика на прямую дорогу, и въ книгѣ его до сихъ поръ много достоинствъ неотъемлемыхъ. Говоря о первыхъ переводахъ Жуковскаго въ прозѣ, кстати упомянуть здѣсь объ одномъ изъ нихъ, неизвѣстномъ для многихъ, тѣмъ болѣе что это обстоятельство относится къ 1801 году. Вотъ въ какихъ забавныхъ выраженіяхъ самъ Жуковскій, незадолго до своей кончины, сообщилъ о томъ въ одномъ письмѣ. «Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трактовалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей

«Мальчика у ручья». Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ полтиною и т. д.». И это сочиненіе (Коцебу) въ то время принадлежало автору, любимому современнымъ обществомъ. Русскій переводъ печатался тоже два раза (во второй разъ 1819 г.).

Карамзинъ два года издавалъ «Вѣстникъ Европы». Онъ передалъ его Панкратію Сумарокову, едва годъ выдержавшему труды редакціи, которая перешла тогда къ извѣстному профессору Каченовскому. Отъ него-то съ 1808 года Жуковскій принялъ «Вѣстникъ Европы» въ свое завѣдываніе. Онъ возвратилъ изданію ту жизнь и занимательность, которыми оно всѣхъ привлекало къ себѣ при его основателѣ. Перебирая этотъ журналъ, убѣждаешься, что онъ былъ дѣйствительный посредникъ между читателями и своею эпохой. Въ немъ ничто не забыто, ничто не упущено. Какъ драгоцѣнная лѣтопись современности, «Вѣстникъ» указываетъ на всѣ явленія исторіи, литературы и общественной жизни. Конечно, лучшимъ украшеніемъ журнала были собственные сочиненія и переводы редактора. Но онъ, какъ талантъ, какъ законный судія въ дѣлѣ и какъ образцовый писатель, не безплодно употреблялъ свои способы, чтобы произведеніямъ другихъ придать правильность, точность и силу выраженій, безъ которыхъ нѣтъ физіономіи ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Журналъ тогда не былъ складочнымъ мѣстомъ дюжинныхъ романовъ. Онъ обогащалъ умъ читателя указаніями, а не губилъ его времени. Если мы встрѣчаемъ въ журналѣ Жуковскаго такъ называемое «чтеніе легкое», необходимое для извѣстнаго круга людей, оно никого не отводило отъ главной цѣли изданія, очищая вкусъ и нравы. Это были по большой части собственные его переводы небольшихъ повѣстей, выбранныхъ съ такимъ умомъ, что ихъ чтеніе до сихъ поръ можетъ служить лучшею школою образованія. Жуковскій, взявши на себя редакцію журнала, принужденъ былъ снова переселяться въ Москву. Домъ бывшаго наставника его, А. А. Прокоповича Антонскаго, служилъ ему роднымъ пріютомъ. Но для облегченія трудовъ по редакціи, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда Бѣлевъ и Мишенское такъ пріятно рисовались

въ его воображеніи, съ 1809 года онъ принялъ къ себѣ въ сотрудничество опять М. Т. Каченовскаго, что продолжалось и въ 1810 году, т. е. до прекращенія Жуковскимъ журнальной дѣятельности. Какъ ни кратокъ былъ періодъ прямыхъ сношеній его съ публикою, онъ доставилъ поэту твердое и блестящее положеніе въ общемъ мнѣніи. Карамзинъ и другія лица, умомъ своимъ и образомъ мыслей составлявшія вѣнецъ избраннаго общества, признали въ молодомъ человѣкѣ лучшую надежду русской литературы.

VII.

Освободившись отъ срочной работы, вообще непріятной для человѣка съ высшими понятіями о литературныхъ занятіяхъ, Жуковскій началъ жить только для поэзіи. Съ его именемъ соединялось въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи предчувствіе какого-то разсвѣта. Стихи его быстро переходили изъ рукъ въ руки, и являлись часто въ печати тамъ, куда авторъ еще не показывался. Такъ въ 1807 году въ Петербургѣ издано было особою брошюрою стихотвореніе его «Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей». Теперь, когда скончалась мать его, онъ поселился въ Муратовѣ (Орловской губ., Болховскаго уѣзда), деревнѣ сестры своей, К. А. Протасовой, переѣхавшей туда изъ Бѣлева съ семействомъ. Сельская жизнь постоянно влекла его къ тихимъ своимъ удовольствіямъ. Отъ полноты души высказался онъ, когда написалъ (1805):

«Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
        И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
        Часы сей жизни скоротечной;
Кто въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ

Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,
Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру согласяя съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ, пѣть есть мой удѣлъ...»

Ничего очаровательнѣе представить нельзя, когда вообразишь эту эпоху его. Общественной жизни онъ узналъ столько, чтобы не сдѣлаться мизантропомъ и не сожалѣть о ней. Славы на его долю досталось болѣе, нежели онъ могъ желать по исключительной своей склонности къ простотѣ и тихимъ семейнымъ радостямъ. Онъ окруженъ былъ обществомъ людей, которые любили его искренно и наслаждались его счастіемъ какъ собственнымъ. Равная ихъ образованность и одинаковый вкусъ искали сходныхъ занятій и удовольствій. Тамъ-то изученъ былъ Шиллеръ — и, можетъ быть, еще нигдѣ не оказывалось столько поклоненія его генію. Жуковскому исполнилось двадцать-шесть лѣтъ. И въ обыкновенномъ человѣкѣ эта пора развиваетъ благороднѣйшія и нѣжнѣйшія сочувствія. Что же должно было, при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, развиться въ душѣ поэта? Онъ полонъ былъ вдохновенія, счастія и высокой, необыкновенной любви. Ощущенія свои, столь же чистыя, какъ и живыя, столь же сильныя, какъ и возвышенныя, онъ изобразилъ тогда преимущественно въ «Посланіи къ Батюшкову» и въ первой части «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ». Но еще не вѣрное представленіе образовалось бы о полной картинѣ жизни Жуковскаго въ деревнѣ, если бы не было упомянуто здѣсь, что къ семейству, посреди котораго онъ жилъ, дружба и уваженіе привлекали изъ сосѣдства много другихъ лицъ, которыя умѣли дѣлить благородныя забавы ума. Такъ, напримѣръ, семейство А. А. Плещеева содѣйствовало къ разнообразію ихъ общихъ удовольствій. Музыка, театръ и чтеніе драматическихъ писателей столько же были

по вкусу всѣхъ, сколько всѣ показывали въ нихъ успѣховъ. Особенно самъ А. А. Плещеевъ неподражаемо дѣйствовалъ какъ дилетантъ, какъ артистъ и какъ декламаторъ.

Давно занимался Жуковскій составленіемъ сборника, который бы можно было назвать соединеніемъ всего лучшаго въ русской поэзіи. Наподобіе греческой антологіи, такіе сборники задолго до него извѣстны были въ литературахъ нѣмецкой, французской и англійской. Они предназначаются въ пособіе исторической и теоретической части литературы. Взявши изъ каждаго поэта, который по таланту своему достоинъ изученія, одно замѣчательнѣйшее или то, что составляетъ цвѣтъ его поэзіи, составитель антологіи опредѣляетъ, кого надобно почитать принадлежащимъ исторіи и чѣмъ онъ останется памятенъ на ея страницахъ. Въ то же время избранныя стихотворенія, если только соблюдено будетъ предыдущее условіе, непремѣнно составятъ подтвержденіе правилъ науки и представятъ образцы, какъ исполнять требованія теоріи. Отсюда слѣдуетъ, что за изданіе подобной книги только и можетъ взяться истинный талантъ, классической писатель, знатокъ всего, что совершалось въ исторіи словесности. Никто не усомнится, что у Жуковскаго всѣ были права на это предпріятіе. Но самая его идея такъ еще была тогда нова въ нашемъ отечествѣ, что Державинъ, какъ извѣстно изъ частной переписки, возставалъ противъ сборника Жуковскаго, находя въ исполненіи покушеніе на права собственности. Краснорѣчиво и со всею юридическою логикою отвѣчалъ ему А. И. Тургеневъ. Сборникъ не былъ остановленъ, и началъ съ 1810 года являться въ свѣтъ. Онъ называется: «Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ». Въ послѣдствіи времени явилось множество такихъ сборниковъ. Но такъ какъ у подражателей, лишенныхъ дарованія и знаній, самый лучшій примѣръ обращается въ поводъ къ предпріятіямъ безплоднымъ и даже смѣшнымъ, то и не удивительно, что размноженіе ихъ охладило къ нимъ общее вниманіе.

VIII.

Въ іюлѣ 1812 года обнародованъ былъ высочайшій манифестъ о составленіи военной силы. Сердце поэта встрепенулось. Онъ въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ поступилъ въ московское ополченіе въ чинѣ поручика. Постоянно находясь при дежурствѣ главнокомандующаго арміями князя Кутузова-Смоленскаго, Жуковскій уже въ ноябрѣ того же года, за отличіе въ сраженіяхъ, награжденъ былъ чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2-й степени. Онъ сопровождалъ главную квартиру до Вильно, гдѣ занемогъ опасною горячкою, и въ состояніи безпамятства былъ тамъ оставленъ съ другими больными. Въ декабрѣ 1812 года ополченіе было распущено, и онъ получилъ увольненіе отъ московской военной силы. Изнуренный усталостію и еще невыздоровѣвшій, онъ возвратился къ своимъ въ Муратово. Но этотъ короткій періодъ его жизни внесъ въ исторію такое безсмертное дѣло, о которомъ никогда не забудетъ Россія. Послѣ отдачи Москвы непріятелю, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, Жуковскій написалъ стихотвореніе: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». Впечатлѣніе, произведенное имъ не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другого. Эпоха была безпримѣрная — и пѣвецъ явился достойнымъ ея. Вотъ что послѣ сказалъ онъ самъ о ней:

«На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льстецъ,
Когда хвала — восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: Царь!»

Можетъ быть, патріотическій энтузіазмъ никогда и нигдѣ не доходилъ до такой силы и всеобщности, какъ у насъ въ отечественную войну. Въ одинъ годъ «Пѣвца» вышло два изданія. Итакъ не удивительно, что сочувствіе къ энтузіазму поэта повсемѣстно выразилось въ высшей степени. Имератрица Марія Θеодоровна, прочитавъ это стихотвореніе Жуковскаго, поднесенное Государынѣ И. И. Дмитріевымъ, приказала просить автора, чтобы онъ доставилъ Ея Величеству экземпляръ стиховъ, собственною рукою его переписанный, и приглашала его въ Петербургъ. Не чувствуя себя еще въ силахъ на поѣздку, онъ отправилъ требуемый экземпляръ, прибавивши новое стихотвореніе, начинающееся словами:

«Мой слабый даръ Царица ободряетъ...»

Только въ 1815 году Жуковскій наконецъ прибылъ сюда. Немедленно удостоенный самаго милостиваго пріема у Государыни, онъ тутъ же получилъ назначеніе быть у нея чтецомъ. Павловскъ тогда сдѣлался средоточіемъ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ и Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ августѣйшей покровительницы отечественныхъ талантовъ.

IX.

Съ этой поры все, окружавшее поэта, было для него ново: неизмѣнными остались его вдохновеніе, любовь его къ поэзіи, и чистое, природою для простоты взлелѣянное сердце. Друзья сладостной сельской жизни его также покинули Муратово. К. А. Протасова переѣхала въ Дерптъ, куда А. Θ. Воейковъ назначенъ былъ профессоромъ русской словесности въ университетѣ. Старшая дочь ея, Марья Андреевна, вышла тамъ замужъ за профессора Мойера. Тамъ она и скончалась въ 1823 году. Это было существо неземное. Воспоминаніе о ней всю жизнь наполняло душу поэта чѣмъ-то небеснымъ. Жуковскій въ Петербургѣ

сперва жилъ у Д. Н. (графа) Блудова, котораго дружба съ дѣтскихъ лѣтъ не покидала его до кончины. А. А. Плещеевъ, овдовѣвъ, переѣхалъ съ дѣтьми сюда же. Съ нимъ и поэтъ устроилъ общую себѣ квартиру, возложивъ на него холостое хозяйство свое и потому въ шутку называя его своей женою. Они поселились у Кашина моста за каналомъ въ угловомъ домѣ. Сюда по суботамъ собирался на вечеръ къ Жуковскому избранный кружокъ тогдашнихъ писателей и любителей просвѣщенія. Было что-то рѣдкое въ этомъ братствѣ и общеніи лучшихъ талантовъ и лучшихъ умовъ столицы. Разговоръ естественно склонялся на то, чѣмъ преимущественно занимались гости. Совершенствованіе произведеній ума и вкуса столько же у всѣхъ было на сердцѣ, какъ слава и благосостояніе отечества. Писатели, уже пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, и молодые люди, едва выступившіе на свое поприще, но увѣнчанные надеждою, всѣ съ одинаковою откровенностію высказывали мысли свои, потому что равно любили искуство и искали только истины. Такъ называвшееся «Арзамасское» общество, въ которомъ изъ-подъ шуточныхъ формъ юношеской причудливости много блеску, остроумія и свѣжести сообщилось русской литературѣ, видимо продолжало существованіе свое на вечерахъ Жуковскаго. Главнѣйшіе подвижники идеи прекраснаго и здѣсь были тѣ же. Они только возмужали въ сужденіяхъ и серьезно принялись за дѣло. Еще до отъѣзда Батюшкова въ Италію тутъ же явился Пушкинъ съ первыми пѣснями «Руслана и Людмилы». Каждую суботу приносилъ онъ новую пѣснь. Сколько предметовъ открывалось для тонкихъ замѣчаній и дружескихъ, но тѣмъ не менѣе строгихъ сужденій!

Въ теченіе 1816 года Жуковскій привелъ къ окончанію первое изданіе стихотвореній своихъ, написанныхъ въ разное время. Они явились въ двухъ томахъ, и приняты были всѣми съ восхищеніемъ. Въ Россіи никогда молодое поколѣніе не увлекалось съ такою пламенною любовію за образцомъ своимъ, какъ это ощутительно было въ описываемую эпоху. Только и разговаривали о стихахъ Жуковскаго, только ихъ и повторяли другъ другу на-

изусть. Это можно сравнить развѣ съ энтузіазмомъ къ Гёте въ Германіи. Когда министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, представилъ Императору Александру Павловичу экземпляръ этихъ стихотвореній, Государь выразилъ автору совершенное свое удовольствіе, пожаловавши ему брильянтовый перстень съ вензеловымъ своимъ изображеніемъ и 4,000 руб. ежегоднаго пожизненнаго пансіона. Царскія милости встрѣтили въ душѣ автора такой отзывъ, который достоинъ извѣстности. Онъ до сихъ поръ тайно сохранялся въ одномъ частномъ письмѣ его изъ Дерпта. «Пансіонъ, который далъ мнѣ Государь (говоритъ онъ другу, вызывавшему его оттуда въ Москву), который я считаю наградою за *добрую надежду*, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что-нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь то же, что благодарность. Чтобы работать порядкомъ, надобно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать что-нибудь важное, надобно собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу — а время между тѣмъ летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! и боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ. Мнѣ нельзя перетащить съ собою всѣхъ своихъ книгъ; а большая часть ихъ будетъ мнѣ нужна, если не для чтенія, то для справокъ. Сверхъ того, я беру здѣсь лекцію, именно для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая, и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что-нибудь важное: безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ. Я не долженъ обмануть надежды царской».

X.

Между тѣмъ, какъ Жуковскій съ такою строгостію судилъ себя, и готовился къ новому поэтическому труду съ такою добросовѣстностію, судьбѣ угодно было послать неожиданный оборотъ кабинетнымъ его занятіямъ. Ему было суждено соединить съ живою поэзіею тихую педагогію. Онъ избранъ былъ для преподаванія уроковъ русскаго языка Государынѣ Великой Княгинѣ, нынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ. Ничего нѣтъ назидательнѣе, какъ созерцаніе и изученіе жизни великаго человѣка, особенно во время переходовъ его съ одного поприща на другое, когда онъ долженъ не только показать новыя силы ума, но и быстро усвоить новыя пособія занятій. Въ этихъ-то случаяхъ Жуковскій и представляетъ собою образецъ, достойный подражанія. Съ удивительнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ онъ принялся за обработываніе грамматики русскаго языка, и особенно за изслѣдованіе глаголовъ его, этой загадки, до сихъ поръ вполнѣ неразгаданной. Жуковскій чувствовалъ, что надобно собственнымъ взглядомъ и собственными соображеніями переселить науку въ душу свою, когда приходится въ ея лабиринтъ вводить другое лицо. Чужая система, какъ бы хороша ни была она, не срастается органически съ нашими сужденіями. Слова, приготовленныя для насъ чужимъ умомъ, какъ-то неубѣдительны въ устахъ нашихъ. Имъ слѣдуетъ выработаться въ нашей душѣ и звучать силою собственнаго убѣжденія нашего. Онъ ревностно обработалъ каждую часть русской грамматики, и такъ облегчилъ спряженія, что ему самому весело было съ любопытствующими разсматривать узоры этихъ іероглифовъ. Объ одномъ нельзя не пожалѣть: Жуковскій, въ продолженіе слѣдующихъ годовъ жизни, много составилъ руководствъ и пособій по разнымъ наукамъ, а ничего не издалъ для общаго употребленія. Сперва удерживался онъ естественною скромностію, а наконецъ продолжительная разлука съ друзьями и отечествомъ не допустили его до исполненія

мысли, которую онъ лелѣялъ и о которой безпрестанно говорилъ въ своихъ письмахъ. «Чтобы обратиться къ моимъ педагогическимъ занятіямъ (которыя не безъ поэзіи), писалъ онъ въ послѣднее время, я желалъ бы составить полный курсъ домашняго, систематическаго ученія, составить его такъ, чтобы онъ могъ пригодиться и въ другихъ семействахъ, чтобы отцы и матери могли имъ пользоваться, не прибѣгая къ помощи наемниковъ. По удастся ли это? Глаза служатъ плохо; работать долго стоя, какъ я привыкъ прежде, уже не могу: ноги устаютъ; сидя работать также долго не могу: кровь бѣжитъ въ голову. И какъ нарочно, думая, что въ 1848 году отправлюсь въ Россію, я всѣ свои педагогическія работы отослалъ вмѣстѣ съ нужными книгами въ Петербургъ. Надобно начинать снова; время не терпитъ. А когда буду на мѣстѣ — какъ узнать? Еще не знаю, *гдѣ будетъ мое мѣсто!*» Въ другомъ письмѣ объ этомъ же предметѣ онъ говоритъ: «Я не намѣренъ печатать ничего въ прозѣ, кромѣ развѣ моихъ грамматическихъ таблицъ, моей живописной азбуки, моей живописной священной исторіи, моей мнемонической ариѳметики и моего историческаго атласа древней исторіи, который постараюсь привести къ окончанію до моего отъѣзда изъ Бадена». Еще замѣчательнѣе то краснорѣчіе, съ которымъ защищалъ онъ свою педагогію, когда вызывали его отъ нея къ поэзіи. «Не горюйте (отвѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ), что я, отложивъ поэзію, принялся за дѣтскую азбуку. Въ этомъ занятіи глубокая жизнь. Первое воспитаніе, первыя понятія дѣтей принадлежатъ, какъ святѣйшее, нераздѣлимое ни съ кѣмъ сокровище, отцу и матери. Кому можемъ мы уступить эту прелесть перваго знакомства съ первыми проявленіями душевной и мысленной жизни нашего младенца? Что сильнѣе можетъ утвердить союзъ сердецъ между родителями и дѣтьми, какъ не этотъ *совокупный* входъ, *однихъ обратно*, въ дѣтскія ихъ лѣта, воскресающія передъ ними въ младенчествѣ ихъ дѣтей, а *другихъ впередъ*, на первый, свѣжій, только начинающій разцвѣтать лугъ ихъ лучшихъ лѣтъ, рука въ руку съ отцомъ и матерью, которые одни могутъ съ ними

играть на этомъ лугу, забывая свои зрѣлыя или старыя лѣта?» Далѣе онъ прибавляетъ: «Нѣтъ, мой милый! это педагогическое занятіе не есть просто механическое преподаваніе азбуки и механическій счетъ — это педагогическая поэма, въ которую все входитъ, и которой никто не можетъ сочинить съ такимъ единствомъ, какъ самъ отецъ, если только онъ имѣетъ къ тому призваніе». Уже по этимъ отрывкамъ можно судить, какъ онъ былъ способенъ увлечься новымъ трудомъ, совсѣмъ на новомъ поприщѣ, и сколько въ глубокой душѣ его лежало умственныхъ сокровищъ!

XI.

Какъ ни строго исполнялъ Жуковскій свои обязанности въ новой должности поэтически дѣятельная мысль его изобрѣла средство слить въ одно занятіе поэзію и языкоученіе. Августѣйшая слушательница уроковъ его помнила наизусть лучшія небольшія стихотворенія изъ первокласныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Преподаватель русскаго языка, одаренный необыкновеннымъ талантомъ возсоздать всякое произведеніе поэзіи на языкѣ отечественномъ, не измѣняя не только идей и красотъ его, но сохраняя даже въ каждомъ стихѣ число и порядокъ его словъ, началъ переводить эти перлы поэзіи. Можно вообразить всю занимательность и прелесть преподаванія, когда основаніемъ урока служило чтеніе восхитительныхъ стиховъ на двухъ языкахъ; когда однѣ и тѣ же мысли, разсказы, описанія, картины незамѣтно печатлѣлись въ умѣ, обогащая память не звуками безъ образовъ, а проникающими въ душу словами, изъ которыхъ при каждомъ по-русски оставалось все то, что такъ было неразлучно при немъ же по-нѣмецки. Въ этомъ счастливомъ настроеніи ума не трудно уже было дополнять его пріобрѣтенія указаніями на таблицы склоненій и спряженій. Можно поэтому сказать, что вѣрнѣе Жуковскаго никому не удавалось приводить въ исполненіе знаменитое Гораціево правило: *пріятное съ полезнымъ.* Переводы, для особаго назначенія вылившіеся изъ-подъ пера поэта, онъ хра-

вилъ какъ что-то освященное, и потому напечаталъ ихъ въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Они выходили тетрадками въ 12-ю долю листа на прекрасной бумагѣ съ бѣлою оберткою, гдѣ стояла на двухъ языкахъ надпись: «Для немногихъ». Въ продажѣ никогда ихъ не было. Ихъ получили отъ автора нѣкоторыя особы, дорогія для его сердца.

Вторая часть «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» кончена въ 1817 году. Авторъ напечаталъ всю балладу отдѣльно, прибавивъ, кромѣ посвященія «Вадима» Д. Н. Блудову, стихи, которые написалъ передъ своимъ «Фаустомъ» Гёте, когда кончилъ «Елену». Жуковскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что между началомъ и окончаніемъ баллады его также очутился значительный промежутокъ времени, какъ и у Гёте при сочиненіи знаменитой драмы. Конечно, никто не прочтетъ безъ умиленія этихъ очаровательныхъ строкъ по-русски. Въ нихъ есть мѣста плѣнительнѣе самаго подлинника. Баллада же останется въ литературѣ нашей самымъ живымъ, самымъ вѣрнымъ отголоскомъ прекрасной души поэта, когда всѣ лучшіе двигатели вдохновенія: молодость, любовь, чистота, набожность и сила, совокупно въ ней дѣйствовали.

Какъ писатель въ прозѣ, Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. По своему призванію отдавшись вполнѣ стихотворству, не много успѣлъ онъ обработать прозаическихъ сочиненій; но и они показали въ немъ законодателя прекраснаго русскаго языка и свѣтлаго мыслителя. Пушкинъ, говоря о критическихъ его сочиненіяхъ, признавалъ въ немъ лучшаго по этой части писателя въ Россіи. Особенно драгоцѣнны для насъ, какъ образцы повѣствованій, его переводы повѣстей, помѣщенные имъ въ «Вѣстникѣ Европы». Никто живѣе его не умѣлъ чувствовать и вѣрнѣе передавать красотъ мѣстности, разнообразія характеровъ, оттѣнковъ народности и другихъ принадлежностей, которыми талантъ возвышаетъ надъ обыкновенными явленіями каждое свое созданіе. Итакъ не удивительно, что переводы и сочиненія Жуковскаго въ прозѣ на-

чали являться въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Первые напечатаны въ 1816 — 1817 г., а вторыя въ 1818, въ Москвѣ. Здѣсь въ Петербургѣ готовили между тѣмъ второе изданіе его «Стихотвореній», которое тоже въ 1818 году вышло въ трехъ уже томахъ.

Успѣхи Жуковскаго въ литературномъ мірѣ привлекли къ нему вниманіе разныхъ ученыхъ обществъ, которыя, одно передъ другимъ, спѣшили внести имя его въ свои лѣтописи, какъ имя члена своего. Такъ, напримѣръ, въ 1816 году это было въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1818 въ Россійской академіи, въ 1829 въ Санктпетербургскомъ университетѣ, и проч.

XII.

Какъ ни пріятною казалась жизнь поэта, посвященная прекраснымъ трудамъ, которые увѣнчиваемы были повсемѣстными успѣхами, однакоже судьба умѣла приготовить ему еще лучшія удовольствія. Наступилъ 1821 годъ — и Жуковскій, въ числѣ особъ, сопровождавшихъ великаго князя, нынѣ благополучно царствующаго Императора, и августѣйшую супругу его, отправился за границу. Не суетныя развлеченія питали душу поэта: прекрасная природа повѣяла на него плодотворнымъ вдохновеніемъ. Никогда поэтическая дѣятельность его не являлась столь производительною, какъ въ продолженіе этой поѣздки. Онъ успѣлъ въ одинъ годъ, не считая мелкихъ стихотвореній, подарить русской литературѣ три поэмы. Вотъ ихъ заглавія: «Орлеанская дѣва» Шиллера, «Пери и Ангелъ» Мура и «Шильйонскій узникъ» Байрона. Равныя по своимъ поэтическимъ красотамъ, онѣ представляютъ удивительное разнообразіе по самому характеру поэтовъ и по содержанію стихотвореній. Такое пріобрѣтеніе развѣтвило направленіе и нашей поэзіи. Мы особенно почувствовали успѣхи въ языкѣ нашемъ и въ искусствѣ съ появленіемъ «Орлеанской дѣвы», соединяющей въ себѣ всѣ тоны поэзіи и все очарованіе драмы, развитой свободно и такъ счастливо примиряющей исто-

рію съ поэзіею. Великолѣпныя празднества, приготовленныя въ Берлинѣ въ честь августѣйшихъ гостей, равно вдохновляли поэта. «Лалла-Рукъ» Мура навела берлинскій Дворъ на мысль устроить чудный маскарадъ въ восточномъ вкусѣ. Представленіе героини поэмы удостоила принять на себя государыня великая княгиня. Стихи Жуковскаго, изображающіе Лалла-Рукъ, восхитительны:

«Милъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханный,
Безмятежный Кашемиръ;
Видѣлъ я: торжествовали
Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
Изъ далекой стороны.

«И блистая, и плѣняя —
Словно ангелъ неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Свѣтлый завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.

«Все — и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной —
Все въ ней было безъ искуства
Неописанной красой».

Но когда онъ описываетъ ее какъ олицетвореніе самой поэзіи, какой-то обаятельный трепетъ чувствуется въ сердцѣ.

«Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
Богиня пѣсней молодая
На паланкинѣ золотомъ.

«Какъ свѣжей утренней порою,
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

«И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной,
Всеобновляющей весной.

«Сама гармонія святая
Ея намъ мнилось бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая
Манила въ рай она ее.

«При ней всѣ наши мысли — пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ — все пѣсня въ ней».

Изъ одного мѣста въ письмѣ Жуковскаго къ другу [1]) ближе и точнѣе можно узнать, какими удовольствіями пользовался онъ во время пребыванія своего за границею. «Самая лучшая эпоха жизни моей послѣ разлуки съ вами (говоритъ онъ) есть 1821 годъ. Я постранствовалъ по Европѣ: провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію: прошелъ черезъ Сенъ-Готаръ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago Maggiore; любовался Боромейскими островами; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Montblanc;

---

[1]) Къ своей племянницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ (дочери Варвары Аѳанасьевны Юшковой). *Я. Г.*

видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками — и все это оставило на душѣ то волненіе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исчезающій въ минуту удовлетворенія. Не описываю вамъ подробностей — можетъ-быть, вы будете имѣть ихъ печатныя. Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искуствѣ, посылаю мои гравюры павловскихъ видовъ. Также будутъ сдѣланы и швейцарскіе; только при нихъ будетъ описаніе».

XIII.

По возвращеніи въ Петербургъ, Жуковскій поселился ближе къ Аничкину дворцу, сперва въ Итальянской улицѣ, гдѣ нынѣ Михайловская площадь, а потомъ на Невскомъ, прямо противъ Дворца. Тамъ и здѣсь собственныя комнаты его были въ квартирѣ семейства А. О. Воейкова, который въ 1820 году перешелъ на службу сюда, оставивъ дерптскую каѳедру. Въ это время у Жуковскаго не было опредѣленнаго дня, въ который бы собирались къ нему друзья его. За то онъ каждый день видѣлъ многихъ изъ нихъ, навѣщавшихъ его. Свободные вечера проводимы были по большей части у Карамзина, гдѣ, какъ въ центрѣ умственной дѣятельности, соединялись тогда представители высшей образованности и вкуса. Въ первомъ году по прибытіи изъ-за границы Жуковскій отдѣльно издалъ поэму «Шильйонскій узникъ», приготовляя уже къ печатанію всѣ стихотворенія свои третьимъ изданіемъ, которое и явилось 1824 года.

Посреди всегдневныхъ трудовъ своихъ, педагогическихъ и литературныхъ, онъ еще принужденъ былъ въ этотъ періодъ жизни бороться съ напоромъ тягчайшихъ сердечныхъ испытаній. Въ 1823 году суждено ему было видѣть друга своего, поэта Батюшкова, въ болѣзненномъ разстройствѣ души. Жуковскій

былъ готовъ на все рѣшиться, чтобы лично содѣйствовать избавленію страждущаго отъ ужаснаго его положенія. Нельзя представить ничего трогательнѣе словъ Жуковскаго, которыя сохранились въ одномъ его письмѣ въ Николаевъ во время пребыванія Батюшкова въ Симферополѣ. «Хочу поручить вашему нѣжному попеченію друга (писалъ онъ), которому другъ и вы заочно, ибо знаете его душу. Говорю о нашемъ поэтѣ Батюшковѣ. Онъ теперь находится въ Симферополѣ. Не смѣю назвать его болѣзни помѣшательствомъ: этого слова не хочется ни произносить, ни писать. Но его болѣзнь похожа на помѣшательство. Онъ сдѣлался дикъ, отчуждился отъ всѣхъ друзей; подозрѣніе овладѣло его душою; онъ увѣренъ, что его окружаютъ какіе-то тайные враги, хотятъ лишить его чести и очернить предъ правительствомъ. Теперь слышу, что еще новое къ этой мысли присоединилось: желаніе смерти. Болѣзнь такого рода, что требуетъ нѣжной, осторожной и терпѣливой попечительности. Но онъ одинъ въ Симферополѣ; объ немъ заботится находящійся тамъ докторъ Мюльгаузенъ, и самъ губрнаторъ П. [1]) знаетъ объ немъ и хлопочетъ. Отсюда скоро поѣдетъ къ нему родственникъ Ш. [2]). Подумайте, не можете ли вы что нибудь стѣлать? Ему нужны осторожныя попеченія. Болѣзнь нравственная—болѣе, нежели физическая. Не можете ли вы съѣздить въ Симферополь, когда будетъ тамъ Ш.? На мѣстѣ легче знаешь, что нужнѣе всего сдѣлать. Увидите сами, и можете рѣшиться, чѣмъ принести пользу гибнувшему. Напишите въ Симферополь (по полученіи этого письма), хотя къ самому П., чтобъ онъ увѣдомилъ васъ, тутъ ли Ш., и съѣздите туда сами, если можно. Надобно или вытащить Батюшкова изъ Крыма, или ввѣрить его надежному попеченію. Вѣроятно, что вы получите это письмо тогда уже, когда Ш., или кто иной изъ родныхъ будутъ уже съ нимъ. Вамъ

---

[1]) Николай Ивановичъ Перовскій. *Я. Г.*

[2]) Павелъ Алексѣевичъ Шипиловъ, который былъ женатъ на старшей сестрѣ Батюшкова, Елисаветѣ Николаевнѣ. Онъ былъ назначенъ опекуномъ больного. *Я. Г.*

стоитъ только прямо списаться съ П. Прошу васъ увѣдомить меня, начто вы рѣшитесь».

Сильнѣйшее испытаніе тогда же потрясло душу нашего поэта. Старшая дочь К. А. Протасовой, М. А. Мойеръ, скончалась въ Дерптѣ. Со времени переселенія своего въ Петербургъ, Жуковскій тамъ видѣлъ какъ бы новое для себя Мишенское. Ежегодно ѣздилъ онъ туда на поэтическій отдыхъ среди родныхъ, столь милыхъ его сердцу. Умершая была между ними существомъ незамѣнимымъ. Кто зналъ всю цѣну души ея, тотъ вѣрно примѣнитъ къ этому идеальному созданію восхитительные стихи Жуковскаго, какъ бы въ предчувствіи теперешняго событія за семь лѣтъ имъ написанные:

«Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

«Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья,
И знаю *здѣсь*, сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.–

Другъ! *на землѣ* великое не тщетно!
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О, милый, *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ».

Невозможно описать, до какой степени растерзана была душа его скорбію, когда онъ возвратился сюда, проводивши драгоцѣнный прахъ до послѣдняго земного жилища. Только тотъ можетъ ясно представить его состояніе, кто зналъ трогательную привязанность его ко всему, доносившему до него сладостный отзывъ далеко отодвинувшагося дѣтства и милыхъ о немъ воспоминаній. Всѣ письма его къ роднымъ наполнены умилительнымъ лепетомъ

этой младенческой до старости души, отовсюду порывавшейся къ первымъ ея друзьямъ, къ первому ея счастію. Въ 1824 году, послѣ извѣстія, что у А. П. Зонтагъ родилась дочь, Жуковскій писалъ такъ: «Какая-то Немезида преслѣдуетъ меня. Я наказанъ небомъ за мою непростительную лѣнь писать письма. Я точно писалъ къ вамъ два раза по полученіи извѣстія о вашей крошкѣ — но вы не получали моихъ писемъ. По дѣломъ мнѣ; но за что же вамъ огорченіе? Ибо вамъ вѣрно весело было бы слышать поздравительный голосъ своего брата и друга. Итакъ, хотя поздно, поздравляю васъ съ вашимъ милымъ товарищемъ. Дай Богъ, чтобы она долго, долго жила на вашу радость; чтобы пережила васъ, но только тогда, когда вы уже будете довольны жизнію, и сами захотите въ другую сторону. Когда-то увидимся мы въ здѣшней сторонѣ — право и надежды нѣтъ! Вашъ прекрасный Крымъ, какъ будто далекая мечта для меня. Хотѣлось бы заглянуть въ очарованный край — далекъ! далекъ! Хотѣлось бы взглянуть на васъ, на моего представителя прежнихъ, лучшихъ лѣтъ — но намъ суждено старѣться розно. Когда увидимся, то замѣтимъ другъ на другѣ, что долго были въ разлукѣ. Перемѣны нравственной во мнѣ не найдете — тотъ же дитя, житель уединенія. Но теперешняя жизнь остановила меня на одномъ мѣстѣ; я не перемѣнился и не подвинулся впередъ, слѣдовательно остался назади — а все прежнее исчезло...»

XIV.

Переходъ къ новой, священной обязанности, къ новымъ, важнѣйшимъ занятіямъ стройно и твердо на одномъ предметѣ сосредоточилъ всѣ помыслы, всѣ заботы высоко-прекрасной души поэта. Императору Николаю Павловичу, по вступленіи на престолъ, благоугодно было избрать его въ наставники при воспитаніи великаго князя Наслѣдника. Можетъ-быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона, ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жу-

ковскій. Его воображеніе, умъ и сердце, измѣряя великость предстоящаго подвига, уже заранѣе обнимали всѣ его части, разлагали все въ подробности, совокупляли въ цѣлое — и не было для нихъ другой цѣли, кромѣ блага, чести и достоинства. Со времени поступленія въ преподаватели русской словесности при великой княгинѣ, онъ причисленъ былъ по службѣ къ министерству народнаго просвѣщенія, и въ 1823 году произведенъ сперва въ коллежскіе ассесоры, а послѣ въ надворные совѣтники. Нынѣ Государь, въ награду ревностной службы Жуковскаго, изволилъ пожаловать ему орденъ св. Владиміра 3-й степени. Нѣкоторымъ образомъ можно заглянуть въ душу поэта нашего и усмотрѣть, что́ въ ней происходило, когда прочитаемъ слѣдующія его строки изъ письма къ одному другу: «Ваше письмо точно было голосъ съ того свѣта, а *тѣмъ свѣтомъ* я называю нашу молодость, наше бывалое, счастливое *вмѣстѣ*. Какъ давно не говорили мы другъ съ другомъ! Какъ давно мы розно! Неужели мы стали другъ для друга чужіе? Не я этотъ вопросъ дѣлаю! Я не могу его сдѣлать *себѣ* на вашъ счетъ, ибо не естественно притти ему въ голову: сердце не пропуститъ — сердце, въ которомъ всегда, всегда живо братское къ вамъ чувство и благодарность за ваше нѣжное товарищество въ лучшіе годы жизни, и дружба, которая никогда не переставала быть чувствомъ настоящимъ и не принадлежащимъ одному воспоминанію. Но мы не пишемъ другъ къ другу — вотъ настоящая разлука! Мы не знаемъ, что́ съ нами дѣлается. Все, что насъ окружаетъ, чуждо для каждаго изъ насъ. Чувствую это несчастіе — и никакъ не умѣю помочь ему. Со всѣми *моими* у меня одно! Сколько разъ принимался начинать переписку — и все понапрасну! Я отъ этой болѣзни неизлѣчимъ, и чувствую съ горемъ, какъ она мучительна и убійственна. Она клевещетъ на меня передъ моими друзьями. Они полагаютъ, что параличъ, заключающійся въ одних моихъ пальцахъ, которые почти разучились водить перомъ въ послѣдніе дни, перешелъ въ мою душу. Нѣтъ! душа еще жива, а письма не пишутся. Теперь почти сдѣлалось для меня невозможнымъ сохранить какую-

нибудь точность въ перепискѣ. Моя настоящая должность беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе! Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность (не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ — за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться)! Занятіе, питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ; но кругъ дѣйствія безпрестанно будетъ расширяться! Занятій множество; надобно учить и учиться — и время все захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ рифмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь. Вамъ объяснять этого нѣтъ нужды: мы съ вами взросли на однѣхъ идеяхъ. Итакъ, дайте мнѣ *отпускъ* на счетъ моего письменнаго молчанія, и не наказывайте меня своимъ».

Въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія и ученія, обыкновенно еще сливающихся въ одну задачу, весь успѣхъ зависитъ отъ умѣнья развивать равномѣрно тѣлесныя и душевныя способности, ничего не покидая въ бездѣйствіи и ни къ чему не приступая преждевременно. Это повидимому простое и для всякаго ума ясное правило представляетъ въ примѣненіи своемъ величайшія затрудненія. Въ нихъ-то вперенъ былъ тогда заботливымъ умомъ своимъ весь Жуковскій. Во всѣ часы дня никто иначе не находилъ его, какъ за предварительными работами и предначертаніями. Не довѣряя легкомысленно одной опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію прекраснаго своего ума, онъ читалъ все, что́ могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами, и совершенствовалъ планъ свой день ото дня лучше и прочнѣе. Августѣйшему питомцу совершилось тогда семь лѣтъ. Сколько можно было придумать для этого нѣжнаго возраста занятій, легкихъ, но необходимыхъ въ полномъ кругу постепеннаго ученія, все устроилъ предусмотрительный наставникъ. Онъ до того простеръ

пламенную свою ревность въ святомъ дѣлѣ, что первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая на опытѣ убѣдиться, дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ его предположеніямъ. Озабочиваясь между тѣмъ раздѣленіемъ этого труда между достойнѣйшими по каждой части лицами, безъ чего занятія не получили бы законной своей характеристики, и самъ онъ изъ наблюдателя превратился бы въ сухого энциклопедиста, Жуковскій съ полнымъ безпристрастіемъ, съ удивительнымъ вниманіемъ и осторожностію избралъ людей, которые должны были дѣйствовать подъ его главнымъ надзоромъ.

XV.

Великому дѣлу начало было положено. Передъ поэтомъ-педагогомъ вдали виднѣлись новые труды, слышались новые вопросы и обнимали душу его новыя заботы. Онъ былъ изнуренъ физически, и сознавалъ необходимость обширнѣйшихъ пріобрѣтеній по части педагогіи. Чтобы возстановить слабое здоровье свое и тутъ же извлечь пользу для своей должности, въ 1826 году онъ снова собрался за границу. Это былъ годъ, въ который Россія лишилась Карамзина. Жуковскій всегда питалъ къ нему уваженіе, переходившее въ чувство какого-то благоговѣнія, потому что онъ совершенно введенъ былъ въ святилище души исторіографа. Собравшись въ свою поѣздку въ апрѣлѣ, поэтъ не предвидѣлъ, что уже въ маѣ великая душа покинетъ землю. «Кто зналъ внутреннюю жизнь Карамзина (слова Жуковскаго), кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были, по какому-то естественному сродству, согласны съ правилами строгаго разума; какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ; какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ, и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія

его радости и печали, и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы навѣки продолжаться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина, — для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ».

Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій возвратился изъ-за границы въ Петербургъ. «Я не даромъ (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ) ѣздилъ за границу: воды мнѣ помогли. Я воротился совсѣмъ не тотъ, каковъ поѣхалъ. Между тѣмъ видѣлъ много прекрасныхъ сторонъ; жилъ цѣлую зиму въ Дрезденѣ, который самъ по себѣ и по прелестнымъ окрестностямъ весьма пріятенъ. Жилъ на Рейнѣ и объѣздилъ берега Рейна, живописные и унизанные развалинами древнихъ рыцарскихъ зáмковъ. Заглянулъ и въ Парижъ, который можно назвать безднoю дѣятельности. Нахожу, что лѣчиться такою методою весьма весело — но дорого. Впредь, если надобно будетъ за болѣзнію сдвинуться съ мѣста, поѣду къ вамъ въ Одессу. Какъ бы желалъ васъ видѣть и порадоваться вашей милою, семейною, счастливою жизнію! Итакъ, хоть одному изъ нашего прежняго круга удалось найти то, что ему надобно. Жребій этотъ выпалъ вамъ — и по дѣлóмъ! Вы его стóите!» Удовольствія поѣздки, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Жуковскій, онъ видимо схватилъ на лету. Все его вниманіе обращено было на изученіе разныхъ системъ воспитанія. Особенно проведенная имъ зима въ Дрезденѣ посвящена была этому занятію. Ни одного стихотворенія онъ не написалъ ни въ 1826, ни въ 1827 году: такъ свято чтилъ онъ обязанности долга своего. За то портфель его и библіотека приняли много сокровищъ, привезенныхъ изъ путешествія. Въ его отсутствіе только явилось вторымъ изданіемъ «Собраніе сочиненій и переводовъ его въ прозѣ», напечатанныхъ въ 4-хъ томахъ въ Петербургѣ.

Развивая общую дѣятельность сотрудниковъ своихъ по начертанному имъ плану ученія Наслѣдника, Жуковскій въ то

же время озабоченъ былъ приготовленіемъ отдѣльныхъ соображеній, по которымъ надлежало устроить преподаваніе наукъ великимъ княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Высокая довѣренность Ихъ Императорскихъ Величествъ возложила на него и эту лестную обязанность. Онъ получилъ для жительства своего комнаты въ той части Зимняго дворца, гдѣ нынѣ съ баснословнымъ великолѣпіемъ устроенъ Императорскій музеумъ. Ежедневно, лишь только должны были начинаться уроки, наставникъ порфирородныхъ дѣтей являлся для присутствія при нихъ— и, полный вниманія, оживленный участіемъ, за всѣмъ слѣдовалъ неослабно. Ничего нельзя вообразить умилительнѣе картины, какую представляло это соединеніе, съ одной стороны, людей въ зрѣломъ возрастѣ, стройно, ясно и назидательно излагающихъ важныя истины, занимательныя событія или увлекательныя описанія, а съ другой, жадное вниманіе отроческаго возраста, ищущаго всему причины и усиливающагося все усвоить своей естественной любознательности. Жуковскій былъ неутомимъ въ изысканіи средствъ, которыя бы, облегчая пріобрѣтеніе, въ то же время и укрѣпляли его въ умѣ и памяти. Его жилище превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особеннымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ. Но ни одна наука такъ не занимала его, какъ «исторія», эта по преимуществу наука царей. Обработыванію ея пособій онъ посвятилъ наибольшую часть драгоцѣнныхъ изобрѣтеній своихъ. Въ неусыпныхъ трудахъ его незамѣтно протекло полныхъ пять лѣтъ со времени послѣдняго его путешествія. Ежегодно производились испытанія во всѣхъ пройденныхъ предметахъ. Августѣйшіе родители, съ довѣренными особами, приглашаемыми по уваженію спеціальныхъ свѣдѣній ихъ въ разныхъ частяхъ преподаваемыхъ наукъ, каждый разъ присутствовали на экзаменахъ. Успѣхи, къ общему нашему счастію, находимы были соотвѣтствующими ожиданіямъ родителей. Благоволеніе монарха выражалось для всѣхъ ощутительно. Жуковскій, въ теченіе этого періода, достигнулъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

XVI.

Воцаренная имъ гармонія въ педагогическихъ занятіяхъ и счастливое движеніе всѣхъ частей ученія смягчили наконецъ суровыя его заботы. Онъ началъ пользоваться нѣкоторыми свободными часами и ловить быстрыя минуты вдохновенія. Въ первый разъ въ это время оно слетѣло къ нему для изображенія картины, глубокою скорбію поразившей всю Россію. Это было трогательное успокоеніе отъ долгихъ подвиговъ благотворительности Императрицы Маріи Феодоровны. Жуковскій, у гроба Государыни, въ ночи, наканунѣ погребенія тѣла ея, излилъ свои чувствованія, какъ вѣрный истолкователь того, чѣмъ трепетало сердце каждаго Русскаго. Съ какою всеоживляющею вѣрностію описываетъ онъ появленіе новаго ангела, который намъ посланъ Провидѣніемъ въ замѣнъ отлетѣвшаго!

«Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И коронок сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ какъ надежда,
Какъ покорность небу тихъ—
И на крыліяхъ живыхъ,
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира, онъ летѣлъ...»

Много другихъ стихотвореній написано имъ въ это же время. Любопытно обратить вниманіе на два изъ нихъ. Въ каждомъ характеристически изобразилось все уваженіе поэта къ геніальнымъ произведеніямъ. Еще въ первой молодости онъ напечаталъ

подражаніе Бюргеровой «Ленорѣ». Теперь показалось ему, что добросовѣстнѣе съ его стороны будетъ, если онъ эту прелестную балладу передастъ во всей точности оригинала, удержавъ даже самую форму стиховъ ея—что̀ и исполнилъ. Балладу Шиллера «Кубокъ» онъ началъ переводить тоже въ давнюю пору своего стихотворства. Но при самомъ началѣ онъ замѣтилъ тогда, что переводъ его не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ свой трудъ неконченнымъ. Почувствовавъ наконецъ убѣжденіе, что нынѣ, послѣ столькихъ опытовъ, достаточно силъ его и искуства на достойное выполненіе ранняго предпріятія, онъ приступилъ къ дѣлу и кончилъ его прекрасно.

Новая утрата въ семейномъ кругу его, такъ замѣтно распадавшемся, послѣдовала въ февралѣ 1829 года. Послѣ кончины М. А. Мойеръ, вся родственная любовь его обращена была на ея сестру, А. А. Воейкову. Существо поэтическое, оживлявшее попеченіями нѣжнѣйшей дружбы должностные труды и заботы Жуковскаго, она по слабости здоровья принуждена была уѣхать изъ Петербурга, чтобы подъ благодатнымъ солнцемъ Италіи оживить исчезавшія свои силы. Суждено было иначе—и она, отправившись за границу, не увидѣла болѣе ни милаго отечества, ни милыхъ друзей своихъ.

Въ 1831 году, первое появленіе въ Петербургѣ холеры было причиною, что высочайшій Дворъ, по отбытіи своемъ на осень изъ Петергофа въ Царское Село, оставался здѣсь долѣе обыкновеннаго. Жуковскій, нигдѣ не ослабляя строгаго исполненія прямой своей обязанности, случайно попалъ тогда на новую для себя дорогу въ поэзіи. Въ это время изъ Москвы прибылъ въ Царское Село Пушкинъ, и рѣшился провести тамъ осенніе мѣсяцы. Онъ только-что женился. Ему отрадно было насладиться новымъ счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, подъ тѣми липами и кленами, которые лелѣяли его лицейскую молодость. Понятно, что не проходило дня, въ который бы поэты не разсказывали другъ другу о тѣхъ своихъ занятіяхъ, о которыхъ еще въ древности говорили,

что утро имъ особенно благосклонно. Пушкинъ въ эту эпоху увлеченъ былъ русскими сказками. Онъ тогда между прочимъ написалъ своего «Салтана и Гвидона». Жуковскій съ восхищеніемъ выслушивалъ игривыя рифмы своего друга. Чтобы не отстать отъ него, онъ и самъ принялся за этотъ родъ поэзіи. Такимъ образомъ явились «Берендей», «Спящая Царевна» и «Война мышей съ лягушками». Въ это же время написаны и вмѣстѣ изданы: «Три стихотворенія на взятіе Варшавы», Жуковскаго и Пушкина. Баллады свои и повѣсти въ стихахъ Жуковскій напечаталъ въ 1831 году отдѣльною книгою.

XVII.

Продолжительныя занятія, не прерываемыя какими-либо развлеченіями или перемѣною образа жизни, снова начали неблагопріятно дѣйствовать на здоровье Жуковскаго, вообще расположеннаго къ недугамъ людей, не покидающихъ кабинета. Не только тѣлесное ослабленіе отнимало у него силы къ продолженію трудовъ — на самомъ характерѣ его и на расположеніи духа видимо отражалось разстройство здоровья. Это побудило его въ 1832 году предпринять третье путешествіе за границу. Тѣмъ удобнѣе онъ могъ на это рѣшиться, что въ сердцѣ своемъ сознавалъ прочность, правильность и благоуспѣшность ученія, уже развитаго по его началамъ въ образованіи Государя Наслѣдника. Жуковскій въ нынѣшній разъ не былъ стѣсненъ въ своихъ мысляхъ, и свободно могъ какъ лѣчиться, такъ и заниматься поэзіею. Ему удалось прекрасно исполнить и то и другое. Въ собраніи стихотвореній его, годъ нынѣшней поѣздки красуется на такихъ произведеніяхъ, которыя внесли въ нашу литературу удивительную прелесть. Въ особенности ничто не можетъ сравниться съ неподражаемою простотою «Романсовъ о Сидѣ», съ этою неувядающей поэзіею народа, котораго рыцарскія доблести и христіанскія чувствованія такъ сіяютъ въ европейской исторіи. Большую часть времени своего Жуковскій провелъ тогда въ Швейцаріи.

Онъ жилъ съ семействомъ давнишняго друга своего, русскаго полковника Рейтерна, не подозрѣвая, что въ толпѣ дѣтей, окружающихъ уважаемаго и любимаго имъ отца, таится существо, которому черезъ восемь лѣтъ Провидѣніемъ суждено озарить лучшимъ счастіемъ послѣдніе годы жизни нашего поэта.

Письма Жуковскаго, въ которыхъ изображаетъ онъ тогдашнюю жизнь свою, рисуя картины природы, чудно переносятъ въ настроеніе души его и въ созерцаніе дѣйствующихъ на нее предметовъ. «Теперь 4-е января (стар. ст., 1833), говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубого неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами. По озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры. На горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма. Иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часового колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ — и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера. Каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія—и мнѣ не видать Италіи! Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня

зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры[1]), которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною пополудни (время нашего общаго обѣда) я сижу у себя, или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ, и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лѣкарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны; еще нѣтъ силъ взбираться на горы. За то гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякой день и во всякую погоду. Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется: Menzel's Geschichte unserer Zeit; а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату». Онъ сравниваетъ перевороты міра физическаго съ переворотами политическаго міра, и съ удивительною ясностію, съ полною убѣдительностію выводитъ главныя истины, свидѣтельствующія, до какой степени его философія дружна съ христіанствомъ.

XVIII.

Есть другое письмо Жуковскаго, писанное въ одно время съ приведеннымъ, и во многихъ мѣстахъ касающееся тѣхъ же предметовъ, вызвавшихъ тѣ же выраженія. Но такъ какъ онъ въ немъ разговариваетъ съ другомъ своего дѣтства (Анною Пе-

[1]) Тогда же былъ сдѣланъ и прекрасный портретъ Жуковскаго. Поэтъ стоитъ передъ открытымъ окномъ; его сигара дымится, и онъ въ задумчивости смотритъ на возносящіяся передъ нимъ вершины горъ. *П. П.*

тровной Зонтагъ), то здѣсь душа его высказывается живѣе, переходя свободно отъ картинъ къ шуткамъ, а отъ шутокъ къ дѣламъ семейнымъ, или къ воспоминаніямъ о прошломъ. Здѣсь онъ виденъ точно такимъ, какъ его помнятъ друзья его въ своемъ обществѣ. «*29 января (10 февраля) 1833. Вернè.* Вы вѣрно думаете обо мнѣ на берегу Чернаго моря въ этотъ день, а я думаю объ васъ на берегу Женевскаго озера. Вѣроятно и около васъ то же, что вокругъ меня, то есть, весна (посылаю вамъ первую фіалку, сорванную нынче въ полѣ). Вашъ Эвксинъ величественнѣе моего Лемана, но вѣрно не живописнѣе своими утесами; а такихъ деревень, какія здѣсь — у васъ и впоминѣ нѣтъ. За то въ вашу гавань влетаютъ на парусахъ стопушечные корабли; шумъ торговли и разнообразіе народовъ отличаютъ вашу пристань; восточные костюмы напоминаютъ вамъ о Тысячѣ одной ночи, и подъ часъ вѣсти о чумѣ приводятъ васъ въ безпокойство. Здѣсь все тише и однообразнѣе; нѣтъ такого величія въ равнинѣ озера, котораго гранитные, высокіе берега кажутся весьма близкими; лазурь его водъ не столь блистательна; волны его не столь огромны, и ревъ его не такъ грозенъ во время бури; вмѣсто кораблей летаютъ по немъ смиренные челноки, оставляя за собою струю, и надъ ними вьется рыболовъ. Но природа вездѣ — природа, то есть, вездѣ очаровательна. Какими она красками разрисовываетъ озеро мое при захожденіи солнца, когда всѣ цвѣтá радуги сливаютъ небо и воды въ одну великолѣпную порфиру! Какъ ярко сіяетъ, по утрамъ, снѣгъ удовительной чистоты на высокихъ темно-синихъ утесахъ! Какъ иногда прелестна тишина великолѣпныхъ горъ, при яркомъ солнцѣ, когда оно перешло уже за половину пути и начинаетъ склоняться къ закату, когда его свѣтъ такъ тихо, такъ *усыпленно* лежитъ на всѣхъ предметахъ! Идешь одинъ по дорогѣ; горы стоятъ надъ тобою подъ голубымъ безоблачнымъ небомъ въ удивительной торжественности; озеро какъ стекло, не движется, а дышетъ; дорога кажется багряною отъ солнечнаго свѣта; по горамъ блестятъ деревья; каждый домъ, и въ большомъ разстояніи, виденъ; дымъ свѣтло-голубою дви-

жущеюся лентою тянется по темной синевѣ утесовъ; каждая птица, летящая по воздуху, блеститъ; каждый звукъ явственно слышенъ: шаги пѣшеходца, съ коимъ идетъ его тѣнь, скрыпъ воза, лай собаки, свистъ голубинаго полета, иногда звонкій бой деревенскихъ часовъ... все это прелесть! Но я вамъ принялся описывать то, что у меня передъ глазами, не сказавъ ни слова о себѣ. И не скажу ни слова, ибо все сказалъ въ письмѣ къ сестрѣ, которое вы получите вмѣстѣ съ вашимъ. Два раза пѣть одну пѣсню скучно, а мнѣ хотѣлось непремѣнно что-нибудь прочирикать вамъ въ день моего рожденья — итакъ будьте довольны маленькимъ отрывкомъ швейцарскаго ландшафта, который, самъ не знаю какъ, сбѣжалъ съ пера моего на бумагу. Дѣло въ томъ, что нынче мнѣ стукнуло 49 лѣтъ, и пошелъ пятидесятый годъ [1]— плохо! Я не состарѣлся и, такъ сказать, не жилъ, а попалъ въ старики. Жизнь моя была вообще такъ одинакова, такъ сама на себя похожа и такъ однообразна, что я еще не покидалъ молодости, а вотъ ужъ надобно сказать рѣшительно «прости» этой молодости, и быть старикомъ, не будучи старымъ. Нечего дѣлать! Но мнѣ некогда говорить о себѣ; поговоримъ объ васъ. Плетневъ увѣдомляетъ меня, что вы прислали еще томъ своихъ повѣстей; между ними есть одна, которая много слезъ выманила изъ глазъ его — одна, въ которой наше прошлое описано перомъ вашимъ. Я просилъ его, чтобъ онъ велѣлъ, какъ можно, мельче переписать для меня эту повѣсть, и прислалъ бы въ первомъ письмѣ. Хочу, у подошвы швейцарскихъ горъ, посидѣть на томъ низкомъ холмикѣ, на коемъ стоялъ нашъ Мишенской домъ съ своею смиренною церковью, на коемъ началась моя поэзія Греевой элегіею. А вамъ скажу одно: пишите какъ можно болѣе! У васъ въ душѣ много богатства, въ умѣ ясности и опытности. Вы имѣете рѣшительный даръ писать, и овладѣли русскимъ языкомъ. Я хочу для васъ не авторской славы: хочу для васъ сладости авторской жизни, а для читателей вашихъ истинной пользы.

---

[1] На этихъ-то словахъ основывался Плетневъ, говоря что Жуковскій родился въ 1784 году. (См. выше, стр. 65). *Я. Г.*

Какъ умная мать, которая знаетъ свое ремесло, ибо выучена ему любящимъ сердцемъ, здравымъ умомъ и опытомъ, пишите о томъ, что̀ знаете сами въ наукѣ воспитанія: теперь повѣсти, а со временемъ соберите въ одну систему и правила, коимъ сами слѣдовали. Передайте свою тайну другимъ матерямъ: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространенія и приведенія въ порядокъ мыслей своихъ загляните въ лучшія книги (но весьма не многія) для воспитанія и нравственной философіи, и потомъ бросьте ихъ — и пишите свое. Вы не обманетесь и не обманете другихъ, ибо напишете свое, взятое изъ существенной жизни, и только обдуманное простымъ умомъ, не отуманеннымъ предразсудками и умствованіемъ. Этотъ совѣтъ посылаю вамъ вмѣсто подарка въ день рожденія».

Годъ и три мѣсяца пробылъ Жуковскій за границею. Въ Швейцаріи же написалъ онъ первыя три главы «Ундины», которой окончаніе отодвинуто было обстоятельствами до 1836 года. Въ началѣ сентября 1833 года прибылъ онъ къ своей должности, и съ новыми силами принялся за ежедневные труды.

XIX.

Оставалось совершиться послѣднему, важнѣйшему періоду великаго дѣла. Всѣ части приведены были въ такое положеніе, чтобы въ 1837 году, свободно и въ полнотѣ, онѣ достигли своего окончанія. При Божіей помощи ревностно шелъ путеводитель къ своей цѣли съ подкрѣпленными силами въ душѣ. Поэзія была отложена. Только 1834 годъ, столь памятный торжествомъ присяги Государя Наслѣдника, указалъ поэту на его лиру. Его умилительная пѣснь, оканчивающаяся прекраснымъ обращеніемъ къ Россіи, перешла въ достояніе народной памяти. «Многолѣтіе Государю» и «Три народныя пѣсни» явились тогда же. Въ послѣдніе годы ученія августѣйшаго воспитанника, Жуковскій только предоставилъ право полнаго изданія «Сочиненій своихъ въ стихахъ и прозѣ», которое было четвертое, и явилось въ осьми

томахъ: изъ нихъ семь напечатаны въ 1835, а послѣдній въ 1837, всѣ въ Петербургѣ. Правда, было одно лѣто, которое удалось ему вполнѣ посвятить поэзіи. Это случилось въ 1836 году. Онъ провелъ тогда часть лѣтнихъ мѣсяцевъ близь Дерпта. Тамъ-то взялся онъ за покинутую «Ундину». Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ о судьбѣ ея. «Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ русскими стихами «Ундину». Въ 1833 году, находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевскаго озера (въ деревенькѣ Вернѐ близъ Монтрё), написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другого рода надолго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда — и только въ нынѣшнемъ (1836) году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы «Ундины» написаны въ сельскомъ уединеніи близь Дерпта (въ Эллистферѣ), гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ попрежнему посвятить досугъ свой поэзіи». Скромный намекъ поэта *на исполненіе воли*, въ чемъ заключалось его особенное удовольствіе, сдѣлается для внимательнаго читателя яснымъ, когда онъ сравнитъ посвятительные передъ «Ундиною» стихи съ другимъ его стихотвореніемъ, явившимся въ 1819 году, подъ заглавіемъ: «Праматерь Внукѣ» [1]).

При началѣ 1837 года, Жуковскій принялъ въ сердце глубокую рану. Ему суждено было присутствовать при кончинѣ Пушкина, котораго послѣднія минуты описалъ онъ въ трогательно-краснорѣчивомъ письмѣ къ отцу незабвеннаго поэта. Жуковскій, наравнѣ со всѣми, оплакивалъ преждевременную утрату великаго русскаго писателя—и въ то же время сердце его разрывалось отъ другой скорби: въ Пушкинѣ онъ терялъ какъ бы сына своего. Еще въ лицеѣ Пушкинъ былъ для него предметомъ нѣж-

---

[1]) Эти слова ясно указываютъ, что въ посвященіи, напечатанномъ передъ «Ундиною», Жуковскій подъ младенцемъ, явившимся въ «пустой колыбели» разумѣетъ не царственнаго ученика своего (какъ обыкновенно думаютъ и какъ полагаютъ даже другіе біографы поэта), а великую княжну Марію Николаевну. Ее же имѣетъ онъ въ виду, говоря въ предисловіи о волѣ, которую ему пріятно было исполнить. *Я. Г.*

нѣйшихъ попеченій, не только по причинѣ развивавшагося въ молодомъ человѣкѣ таланта, но и по давнишнимъ дружескимъ отношеніямъ Жуковскаго къ отцу его и дядѣ. Вышедши изъ лицея, Пушкинъ для Жуковскаго былъ пріятнѣйшимъ, необходимымъ существомъ. Они, какъ первоклассные поэты, понимали другъ друга вполнѣ. Имъ весело было раздѣлить другъ съ другомъ каждую мысль. Никто вѣрнѣе не могъ произнести приговора о новомъ планѣ, о счастливомъ стихѣ, какъ они вмѣстѣ. «Какъ жаль, что нѣтъ для меня суда Пушкина (сказалъ Жуковскій, читая разборы перевода своего Одиссеи)! Въ немъ жило поэтическое откровеніе». За нѣсколько лѣтъ передъ нынѣшнимъ событіемъ Жуковскій возобновилъ у себя литературныя субботы, на которыхъ нѣкогда его друзья въ первый разъ привѣтствовали у него вступленіе на горизонтъ блестящаго свѣтила поэзіи. Многіе изъ тогдашнихъ посѣтителей пѣвца «Свѣтланы» опять къ нему явились; но еще многочисленнѣе было молодое поколѣніе талантовъ. Они всѣ радушно были принимаемы добрымъ хозяиномъ. Имъ всѣмъ у него было равно весело и равно полезно. Живой, острый и окрѣпшій въ мышленіи умъ Пушкина блисталъ въ разговорахъ свѣтлостію идей, быстротою соображеній и вѣрностію взгляда. Никто конечно не оцѣнилъ его съ бо́льшею истиною, какъ Жуковскій въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Россія лишилась своего любимаго національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочной силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первые, можетъ-быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то родного отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славѣ Екатеринина, а Карамзинъ славѣ Александрова».

XX.

Зима 1837 года употреблена была Жуковскимъ на совокупныя работы съ К. И. Арсеньевымъ по составленію «Путеуказателя» для путешествія Государя Наслѣдника по Россіи. Вотъ что было сказано въ 1838 году въ «Современникѣ» объ этомъ трудѣ: «Въ Путеуказателѣ изложены всѣ важнѣйшія примѣчательности на пути Его Высочества. Каждый переѣздъ, достопамятныя на немъ мѣста, любопытное селеніе или городъ, даже частныя лица, сдѣлавшіяся извѣстными по какимъ-нибудь полезнымъ предпріятіямъ, все уже въ системѣ, предварительно мелькавшее воображенію путешественника, ожидало его воззрѣнія и новой мысли. Путеуказатель не только облегчалъ выборъ предметовъ любопытства, но служилъ какъ бы нитью для собственныхъ идей Его Высочества, на которой онѣ въ порядкѣ и полнотѣ нанизывались для будущихъ соображеній». 2-го мая, изъ Царскаго Села, Государь Цесаревичъ изволилъ съ своею свитою отправиться въ это путешествіе, которое неиспытанною радостію должно было наполнить сердца всѣхъ Русскихъ. Двѣ трети года посвящены изученію отечества, не въ кабинетѣ, а лицомъ къ лицу со всякимъ замѣчательнымъ предметомъ. Можно вообразить, сколько живыхъ, сладостныхъ, потрясающихъ душу ощущеній протѣснилось по сердцу поэта въ продолженіе всей поѣздки. Ему трогательная приготовлена была встрѣча въ Бѣлевѣ, гдѣ память о немъ свято сохраняется и однимъ поколѣніемъ передается другому. Въ «Современникѣ» того же 1838 года, гдѣ съ подробностію изображено путешествіе Государя Наслѣдника по Россіи, отдѣльно представлено и о путешествіи Жуковскаго съ Его Высочествомъ. Тамъ между прочимъ сказано: «Воображая человѣка съ этимъ талантомъ, съ этими знаніями и съ этимъ направленіемъ ума (что изъ твореній его такъ знакомо все каждому), можно представить живо, какъ дѣйствовало на него путешествіе! Ежели зрѣлище, столь разнообразное какъ Россія, и столь

близкое къ сердцу какъ отечество, для каждаго изъ насъ, въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, становится источникомъ лучшихъ, неизгладимыхъ воспоминаній, назидательныхъ уроковъ и часто благотворныхъ помысловъ, то въ какой степени, при торжественномъ шествіи августѣйшаго первенца обожаемаго нами Монарха, оно поражало чувства, восхищало душу и двигало сердце поэта!»

Жуковскій изъ путешествія по Россіи прибылъ въ Петербургъ 17 декабря 1837 года. Онъ разсказывалъ, что уже въ Тоснѣ, за 50 верстъ отъ столицы, увидѣлъ зарево, а въ десяти верстахъ узналъ, какое бѣдствіе въ городѣ... Нашедши въ комнатахъ своихъ все въ цѣлости, такъ, что ничто даже съ мѣста не было тронуто, онъ съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ: «мнѣ было какъ-то стыдно!» [1]).

Въ 1838 году предстояло ему отправиться въ другое путешествіе, также въ свитѣ Государя Наслѣдника, который намѣревался предпринять обозрѣніе Европы. Нѣтъ надобности пояснять, какія приготовленія занимали тогда Жуковскаго. Сколько важнѣйшихъ предметовъ, сколько историческихъ лицъ заранѣе являлось ему — и онъ чувствовалъ необходимость все привести для себя въ полную систему, въ ясное сознаніе. Онъ ни въ чемъ не способенъ былъ къ труду легкому, а тѣмъ менѣе поверхностному. Умъ его, глубоко проникающій во всѣ явленія жизни гражданской и нравственной, соединялъ великія послѣдствія съ созерцаніемъ чудной картины народовъ, какая ожидала ихъ впереди. Самая мѣстность, если только въ ея характерѣ было что-нибудь яркое и поражающее наблюдательность, вызывала его къ изслѣдованіямъ. Въ «Современникѣ» 1838 года помѣщены отрывки подъ названіемъ: «Очерки Швеціи». Они до такой степени живо-

---

[1]) Пожаръ Зимняго дворца тогда же былъ описанъ Жуковскимъ въ статьѣ, которая предназначалась для «Современника», но въ то время не была разрѣшена къ напечатанію. Незадолго передъ празднованіемъ столѣтняго юбилея Жуковскаго она была найдена мною въ бумагахъ Плетнева и напечатана. (См. т. XXXII *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности*). *Я. Г.*

лисны, вѣрны съ природою края и проникнуты одушевленіемъ художника, что нельзя довольно надивиться, какъ Жуковскій могъ забыть ихъ, не включивъ въ собраніе сочиненій своихъ въ прозѣ, изданныхъ имъ въ 1849 году. Эти отрывки заимствованы изъ длиннаго, истинно поэтическаго «Письма» его, которое изъ Стокгольма онъ прислалъ тогда великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. По одному этому образчику можно судить, какъ онъ былъ полонъ каждаго предмета, съ которымъ готовился встрѣтиться, и какое сочувствіе разгоралось въ его душѣ ко всему видѣнному.

XXI.

Во время путешествія по Европѣ въ 1838 году, Жуковскій, въ подражаніе Гальму, написалъ драматическую поэму: «Камоэнсъ». На заимствованномъ основаніи онъ воздвигнулъ собственное зданіе, въ которомъ возвышенныя его идеи сіяютъ изумительнымъ свѣтомъ. То, что высказывается изъ глубокой души его о тщетѣ земной славы, о чистотѣ поэтическаго призванія, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено у другихъ поэтовъ. Тогда же, бывши въ Англіи, онъ близь Виндзора посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его знаменитую элегію. Воспоминаніе о первомъ стихотвореніи, занимавшемъ нашего поэта въ Мишенскомъ, и видъ трогательнаго мѣста, освященнаго вдохновеніемъ Грея, такъ подѣйствовали на его сердце, что онъ снова принялся за это стихотвореніе и въ другой разъ передалъ его намъ, но уже во всей безыскуственной прелести стиховъ подлинника.

Надобно еще указать на одинъ пропускъ въ упомянутомъ выше изданіи прозы Жуковскаго [1]). Онъ впрочемъ самъ замѣ-

---

[1]) Не могу умолчать и еще о двухъ пропускахъ, пришедшихъ мнѣ теперь на память. Въ Современникѣ 1840 года (т. XVIII) есть прекрасная характеристика «Стихотвореній И. И. Козлова», составленная Жуковскимъ, и въ томъ же журналѣ 1844 гола (т. XXXVI) «Письмо» его о кончинѣ великой княгини Александры Николаевны, превышающее все, написанное имъ въ прозѣ. *П. П.*

тилъ его, и вотъ что сказалъ въ одномъ своемъ письмѣ, присланномъ сюда изъ Баденъ-Бадена въ октябрѣ 1850 года. «Странное дѣло сдѣлалось; подивитесь моей памяти. Я на сихъ дняхъ купилъ русскую грамматику, напечатанную въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ: половину этой книги составляетъ хрестоматія, выборъ отрывковъ въ стихахъ и прозѣ. Изъ моихъ твореній нѣмецъ взялъ только отрывокъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» (который теперь мнѣ самому весьма мало нравится); а въ прозѣ напечаталъ мое «Письмо о Бородинскомъ праздникѣ», о которомъ я вовсе забылъ, и самъ теперь не помню, къ кому оно было написано, и гдѣ напечатано. А что оно напечатано — въ томъ убѣждаетъ меня его появленіе въ нѣмецкой грамматикѣ. Если бы я зналъ объ его существованіи, то внесъ бы его въ томъ «Прозы», ибо описаніе очень живо и тепло, и мнѣ самому рѣшительно напомнило о самомъ событіи. Знаете ли вы объ этомъ письмѣ? Если знаете, скажите, гдѣ оно гнѣздится?» Здѣсь рѣчь идетъ о стихотвореніи: «Бородинская годовщина», передъ которымъ въ «Современникѣ», 1839 года, Жуковскій напечаталъ отрывокъ «Письма» своего тоже къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, послѣ праздника въ воспоминаніе двадцатипятилѣтія Бородинской битвы. Въ теченіе этого года онъ только и написалъ два стихотворенія. Второе у него названо: «Молитвой нашей Богъ смягчился». Оно излилось изъ его сердца по выздоровленіи великой княжны Ольги Николаевны отъ тяжкой болѣзни «Письмо» же и «Бородинская годовщина» дѣйствительно принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній его таланта. Одно мѣсто изъ «Письма», вообще исполненнаго удивительной живости и величественныхъ картинъ, по всѣмъ правамъ должно войти въ очеркъ жизни автора. «Вечеръ этого дня, говоритъ онъ, провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», пѣсню, современную Бородинской битвѣ: признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца; но въ этомъ чувствѣ не было авторскаго самолюбія. Жить въ памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая

надежда здѣшней жизни. Но меня вспомнили *за-живо*; новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣсню мою на гробѣ минувшаго. Это еще болѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе, въ которомъ шевелился уже прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ К. Г***, съ которымъ я встрѣтился въ лагерѣ, и который своимъ поэтическимъ языкомъ доказывалъ мнѣ, что пѣвцу русскихъ воиновъ, въ теперешнемъ случаѣ, *должно* помянуть времена прошлыя, далъ сильный толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни, а на другой день, на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву, кончилъ ее; она была немедленно напечатана; экземпляры отосланы въ лагерь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи на праздникѣ Бородинскаго Помѣщика. И такъ привелъ Богъ, по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что въ ней было тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ. Чего, чего не случилось въ этотъ промежутокъ времени между кровавымъ сраженіемъ бородинскимъ и мирнымъ величественнымъ его праздникомъ! Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я въ этотъ день на нашего молодого, цвѣтущаго Бородинскаго Помѣщика, который на праздникѣ русскаго войска, былъ главнымъ представителемъ поколѣнія новаго».

Стихи «Бородинской годовщины» можно уподобить самому торжественному «Requiem», погружающему душу въ созерцательную меланхолію. Передъ мысленнымъ взоромъ нашимъ въ стройномъ шествіи являются тѣ незабвенныя лица, тѣ чудныя событія, которыми увѣковѣчена память 1812 года. Встрѣча съ ними не приводитъ насъ въ радостный трепетъ какъ въ «Пѣвцѣ», но вызываетъ изъ глубины души тихое благоговѣніе и слезы благодарности.

«И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ

Твердымъ царскимъ словомъ спасъ
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда!
И твоя пришла чреда!

О година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ.
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился Русскій имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ честей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснетъ царь благословенной —
И за гробомъ, сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ.

. . . .
Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана—
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая—
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею—

И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

. . . .
Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли.
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать*».

XXII.

Кто не согласится, сообразивъ многія изъ обстоятельствъ жизни Жуковскаго, что въ пути своемъ онъ шелъ по какому-то указанію руки незримой, но его не покидавшей? Самъ онъ глубоко въ душѣ своей сознавалъ это — и со всею преданностію, съ исполненнымъ благодарности сердцемъ приступалъ ко всему, къ чему ни призывалъ его неслышимый, но понимаемый имъ тайный голосъ. Никогда однако же это святое убѣжденіе такъ могущественно въ немъ не дѣйствовало, какъ въ важнѣйшемъ событіи жизни его, совершившемся въ 1840 году. Ему исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ. Государю своему какъ подданный, своему отечеству какъ гражданинъ, свѣту какъ поэтъ — онъ отслужилъ сорокъ лѣтъ вѣрно, честно и славно. Высокое званіе наставника Наслѣдника престола онъ слагалъ съ себя безмятежно, съ чистою

совѣстію, сопровождаемый признательностію монарха, нѣжною любовію августѣйшаго питомца и справедливою благодарностію соотечественниковъ. Вообразить нельзя ничего прекраснѣе этой доли! Съ одной стороны такъ. Но войдите въ его душу, младенчески нѣжную, рожденную для тихаго семейнаго счастія и пропустившую его въ благородныхъ порывахъ возвышеннаго труда и тревожнаго вдохновенія. Будущее не представляло ли воображенію его мертваго одиночества, пріюта молчаливаго и безотвѣтныхъ занятій, безъ цѣли, безъ раздѣленія, безъ радостей? Онъ стоялъ на рубежѣ: возвратъ къ пройденному невозможенъ; впереди темная неизвѣстность. И что же? Послѣдующія событія жизни его доказали, что кажущіяся намъ уклоненія отъ желаемаго его душою жребія были необходимыми средствами къ достиженію его. Необходимо было, чтобы онъ ни одного мгновенія не утратилъ для другихъ обязанностей, посвятивши всего себя единственной, важнѣйшей. Необходимо было, чтобы чистая поэзія сохранила въ немъ всю юность и весь жаръ сердца. Все это необходимо было, чтобы, увѣнчанный двойнымъ вѣнкомъ лучшихъ заслугъ, явился онъ достойнымъ всего энтузіазма возвышенной души. Такимъ-то путемъ наконецъ онъ приведенъ былъ къ тому счастію, для котораго былъ созданъ.

Императорскій Дворъ, въ маѣ 1840 года, погруженный въ глубокую скорбь кончиною добродѣтельнѣйшаго изъ государей, Фридриха Вильгельма III, короля Прусскаго, находился въ Берлинѣ. Жуковскій при каждой поѣздкѣ за границу обыкновенно посѣщалъ друга своего Рейтерна, который въ это время съ семействомъ своимъ жилъ въ Дюссельдорфѣ. Старшая дочь его, Елизавета, соединяла въ себѣ все, что можетъ воспламенить сердце и увлечь воображеніе поэта. Умъ ея, характеръ, образованность и красота, въ лучшемъ значеніи классическая, не остались конечно безъ вниманія у поэта нашего, хотя привычка къ дѣтямъ, которыя растутъ на нашихъ глазахъ, часто заставляетъ насъ считать ихъ всю жизнь не выходящими изъ дѣтства. Дочери Рейтерна исполнилось 19 лѣтъ. Ея отецъ, по чувству дружбы,

никогда не произносилъ иначе имени Жуковскаго, какъ съ энтузіазмомъ. Пріѣзды поэта составляли эпохи радостей для всего семейства. Не говоря о славѣ, которую въ Германіи пріобрѣло его имя и которую такъ лестно соединять съ особой нашего круга, самая наружность Жуковскаго казалась привлекательною при выразительности всей его физіономіи, при оживленности разговоровъ его, при этомъ талантѣ и умѣ, разрѣшающемъ труднѣйшіе вопросы и явно предпочитающемъ наружному блеску мирное счастіе и семейныя наслажденія. Однимъ словомъ: Провидѣніе здѣсь указало разрѣшиться судьбѣ поэта и другого существа, избраннаго ему въ товарищи на остатокъ его жизни. Жуковскій собственными словами яснѣе представитъ это происшествіе. 28 августа, 1840 года, изъ Дюссельдорфа, онъ писалъ къ А. П. Зонтагъ: «Благословите вашего стараго товарища съ колыбели вашей. Счастіе жизни наконецъ съ нимъ встрѣтилось, хотя поздно, но такое, какого онъ желалъ, о какомъ мечталъ такъ часто и о которомъ пересталъ уже мечтать. Это счастье нашло его само. Онъ видѣлъ его мимоходомъ, плѣнялся имъ мимоходомъ, и не позволялъ себѣ ни искать его, ни желать его! А милостивый Богъ далъ ему это счастіе безъ его исканія. Помолитесь же, чтобы Онъ благоволилъ и сохранить ему. За годъ передъ этимъ мы были вмѣстѣ въ Москвѣ. Мнѣ между вами было такъ пріятно, такъ дома! Теперь я на-чужѣ; но мнѣ и теперь такъ же пріятно, какъ было тогда, съ тою только разницею, что вся моя *личная* жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда не испытанное чувство *двойной* жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство. Я теперь въ Дюссельдорфѣ, подлѣ моей невѣсты. Die Seele ist gestickt. Это слово (которое нельзя ни на русскій, ни на французскій перевести) довольно вѣрно выражаетъ мое теперешнее положеніе. Кто моя невѣста? какъ все это сбылось со мною? узнаете изъ приложеннаго длиннаго письма [1]), написаннаго въ Муратово. Я знаю, какой на него отголо-

---

[1]) Если достойная рука примется когда-нибудь за составленіе полной біографіи Жуковскаго, чего нельзя не желать для чести Россіи, а тѣмъ болѣе

сокъ будетъ отвѣчать мнѣ изъ вашего сердца, мой милый, вѣрный другъ! Можетъ-быть, со временемъ Богъ сведетъ насъ всѣхъ опять вмѣстѣ. Объ одномъ прошу Его съ надеждою, со страхомъ и покорностію, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ жизнь: она мнѣ стала мила неизъяснимо. Я вѣрю своему счастію. Оно такъ просто и чисто — и то, что имѣю своею цѣлью, такъ смиренно! Но признаться, часто изъ этого яснаго, мирнаго свѣта, который меня теперь окружаетъ, выглядываетъ строгое лицо смерти, и невольно грусть обвивается вокругъ сердца. «Liebe ist stark wie der Tod», написалъ мнѣ другъ на Евангеліи передъ моимъ отъѣздомъ въ Дюссельдорфъ. «Какъ эти слова Liebe и Tod близки одно къ другому! На землѣ нѣтъ счастія безъ *любви*, но его нѣтъ также и безъ *смерти*. И та и другая необходимы для того, чтобы оно *было*. Одной душа говоритъ: *не покидай меня!* Другой душа говоритъ: *не уноси меня!* Одна даетъ счастію его *прелесть*; другая даетъ ему его *достоинство*. Но мысль, что всему на землѣ долженъ быть конецъ, приводитъ въ трепетъ. Есть однако противъ всѣхъ этихъ тревогъ лѣкарство — и самое простое. Оно заключается въ молитвѣ Господней. Кто можетъ читать *Отче нашъ* такъ, какъ оно дано намъ свыше, тому на землѣ ничто не страшно, и все доброе вѣрно». Можетъ-быть, люди осуждали поэта; но онъ повиновался голосу, который слышался ему свыше. За свою покорность онъ получилъ награду, ни съ чѣмъ на землѣ несравнимую: одиннадцать лѣтъ онъ былъ счастливѣйшимъ семьяниномъ, и передъ кончиною благословилъ дочь и сына на подвиги добра и христіанскаго благомыслія.

XXIII.

Счастіе, улыбавшееся Жуковскому во взорахъ милой его невѣсты, повѣяло на душу его тою поэзіею, которая, для всѣхъ

для общаго назиданія; то упоминаемое «Письмо» составитъ въ книгѣ лучшую ея часть: оно содержитъ занимательнѣйшій разсказъ поэта о пріятнѣйшихъ для него десяти годахъ его жизни. *П. П.*—Письмо это напечатано въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г., кн. III. *Я. Г.*

вѣковъ, для всѣхъ народовъ, олицетворила идеалъ супруги въ образѣ Дамаянти. Онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ принялся за Рюккерта, чтобы съ его помощію угадать подлинникъ и подобрать изъ русскаго языка равносильныя выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна индѣйская повѣсть «о Налѣ и Дамаянти». Наше пріобрѣтеніе съ появленія этой поэмы — во всемъ смыслѣ истинное сокровище. Это — открытіе новаго міра съ новыми богатствами всѣхъ царствъ природы. Поэтъ вводитъ насъ въ страну Солнца и чудесъ, гдѣ люди, звѣри, растенія, горы, рѣки и все видимое какъ бы утаены были отъ общихъ испытаній творенія и живутъ подъ законами одной всемощной фантазіи. Надобно было создать все новое для повѣствованія о новообрѣтенномъ краѣ. Тутъ явился Жуковскій истиннымъ образователемъ языка, раздвинувъ область его во всѣ стороны. Онъ посвятилъ этому труду пріятнѣйшихъ для сердца своего три года. Кто съ полнымъ вниманіемъ вникнулъ въ глубокій смыслъ стиховъ его «Посвященія», тотъ конечно понялъ значеніе важнѣйшихъ эпохъ исторической жизни его, которой нить такъ поэтически онъ привязалъ къ любимому труду своему.

До совершенія свадьбы, Жуковскій изъ Дюссельдорфа отправился въ Петербургъ. Сколько радости друзьямъ его доставило свѣтлое его счастіе! Но вѣрное далекому прошлому сердце поэта влекло его въ родную Москву, гдѣ условились собраться тамошніе его близкіе. Въ январѣ 1841 года онъ уже былъ между ними. Это соединеніе представляло одну изъ тѣхъ картинъ жизни, которыя никогда не забываются. Много протекло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жуковскій видѣлъ вокругъ себя лица, столь ему милыя. Но сколько у него судьба навѣкъ отняла изъ нихъ, товарищей молодости его! Тогдашнее его посѣщеніе Москвы было для него послѣднее въ жизни. Онъ не предчувствовалъ, что дальнѣйшій путь ни разу не приведетъ его опять сюда, въ объятія дружбы и нѣжной привязанности.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ занялся приготовленіями къ отъѣзду за границу, гдѣ ожидала его невѣста и тихая семей-

ная жизнь, еще имъ не испытанная и тѣмъ болѣе желаемая. Здѣсь ничто уже не могло удержать его. Онъ видѣлъ совершеніе всего, что должно было увѣнчать послѣднія желанія души его на прощаніи съ покидаемой прежней жизнію и прежними ея заботами. Жуковскій имѣлъ счастіе присутствовать при бракосочетаніи Наслѣдника и сердцемъ его избранной невѣсты. Милости царскія къ наставнику порфиророднаго первенца превзошли ожиданія всѣхъ. Государь соизволилъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ пользовался по должности наставника. Ему позволено жить тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе и пріятнѣе. Особенная сумма назначена была на первое обзаведеніе хозяйства его. Онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Но самою неоцѣненною для себя наградою почиталъ Жуковскій высочайшее повелѣніе, чтобы онъ и въ отсутствіе свое всегда считался состоящимъ на службѣ при Цесаревичѣ. По собственному выраженію Жуковскаго, Государь устроилъ его будущее какъ добрый, заботливый отецъ.

Еще въ послѣдніе годы дѣйствительной службы онъ былъ пожалованъ кавалеромъ орденовъ: св. Станислава и св. Анны 1-ой степени и св. Владиміра 2-ой степени. Къ этимъ лестнымъ знакамъ благоволенія Государя за ревностное исполненіе должности, скоро, во время путешествія Жуковскаго за границею въ свитѣ Наслѣдника, присоединены были знаки отличія со стороны иностранныхъ государей, желавшихъ выразить свое уваженіе къ наставнику царскаго сына. Онъ былъ украшенъ орденами первой степени: въ Швеціи шведской Полярной Звѣзды, въ Даніи Данеброга, въ Ганноверѣ Гвельфовъ, въ Австріи Желѣзной Короны, въ Виртембергѣ Фридриха, въ Баденѣ Церингенскаго Льва, въ Саксоніи Саксонскимъ за заслуги. Въ Веймарѣ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Сокола, а въ Нидерландахъ Нидерландскаго Льва второй степени. Отъ покойнаго короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III Жуковскому, еще въ 1829 году, пожалованъ былъ орденъ Краснаго Орла второй степени, а въ 1838 ему прислана звѣзда того же ордена, вмѣсто

которой нынѣ царствующій король Прусскій, при вступленіи своемъ на престолъ, изволилъ пожаловать ему брильянтовую звѣзду, а въ 1842 году орденъ pour le mérite, за мирныя заслуги.

Отъѣздъ Жуковскаго изъ Петербурга въ Дюссельдорфъ былъ назначенъ. 21 апрѣля 1841 года онъ писалъ: «Я ѣду черезъ десять дней, то есть 30-го апрѣля, или 1-го мая. Надѣюсь, что 21 мая въ Штутгартѣ будетъ моя свадьба. Въ этотъ день вспомните обо мнѣ. Число это уже вырѣзано на обручальныхъ кольцахъ, которыя прислала мнѣ сестра, и для которыхъ всѣ мои сложились».

XXIV.

Новая жизнь началась въ полномъ смыслѣ поэтически. Въ Дюссельдорфѣ, почти за городомъ, въ виду Рейна, наняты были два домика, раздѣленные садомъ. Въ одномъ жилъ Рейтернъ съ своею семьей. Онъ во всемъ значеніи слова художникъ. Живопись — жизнь его. Въ другомъ поселился Жуковскій съ женою, съ поэзіею своею и всѣми радостями счастливѣйшей жизни. Каждое существо этой поэтической колоніи всей душою привязано было къ исполненію долга, возлагаемаго на насъ религіею, обществомъ, семействомъ и призваніемъ. Къ обѣду и вечеромъ сходились всѣ вмѣстѣ. Тихая веселость, покойная совѣсть и свѣтлый умъ чудно животворили маленькое ихъ общество. 16 (28) февраля 1843 года Жуковскій самъ нарисовалъ картину новаго своего счастія:

«Я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая,
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ, стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.....

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, *вѣруй въ Бога, вѣруй*
Въ меня».

Высочайшую прелесть этихъ стиховъ составляютъ не самые стихи и даже не мысли, въ нихъ изложенныя, потому что у многихъ поэтовъ можно найти стихи еще лучше, а отличныя мысли вызываетъ плодовитый умъ иногда изъ души очень холодной. Нѣтъ: высочайшая прелесть этихъ стиховъ состоитъ въ истинѣ ощущеній поэта. Онъ со всевозможнымъ спокойствіемъ сердца, вкушающаго тихія семейныя радости, высказывается безыскуственно, вѣрно, съ простотою младенца и съ благоговѣніемъ мудреца. Точно такъ, еще нѣсколько прежде, писалъ онъ о своемъ новомъ счастіи къ другу дѣтства своего и своей старости, Александру Ивановичу Тургеневу, который, прочитавъ его письмо, невольно воскликнулъ: «Какое письмо! Душа Жуковскаго тихо изливается въ упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. Читая его, я понялъ по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: *Le bonheur est dans la vertu qui aime.... et dans la science qui éclaire*».

Жуковскій, устроивъ такимъ образомъ тотъ желанный покой, о которомъ говоритъ въ приведенныхъ стихахъ, покой души и жизни, не ослабилъ своей умственной и поэтической дѣятельности, а возвелъ ее на новую степень совершенства. Мысль достигла въ немъ той зрѣлости, какую сообщаютъ ей только долговременная и постоянная созерцательность, руководимое опытами

изученіе природы и человѣка, а болѣе всего полное принятіе въ сердце христіанскихъ истинъ и откровенія. Языкъ нашего поэта явился окончательно крѣпкимъ, яснымъ, точнымъ и освобожденнымъ отъ всѣхъ искуственныхъ украшеній. Вкусъ его, сроднившійся съ древними, особенно съ Гомеромъ, указывалъ ему на труды высокіе и поучительные, на труды плодотворные для искуства и человѣчества. Пріобрѣтеніе совершенствъ, столь важныхъ для великаго таланта, не привело бы Жуковскаго къ этому обилію послѣдствій, которыми ознаменовалась его дѣятельность въ послѣднія одиннадцать лѣтъ, къ неимовѣрному обогащенію русской литературы истинными сокровищами, если бы онъ не пріютилъ себя и своей семьи въ прекрасно-мирномъ уголку маленькаго городка, освободившаго его отъ неизбѣжныхъ развлеченій каждой столицы.

О перемѣнѣ въ поэтическомъ настроеніи своемъ Жуковскій въ 1843 году сообщилъ редактору «Современника» въ письмѣ, придавши этому извѣстію шуточный тонъ, который въ частныхъ письмахъ его остался неизмѣннымъ до послѣдняго дня его жизни. «Другая перемѣна или новость (писалъ онъ) въ моей жизни есть то, что я подъ-старость принялся за болтовню и сказки, и присосѣдился къ древнему разсказчику — Гомеру, и началъ вслѣдъ за нимъ, на его ладъ, разсказывать своимъ соотечественникамъ Одиссею. Будутъ ли они охотно слушать наши разсказы — не знаю; но мнѣ весело лепетать по-русски за простодушнымъ грекомъ, подлаживаться подъ его свѣтлую, патріахальную простоту, и — видя въ этомъ чисто-поэтическомъ потокѣ чистое отраженіе первобытной природы — забывать тѣ уродливыя гримасы, которыми искажаютъ ея лицо современные самозванцы-поэты. Шепну вамъ (но такъ, чтобы вы сами того не слыхали), что я совсѣмъ раззнакомился съ риѳмою. Знаю, что это вамъ будетъ непріятно; изъ нѣкоторыхъ замѣчаній вашихъ на Милькѣева вижу, что вы любите гармоническія формы и звучность риѳмы—и я ихъ люблю: но формы, безъ всякаго украшенія, болѣе совмѣстныя съ простотою, мнѣ болѣе по-сердцу. Мой Гомеръ (какъ оно и быть долж-

но) будетъ въ гекзаметрахъ: другая форма для «Одиссеи» неприлична. Но я еще написалъ двѣ повѣсти, ямбами безъ рифмъ, въ которыхъ съ размѣромъ стиховъ старался согласить всю простоту прозы, такъ чтобы вольность непринужденнаго разсказа нисколько не стѣснялась необходимостію улаживать слова въ стопы. Посылаю вамъ одну изъ этихъ статей (Маттео Фальконе) для помѣщенія въ «Современникѣ». Желаю, чтобы попытка прозы въ стихахъ не показалась вамъ прозаическими стихами».

XXV.

Императорская Академія наукъ въ отчетѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1845 годъ (Жуковскій утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ Отдѣленія съ основанія его въ 1841 году) подробно изложила мысли Жуковскаго о переводѣ Гомера, о повѣстяхъ его для юношества и о собираемыхъ имъ сказкахъ. Такъ какъ эти свѣдѣнія заимствованы изъ писемъ Жуковскаго къ двумъ академикамъ, изъ которыхъ одинъ издавалъ «Современникъ», а другой «Москвитянинъ»; то для полноты очерка жизни поэта здѣсь приводятся подлинныя слова его. «Переводъ Гомера, говоритъ Жуковскій, не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ-художникѣ встрѣчаешь безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искуства. Какая отдѣлка въ Виргиліи! Сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ всякое слово живописно, поставлено на своемъ мѣстѣ, и сколько отдѣльныхъ стиховъ, поражающихъ своею особенною прелестію! Въ Гомерѣ этого искуства нѣтъ: онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное, и лепечущій объ этомъ на груди своей кормилицы — природы. Это тихая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, чисто отражающая небо, берега и все, что на берегахъ живетъ и движется. Видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ, отражающій, какъ будто не существуетъ. Переводя Гомера, не далеко уйдешь, если займешься фортуною каждаго стиха отдѣльно; ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а

есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь во всей его полнотѣ и свѣтлости. Надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго. И въ выборѣ словъ надобно соблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для Гомера. Все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное, здѣсь не у мѣста. Надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ того, что всѣ его употребляли, заимствуя его у праотца поэзіи. Надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтическій, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Поэтъ нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ кривлянье. Переводчикъ Гомера ничего не можетъ занять у поэтовъ нашего времени въ пользу божественнаго старика своего и его молоденькой музы. Относительно поэтическаго языка, я попалъ въ область *общихъ мѣстъ*, и изъ этихъ одряхшихъ инвалидовъ поэзіи, всѣми уже пренебреженныхъ, надлежитъ мнѣ сдѣлать живыхъ, новорожденныхъ младенцевъ. Но какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи, рождающейся изъ пѣны морской, Анадіомены, ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи; въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ; въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія; въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскуственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ; ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически-могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра сво-

его будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній».

«Мнѣ хочется (продолжаетъ поэтъ) сдѣлать два изданія «Одиссеи русской»: одно для всѣхъ читателей, другое для юности. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы приличнѣе первому, свѣжему возрасту, какъ чтеніе, возбуждающее всѣ способности души прелестію разнообразною. Только надобно дать въ руки молодежи не сухую выписку въ прозѣ изъ Одиссеи, а самого живаго разсказчика Гомера. Я думаю, что съ моимъ переводомъ это будетъ сдѣлать легко. Онъ простъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ и можетъ быть во всякой учебной и даже дѣтской. Надобно только сдѣлать выпуски и поправки; ихъ будетъ сдѣлать легко — и число ихъ будетъ весьма не велико. Къ этому очищенному Гомеру я намѣренъ придать родъ Пролога: представить въ одной картинѣ все, что было до начала странствія Одиссеева. Эта картина обхватитъ весь первобытный, миѳологическій и героическій міръ Грековъ. Разсказъ долженъ быть въ прозѣ. Но все, что непосредственно составляетъ цѣлое съ Одиссеею, то есть, Троянская война, гнѣвъ Ахиллесовъ, судьба Ахилла и Пріамова дома, все должно составить одинъ сжатый разсказъ гекзаметрами, разсказъ, сшитый изъ разныхъ отрывковъ Иліады, трагиковъ и Энеиды, и приведенный къ одному знаменателю. Въ этотъ разсказъ вошли бы однако нѣкоторыя пѣсни Иліады, вполнѣ переведенныя. Такимъ образомъ «Одиссея для дѣтей» была бы въ одно время и живою исторіею древней Греціи, и полною картиною ея миѳологіи, и самою образовательною дѣтскою книгою».

О повѣстяхъ для юношества Жуковскій представилъ слѣдующія свои соображенія: «Собраніе повѣстей для юношества (пока еще не существующихъ, кромѣ двухъ-трехъ) я намѣренъ издать особо. Онѣ будутъ писаны или ямбами безъ риѳмъ, или моимъ сказочнымъ гекзаметромъ, совершенно отличнымъ отъ гекзаметра гомерическаго — и этотъ слогъ долженъ составлять

средину между стихами и прозой, то-есть, не бывъ прозаическими стихами, быть однако столь же простымъ и яснымъ какъ проза, такъ чтобы разсказъ, несмотря на затрудненіе метра, лился какъ простая, непринужденная рѣчь».

Для образца русскихъ народныхъ сказокъ Жуковскій доставилъ изъ-за границы для напечатанія одну подъ названіемъ: «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ». Въ ней удалось ему на одну нить нанизать самыя поэтическія причуды нашей народной фантазіи и оживить эти перлы единствомъ событія, завлекательнаго и характернаго. «Мнѣ хочется, прибавляетъ авторъ, собрать нѣсколько сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однѣхъ русскихъ, чтобы послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣтской сказкѣ (не для перваго, а для второго возраста) все было нравственно-чисто; чтобы она своими сценами представляла воображенію одни свѣтлые образы, чтобы эти образы никакого дурнаго, безнравственнаго впечатлѣнія послѣ себя не оставляли — этого довольно. Сказка должна быть такъ же жива и возбудительна для души, какъ дѣтскія игры возбудительны для силъ тѣлесныхъ. При воспитаніи, сказка будетъ *занятіемъ* чисто пріятнымъ и образовательнымъ; и ея польза будетъ въ ея привлекательности, а не въ тѣхъ нравственныхъ правилахъ, которыя только остаются въ памяти, рѣдко доходятъ до сердца и могутъ сравниться съ фальшивыми цвѣтами, которые (если ихъ дать преждевременно въ руки) своею мертвою красотою, дѣлаютъ насъ не столь чувствительными къ живой, благовонной свѣжести цвѣтовъ естестественныхъ. Не знаю впрочемъ, отвѣчаютъ ли тѣ сказки, которыя мною составлены, тому идеалу дѣтскихъ сказокъ, которыя я имѣю въ мысли. Если не отвѣчаютъ, то онѣ все будутъ привлекательнымъ чтеніемъ для дѣтей взрослыхъ, то есть, для народа».

XXVI.

Соединяя въ одно цѣлое мысли и предположенія Жуковскаго о переводѣ «Одиссеи» и о другихъ его занятіяхъ, встрѣчающіяся въ разныхъ письмахъ его, болѣе и болѣе убѣждаешься, какимъ сокровищемъ явятся для потомства эти труды и эта жизнь человѣка съ высшимъ умомъ, съ неутомимою дѣятельностію и съ безкорыстною любовію къ искуству, когда ихъ обратимъ въ образецъ для жизни и трудовъ собственныхъ! Всего изумительнѣе быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ, неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ, будто бы дни и часы, быстрѣе улетающіе въ послѣдніе годы, сильнѣе и неотступнѣе потрясали всю систему плодотворной его дѣятельности. Еще было бы все это понятнѣе, если бы Жуковскій, устроивъ бытъ свой, не зналъ наконецъ никакихъ тревогъ и думалъ только объ ученыхъ и поэтическихъ своихъ занятіяхъ. Напротивъ: на его долю, какъ и всѣмъ, много досталось тяжелыхъ испытаній. За счастіе, которымъ надѣляетъ Небо супруговъ, даруя имъ дѣтей, онъ принужденъ былъ отдать весь покой свой, тревожась о доставленіи выздоровленія матери младенцевъ. Онъ приведенъ былъ наконецъ въ необходимость покинуть тихій Дюссельдорфъ и поселиться во Франкфуртѣ на Майнѣ, чтобы находиться ближе къ лучшимъ врачамъ. Упорство болѣзни въ такой мѣрѣ противодѣйствовало всѣмъ пособіямъ науки и нѣжнѣйшимъ супружескимъ попеченіямъ, что болѣе половины послѣднихъ годовъ Жуковскаго отдано было опасеніямъ, изысканіямъ новыхъ средствъ и мучительному чувству безотвязной скорби. Къ этимъ домашнимъ, внутреннимъ тревогамъ, въ послѣдствіи времени, присоединились внѣшнія отъ политическихъ событій. Невозможнымъ оказалось пребываніе и во Франкфуртѣ, гдѣ безначаліе и буйство утвердили свое средоточіе. Послѣ трудныхъ переѣздовъ, томительныхъ для тихаго семейства, Жуковскій утвердился въ Баденъ-Баденѣ. Посреди столькихъ смущеній,

отъ которыхъ страдалъ онъ душевно и тѣлесно, еще лежала на его сердцѣ тоска по отчизнѣ. Каждый годъ въ мысляхъ приготовлялъ онъ себѣ радость свиданія съ друзьями и родиной; но недуги больной требовали отсрочки и пребыванія въ климатѣ болѣе умѣренномъ. Эта борьба желаній съ противодѣйствіемъ неотвратимыхъ обстоятельствъ давно могла въ слабомъ характерѣ и въ душѣ, готовой къ унынію, истребить самое помышленіе объ умственныхъ и поэтическихъ трудахъ, обыкновенно сопровождаемыхъ только внутреннимъ миромъ и ясностію мысли. Но чѣмъ сильнѣе тяготѣло надъ нимъ бремя испытаній, тѣмъ выше возносили душу его упованіе на Господа и преданность въ Его волю

Въ 1847 году Жуковскій приготовилъ къ изданію два тома своихъ стихотвореній, назвавъ ихъ въ печати «Новыми». Кромѣ повѣстей и сказокъ, тутъ явилась поэма: «Рустемъ и Зорабъ» и первая половина «Одиссеи». Рюккертъ во второй разъ увлекъ его на Востокъ. Но нѣмецкій переводчикъ былъ для него не болѣе, какъ путеуказатель. Жуковскій, живо сочувствуя высокимъ красотамъ персидской поэмы, сохранилъ въ трудѣ своемъ ту удивительную простоту, тѣ глубоко-важныя черты, тотъ металлическій стихъ и ту раздирающую сердце силу характеровъ, которые такъ поражаютъ насъ въ первобытной поэзіи.

Едва успѣлъ онъ въ концѣ 1848 года расположиться на постоянное жительство въ Баденъ-Баденѣ, немедленно приступилъ ко второй половинѣ «Одиссеи». Тогда же развернулось передъ нимъ множество другихъ плановъ. Невозможно безъ удивленія читать тогдашнихъ писемъ его [1]): какой-то внутренній двигатель колеблетъ его воображеніе и неодолимо влечетъ его въ безграничную даль на новые подвиги. «Если буду здоровъ (писалъ онъ 20 декабря, стар. ст., 1848) и чего не случится въ моей семьѣ, я кончу Одиссею. Работа снова пошла живо. Она началась въ ноябрѣ, когда я совсѣмъ устроился въ Баденѣ — и къ половинѣ

---

[1]) Необходимымъ нахожу привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ его ко мнѣ писемъ, писанныхъ изъ Баденъ-Бадена въ ту эпоху. *И. П.*

декабря я уже перевелъ четыре пѣсни (одна изъ нихъ почти отпечатана). Если такъ пойдетъ, то въ началѣ марта все можетъ быть кончено. Помолите Бога за меня и за моихъ. По окончаніи Одиссеи примусь за прозу. Это будетъ совсѣмъ новое для меня поприще съ особою цѣлію. Если Богъ дастъ нѣсколько лѣтъ жизни, то могу ими добрымъ образомъ воспользоваться. Съ поэзіею пора проститься. Мы разстанемся однако безъ ссоры. Напослѣдяхъ она мнѣ послужила вѣрою и правдою. Мнѣ кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое созданіе: ее оставляю на память обо мнѣ отечеству. Я русскій паукъ, прицѣпился къ хвосту орла Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ — и тамъ въ недоступной трещинѣ соткалъ для себя пріютную паутину. Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ поэтическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣтель — гипсовый бюстъ Гомеровъ, величественно смотрѣвшій на меня съ печи моего кабинета. Было однако для меня и раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще — когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньемъ».

«Будущія прозаическія занятія (продолжаетъ въ этомъ же письмѣ Жуковскій) мнѣ улыбаются. Уже у меня готово на цѣлый толстый томъ. Матеріаловъ довольно для будущаго — и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться. И еще для одного поэтическаго созданія есть планъ [1]). Оно было бы достойнымъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности. Но не знаю, слажу ли съ предпріятіемъ мысленнымъ. Приходило въ

---

[1]) Это относится къ послѣдней поэмѣ его «Странствующій Жидъ». Онъ не успѣлъ кончить лучшаго труда своего. Нельзя не замѣтить здѣсь, что поэзія составляла необходимое условіе, или точнѣе сказать, дыханіе жизни Жуковскаго. Въ началѣ этого письма онъ прощается съ нею — и въ то же время готовится писать новую поэму. *П. П.*

голову, и не разъ, искушеніе приняться за Иліаду, дабы оставить по себѣ полнаго собственнаго Гомера. Мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, и потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи, имъ лучше меня переведенные (въ чемъ, разумѣется, признаться публикѣ). Такимъ образомъ два труда слились бы въ одинъ — но не по лѣтамъ моимъ приниматься за такой долговременный трудъ, который овладѣлъ бы всею душою и отвлекъ бы ее отъ важнѣйшаго — отъ сборовъ въ другую дорогу. Я даже и началъ-было Прологъ къ Одиссеѣ — сводную повѣсть о войнѣ троянской. Стиховъ 200 гекзаметрами написано. Въ эту повѣсть вошло бы все лучшее, относящееся къ войнѣ троянской и къ разнымъ ея героямъ — все, заключающееся въ Иліадѣ, въ Энеидѣ и въ трагикахъ; но отъ этого труда я отказался. Со временемъ напишу этотъ Прологъ въ прозѣ къ новому изданію Одиссеи».

XXVII.

11 октября, стар. ст., 1849 года (кончивъ уже печатаніе второй части Одиссеи и отправивъ ее сюда), Жуковскій писалъ о ней: «Вы конечно сѣтуете на меня за мое долгое молчаніе; и я за него на себя сѣтую, тѣмъ болѣе что все собирался написать къ вамъ: все хотѣлось поговорить съ вами о моей Одиссеѣ. Скажите мнѣ слова два о второй части. Я переводилъ ее con amore, и работа шла неимовѣрно быстро: менѣе, нежели во 100 дней, переведены были и даже отпечатаны всѣ двѣнадцать пѣсней. Поправка шла рядомъ съ переводомъ: я поправлялъ въ корректурѣ, что́ гораздо лучше и вѣрнѣе, нежели въ манускриптѣ, и почти всегда имѣлъ шесть корректуръ каждаго листа (это было возможно по причинѣ близости Бадена, гдѣ я жилъ, отъ Карлсру, гдѣ производилось печатаніе). И какъ будто свыше было опредѣлено, чтобы тишина въ Баденѣ продолжалась до окончанія труда моего. Послѣдній листъ былъ отпечатанъ и нѣсколько корректуръ его было уже отправлено въ Карлсру, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ, кото-

рый принудилъ меня немедленно переѣхать съ семьею въ Страсбургъ. Туда явился и Рейфъ изъ Карлсру. Онъ также бѣжалъ отъ мятежа, но не забылъ мнѣ привесть послѣднюю корректуру, которая и подписана была въ Страсбургѣ. Несмотря на бунтъ, всѣ экземпляры были немедленно отправлены по Рейну въ Мангеймъ, изъ Мангейма въ Кёльнъ, а изъ Кёльна по желѣзной дорогѣ въ Штетинъ — и я уже давно имѣю извѣстіе отъ Шлёцера, что все благополучно отправлено въ Петербургъ. Но изъ Петербурга нѣтъ никакихъ вѣстей. И я прошу васъ убѣдительно дать мнѣ какое-нибудь извѣстіе. Мое бѣгство въ Страсбургъ не позволило мнѣ сдѣлать эрраты. Нѣкоторыя мѣста мною поправлены въ самомъ текстѣ. Нѣкоторыя опечатки надлежало бы непремѣнно замѣтить: но напечатанію всего этого положила препятствія вооруженная Баденская вольница. И если этотъ бунтъ принудилъ мою жену бросить начатое ею лѣченіе, которое взяло-было хорошій ходъ, то онъ же принудилъ насъ повидаться съ Альпами — и мы спокойно прожили посреди ихъ великолѣпія въ тихомъ пріютѣ Интерлакена, въ виду чудной Снѣжной-дѣвы, между двухъ прекрасныхъ озеръ, Бріэнцкаго и Тунскаго. Наше пребываніе въ Швейцаріи продолжалось отъ 14 мая до 26 іюля. Горный воздухъ былъ полезенъ женѣ — и она могла, по возвращеніи въ Баденъ, снова начать прерванный курсъ лѣченія. Но уже ей нельзя было и думать о поѣздкѣ въ Россію съ наступленіемъ осени, тѣмъ болѣе что одна часть лѣченія кончилась, другая должна теперь необходимо начаться и будетъ продолжаться до зимы. Необходимость этого лѣченія заставила меня съѣздить въ Варшаву, дабы изложить предъ Государемъ Императоромъ мои жалкія обстоятельства. Его величество удостоилъ принять меня несказанно милостиво и позволилъ мнѣ остаться за границею столько времени, сколько потребуютъ обстоятельства. Теперь я опять на неопредѣленное время долженъ отложить свиданіе съ отечествомъ и съ вами, добрые мои друзья! Велитъ ли Богъ мнѣ васъ увидѣть? Думалъ ли я, покидая Россію для своей женитьбы, что не прежде возвращусь въ нее, какъ черезъ десять лѣтъ? И дозво-

литъ ли Богъ возвратиться? Моя заграничная жизнь совсѣмъ не веселая, не веселая уже и потому, что непроизвольная; причина, здѣсь меня удерживающая, самая печальная — она портитъ всю жизнь, отымаетъ настоящее, пугаетъ за будущее: болѣзнь жены (а нервическая болѣзнь самая бѣдственная изъ всѣхъ возможныхъ болѣзней), болѣзнь матери семейства и хозяйки дома уничтожаетъ въ корнѣ семейное счастіе. Да и самъ я не въ порядкѣ: швейцарскій воздухъ мнѣ былъ не въ прокъ; тамъ начали немного шалить и мои нервы; пропалъ мой всегдашній, вѣрный товарищъ — сонъ, и сдѣлалось у меня что-то похожее на одышку. Поѣздка въ Варшаву меня поправила: сонъ возвратился, одышка не такъ сильна. Но есть какой-то безпорядокъ въ кровообращеніи, отъ чего біеніе сердца, и нервы продолжаютъ пошаливать. Докторъ изъясняетъ все это гемороемъ, и утверждаетъ, что скоро все придетъ въ порядокъ. Я и самъ не нахожу въ себѣ рѣшительной болѣзни. Теперь передо мною цѣлая зима. Надѣюсь, что она здѣсь въ Баденѣ, подъ покровомъ прусской арміи, пройдетъ спокойно, хотя мы все живемъ здѣсь на волканическомъ грунтѣ. Прошлая зима была для меня благопріятна: она была поэтически-благотворна. Что произведетъ нынѣшняя? не вѣдаю, и еще ни на какую работу не рѣшился, хотя передъ глазами и много плановъ. Съ поэзіей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ: они могутъ составить толстый томъ — и еще многое хочется написать. На это можетъ быть употреблена нынѣшняя зима, если только Богъ дастъ здоровья. Я сообщу вамъ послѣ то, что мнѣ пишетъ о моей Одиссеѣ Фарнгагенъ фонъ Энзе (теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ въ Германіи). Онъ знаетъ прекрасно и греческій и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать мою работу удачною».

Со времени появленія въ печати перваго сочиненія, написаннаго Жуковскимъ еще въ дѣтствѣ, въ 1849 году исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался князь П. А. Вяземскій, чтобы въ Петербургѣ отпраздновать юби-

лей авторской жизни отсутствующаго друга. Днемъ празднества было избрано 29-е января, день рожденія Жуковскаго. Приглашены были въ квартиру князя всѣ друзья поэта, бывшіе тогда въ столицѣ. Собраніе осчастливлено было присутствіемъ Наслѣдника, удостоившаго принять участіе въ торжествѣ въ честь своего наставника. Учредитель праздника написалъ на этотъ случай два стихотворенія. Одно было прочитано, а для другого написана музыка — и его пропѣли. Всѣ лучшія желанія отсутствующему поэту выражались единодушно, непритворно и съ общимъ восторгомъ, который собранію сообщилъ безпримѣрное одушевленіе. Чтобы порадовать сердце отдаленнаго друга, приготовили чистые листы, на которыхъ присутствовавшіе (дамы и мужчины, попарно) собственноручно написали имена свои. Ихъ на другой же день отправили въ Баденъ-Баденъ съ описаніемъ юбилея.

Государь, въ изъявленіе благоволенія своего къ пятидесятилѣтнимъ трудамъ Жуковскаго, изволилъ пожаловать поэту, въ бытность его въ Варшавѣ, орденъ Бѣлаго Орла, при слѣдующей грамотѣ: «Въ ознаменованіе особеннаго Нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, въ изъявленіе душевной Нашей признательности за заслуги, Нашему Семейству вами оказанныя, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего *Бѣлаго Орла*».

XXVIII.

Послѣ поэзіи ничѣмъ съ такою любовію и съ такимъ увлеченіемъ не занимался Жуковскій за границею, какъ воспитаніемъ дѣтей своихъ. Всю цѣну и важность этого предмета онъ полагалъ въ надлежащемъ развитіи души и ея способностей. Если бы Господу угодно было продлить жизнь его, онъ посвятилъ бы всѣ остальные годы свои педагогикѣ въ высшемъ ея значеніи. Письма его наполнены разсказами о тѣхъ средствахъ, какія онъ придумывалъ для начальнаго обученія дочери, такъ какъ сынъ его,

будучи моложе сестры, не могъ еще принимать участія въ урокахъ. Ничто ближе и вѣрнѣе не покажетъ намъ этого во всѣхъ отношеніяхъ несравненнаго человѣка, какъ собственные его разсказы, и потому весь періодъ жизни его внѣ отечества только и можетъ быть удовлетворительно представленъ въ выпискахъ изъ сообщенныхъ имъ самимъ свѣдѣній. 15 февраля (стар. ст.) 1850 года онъ говоритъ: «Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариѳметики: за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ самихъ родителей. Съ Новаго года я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскія буквы и склады, писать по-русски, считать. Но по той методѣ, которую я себѣ составилъ, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело. Къ этимъ двумъ предметамъ присоединены библейскія повѣсти: мать ихъ разсказываетъ, а я потомъ ихъ повторяю. Мы употребляемъ простой языкъ Святого Писанія, доступный младенцу такъ же, какъ и мудрецу; разсказываемъ одни факты безъ всякаго нравственнаго примѣненія — это примѣненіе придетъ само по себѣ, если только чистая роса святыхъ фактовъ падетъ свѣжо на воспріимчивое дѣтское сердце. Вѣра христіанская исходитъ изъ смиреннаго принятія откровенныхъ фактовъ, а не изъ умственнаго убѣжденія. Съ чтеніемъ и счетомъ (которые не будутъ сухимъ, механическимъ, а самодѣятельнымъ занятіемъ) перейду къ моему систематическому курсу. Не буду учить ни географіи, ни естественной исторіи, ни математикѣ, ни грамматикѣ, ни слогу — все это составитъ одну цѣль постояннаго умственнаго развитія: дитя будетъ не *получать*, а *брать* своею собственною силою».

«И надъ этимъ-то курсомъ я теперь работаю, что̀ меня чрезвычайно занимаетъ. Я уже на опытѣ надъ моею дочкою извѣ-

далъ, что метода моя хороша. Правда, она умный ребенокъ, и съ нею легко; но это *легко* съ умнымъ ребенкомъ происходитъ также и отъ того, что при наставленіи заставляешь дѣйствовать умъ и чувство, которые бы заупрямились (и въ умномъ ребенкѣ сильнѣе, нежели въ другомъ), если бы оставить ихъ въ покоѣ. Павла я не допускаю еще къ занятію, и это тѣмъ для него полезнѣе, что онъ ни минуты не бываетъ безъ занятія. Надобно подслушать, что̀ они съ утра до вечера болтаютъ, какія вдвоемъ выдумываютъ игры и какое важное участіе принимаютъ въ ихъ жизни ихъ куклы! Павелъ весь я — и лицомъ, и свойствами, и характеромъ. Дай Богъ жизни, чтобы привести его къ началу прямой дороги; идти же по ней придется ему безъ меня».

Въ этомъ же письмѣ, гдѣ излилось столько родительской нѣжности и тонкой педагогической наблюдательности, поэтъ-Жуковскій не могъ не обратиться къ новымъ подробностямъ о переводѣ второй части Одиссеи. Чѣмъ больше онъ передаетъ ихъ намъ, тѣмъ ощутительнѣе становится мѣра его таланта. «Вы называете мой переводъ второй части Одиссеи подвигомъ исполинскимъ (прибавляетъ онъ): это особенно въ томъ отношеніи правда, что моя работа была *постоянная* и *безъ всякаго внѣшняго подкрѣпленія.* Первыя двѣнадцать пѣсней переведены во Франкфуртѣ. Тамъ (какъ я уже писалъ вамъ) жилъ въ моемъ домѣ Гоголь. Я читалъ ему мой переводъ. Онъ читалъ его мнѣ и судилъ о немъ какъ поэтъ. Потомъ я читалъ его вмѣстѣ съ Хомяковымъ, наконецъ съ Тютчевымъ. Все это было истиннымъ поэтическимъ наслажденіемъ, не пиромъ самолюбія, а просто лакомствомъ за трапезою Гомера. Ничего этого я не имѣлъ, переводя вторую часть Одиссеи въ Баденѣ. Никто бы лучше моей жены не оцѣнилъ труда моего и не далъ мнѣ совѣта — у нея и душа и чутье поэтическое: но я еще не выучилъ ее по-русски, и ни съ кѣмъ изъ Русскихъ, мною встрѣченныхъ въ Баденѣ, не приходило мнѣ и въ мысли познакомить моего лавроноснаго старца Гомера. Я былъ вполнѣ одинокъ... У меня такая безпамятность, что я почти ни слова не помню изъ Одиссеи. Зналъ только наизусть одну пер-

вую пѣснь; но теперь думаю, что и ее не буду умѣть прочитать безъ книги. Я могу читать мой переводъ какъ чужой. Это было со мною и во время моей работы. Окончивъ пѣснь, я отсылалъ ее въ типографію, и когда приносили ко мнѣ корректуру, я читалъ ее, какъ нѣчто вовсе для меня новое — и это было почти такъ со всякою корректурою. Отъ этого и ошибки ярче бросались въ глаза. Вотъ и теперь, перечитавъ ваши письма и полакомившись не вашими похвалами, а вашею поэтическою симпатіею, мнѣ захотѣлось развернуть вторую часть Одиссеи, и я прочиталъ пѣсни стрѣльбы изъ лука и убійства жениховъ, какъ нѣчто не только не мною писанное, но и какъ нѣчто, никогда мною не читанное. И мнѣ стало грустно, что эта прелесть труда для меня миновалась. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ созданіи поэтическомъ самое сладостное для поэта есть самый актъ созданія, и что *продолженіе* работы усладительнѣе самого ея *совершенія*».

XXIX.

Какъ ни бодро защищался неутомимою своею дѣятельностію нашъ поэтъ отъ приближавшихся къ нему недуговъ старости— годъ отъ году становилось замѣтнѣе ослабленіе силъ его тѣлесныхъ. Но мощный духъ не ослабѣвалъ въ немъ до его кончины. На припадки болѣзней Жуковскій смотрѣлъ обыкновенно съ равнодушіемъ, и даже подшучивалъ надъ собою. Разсказывая о какой-нибудь новой уступкѣ организма своего дѣйствію болѣзни, онъ принимаетъ видъ человѣка, счастливо приготовившагося къ удачному отпору, послѣ котораго надѣется выйти изъ бѣды. Въ іюнѣ 1850 года Жуковскій послалъ сюда собраніе новыхъ сочиненій своихъ въ прозѣ, рѣшившись прибыть съ семьею въ Россію въ концѣ осени. Между тѣмъ состояніе здоровья не позволило совершиться предположеніямъ его. «Вы заставляете (пишетъ онъ 20 октября стар. ст. того же года) меня поститься. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ съ Рейфомъ и послалъ свои манускрипты — отъ васъ ни слова. Ужъ не сердитесь ли вы на меня

за то, что я опять обманулъ ваше ожиданіе, и еще на зиму остался въ Баденѣ? Смягчите свой гнѣвъ: я поступилъ весьма благоразумно, что не поѣхалъ. Женѣ это сдѣлаетъ большое добро. Ей надобно и зимою продолжать свое леченіе. Я начинаю надѣяться, что она наконецъ отдохнетъ отъ своего многолѣтняго страданія. Хорошо вамъ звать меня, и судить и осуждать меня въ отдаленіи, не зная, чтó со мною дѣлается. Бываютъ несказанно тяжелыя минуты, и бываютъ часто. Я на нихъ не ропщу: это минуты поучительныя и образовательныя. Но въ шестьдесятъ лѣтъ труднѣе учиться, нежели въ молодыя лѣта, хотя и яснѣе знаешь, что наша жизнь намъ только на то и дана, чтобы учиться, учиться доброю волею, даже безъ надежды выучиться, а только для того, чтобы угодить Учителю, творя Его волю».

«Хорошая сторона необходимости остаться здѣсь, впрочемъ для меня весьма непріятная (ибо мнѣ надоѣла кочевая жизнь на чужѣ), есть та, что я, если Богъ позволитъ, надѣюсь хорошо воспользоваться баденскимъ уединеніемъ — и вы, опять повторяю, погладите меня по головкѣ при нашемъ свиданіи: привезу и стиховъ и прозы. Теперь моя эпистолярная дѣятельность должна прекратиться. У меня работы по горло, и мнѣ безпрестанно говоритъ тайный голосъ: спѣши! Не то, чтобы это былъ голосъ смерти; нѣтъ: но глаза слабѣютъ, и слухъ тупѣетъ. Что, если мнѣ назначено, не кончивъ начатаго, ослѣпнуть и оглохнуть? И такъ надобно не терять времени, а между тѣмъ и приготовить себя къ этой томительной жизни. Не скажу, чтобы она меня ужасала. Весьма вѣроятно, что ея и не будетъ. Воля Божія. Но надобно быть готовымъ. Я уже выдумалъ себѣ машину для писанія въ случаѣ слѣпоты. Надобно придумать отводъ и отъ глухоты. Между тѣмъ постараюсь воспользоваться, сколько можно, собою, пока я еще цѣлъ. Для этого надобно только строго экономить временемъ».

Въ продолженіе этихъ лѣтъ Жуковскій успѣлъ кончить пятое (послѣднее при жизни его) изданіе полнаго собранія «Сочиненій своихъ въ стихахъ и прозѣ», напечатанное въ Карлсру, и

отправилъ его въ Петербургъ, куда окончательно приготовился переѣхать и самъ съ семействомъ. Все было уложено. Это происходило въ первой половинѣ іюля 1851 года. Но за два дня передъ тѣмъ, который онъ назначилъ для отъѣзда въ Россію, подагрическая матерія бросилась въ его глазъ. Чтобы сохранить другой, ему завязали оба глаза, и началось продолжительное лѣченіе. Тогда-то онъ началъ пользоваться своею машинкою, и съ этого времени писалъ свои письма не чернилами, а карандашемъ и крупными буквами, въ которыхъ почти нельзя узнать его прежняго почерка. 25 августа стар. ст. 1851 года онъ писалъ между прочимъ: «За шесть недѣль передъ этимъ я долженъ былъ выѣхать изъ Бадена — вдругъ напалъ на глазъ ревматизмъ, и я еще по сію пору не знаю, когда выѣду. Пишу къ вамъ съ закрытыми глазами, пользуясь мною выдуманной на слѣпоту машинкой. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе: письмо ваше или застанетъ меня въ Баденѣ, или его перешлютъ мнѣ въ Дрезденъ». Нетерпѣливое желаніе возвратиться въ отечество уничтожало въ мысляхъ его самую опасность болѣзни, которою онъ страдалъ. Замѣтно, что онъ считалъ свой припадокъ кратковременнымъ и легкимъ. Наконецъ, 13 сентября (стар. ст.) того же года, въ письмѣ, еще собственноручномъ и попрежнему карандашемъ начертанномъ, онъ началъ говорить какъ выведенный изъ своего невѣдѣнія. «Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу взаперти, въ темнотѣ, и не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухомъ. Всѣ прекрасные дни лѣта мною потеряны — и наконецъ рѣшилось дѣло тѣмъ, что мнѣ объ отъѣздѣ въ Россію теперь и думать нельзя. Уже осень. Холодъ мнѣ вреденъ. Солнечнаго свѣта еще не могу терпѣть; а послѣ бѣлизна русскаго снѣга и совсѣмъ доконала бы глазъ. Эта бѣда случилась со мною дня за два до назначеннаго мною выѣзда. Я вижу въ ней однако указаніе Провидѣнія. Она особенно можетъ послужить къ добру для моей жены, которая весьма еще далеко отъ исцѣленія. Несмотря на это, я бы поѣхалъ непремѣнно. Моя болѣзнь обратила отъѣздъ въ совершенную невозможность. И жена моя уже воспользовалась моимъ за-

творчествомъ, чтобы въ продолженіе четырехъ недѣль прекраснѣйшей погоды брать ванны въ текучей водѣ, чего бы ей нельзя было сдѣлать, если бы мы поѣхали. И зима будетъ ей вѣроятно полезна въ отношеніи ея лѣченія. Для меня же перспектива не веселая: мои работы будутъ жестоко хромать отъ невозможности употреблять глаза; ибо моя болѣзнь можетъ продолжаться еще недѣли. Постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный! Вотъ, напримѣръ, я давно уже приготовилъ машинку для писанія на случай угрожающей мнѣ слѣпоты. Эта машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрытыми глазами. Правда, написанное мнѣ трудно самому читать. Въ этомъ мнѣ помогаетъ мой камердинеръ. И странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни загомозилась во мнѣ поэзія, и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ не развитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собою началось: все льется извнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно, и чего самъ читать не могу, именно въ то время, когда оно мнѣ нужно для хода впередъ. Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него. Такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику, и самъ еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ слѣплено ощупью — кажется однако, живо и тепло. Содержанія не стану разсказывать: дай Богъ кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено. Если *напишется такъ*, какъ *думается*, то это будетъ моя лучшая лебединая пѣснь [1]). Потомъ,

---

[1]) Въ *Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщ.* 1852 года, № 1, въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» напечатанъ подробный разсказъ священника Іоанна Базарова о «Послѣднихъ дняхъ жизни Жуковскаго». Тамъ есть изложеніе и неконченной поэмы, о которой говоритъ здѣсь поэтъ. Я уже упоминалъ выше, что она называется «Странствующій Жидъ» *П. П.*

если Богъ позволитъ кончить ее, примусь за другое дѣло — за Иліаду. У меня уже есть точно такой нѣмецкій переводъ, съ какого я перевелъ Одиссею: и я уже и изъ Иліады перевелъ двѣ пѣсни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу: я былъ занятъ составленіемъ моего педагогическаго курса—который, въ своемъ родѣ, будетъ замѣчательное созданіе—и наработалъ пропасть; но все еще только одно начало. Нынѣшнею зимою этой работой заняться не могу: глаза не позволятъ. Надобно много читать, и особенно много рисовать, что́ для больныхъ глазъ убійственно. Для Иліады же найду нѣмецкаго лектора. Онъ будетъ мнѣ читать стихъ за стихомъ. Я буду переводить и писать съ закрытыми глазами, а мой камердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, поправлять его и переписывать. И дѣло пойдетъ какъ по маслу [1])!

XXX.

Выздоровленіе не приходило. Но Жуковскій не переставалъ заниматься, какъ могъ, и еще все думалъ о переѣздѣ въ Россію.

---

[1]) Представляетъ ли исторія другое лицо, въ которомъ бы, при столь грустныхъ обстоятельствахъ, сохранилось столько душевной тишины, непоколебимой вѣры въ благость Провидѣнія, сосредоточенности и распорядительности въ умѣ, ровной и безпрерывной дѣятельности, поэтической теплоты и трогательной сердечной веселости? Приведенное «Письмо», одно, останется памятникомъ, котораго прочнѣе и краснорѣчивѣе едва ли что придумать можно для безсмертія поэта. Слѣдующая приписка къ нему вполнѣ довершаетъ характеристику Жуковскаго. Я старался каждое 1-е и 15-е число мѣсяца сообщать ему что-нибудь изъ того, о чемъ любилъ онъ узнавать. Теперь онъ прибавляетъ: «прошу васъ не сложить съ себя *ветхаго* человѣка, а напротивъ возвратиться къ ветхому человѣку, то есть, къ тому, который во время оно обѣщалъ писать ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, и нѣсколько времени былъ вѣренъ этому обѣщанію, не требуя моихъ отвѣтовъ. Ваши письма теперь мнѣ нужнѣе стали. Мое положеніе требуетъ помощи. Можно притти въ уныніе. Что, если бы не сохранилъ мнѣ милосердый Богъ возможности заниматься? Итакъ пишите, пишите!» Если бы всѣ, бывшіе въ перепискѣ съ поэтомъ нашимъ согласились соединить въ одну книгу тѣ письма его, которыя ознаменованы, какъ литературныя произведенія, занимательностію и совершенствами общими — это безъ сомнѣнія послужило бы столько же къ сохраненію чистой памяти Жуковскаго, сколько и къ прекрасному обогащенію русской литературы, не говоря уже о пользѣ общей. *П. П.*

Его участіе въ событіяхъ, касавшихся отечества и друзей его, повидимому, возрастало по мѣрѣ его приближенія къ смерти. Даже съ любовію входилъ онъ въ разсмотрѣніе новыхъ явленій литературы нашей, если они казались ему достойными вниманія. Это безпримѣрное сохраненіе въ гармоніи душевныхъ силъ придаетъ послѣднимъ письмамъ его высокую цѣну. Но онъ въ скоромъ времени принужденъ былъ покинуть и карандашъ свой и свою машинку, которыми до сихъ поръ пользовался для переписки: она продолжалась не его рукою, а только съ его словъ, имъ диктованныхъ. Первое изъ этихъ писемъ касается Екатерины Андреевны, жены Карамзина, особы, бывшей для Жуковскаго, какъ и для всѣхъ знавшихъ ее, существомъ высшаго достоинства. «Благодарю васъ всѣмъ сердцемъ, говоритъ онъ въ письмѣ 24 октября (стар. ст.) 1851 года, за два письма вашихъ. Я бы отвѣчалъ немедленно на первое, которое глубоко поразило меня извѣстіемъ о нашей общей утратѣ; но я былъ въ это время увлеченъ пошлою прозою переборки на другую квартиру. Не буду объ этомъ ничего говорить теперь: завтра буду писать къ самимъ Карамзинымъ; а васъ только благодарю за то, что вы своимъ письмомъ мнѣ дали такъ живо присутствовать на этомъ пиршествѣ погребенія. Нѣтъ ничего торжественнѣе и умилительнѣе этихъ проводовъ на тотъ свѣтъ души, умилившей здѣшній свѣтъ своею чистою жизнію. Какой новый ударъ для бѣднаго Вяземскаго! Надо благодарить Бога, что это случилось послѣ его отъѣзда. Въ Петербургѣ ударъ этотъ слишкомъ бы сильно отозвался въ его сердцѣ. Онъ теперь въ Парижѣ. Я еще оттуда не имѣю прямого о немъ извѣстія, но слышу, что ему вообще лучше. А вы держитесь постоянно вашего благого намѣренія писать ко мнѣ каждое 1-е и 15-е число мѣсяца. Увѣдомляйте меня о томъ, что у васъ и съ вами дѣлается. Это будетъ отрадно мнѣ слѣпому. Мой глазъ совсѣмъ не выздоравливаетъ. Вѣроятно, что это пошло на цѣлую зиму».

Едва прошло двѣ недѣли, какъ Жуковскій въ новомъ письмѣ предается новымъ предположеніямъ касательно занятій своихъ и

переѣзда въ отечество: такъ владѣла имъ сила духа. 7 ноября (стар. ст.) 1851 онъ писалъ: «За мѣсяцъ или за полтора передъ этимъ былъ у меня вашъ пріятель Коссовичъ. Онъ мнѣ очень понравился. Я сообщилъ ему мое желаніе имѣть образованнаго классически русскаго, который бы могъ со мною заняться составленіемъ домашняго предварительнаго курса ученія по моей методѣ, отчасти вамъ извѣстной. Коссовичъ назвалъ мнѣ Бартенева, кандидата Московскаго университета. Не знаете ли вы и не можете ль освѣдомиться о семъ Бартеневѣ? Иль не знаете ль кого изъ воспитанниковъ Педагогическаго института, способнаго, классически образованнаго и достаточно воспріимчиваго, чтобы постигнуть мою мысль, которой исполненіе могло бы сдѣлаться полезнымъ не однимъ моимъ дѣтямъ, но и отечеству въ семейственномъ воспитаніи? Отъ княгини Вяземской я получилъ письмо изъ Парижа. Вяземскій мраченъ, но къ счастію дѣло не такъ дурно, какъ я воображалъ. Вяземскому не сидится на мѣстѣ. Онъ бы хотѣлъ покинуть Парижъ и переѣхать ко мнѣ въ Баденъ. Но этому и я противлюсь: Баденъ пустъ и скученъ, а я полуслѣпой не буду ему полезенъ — и гробъ его дочери, здѣсь погребенной, не поможетъ мнѣ развеселить его. Я зову его въ Баденъ на апрѣль мѣсяцъ [1]); самъ же слѣпой, или зрячій, съ первою возможностью въ маѣ отправлюсь въ Россію».

Въ письмѣ Жуковскаго, присланномъ ровно черезъ двадцать дней послѣ предыдущаго, есть мысли, которыя должны быть сохранены для потомства, какъ завѣтъ мудреца. «Въ продолженіе моей десятилѣтней заграничной жизни я узналъ по опыту, что можно любить поэзію, не заботясь ни о какой извѣстности, ни даже о участіи тѣхъ, чье одобреніе дорого. Онѣ имѣютъ большую прелесть; но сладость поэтическаго созданія сама себѣ награда. Благодарю васъ за доставленіе стиховъ Майкова. Я прочиталъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Майковъ имѣетъ истинный по-

---

[1]) Странное обстоятельство. Онъ за полгода назначаетъ другу срокъ прибытія къ себѣ — а этотъ апрѣль былъ срокомъ его земной жизни: Жуковскій скончался 12 апрѣля (стар. ст.) 1852 года. *П. П.*

этическій талантъ. Я не читалъ его другихъ произведеній. Слышу, что онъ еще молодъ. Слѣдовательно передъ нимъ можетъ лежать еще долгій путь. Дай Богъ ему пріобрѣсть взглядъ на жизнь съ высокой точки, то есть, быть тѣмъ поэтомъ, о которомъ я говорю въ моемъ письмѣ къ Гоголю [1]), и избѣжать того эпикуреизма, который заразилъ поэтовъ и осквернилъ поэзію нашего времени. Глаза мои все еще въ томъ же положеніи. Объ Вяземскомъ не могу ничего сказать вамъ новаго».

Чѣмъ ближе наступало время, въ которое суждено было нашему поэту вдругъ окончить все, такъ неизмѣнно и такъ сладко занимавшее его цѣлую жизнь, тѣмъ замѣтнѣе обращались мысли его къ судьбѣ русской литературы, и тѣмъ чаще вспоминалъ онъ въ письмахъ о литераторахъ русскихъ. Всегда оживлялась душа его непритворною радостію при появленіи новаго таланта въ отечествѣ: такъ онъ чуждъ былъ самой тѣни опасенія совмѣстничества, а тѣмъ менѣе чувства, похожаго на зависть. Въ новыхъ успѣхахъ искуства онъ видѣлъ распространеніе общей пользы, благотворное вліяніе на нравы и ступени къ славѣ отечества. Никто искреннѣе его не любилъ Карамзина, Крылова, Батюшкова, Пушкина и Гоголя. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни своей онъ такъ заботился о распространеніи вѣрныхъ, чистыхъ началъ въ литературѣ, какъ будто защищалъ только-что начатое имъ поприще, какъ будто жизнію своею и своими твореніями не успѣлъ еще утвердить незыблемой истины. Въ письмѣ 7 декабря (стар. ст.) 1851 года онъ между прочимъ пишетъ: «Не знаете ли чего о Гоголѣ? Онъ для меня пропалъ. Я бы давно къ нему писалъ, но не знаю, куда къ нему писать. Говорятъ, что онъ кончилъ вторую часть «Мертвыхъ душъ» и что это чудесно хорошо. Если будетъ напечатано, пришлите немедленно. Скажите отъ меня Майкову, что онъ съ своимъ прекраснымъ талантомъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ поэтовъ, служащихъ высшей правдѣ, а не матеріальной чувственности. Пускай онъ возьметъ себѣ за об-

---

[1]) Напечатано въ № 4 *Москвитянина* 1848 года, въ Отдѣл. III. *И. И.*

разецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напитается исторіею и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, Руси богатой бу́дущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской — и пускай, скопивъ это сокровище знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пу́скай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли, и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство — русалка, убійственно щекочущая душу. Таково мое *завѣщаніе* молодому поэту. Если онъ съ презрѣніемъ оттолкнетъ отъ себя тенденціи, оскверняющія поэзію и вообще литературу нашего времени, то онъ съ своимъ талантомъ совершитъ вполнѣ назначеніе поэта. Но довольно. Чтобы заплатить вамъ чѣмъ-нибудь за ваши хлопоты, посылаю вамъ новые мои стихи, біографію Лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ великую княгиню Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину Лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка ихъ выучила наизусть; но вышелъ не простой Лебедь. Посылаю его вамъ. Можетъ-быть, въ его стихотворной біографіи вы найдете ту же старческую хилость ея автора, какою страдалъ описанный имъ Лебедь. Во всякомъ случаѣ прошу принять благосклонно эту лепту вдовицы».

XXXI.

Слѣдующее письмо представляетъ двѣ чрезвычайно замѣчательныя черты. Одна изъ нихъ должна быть сохранена, какъ лучшее свидѣтельство самой безкорыстной любви Жуковскаго къ поэзіи, любви, которая очистила душу его отъ всякаго самолюбія и заставила его признавать пользу въ такой критикѣ, на которую могъ бы онъ по всѣмъ правамъ не обращать и вниманія — обстоятельство, поучительное для молодого поколѣнія литераторовъ.

Эта черта одна можетъ объяснить многое въ блестящихъ успѣхахъ, въ которыхъ конечно нельзя отказать литературѣ нашей предшествовавшаго періода. Другая черта послужитъ дополненіемъ къ характеристикѣ Гоголя. Этотъ необыкновенный писатель и неразгаданный человѣкъ, изумившій современниковъ неистощимостію тончайшаго анализа въ произведеніяхъ своихъ, иногда до такой степени былъ на себя не похожъ, что трудно приложить къ одному и тому же лицу эти двѣ крайности. Здѣсь разумѣются многія изъ его писемъ, когда онъ не опредѣлялъ въ нихъ для себя исключительной темы. Тутъ онъ являлся какъ бы лишеннымъ не только своего таланта, но и самого обыкновеннаго умѣнья быть занимательнымъ. Надъ такимъ-то его письмомъ Жуковскій по всегдашней веселости въ младенческой душѣ своей здѣсь шутитъ такъ граціозно. Письмо Жуковскаго писано 23 января (стар. ст.) 1852. «Вы просите отъ меня увѣдомленій о поступкахъ моего глаза. Мнѣ нельзя имъ похвалиться: онъ все продолжаетъ парализировать мою жизнь. Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ я не могу ни читать, ни писать и ничѣмъ порядочно заниматься. У насъ не было холодной зимы, но за то постоянная скверная, сырая погода, которая дѣйствуетъ гораздо хуже холода на подагру и ревматизмъ, обхватившіе бѣдный, давно ослѣпшій глазъ мой. И поэзія отъ этого позачахла. Благодарю васъ за критику на моего Лебедя; я самъ не былъ доволенъ тѣми стихами, которые вы забраковали, и поправилъ ихъ — хорошо или дурно, не знаю. Посылаю вамъ Лебедя *съ прибавкою* [1]). Отъ Вяземскаго получилъ еще письмо, грустное. Гоголь наконецъ по двухлѣтнемъ молчаніи написалъ ко мнѣ — и я *изъ его письма узналъ съ восхищеніемъ*, что онъ живетъ въ Москвѣ, на Никитскомъ буль-

---

[1]) Такъ выразился онъ о книжкѣ стихотвореній своихъ, напечатанныхъ имъ незадолго до кончины, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ». Это было изданіе во вкусѣ того, какъ нѣкогда печатались книжки «Для Немногихъ», и заключало на шестнадцати страничкахъ только шесть стихотвореній, которыхъ заключеніемъ служило: «Боже! Царя храни». Тутъ же напечатанъ и его «Царскосельскій Лебедь». *П. П.*

варѣ, въ домѣ Талызина. Я начинаю думать, что я всѣхъ моихъ друзей и пріятелей обидѣлъ, подаривъ имъ по экземпляру моихъ сочиненій: почти ни одинъ мнѣ не откликнулся... Но васъ прошу продолжать писать ко мнѣ».

Послѣднее письмо Жуковскаго въ этой перепискѣ помѣчено въ Баденѣ 5-мъ марта (стар. ст.) 1852 года. Оно все посвящено скорби его о кончинѣ Гоголя. Два писателя, лѣтами столь раздѣленные, и такъ дружно соединенные геніальностію душъ, почти въ одно время покинули землю. Долго Россіи ждать полной замѣны этихъ утратъ. «Какою вѣстью (говоритъ Жуковскій) вы меня оглушили! и какъ она для меня была неожиданна! Весьма недавно я получилъ еще письмо отъ Гоголя, и сбирался ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ, то есть, хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о моемъ «Жидѣ», котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по-сердцу — и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни, и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ, изъ двухъ мужескаго пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки — Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Я жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неоконченныхъ работъ: для нашей литературы онъ потеря незамѣняемая. Но жалѣть ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призваніе было монашество. Я увѣренъ, что если бы онъ не началъ свои «Мертвыя Души», которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не давалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его генія, въ которомъ глубокая меланхолія соеди-

нялась съ рѣзкостію ироніи, было въ противорѣчіи съ его монашескимъ призваніемъ и ссорило его съ самимъ собою. По крайней мѣрѣ такъ это мнѣ кажется изъ тѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его смерти, которыя вы мнѣ сообщаете. Гоголь, долгіе часы стоящій на колѣнахъ предъ образами, отказывающійся отъ пищи и кротко говорящій тѣмъ, которые о немъ заботились: *оставьте меня; мнѣ хорошо* — какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я не вижу суевѣрія: это набожность человѣка, который съ покорностію держится установленій православной церкви. Что возмутило его страждущую душу въ послѣднія минуты? я не знаю. Но онъ молился, чтобы успокоить себя. И конечно ему было въ эти минуты *хорошо*, какъ онъ самъ говорилъ — и путь, которымъ онъ вышелъ изъ жизни, былъ самый успокоительный и утѣшительный для души его. *Оставьте меня; мнѣ хорошо!* Такъ; никому нельзя осуждать по себѣ того, что другому хорошо по его свойству. И эта долгая молитва на колѣнахъ есть нѣчто вселяющее глубокое благоговѣніе. Такъ бы онъ умеръ, если бы, послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. Теперь конечно душа его нашла все, чего искала. Перейдемъ теперь къ земному. Надобно намъ, его друзьямъ, позаботиться объ изданіи его сочиненій, объ изданіи полномъ, красивомъ, по подпискѣ въ пользу его семейства (у него, кажется, живы мать и двѣ сестры). Если публиковать теперь подписку, то она можетъ быть богатая. Позаботьтесь объ этомъ. Если бы я былъ въ Россіи, то бы дѣло разомъ скипѣло».

XXXII.

Постоянно памятуя и исполняя все, соблюдаемое православными христіанами, Жуковскій еще въ февралѣ 1852 года пригласилъ изъ Стутгарта священника нашего Іоанна Базарова, чтобы онъ прибылъ въ Баденъ-Баденъ на шестой недѣлѣ Великаго поста для пріобщенія его съ дѣтьми святыхъ таинъ. Болѣзненное состояніе глаза не позволяло ему самому оставить мѣсто жи-

тельства его. Передъ наступленіемъ означеннаго срока онъ увѣдомилъ своего духовнаго отца, что нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ его перемѣнить распоряженіе и отложить исполненіе христіанскаго долга до Ѳоминой недѣли. Объ этой внезапной перемѣнѣ перваго распоряженія прекрасно выразился отецъ Іоаннъ: «Добрый старецъ не зналъ того, что это второе распоряженіе было свыше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной вѣры христіанина за два дня передъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ *истѣе причаститися въ невечернемъ дни Царствія Христова*».

Развитіе и ходъ болѣзни Жуковскаго, по разсказу очевидца, слѣдовали такимъ образомъ: 1 апрѣля (стар. ст.) 1852 года, во вторникъ на Святой недѣлѣ вечеромъ, онъ занемогъ и легъ въ постель ранѣе обыкновеннаго, а именно въ 9 часовъ. Въ среду онъ только къ вечеру оставилъ постель. Какъ обыкновенно, всѣ его домашніе собралися въ его кабинетъ, и провели вмѣстѣ нѣсколько часовъ. Жуковскій принималъ живое участіе въ разговорахъ, и самъ многое разсказывалъ про старинное свое житье-бытье. Въ четвергъ тоже. Въ пятницу болѣзнь усилилась и обнаружилась яснѣе. Доктора́ назвали ее подагрическою лихорадкою (ein Gichtfieber). Подагра, отъ которой у Жуковскаго въ послѣднее время такъ жестоко страдали глаза, бросилась вовнутрь. Въ пятницу и суботу онъ не покидалъ постели и былъ чрезвычайно безпокоенъ. Казалось, онъ страдалъ болѣе нравственно, нежели тѣлесно. Въ воскресенье больной вышелъ на полчаса — это было въ послѣдній разъ! Лихорадка усилилась; ночи были мучительны; сонъ совершенно пропалъ. Силы явно исчезали, тѣмъ болѣе, что больной почти безъ умолку разговаривалъ съ тѣми, которые окружали его постель: предметомъ же его разговоровъ были жена и дѣти.

Отецъ духовный прибылъ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, 7 апрѣля (стар. ст.), и нашелъ Жуковскаго въ постели больнымъ. Его предувѣдомили, что больной еще желаетъ отло-

жить исполненіе христіанскаго долга, чтобы совершить его съ дѣтьми въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, въ день именинъ сына своего. Въ 11-мъ часу утра, во вторникъ, отецъ Іоаннъ вошелъ въ спальню Жуковскаго, который, жалуясь на разстройство мыслей, объявилъ о необходимости отсрочки св. причастія. Но когда духовникъ изъяснилъ ему различіе въ обстоятельствахъ человѣка здороваго, приходящаго къ Іисусу Христу для принятія св. причащенія, и человѣка больного, къ которому Господь приходитъ Самъ и требуетъ только отворить Ему двери сердца; тогда, въ слезахъ, произнесъ Жуковскій: «Такъ приведите мнѣ Его, этого Святого Гостя». На слѣдующій день, въ среду, послѣ исповѣди и причащенія съ дѣтьми, больной видимо сдѣлался покойнѣе и, подозвавъ ближе къ себѣ дочь и сына, сквозь слезы сказалъ имъ съ умиленіемъ: «Дѣти мои, дѣти! Вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ. Онъ въ насъ теперь. Радуйтесь, мои милые!» И въ четвергъ было ему легче прежняго. Въ этотъ день три раза, передъ отъѣздомъ отца духовнаго, онъ разговаривалъ съ нимъ. Каждое слово его выражало глубокое сознаніе того, что́ съ нимъ происходитъ. «Вчера и сегодня (сказалъ онъ при первомъ прощаніи) мнѣ легко на душѣ. Это блаженство — принять въ себя Бога, сдѣлаться членомъ Богосемейства... Мысль радостная, блаженная. Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, какъ сокровище, въ насъ. Вы на пути (проговорилъ больной при второмъ прощаніи): какое счастіе итти куда захочешь, ѣхать куда надо! Не умѣешь цѣнить этого счастія, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его». Въ третій разъ при прощаніи онъ пожалъ руку и сказалъ: «Прощайте... Богъ знаетъ, увидимся ли еще. Ахъ, какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ...» Въ пятницу утромъ, чувствуя, что силы покидаютъ его, онъ съ нѣжностію, но и съ большимъ усиліемъ благословилъ жену и дѣтей своихъ. Вечеромъ, смотря на свою дочь, онъ еще могъ произнести: «Ковчегъ готовъ — и вотъ летятъ мои два голубя: то вѣра и терпѣніе». Въ

ночи на суботу, въ часъ и тридцать семь минутъ, неровное и тяжелое дыханіе больного внезапно прекратилось: чистая душа его отлетѣла въ одну изъ тѣхъ обителей, которыхъ въ дому Отца нашего на небесахъ уготовано много.

Погребеніе усопшаго происходило въ понедѣльникъ, 14-го апрѣля, въ шесть часовъ по полудни. Кромѣ русскаго священника за гробомъ шелъ римско-католическій деканъ города Бадена, желая всенародно выразить то чувство уваженія, которое вселилъ въ сердца чужеземцевъ нашъ безсмертный поэтъ добродѣтельною своею жизнію. Тѣло его поставлено было въ склепѣ на загородномъ баденскомъ кладбищѣ. По желанію вдовы Жуковскаго, которой болѣе всѣхъ извѣстно, какъ пламенно любилъ свое отечество пѣвецъ XII-го года, его тѣло перевезено было въ Петербургъ. Здѣсь, въ Александро-Невской Лаврѣ, въ присутствіи Наслѣдника и великой княгини Маріи Николаевны, при многочисленномъ стеченіи почитателей и друзей поэта, 29-го іюля отпѣта была надъ нимъ панихида. Слезы августѣйшихъ особъ, оплакивавшихъ утрату наставника ихъ и друга, смѣшались со слезами поклонниковъ незабвеннаго поэта на его гробѣ, который, наравнѣ съ друзьями его, несъ и царственный первенецъ изъ церкви до самой могилы, гдѣ Жуковскій покоится нынѣ подлѣ Карамзина.

6 ноября 1852 года.

ПАМЯТИ ГРАФА СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА [1].

1855.

I.

28 января 1818 года въ собраніи Императорской Академіи наукъ присутствовали академики: Озерецковскій, Фусъ (Николай), Шубертъ, Севергинъ, Захаровъ, Загорскій, Севастьяновъ, Вишневскій, Шереръ, Кругъ, Петровъ, Френъ, Германъ, Шлегельмильхъ и Колинсъ. Въ это собраніе ученыхъ, столь извѣстныхъ свѣту сочиненіями, прибылъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, прекрасной наружности, съ явными привычками къ высшему свѣтскому обществу. Для него приготовлено было посреди академиковъ почетное мѣсто, которое занялъ онъ безъ притворной застѣнчивости, съ сознаніемъ своихъ правъ и нѣкотораго достоинства. Обращаясь къ собранію, онъ открылъ засѣданіе одушевленною рѣчью, въ которой прежде всего изобразилъ, какъ ему лестно быть президентомъ въ Академіи, съ давнихъ поръ пользующейся заслуженною славою. Онъ просилъ академиковъ вѣрить всегдашней его готовности содѣйствовать похвальной ревности каждаго изъ нихъ въ обработываніи его науки. Онъ присовокупилъ, что въ свою очередь ожидаетъ отъ членовъ Академіи совершенной преданности дѣйствительнымъ ея выгодамъ, то есть, усиленію ея дѣятельности и поддержанію славы ея. «Мы можемъ надѣяться», сказалъ онъ въ заключеніе, «что, подъ десницею августѣйшаго покровителя наукъ, Академія удержитъ во всей

---

[1]) Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи наукъ 29 декабря 1855 года, и напечатано въ *Ученыхъ Запискахъ* II Отдѣленія Академіи наукъ, кн. II, вып. I, стр. LIII—CXXVIII.

полнотѣ права свои на уваженіе ученаго свѣта и на признательность отечества. Для достиженія сей высокой цѣли мы должны соединиться въ одну волю и вмѣстѣ побѣдить всѣ препятствія твердостію, единодушіемъ и взаимною довѣренностію».

Академикъ Фусъ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, изложилъ предъ новымъ президентомъ, какъ давно Академія чувствовала необходимость въ непосредственномъ начальникѣ, котораго постоянное участіе въ трудахъ академиковъ можетъ оживить ихъ дѣятельность. Онъ указалъ между тѣмъ на послѣдніе восемь томовъ изданій Академіи, какъ на свидѣтельство, что полезные и достойные всеобщаго вниманія труды ея не прекращались. Успѣхи наши, прибавилъ онъ, теперь будутъ значительнѣе и быстрѣе, потому что Государю Императору угодно было посреди насъ указать мѣсто начальнику, который любитъ науки, самъ занимается ими, постигаетъ цѣль и важность общества, учрежденнаго для совершенствованія ихъ соединенными усиліями ученыхъ людей, и который будетъ умѣть цѣнить труды академиковъ. «Да свершатся надежды наши во всей ихъ обширности!» заключилъ онъ. «Прежняя слава да возсіяетъ надъ Академіею при содѣйствіи начальника, котораго ревность къ успѣхамъ всѣхъ полезныхъ знаній, собственное въ нихъ участіе и цвѣтущее состояніе учрежденій ввѣреннаго ему учебнаго округа обѣщаютъ высшему ученому учрежденію имперіи будущность счастливую и положеніе достойное цѣли его основанія».

Какъ ни кратки, какъ ни просты были объясненія съ обѣихъ сторонъ, нельзя однакоже не чувствовать, въ какой мѣрѣ каждая изъ нихъ говорила чистосердечно, съ искренностію и взаимною довѣренностію. Можно сказать, что двѣ стороны ученаго общества заключили между собою дружескій, неизмѣнный союзъ, вполнѣ чувствуя выгоды новаго своего положенія. По особенному счастію, суждено было, чтобы этотъ союзъ долѣе тридцати семи лѣтъ оставался неизмѣннымъ въ первой силѣ и крѣпости. Тотъ, кто, въ первомъ свиданіи, найденныхъ имъ сотрудниковъ пригласилъ «соединиться въ одну волю и вмѣстѣ побѣдить всѣ

препятствія твердостію, единодушіемъ и взаимною довѣренностію», тотъ не переставалъ дѣйствовать по точному смыслу собственныхъ словъ. Разставаясь поочередно съ ними, когда приходилось кому изъ нихъ оканчивать земное поприще, онъ переносилъ свои надежды на другихъ избранныхъ, и наконецъ, наполнивъ храмину долголѣтняго служенія своего поколѣніемъ новымъ, послѣдній отошелъ самъ къ первымъ своимъ товарищамъ.

Въ такомъ очертаніи представляется уму длинный рядъ усилій, трудовъ и успѣховъ, которые образуютъ исторію дѣятельности утраченнаго нынѣ Академіею наукъ президента ея, графа Сергія Семеновича Уварова.

II.

Высочайшій указъ о назначеніи его президентомъ состоялся въ Москвѣ 12 января 1818 года. Графъ С. С. Уваровъ въ то время былъ попечителемъ Санктпетербургскаго учебнаго округа, призванный въ эту должность 31-го декабря 1810 года, 24-хъ лѣтъ отъ роду. Права его на столь быстрое возвышеніе пріобрѣтены имъ ранними и блестящими успѣхами въ ученомъ свѣтѣ. Министерство просвѣщенія и Академія знали имя писателя, вступающаго въ сферу ихъ дѣятельности, и не безъ основанія ожидали отъ него распоряженій полезныхъ и достойныхъ его назначенія.

Графъ С. С. Уваровъ родился въ Санктпетербургѣ 25 августа 1786 года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, куда для наблюденія за ученіемъ его приглашенъ былъ аббатъ Мангенъ. Особенныя способности къ изученію языковъ приготовили ему средства къ пріобрѣтенію разнородныхъ знаній. Къ бóльшему счастію, молодой человѣкъ рано постигать началъ высокую цѣну сокровищъ умственныхъ и сталъ постоянно предпочитать ихъ другимъ выгодамъ положенія въ свѣтѣ. Исторія въ обширномъ смыслѣ, и особенно исторія образованнѣйшихъ древнихъ народовъ, нашла въ немъ самаго ревно-

стнаго своего поклонника. Языкъ, словесность, гражданственность, политика, обряды религіозные, древности, всѣ памятники и самые слѣды бытія просвѣщенныхъ народовъ входили въ кругъ его ранняго изученія исторіи.

Естественно, что при такомъ направленіи ума онъ долженъ былъ привязаться къ древнимъ классическимъ языкамъ, и филологія сдѣлалась однимъ изъ постоянныхъ предметовъ его ученыхъ занятій. Знаніе новѣйшихъ европейскихъ языковъ досталось ему легче, потому что пришло съ навыкомъ говорить на нихъ съ дѣтства. Послѣднее обстоятельство послужило для него средствомъ пользоваться въ сочиненіяхъ его, по усмотрѣнію, тѣмъ или другимъ языкомъ, который былъ удобнѣе и обработаннѣе для исполненія труда, имъ предпринимаемаго. Оттого въ послѣдствіи времени являлись изъ-подъ пера его сочиненія то на русскомъ языкѣ, то на французскомъ, то на нѣмецкомъ. Гэте, по этому случаю, сказалъ о немъ: «Подобно художнику въ области гармоніи, онъ играетъ на различныхъ инструментахъ, смотря по тому, какой лучше выражаетъ его мысли и чувствованія».

Первое служебное поприще его было дипломатическое. 21-го іюня 1806 года, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда онъ поступилъ въ половинѣ 1801 года, отправили его къ посольству нашему въ Вѣну. Тамъ онъ скоро замѣченъ былъ принцемъ де Линемъ, остроумнѣйшимъ человѣкомъ XVIII-го столѣтія, еще не безъ блеска ума доживавшимъ свой вѣкъ при вѣнскомъ дворѣ. Графъ С. С. Уваровъ любилъ воспоминанія этой эпохи, и въ послѣдствіи времени издалъ ихъ свѣту въ той прелести, которую истинное дарованіе всегда умѣетъ заимствовать отъ самого предмета, имъ изображаемаго. «Я не могъ безъ увлеченія, говоритъ онъ, смотрѣть на человѣка, котораго имя находилось на каждой страницѣ XVIII-го вѣка между именъ Вольтера, Лудовика XV, Екатерины, Фридриха Великаго и императора Іосифа». Въ концѣ 1809 г. Уваровъ былъ опредѣленъ въ секретари посольства нашего въ Парижѣ. Здѣсь непосредственныя сношенія съ членами института и другими учеными и писателями вызвали его на самостоя-

тельный трудъ, который въ 1810 году явился въ свѣтъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Essai d'une Académie Asiatique». Первоначальная мысль этого сочиненія вѣроятно возникнула въ слѣдствіе ближайшаго знакомства автора съ распространившимися по Европѣ изслѣдованіями восточныхъ литературъ изъ Англіи, Франціи и Германіи; но онъ умѣлъ положить для этой мысли болѣе обширное и болѣе прочное основаніе, на которомъ наше правительство до сихъ поръ не перестаетъ воздвигать новыя зданія. «Сопредѣльная съ Азіею Россія, говоритъ авторъ, обладательница всей ея сѣверной части, не можетъ не чувствовать одинаковаго нравственнаго побужденія съ прочими народами въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ; но у нея есть побужденіе особенное, политическое, которое, при одномъ взглядѣ на географическую карту, становится понятнымъ и несомнѣннымъ. Россія, такъ сказать, опирается на Азію. Сухопутная граница неизмѣримаго протяженія приводитъ ее въ соприкосновеніе почти со всѣми народами Востока, и ей легко не только способствовать распространенію всеобщаго просвѣщенія, но и достигать собственныхъ важнѣйшихъ выгодъ, такъ что никогда еще политическія побужденія не являлись въ такомъ согласіи съ обширными видами нравственной образованности».

Едва вышло изъ печати это сочиненіе, какъ авторъ получилъ на него любопытныя замѣчанія, исполненныя ученыхъ указаній, жаркихъ возраженій, искреннихъ похвалъ, веселыхъ шутокъ и дружескихъ привѣтствій. Ими онъ былъ обязанъ строгому и свѣтлому уму графа Жозефа де Местра, который, въ неумолимой ревности къ своимъ нравственно-философическимъ идеямъ, на все смотрѣлъ то съ предубѣжденіемъ, то съ увлеченіемъ. Молодой изыскатель новыхъ источниковъ просвѣщенія не былъ остановленъ этимъ щекотливымъ привѣтствіемъ знаменитаго писателя, и послѣ соединилъ его посланіе съ юношескимъ своимъ опытомъ въ одномъ изданіи. Между тѣмъ, почти въ то же самое время, королевское гэттингенское общество наукъ избрало его въ число своихъ членовъ. Чтобы выразить признательность свою за оказанную честь,

графъ С. С. Уваровъ, въ 1812 году, издалъ на французскомъ же языкѣ новое сочиненіе «Объ Элевзинскихъ таинствахъ», посвятивъ его обществу. Много новыхъ соображеній представилъ онъ о предметѣ, который не сдѣлался яснѣе отъ долговременныхъ разысканій самыхъ ученыхъ людей. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ автора на новое изслѣдованіе, одна особенно поражаетъ вниманіе. «Изученіе древности, говоритъ онъ, не есть занятіе, отдѣленное отъ другихъ: всякой разъ, когда оно поднимается выше мертвой буквы, это благородное изученіе становится исторіею ума человѣческаго. Оно не только умѣстно во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, но еще открываетъ уму столь обширное поле, что мысль съ удовольствіемъ тутъ останавливается, и хоть на короткое время забываетъ бѣдствія, неразлучныя съ великими переворотами политическими и нравственными». Сочиненіе, о которомъ здѣсь говорится, въ 1816 году было вновь напечатано въ Парижѣ подъ наблюденіемъ барона Сильвестра де-Саси.

III.

Правильно развитый умъ, возбуждаемый счастливымъ дарованіемъ и энергическимъ влеченіемъ молодости, повсюду собираетъ пищу для своей неутомимой дѣятельности. Особенно привлекаетъ его въ сферу разнообразныхъ и плодотворныхъ идей блистательное общество геніальныхъ писателей, гдѣ часто одно живое слово наводитъ его на длинный рядъ новыхъ истинъ. Этимъ объясняются тѣ многочисленныя сближенія съ современными знаменитостями, которыя графу С. С. Уварову доставили друзей въ лицѣ Гумбольтовъ, Гёте, Германа, Сталь, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и многихъ другихъ. Въ Германіи, во Франціи и въ Россіи онъ со всею любознательностію вникалъ въ вопросы, которыхъ рѣшеніе могло занимать кого-нибудь изъ этихъ мыслящихъ людей.

Самая отдаленность мѣста не препятствовала его ученымъ и дружескимъ сношеніямъ съ ними. Въ послѣдніе годы жизни

своей онъ еще съ замѣтнымъ удовольствіемъ описывалъ благородныя забавы такъ называвшагося «Арзамасскаго общества», въ которомъ и на его долю досталась честь обработки отечественнаго языка [1]). Если когда-нибудь издана будетъ его литературная переписка, она послужитъ замѣчательнымъ матеріаломъ для исторіи лучшей эпохи европейской словесности.

Въ 1817 году явилось на нѣмецкомъ языкѣ его историко-критическое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Nonnos von Panopolis, der Dichter», съ посвященіемъ Гэте. Авторъ не безъ намѣренія избралъ для новаго труда своего имя и сочиненіе, о которыхъ менѣе было писано, нежели о другихъ греческихъ поэтахъ и ихъ произведеніяхъ [2]). Поэма, написанная въ V столѣтіи по Р. Х., когда Египетъ сдѣлался убѣжищемъ талантовъ Греціи, открывала историку обширное поле для догадокъ и новыхъ выводовъ, которыми онъ могъ дополнить многочисленныя воззрѣнія на классическую древность. Въ своемъ письмѣ къ Гэте онъ съ энтузіазмомъ говоритъ о томъ совершенствѣ, до котораго доведенъ по части ученой критики нѣмецкій языкъ усиліями знаменитыхъ писателей Германіи, что́ и его побудило примкнуть къ ихъ разряду.

Нельзя при этомъ случаѣ не упомянуть объ отношеніяхъ графа С. С. Уварова къ другому лицу, посвятившему много ученыхъ трудовъ изданію поэта Нонна. Президентъ самъ подробно разсказываетъ объ этомъ предметѣ, получивъ извѣстіе о кончинѣ академика и профессора Грефе. «Призванный къ отправленію обязанностей попечителя, когда другіе только что начинаютъ еще университетское воспитаніе, я скоро замѣтилъ (говоритъ онъ), что въ моемъ образованіи оказывался недостатокъ основательнаго знанія древнихъ языковъ. Я рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ, произведенный въ моихъ познаніяхъ раннимъ

[1]) См. статью графа С. С. Уварова: «Литературныя воспоминанія» напечатанную за подписью А. В. въ *Современникѣ* 1851 года, т. XXVII. № 6. Она перепечатана потомъ въ № 12 (іюль, кн. 2) *Москвитянина* того же года.

[2]) Новѣйшее сочиненіе о томъ же писателѣ: «Nonni Panopolitani Paraphrasis S. Evangelii Ioannei. Edidit Augustinus Scheindler». Leipzig. 1881. *Я. Г.*

вступленіемъ на поприще дѣловыхъ занятій. Въ это самое время начались мои тѣсныя сношенія съ Грефе, которому я имѣлъ удовольствіе открыть почетное поприще, пройденное имъ съ такимъ успѣхомъ.

«Изданныя имъ изслѣдованія объ Антологіи, продолжаетъ онъ, представляютъ неопровержимыя доказательства, что съ качествами совершеннѣйшаго грамматика профессоръ соединялъ вѣрный и разборчивый тактъ и симпатическую проницательность, такія свойства, которыя составляютъ истинное достоинство новѣйшей критики. Для удостовѣренія въ этомъ, довольно указать на его изданіе Павла Силенціарія, и въ особенности на изданіе Нонна Панопольскаго, которое, къ несчастію, осталось неоконченнымъ. Это послѣднее изданіе, важнѣйшій между учеными трудами Грефе, имѣетъ въ моихъ глазахъ тѣмъ болѣе прелести, что мы съ нимъ вмѣстѣ занимались предварительной работой. На каждой страницѣ оно хранитъ почетныя для меня свидѣтельства моего содѣйствія трудамъ знаменитаго эллиниста. Въ ту самую пору я издалъ свой трактатъ подъ заглавіемъ: Nonnos von Panopolis, der Dichter. Это составляло родъ введенія къ изданію ученаго академика. Посвятивъ со мною нѣсколько лѣтъ прилежному чтенію огромной поэмы Нонна, Грефе приступилъ къ окончательному собранію всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для изданія послѣдняго памятника греческой литературы, при чемъ мы оба поражены были тѣмъ, что она оканчиваетъ свое существованіе не въ дряхлыхъ формахъ старческаго истощенія, но среди блистательныхъ увлеченій молодости и въ избыткѣ юношеской силы. Послѣ Нонна глубокая тьма вдругъ овладѣваетъ греческой литературой, и она умираетъ, какъ тотъ азіатской тиранъ, который погибъ въ концѣ великолѣпнаго пиршества, среди самаго блистательнаго торжества своихъ сокровищъ».

Одно указаніе на ученые труды графа С. С. Уварова, предшествовавшіе вступленію его на административное поприще, приводитъ къ простому изъясненію успѣховъ его въ государ-

ственной службѣ. Надобно прибавить къ этому, что эпоха его появленія въ свѣтѣ была особенно благопріятна для человѣка впечатлительнаго, мыслящаго и обладавшаго дарованіемъ писателя. Первые годы царствованія императора Александра Павловича представляютъ общее одушевленіе, общій порывъ къ успѣхамъ образованности и просвѣщенія. Вслѣдъ затѣмъ отечественная война, раскрывъ политическій горизонтъ, вызвала живѣйшее участіе къ подвигамъ тогдашнихъ представителей народовъ. Графъ С. С. Уваровъ постоянно слѣдовалъ за любопытнымъ движеніемъ умовъ и вносилъ свою мысль въ современную литературу, съ своей точки зрѣнія разсматривая новые вопросы. Тогда были имъ напечатаны небольшія сочиненія: о преподаваніи исторіи относительно къ народному воспитанію, объ императорѣ Александрѣ и Бонапарте, о генералѣ Моро́, о видахъ Наполеона на Италію, и нѣкоторыя другія. Все это вмѣстѣ привлекало къ нему особенное вниманіе, и Академія, въ которую теперь вступилъ онъ президентомъ, еще въ 1811 году признала его своимъ почетнымъ членомъ.

IV.

Въ Академіи наукъ ожидали его не одни ученыя занятія. Ежели можно сравнить это высокое, знаменитое и въ ученомъ отношеніи первостепенное у насъ учрежденіе съ величественнымъ зданіемъ, то надобно прибавить, что всѣ части, всѣ стороны его угрожали тогда паденіемъ. Не восходя къ изысканію причинъ этого печальнаго явленія, обнаружившихся еще въ первые періоды существованія Академіи, довольно сказать, что въ послѣднія десять лѣтъ она держалась одною недвижностію внутренняго и внѣшняго своего устройства. Предшественникъ по Академіи графа С. С. Уварова, по особенной довѣренности Государя облеченный въ отправленіе высшихъ обязанностей государственнаго лица, едва находилъ время поддерживать однѣ формы президентскаго званія, а наконецъ совсѣмъ отозванный

изъ здѣшней столицы, онъ сохранялъ только имя почетной своей должности.

Главное зданіе Академіи, мѣсто собранія членовъ ея, величественное по наружности и нынѣ столь счастливо приспособленное ко всѣмъ требованіямъ высшаго ученаго учрежденія, въ то время еще не было достроено внутри, хотя водвореніе Академіи въ его стѣнахъ современно было царствованію императрицы Екатерины II. Двѣ трети дома не могли быть обитаемы, а большая зала, въ которой теперь происходятъ торжественныя публичныя собранія, оставалась не только безъ всякой отдѣлки, но и безъ пола, по тогдашнему мнѣнію, ошибочно проектированная и не способная къ принятію формъ назначенія своего. Другія два зданія, на одной линіи стоявшія съ главнымъ, изъ которыхъ одно, предназначавшееся въ 1723 году быть дворцомъ вдовствовавшей царицы Прасковіи Федоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича, нынѣ не существуетъ, находились еще въ худшемъ состояніи сравнительно съ первымъ, потому что были древнѣе его. Между тѣмъ оба они служили мѣстомъ сохраненія необходимыхъ принадлежностей Академіи.

Столь жалкое состояніе самой вмѣстимости ученыхъ собраній требовало отъ новаго президента необыкновенной распорядительности, особенныхъ соображеній и твердости въ исполненіи предпріятій. Дѣло шло не объ улучшеніяхъ, не о прихотяхъ вкуса или роскоши, а о предметахъ первой потребности. Доведенныя до близкаго упадка зданія лишали Академію возможности не только пополнять и улучшать ученыя ея пособія, столь необходимыя для успѣховъ ученыхъ занятій, но и поддерживать ихъ въ первоначальномъ состояніи, даже предохранять отъ неизбѣжныхъ поврежденій. Существеннымъ принадлежностямъ Академіи, ея, такъ сказать, воздуху и свѣту, не доставало ни пищи, ни жизни. Все ожидало живительнаго воззванія къ обновленію бытія; все чувствовало потребность въ дѣятельномъ участіи.

Не удивительно, что, вступая въ первый разъ въ среду зна-

менитостей и ожидая нѣкоторой торжественности въ полномъ ихъ собраніи, президентъ, къ немалому изумленію своему, увидѣлъ передъ собою только пятнадцать особъ, которыми для его встрѣчи и ограничилось число членовъ обоихъ Отдѣленій Академіи. Отсутствовавшихъ оставалось еще два академика: Шторхъ и Кирхгофъ. Въ этомъ итогѣ заключался весь ихъ составъ. Неподвижность и разслабленіе общаго состава сдѣлались причиною истощенія и производительныхъ силъ. Для соединенной дѣятельности всего необходимѣе правильное устройство и бдительное направленіе. Умственныя предпріятія требуютъ сверхъ того нравственныхъ высшихъ поощреній, которыя служатъ замѣною вещественныхъ выгодъ. Обаянію славы принадлежатъ всѣ жертвы, всѣ лишенія и то изумительное самоотверженіе, которое такъ часто встрѣчается въ жизнеописаніяхъ тружениковъ науки.

Такимъ образомъ президентъ, призванный къ оживленію Академіи, съ самаго своего появленія въ ней почувствовалъ, что для достиженія этой цѣли ему необходимо возсоздать въ ней все, начиная съ хозяйственной части до административной и ученой. Одинъ взглядъ на благосостояніе Академіи въ нынѣшнее время достаточно убѣждаетъ каждаго, что не тщетны были усилія тридцатисемилѣтнихъ трудовъ президента. Но самый любопытный и поучительный предметъ составляютъ избранные имъ пути и средства, которыми онъ совершилъ предначертанія свои.

V.

Вникая въ первыя распоряженія его, нельзя не чувствовать, что онъ ни въ чемъ не находилъ столь прочнаго основанія для дѣйствительныхъ успѣховъ Академіи, какъ въ немедленномъ развитіи ея нравственныхъ силъ, и потому тотчасъ поставилъ ее въ прямыя и близкія сношенія съ такими лицами, которыхъ одни имена уже возбуждали соревнованіе къ благородной дѣятельности и славѣ. Въ это же самое засѣданіе, которымъ 28 января

1818 года открывается его управленіе, онъ предложилъ приступить къ избранію Карамзина въ почетные члены Академіи. Единодушное согласіе всѣхъ членовъ показало сочувствіе обѣихъ сторонъ. Президентъ приготовилъ слѣдующее отношеніе къ исторіографу: «Императорская Академія наукъ, избравъ васъ единогласно въ свои почетные члены, поручила мнѣ увѣдомить васъ о томъ. Академія не думаетъ съ симъ званіемъ дать вамъ новое право на уваженіе отечества и Европы Она только предупреждаетъ справедливое ей нареканіе соотчичей и потомства, если бы имя ваше не украшало ея лѣтописей.» Отвѣтъ Карамзина былъ не менѣе скроменъ и лестенъ для Академіи: «Изъявляю вашему превосходительству искреннѣйшую благодарность за честь, оказанную мнѣ Императорскою Академіею наукъ. Право мое на сію великую честь состоитъ развѣ въ томъ, что я былъ прилежнымъ ученикомъ знаменитыхъ мужей: Баера, Миллера, Шлёцера и другихъ нашихъ достойныхъ академиковъ, которые трудились въ объясненіи россійскихъ древностей». Отъ сношеній подобнаго рода естественно возникаютъ новыя желанія и новыя предпріятія. Въ другое засѣданіе, бывшее 11 февраля, такое же вниманіе, по желанію президента, оказано Академіею Александру Гумбольту, генію многообъятному и глубоко во все проникающему, и французскимъ оріенталистамъ: барону Сильвестру де Саси и М. Ланглесу, которыхъ изумительныя разысканія такъ сильно привлекали къ себѣ вниманіе графа С. С. Уварова, тѣмъ болѣе, что онъ приготовлялся уже къ открытію Восточныхъ каѳедръ въ тогдашнемъ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, изъ котораго, по его предначертанію, черезъ годъ возникъ здѣшній университетъ.

Не случайно и не мимоходомъ прикоснулся онъ къ восточной филологіи, выступая на авторское поприще. Этотъ новый у насъ предметъ изученія, какъ оправдали послѣдующія событія, имъ же вызванныя къ своему осуществленію, занималъ его въ теченіе долгихъ лѣтъ постоянно. Довольно привести на память исполненное имъ по этой части въ Главномъ Педагогическомъ инсти-

тутѣ, въ Академіи наукъ и въ университетахъ Санктпетербургскомъ и Казанскомъ. Первое изъ названныхъ учрежденій доставило ему, какъ попечителю и какъ оратору, полное торжество, которое онъ испыталъ вскорѣ послѣ вступленія въ Академію. Открытіе Восточныхъ каѳедръ въ институтѣ послѣдовало 22 марта 1818 года. Попечитель почелъ своимъ долгомъ изложить въ особенной рѣчи всю важность новыхъ предметовъ, вводимыхъ въ программу преподаванія. Ученыя празднества всегда вызывали его на краснорѣчивыя привѣтствія, которыя остались украшеніемъ нашей литературы. Полный одушевленія и любви къ предмету, онъ говорилъ о Востокѣ, о литературахъ арабской, персидской и особенно санскритской. Наконецъ, по случаю возобновленія тогда же каѳедры исторіи, онъ блистательно развилъ всю обширную идею этой важной въ образованіи юношества науки. «Вы знаете, говорилъ онъ, обращаясь къ собранію, какое мѣсто Востокъ занимаетъ въ исторіи, Востокъ, первая колыбель, первое поприще лучшаго бытія, первый свидѣтель паденія рода человѣческаго. Изъ Азіи проистекали всѣ религіи, всѣ науки, вся философія. Она одна сохранила чудный даръ производить всѣ большія явленія моральнаго міра; тамъ находимъ мы истинный, единственный источникъ всеобщаго просвѣщенія, и кто могъ бы не горѣть желаніемъ созерцать вблизи богатства сего неисчерпаемаго рудника ума человѣческаго? Къ сему имѣемъ мы одинъ способъ: Восточные языки. Вообще языки суть памятники временъ, предшествовавшихъ исторіи. Узнать языкъ народа значитъ узнать весь ходъ его образованія. Въ нѣдрахъ сихъ дивныхъ составовъ лежитъ, такъ сказать, печать, отличающая одинъ народъ отъ другаго. Чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ народъ ближе къ просвѣщенію. Сличеніе языковъ можетъ изъяснить происхожденіе и сродство народовъ между собою, и если бъ, по непредвидимому случаю, могли когда-либо исчезнуть съ лица земли всѣ памятники исторіи, тогда слѣды временъ прошедшихъ остались бы только въ самыхъ діалектахъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, въ ихъ внутреннемъ образованіи; и тогда бъ мы судили о политической

судьбѣ народа по совершенству грамматическихъ формъ ему принадлежавшаго языка».

Отъ филологіи переходя къ исторіи, ораторъ говоритъ: «Исторія представляетъ намъ человѣка въ обществѣ; она принимаетъ свое начало на равнинахъ Азіи, подъ сѣнію патріарховъ, въ мирномъ кругу семейственной жизни. Святая простота нравовъ, подъ вліяніемъ которой власть отца представляла власть монарха, а человѣкъ и гражданинъ были еще неразлучны въ одномъ лицѣ! Выступая за предѣлы младенчества, общества развиваютъ постепенно всѣ силы и переходятъ отъ простого семейственнаго правленія къ образованію формъ правительства, сложныхъ въ своемъ существѣ и разнообразныхъ по своимъ дѣйствіямъ». Быстро окинувъ взглядомъ картину состоянія гражданскихъ обществъ на Востокѣ и заключивъ свое обозрѣніе теократіею Индіи и Египта, сочинитель прибавляетъ: «Но врожденная сила человѣческаго ума побѣждаетъ наконецъ всѣ препятствія. Онъ стремится къ другой части міра. Чрезъ Египетъ текутъ науки въ Грецію; она тогда же образуется чрезъ сношенія съ Финикіянами. Между берегомъ Аттики и берегомъ Малой Азіи сосредоточиваются всѣ движенія человѣческаго ума. Исторія міра дѣлается исторіею Греціи. Египетъ и Финикія передаютъ ей просвѣщеніе, мудрость и торговлю. Востокъ угасаетъ; вселенная измѣняется; человѣческій умъ возрождается въ новомъ видѣ подъ чудеснымъ небомъ Греціи. Достояніе всѣхъ вѣковъ дѣлается собственностію одного народа. Онъ налагаетъ свою печать на исторію. Отъ судьбы двухъ или трехъ городовъ Аттики и Лаконіи будетъ отнынѣ зависѣть моральная судьба вселенной». Въ этихъ указаніяхъ попечителя, краткихъ, но прямыхъ и точныхъ, молодые слушатели находили твердую опору науки и высшія воззрѣнія, которыя пріучали ихъ къ открытію новыхъ путей на ученомъ поприщѣ.

VI.

Президентъ, какъ замѣчено выше, прежде всего спѣшилъ возбудить къ дѣятельности нравственныя силы Академіи. Лично присутствуя почти въ каждомъ ея засѣданіи, онъ постоянно занималъ членовъ указаніями на новые предметы и новыя предположенія, которыя ученому обществу могли доставить новыя права на всеобщее уваженіе.

21-го февраля, въ третій разъ присутствуя въ засѣданіи, онъ изложилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ обдуманный имъ планъ изданія «Путешествій академиковъ»: «Ни одно ученое предпріятіе не принесло столь много славы Академіи и столь много пользы отечеству, какъ путешествія академиковъ по Россіи. Но записки оныхъ путешествій, на разныхъ языкахъ писанныя, въ разныя времена печатанныя, притомъ нерѣдко въ отсутствіи, или даже по смерти путешествовавшихъ, и потому искаженныя типографскими погрѣшностями, а при вторичныхъ перепечатаніяхъ еще болѣе, требуютъ нынѣ новаго, единообразнѣйшаго, исправнѣйшаго и цѣли болѣе соотвѣтствующаго изданія на россійскомъ языкѣ къ вящшей пользѣ и чести Академіи. Попеченіе же о семъ не иначе препоручить можно, какъ академикамъ, извѣстнымъ уже ученому свѣту по собственнымъ ихъ упражненіямъ въ наукахъ, особливо въ такихъ, кои находятся въ ближайшей связи съ предметомъ, составлявшимъ занятія путешественниковъ. На сей конецъ я призналъ нужнымъ составить при Академіи наукъ особый комитетъ, подъ названіемъ издательнаго».

Вслѣдъ за тѣмъ подробно изложено имъ было устройство и дѣлопроизводство этого ученаго предпріятія, которое президентъ бралъ въ непосредственное свое завѣдываніе. По плану его, изданіе предположено раздѣлить на четыре періода: 1) съ 1733 по 1755 годъ, 2) съ 1768 по 1775, 3) съ 1780 по 1795, 4) до послѣдняго времени. Передъ каждымъ путешествіемъ

предположено составить біографію автора, а самый текстъ, по мѣрѣ надобности, снабдить ландкартами и эстампами.

Во всѣхъ распоряженіяхъ президента, которыми онъ нетерпѣливо желалъ обновить достоинство, неотъемлемо принадлежащее Академіи, видны многостороннія воззрѣнія его и столь похвальное въ администраціи безпристрастіе, съ любовію наблюдающее за движеніемъ каждой части цѣлаго. По характеру исключительныхъ своихъ ученыхъ занятій и по тѣмъ обширнымъ познаніямъ, которыя были имъ пріобрѣтены въ избранной вкусомъ его области наукъ, онъ естественно могъ бы оказывать предпочтеніе филологическому отдѣленію Академіи, тѣмъ болѣе, что оно являлось тогда какъ бы въ едва замѣтномъ зародышѣ. Но съ перваго же года управленія онъ открылъ по части естествовѣдѣнія самыя полезныя для Академіи сношенія съ другими подобными ей учрежденіями въ Европѣ и Америкѣ, что̀ быстро повело къ улучшенію музеумовъ ея и кабинетовъ, много лѣтъ остававшихся въ неподвижности. Собранія рѣдкихъ произведеній природы, изъ всѣхъ трехъ царствъ, присланныя въ даръ Академіи, значительно обогатили ученыя пособія ея гораздо прежде, нежели она пришла въ состояніе пріобрѣтать ихъ собственными средствами. Состояніе академической библіотеки, которая всегда признаваема была въ числѣ замѣчательнѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ, равнымъ образомъ требовало усовершенствованія. По предложенію президента, неотлагательно приступили къ повѣркѣ ея сокровищъ и къ составленію каталоговъ. Всѣ улучшенія внутренняго состоянія Академіи производились дѣятельно, по непосредственнымъ указаніямъ того, кто въ нихъ такъ живо чувствовалъ потребность.

Филологія Востока и древне-классическихъ языковъ не составляла еще отдѣленія въ числѣ прочихъ предметовъ, которые были обработываемы въ Академіи со времени ея учрежденія. Хотя знаменитый Френъ съ 1817 года считался академикомъ, но онъ не вполнѣ и случайно примкнулъ къ составу нашего высшаго ученаго сословія. Возвращаясь изъ Казани (гдѣ онъ

былъ профессоромъ въ университетѣ) на родину свою въ Ростокъ, получилъ онъ въ Санктпетербургѣ временное порученіе привести въ порядокъ нумизматическій кабинетъ Академіи, которая поспѣшила почтить его званіемъ дѣйствительнаго своего члена. Между тѣмъ, еще въ 1818 году, начальство Академіи ходатайствовало у великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго о дозволеніи Френу провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи сверхъ назначеннаго ему отпускомъ срока. Оказалась неоцѣненная выгода для Академіи, что новый президентъ ея уже обдумывалъ планъ расширенія сферы ввѣреннаго ему учрежденія, и съ перваго знакомства достойно оцѣнилъ незамѣнимаго оріенталиста. Онъ умѣлъ на всю жизнь водворить его въ Россіи и сохранить для Академіи. Вотъ что по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ писалъ самъ графъ С. С. Уваровъ къ непремѣнному секретарю, получивъ донесеніе о кончинѣ Френа:

«Со времени кончины Сильвестра де-Саси Восточная литература еще не оплакивала имени болѣе великаго. Френъ, одно изъ свѣтилъ высшаго знанія, принадлежалъ къ разряду совершеннѣйшихъ ученыхъ, которыхъ племя теперь истощилось. Къ тому же, онъ былъ превосходный человѣкъ, съ прекрасными правилами, съ добрымъ и умѣреннымъ характеромъ. Вы не можете сомнѣваться въ моей готовности содѣйствовать всему, чѣмъ можно почтить память ученаго, присоединеніе котораго къ нашей Академіи я считалъ для себя славой».

Такъ положено было основаніе трудной, но столь необходимой для Россіи отрасли знаній, которая постоянными усиліями и неизмѣнною къ ней любовію президента доведена въ послѣдующіе годы до нынѣшнихъ ея обширныхъ размѣровъ. Не менѣе заботился онъ и о водвореніи древне-классической филологіи. Въ числѣ счастливыхъ дарованій графа С. С. Уварова была способность распознавать призваніе людей и заранѣе опредѣлять ихъ лучшее поприще. Было уже упомянуто о дружескихъ сношеніяхъ его съ эллинистомъ Грефе. «Эти сношенія, прибавляетъ президентъ, продолжались около пятнадцати лѣтъ съ замѣчательною

настойчивостію. Почти всегда случалось такъ, что профессоръ, отдававшій попечителю отчетъ въ своихъ университетскихъ трудахъ, вечеромъ занималъ при немъ профессорское мѣсто и за греческой грамматикой смѣло руководилъ своего начальника, котораго привѣтствовалъ поутру въ университетской аудиторіи. Не могу пройти молчаніемъ, что когда знаменитый баронъ Штейнъ, изгнанный и гонимый Наполеономъ, прибылъ въ Россію, чтобы найти убѣжище и принять участіе въ великихъ событіяхъ 1812 года, я присовѣтовалъ ему, для временного развлеченія отъ тяжкихъ трудовъ и личныхъ огорченій, возобновить занятія греческимъ языкомъ. Я указалъ ему на Грефе, и знаменитый изгнанникъ, слѣдившій за всѣми политическими переворотами того времени, не пропускалъ ни одного дня безъ того, чтобы не прочесть съ Грефе нѣсколько страницъ изъ Ѳукидида. Мои личныя сношенія съ ученымъ эллинистомъ продолжались до той поры, пока служебныя занятія не поглотили всѣхъ моихъ досуговъ, что́ однакожъ никогда не прерывало дружескихъ связей между учителемъ и ученикомъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ единственно потому, что оно даетъ мнѣ право и вмѣстѣ возлагаетъ на меня священную обязанность посвятить нѣсколько страницъ воспоминанію объ этомъ отличномъ эллинистѣ. Никто въ самомъ дѣлѣ лучше меня не могъ цѣнить его неоспоримыхъ заслугъ. Получивъ филологическое образованіе въ такой школѣ, гдѣ всѣ трудности грамматики, понимаемой въ ея высшемъ значеніи, разрѣшены были вполнѣ, Грефе съ этой специальной эрудиціей соединялъ утонченность вкуса и проницательность ума, такія качества, при которыхъ совершенно способенъ былъ доказать, что эти такъ называемые мертвые языки, на извѣстной высотѣ пониманія ихъ, одушевлены болѣе чѣмъ когда-либо и что многіе изъ новѣйшихъ языковъ пользуются противъ нихъ гораздо меньшимъ правомъ называться живыми. Ученикъ Готфрида Германа, который самъ считалъ его способнѣйшимъ и наиболѣе созрѣвшимъ между своими слушателями, Грефе безпрерывно посвящалъ всѣ минуты своей трудолюбивой жизни

глубокому изученію языка, въ которомъ для него не было тайнъ».

Достаточно этого очертанія, чтобы предвидѣть, какое назначеніе приготовлялъ эллинисту президентъ Академіи. Въ декабрѣ 1818 года онъ предложилъ приблизить его къ своему новому кругу въ званіи корреспондента Академіи. Въ 1820 году Грефе является уже дѣйствительнымъ ея членомъ. Вотъ какимъ образомъ графъ С. С. Уваровъ частныя свои отношенія умѣлъ обращать на пользу общественную.

VII.

Ближайшее участіе во всѣхъ предположеніяхъ президента и ихъ исполненіи принималъ академикъ Николай Фусъ, тогдашній непремѣнный секретарь. Несомнѣнныя достоинства каждаго изъ этихъ двухъ лицъ привлекали ихъ другъ къ другу и служили охраненіемъ выгодъ Академіи. Уже двадцать два года Фусъ состоялъ въ средѣ нашихъ ученыхъ какъ отличный математикъ. Правительство давно пользовалось просвѣщеннымъ умомъ его при образованіи училищъ, которыхъ число и самое устройство еще не соотвѣтствовали тогда потребностямъ обширнаго государства. Съ 1800 года Фусъ былъ непремѣннымъ секретаремъ, получивъ эту должность какъ бы наслѣдственно по кончинѣ своего тестя академика Іоанна Альберта Эйлера. Итакъ можно сказать, что для новаго президента онъ былъ живою лѣтописью всего прошедшаго Академіи. Графъ С. С. Уваровъ, со времени вступленія своего въ министерство просвѣщенія, находился въ сношеніи съ нимъ, явно оказывая уваженіе къ его извѣстнымъ заслугамъ Россіи. Съ 1811 года началась ихъ дружеская переписка и продолжалась до самой кончины непремѣннаго секретаря въ 1825 году. Обстоятельства помогли сохраниться этой связи по смерти академика въ новомъ поколѣніи. Сынъ его, Павелъ Фусъ, въ 1818 году находился при Академіи воспитанникомъ ея, совершенствуя свои познанія въ математикѣ подъ руковод-

ствомъ отца. Президентъ не могъ не обратить вниманія на молодого человѣка, въ лицѣ котораго ожидалъ найти себѣ сотрудника по дѣламъ Академіи. Онъ въ первый же годъ управленія своего предложилъ его къ избранію въ адъюнкты, которое происходило 10 іюня. Признательный отецъ вполнѣ чувствовалъ цѣну лестнаго къ себѣ благорасположенія президента, и въ письмѣ къ нему выразился слѣдующимъ образомъ: «Какъ счастливъ сынъ мой, что онъ еще молодъ, слѣдственно можетъ надѣяться увидѣть полдень прекраснаго дня, который начинаетъ сіять надъ Академіею, тогда какъ его отецъ, можетъ-быть, не больше увидитъ, какъ одну зарю. Если бы Господь помогъ сыну моему въ 1827 году сдѣлаться для Академіи тѣмъ же, чѣмъ началъ быть для нея въ 1727 году прадѣдъ его Леонардъ Эйлеръ!» Извѣстно, что молодой Фусъ, по своимъ отличнымъ способностямъ, скоро сдѣлался замѣчательнымъ лицомъ въ Академіи. Его ученые труды въ непродолжительное время доставили ему степень ординарнаго академика. Ему же сверхъ того наука обязана тщательнымъ приготовленіемъ къ печати и обнародованіемъ нѣсколькихъ томовъ глубокомысленныхъ сочиненій великаго прадѣда его, сохранявшихся рукописными частію въ Академіи, частію въ семействѣ Фусовъ. Но блистательнѣе всего для Академіи было исполненіе имъ, по смерти отца, должности непремѣннаго секретаря, въ которой пробылъ онъ тридцать лѣтъ. Собраніе годичныхъ его отчетовъ о трудахъ Академіи должно назвать краснорѣчивѣйшею лѣтописью этого счастливаго періода. Взвѣшивая столько оправданій, никто не усомнится признать, что предусмотрительность президента и въ этотъ разъ не измѣнила ему.

Упоминаемыя здѣсь распоряженія по дѣламъ Академіи не обнимаютъ всего, чѣмъ озабоченъ былъ и что успѣлъ исполнить графъ С. С. Уваровъ въ теченіе перваго года. Указанія обращены преимущественно на характеристическія черты картины, изъ которыхъ наблюдателю позволительно составить родъ программы предстоящей дѣятельности президента. По смыслу этого предначертанія, незамѣтно составившагося при началѣ длиннаго

поприща, безъ уклоненія отъ естественнаго порядка дѣлъ, безъ нарушенія издавна существовавшихъ постановленій, Академія должна была увеличиться въ составѣ дѣйствователей своихъ, расширить предѣлы постоянныхъ занятій, отвѣчать учеными трудами своими требованіямъ вѣка, существованіе свое возвысить до историческаго явленія и образовать въ средѣ своей центръ общеполезныхъ разнородныхъ знаній, которыхъ лучи освѣщали бы и согрѣвали самые отдаленные края обширнаго нашего отечества.

Исполненіе такого плана началось легко и свободно, какъ совершаются всѣ явленія, приготовляемыя по требованію ихъ природы. Между Академіею и внѣшними лицами открылися сношенія, свидѣтельствующія съ одной стороны о сознаніи долга, съ другой о довѣренности къ силамъ. Правительство, занимаясь въ это время отправленіемъ въ Китай новой духовной миссіи, пожелало воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для подробнѣйшаго изученія столь еще мало извѣстной Европейцамъ земли, и поручило Академіи составить полную инструкцію, которою бы руководствовались молодые ученые, предназначенные къ сопровожденію миссіи. Надобно взглянуть въ подлинныя бумаги этого труда, чтобы почувствовать, съ какою заботливостію, съ какимъ знаніемъ дѣла и въ какой полнотѣ Академія представила плодъ своихъ соображеній. Для указанія предметовъ, которыхъ изученіемъ должны были заняться русскіе путешественники въ Китаѣ, почти каждый академикъ перебралъ извѣстнѣйшія иностранныя книги, относящіяся къ предложенному вопросу, и такимъ образомъ составилась образцовая инструкція для изученія всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ. Географія, астрономія, статистика, филологія, древности, исторія, политическая экономія, зоологія, ботаника, минералогія, художества, фабрики, благоустройство, торговля, словомъ все, входящее въ составъ полнаго изслѣдованія края, все обозначено въ инструкціи.

Не менѣе замѣчательнымъ событіемъ того же времени было для Академіи кругосвѣтное путешествіе флота капитана Васи-

льева, въ которое отправленъ былъ для ученыхъ наблюденій молодой астрономъ Тархановъ, четыре года пробывшій въ экспедиціи. Президентъ вдвойнѣ удовлетворенъ былъ его успѣхами: онъ поступилъ въ Академію изъ того Педагогическаго института, который процвѣталъ подъ попечительствомъ графа С. С. Уварова.

Въ число первыхъ же исполненій высшихъ обязанностей Академіи надобно внести путешествіе въ Крымъ академика Кэлера для изслѣдованія памятниковъ древней архитектуры, находящихся на полуостровѣ. На путешественника, котораго сопровождалъ архитекторъ Паскаль, возложена была обязанность донести правительству, могутъ ли хорошо сохранившіеся остатки древности назначены быть для какого-нибудь употребленія, а равно и потерпѣвшіе отъ времени удобно ли возстановить для извѣстныхъ цѣлей съ нѣкоторыми издержками. Донесенія академика Кёлера, разсмотрѣнныя въ Академіи, сообщены были по принадлежности и приведены въ исполненіе, сколько дозволяли мѣстныя обстоятельства. Довольно любопытно замѣтить, что этотъ весь вопросъ о крымскихъ древностяхъ поднятъ былъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ Капнистомъ, посѣтившимъ тогда классическую Тавриду.

VIII.

При исчисленіи новыхъ предпріятій, которыми ознаменовано начало управленія Академіею графа С. С. Уварова, нельзя не возвратиться къ письменнымъ трудамъ академиковъ, уже заявившихся, какъ было сказано выше, переводомъ, повѣркою и дополненіемъ ученыхъ путешествій ихъ предшественниковъ. Къ числу обязательныхъ кабинетныхъ трудовъ ихъ принадлежало приготовленіе къ печати разныхъ разсужденій, составляемыхъ каждымъ академикомъ по его наукѣ. Академія ежегодно издавала ихъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ «Умозрительныхъ изслѣдованій», еще не отвыкнувъ отъ устарѣлой фразеологіи и тяжелыхъ формъ русскаго языка, уже получившаго новую силу и ясность въ тво-

реніяхъ Карамзина. Президентъ почувствовалъ необходимость сообщить этому изданію характеръ и другія качества современности. Въ слѣдствіе предложенія его начался новый рядъ изслѣдованій, подъ названіемъ «Трудовъ Академіи». Онъ же поощрилъ возобновленіе общеполезнаго «Технологическаго журнала». Въ собраніе актовъ Академіи, выходившихъ на французскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ, онъ предписалъ вносить написанныя и на русскомъ языкѣ сочиненія, прежде помѣщавшіяся въ особомъ выпускѣ, обративъ вниманіе редакціи преимущественно на полноту историческихъ матеріаловъ самой Академіи.

Заботливость графа С. С. Уварова простиралась до того, что онъ внимательно слѣдовалъ за участью каждаго изданія послѣ появленія его въ свѣтъ. Надобно вспомнить, что въ прежніе годы гласность новыхъ произведеній литературы распространялась медленно. Президентъ постановилъ правиломъ о каждомъ новомъ сочиненіи Академіи доводить до свѣдѣнія особъ императорской фамиліи и другихъ почетныхъ лицъ, представляя имъ экземпляры отъ имени Академіи. Высшія учебныя учрежденія въ имперіи и за границею пользовались подобнымъ же отличіемъ. Лестные для сочинителей письменные отзывы поощряли ихъ къ новымъ трудамъ, а самое совершенствованіе разныхъ отраслей наукъ достигало между тѣмъ главной своей цѣли, распространенія болѣе вѣрныхъ понятій и новыхъ истинъ. Въ постоянствѣ почетныхъ сношеній, обращающихъ умъ и вкусъ на улучшеніе и разностороннюю обработку труда, заключается сильное побужденіе къ самосовершенствованію. Собраніе оффиціальныхъ бумагъ, принадлежащихъ описываемой эпохѣ и сохраняющихся въ Академіи, представляетъ многіе отзывы почетныхъ ея членовъ и другихъ лицъ, вполнѣ оправдывающіе систему дѣятельности новаго президента. Такъ, напримѣръ, графъ Сперанскій писалъ въ Академію изъ Сибири, находясь тамъ въ должности генералъ-губернатора: «Въ этой необъятной странѣ все приводитъ на память труды путешествовавшихъ академиковъ. Естественная и гражданская ея исторія, географія и описаніе старинныхъ памятниковъ ея,

все представляется какъ созданіе неутомимой ихъ дѣятельности. Ихъ поѣздки по здѣшнимъ пространствамъ, тогда явившимся еще въ дикости и почти непроходимымъ, навсегда останутся незыблемымъ памятникомъ ихъ славы и успѣховъ ума въ изслѣдованіи истины». Письменныя къ этимъ лицамъ отношенія графа С. С. Уварова составляемы были въ такомъ же духѣ. 26 іюля 1818 года онъ слѣдующимъ образомъ выразился въ письмѣ къ генералу Ермолову, бывшему начальникомъ войскъ на Кавказѣ:

«Вы поставлены на точкѣ, съ которой ваше содѣйствіе можетъ имѣть великія послѣдствія для наукъ. Предметы, васъ окружающіе, или мало извѣстны, или вовсе еще не описаны. Кавказъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ тьму сокровищъ, могущихъ обогатить и расширить кругъ естественныхъ и даже историческихъ наукъ. Сверхъ того земли, лежащія у его подошвы, самая Грузія, берега Каспійскаго моря, и вашими трудами если не пріобрѣтенная, такъ по крайней мѣрѣ удержанная часть Персіи, все представляетъ огромное поприще для испытателей природы, въ которомъ каждый камень, каждый цвѣтъ, каждый дикій житель лѣсовъ можетъ служить новымъ трофеемъ для ученаго свѣта. Академія не теряла никогда надежды довершить новыми учеными путешествіями прежнія свои предпріятія. Въ ожиданіи благопріятнаго для сего случая, я ограничиваюсь нынѣ покорнѣйшею просьбою, чтобы вы благоволили присылать по мѣрѣ возможности все, что привлекать будетъ ваше вниманіе, къ какому царству природы сей предметъ бы ни принадлежалъ. Каждый присланный предметъ будетъ, какъ должно, изслѣдованъ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ буду о послѣдствіяхъ васъ увѣдомлять. Сверхъ того, по случаю предпріятія со стороны Академіи издавать полное собраніе своихъ путешествій, я долгомъ поставилъ потребовать отъ академиковъ нѣсколько вопросовъ по предметамъ самымъ нужнѣйшимъ, и буду имѣть честь препроводить сей списокъ вашему высокопревосходительству, въ упованіи, что онъ обратитъ на себя ваше вниманіе. Когда же возможно будетъ приступить къ составленію новой ученой экспедиціи для обозрѣ-

нія земель, лежащихъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, тогда Академія будетъ основывать на вашемъ покровительствѣ и на вашемъ личномъ участіи почти весь успѣхъ предпріятія, давно ожидаемаго и обѣщающаго столь изобильную жатву наблюденій и познаній во всѣхъ родахъ».

Въ подлинныхъ словахъ дѣйствующаго лица виднѣе и, такъ сказать, осязательнѣе является внутренняя его жизнь. Приводимый здѣсь отрывокъ письма раскрываетъ множество предположеній, которыя занимали тогда умъ графа С. С. Уварова. Между тѣмъ собственные ученые труды его не забыты были посреди заботъ начальническихъ. Онъ продолжалъ дружескія сношенія съ германскими знаменитостями, посвятивъ Готфриду Герману и Фридриху Крейцеру свои «Изслѣдованія о періодѣ до-гомеровскомъ», служащія какъ бы дополненіемъ къ тому, что этими учеными написано было о Гомерѣ и Гезіодѣ. Это новое сочиненіе написано на нѣмецкомъ языкѣ.

IX.

17 ноября 1819 года, непремѣнный секретарь въ общемъ собраніи Академіи прочиталъ слѣдующее письмо къ нему президента:

«Новый вопросъ касательно одного предмета древности предложенъ былъ мнѣ моими друзьями, лейпцигскимъ профессоромъ Германомъ и гейдельбергскимъ профессоромъ Крейцеромъ. Я отвѣчалъ имъ на него прилагаемою здѣсь запискою. Прошу васъ представить ее отъ моего имени Академіи и увѣрить общее собраніе, что я тѣмъ болѣе цѣню его мнѣніе, что на мнѣ лежитъ долгъ въ точности исполнить двоякую обязанность по Академіи, какъ ея президента и какъ академика».

Присланное сочиненіе написано было на французскомъ языкѣ. Авторъ въ академической запискѣ своей критически разбираетъ басню о Геркулесѣ. Онъ съ полною откровенностію излагаетъ мнѣніе свое, совершенно противоположное тому, какое о Герку-

лесѣ высказано было Германомъ и Крейцеромъ. «Кто не смѣетъ обнаружить убѣжденія своего относительно какой-нибудь истины, говоритъ онъ, тотъ ложно понимаетъ пользу науки». Чтеніе этой записки произвело самое благопріятное впечатлѣніе на слушателей. Опредѣлено было открыть въ академическихъ мемуарахъ новый отдѣлъ, подъ названіемъ историко-филологическаго, и начать его сочиненіемъ президента. Членами собранія замѣчено было съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ теченіе столѣтняго существованія Академіи она въ первый разъ удостоивается чести видѣть въ собраніи трудовъ академиковъ сочиненіе ихъ президента.

Въ другомъ его письмѣ, въ то же засѣданіе читанномъ, заключалось увѣдомленіе, важное для редакціи «Ученыхъ путешествій академиковъ». Членъ - корреспондентъ Академіи, капитанъ перваго ранга Рикордъ (въ послѣдствіи адмиралъ), доставилъ описаніе тогдашняго состоянія Камчатки, гдѣ онъ былъ областнымъ начальникомъ, и нѣкоторыя подробности о публичныхъ и частныхъ зданіяхъ обитателей края въ 1818 году, собраніе мѣстныхъ минераловъ и разсказъ объ употребленіи камчатской бѣлой глины. Назначено было всѣ новыя свѣдѣнія, въ видѣ прибавленій, внести въ сочиненіе Крашенинникова.

Еще любопытнѣе присланы были предметы для музеумовъ Академіи другимъ ея корресподентомъ, капитаномъ перваго ранга Головнинымъ, который, въ продолженіе 1817, 1818 и 1819 годовъ, совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Собравши въ разныхъ земляхъ, что только представилось ему характеристически-замѣчательнаго, онъ предложилъ въ даръ Академіи свои рѣдкости. Можно по этому судить, какъ многочисленны, какъ послѣдовательны и какъ разнообразны сдѣлались сношенія Академіи съ тѣми людьми, которыхъ знанія и положеніе въ обществѣ прямо вызывали на участіе въ трудахъ Академіи. Эти необходимые участники въ великомъ и общеполезномъ дѣлѣ разработки наукъ указаны и усвоены были Академіи предусмотрительностію ея новаго президента.

Онъ самъ блистательными успѣхами на поприщѣ филологіи и высшей критики привлекъ къ своимъ трудамъ справедливое вниманіе славнѣйшихъ Академій Европы. 23 января 1820 года непремѣнный секретарь получилъ отъ него слѣдующее увѣдомленіе:

«Прошу ваше превосходительство довести до свѣдѣнія общаго собранія, что Французская академія надписей и изящной словесности почтила меня избраніемъ въ число своихъ почетныхъ членовъ на мѣсто скончавшагося принца-примаса Дальберга. Я ласкаю себя надеждою, что наша Академія не безъ участія услышитъ объ этомъ оказанномъ мнѣ отличіи». Въ самомъ дѣлѣ было лестно вступить въ число, которое по уставу Академіи ограничивается только шестью лицами, а еще болѣе лестно узнать, что совмѣстниками избраннаго были Геренъ и Сестини. Вскорѣ копенгагенское королевское общество наукъ равнымъ образомъ избрало его въ свои почетные члены.

Надобно сознаться, что двойственныя усилія и Академіи и президента къ достиженію общей ихъ цѣли быстро обозначили воспроизведеніе той программы, которая, какъ первая ихъ обязанность, стала занимать ученое собраніе. Преимущество, явно оказавшееся въ пользу пробужденія нравственныхъ силъ Академіи, внушило къ ней полную довѣренность правительства и частныхъ лицъ, дорожившихъ славою отечества. Теперь сдѣлалось не только возможнымъ, но и законнымъ всякое притязаніе на усиленіе способовъ къ возстановленію устройства Академіи, какъ вмѣстилища ученыхъ дѣйствователей и необходимыхъ для нихъ ученыхъ пособій. Переходъ къ этой части преобразованій тѣмъ желательнѣе былъ для президента, что онъ съ перваго года управленія не переставалъ требовать учрежденія годичнаго торжественнаго собранія Академіи, которое, къ огорченію его, каждый разъ оказывалось неудобоисполнимымъ отъ недостатка мѣстности, хотя этимъ нарушалось правило устава Академіи.

X.

Зданіе, съ давнихъ поръ извѣстное подъ наименованіемъ кунсткамеры, прежде прочихъ потребовало исправленія. Надобно было неотлагательно приступить къ обновленію его крыши, чтобы предохранить отъ совершеннаго поврежденія собраніе рѣдкостей и зоологическій кабинетъ со множествомъ историческихъ предметовъ, тамъ находившихся. Въ Академіи, какъ упомянуто было, не представлялось къ тому никакихъ собственныхъ средствъ. Президентъ наконецъ достигнулъ до того, что разрѣшено было отпустить изъ строительнаго комитета въ распоряженіе Академіи около 25 т. рублей.

Въ этомъ успѣхѣ важнѣе всего было прочное начало къ дальнѣйшимъ исправленіямъ, съ котораго, въ продолженіе десяти лѣтъ сряду, послѣдовательно шли разныя улучшенія обветшавшихъ зданій и сооруженія новыхъ. Обезпечивъ внѣшнимъ пособіемъ удовлетвореніе нуждъ значительной цѣнности, президентъ въ то же время ввелъ внутри Академіи строжайшую бережливость, чтобы достигнуть возможности оборачиваться собственными средствами въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ меньшей стоимости.

Можетъ-быть, долго не удалось бы ему привести къ счастливому окончанію всѣ предположенія, клонившіяся къ возведенію Академіи, даже со стороны ея внѣшности, на высоту соотвѣтственную важности этого учрежденія, если бы самая перемѣна въ гражданской службѣ его не открыла къ тому новыхъ средствъ. 19 іюня 1821 года графъ С. С. Уваровъ всемилостивѣйше уволенъ былъ отъ должности попечителя Санктпетербургскаго учебнаго округа, а 28 іюля 1822 года высочайше повелѣно ему быть директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Четыре года онъ состоялъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ, котораго обширные планы касательно улучшенія биржи и ея принадлежностей,

сопредѣльныхъ съ раскипувшеюся мѣстностію Академіи, послужили къ прекрасному обновленію обѣихъ сторонъ.

Министерству финансовъ необходимо было пріобрѣсти отъ Академіи старинный домъ, когда-то предназначавшійся, какъ выше упомянуто, для царицы Прасковіи Θеодоровны, и другое небольшое строеніе, находившееся на площади нынѣшняго биржевого сквера и вмѣщавшее въ себѣ извѣстный Готторпскій глобусъ. Уступкою этихъ зданій съ занимаемою ими землею Академія пріобрѣтала для своихъ принадлежностей помѣщеніе новое, которое предположено построить въ удобнѣйшемъ для нея мѣстѣ, вполнѣ соотвѣтственно ея нуждамъ, и какого не могла она воздвигнуть собственными средствами. Отданныя ею зданія были разобраны: обновленія едва ли они и заслуживали по ветхости своей. Въ замѣнъ ихъ, передъ надворною стороною главнаго дома Академіи, на счетъ министерства финансовъ, выведено было новое трехстороннее прекрасное строеніе, въ которомъ нынѣ сосредоточена большая часть принадлежностей Академіи.

Такимъ образомъ мало по малу достигались предположенія и приходили къ исполненію главнѣйшія желанія президента. Онъ уже заранѣе готовился открыть въ удобныхъ помѣщеніяхъ, въ полнотѣ и стройно расположенныя собранія пособій по всѣмъ наукамъ. И дѣйствительно: неусыпными стараніями его, подъ его личнымъ бдительнымъ надзоромъ, въ продолженіе немногихъ лѣтъ, Академія явилась преобразованною, какъ по успѣхамъ умственныхъ занятій, такъ и по богатству и правильности внѣшняго устройства. Безъ благоразумныхъ распоряженій начальника и оборотовъ по хозяйственной части, правильно имъ обдуманныхъ, не могла бы она собственными средствами принять этотъ видъ цвѣтущій и дѣятельности полный.

Въ то же время постоянно озабоченъ былъ президентъ недоконченностію важнѣйшихъ внутреннихъ частей главнаго зданія. Отъ ихъ отдѣлки зависѣло исполненіе одной изъ самыхъ любимыхъ его мыслей, открытіе ежегодныхъ публичныхъ собраній Академіи. Введенная имъ бережливость въ постоянныхъ расхо-

дахъ и правильное теченіе всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ не остались безъ благихъ послѣдствій. Съ каждымъ годомъ остатки экономическихъ суммъ видимо возрастали, такъ что въ 1825 году можно было приступить къ отдѣлкѣ большой залы и смежныхъ съ нею комнатъ. На производство работъ и другія при этомъ случаѣ издержки Академія употребила изъ своего капитала слишкомъ 10 т. рублей.

Чтобы не возвращаться къ матеріальнымъ улучшеніямъ, впрочемъ не менѣе важнымъ и необходимымъ, какъ и пробужденіе нравственныхъ силъ, надобно здѣсь прибавить, что стараніями президента въ 1829 году Академія, для устройства и помѣщенія типографіи своей, безъ сомнѣнія первой въ здѣшней столицѣ по обширности, полнотѣ и прочимъ совершенствамъ всѣхъ ея принадлежностей, пріобрѣла особый прекрасный домъ, находящійся на Васильевскомъ же острову въ 9-й линіи, заплативъ за него изъ своихъ хозяйственныхъ суммъ 120 т. рублей.

По мѣрѣ приближенія историческаго для Академіи дня, въ который должно было совершиться первое столѣтіе ея существованія, президентъ не упускалъ изъ виду ни одного случая къ доставленію ей новыхъ существенныхъ улучшеній. Онъ глубоко сознавалъ, что первостепенному ученому учрежденію такой имперіи, какъ Россія, надлежало наконецъ явиться передъ глазами просвѣщенныхъ судей въ полномъ блескѣ ученыхъ сокровищъ, на степени, достойной современнаго состоянія наукъ. Непрерывное обогащеніе кабинетовъ и музеумовъ дѣятельностію и усердіемъ академиковъ, которыхъ онъ умѣлъ одушевлять собственнымъ примѣромъ, часто получало приращенія извнѣ совсѣмъ неожиданныя и самыя счастливыя. Въ 1823 году, по смерти графа Сухтелена, для Академіи куплена была на счетъ экономической ея суммы за 50 т. рублей знаменитая его коллекція медалей и древнихъ монетъ. На слѣдующій годъ для азіятскаго музеума пріобрѣтено за 15 т. франковъ у барона Сильвестра де-Саси 200 восточныхъ манускриптовъ. Въ 1825 году ботаническій кабинетъ пополненъ былъ покупкою за 4 т. рублей

извѣстнаго гербарія изъ имѣнія графа Разумовскаго, Горенки, а египетскій музеумъ увеличился пріобрѣтеніемъ у г. Кастильйоне за 40 т. рублей собранія египетскихъ древностей. Изъ Крыма академикъ Пандеръ и изъ Бразиліи академикъ Лангсдорфъ сообщали нѣсколько разъ замѣчательнѣйшія собранія предметовъ натуральной исторіи. Академики Френъ и Грефе, каждый по своей части, со времени вступленія своего въ Академію, поощряемые живымъ участіемъ президента въ ихъ занятіяхъ, неусыпно обогащали новыми пріобрѣтеніями и библіотеку и коллекціи своихъ кабинетовъ. Графъ С. С. Уваровъ внимательно слѣдовалъ за всѣми работами ученыхъ сотрудниковъ своихъ и посѣщалъ Академію во всякое время. Онъ даже избралъ тамъ небольшую комнату для постоянныхъ пріѣздовъ своихъ, которая, какъ упоминаетъ въ одной изъ записокъ покойный непремѣнный секретарь, и послѣ долго у нихъ всѣхъ извѣстна была по преданію подъ именемъ президентскаго кабинета.

Въ эпоху, здѣсь описываемую, составъ Академіи пополненъ былъ избраніемъ новыхъ академиковъ: въ лицѣ Триніуса ботаника пріобрѣла дѣятеля ревностнаго и обладавшаго разносторонними обширными свѣдѣніями, а для прикладной математики и физики явился Парротъ, достойный ихъ представитель. Самъ президентъ, посреди административныхъ и хозяйственныхъ заботъ, не прекращалъ своихъ кабинетныхъ занятій. Его академическая записка на французскомъ языкѣ «О греческихъ трагикахъ» была представлена въ общее собраніе и прочитана въ немъ 24-го ноября 1824 года. Совмѣстивши на общей картинѣ столько событій, измѣненій и дѣйствій, наполняющихъ собою первыя восемь лѣтъ управленія Академіей графа С. С. Уварова, нельзя удивляться, что празднованіе столѣтія Академіи показало ее въ блескѣ изумительномъ и привлекло къ ней полное благоволеніе Государя, котораго царствованіе было для нея счастливѣйшимъ и блистательнѣйшимъ періодомъ.

XI.

Извѣстно, что учрежденіе Академіи, по плану, составленному Петромъ Великимъ въ послѣдній годъ его царствованія, состоялось въ 21 день декабря 1725 года при императрицѣ Екатеринѣ I. Въ томъ же году 27 декабря было первое публичное собраніе въ Академіи, а второе, удостоенное личнаго присутствія императрицы, 1 августа 1726 года. Пятидесятилѣтіе свое академія праздновала 29 декабря 1776 года, и это полувѣковое торжество императрица Екатерина II предположила осчастливить высокимъ своимъ присутствіемъ. Такимъ образомъ 29-е декабря принято Академіею навсегда какъ день ежегодныхъ ея публичныхъ собраній.

О праздкованія столѣтія президентъ упомянулъ въ первый разъ 3 мая 1826 года въ общемъ собраніи. Послѣ онъ учредилъ изъ Академиковъ особый комитетъ, который долженъ былъ на его утвержденіе представить подробности своихъ соображеній. Распорядившись предварительно, президентъ, отъ имени Академіи, просилъ министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова исходатайствовать у Государя дозволеніе предстать предъ Его Величество депутаціи академиковъ со всеподданнѣйшею просьбой, чтобы августѣйшій Покровитель академіи осчастливилъ посѣщеніемъ своимъ празднованіе ея столѣтія, на что и воспослѣдовало соизволеніе Императора. 26 декабря, депутація, которую составляли президентъ, академикъ Шторхъ и непремѣнный секретарь Фусъ (Павелъ), въ предшествіи министра просвѣщенія, введена была оберъ-камергеромъ графомъ Литтою и удостоена торжественной аудіенціи Государемъ и Императрицами Александрою Феодоровной и Маріею Феодоровной. Милостивый пріемъ, котораго удостоилась просьба депутаціи, внушилъ ей смѣлость выразить желаніе, сколько бы Академія была счастлива, если бы ей дозволено было украсить списокъ почетныхъ членовъ своихъ августѣйшими именами великихъ князей: Наслѣдника

престола, Константина Павловича и Михаила Павловича. Государь не только соизволилъ на это, но и выразилъ желаніе видѣть собственное свое имя въ числѣ именъ почетныхъ членовъ Академіи. Съ тѣмъ же снисхожденіемъ разрѣшено было депутаціи поднести дипломъ на это званіе королю Прусскому.

29 декабря, утромъ, въ половинѣ 12-го часа, августѣйшіе гости изволили прибыть въ Академію, и у подъѣзда встрѣчены были тою же депутаціею. Въ большой академической залѣ находились особы высшаго духовенства, дипломатическій корпусъ, почетные члены Академіи, профессоры С.-Петербургскаго университета и всѣ почетныя особы столицы. Академики, каждый поименно, представлены были Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Президентъ за долгъ почелъ самъ открыть засѣданіе рѣчью на русскомъ языкѣ. При всѣхъ торжественныхъ случаяхъ онъ являлся какъ одинъ изъ искуснѣйшихъ у насъ ораторовъ. По этому можно представить, какъ былъ онъ одушевленъ, конечно, въ счастливѣйшія минуты своей жизни. Передъ лицомъ Государя, который болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ благоговѣлъ къ памяти Петра Великаго, президенту надобно было начать рѣчь свою съ воспоминанія объ основателѣ Академіи.

«Празднуемое нынѣ столѣтіе Санктпетербургской Академіи наукъ (говорилъ онъ) представляетъ не только торжество перваго хранилища отечественнаго просвѣщенія, но возобновляетъ еще въ одно время всѣ великія воспоминанія истекшаго столѣтія. Академія наукъ, послѣдняя мысль, послѣднее твореніе неутомимаго генія Петра Великаго, коей онъ умирающей рукою начерталъ завѣтъ своихъ высокихъ предназначеній, взяла, такъ сказать, свое начало на смертномъ одрѣ мудраго преобразователя Россіи. Сія мысль даетъ сегодняшнему празднеству нашему какую-то особую черту умиленія, и сближаетъ насъ мгновенно съ событіями, наполняющими лѣтописи сего знаменитаго столѣтія. Въ глубокихъ размышленіяхъ своихъ о славѣ и благоденствіи Россіи,

Петръ I увидѣлъ, какое мѣсто искуства и науки занимаютъ въ бытіи народа могущественнаго. Сильная десница, пріобыкшая попеременно владѣть мечемъ и трезубцемъ, держать бразды правленія и разсѣвать по обширной имперіи сѣмена будущаго ея величія, десница, образовавшая всѣ части государственнаго состава, озарила наконецъ факеломъ наукъ и просвѣщенія величественное твореніе свое. Петръ, странствуя по Европѣ, видѣлъ вліяніе наукъ и художествъ на судьбу государствъ; постигъ, что безъ сильнаго ихъ содѣйствія не довершился бы исполинскій его трудъ; онъ видѣлъ, что просвѣщеніе, слившись съ жизнію европейскихъ народовъ, составляетъ одно изъ необходимыхъ началъ обществъ образованныхъ и долговѣчныхъ. Онъ рѣшился похитить для насъ искру дивнаго огня, коимъ давно гордились цвѣтущія страны Европы, и на берегахъ Невы воздвигнуть святилище наукъ, долженствующее распространить до отдаленныхъ предѣловъ Россіи знанія общеполезныя, и возродить въ умахъ стремленіе къ мирнымъ подвигамъ на поприщѣ гражданскаго достоинства: онъ основалъ Академію наукъ».

Обозначивъ краткими, но характеристическими чертами состояніе Академіи въ продолженіе столѣтія подъ благотворнымъ покровительствомъ преемниковъ ея основателя, ораторъ въ заключеніи говоритъ: «Если не разрывается смертію все, связующее тлѣнное съ безсмертнымъ, бѣдную, мимотекущую жизнь съ жилищемъ безконечнаго, совершеннѣйшаго бытія, если чувства сердецъ высокихъ и чистыхъ, горящихъ святымъ огнемъ любви къ своему народу, обращаясь къ источнику вѣчной любви, тамъ не исчезаютъ: то духъ Петра, духъ Екатерины и Александра паритъ конечно въ сей часъ надъ симъ святилищемъ наукъ, ими воздвигнутымъ, ими хранимымъ; кажется, будто сей храмъ просвѣщенія наполняется мгновенно всѣми отличными мужами, которые, въ теченіе достопамятнѣйшаго столѣтія нашей исторіи, были орудіями великихъ монарховъ и украсили отечество неувядаемымъ лавромъ любви къ наукамъ и доблести гражданской».

XII.

Рѣчь президента, какъ и надобно было ожидать, произвела на слушателей впечатлѣніе сильное и глубокое. Вслѣдъ за тѣмъ непремѣнный секретарь представилъ на французскомъ языкѣ обозрѣніе трудовъ Академіи въ теченіе столѣтняго ея существованія, вліяніе ихъ на успѣхи наукъ и на точнѣйшее изученіе нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, присовокупивъ отчетъ о состояніи академическихъ музеумовъ, которые или вновь заведены, или значительно пополнены въ послѣдніе годы.

По окончаніи этого чтенія президентъ имѣлъ счастье поднести Государю и всѣмъ особамъ императорской фамиліи по экземпляру золотой медали, выбитой на память счастливѣйшаго для Академіи торжества, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора, а на другой Минервы съ ея аттрибутами, увѣнчающей бюсты Петра Великаго и Александра I. Между тѣмъ непремѣнный секретарь приготовился къ новому чтенію, которое состояло въ провозглашеніи задачъ, предлагаемыхъ Академіею, премій за удовлетворительное ихъ рѣшеніе и именъ новыхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ Академіи.

Это историческое торжество окончено было благодарственною рѣчью академика Шторха на французскомъ языкѣ. При ея чтеніи всѣ были невольно растроганы слѣдующими словами: «Чувство умиленія проникаетъ намъ въ душу при видѣ августѣйшей Матери нашихъ императоровъ. Нѣкогда, при пятидесятилѣтнемъ праздникѣ Академіи, бывъ еще великою княгинею, государыня изволила присутствовать въ собраніи, подобномъ нынѣшнему. Провидѣнію угодно было, въ знакъ особеннаго къ намъ благоволенія, сохранить дни ея до новаго торжества Академіи, здѣсь насъ соединившаго нынѣ: рѣдкій и трогательный образецъ жизни, среди земного величія посвященной высшимъ добродѣтелямъ! Да процвѣтаетъ же еще долго эта жизнь, столь

милая императорскому семейству и столь драгоцѣнная человѣчеству, которое обрѣло въ ней могущественную и благороднѣйшую подпору!»

Характеръ и все совершеніе этого праздника какъ нельзя вѣрнѣе выражаютъ умъ, вкусъ и распорядительность президента. Надобно просмотрѣть всѣ бумаги, относящіяся къ этой эпохѣ, чтобы вполнѣ почувствовать, сколько было въ немъ любви къ достоинству и чести Академіи, сколько было знанія въ исполненіи каждой мысли. Но болѣе всего поражаютъ истинно художественными совершенствами тѣ письма, при которыхъ онъ препровождалъ отсутствующимъ новымъ почетнымъ членамъ Академіи экземпляры описанія бывшаго торжества и выбитую на этотъ случай медаль.

Нельзя довольно надивиться, сколько выражалъ графъ С. С. Уваровъ стремленія къ тому, чтобы незыблемо стоять на поприщѣ истинно ученаго и писателя по прозванію. Вникая въ нѣкоторыя мѣста изъ академическихъ его записокъ, невольно начинаешь думать, что онъ дорожилъ званіемъ академика болѣе, нежели президента. Въ названной выше запискѣ его «О греческихъ трагикахъ» онъ говоритъ между прочимъ: «Представляю на благосклонный судъ Академіи этотъ очеркъ, наскоро составленный, хотя самый предметъ требовалъ обширнаго развитія. Я чувствую, какъ онъ слабъ и безцвѣтенъ сравнительно съ тою картиною, которая была у меня передъ глазами. Но, желая исполнить то, чего ожидаетъ отъ меня знаменитое собраніе, котораго я имѣю честь быть президентомъ, поспѣшаю убѣдить его, что занятія науками и собесѣдованіе съ музами всегда будутъ для меня первымъ долгомъ: ante omnia Musae».

Полная преданность его ученымъ занятіямъ и благородное стремленіе къ снисканію авторской извѣстности, не для многихъ заманчивой, хотя бы это была даже слава, представляютъ въ немъ примѣръ, не часто повторяющійся въ біографіяхъ особъ его сана и состоянія. Но для Академіи открылось много благихъ послѣдствій отъ этого настроенія его души. То, что совершилось

въ Академіи при его управленіи до празднованія столѣтія, оказалось только удачнымъ началомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало по окончаніи этого періода. Важнѣйшею и неоцѣненною выгодою назвать должно всеобщее убѣжденіе, что Академія справедливо занимаетъ между учеными учрежденіями первое мѣсто въ имперіи. Ея отношенія къ публикѣ пріобрѣли постоянство, твердость и достоинство. Сословіе истинно ученыхъ людей признало для себя особенную честь и опору во мнѣніи и приговорахъ Академіи. Публичныя въ ней собранія получили неизмѣнный порядокъ и правильность. Ежегодно представляемые въ нихъ отчеты о состояніи и дѣятельности Академіи возбуждаютъ всеобщее участіе и поддерживаютъ любознательность, столь необходимую для достоинства націи. Но важнѣе всего было высокое вниманіе и полная довѣренность, которыхъ съ этой эпохи началъ удостоивать Академію Государь, поощряя ее всѣми средствами къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и подавая способы къ процвѣтанію.

Возвышенная столь благопріятными обстоятельствами Академія неуклонно и твердо пошла по пути высшаго самостоятельнаго учрежденія. На слѣдующій же годъ, празднуя день рожденія императрицы Маріи Феодоровны, 14 октября, она имѣла счастіе поднести Ея Величеству золотую медаль, выбитую ею для увѣковѣченія достопамятнаго событія, что Государыня изволила присутствовать на пятидесятилѣтіи, 1776, и на столѣтіи Академіи, 1826 года. Изображеніе высокаго чувства признательности, переданное Императрицею Академіи въ рескриптѣ министру просвѣщенія, останется также памятникомъ управленія президента. «Подъ вліяніемъ тѣхъ пріятнѣйшихъ ощущеній (такъ начинается рескриптъ), которыя выражены мною въ рескриптѣ къ вамъ отъ 15 октября, я желала найти лучшее средство оставить въ Академіи наукъ память о моей признательности, и полагаю, что вѣрнѣе всего достигну этой цѣли, передавши на храненіе въ Академію опыты собственной моей работы, посвященной памяти знаменитыхъ покровителей этого ученаго учрежденія. Итакъ я препровождаю вамъ по экземпляру двухъ медалей, выбитыхъ

штемпелями, мною вырѣзанными, и на которыхъ изображены блаженной памяти императоры, мой Супругъ и возлюбленный мой сынъ. Прошу васъ передать ихъ въ Академію наукъ въ удостовѣреніе моего къ ней участія и искренней признательности.

XIII.

Періодъ послѣ празднованія Академіею столѣтія до вступленія президента въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія заключаетъ въ себѣ шесть лѣтъ. Онъ замѣчателенъ назначеніемъ множества новыхъ лицъ въ званіе академиковъ, что̀ сообщило дѣятельности Академіи полезное обновленіе и силу. Шесть новыхъ академиковъ избраны были въ 1828 году: по части зоологіи Беръ, по минералогіи Купферъ, по чистой математикѣ Буняковскій, по физикѣ Ленцъ, по прикладной математикѣ Остроградскій и по химіи Гессъ. Ученые труды ихъ, столь извѣстные всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, непреложно свидѣтельствуютъ о безошибочномъ взглядѣ президента на степень, объемъ и призваніе дарованій. Въ слѣдующемъ году еще четыре дѣятеля вступили въ Академію: по части технологіи, принаровленной къ искуствамъ и ремесламъ, Гамель, по ботаникѣ Мертенсъ, по филологіи и исторіи народовъ средней Азіи Шмитъ и по части древностей и исторіи Россіи Шёгренъ. Такимъ образомъ отдѣленіе филологіи, нѣкогда чуждое Академіи и долго послѣ того слишкомъ ограниченное, нынѣ начало развиваться, приготовляя необходимые матеріалы для успѣховъ исторіи. По случаю отбытія на нѣкоторое время академика Бера избранъ былъ по зоологіи Брандтъ въ 1830 году. Тогда же по ботаникѣ назначенъ Бонгардъ. Наконецъ въ 1832 году, почетный членъ Академіи, астрономъ Струве принялъ на себя обязанности дѣйствительнаго ея члена. Въ одно съ нимъ время, для занятій персидскою литературою, избранъ оріенталистъ Шармуа. При такомъ движеніи и разнообразіи ученыхъ пред-

пріятій, сопровождавшихъ эти избранія, президентъ Академіи употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить ихъ плоды на общественную пользу.

Ученыя путешествія, предпринимаемыя на иждивеніи Академіи, издавна признаваемы были важнѣйшею ея заслугою правительству и націи. Положительныя и вѣрныя свѣдѣнія, собираемыя въ странахъ отдаленныхъ, равно какъ и въ нѣдрахъ обширнаго отечества нашего, вносили во всѣ отрасли историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ безцѣнныя сокровища, которыхъ польза распространялась на цѣлый просвѣщенный міръ. Эти путешествія постоянно входили въ соображенія президента, когда только могъ онъ расчитывать на полученіе несомнѣнной выгоды для наукъ. Снаряженная еще по повелѣнію императора Александра Павловича экспедиція для описанія морскихъ береговъ Азіи и Америки въ русскихъ владѣніяхъ и для точнѣйшаго обозначенія небольшихъ острововъ въ сѣверной части Тихаго океана отправились по своему назначенію въ 1826 году подъ начальствомъ столь извѣстнаго мореходца, нынѣ адмирала Литке. Для ученыхъ наблюденій Академіею отправленъ былъ при этой экспедиціи молодой натуралистъ Мертенсъ, обогащенный предварительными свѣдѣніями и полный любви къ изысканіямъ по части ботаники и другихъ отраслей натуральной исторіи. Онъ возвратился изъ путешествія въ 1829 году, доставивъ Академіи собраніе истинно рѣдкихъ сокровищъ по всѣмъ частямъ естествословія и этнографіи, что̀ и доставило ему честь поступить въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи.

Путешествіе, болѣе достопамятное и болѣе обильное важными послѣдствіями для изученія отечества въ историко-филологическомъ отношеніи, президентъ устроилъ въ 1828 году. Онъ умѣлъ воспользоваться предположеніями, обнародованными археографомъ Строевымъ касательно осмотра старинныхъ русскихъ библіотекъ, издавна сохраняющихъ памятники древней письменности нашей. Требовавшіеся для приведенія въ дѣйствіе этого предположенія значительные денежные способы президентъ предложилъ путе-

шественнику отъ Академіи, съ тѣмъ чтобы отъ ея оцѣнки и усмотрѣнія зависѣли разборъ и обнародованіе рукописей. Всѣмъ извѣстны плоды этого въ высокой степени важнаго распоряженія. Драгоцѣнные матеріалы для составленія древней статистики Россіи, прежнихъ ея законовъ, исторіи православной церкви, іерархіи и монастырей, славянской библіографіи и старинной литературы, наконецъ для біографическихъ, археологическихъ, палеографическихъ и другихъ ученыхъ записокъ собраны были экспедиціею въ такомъ обиліи, что превзошли ожиданія Академіи и президента ея. По мѣрѣ накопленія сокровищъ, величественнѣе и яснѣе началъ развиваться самый планъ ихъ изданія, которое, получивъ окончательно устроенный ходъ, продолжается донынѣ, но уже въ вѣдѣніи оказавшейся необходимою особой Археографической комиссіи, въ 1837 году учрежденной по повѣленію императора Николая. Такъ изъ мгновенной, но счастливо блеснувшей мысли президента Академіи образовалась у насъ новая отрасль изученія исторіи.

Кавказская ученая экспедиція, отправленная въ 1829 году для изслѣдованій по части физики и натуральной исторіи, останется равнымъ образомъ въ числѣ памятниковъ управленія Академіею графа С. С. Уварова. Членами ея были достойные почетнаго назначенія своего ученые: Купферъ, Ленцъ, Мейеръ и Менетріе. Все, что только можно было подвергнуть внимательному разсмотрѣнію и тонкой пытливости жаднаго новыхъ свѣдѣній ума, все, чѣмъ на каждомъ шагу возбуждается высшая любознательность въ краю, столь обильномъ чудесами природы, которой загадочные феномены еще не изслѣдованы, все принято было въ соображеніе при составленіи плана экспедиціи. Она, въ подробныхъ, полныхъ отчетливости и занимательности донесеніяхъ, представила Академіи и ученому свѣту самые удовлетворительные выводы касательно дѣйствій земного магнетизма, барометрическаго измѣренія высотъ, разности температуры источниковъ на разныхъ высотахъ горъ, геогностическихъ наблюденій, окаменѣлостей животнаго и растительнаго царства, касательно

прозябаемости въ равнинахъ и на горахъ, зоологіи внутренняго Кавказа и множества другихъ предметовъ. Отважному восхожденію академика Ленца на Эльборусъ всѣ обязаны за точное опредѣленіе высоты этой горы, подымающейся надъ уровнемъ моря на 15,400 футовъ.

Не менѣе достойно замѣчанія, что президентъ постоянно изъявлялъ готовность способствовать отъ имени Академіи изданію путешествій, которыя съ ученой цѣлію совершены были лицами, не принадлежавшими сословію Академиковъ, но послѣ вошедшими въ него въ слѣдствіе своихъ отличныхъ успѣховъ на ученомъ поприщѣ. Такимъ образомъ явились: геогностическое путешествіе на Уралъ Купфера, филологическія изслѣдованія Шэгрена, объѣхавшаго значительную часть населеній финскихъ, и описаніе многократныхъ поѣздовъ Гесса по отдаленной части Сибири.

Въ 1829 году, по усмотрѣнію президента, началисъ въ Академіи отдѣльныя собранія членовъ физико-математическаго и историко-филологическаго Отдѣленій, что вызвало печатаніе продолжающагося донынѣ столь полезнаго изданія «Ученыхъ Записокъ» по каждому изъ нихъ. Вообще исторія успѣховъ Академіи въ продолженіе управленія ею графомъ С. С. Уваровымъ, въ какомъ бы отношеніи ни была разсматриваема, постоянно приводитъ къ его во всемъ участію и содѣйствію. Изложенныя событія такъ гласны, а благотворныя ихъ послѣдствія еще такъ ощутительны, что всякое поясненіе ихъ важности и пользы становится излишнимъ.

XIV.

Вникая въ причины и побужденія, по которымъ даже извнѣ обстанавливалась Академія монументальными учрежденіями, навѣкъ связанными съ исторіею просвѣщенія въ Россіи, необходимо возвращаешься къ этому же періоду, давшему ей значеніе центральнаго мѣста ученыхъ предпріятій.

Съ 1831 года существуетъ въ Россіи Демидовскій конкурсъ, котораго распорядительницею учредитель избралъ Академію. Это благородное поощреніе ученыхъ трудовъ, особенной дѣятельности талантовъ и образованности, обращенныхъ на общественную пользу, этотъ торжественный вызовъ на единоборство, окрыляющее полетъ ума и просвѣщенія, уже оправдали передъ глазами свѣта великое свое значеніе. Благотворное дѣйствіе конкурса, ежегодно открывающагося въ теченіе четверти столѣтія, возбудило и окончательно рѣшило много вопросовъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Число сочиненій, признаваемыхъ достойными вступить на конкурсѣ въ состязаніе съ другими, такъ возрастаетъ съ году на годъ, что русская ученая литература въ правѣ начать, со времени этого учрежденія, отдѣльный, блистательнѣйшій періодъ въ своей исторіи. Изданные Академіею отчеты о присужденіи наградъ заключаютъ въ себѣ такіе образцы разборовъ, которыхъ чтеніе вполнѣ можетъ утвердить мысли объ истинномъ совершенствѣ ученыхъ воззрѣній на всѣ почти предметы наукъ.

Въ быстромъ и ясномъ соображеніи президента Академіи живо возникнули эти важныя послѣдствія конкурса при самомъ его открытіи. Не удивительно, что онъ встрѣтилъ его не только съ любовію и участіемъ академика, но и съ особенною торжественностію государственнаго человѣка. Въ публичномъ собраніи Академіи, передъ чтеніемъ общаго отчета о первомъ присужденіи наградъ, онъ произнесъ рѣчь, исполненную разностороннихъ взглядовъ на новое призваніе Академіи. Въ заключеніи своей рѣчи онъ сводитъ ея содержаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Академія, отдавая справедливость твореніямъ, ей представленнымъ, оцѣнила ихъ и по собственному достоинству, и по выбору предмета, и по положенію, въ которомъ находится у насъ наука, къ коей онѣ принадлежатъ. Она не почитала себя въ правѣ оставлять безъ вниманія и такіе опыты, которые обѣщаютъ впредь новые совершеннѣйшіе труды. Она преимущественно искала въ нихъ примѣненія къ Россіи и практической пользы согражданъ.

Отдавая вамъ, мм. гг., отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, мы будемъ ожидать приговора публики; и тогда подвигъ г. Демидова принесетъ желаемую пользу, когда ваше сужденіе подкрѣпитъ и утвердитъ сужденіе наше».

Сооруженіе центральной въ Россіи обсерваторіи, въ память августѣйшаго ея основателя названной нынѣ Николаевскою, началось въ 1833 году, когда президентъ Академіи уже призванъ было къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но высочайшая воля относительно этого предмета была изъявлена при его предмѣстникѣ, князѣ Ливенѣ. Первоначальная мысль о построеніи въ С.-Петербургѣ новой обсерваторіи, во всѣхъ отношеніяхъ достойной обширнаго и могущественнаго государства, является въ исторіи великихъ учрежденій нашихъ на пользу наукъ еще въ царствованіе императрицы Екатерины II. Естественно, что Академія наукъ, въ теченіе послѣдующихъ царствованій, постоянно обращалась къ этой мысли. Всѣ мѣры, принимаемыя ею къ улучшенію старой обсерваторіи, всѣ пособія, отъ щедротъ императоровъ Александра I и Николая полученныя ею прежде послѣдней эпохи, не могли довести успѣховъ одной изъ важнѣйшихъ для государства наукъ до современнаго ея состоянія. Мѣстность и самое устройство зданія полагали непреодолимыя къ тому препятствія. Вѣнценосный покровитель Академіи, лично удостовѣрившись въ превосходномъ состояніи другихъ ея частей, самъ удостоилъ замыслить устроеніе такого зданія для обсерваторіи, которое бы стройностію и совершенствомъ всѣхъ своихъ принадлежностей изумило потомство. Императоръ Николай Павловичъ изволилъ остановить вниманіе на новой мѣстности, которая, какъ послѣ усмотрѣно въ бумагахъ Академіи, занимала воображеніе знаменитаго нашего астронома Румовскаго. Пулковская гора представляла всѣ удобства для осуществленія великой царственной мысли. Къ довершенію высочайшаго благоволенія, Государю угодно было предварительно разрѣшить неограниченное число издержекъ, какія только потребуются на достойное исполненіе этого предпріятія.

Президентъ Академіи, въ вѣдѣніе которой императоръ передавалъ возникающее и уже любимое свое учрежденіе, съ благоговѣніемъ и вѣрноподданическимъ усердіемъ приступилъ къ исполненію священной воли монарха. Прежде всего онъ образовалъ ученую комиссію, которая обязана была войти въ подробности какъ устройства новой обсерваторіи, такъ и снабженія ея совершеннѣйшими пособіями. Непосредственное участіе графа С. С. Уварова во всемъ, что только касалось этого историческаго дѣла, продолжавшагося болѣе шести лѣтъ, и потребовавшаго на свое окончаніе 2,100.500 р. ас., или 600.000 р. с., не считая двадцати десятинъ земли, всемилостивѣйше пожалованной Академіи, останется, безъ всякаго сомнѣнія, какъ неоспоримое его право на блистательную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Кто прочиталъ сочиненіе академика В. Я. Струве, котораго труды и имя давно сдѣлались достояніемъ всей просвѣщенной Европы, изданное имъ на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Описаніе Пулковской центральной астрономической обсерваторіи», тотъ вполнѣ могъ ознакомиться съ этимъ чуднымъ созданіемъ любви и щедротъ императора Николая, обильно изливщихся на возвышеніе въ Россіи науки небесъ, и ясно могъ убѣдиться въ достоинствѣ и постоянствѣ благоразумныхъ по этому дѣлу распоряженій, лежавшихъ на президентѣ Академіи. Знаменитый Біотъ, законный судья въ разсмотрѣніи подобнаго учрежденія, какъ самъ астрономъ и физикъ, говоритъ о нашей новой обсерваторіи съ истинно-поэтическимъ увлеченіемъ (Journal des Savants, 1847). Вотъ его слова, въ которыхъ такъ рельефно отразилось все, заслуживающее тамъ вниманія:

«Представьте себѣ обширную равнину, и на ней, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ многолюдной столицы, посреди открытаго со всѣхъ сторонъ горизонта, небольшое возвышеніе, котораго покатости покрыты нѣсколькими группами деревьевъ и которое обнимаетъ около 20 десятинъ. Туда не достигаютъ ни пыль боль-

шихъ дорогъ, ни туманы, подымающіеся иногда надъ Невою и окрестными болотами: тамъ все тихо и спокойно. Вотъ чудесное мѣсто для обсерваторіи! Теперь, давъ свободу мечтамъ философа Платона, предположимъ, что намъ вздумалось бы основать тамъ царство Ураніи, астрономическую колонію. Построимъ прежде всего огромную обсерваторію, которой архитектура, благородная и величественная, соотвѣтствовала бы достоинству и потребностямъ великой науки. Совокупимъ здѣсь прекраснѣйшіе, богатѣйшіе въ мірѣ инструменты. Поселимъ тамъ астрономовъ молодыхъ, дѣятельныхъ, преданныхъ изученію неба по собственному влеченію и по долгу званія. Но чтобы порядокъ господствовалъ въ ихъ занятіяхъ, чтобы всѣ заодно, безъ соперничества, содѣйствовали къ образованію благолѣпнаго цѣлаго, дадимъ имъ главу, руководителя, начальника. Въ этотъ санъ возведемъ человѣка, который нравственно уже былъ бы во мнѣніи всѣхъ глава и начальникъ; котораго дарованія, заслуги и усердіе къ наукѣ давали бы ему полное право на подобное отличіе. При этихъ достоинствахъ, всѣ будутъ ему друзьями, и самъ онъ почтетъ для себя счастіемъ способствовать къ особымъ ученымъ изысканіямъ каждаго изъ нихъ, какъ скоро эти изысканія предпринимаются безъ нарушенія общихъ обязанностей. Такая должность требуетъ постояннаго присутствія, ежеминутнаго прилежанія и личнаго участія въ трудахъ, подлежащихъ управленію. На это нуженъ человѣкъ весь вполнѣ. Посему мы запретимъ нашему директору принимать на себя всякую другую должность, частную или государственную, за исключеніемъ званія академика, которое будетъ какъ бы свидѣтельствомъ его ученой жизни. При столь стѣснительномъ условіи, нужно вознаградить его жалованьемъ не въ примѣръ другимъ, такъ чтобы онъ, если Богъ надѣлитъ его благоразуміемъ въ желаніяхъ, и при одномъ этомъ мѣстѣ считалъ положеніе свое болѣе выгоднымъ, нежели слишкомъ ограниченнымъ.

«Надобно еще пристроить и нашихъ колонистовъ. Чтобъ имъ жить здѣсь и трудиться было охотно и весело, выстроимъ для

нихъ помѣщенія удобныя и красивыя, гдѣ каждый могъ бы отдѣльно благоденствовать съ своимъ семействомъ, ибо, для поощренія къ усидчивымъ трудамъ, благоразумно желать, чтобы дѣятели науки были женаты своевременно. Квартиры ихъ помѣстимъ вдали отъ зданія, гдѣ будутъ производиться наблюденія, чтобъ оно не страдало отъ тѣснаго сосѣдства съ жилыми покоями. За то проведемъ отъ квартиръ къ главному зданію крытые, теплые переходы, по которымъ астрономы, днемъ и ночью, во всякое время года, могли бы проходить къ мѣсту своихъ подвиговъ сухо и удобно, не подвергаясь простудамъ. Кромѣ инструментовъ для наблюденій, они найдутъ еще въ этомъ зданіи богатую астрономическую библіотеку, и особенныя комнаты для занятій, огражденныя отъ помѣхъ со стороны климата. Одни только инструменты и залы для наблюденій будутъ по необходимости терпѣть стужу въ осеннее и зимнее время: того требуетъ ихъ назначеніе, и иначе быть нельзя. Земли у нихъ довольно; такъ отведемъ еще каждому садъ и огородъ. Тогда наши ученые, съ своими семействами, составятъ между собою какъ бы отдѣльный міръ, живя въ сферѣ одинаковыхъ идей, дружескихъ чувствъ. Они будутъ подвизаться на поприщѣ одинаковыхъ трудовъ, для которыхъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и при иныхъ условіяхъ жизни не могли бы исполнить и которыхъ наградою будетъ достойно заслуженная слава. Но, чтобъ они дорожили своимъ положеніемъ и съ каждымъ днемъ болѣе къ нему пристращались, не должно ихъ ученаго общества совсѣмъ отчуждать отъ свѣта: поощреніе и участіе нужны имъ для подкрѣпленія бодрости духа. Однажды въ годъ, по меньшей мѣрѣ, директоръ представитъ Академіи наукъ отчетъ въ дѣйствіяхъ и успѣхахъ обсерваторіи. Всѣ труды астрономовъ будутъ пересказаны, да и сами они будутъ присутствовать въ этихъ засѣданіяхъ, какъ члены, или какъ ученые гости: для чего, по отдаленности города и для необходимыхъ имъ туда переѣздовъ, назначить имъ содержаніе не скудное, которое давало бы имъ возможность покойнаго слѣдованія въ столицу по ученымъ надобностямъ. Эта роскошь

заботливости и приличій нигдѣ доселѣ не являлась для подобной цѣли; но фантазія наша богата и всесильна: мечтѣ ничего не стоитъ тратить деньги для науки.

«— О! создали же вы утопію! — скажутъ намъ; — на иждивеніи вашего воображенія, вы соорудили настоящее эльдорадо астрономіи! — «Оно дѣйствительно такъ можетъ показаться но, воистинѣ, я ничего тутъ не выдумываю; я только вѣрно представилъ главныя черты плана, устройства и устава, пожалованныхъ Пулковской обсерваторіи Россійскимъ Императоромъ».

XV.

Изложеніе событій разсматриваемаго теперь періода, столь необыкновенныхъ и въ высочайшей степени важныхъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что собственные труды президента и его управленіе по преимуществу способствовали ученому возвышенію Академіи. Послѣ празднества столѣтія Государь не переставалъ признавать ее достойною быть вмѣстилищемъ и хранительницею всего драгоцѣннаго, что́ только относится къ наукамъ. Для приличнѣйшаго украшенія большой академической залы и на память благотвореній, изліянныхъ на Академію августѣйшими ея покровителями, императоръ Николай, на другой же день юбилея, изволилъ подарить Академіи четыре во весь ростъ портрета императрицъ Екатерины I, Елисаветы, Екатерины II и императора Павла. Въ 1827 году, президентъ, въ торжественномъ собраніи Академіи, 29-го декабря, открывая его привѣтственною рѣчью, возвѣстилъ, что Государь соизволилъ на дополнительные пункты къ регламенту Академіи и даровалъ ей новый штатъ, по которому, вмѣсто 120 т. руб., она впредь будетъ получать ежегодно 206,100 руб. «Таковыми благодѣяніями осыпанная (продолжаетъ президентъ), достигаетъ Академія до степени лучшаго устройства. Она имѣетъ всѣ способы возбуждать въ сердцахъ соотечественни-

ковъ порывъ къ ученой жизни. Ей предоставлены средства присоединять мужей, отличившихся между нами на поприщѣ наукъ, и наконецъ призывать таковыхъ и изъ дальнихъ краевъ. Если вѣкъ Елисаветы и Екатерины и донынѣ гордится приглашеніемъ Эйлера, Миллера, Шлёцера, Палласа, то благополучное царствованіе Николая I можетъ украситься именами достойныхъ подражателей ихъ и соперниковъ. Сверхъ сего, Академія, обезпеченная въ прочности своего существованія, будетъ обогащать всѣ свои коллекціи важными пріобрѣтеніями: все оживится въ ея музеумахъ и въ ея библіотекѣ. Въ особенности обязана Академія обратиться къ продолженію тѣхъ ученыхъ путешествій, коимъ мы обязаны, смѣю сказать, всѣмъ, что знаемъ о географіи, статистикѣ и естественномъ положеніи отечества: но сколько странъ въ Россіи, сколько предметовъ ожидаютъ еще наблюдателей! Какой памятникъ славы и пользы можетъ еще соорудить Академія подъ десницею Николая!»

Въ 1828 году послѣдовало разрѣшеніе употребить Академіи изъ собственныхъ суммъ 25 т. рублей на лучшее устройство физическаго ея кабинета. Тогда же повелѣно было, чтобы музеумъ бывшаго Адмиралтейскаго департамента переданъ былъ въ собственность Академіи. Въ высочайшемъ рескриптѣ изображено, что Государь Императоръ признаётъ болѣе приличнымъ и болѣе полезнымъ, чтобы эти рѣдкости, собранныя русскими путешественниками во время кругосвѣтнаго плаванія ихъ, хранились въ Академіи наукъ. Этотъ даръ доставилъ разнымъ музеумамъ Академіи болѣе 8 т. номеровъ самыхъ любопытныхъ предметовъ. Для обогащенія Азіятскаго музеума, по окончаніи персидской войны, пожаловано Академіи медалей и монетъ персидскихъ, золотыхъ и серебряныхъ, числомъ 633, а для химической лабораторіи и физическаго кабинета очищенной платины 20 фунтовъ. Сверхъ того, на пополненіе библіотеки и разныхъ коллекцій, разрѣшено было употребить экономическихъ суммъ Академіи 60 т. руб.

Минералогическій кабинетъ обогащенъ въ 1830 году равнымъ образомъ отъ щедротъ Императора которому угодно было купить за 50 т. руб. рѣдкое собраніе минераловъ, составленное въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ знатокомъ и любителемъ науки, пребывающимъ въ Гамбургѣ русскимъ посланникомъ Струве. Самъ Гумбольтъ, разсмотрѣвъ эту коллекцію, призналъ ее богатѣйшею въ своемъ родѣ. Въ дополненіе сокровищъ, собранныхъ въ нумизматическомъ кабинетѣ Академіи, Государь пожаловалъ, въ то же время, полное собраніе медалей, какія только на здѣшнемъ монетномъ дворѣ были выбиты въ послѣднія три царствованія. Между ними найдено 20 золотыхъ и 78 серебряныхъ.

Въ 1831 году послѣдовало высочайшее повелѣніе касательно рукописей исторіографа академика Миллера, который послѣдніе годы жизни своей провелъ въ Москвѣ, а потому и драгоцѣнныя портфели его, числомъ 95, сохранялись въ тамошнемъ архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Государь приказалъ передать ихъ, какъ одно изъ важнѣйшихъ ученыхъ пособій по исторіи, въ Академію наукъ. На слѣдующій годъ, въ вѣдѣніе ея, по высочайшему повелѣнію, поступила Виленская обсерваторія, что послужило къ усиленію и разнообразію астрономическихъ наблюденій Академіи. Въ то же время всѣ кабинеты по части натуральной исторіи, оставшіеся въ Варшавѣ, вошли, по назначенію его Величества, въ коллекцію Академіи, равно какъ и дублеты тамошняго нумизматическаго кабинета. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, нумизматическій кабинетъ Академіи пріобрѣлъ рѣдкое собраніе древнихъ монетъ греческихъ и римскихъ. Въ заключеніе фактовъ этого періода, впрочемъ далеко не доведенныхъ до надлежащей полноты, но достаточно выказывающихъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ поставлена была Академія постоянными усиліями президента, надобно упомянуть о новомъ знакѣ высочайшаго благоволенія къ Азіятскому музеуму. Съ необыкновеннымъ тщаніемъ, за самую высокую цѣну, составлено было въ Пекинѣ собраніе любопытнѣйшихъ этнографическихъ

предметовъ сопровождавшимъ нашу миссію въ Китай полковникомъ Ладыженскимъ. Государь пріобрѣлъ это сокровище рѣдкостей за 28 т. руб. и подарилъ Академіи. Въ 23-хъ отдѣленіяхъ, на которыя разложена была вся коллекція, найдено 3500 предметовъ, которыхъ изученіе могло сообщить свѣдѣнія о современномъ состояніи гражданственности и промышленности Китайцевъ, о направленіи ихъ искуствъ, о видахъ ихъ роскоши, о порядкѣ ихъ чиноначалія, о костюмахъ ихъ и вооруженіи, объ ихъ увеселеніяхъ и религіозныхъ обрядахъ, о системѣ ихъ вѣсовъ, монетъ, мѣръ и даже о степени ихъ успѣховъ въ нѣкоторыхъ наукахъ.

Всѣ исчисленныя здѣсь пополненія и улучшенія ученыхъ пособій Академіи входятъ въ описаніе дѣятельности президента, какъ благотворные плоды его заботливости и распоряженій, какъ послѣдствія его управленія Академіею. Къ числу собственныхъ ученыхъ трудовъ его этого времени относится академическая его записка, читанная въ общемъ собраніи 21-го марта 1831 года. Онъ разсматриваетъ рѣчь, произнесенную митрополитомъ Гермогеномъ по случаю коронованія царя Василія Іоанновича Шуйскаго, въ первый разъ найденную въ памятникахъ древней русской словесности, собранныхъ Строевымъ.

XVI.

20 марта 1833 года, указомъ, даннымъ правительствующему Сенату, высочайше повелѣно президенту Академіи наукъ вступить въ управленіе Министерствомъ народнаго просвѣщенія. Академія не могла равнодушно принять это извѣстіе, будучи увѣрена, что новое положеніе президента, оказавшаго ей столько участія и благорасположенія во всемъ, до нея касающемся, доставитъ ему новыя средства къ улучшенію и возвышенію ея состоянія. Между тѣмъ, не безъ основанія, она опасалась, что обширный кругъ административной дѣятельности, открывшійся передъ ея президентомъ, не оставитъ ему времени и возможности

присутствовать попрежнему въ собраніяхъ ея и украшать учеными трудами ея изданія. Однакоже, къ полному счастію Академіи, послѣднее предположеніе ея оказалось столько же преждевременнымъ и напраснымъ, сколько первое справедливымъ. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, непремѣнный секретарь назначилъ экстраординарное собраніе и прочиталъ членамъ его слѣдующее письмо президента, адресованное на его имя.

«Обязанъ будучи постоянно присутствовать въ собраніяхъ Государственнаго совѣта каждый понедѣльникъ, когда, по уставу Академіи, бываютъ и ея собранія, я поставленъ въ необходимость отказаться отъ удовольствія посѣщать засѣданія академиковъ. Поэтому прошу васъ сообщить отъ моего имени членамъ Академіи, не признáютъ ли они равно удобнымъ, по уваженію къ изложенному мною обстоятельству, перенести обыкновенныя наши собранія на другой какой-нибудь день, болѣе для всѣхъ свободный. Я увѣренъ, что мои товарищи по Академіи примутъ это предложеніе съ моей стороны какъ свидѣтельство самаго искренняго желанія моего къ продолженію непосредственнаго моего участія въ ихъ совѣщаніяхъ и трудахъ, а равно и къ изысканію способовъ, какъ прежде, къ полному осуществленію ихъ важнаго призванія. Для меня, по новому распредѣленію моихъ занятій, самые удобные для этого дни: середа и четвергъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта имѣю честь быть» и проч.

Чтеніе этихъ коротенькихъ строкъ сильнѣе всѣхъ убѣжденій заставило почувствовать академиковъ, что президентъ остался ихъ прежнимъ собесѣдникомъ и въ званіи министра. Они должны были принять слова его съ полною довѣренностію еще болѣе потому, что въ теченіе этой самой недѣли прочитана была министромъ-президентомъ въ торжественномъ собраніи Академіи столь извѣстная его записка на французскомъ языкѣ: «О Гэте». Глубокомысленному критику представилась тема, до такой степени богатая содержаніемъ и важностію предмета, что онъ принужденъ былъ набрасывать только очерки мыслей для надлежащей обстановки обнимаемаго имъ предмета.

«Чтобы основательно судить о вліяніи Гёте на страну его и вѣкъ (говоритъ сочинитель), надобно мысленно перенестися къ тому времени, когда явился онъ на поприщѣ словесности. Франція, гибнувшая въ сатурналіяхъ XVIII вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порываемая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію за-рейнскимъ образцамъ, подвергалась двоякой невыгодѣ враждебныхъ крайностей. Школа Бодмера, называемая въ Германіи швейцарскою, силилась воскресить подъ кровомъ патріархальнымъ древнюю эпопею. Школа лейпцигская требовала народной драмы, и между тѣмъ ковала прозу, хотя нескончаемыя причастія утомляли самый грубый слухъ и самый снисходительный вкусъ. Отличнѣйшіе умы, особенно Галлеръ и Клопштокъ, развивая возвышенныя мысли, настраивали лиру на тонъ невѣрный и нетвердый въ основаніи: тогда хотѣлось создать піитику съ тѣмъ же предубѣжденіемъ, съ какимъ искали народности въ баснословныхъ Тацитовыхъ преданіяхъ о Германцахъ.

«Лессингъ первый прокладывалъ надежный путь; но его критическій талантъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды этого литературнаго безначалія возвысился талантъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу, и увлекъ послѣдователей своихъ къ подражанію Французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противоположныя стихіи. Въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность не приправлялась даже вкусомъ, а природныя свойства отечественнаго генія приносились въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.

«Замѣтимъ, что въ то время дѣятельность духа устремлена была на совершенствованіе стороны только умственной. Тогда нынѣшнія думы не волновали еще страстей общественныхъ. Перевороты, вскорѣ разразившіеся, конечно зарождались въ безмолвіи, но какъ плоды времени, обстоятельствъ и совершенство-

ванія общества, а не произведенія человѣка, или междоусобій: они созрѣвали вдали, подобно непримѣтнымъ на облакахъ пятнамъ, зародышамъ бури. Тогда книга почиталась важнымъ событіемъ, новая мысль явленіемъ, философская система эпохой; въ произведеніи искуства выражалась школа; тогда законъ драматическихъ единствъ опровергался, или былъ утверждаемъ какъ законъ государственный; Глюкъ казался нововводителемъ; на Шекспира смотрѣли какъ на варвара, угрожавшаго ниспроверженіемъ общественнаго порядка; энциклопедистовъ принимали за новыхъ вѣроучителей. Германія представляла единственное зрѣлище быстраго и непрерывнаго развитія мысли, замѣнявшаго всѣ прочіе признаки жизни, мышленія зрѣлаго, углублявшагося во внутреннее самосозерцаніе: тамъ иногда одинъ силлогизмъ изъ метафизики тревожилъ умы отъ Рейна до Шпре; неожиданный какой-нибудь выводъ, новая категорія раздѣляли общество, и даже сословія различались не по гражданственной ихъ важности, а по той степени образованности, до какой они достигали, и по умственному вліянію, какое производили они на остальную часть народа. Тогда-то явился Гэте». Вотъ посреди какой картины и между какими дѣйствователями поставилъ критикъ своего героя, чтобы яснѣе показать его со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Почти шестнадцать лѣтъ графъ С. С. Уваровъ управлялъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, оставаясь и президентомъ Академіи, которой славу и благосостояніе привыкъ онъ считать какъ бы собственными. Поэтому можно было предвидѣть, что новое свое вліяніе, новую власть и закономъ предоставленныя ей права онъ съ любовію пожелаетъ употребить на пользу и возвышеніе Академіи, уже пятнадцать лѣтъ имъ охраняемой и возносимой. Дѣйствительно: въ этомъ новомъ періодѣ, исторія ея представляетъ съ одной стороны безпрерывный рядъ усовершенствованій и пополненій во всѣхъ частяхъ, съ другой картину успѣховъ и важныхъ ученыхъ предпріятій. Справедливость требуетъ замѣтить, что эта понятная привязанность пре-

зидента нисколько не отклонила его отъ пути, болѣе широкаго и требовавшаго высшихъ соображеній, по которому онъ долженъ былъ итти твердо какъ министръ. Въ исторіи просвѣщенія Россіи остались прочные памятники его министерской дѣятельности, отразившейся на университетахъ и прочихъ учебныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ образовалось при немъ столько поколѣній.

XVII.

Къ 1834 году министерствомъ финансовъ окончательно устроено было для Академіи наукъ то зданіе, которое предназначалось для важнѣйшихъ ея музеумовъ. Президентъ желалъ видѣть самое убранство его достойнымъ этого назначенія. По его ходатайству высочайше разрѣшено употребить на то 25,810 р. изъ капитала, пожертвованнаго купцомъ Ларинымъ и находившагося въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. 17 залъ и 17 комнатъ наполнены были въ систематическомъ расположеніи коллекціями по естественнымъ наукамъ, доступныя во всякое время любознательнымъ посѣтителямъ и соединяющія въ разнообразныхъ видахъ всѣ богатства трехъ царствъ природы. Тамъ же, въ особыхъ отдѣленіяхъ, помѣщены: Готторпскій глобусъ и Азіятскій музеумъ, любимое учрежденіе президента, взлелѣянное неусыпными его попеченіями. Въ теченіе настоящаго періода, Азіятскій музеумъ двукратно былъ снова обогащаемъ. Отъ щедротъ Государя Академія въ 1835 году получила обширное собраніе сочиненій по части литературъ средней Азіи, добытое съ большими издержками для предполагавшагося при здѣшнемъ университетѣ отдѣленія восточныхъ языковъ. Оно состояло, во-первыхъ, изъ принадлежавшихъ барону Шиллингу сочиненій, картъ и плановъ китайскихъ и манджурскихъ, разныхъ произведеній литературъ: японской, тибетской, монгольской и индійской, которыя, вмѣстѣ съ подобными, бывшими уже прежде въ Академіи, составили весьма значительную, особенно по части китайскаго и манджурскаго языковъ, библіотеку, какая

едва ли есть гдѣ въ Европѣ; во-вторыхъ, изъ 73 бывшихъ прежде полковника Стюарта рукописей по всѣмъ почти отраслямъ санскритской литературы, и въ-третьихъ, изъ 43 монгольскихъ и тибетскихъ сочиненій, въ Пекинѣ собранныхъ архимандритомъ Петромъ, которыя, съ присовокупленіемъ къ нимъ прежней академической коллекціи и пріобрѣтенной отъ барона Шиллинга, также могутъ равняться съ богатѣйшими въ Европѣ собраніями въ этомъ родѣ. Въ 1839 году, Государь пріобрѣлъ у наслѣдниковъ барона Шиллинга-фонъ-Канштадта за 40 т. р. другое собраніе замѣчательнѣйшихъ и самыхъ рѣдкихъ твореній по части китайской, манджурской, японской, монгольской и тибетской литературы. Оно также подарено Азіятскому музеуму Академіи наукъ.

Отдѣленіе академической библіотеки, заключающее въ себѣ книги на иностранныхъ языкахъ, въ 1837 году получило важное приращеніе. На представленіе президента послѣдовало высочайшее разрѣшеніе касательно покупки книгъ, составлявшихъ частную библіотеку умершаго академика Кёллера, который, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ въ Европѣ знатоковъ древне-классическихъ литературъ. Изъ экономическихъ суммъ Академіи употреблено на это пріобрѣтеніе 50 т. руб.

Постоянная заботливость президента объ улучшеніи каждой части принадлежностей Академіи не отвлекла вниманія его отъ предмета болѣе общаго, который требовалъ съ его стороны ходатайства и содѣйствія важнаго, обдуманнаго, потому что счастливый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ навсегда утвердить достоинство, честь и благосостояніе Академіи. Слишкомъ тридцать лѣтъ протекло со времени высочайшаго утвержденія послѣдняго ея устава. Хотя еще недавно онъ былъ пополненъ новыми пунктами, но президентъ живо чувствовалъ, что, при распространенномъ его стараніями составѣ, Академія не можетъ стройно и благоуспѣшно дѣйствовать безъ устава новаго, сообразнаго съ нынѣшнею ея организаціею. И потому онъ рѣшился повергнуть на благоусмотрѣніе Государя свой проектъ, по ко-

торому какъ ученая часть, такъ и хозяйственная приняли бы другіе, болѣе обширные размѣры для удовлетворенія всѣмъ существеннымъ потребностямъ столь высокаго въ имперіи учрежденія. Вслѣдствіе этого представительства, въ 8 день января 1836 года, послѣдовалъ указъ правительствующему Сенату, утвердившій всѣ предположенія президента. Новымъ уставомъ и штатомъ составъ и кругъ дѣйствія Академіи расширены; ей дано полное и опредѣлительное руководство; усилены предоставленныя ей средства и обезпечено содержаніе академиковъ, которые, выслуживъ извѣстное число лѣтъ, принуждены за болѣзнію просить увольненія. Ежегодно Академія начала получать на свое содержаніе 239.400 р. Сверхъ этой суммы, еще прежде назначено на центральную Обсерваторію 62.200 р., да впослѣдствіи прибавлено на Отдѣленіе русскаго языка и словесности 53,454 руб., 45 к. (15.272 р. 70 к. сер.). Такимъ образомъ полный штатъ Академіи возведенъ нынѣ до 355.054 р. 45 к. (100.586 р. 98$^{4}/_{7}$ к. сер.).

Президента, на этой высотѣ успѣховъ, ожидало новое, высшее счастіе. Въ 1838 году императоръ Николай Павловичъ пожелалъ еще разъ быть въ Академіи, чтобы лично осмотрѣть устройство музеумовъ ея въ настоящемъ видѣ. 14-го марта Государь прибылъ и съ неописаннымъ благоволеніемъ обратилъ высокое вниманіе свое на каждую часть, то предлагая вопросы завѣдывающимъ кабинетами и коллекціями, то выслушивая ихъ донесенія. Подобное же благоволеніе оказалъ Академіи 19-го апрѣля царствующій нынѣ императоръ Александръ Николаевичъ, тогда Наслѣдникъ престола. Передъ путешествіемъ своимъ за границу, онъ пожелалъ ознакомиться съ отечественнымъ святилищемъ наукъ, которому основаніе положено величайшимъ изъ державныхъ его предковъ.

XVIII.

Окончательно устроенное царскими щедротами благосостояніе Академіи доставляло президенту обильнѣйшія средства къ водворенію въ ней достойныхъ дѣятелей по всѣмъ

отраслямъ наукъ. Начиная съ 1836-го, послѣдующіе годы, почти до самой кончины графа С. С. Уварова, представляютъ постоянныя избранія новыхъ лицъ въ ученое сословіе Академіи. По литературѣ, исторіи и древностямъ Востока, вступили: Броссэ, Дорнъ, Бэтлингъ и Шифнеръ; по исторіи и древностямъ Россіи Устряловъ и Куникъ; по политической экономіи и статистикѣ Кеппенъ и Веселовскій; по общей химіи Фритше; по ботаникѣ Мейеръ, Рупрехтъ и Желѣзновъ; по технологіи и химіи, приспособленной къ искуствамъ и ремесламъ, Якоби; по астрономіи Петерсъ и Струве 2-ой; по геогнозіи и палеонтологіи Гельмерсенъ и Мурчисонъ; по зоологіи Миддендорфъ; по греческимъ и римскимъ древностямъ Стефани; по чистой математикѣ Перевощиковъ; по минералогіи Абихъ; по прикладной математикѣ Чебышевъ.

Съ полнымъ замѣщеніемъ академическихъ мѣстъ естественно связываются самые успѣхи академическихъ трудовъ и разнообразіе ученыхъ предпріятій, распространяющихъ общеполезныя свѣдѣнія. Всѣмъ извѣстно, что Академія, достигнувъ желанныхъ президентомъ размѣровъ, донынѣ продолжаетъ ежегодное печатаніе «Записокъ» [1]) своихъ, распредѣливъ ихъ по содержанію на особыя четыре изданія: въ одномъ помѣщаются изслѣдованія по наукамъ физико-математическимъ, въ другомъ по естественнымъ наукамъ, въ третьемъ по исторіи, филологіи и наукамъ политическимъ, а въ четвертомъ всѣ сочиненія постороннихъ лицъ, представляемыя въ Академію и признанныя ею достойными общаго вниманія. Сверхъ того, по мѣрѣ накопленія новыхъ матеріаловъ, нѣсколько разъ въ теченіе года, издаются выпусками «Извѣстія» [2]), раздѣленныя на отдѣлы физико-математическій и историко-филологическій. Послѣ публичныхъ собраній Академіи, равно какъ и послѣ раздачи Демидовскихъ премій, также ежегодно являются изъ печати двѣ книги, въ которыхъ содержатся отчеты и другія чтенія, представленныя публикѣ на этихъ актахъ.

---

[1]) Mémoires. [2]) Bulletin.

Общіе учено-литературные труды, здѣсь исчисленные, не останавливаютъ частной дѣятельности академиковъ, которые спеціальными сочиненіями своими, постоянно выходившими въ свѣтъ во все управленіе Академіею графа С. С. Уварова, значительно разширили область наукъ и тѣмъ принесли несомнѣнную пользу всѣмъ любителямъ основательныхъ знаній. Не вдаваясь въ подробное исчисленіе ихъ, довольно напомнить о такихъ трудахъ, которые, какъ прочные памятники ученой дѣятельности, всегда будутъ привлекать вниманіе къ блистательному періоду нашей исторіи просвѣщенія. Имя и сочиненія Струве давно сдѣлались выраженіемъ классическихъ изслѣдованій по астрономіи. Его микрометрическія измѣренія двойныхъ и сложныхъ звѣздъ обогатили науку открытіями. Метеорологическія наблюденія, къ которымъ въ высшей степени возбуждена дѣятельность ученыхъ примѣрною ревностію Купфера, издавшаго наставленія для производства этихъ ученыхъ работъ, обнимаютъ нынѣ, какъ непрерывающаяся сѣть, все пространство Россіи. Бэръ и Брантъ пожелали даже связать прервавшуюся цѣпь прежнихъ трудовъ Академіи съ нынѣшними. Остававшаяся безъ окончанія Палласова Русско-Азіятская зоографія возобновлена ихъ усиліями. Собственныя сочиненія каждаго изъ нихъ такъ обширны и назидательны въ ученомъ отношеніи, что ими повсюду пользуются занимающіеся зоологіею. «Матеріалы для изученія Россійской Имперіи и смежныхъ съ нею Азіятскихъ странъ», нѣсколько лѣтъ издаваемые Бэромъ и Гельмерсеномъ, доставляютъ читателямъ любопытнѣйшія изысканія. Брантъ въ своихъ изслѣдованіяхъ животныхъ и прозябеній обратился даже къ медицинской сторонѣ изучаемыхъ имъ предметовъ. Многотомныя изданія Триніуса, заключающія въ себѣ описанія инворослей, остаются памятниками его обширныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Труды Мейера, въ которыхъ заключены матеріалы къ познанію прозябаемости Россіи, также отдѣльныя губернскія флоры, свидѣтельствуютъ о направленіи академиковъ къ достиженію прямого ихъ назначенія. Открытіе гальванопластики и приложеніе ея къ иску-

ствамъ и ремесламъ поставили имя Якоби въ ряду извѣстнѣйшихъ изобрѣтателей. И сколько имъ указано другихъ употребленій таинственныхъ силъ природы, наукою подчиняемыхъ волѣ человѣка! Если бы здѣсь же исчислены были труды, въ продолженіе взятаго періода совершенные другими академиками, разработывающими чистую и прикладную математику, политическую экономію и статистику, всеобщую и русскую исторію съ ея древностями, филологію Греціи, Рима и Востока, выводъ оказался бы самый убѣдительный въ пользу распоряженій и личнаго вліянія президента на организацію Академіи.

Ученыя экспедиціи обогащали въ это время Академію и ея изданія драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя были почерпаемы изъ источниковъ самыхъ вѣрныхъ и живыхъ. Въ 1835 году предпринято Шёгреномъ путешествіе на Крымскій полуостровъ, въ Грузію и на Кавказъ для разысканій объ языкахъ и нравахъ Кавказскихъ народовъ. Кромѣ татарскаго и грузинскаго языковъ, онъ преимущественно занимался языкомъ осетинскимъ. Извѣстно, что Клапротъ доказалъ тожество нынѣшнихъ Осетинцевъ съ Ассами и Аланами среднихъ вѣковъ, и даже имя Осетинцевъ производитъ отъ Ассовъ, изъ первобытнаго жилища коихъ вышелъ Оденъ въ сопровожденіи немногихъ сподвижниковъ, чтобы поселиться въ Скандинавіи. Всѣ сіи соображенія вызвали Шёгрена къ новымъ изслѣдованіямъ. Болѣе двухъ лѣтъ онъ провелъ въ трудахъ и переѣздахъ, посреди которыхъ собралъ множество свѣдѣній и наконецъ составилъ грамматику осетинскаго языка. Экспедиція для измѣренія разности высоты морей Каспійскаго и Чернаго предпринята въ 1836 году. Она ввѣрена была астроному Фусу (Егору), котораго сопровождали Саблеръ и Савичъ, два воспитанника профессорскаго института, находившіеся при дерптской обсерваторіи. Цѣль экспедиціи была вполнѣ достигнута: уровень Каспійскаго моря оказался ниже слишкомъ на 101 футъ нашей мѣры. Не менѣе важную пользу экспедиція оказала наукѣ, астрономически опредѣливъ значительное число пунктовъ въ отношеніи къ географическому положенію и къ возвышенію ихъ надъ

океаномъ, особенно главныхъ вершинъ Кавказскихъ горъ. Въ этомъ же году, подъ начальствомъ Бэра, снаряжена экспедиція къ Берегамъ Лапландіи и Новой Земли для изслѣдованій природы края и мѣстныхъ произведеній. Дѣйствія экспедиціи изложены съ тою занимательностію, какую обыкновенно придаетъ сочиненіямъ своимъ столь знаменитый писатель. Картина природы посѣщенныхъ имъ странъ оживлена подробностями географическими, метеорологическими, геогностическими, ботаническими и зоологическими. Вторично посѣтилъ Бэръ въ сопровожденіи Миддендорфа этотъ пустынный край въ 1840 году. Экспедиція предположила изслѣдовать естественныя произведенія на берегахъ Ледовитаго моря и сравнить ихъ съ тѣми, которыя собраны ею на берегахъ Новой Земли. Достигнувъ главной цѣли, путешественники сверхъ того дошли до удостовѣренія, что на картѣ Лапландіи неправильно означается теченіе рѣкъ Туломы и Колы. Въ этомъ году совершена поѣздка Кеппеномъ для обозрѣнія губерній между Санктпетербургомъ и Нижнимъ Новгородомъ и осмотра въ послѣднемъ тамошней ярмонки. Онъ опредѣлилъ всѣ статистическія и экономическія отношенія посѣщенныхъ имъ мѣстностей, равно какъ и отрасли промышленности, которыми занимаются или цѣлые округи, или особенныя населенія. Также въ 1840 году перешло въ завѣдываніе Академіи измѣреніе дуги меридіана, производившееся десять лѣтъ подъ наблюденіемъ Струве. Опытъ этого важнаго предпріятія начался еще въ 1817 году съ высочайшаго соизволенія императора Александра Павловича. Окончаніе послѣдовало только въ 1853. Измѣренная дуга, содержащая протяженія 25°20′, идетъ отъ устьевъ Дуная до Ледовитаго моря. Ученый трудъ русскихъ астрономовъ, точностію работъ и самымъ протяженіемъ дуги, превосходитъ всѣ подобнаго рода измѣренія, произведенныя донынѣ европейскими учеными, и долженъ привести къ важнымъ выводамъ относительно точнѣйшаго опредѣленія фигуры земной поверхности и другихъ астрономическихъ изслѣдованій.

Къ собственнымъ ученымъ занятіямъ президента въ 1840 году относится его разсужденіе: «О философіи литературы», напи-

санное на французскомъ языкѣ и посвященное знаменитому писателю и дипломату барону Баранту. Авторъ представляетъ здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ программу философической исторіи литературы, разбирая характеръ словесности въ гражданскихъ событіяхъ до Рождества Христова и послѣ этого событія. Занимаясь подъ непрерывнымъ вліяніемъ явленій перваго періода, онъ такъ увлекся языческою литературою, что гражданственность христіанскаго періода не совмѣстилась пропорціально съ первою частію разсужденія и вызвала только съ его стороны остроумное указаніе на необходимость новой картины для совершеннаго исполненія программы, имъ приготовленной. Между тѣмъ, оригинальность воззрѣній его, ясное постиженіе красотъ древнихъ писателей, удивительное обиліе мыслей и неистощимый въ высшихъ своихъ совершенствахъ языкъ привлекаютъ полное вниманіе читателя къ каждой строкѣ этого повидимому недоконченнаго разсужденія.

XIX.

На самой срединѣ періода, въ который входятъ шестнадцать лѣтъ управленія графа С. С. Уварова министерствомъ, ему предстояло встрѣтиться съ событіемъ, принятымъ многими безъ сочувствія, если нельзя сказать съ неодобреніемъ. Министръ приготовилъ непосредственному вѣдѣнію президента новое отдѣленіе ученыхъ, распространивъ объемъ Академіи цѣлою третью академиковъ, подъ названіемъ: Отдѣленія русскаго языка и словесности. Преобразованіе послѣдовало въ 19 день октября 1841 года. Уничтоженіе Россійской Академіи вызвало много воспоминаній, относившихся къ великой основательницѣ ея и знаменитымъ писателямъ той эпохи. Министръ могъ успокоивать себя замѣтнымъ всеобщимъ охлажденіемъ къ дѣятельности Россійской Академіи въ послѣдніе годы ея существованія. Къ тому же, изъ ежегодныхъ отчетовъ Академіи онъ ближе и яснѣе всѣхъ видѣлъ, какъ истощались въ ней годъ отъ году тѣ ученые во-

просы, для рѣшенія которыхъ она нѣкогда была учреждена. По его соображеніямъ, высшее дѣло отечественной науки требовало помощи сильной и неожиданной. Ему представилось лучшее къ тому средство въ сліяніи двухъ академій. Планъ его исполнился. 20 декабря 1841 года онъ привѣтствовалъ общее собраніе уже трехъ отдѣленій Академіи наукъ замѣчательною рѣчью, въ которой произнесены многозначительныя два слова въ отношеніи къ Отдѣленію русскаго языка и словесности: «хранить и утверждать», заключающія въ себѣ существенныя обязанности новыхъ академиковъ. Послѣдствія оправдали отважный оборотъ, который данъ министромъ этому историческому дѣлу. Въ недолгіе годы своей дѣятельности Отдѣленіе русскаго языка и словесности представило вниманію просвѣщенныхъ судей три необходимыя для націи творенія: въ 1847 году «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка»; въ 1852 «Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка» и «Опытъ областнаго Велико-Русскаго словаря. Оно постоянно дѣйствуетъ на оживленіе отечественной словесности изданіемъ своихъ «Извѣстій», частію разрѣшая, частію возбуждая ими важнѣйшіе вопросы славянской филологіи и современной литературы. Отдѣленіе русскаго языка и словесности образовало въ себѣ какъ бы національное хранилище всего, оставшагося въ народной памяти и преданіяхъ отъ тѣхъ временъ, когда чувство и воображеніе замѣняли для сочинителей правила и образцы. Изъ этихъ памятниковъ столькихъ вѣковъ и нарѣчій составится нѣкогда исторія всѣхъ періодовъ русскаго языка и выведены будутъ непреложные его законы. Участіе президента во всѣхъ трудахъ и предпріятіяхъ Второго Отдѣленія Академіи было самое живое и безпрерывное: онъ въ немъ видѣлъ осуществленіе одной изъ смѣлыхъ своихъ идей, и слѣдственно не могъ оставаться равнодушнымъ къ его занятіямъ и успѣхамъ.

Между тѣмъ въ первомъ и третьемъ Отдѣленіяхъ, давно имъ устроенныхъ согласно его видамъ и желаніямъ, не прерывались и не ослабѣвали какъ изслѣдованія кабинетныя по каждой наукѣ, такъ и путешествія съ ученою цѣлію. Не исчис-

ляя изданій этой эпохи, обогатившихъ ученую литературу, достаточно сказать, что, по распоряженію президента, на иждивеніи Академіи, вышло въ свѣтъ, 1842 года, Востокова «Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума», а на слѣдующій годъ имъ же изданное «Остромирово Евангеліе 1056—57 года, съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и съ грамматическими объясненіями». Тогда же исходатайствовано президентомъ Высочайшее разрѣшеніе Устрялову свободно пользоваться всѣми архивами имперіи для составленія Исторіи Петра Великаго, продолжаемой до сихъ поръ съ рѣдкимъ усердіемъ и неизмѣнною любовію къ труду.

Графъ С. С. Уваровъ въ 1842 году составилъ на французскомъ языкѣ полную жизни и занимательности записку свою подъ заглавіемъ: «Принцъ де Линь». Подлѣ классическихъ, стройныхъ ученыхъ его изслѣдованій о разныхъ предметахъ греческой исторіи и миѳологіи, эта записка представляется какимъ-то чужеземнымъ растеніемъ. Но въ ней-то и можно вполнѣ видѣть, какою гибкостію ума, какимъ богатствомъ игривости и острыхъ шутокъ, какимъ неистощимымъ запасомъ біографическихъ свѣдѣній обладалъ авторъ. Если бы ему пришла счастливая мысль передать бумагѣ все, что усвоила изъ разнообразной жизни память его, движимая и направляемая столь гибкимъ дарованіемъ, онъ сообщилъ бы обществу, ему современному, яркія краски, выразительную физіономію и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ поэзію. Остается одно безъ разрѣшенія: совершенства, насъ поражающія въ запискѣ о де Линѣ, не утратили ли бы своего блеска, если бы тотъ же авторъ, избравъ предметы изъ другой націи, рѣшился и писать подобныя записки на другомъ языкѣ?

Изученіе отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ сѣверныхъ краевъ отечества преимущественно возбуждаетъ неутомимую любознательность академиковъ. По слѣдамъ Бэра и Миддендорфа, Рупрехтъ вызвался посѣтить западную сторону Самоѣдскаго края, и въ особенности осмотрѣть полуостровъ Канинъ Носъ. Въ его донесеніи сохраняются указанія, пополняющія не только спеціаль-

ныя свѣдѣнія натуралистовъ, но и прочія части землеописанія. Въ 1842 году окончательно приготовлена была экспедиція на три года въ Сибирь, подъ распоряженіемъ Миддендорфа, для изслѣдованія оледенѣлости земли, посѣщенія самой сѣверной стороны между рѣками Пясидою и Хатангою и достиженія сими рѣками до Ледовитаго моря. Неустрашимый путешественникъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ и опасностей, послѣ многихъ опытовъ самоотверженія, проникъ наконецъ, подъ 76-мъ градусомъ сѣверной широты, до Ледовитаго океана, и такимъ образомъ достигъ главной цѣли экспедиціи. Продолжая, во все время пребыванія въ этомъ краю, изысканія свои до Охтенскаго моря, до Удскаго острога и Шантарскихъ острововъ, онъ успѣлъ собрать для естествовѣдѣнія неоцѣненныя сокровища, частію уже представленныя имъ ученому свѣту въ изданномъ путешествіи, частію же приготовляемыя къ обнародованію.

Поѣздки за границу Тривіуса, Купфера, Бэра и Фритше для принятія участія въ собраніяхъ европейскихъ ученыхъ, дѣлившихся съ товарищами по труду новыми открытіями, предположеніями и догадками, которыя могли приблизить ихъ всѣхъ къ постиженію таинствъ природы, принадлежатъ равнымъ образомъ къ свѣтлымъ явленіямъ описываемаго періода. Тогда же непремѣнный секретарь осматривалъ внутреннее устройство и дѣлопроизводство ученыхъ обществъ въ Германіи, Франціи и Швейцаріи, чтобы самымъ формамъ академическихъ дѣлъ придать болѣе простоты, правильности и легкости. Къ прежнимъ статистическимъ даннымъ относительно средней Европейской Россіи Кеппенъ присоединилъ въ 1843 году новыя пріобрѣтенія, почерпнутыя имъ во время обозрѣнія осьми губерній: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Тульской и Калужской. Хронографическая экспедиція между Санктпетербургомъ и Альтоною, по ходатайству президента устроенная на иждивеніи Государственнаго казначейства подъ наблюденіемъ Струве, произвела въ одно лѣто, съ мая до сентября, семнадцать хронометрическихъ путешествій. Въ ея распоряженіи было

86 хронометровъ. Долгота Пулковской обсерваторіи на востокъ отъ Альтонской выведена въ 1 ч. 21′ 32″50.

XX.

Наступило 18-е января 1843 года, день совершившагося двадцатипятилѣтія съ того времени, какъ графъ С. С. Уваровъ былъ назначенъ въ президенты. Академія удостоилась получить высочайшее разрѣшеніе отпраздновать это достопамятное для нея событіе въ торжественномъ собраніи своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Депутація отъ трехъ Отдѣленій, въ главѣ которой находился вице-президентъ Академіи князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, прибыла въ домъ министра народнаго просвѣщенія пригласить его на приготовленное въ Академіи торжество. Оно было открыто чтеніемъ рѣчи на французскомъ языкѣ, приготовленной непремѣннымъ секретаремъ Фусомъ и заключавшей въ себѣ обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ по всѣмъ частямъ усовершенствованій, которыми Академія обязана неизмѣннымъ усиліямъ президента. Заключеніе рѣчи не могло пройти безъ особеннаго впечатлѣнія на душу президента. Оно содержитъ слѣдующія выраженія:

«Я считаю себя счастливымъ, что могу, при настоящемъ торжествѣ, отъ лица моихъ товарищей, выразить общія чувства благодарности и преданности, на которыя отличное управленіе ваше даетъ вамъ неотъемлемыя права. Задолго до назначенія вашего въ почетную должность президента, Академія присудила вамъ званіе почетнаго своего члена, какъ справедливую дань уваженія за блистательные успѣхи ваши на поприщѣ наукъ и словесности, успѣхи, которые, при другихъ обстоятельствахъ, несомнѣнно доставили бы вамъ право на кресло академика. Многіе изъ насъ еще съ гордостью припоминаютъ время, когда одна изъ первыхъ академій въ свѣтѣ и которой вниманіе наиболѣе цѣнится, Французскій Институтъ, принялъ васъ, молодого человѣка, въ число своихъ почетныхъ иностранныхъ членовъ по кончинѣ знаменитаго принца-примаса Рейнскаго союза, отстра-

нивъ Герена и Сестини, соискателей сильныхъ и славныхъ. Изъ двѣнадцати президентовъ, бывшихъ одинъ послѣ другаго въ Академіи, одни вы могли по праву требовать себѣ титла ученаго; вы одни украсили собраніе ученыхъ записокъ нашихъ сочиненіями высокаго достоинства, и несмотря на то, что вы преданы спеціальнымъ ученымъ занятіямъ, никогда пристрастіе не управляло вами въ сношеніяхъ съ лицами, которыя занимаются науками, менѣе привлекающими къ себѣ вниманіе ваше. Высокое мѣсто, принадлежащее вамъ въ обществѣ по вашимъ качествамъ и отношеніямъ вашимъ, и та довѣренность, которой васъ удостоиваетъ августѣйшій нашъ монархъ, безъ сомнѣнія, особенно содѣйствовали возвышенію Академіи; но она считаетъ себя болѣе всего обязанною за это счастіе и за сохраненіе чувства собственнаго достоинства (намъ пріятно такъ думать) нравственному вліянію вашему, неизмѣнно дѣйствовавшему на Академію, — довѣренности, которую оказывали вы ея членамъ во всѣхъ обстоятельствахъ, — прекрасному характеру, какой вы утвердили въ сношеніяхъ съ ними, — твердости, съ которою вы охраняли ихъ права и преимущества, — наконецъ тому уваженію, которое вы всегда оказывали къ независимости академическихъ мнѣній.

«Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ забыть умилительный знакъ привязанности, которымъ вы поспѣшили обрадовать Академію, когда призваны были къ высокой должности, десять лѣтъ вами отправляемой? И когда новыя и важныя обязанности этого званія рѣшительно потребовали, чтобы вы имъ отдали всего себя, и у васъ не осталось свободнаго времени для дѣлъ Академіи, въ замѣнъ себя вы избрали человѣка испытаннаго, достойнаго вашей дружбы, который сочувствіемъ къ вашимъ видамъ, административными своими дарованіями и благородствомъ чувствъ своихъ давно пріобрѣлъ между нами искреннее уваженіе и сердечную признательность всѣхъ и каждаго. Итакъ примите отъ меня и моихъ товарищей выраженіе глубокой нашей благодарности, и да хранитъ еще долго Провидѣніе жизнь вашу для блага отечества и славы Академіи, которая гордится такимъ начальникомъ».

Вице-президентъ, отъ имени Академіи, поднесъ президенту медаль, выбитую въ память совершившагося торжества. На одной сторонѣ медали находится изображеніе президента съ надписью на латинскомъ языкѣ имени его и по какому случаю поднесена ему медаль. На другой сторонѣ, также въ латинской надписи, кратко исчислены важнѣйшія заслуги президента, какъ права на признательность Академіи.

Вслѣдъ за тѣмъ многіе изъ академиковъ поднесли президенту, каждый по своей части, приготовленные на этотъ случай ученые труды свои, и нѣкоторые произнесли при томъ особенныя привѣтственныя рѣчи. Столь живое общее движеніе, въ которомъ выражена была искренняя преданность уважаемому и любимому начальнику, не могла не растрогать его, и онъ въ видимомъ волненіи души произнесъ на французскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь:

«У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ, какъ я тронутъ этими неожиданными и лестными привѣтствіями. Дружескія отношенія наши, продолжавшіяся четверть столѣтія, навсегда утвердивъ нашу связь, направили дѣятельность нашу къ общей цѣли и, смѣю сказать, возвысили Академію на ту степень, которая принадлежитъ по праву высшему въ Россіи ученому учрежденію. Эти новые успѣхи Академіи должны быть приписаны, во-первыхъ, незабвенному къ ней благоволенію императора Александра, во-вторыхъ, просвѣщенному, непрерывному и великодушному покровительству его императорскаго величества нынѣ царствующаго Государя. При сіяніи созвѣздія этой блистательной четы, Академія твердымъ шагомъ приблизилась къ совершенствованію своему. Да будутъ же воспоминаніе прошедшаго и ощущеніе настоящаго благосостоянія первымъ движеніемъ признательныхъ сердецъ нашихъ, главнымъ чувствомъ при нынѣшнемъ торжествѣ! Я почитаю себя счастливымъ, что въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ (некраткій періодъ человѣческой жизни!) могъ быть посреди васъ исполнителемъ воли двухъ великихъ монарховъ. Мое усердіе къ пользѣ Академіи вполнѣ воз-

награждено нынѣшнимъ трогательнымъ праздникомъ и вашею чистою дружбой».

XXI.

Воспоминаніе столь пріятнаго дня и съ избыткомъ наполнившихъ его сладостныхъ ощущеній сливается, по несчастію, съ другимъ воспоминаніемъ, которое черною, роковою печатью легло на сердце графа С. С. Уварова. Эпоха описаннаго праздника совпадаетъ съ кончиною нѣжно любимой имъ дочери, существа прекраснаго, счастливаго и какъ бы призваннаго къ жизни для высшихъ ея благъ. Она умерла 13-го января. Это былъ первый страшный ударъ, который такъ грозно раздался надъ головою человѣка, привыкшаго только обольстительными успѣхами и заманчивыми надеждами исчислять свои дни. Потрясеніе души его такъ было сильно, что онъ въ горестномъ разочарованіи рѣшился оставить министерство. Въ минуты его отчаянія послышался однакоже голосъ, котораго назидательные и утѣшительные совѣты отклонили это намѣреніе. Великодушный Государь, раздѣляя справедливую печаль скорбящаго отца, указалъ ему на продолженіе полезныхъ трудовъ какъ на лучшее средство къ возстановленію душевнаго спокойствія.

Медленное, постепенное возвращеніе къ порядку дѣлъ, разрушенному бѣдствіемъ, постоянно омрачающимъ мысли, не возвратило графу С. С. Уварову прежней бдительности и участія къ обычнымъ его занятіямъ. Онъ чувствовалъ, что все находится еще на развалинахъ благополучія, казавшагося когда-то свѣтлымъ и прочнымъ. Для устраненія отъ себя невыносимо тяготившихъ душу видѣній, онъ испросилъ у Государя разрѣшеніе на поѣздку въ чужіе края. Обиліе новыхъ впечатлѣній и очарованіе новой умственной дѣятельности мало по малу начали оказывать благотворное свое вліяніе. Съ его сокровищами начитанности и знаній, съ воспріемлемостію души его, въ каждомъ новомъ мѣстѣ ожидали его тѣ занятія, которымъ онъ давно посвятилъ свою жизнь. Плодомъ его путешествія были два сочиненія

на французскомъ языкѣ: «Римъ» и «Венеція». Нельзя удержаться, чтобы не повторить здѣсь нѣкоторыхъ строкъ изъ каждаго: такъ они увлекательны по всему, что только сообщаетъ картинамъ живость представленія, особенность взгляда и очарованіе изложенія.

«Изъ всѣхъ наслажденій (говоритъ онъ), Римомъ представляемыхъ любителю искуствъ, по моему чувству, самое утонченное, самое новое есть посѣщеніе Ватикана при факелахъ. За эту ночь, проведенную посреди древняго міра, за ватиканскую ночь, не дорого заплатить даже усиліями и лишеніями цѣлыхъ годовъ. При самомъ приближеніи ко дворцу какимъ-то торжественнымъ впечатлѣніемъ проникается сердце: надъ нами темносинее небо Италіи и блескъ звѣздъ, отражающійся какъ на куполѣ св. Петра, такъ и въ восхитительныхъ фонтанахъ, съ шумомъ подымающихся и падающихъ цѣлыя столѣтія; у самаго портика папская стража, или лучше, стража Микель-Анджело, которая, съ факелами въ рукахъ, встрѣчаетъ иностранца и провожаетъ въ галлереи; тамъ избранники древняго міра, вызванные посреди ночного мрака и, такъ сказать, насильно являющіеся жадному взору непосвященнаго, — все въ этомъ помѣщеніи какъ-то волнуетъ душу и почти умиляетъ ее. Мраморъ представляется во сто разъ прекраснѣе, очарованіе живѣе, эффектъ восхитительнѣе, нежели при дневномъ свѣтѣ; мысли вполнѣ устремляются къ этому волшебному зрѣлищу; ничто не развлекаетъ ихъ, развѣ только чуть слышно лепечущій бельведерскій фонтанъ или лучъ мѣсяца, неожиданно проскользнувшій межъ колоннъ и какъ будто любующійся тоже на это ночное празднество. Медленно двигаясь по Ватикану, ни я, ни сопровождавшіе меня три спутника не выговорили другъ другу почти ни единаго слова; въ самомъ дѣлѣ, какъ-то страшно смутить неизъяснимое очарованіе, окружающее васъ. Удивительное искуство, съ какимъ ставятъ факелы, ихъ сіяніе, мастерски расчитанное, и умѣнье по волѣ разнообразить точки зрѣнія, придаютъ статуямъ какое-то оживленіе, котораго и описать нельзя; повидимому, онѣ пробудились ото сна, и ка-

кая-то стыдливость облекаетъ эти божественныя формы, открытыя для взора въ самыхъ сокровенныхъ ихъ изгибахъ. Не только артистическое чувство возникаетъ въ душѣ съ неожиданною силою, всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ помыслы мужества и бѣглыя мечты юности воскресаютъ мгновенно. Передъ этой волшебной толпою, воображеніе, увлекаясь незамѣтно, кажется, узнаетъ прозрачныя черты, неопредѣленный образъ милыхъ существъ, таинственный голосъ нѣжнѣйшихъ сочувствій сердца; невольно глаза наполняются слезами, и никто не покидаетъ этого мѣста, не благословляя судьбы, которая для избранныхъ душъ уберегла ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, полное вознагражденія за всѣ непріятности дальняго странствованія, можетъ быть, даже за нѣкоторую часть разочарованій прошлой жизни».

Венеція производитъ другое впечатлѣніе, и путешественникъ населяетъ душу вашу образами, столь же прекрасными, но иного характера, приводящими васъ совсѣмъ въ другое расположеніе духа. По его словамъ —

«Ничто не производитъ столь грустнаго впечатлѣнія, какъ первый взглядъ на эту новѣйшую Помпею, называемую Венеціею. Вообразите городъ, только что постигнутый бѣдствіемъ, которое, не коснувшись стѣнъ, поразило жителей, и вы поймете потрясеніе, объемлющее сердце, не то животворное потрясеніе, которое производятъ римскія развалины, но это неопредѣленное уныніе, эту глубокую тоску, которая овладѣваетъ вами при видѣ обиталища блестящаго и опустѣлаго, гдѣ, повидимому, за минуту находились люди; или при видѣ театра, еще полуосвѣщеннаго, но покинутаго зрителями; или при видѣ бальной залы на другой день послѣ празднества. Венеція дѣйствительно представляетъ всѣ эти разнородные характеры: ея безмѣрное и поддѣльное могущество подобно было основанію города, утвержденнаго на сваяхъ; мрачная и прославившаяся жестокостями, Венеція въ то же время являлась веселою и великолѣпною. «Мостъ вздоховъ» подлѣ картинъ Павла Веронскаго; между колоднами дворца дожей и свинцовою кровлей, гдѣ стенали государствен-

ные узники, являются всѣ чудеса изящныхъ искуствъ и всѣ прелести жизни. Тутъ умирали съ ропотомъ едва слышимымъ, а жили шумно. Половина Европы была данницей этого города, возникшаго изъ лагунъ. Не было преграды ненасытному честолюбію горсти людей, которые въ свою очередь трепетали передъ избыткомъ собственной власти. Но когда отъ Леванта появлялся вдали огромный флотъ съ безчисленными сокровищами всего міра, тогда забываемы были эти жертвы тайнаго и непреклоннаго властительства: вывѣшивались флаги по всей Венеціи и раздавались радостныя восклицанія народа, который почиталъ себя владыкою всѣхъ сокровищъ земли и участникомъ во всѣхъ наслажденіяхъ жизни. Берега Большаго канала украшены цѣлымъ рядомъ дворцовъ, одинъ другого прекраснѣе, но которые всѣ безмолвны и почти необитаемы. Изрѣдка по водѣ, одна послѣ другой, промелькнетъ черная какъ гробъ гондола. По временамъ, у окна открывается ставень, и бѣглый взглядъ падаетъ на иностранца, взглядъ одного любопытства, въ которомъ нѣтъ ни участія, ни жизни. Иногда маленькая ножка, въ прелестной венеціанской обуви, высовывается изъ-подъ полотна на балконѣ, нависшемъ надъ каналомъ; но ничто не прерываетъ молчанія, кромѣ однообразнаго крика гондольщиковъ, передающихъ его другъ другу. Эти обширныя помѣщенія, эти блестящія зданія, то въ итальянскомъ, то въ мавританскомъ вкусѣ, пробуждаютъ въ душѣ одни воспоминанія».

XXII.

Поѣздка за границу употреблена была графомъ С. С. Уваровымъ и на исполненіе обязанностей его по званію министра просвѣщенія. Онъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая для окончательнаго устроенія дѣлъ по Варшавскому учебному округу, который съ 20 ноября 1839 года высочайше ввѣренъ былъ министерству наравнѣ съ другими округами Россіи. По многочисленности находящихся въ немъ училищъ, онъ требовалъ осо-

бенныхъ соображеній и бдительнаго вниманія министра. По возвращеніи въ отечество, ему надобно было не менѣе озаботиться окончательнымъ устройствомъ мѣръ по присоединенію Московской медико-хирургической Академіи къ тамошнему университету.

Между тѣмъ въ Академіи наукъ, вслѣдствіе неизмѣннаго порядка занятій, водвореннаго президентомъ, въ всѣхъ ея Отдѣленіяхъ, все шло по его желанію. Ученые труды членовъ ея продолжали обогащать науки новыми изысканіями. Не только исторія, статистика, филологія и естествовѣдѣніе ежегодно прибавляли новыя данныя къ расширенію круга истинъ, но и высшія умозрительныя изслѣдованія математики привлекали къ успѣхамъ Академіи всеобщее участіе. Кому не извѣстны вдохновенныя соображенія Остроградскаго, такъ блистательно открывающаго новые пути мышленію? Нельзя не указать также на книгу Буняковскаго, вышедшую въ 1846 году подъ заглавіемъ: «Основаніе математической теоріи вѣроятностей», первое въ своемъ родѣ сочиненіе на русскомъ языкѣ.

По распоряженію Главнаго Штаба, въ 1845 г. предпринята астрономами Академіи хронометрическая экспедиція для опредѣленія долготъ между Пулковской горой, Москвою, Одессой и Варшавою съ присовокупленіемъ Валдая и Вилькомира. Она совершила свое предназначеніе и приготовила основные пункты для обширныхъ геодезическихъ работъ, предположенныхъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи. Тогда же отправился Бэръ за границу для посѣщенія ученыхъ заведеній въ чужихъ краяхъ. Онъ воспользовался этою поѣздкою для наблюденій и опытовъ на берегахъ Средиземнаго моря надъ развитіемъ животныхъ. Употребивъ три года на свои изслѣдованія онъ достигнулъ важныхъ выводовъ, разливающихъ свѣтъ на тайну первоначальнаго образованія животнаго организма по оплодотвореніи.

Параллельно съ экспедиціею Миддендорфа совершалась другая съ 1845 года сибирская экспедиція на иждивеніи Академіи. Она

ввѣрена была одному изъ неутомимѣйшихъ путешественниковъ, доктору Кастрéну, образовавшемуся въ Александровскомъ университетѣ. Цѣль экспедиціи состояла въ изученіи языковъ, нравовъ и обычаевъ чудскихъ племенъ, обитающихъ въ Сибири. Въ 1848 году Кастренъ представилъ Академіи самыя удовлетворительныя донесенія. Тогда же внесено въ Академію донесеніе Броссэ, объѣхавшаго Закавказскій край для историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Оно послужило къ составленію столь извѣстнаго сочиненія академика объ этомъ предметѣ.

Возобновленіе въ памяти ученыхъ трудовъ, которыхъ плодами не перестаютъ пользоваться, не въ одной Россіи, но и въ другихъ государствахъ Европы и Америки, гдѣ только есть просвѣщенные люди, болѣе всего можетъ служить къ утвержденію высокой цѣны распоряженій президента и внимательнаго его наблюденія за дѣятельностію членовъ Академіи. Особенную важность получаютъ его долголѣтнія попеченія, когда вполнѣ и ясно представляются уму тѣ выгоды, которыя нынѣ можетъ извлечь наше отечество изъ точныхъ и многостороннихъ разысканій академиковъ въ отношеніи къ Россіи. Начиная съ ея средоточія, не оставлено ни одного предмета безъ изученія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Всего утѣшительнѣе въ этой истинѣ утвердившееся между членами Академіи постоянство, съ которымъ они продолжаютъ исполнять свои обязанности Не говоря о статистическихъ и другихъ обозрѣніяхъ Россіи, не прерывающихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напомнимъ о долголѣтнихъ странствованіяхъ препаратора зоологическаго кабинета Академіи Вознесенскаго, который, съ 1839 года, девять лѣтъ провелъ между сѣверо-восточными берегами Азіи и сѣверо-западными Америки, на островахъ Тихаго Океана, въ Камчаткѣ и въ другихъ мѣстахъ, собирая предметы естествовѣдѣнія, обогащая ими Академію и самъ обогащаясь любопытнѣйшими наблюденіями.

Въ 1846 году графъ С. С. Уваровъ напечаталъ на французскомъ языкѣ сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: Штейнъ и Поццо ди Борго. Годы не охладили его воспоминаній юности.

Представленныя имъ лица принадлежали къ тому обществу, посреди котораго онъ явился на поприщѣ ученой и административной своей дѣятельности. Это были для него первые образцы, которыхъ успѣхами въ свѣтѣ и въ жизни онъ желалъ воспользоваться. Эпоха Вѣнскаго конгресса и предшествовавшихъ ему великихъ событій не покидала его воспоминаній. Назадъ тому четыре года, въ разсказѣ о принцѣ де Линѣ, онъ двумя-тремя чертами умѣлъ нарисовать портретъ Поццо ди Борго. «Это былъ, по словамъ его, человѣкъ съ пламенными глазами, съ южною смуглою физіономіей; очарованіе его разговоровъ привлекало къ нему всѣхъ, а умъ его, оригинальный, пылкій и совершенно выражавшій духъ нашего времени, удивительно рельефно выказывалъ умъ принца де Линя, въ высшей степени отзывавшійся осьмнадцатымъ вѣкомъ».

Императоръ Николай Павловичь, желая вознаградить государственныя заслуги графа С. С. Уварова, какъ министра просвѣщенія и президента Академіи, 1 іюля 1846 года возвелъ его въ графское достоинство съ нисходящимъ отъ него потомствомъ. Достойно замѣчанія, что всѣмъ извѣстныя слова: «православіе, самодержавіе и народность», которыми, при вступленіи въ высокую свою должность, министръ какъ бы опредѣлилъ неизмѣнныя начала будущихъ своихъ дѣйствій, внесены въ графскій его гербъ. Новый титулъ нашелъ его при концѣ шестидесятаго года отъ рожденія. Никогда не могъ онъ похвалиться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Безпрерывные труды съ необыкновенно ранняго вступленія въ государственную службу и самые годы не могли обѣщать ему бодрой старости. Между тѣмъ бремя заботъ не уменьшалось, отчего естественно и становилось тягостнѣе. Можетъ быть, онъ еще предотвратилъ бы ожидавшее его бѣдствіе, если бы, во время сознавши изнеможеніе силъ, уклонился отъ всѣхъ должностей и посвятилъ бы въ покоѣ остатокъ жизни своей тѣмъ сладостнымъ занятіямъ, для которыхъ судьба послала ему такъ много средствъ, такъ много сочувствія. Но человѣкъ полонъ противорѣчій. Графъ С. С. Уваровъ всю

жизнь собиралъ сокровища ума и вкуса въ любимое свое Порѣчье. Онъ его населилъ мудрецами и поэтами всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Памятники искуствъ украшаютъ это убѣжище размышленія и благороднаго труда. Напрасно однакоже ожидало оно заключить на постоянное жительство въ стѣнахъ своихъ счастливаго обладателя сокровищъ.

XXIII.

Лѣтомъ 1849 года графъ С. С. Уваровъ жилъ на здѣшней своей дачѣ, что на Карповкѣ. Онъ по обыкновенію занимался дѣлами, но въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. 14 іюля въ этомъ году онъ пораженъ былъ кончиною супруги своей и проводилъ время въ печальномъ, пустынномъ домѣ, безъ семейства, почти безъ общества. Приближеніе осени въ Санктпетербургѣ, и безъ сердечныхъ потрясеній, вѣетъ на мысли чѣмъ-то устрашающимъ. Въ такомъ состояніи и настроеніи души засталъ его сентябрь. 9-го числа послѣдовалъ съ нимъ нервической ударъ, который лишилъ его силъ продолжать службу въ должности министра. Государь снисходя на всеподданнѣйшую его просьбу объ увольненіи, 20 октября, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ ему признательность за услуги, оказанныя имъ престолу и отечеству. За нимъ было оставлено званіе члена Государственнаго совѣта и президента Академіи наукъ.

Остальные годы его жизни ознаменованы только проблесками этого ума, этого дарованія и вкуса, которымъ здоровье, дѣятельность и энергія придавали нѣкогда такое значеніе. Поддерживаемый пособіями врачей, привязанностію къ прежнему обществу и друзьямъ, онъ первые годы, и въ разслабленномъ состояніи здоровья, оставался въ Санктпетербургѣ, переѣзжая съ трудомъ на лѣто въ свое Порѣчье. Императоръ Николай еще разъ удостоилъ, въ день своего тезоименитства, торжественно изъявить ему благоволеніе свое за прежнюю службу: 6 декабря 1850 года графу С. С. Уварову пожалованъ былъ орденъ св.

апостола Андрея Первозваннаго. Это лестное вниманіе монарха видимо оживило исчезавшія силы страждущаго. Онъ какъ будто располагался воспротивиться вліянію климата, и занялся устроеніемъ для себя дома въ Санктпетербургѣ.

Любопытнѣе всего видѣть, какъ усиливался онъ продлить участіе свое въ ученыхъ занятіяхъ Академіи для сохраненія за собою мѣста писателя. Въ 1850 году, лѣтомъ, изъ Порѣчья онъ прислалъ сочиненную имъ на французскомъ языкѣ академическую записку «Объ исторической достовѣрности» при слѣдующемъ письмѣ къ непремѣнному секретарю: «Во время пребыванія моего въ деревнѣ, посреди отдохновенія, необходимаго для разстроеннаго моего здоровья, я искалъ отрады въ забавахъ ума. Вслѣдствіе того составилась небольшая записка о вопросѣ, занимающемъ всѣхъ. Я прошу васъ представить въ общее собраніе этотъ трудъ, какъ слабую дань всегдашней моей привязанности къ Академіи и неизмѣнной преданности умственнымъ занятіямъ, которыя то веселили, то утѣшали меня въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, не утративъ ничего изъ благотворнаго своего вліянія». Самая записка, при всей кажущейся странности основной мысли, возбуждаетъ сильное вниманіе къ вопросу и заставляетъ читателя предаться собственному изслѣдованію о томъ же предметѣ, чѣмъ немногія изъ литературныхъ произведеній всегда похвалиться могутъ.

Записка подъ названіемъ: «Литературныя Воспоминанія», составлена здѣсь, зимою 1851 года, и напечатана въ «Современникѣ». Кромѣ любопытныхъ указаній на домашнюю жизнь, нравы и отношенія писателей русскихъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, она разрѣшаетъ вопросъ касательно вліянія частныхъ литературныхъ обществъ на развитіе и успѣхи языка и самое процвѣтаніе словесности. Въ томъ же году, въ Порѣчьѣ, обработана на французскомъ языкѣ записка для Академіи, читанная въ ея собраніи 10 октября. Сочиненіе это посвящено археологическому изслѣдованію драгоцѣннаго остатка древней скульптуры, пріобрѣтеннаго графомъ С. С. Уваровымъ въ Римѣ и сохраняю-

щагося теперь въ Порѣчьѣ. Лучшія ипотезы этой записки приводятъ на память его же взглядъ на греческія древности въ элевзинскихъ таинствахъ. Послѣдняя изъ напечатанныхъ его записокъ, составленная тоже на французскомъ языкѣ для Академіи, въ собраніи которой читана 6 февраля 1852 года, содержитъ воспоминанія президента объ академикахъ Френѣ и Грефе, незадолго передъ тѣмъ скончавшихся.

Исчисленіе ученыхъ трудовъ графа С. С. Уварова и самая краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ, что, въ другомъ отношеніи къ свѣту, при другихъ обстоятельствахъ жизни и службы, онъ дѣйствительно могъ бы посвятить всего себя занятіямъ собственно ученаго человѣка: ему досталось все, чего требуетъ кабинетная жизнь, кромѣ постоянной любви къ уединенію и къ трудамъ продолжительнымъ. Но онъ успѣлъ высокому своему сану придать неизмѣнное украшеніе блестящаго писателя. Это двойственное его значеніе, можетъ-быть, болѣе всего помогло ему принести столько пользы и столько славы Академіи.

Въ послѣдніе годы жизни своей онъ уже не возвращался въ Санктпетербургъ, удерживаемый недугами то въ Москвѣ, то въ Порѣчьѣ. Незадолго до кончины, въ воспоминаніе счастливыхъ лѣтъ юности своей и дружескихъ связей съ лучшими нашими писателями, онъ украсилъ сельское свое мѣстопребываніе прекраснымъ памятникомъ Жуковскому. Такъ прошло время до 1855 года. Въ январѣ онъ еще утѣшенъ былъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ академиковъ и профессоровъ здѣшняго университета, прибывшихъ на празднованіе столѣтія университета Московскаго. Въ послѣдній разъ, въ качествѣ президента, подписалъ онъ свое имя на адресѣ, поднесенномъ университету отъ Академіи наукъ. Онъ дожилъ до сентября, тяжко памятнаго для него мѣсяца, и 4-го числа, въ Москвѣ, въ наемномъ домѣ, скончался тихо.

Академія, исполненная признательности и глубокаго уваженія къ президенту, ничѣмъ не можетъ торжественнѣе и достой-

нѣе почтить его память, какъ вѣрнымъ сохраненіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ онъ стремился утвердить просвѣщеніе въ Россіи.

20 декабря 1855.

ОТЗЫВЪ О ДРАМАХЪ: «ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА» И «ГРОЗА»[1].

1860.

Изъ числа драматическихъ сочиненій, представленныхъ на четвертый Уваровскій конкурсъ, два произведенія обратили на себя особенное вниманіе комиссіи: одно называется «Горькая Судьбина», другое «Гроза». Первое основано на той истинѣ, что сознаніе поруганной чести вызываетъ изъ души человѣка всѣ ея силы къ защитѣ естественныхъ правъ, безъ различія гражданскихъ сословій. Во второмъ, развита мысль, что семейный деспотизмъ оканчивается самыми гибельными послѣдствіями.

Никто, безъ сомнѣнія, ничего не найдетъ ложнаго ни въ той, ни въ другой мысли. Поэтому основаніе обоихъ сочиненій равно говоритъ въ пользу того и другого автора. Еще замѣчательнѣе то соображеніе, что каждый изъ сочинителей остановился на мысли, вполнѣ достойной драматическаго изслѣдованія по особенной важности ея въ гражданскомъ обществѣ. Развитіе столь высокихъ истинъ, не ясно сознаваемыхъ жизнію и часто пренебрегаемыхъ людьми по увлеченію страстей или по невѣжеству, есть одна изъ прямыхъ заслугъ гражданственности.

Драма, которой основа тверда и несомнѣнна, требуетъ еще многаго, чтобы явиться во всемъ своемъ совершенствѣ. Подобно тому, какъ самое лучшее зерно не представляетъ растенія, драма, можно сказать, не началась, пока изъ ея главной мысли не воз-

---

[1]) Напечатанъ въ Отчетѣ о 4-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1860.

никли въ воображеніи автора главныя положенія дѣйствующихъ лицъ, сообразно ихъ характерамъ. Такъ называемое творчество, въ драматической поэзіи, первоначально обозначается въ развѣтвленіи основной мысли поэта, переходящемъ къ другимъ соображеніямъ, изъ которыхъ возникаетъ какъ бы дѣйствительная жизнь. Въ этомъ процессѣ созиданія обнаруживается степень драматическаго таланта. Вѣрно совершить этотъ путь можно только при помощи строгаго анализа истинныхъ свойствъ души, сердца и характера избранныхъ лицъ. Въ дѣйствительной жизни все истекаетъ изъ одного источника, то есть, изъ духовной природы нашей. Въ искуствѣ, которое возсоздаетъ природу, нельзя художнику прибѣгать къ произволу или къ вымыслу, противорѣчащему истинѣ. Но такъ какъ поэтъ останавливается на избранномъ моментѣ жизни, то онъ въ правѣ сосредоточить на немъ разрозненныя силы характера или страсти, находя ихъ въ дѣйствительныхъ свойствахъ изображаемаго лица.

Внѣшняя обстановка психическихъ явленій сообщаетъ произведеніямъ поэзіи неотъемлемое значеніе. Отсутствіе истины или употребленіе ложныхъ красокъ обезсиливаетъ или безобразитъ лучшую мысль, лучшее движеніе сердца, лучшій порывъ страсти. Напротивъ того, живость и вѣрность красокъ придаютъ особенное очарованіе всякому предмету и дѣйствію. Мѣстныя краски природы, народныя черты нравовъ и обычаевъ, рѣзкая особенность языка и костюмовъ — словомъ, художническое сочетаніе безчисленныхъ принадлежностей жизни внѣшней съ ея духовною стороной служитъ необходимымъ и прекраснымъ довершеніемъ всякаго созданія поэзіи. Но ни въ одномъ ея родѣ это украшеніе такъ не дѣйствительно, какъ въ драмѣ, которая предназначается преимущественно для возсозданія жизни со всѣми ея принадлежностями явленій внѣшнихъ и внутреннихъ. Здѣсь часто обаяніе зрѣнія торжествуетъ надъ прочими красотами созданія.

Внимательно слѣдуя за авторомъ «Горькой Судьбины» въ драматическомъ развитіи избранной имъ истины, нельзя не убѣдиться, что онъ глубоко проникнулъ въ составъ жизни, кото-

рою рѣшился вызвать общее сочувствіе къ главной своей мысли. Правильное рѣшеніе дѣла касательно оскорбленной чести, предмета, столь же щекотливаго, какъ и утонченнаго, онъ не побоялся перенести въ область простонародія, котораго не только понятія, но и языкъ на каждомъ шагу должны были затруднять писателя. Онъ умѣлъ такъ счастливо разсчитать всѣ шаги дѣйствующихъ лицъ, такую внести вѣрность въ представленіе ихъ жизни и такъ прекрасно уклониться отъ часто вымышляемыхъ, охлаждающихъ зрителя пособій для возбужденія эффектовъ, что все драматическое въ его созданіи приходитъ само собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе той жизни, которую онъ понялъ и разложилъ. Самое высшее достоинство сочиненія его заключается въ удивительной простотѣ движенія драмы. Но это не простота безжизненности или отсутствія потрясеній. Напротивъ, съ каждымъ поступленіемъ впередъ, съ каждою перемѣною положенія лицъ, вамъ становится все страшнѣе и тягостнѣе отъ предчувствія неотвратимыхъ слѣдствій той роковой нити, за которую всѣ открыто передъ вами держатся. По выраженію самого автора, тутъ дѣйствительно есть что-то въ родѣ неотвратимой «Судьбы», которая такъ многозначительна была у древнихъ.

Замѣчательно, что изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ни одно не внушаетъ вамъ чувства, сколько-нибудь отталкивающаго отъ него. Сколько ни различны они между собою, каждое вызываетъ сочувствіе къ положенію своему. Но какъ основа созданія представляетъ ихъ сближеніе невозможнымъ, то и положеніе зрителя становится болѣе и болѣе драматическимъ. Присутствіе неотвратимаго бѣдствія, за которое не можешь кого-нибудь покарать и облегчить себя местію, ложится на душу какъ разбитая собственная твоя жизнь. Это высшая степень успѣха въ изящномъ искуствѣ.

Отношенія двухъ противоположныхъ сословій нисколько не затрудняютъ автора: онъ изображаетъ ихъ вѣрно и съ такою точностію, что драма сохраняетъ все единство занимательности своей и своего характера. Каждое лицо находитъ въ собствен-

номъ сердцѣ столько логическихъ, человѣческихъ побужденій въ защиту дѣйствій своихъ, что безъ затрудненія оправдываешь ихъ жизнь и примиряешься съ ея понятными заблужденіями. Нѣтъ задуманныхъ намековъ на побочныя обстоятельства политическія или сословныя: авторъ дорожитъ однимъ общечеловѣческимъ, глубоко изучивши тайны сердца, страстей и выведенныхъ имъ характеровъ. Отъ искусныхъ, завлекательныхъ театральныхъ соображеній часто увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ самыя посредственныя произведенія драматической поэзіи. Но этотъ успѣхъ и проходитъ скоро. Удачный вымыселъ, какъ всякое внѣшнее украшеніе, по мѣрѣ повторенія пьесы, теряетъ цѣну. Но явленія, прямо и поразительно выведенныя изъ дѣйствительности, чѣмъ многостороннѣе постигаются, тѣмъ выше оцѣниваются. Такая будущность ожидаетъ и всякую сцену «Горькой Судьбины».

Многимъ у насъ она можетъ съ перваго раза показаться слишкомъ низведенною съ театральнаго возвышенія. Мы не привыкли къ анализу ощущеній простого народа, принявъ непочатую искуствомъ жизнь его за что-то лишенное страстей и внутренней борьбы. Это произошло отъ безмѣрной отдаленности, на которой гражданская жизнь и умственное образованіе поставили у насъ два крайнія сословія. Въ какой мѣрѣ этотъ взглядъ ошибоченъ, нѣтъ надобности распространяться въ изъясненіи. Довольно согласиться въ томъ, что, при всемъ различіи проявленія духовной дѣятельности, въ сущности своей она одна и та же, исходя изъ одного и того же источника. Тѣмъ труднѣе было автору «Горькой Судьбины» бороться въ задуманной имъ драмѣ съ препятствіями новыми и почти никѣмъ не тронутыми. Жизнь русской крестьянской семьи; отношенія членовъ ея между собою; связывающія, отталкивающія, примиряющія и возмущающія ихъ ощущенія и страсти; участіе во всѣхъ измѣненіяхъ жизни сельскаго ихъ общества; привычки, нравы, характеры отшатнувшейся отъ хорошаго общества власти; разноголосица нестройнаго суда; наконецъ, преобладаніе голоса вѣры и совѣсти надъ всѣми увлеченіями земныхъ побужденій — все это вошло въ разсматриваемое

нами сочиненіе и потребовало отъ автора созданія плана, столь же отчетливаго, какъ и незамѣтнаго, явленій естественныхъ, но быстро подвигающихъ ходъ сочиненія, красокъ мѣстности и времени, особеннаго языка, который у насъ принимаетъ свои термины, свои обороты, свои украшенія не только въ каждомъ сословіи, но и въ каждой мѣстности. Авторъ съ изумительнымъ знаніемъ обдумалъ всѣ до одной черты въ составѣ картины, столь новой по содержанію и столь трудной по исполненію. Она такъ органически обработана, что нѣтъ возможности не испортить цѣлаго, отнявши какую-нибудь часть для отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Предметъ, наиболѣе подлежащій спору, есть языкъ, какимъ написано сочиненіе. Онъ безъ малѣйшаго измѣненія перенесенъ изъ устъ простонародія въ сферу литературы. Столь смѣлую новизну довольно найдется причинъ и защищать и обвинять. Главный, общій и, можно прибавить, единственный законъ, который соблюдать обязаны всѣ писатели, требуетъ, чтобы языкъ, во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, оставался правильнымъ. Этотъ законъ легко исполнить, когда рѣчь автора, чего бы она ни касалась и о какомъ бы лицѣ ведена ни была, идетъ отъ него самого. Если же всѣ рѣчи, авторомъ придумываемыя, передаются намъ заступающими его мѣсто лицами, отъ которыхъ мы не слыхивали правильныхъ, такъ называемыхъ литературныхъ оборотовъ и выраженій, то вышеприведенный законъ явится въ исполненіи какъ бы нарушеніемъ самого себя. Не можетъ быть спора только о законѣ мысли, т. е. о законѣ логики; а все, что временно узаконено въ грамматикѣ и что, какъ безпрерывно видимъ въ исторіи всѣхъ языковъ, не избѣгнетъ измѣненія, о томъ еще позволительно спорить, позволительно сомнѣваться и даже оставаться при своемъ мнѣніи. Тутъ начинается область соображенія, выбора, вкуса. Такимъ образомъ, никто не усомнится, что объ языкѣ «Горькой Судьбины» надобно ожидать разныхъ и, можетъ быть, совершенно противоположныхъ мнѣній. Согласить эти мнѣнія никакой не предвидится возможности: драма написана просто-

народнымъ языкомъ, господствующимъ не повсемѣстно въ Россіи, а въ одной области, гдѣ автору удалось изучить его въ совершенствѣ. Но если бы и открылось, что эта мѣстная правильность простонародія нѣсколько нарушена авторомъ, онъ все же останется творцомъ драмы, удивительной по сценическимъ совершенствамъ.

«Горькая Судьбина» принадлежитъ перу г. Писемскаго, сочинителя многихъ повѣстей и разсказовъ, давно пользующихся у насъ всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

«Гроза»—драма г. Островскаго. Авторъ преимущественно посвятилъ свой талантъ драматическому роду поэзіи. Онъ особенно замѣчателенъ такъ называемыми типическими лицами. Изучивъ бытъ русскаго купеческаго сословія, онъ постоянно выводитъ изъ него на сцену характеры, разнообразя свои сочиненія богатствомъ красокъ жизни и самыми вѣрными чертами домашняго быта.

Въ новой своей драмѣ онъ расширилъ сферу для дѣятельности таланта своего. Не семья одна съ обычными видоизмѣненіями лицъ и характеровъ ихъ составляетъ предметъ изученія поэта: ему захотѣлось воспользоваться, въ нѣкоторомъ отношеніи, общественною жизнію маленькаго русскаго городка, прекраснымъ его мѣстоположеніемъ на берегу Волги, особенностями полусельскихъ и полугородскихъ обычаевъ нашихъ, столкновеніями еще замѣтно господствующаго невѣжества и уже, хотя случайно, проглядывающей образованности. На такомъ основаніи, которое во-первыхъ крѣпко, потому что авторъ всегда описываетъ только то, что онъ дѣйствительно изучилъ, а во-вторыхъ, которое богато просторомъ, раздвинувшись на всю пестроту мѣстной жизни,—на такомъ основаніи г. Островскій постановилъ пятиактную драму. Главный интересъ сосредоточенъ на существѣ, по характеру, по воображенію и по сердцу самомъ поэтическомъ. Богатая купчиха, вдова, женщина грубая и самовластная, тяготѣетъ надъ своимъ семействомъ, какъ нестерпимое ярмо. Подъ деспотическою властію свекрови изнываетъ, ни откуда не

видя ни утѣшенія, ни защиты, молодая женщина, которой мужъ, въ безвыходномъ своемъ загонѣ и ничтожествѣ, только и услаждается, исподтишка предаваясь пьянству, а сестра его, лукавая со всѣми, никого не любитъ и всѣхъ обманываетъ. Надъ жертвою несчастнаго брака воображеніе автора умѣло совокупить черты привлекательныя и трогательныя, изъ которыхъ въ сущности своей ни одна не отходитъ отъ русскаго типа молоденькой несчастливицы въ ея убійственномъ положеніи. Въ домашнемъ быту она дѣтски покорна безжалостной свекрови своей, хотя и чувствуетъ всю несправедливость грубаго ея съ нею обхожденія. Въ мужѣ своемъ она не смѣетъ презирать даже пороковъ его, покоряясь судьбѣ своей, какъ предназначенію свыше. Сестру его она и не подозрѣваетъ ни въ какомъ дурномъ умыслѣ, чувствуя, что и надъ нею лежитъ тяжесть ихъ общей притѣснительницы.

Но въ тѣ мгновенія, когда мысль ея возвращается къ жизни прошлой, къ невиннымъ забавамъ ея дѣтства, къ тому счастію, которымъ ее окружала мать, и ко всѣмъ предметамъ, занимавшимъ ее до замужества, эта самая женщина представляется въ другомъ образѣ, оживленная, полная прелести ощущеній чистыхъ, не фантастическихъ, но послѣдовательно сопровождающихъ простую, мирную жизнь счастливой дѣвушки въ благочестивомъ и безбѣдномъ домѣ добрыхъ родителей, сохраняющихъ прародительскіе нравы. Обо всемъ этомъ она разсказываетъ такъ:

«Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключикъ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ, цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церьковь, всѣ, и странницы — у насъ полонъ домъ былъ странницъ, да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ; а странницы станутъ разсказывать, гдѣ онѣ были, что́ видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы, да пѣніе. Таково хорошо было!»

Подъ вліяніемъ столь прекрасныхъ впечатлѣній, душа, въ

сферѣ самой простой жизни, незамѣтно становится открытою поэтическимъ, высшимъ внушеніямъ, и даже безсознательно чувствуетъ потребность въ сліяніи съ другою душой, родственной съ нею по ощущеніямъ и желаніямъ. На этомъ законѣ естественной симпатіи одинаково мыслящихъ и одинаково чувствующихъ существъ основана завязка драмы, оканчивающейся самовольною смертію жертвы роковой любви. Въ драматической ея исторіи все идетъ постепенно и понятно. Въ изложеніи переходовъ ея сердца отъ одного чувства къ другому ничего нѣтъ ни ошибочно придуманнаго, ни черезъ мѣру усиленнаго. Вы съ истиннымъ участіемъ входите въ положеніе ея; чувствуете, что въ ея отношеніяхъ къ мужу и прочимъ лицамъ семейства ничего нѣтъ неправильнаго, ничего вызывающаго укоризну. Наконецъ самое заблужденіе ея, въ которомъ она дошла до возмутительнаго проступка, такъ связано съ неотвратимыми обстоятельствами ея семейнаго положенія, что оно вызываетъ одно невольное сожалѣніе — и тутъ-то выказывается полный успѣхъ драматическаго дарованія автора.

Прочія типическія лица сочиненія въ полномъ свѣтѣ представляютъ общественную жизнь городка, въ которомъ совершается драма. У сочинителя столько въ запасѣ характеровъ, ихъ странностей и поучительныхъ для наблюдателя чертъ, что сцены постоянно интересны и любопытны; драматическое движеніе нигдѣ не ослабѣваетъ, а между тѣмъ общественныя отношенія и естественный ходъ жизни никакимъ искуственнымъ усиліемъ не нарушены и не ослаблены. Самый языкъ дѣйствующихъ лицъ нигдѣ не вызываетъ сомнѣнія на счетъ вѣрности своей и не подлежитъ никакому спору относительно оборотовъ рѣчи и выбора выраженій.

Основываясь на несомнѣнныхъ достоинствахъ той и другой драмы со стороны воспроизведенія въ нихъ жизни, полной глубокаго анализа души человѣческой, и со стороны характеровъ, вызванныхъ къ дѣятельности, столь неослабной и вмѣстѣ назидательной, принимая въ соображеніе независимость и силу дарованія

сочинителей, ихъ вліяніе на успѣхи искуства, преимущественно образующаго общество, я нахожу вполнѣ справедливымъ наградить гг. Писемскаго и Островскаго тою преміею, какою, на основаніи положенія о драматическихъ наградахъ графа Уварова, увѣнчивается каждое отлично-хорошее драматическое сочиненіе.

РѢЧЬ НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО [1].

1861.

Въ Императорской Академіи наукъ, по Отдѣленію русскаго языка и словесности, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій состоитъ ординарнымъ академикомъ съ 19-го октября 1841 года, бывши прежде дѣйствительнымъ членомъ Императорской Россійской Академіи со 2-го октября 1839 года. Этимъ почетнымъ избраніемъ онъ обязанъ постоянному участію и счастливымъ успѣхамъ въ отечественной литературѣ, явившись въ средѣ русскихъ писателей шестнадцати лѣтъ отъ роду. Какъ истинный художникъ полюбивъ благородный трудъ и отдавшись всею душой чистому удовольствію высокаго искуства, онъ еще ни однажды не позаботился о соединеніи всѣхъ сочиненій своихъ въ одномъ полномъ изданіи. По преимуществу поэтъ живыхъ ощущеній, то рѣзкихъ, то глубокихъ мыслей, защитникъ правды и бичъ глупости, онъ на каждомъ изъ своихъ стихотвореній оставилъ слѣдъ

---

[1]) Описаніе этого юбилея издано отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: *Юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1861. 8°. 60 стр. На оборотѣ обертки надпись: «Напечатано въ пользу кассы общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Такъ какъ брошюра эта, составленная П. А. Плетневымъ, не вошла ни въ какой сборникъ, то здѣсь, передъ произнесенной имъ рѣчью помѣщается и вступленіе къ описанію всего торжества.

ума остраго, языка оригинально-выразительнаго и впечатлительности неподражаемой. Замѣчательнѣе всего, что самые разнородные виды художественной красоты у него являются въ одинаковомъ совершенствѣ. То, что называется гнѣвною сатирой, игривымъ описаніемъ, веселою пѣсней, меланхолическою элегіей, самою колкою эпиграммой, все ему такъ дается, какъ бы всякій изъ этихъ характеровъ былъ его исключительнымъ призваніемъ. Въ его прозѣ преобладаетъ сила мысли. Онъ въ короткихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ умѣетъ заключить то, что составляетъ всю сущность изслѣдованія. Его книга о Фонъ-Визинѣ принадлежитъ въ русской литературѣ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ въ критико-историческомъ родѣ. Первымъ опытомъ авторскаго его дарованія было «Посланіе къ*** въ деревню», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 года (томъ IV, стран. 178). Такимъ образомъ, пятидесятилѣтіе литературныхъ трудовъ его исполнилось еще въ октябрѣ 1858 года.

Къ сожалѣнію своему, Академія наукъ не могла въ то время приступить къ торжественному выраженію полнаго сочувствія своего и уваженія къ сознаваемымъ всѣми заслугамъ академика, потому что разстроенное здоровье, въ это самое время, удерживало его за границею. Подобнымъ образомъ и слѣдовавшіе затѣмъ два года не оказались вполнѣ удобными для празднованія юбилея, по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ академика.

Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года, Академіи удалось привести въ исполненіе давнишнее ея желаніе. Графъ Д. Н. Блудовъ, президентъ Академіи наукъ, по докладу объ этомъ непремѣннаго секретаря, ходатайствовалъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на празднованіе Академіею исполнившагося пятидесятилѣтія литературныхъ трудовъ академика, столь уважаемаго и любимаго всѣми. Въ 20-й день февраля послѣдовало на то высочайшее разрѣшеніе. Днемъ праздника избрано было 2-е марта.

Приготовляя торжественное собраніе для выраженія чувствъ любви и почтенія одному изъ товарищей своихъ, академики пред-

угадывали, что для полнаго оживленія праздника, который не можетъ повториться въ теченіе жизни одного и того же лица, недостаточно ихъ исключительнаго присутствія, болѣе или менѣе всегда официальнаго. Любящей душѣ еще дороже въ такихъ случаяхъ раздѣлить съ ближайшими къ сердцу какъ впечатлѣнія свои, такъ и все, что въ ней на жизнь должно остаться. Это соображеніе побудило Академію сообщить нѣсколькимъ лицамъ изъ родственнаго круга князя П. А. Вяземскаго о предположенномъ праздникѣ и просить ихъ составить списокъ тѣхъ особъ, которыя, принадлежа къ числу его родныхъ или друзей, или находясь въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, неожиданнымъ присутствіемъ своимъ въ собраніи Академіи могли бы доставить ему тѣмъ живѣйшее удовольствіе.

Такимъ образомъ найдено было средство снять съ академическаго собранія всю формальность нѣсколько холодныхъ засѣданій, удержать въ немъ прелесть дружескаго общества и окружить чествуемаго академика привѣтствіями, столько же для его заслугъ утѣшительными, сколько и для сердца его драгоцѣнными.

Распоряженіями по устройству праздника завѣдывали: Н. А. Мухановъ, А. В. Веневитиновъ и кн. В. Ф. Одоевскій. Для пріема гостей назначена была въ Академіи такъ называемая малая конференцъ-зала, а въ столовую обратили большую залу торжественныхъ собраній Академіи. Въ полукружіи, что въ глубинѣ большой залы, размѣщены были музыканты. На противоположной сторонѣ явилась прекрасная эстрада, вся закрытая растеніями и цвѣтами. На ней помѣстились дамы. Все прочее пространство оставалось для обѣденнаго стола.

Непремѣнный секретарь Академіи К. С. Веселовскій и предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности П. А. Плетневъ, за нѣсколько времени до обѣда, отправились на квартиру академика князя П. А. Вяземскаго съ приглашеніемъ на приготовленный для него праздникъ. Выслушавъ ихъ привѣтствія, онъ съ обычною своею скромностію выразилъ представителямъ Академіи признательность за оказываемую ему честь, не

иначе ее принимая, какъ видимый знакъ, столь пріятныхъ для него, дружескихъ отношеній между товарищами по Академіи.

Между тѣмъ, около пяти часовъ, сборная зала наполнилась гостями. Виновникъ торжества, при появленіи своемъ, радостно окруженъ былъ собраніемъ, во главѣ котораго находились: принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій и президентъ Академіи графъ Д. Н. Блудовъ.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, выразивъ отъ лица товарищей г. министру народнаго просвѣщенія полную признательность за постоянное его содѣйствіе къ поддержанію благосостоянія и чести Академіи, обратился къ князю П. А. Вяземскому и произнесъ:

Собраніе, окружающее здѣсь васъ въ нынѣшній день, приноситъ вамъ, князь Петръ Андреевичъ, двойственную дань—дань уваженія и любви.

Товарищи ваши, академики, радостно поспѣшили воспользоваться совершившимся пятидесятилѣтіемъ вашей литературной дѣятельности, чтобы торжественно высказать вамъ, какъ высоко цѣнятъ они свѣтлый умъ вашъ и ваше самобытное, прекрасное дарованіе.

Но Академія, въ этотъ праздникъ свой, лишила бы себя и васъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ пріятныхъ ощущеній, если бы не пріобщила къ своему кругу другихъ товарищей вашихъ, болѣе близкихъ вашему сердцу, вашихъ родныхъ и друзей. Ихъ присутствіе придаетъ нашему академическому собранію видъ домашняго круга вашего, и наши голоса, наши рѣчи, обращенныя къ заслугамъ академика, получаютъ звуки и выраженіе тѣхъ задушевныхъ словъ, въ которыхъ вы привыкли слышать одно выраженіе давней, неизмѣнной любви, этой общей дани вашему прекрасному сердцу.

Между нами, въ настоящую эпоху, положеніе ваше исключительное и конечно самое завидное. Въ числѣ академиковъ, вы одни являетесь здѣсь съ благодатью надъ челомъ, со звѣздою

поэзіи. По смыслу этого слова, ваши идеи, вашъ языкъ получаютъ для васъ значеніе творчества. Вы общимъ академическимъ трудамъ нашимъ доставляете вдругъ и обогащеніе и законность. Еще въ классической древности опредѣлили, что можно сдѣлаться ученымъ, а поэтомъ надобно родиться. Отъ того-то истинныя красоты поэзіи для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ равно неувядаемы.

Какъ художникъ по призванію, вы проходите поприще свое независимо и твердо. Въ произведеніяхъ вашихъ все носитъ только вамъ принадлежащій характеръ. Блестящій умъ вашъ умѣетъ сводить самые разнородные предметы въ такіе картины и образы, которыхъ неожиданность, вѣрность и живость неизгладимо напечатлѣваются на воображеніи. Созданный вами языкъ, болѣе нежели чей-нибудь изъ нашихъ писателей, доходитъ до сердца каждаго русскаго, и трогательно отзывается въ немъ, какъ тѣ родные, такъ любимые нами, звуки и выраженія, которые въ неизмѣнномъ языкѣ народа нашего, на всемъ протяженіи тысячелѣтней исторіи его, переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому, всегда равно всѣмъ понятны, услаждительны и незамѣнимы.

Шестнадцати лѣтъ посвятились вы въ поэты. Изъ рукъ образователя и законодателя языка нашего, когда самъ онъ приступилъ къ безсмертному труду «Исторіи Государства Россійскаго», приняли васъ въ дружеское сообщество свое Жуковскій и Батюшковъ. Скоро присоединился къ вамъ и тотъ чудный отрокъ, который въ это время еще беззаботно игралъ въ царскосельскихъ садахъ, но уже отмѣченъ былъ рукою генія. Какое время! какія воспоминанія! Говоря объ этихъ людяхъ, кто можетъ не сочувствовать имъ? Но, раздѣляя съ ними все, и мысли ихъ, и вкусъ, и высокія убѣжденія, вы прекрасно сохранили за собою тотъ избранный дарованіемъ вашимъ удѣлъ, въ которомъ остались независимымъ и безспорнымъ владѣльцемъ.

Не молодость, не суетность, не примѣръ и не первый даже успѣхъ вызвали и удержали васъ на служеніи строгому искуству. Если бы, глубоко, въ сокровенномъ храмѣ вашего сердца, сама при-

рода не зажгла этого священнаго огня, трудно вамъ было бы цѣлое полстолѣтіе поддерживать и охранять его отъ всѣхъ искушеній жизни, отъ всѣхъ оборотовъ счастія. Проникая въ тайныя помышленія души вашей, какъ и вы, мы благодаримъ Бога за все, ниспосланное вамъ. Но въ то же время не можемъ не благодарить и прямо васъ за назидательный примѣръ, какой даете вы намъ своею покорностію волѣ Провидѣнія, своею любовію къ поэзіи, очищающей душу и возвышающей мысли, наконецъ своею неизмѣнностію въ сохраненіи того истиннаго достоинства, которое заключено, по счастливѣйшему выраженію Жуковскаго, въ одномъ словѣ «человѣкъ».

Много эпохъ пережили вы, князь Петръ Андреевичъ, и въ политическомъ мірѣ и въ литературномъ. Много видѣли вы колебаній въ томъ и другомъ. Людскія славы передъ вами восходили и заходили. Вы на все смотрѣли какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Много намъ передали вы своихъ завѣтныхъ думъ. Конечно, еще болѣе вы храните ихъ въ назиданіе тѣмъ, которые, какъ вы, нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину. Но вы и нынѣ благодушно встрѣчаете все, все, что съ любовью и надеждой на добро несетъ вѣрующій въ свое время человѣкъ. За это христіанское чувство примите наше общее привѣтствіе. Для насъ было слеемъ ваше «Слово примиренія», и пусть останутся навѣкъ девизомъ нашимъ золотые въ немъ стихи:

«Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука!
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!»

Примите же, князь, единодушное, сердечное желаніе наше чтобы долго, долго слышенъ былъ между нами вашъ голосъ, и долго находили бы мы то сочувствіе въ васъ, которое, какъ высоко-поднятое знамя, однимъ присутствіемъ своимъ радуетъ и одушевляетъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ [1].

I.

Литература должна имѣть свою прагматическую исторію. Событіями въ литературѣ изображается жизнь умственной производительности, опредѣляется сила душевныхъ способностей и ярко обрисовываются эпохи всемірной исторіи человѣчества. Исторія есть поучительное созерцаніе этихъ явленій. Она ускоряетъ опытность, то есть, совершенствуетъ человѣчество. Произведенія Пушкина принадлежатъ исторіи литературы. Въ каждомъ изъ нихъ есть отпечатокъ мысли самобытной, отпечатокъ, достойный вниманія по своей новости, ясности и твердости. Въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина помѣщено будетъ все, что было гдѣ-нибудь напечатано при жизни его. Найденныя по смерти его сочиненія въ рукописяхъ составятъ особенное изданіе. Но есть, кажется, способъ еще болѣе услужить исторіи литературы, еще живѣе выразить вниманіе къ памяти столь любимаго современниками поэта, и показать въ нѣкоторомъ смыслѣ

---

[1]) Здѣсь помѣщаются два отрывка, написанные Плетневымъ вскорѣ послѣ смерти поэта и оставшіяся въ рукописи: очевидно, что они назначались для *Современника*; но въ двухъ статьяхъ которыя тамъ посвящены издателемъ памяти Пушкина (см т. I настоящаго изданія, стр. 335 и 364) мы не находимъ этой редакціи.

уваженіе къ потомству. Надобно предположить, что не всѣ произведенія литературы, какими только ознаменовалась мысль Пушкина, соединены были въ его бумагахъ. Дѣятельность духа его была изумительна. По своей неодолимой склонности къ переѣздамъ изъ одного мѣста въ другое, онъ писалъ, такъ сказать, кочуя. Сколько должно находиться бѣглыхъ его стихотвореній, вдохновенныхъ замѣтокъ и другихъ безцѣнныхъ памятниковъ таланта въ рукахъ особъ, бывшихъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ! Не касаясь совершенно частныхъ писемъ, изъ однихъ его чисто литературныхъ мнѣній конечно можно составить любопытное дополненіе къ его сочиненіямъ. Все на него дѣйствовало необыкновенно сильно. Но литература была исключительно его любимою сферою. Еще въ Лицеѣ онъ за нею сталъ слѣдить какъ участникъ. Такимъ образомъ съ каждымъ обрѣтеніемъ новаго изъ его произведеній болѣе получала бы цѣлости картина его созданій, и доходила бы до того совершенства, въ которомъ судъ надъ нею сдѣлается и правымъ и наставительнымъ. Сколько полноты сообщится его біографіи, безъ которой, какъ безъ ключа, нельзя проникнуть въ таинство самой поэзіи.

Издатель *Современника* надѣется долго и постоянно вести статью подъ тѣмъ названіемъ, которымъ началъ онъ «Современныя Записки». Убѣжденный въ общей любви къ успѣхамъ отечественной словесности, онъ не считаетъ мысли своей о дополненіи изданій Пушкина принадлежащею только себѣ: безъ сомнѣнія, это желаніе каждаго, кто понимаетъ цѣну народной славы. Пушкинъ былъ основателемъ *Современника*. Въ этомъ журналѣ помѣщаемы будутъ и новыя пьесы его, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, если только онѣ въ прямомъ отношеніи къ пользѣ литературы—и, необходимое условіе, если доставляемы будутъ въ оригинальныхъ рукописяхъ Пушкина, которыя издатель обязуется возвращать по принадлежности. Подобно большей части нынѣшнихъ литераторовъ, издатель *Современника* также былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, который даже, на время отъѣздовъ своихъ изъ Петербурга, нерѣдко по-

ручалъ ему надзоръ за печатаніемъ своихъ сочиненій. Это обстоятельство, въ сущности своей ничего не значащее, привело его къ постоянной переепискѣ съ поэтомъ, а теперь даетъ возможность издателю вносить въ *Современникъ* нѣкоторыя черты, замѣчательныя для будущаго біографа Пушкина, и представлять любителямъ словесности хранящіеся у него отрывки въ стихахъ, варіанты печатныхъ пьесъ и всякаго рода литературные памятники.

II.

Опредѣляя характеръ писателя, какъ человѣка, по господствующему тону и выходкамъ ума въ его сочиненіяхъ, трудно заключить, что Пушкинъ былъ застѣнчивъ и болѣе многихъ нѣженъ въ дружбѣ. Между тѣмъ это справедливо. Его умъ, отъ природы необыкновенно проницательный и острый, въ сочиненіяхъ высказывался во всей силѣ своей. Въ уединеніи, на просторѣ, не связывало его ничто внѣшнее. Но общество, особенно гдѣ Пушкинъ бывалъ рѣдко, почти всегда приводило его въ замѣшательство, и отъ того оставался онъ молчаливъ и какъ бы недоволенъ чѣмъ-нибудь. Онъ не могъ оставаться тамъ долго. Прямодушіе, также отличительная черта характера его, подстрекало къ свободному выраженію мыслей, а робость противодѣйствовала. Притомъ же совершенную привычку онъ сдѣлалъ только къ высшему обществу, или къ самому тѣсному кругу пріятелей. Въ обоихъ случаяхъ онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Итакъ все, что затаивалось въ душѣ его при другихъ обстоятельствахъ, сильно и рѣзко выражалось подъ легкимъ перомъ его.

Онъ выросъ въ Лицеѣ, окруженный товарищами, которыхъ не переставалъ любить до смерти. Связь эта равнымъ образомъ послужила къ тому, чтобы укоренить въ немъ особенности характера его. Никто не провелъ счастливѣе отрочества своего и первой юности. Онъ былъ оракуломъ этой молодежи, возраставъ-

шей съ какими-то радужными надеждами. Пушкинъ тогда уже составлялъ себѣ ясное понятіе только о двухъ положеніяхъ въ свѣтѣ: быть или между друзьями, или посреди непринужденнаго, но холоднаго общества. Чувство чести, доведенное до тончайшей щекотливости, выражалось поминутно во всѣхъ его сношеніяхъ. Но къ другимъ онъ столько же былъ строгъ, какъ и къ самому себѣ. На благородствѣ его слова безопасно можно было успокоиться.

Собою не владѣлъ онъ только при такихъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ все должно было обрушиться на него лично. Онъ почти не умѣлъ распоряжаться ни временемъ своимъ, ни другою собственностію. Иногда можно было подумать, что онъ безъ характера: такъ онъ слабо уступалъ мгновенной силѣ обстоятельствъ. Между тѣмъ ни за что онъ столько не уважалъ другого, какъ за характеръ. Онъ говорилъ, что характеръ очищаетъ въ человѣкѣ все неприличное его достоинству. Такъ хорошо понималъ онъ все прекрасное въ другомъ. Пылкость его души въ сліяніи съ ясностію ума образовала изъ него это необыкновенное, даже странное существо, въ которомъ всѣ качества приняли видъ крайностей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛОМОНОСОВЪ [1].

1820.

Въ странѣ угрюмой и пустой,
Гдѣ только дикой красотой
Природа поражаетъ взоры;
Гдѣ въ грозной прелести своей
Растутъ изъ безднъ морскихъ зыбей
И носятся въ волнахъ льдяныя горы;
Гдѣ обнаженные стоятъ кругомъ лѣса
И солнце хладное сіяетъ,
Гдѣ ночь на полгода скрываетъ
Подъ мрачную завѣсу небеса, —
Тамъ юноша, сынъ дикой сей природы,
Склонивши взоръ съ гранитныхъ скалъ
На льды, на пѣнистыя воды,
Мечтою темною искалъ
За таинственной далью
Счастливыхъ береговъ:
И все сливалося съ его печалью,
Бесѣдуя безъ словъ,
И скалы, мнилось, въ край невѣдомый смотрѣли,
Куда мечты его летѣли....

Покинувъ кущи рыбарей,
Пріютъ своихъ первоначальныхъ дней,
Съ душою, полной упованья,

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. росс. слов.* (*Соревнователь*) 1820, т. XI, стр. 91, подъ заглавіемъ: «Голосъ природы».

На голосъ тайнаго призванья,
Онъ въ край незнаемый пошелъ.
Куда же рокъ его привелъ?
О сердца вѣрные обѣты!
О свѣтлый на природу взоръ!
Сей юноша, пришлецъ изъ Холмогоръ,
Прославилъ вѣкъ Елисаветы!

НЕВОЛЬНОЕ БЕЗСМЕРТІЕ [1].

1820.

Отецъ боговъ, Зевесъ
Въ обитель свѣтлую свою вознесъ
Счастливца Ганимеда.
Но юноша, родной покинувъ лугъ,
Заплакалъ вдругъ
Среди веселаго боговъ обѣда.
Что сдѣлалось съ тобой?
Спросила юношу Киприда.
«Богиня, этою порой,
Бывало, всякій день со мной
Видалася Филлида!
Теперь умретъ она съ печали на лугу:
А я—и умереть я не могу!»

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. р. сл.* 1820, т. X, стр. 183.

СИРОТА [1]).

1820.

Изъ дальней стороны пришла въ дельфійскій храмъ
Съ младенцемъ-сыномъ мать, и, въ прахъ передъ кумиромъ
Повергшись, воззвала: Внемли моимъ мольбамъ,
Латоны сынъ! Отверженные міромъ,
Чего осуждены въ грядущемъ ждать
Притекшіе въ твой храмъ и сирота и мать?»
И пролилась въ ея слезахъ безмолвныхъ вѣра:
И съ трепетомъ она отвѣта бога ждетъ,
Что́ на земли имъ тайный рокъ пошлетъ. —
Утѣшься (былъ ей гласъ): ты мать Омера!

[1]) *Труды Вольн. Общ. росс. сл.* 1820, X, 182. *Опытъ Русской Анѳологіи.* Спб. 1828, стр. 101.

СПАСЕНІЕ [1]).

1821.

Недуга тяжкаго безвременная жертва,
Къ одру мученія прикована, полмертва,
Спѣшила взорами благословенье дать
Стенящей дочери хладѣющая мать.
Уже прерывное дыханіе слабѣло
Въ покрытыхъ блѣдностью, недвижимыхъ устахъ;
Уже мерцанье дня въ очахъ ея темнѣло,
И отлетала жизнь на вѣющихъ крылахъ;
За нею понеслись послѣднія надежды,
И перстъ невидимый уже смыкалъ ей вѣжды.
И пала предъ Творцомъ въ слезахъ съ молитвой дочь:
«Создатель, пріими горячее моленье!
Пусть вѣчная меня въ сей мигъ сокроетъ ночь,
Лишь матери моей пошли Ты исцѣленье!
Мнѣ жизнь невѣдома: ни мукъ ея, ни благъ

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. россійск. сл.* 1821, т. XIV, стр. 195.

Моя спокойная душа не испытала;
Для матери одной я жить еще желала:
Съ лобзаніемъ моимъ пускай въ ея устахъ
Согрѣется опять остывшее дыханье
И жизнь съ моей душой въ нее перетечетъ!»
И вѣра пролила ей въ душу упованье.
Невѣдомый восторгъ къ одру ее влечетъ.
Горячія уста, прижавъ къ устамъ холоднымъ,
Съ любовью дѣтскою она лобзаетъ мать:
И не было ея моленіе безплоднымъ;
И погибавшая свободнѣе дышать
Отъ сладостной любви предъ ней мгновенно стала,
И жизнь ее опять въ объятія пріяла.

БАТЮШКОВЪ ИЗЪ РИМА [1].

(Элегія.)

1821.

Напрасно — вѣтреный поэтъ —
Я васъ покинулъ, други,
Забывъ утѣхи юныхъ лѣтъ
И милые досуги!
Напрасно изъ страны отцовъ
Летѣлъ мечтой крылатой
Въ отчизну пламенныхъ пѣвцовъ
Петрарки и Торквато!
Напрасно по лугамъ брожу
Авзоніи прелестной,
И въ сердцѣ радости бужу,
Смотря на сводъ небесный!
Ахъ! неба чуждаго красы
Для странника не милы;

[1]) *Сынъ Отечества.* 1821, № 8, ч. 68, стр. 35, безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Б.... овъ изъ Рима (Элегія)». См. П. Бартенева *Пушкинъ въ Южной Россіи.* М. 1862, стр. 137.

Не веселы забавъ часы,
И радости унылы!
Я слышу нѣжный звукъ рѣчей
И милые привѣты;
Я вижу голубыхъ очей
Знакомые обѣты:
Напрасно нѣга и любовь
Сулятъ мнѣ упоенья —
Хладѣетъ пламенная кровь
И вянутъ наслажденья.
Веселья и любви пѣвецъ,
Я позабылъ забавы;
Я снялъ свой миртовый вѣнецъ
И дни влачу безъ славы.
Порой, на Тибръ склонивши взоръ,
Иль встрѣтивъ Капитолій,
Я слышу дружескій укоръ,
Стыжусь забвенной доли...
Забьется сердце для войны,
Для прежней славной жизни —
И я изъ дальней стороны
Лечу въ края отчизны!
Когда я возвращуся къ вамъ,
Отечески Пенаты,
И снова жрецъ вашъ, ѳиміамъ
Зажгу средь низкой хаты?
Храните мечъ забвенный мой
Съ цѣвницей одинокой!
Я весь дышу еще войной
И жизнію высокой.
А вы, о милые друзья,
Простите ли поэта?
Онъ видитъ чуждыя поля
И бродитъ безъ привѣта.
Какъ пѣть ему въ странѣ чужой?
Узритъ поля родныя —
И тронетъ въ радости нѣмой
Онъ струны золотыя.

ЖУКОВСКІЙ ИЗЪ БЕРЛИНА [1].

1821.

Свершились думы прежнихъ лѣтъ
И давнія желанья:
Уже привѣтствовалъ поэтъ
Края очарованья,
Пѣвцовъ возвышенныхъ страну,
Тевтонскія дубравы,
Поля, гдѣ Клейстъ свою Весну,
Питомецъ Музъ и славы,
Счастливой кистью рисовалъ.
Простясь съ страной родною,
На берегъ чуждый я вступалъ
Съ знакомою мечтою.
Полей необозримый видъ,
Потоковъ водопады—
Все здѣсь для сердца говоритъ
И обольщаетъ взгляды.
Смотрю ли на лазурь небесъ,
На льющіяся воды,
Вхожу ль въ дубовый древній лѣсъ
Подъ вѣковые своды—
Мнѣ тайный слышится привѣтъ
Поэтовъ, мной любимыхъ;
Мнѣ видится ихъ свѣжій слѣдъ
Въ окрестностяхъ, мной зримыхъ...
Душа горитъ огнемъ живымъ
Святого вдохновенья,
И я спѣшу къ струнамъ своимъ
Въ восторгѣ наслажденья.
Но первый звукъ страны родной
Опять меня уноситъ
Въ поля отчизны дорогой,
И сердце снова проситъ

[1]) *Сынъ Отечества* 1822, № 7, ч. 75, стр. 327, за подписью Плетнева, подъ заглавіемъ: «Ж. . . . й изъ Берлина». Подъ стихотвореніемъ означенъ 1821 г.

Веселья юношескихъ дней,
Поры уединенной,
Васъ, незабвенныхъ мнѣ друзей
Подъ кровлей незабвенной!
И скоро ли увижу я,
Чужбины посѣтитель,
Тебя, безцѣнная семья,
И тихую обитель,
Гдѣ я такъ счастливъ съ Музой былъ,
Гдѣ дружбы вѣрной геній
И хладъ тоски со мной дѣлилъ,
И пламень наслажденій.
Быть можетъ, странствія предѣлъ
Мой рокъ еще отдвинулъ;
Быть можетъ, тайно онъ велѣлъ,
Чтобъ я друзей покинулъ
На долгій срокъ: но сердце васъ
Нигдѣ не позабудетъ—
И невнимаемый мой гласъ
Вездѣ просить васъ будетъ.

КЪ ГНѢДИЧУ [1].

1822.

Служитель Музъ и древняго Омера,
Судья и другъ поэтовъ молодыхъ!
Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть тайная, особенная вѣра.
Она къ тебѣ зоветъ меня, поэтъ!
О Гнѣдичъ, дай спасительный совѣтъ:
Какъ жить тому, кто любитъ Аполлона?

[1]) *Новости Литературы* (*Прибавленія къ Русскому Инвалиду*), 1822. Кн. II. стр. 188. Въ сочиненіяхъ Гнѣдича см. его отвѣтъ Плетневу, относящійся къ 1824 году и первоначально напечатанный въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828. Оба стихотворенія перепечатаны вмѣстѣ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1831 г., стр. 57—66. (*Стихотворенія Н. Гнѣдича*. Спб. 1832, стр. 170).

Завиденъ мнѣ счастливый жребій твой:
Съ какою ты спокойною душой
На высотѣ опасной Геликона!
Прекраснаго поклонникъ самъ и жрецъ,
Предъ божествомъ своимъ въ мольбѣ смиренной,
Ты свѣтъ забылъ и судъ его премѣнный,
Ты пренебрегъ минутный въ немъ вѣнецъ,
И отдалъ трудъ и жизнь свою потомству.
А я, слѣпецъ, все ощупью брожу
И, рабствуя, страстямъ моимъ служу:
То, похвалой плѣненный, вѣроломству
Младенчески, какъ дружбѣ, отдаюсь,
И милыя дѣлю съ нимъ сердца тайны;
То, получивъ въ трудѣ успѣхъ случайный,
Съ отважностью за славою стремлюсь,
И падаю, другой Икаръ, въ пучину;
То, измѣнивъ безсмертія мечтѣ,
Ищу любви въ бездушной красотѣ,
И въ Грацін записываю Фрину.
Зачѣмъ скрывать? Въ поэзіи моей
Останется лишь повѣсть заблужденій,
Постыдная уму игра страстей,
А не огонь небесныхъ вдохновеній.

Безсиленъ я владѣть своей душой
И съ Музою согласно жить одной:
Мнѣ нравится то гулъ трубы военной,
То сладкій гласъ свирѣли пастуховъ,
То лиры звукъ, въ тиши уединенной
Ласкающій стыдливую любовь.
Рѣшусь съ утра Омерова Ахилла
Весь день слѣдить въ живыхъ твоихъ стихахъ;
Но вдругъ Омеръ забытъ: въ моихъ мечтахъ
Герой Русланъ и рѣзвая Людмила.
Такъ поутру на пурпурный востокъ,
Гдѣ царь свѣтилъ является прекрасный,
Порой дитя глядитъ съ улыбкой ясной.
Отъ золота лучей горитъ потокъ,
Окрестный лѣсъ и дальнихъ горъ вершины;
Въ его глазахъ чудесныя картины:

Но долго ли займетъ его сей видъ?
Невольникъ чувствъ, ужъ онъ давно бѣжитъ
За мотылькомъ, надъ ближними цвѣтами
Мелькающимъ блестящими крылами.

И Музы мстятъ невѣрностію мнѣ
За рѣзвыя мои въ любви измѣны.
Какъ часто гласъ невидимой Сирены
Мнѣ слышится въ безмолвной тишинѣ!
Склоняю слухъ къ плѣнительному звуку,
И въ радости накладываю руку,
Чтобъ голосъ струнъ съ ея мнѣ пѣньемъ слить:
Коварная мгновенно умолкаетъ;
Восторга звукъ на лирѣ умираетъ,
И я готовъ бездушную разбить.
О сладкое, святое вдохновенье,
Огонь души и сердца упоенье!
Я чувствовалъ, я помню этотъ жаръ,
Какъ Муза мнѣ съ улыбкой мысль внушала:
Передо мной теперь одни начала,
Погибнувшій небесной дѣвы даръ.

Повѣришь ли: я часто въ грусти тайной
Завидую тому, кто, чуждый Музъ,
Съ безпечностью одной хранитъ союзъ
И вѣкъ не зналъ бесѣды ихъ случайной.
Когда младой художникъ посѣтитъ
Развалины разрушеннаго града,
Онъ плачетъ тамъ: онъ горестнаго взгляда
Въ страданіи души не отвратитъ
Отъ славныхъ сихъ разбросанныхъ обломковъ,
Гдѣ въ каждой онъ возвышенной чертѣ
Находитъ дань небесной красотѣ,
Или урокъ, священный для потомковъ:
Такъ я въ нѣмомъ уныніи сижу
Надъ мыслію, счастливо мнѣ внушенной
И въ пламенномъ стихѣ изображенной;
Прикованный, я на нее гляжу,
Какъ на кусокъ разбитаго кумира:
Отброшена безжизненная лира;

Не уловить исчезнувшей мечты,
И не видать мнѣ полной красоты!

Доступный другъ веселью и страданью!
Я все свое принесъ къ тебѣ на судъ,
Все, что сулилъ мнѣ благотворный трудъ,
Что я ввѣрялъ нѣмому упованью;
Я раздѣлилъ всѣ радости съ тобой
И муки всѣ въ моей суровой долѣ:
Скажи, еще ль бороться мнѣ съ судьбой,
Иль позабыть обмановъ сладкихъ поле?
Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
На поприще поэзіи ошибкой:
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
«Сними себя вѣнокъ, ты не поэтъ!»

Е. П. М—ВОЙ [1].

1822.

И сердцемъ и умомъ она опередила
Медлительной чредой идущія лѣта:
Она въ пятнадцать лѣтъ шумъ свѣта разлюбила;
Съ ней подружилася безмолвная мечта,
И клятву вѣрности ихъ ранняго союза
Хранитъ Жуковскаго задумчивая Муза.

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. росс. слов.* 1822, т. XVII, стр. 206, подъ заглавіемъ: «Къ портрету Е. П. М—вой».

КЪ БАРАТЫНСКОМУ [1]).

1822.

Что ласки вѣтренаго счастья
И прелесть всѣхъ его даровъ?
Очарованье легкихъ сновъ
И наслажденье безъ участья.
Есть для души запасъ другой,
Ея вѣрнѣйшее стяжанье:
Богатство чувствъ, восторгъ живой
И необъятное желанье
Со всей природой говорить.
Пускай, по прихоти фортуны,
Въ пустынной тьмѣ я буду жить:
Я буду двигать сердца струны
И вопрошать безмолвный лѣсъ;
Тамъ облегчатъ мое страданье
И легкихъ листьевъ трепетанье
И свѣтъ чуть видимыхъ небесъ.

Вотъ счастье наше, Баратынскій! [2])
Противъ тебя воюетъ рокъ:
Что въ сей войнѣ свершить онъ могъ
Своею силой исполинской?
На зло ему, какъ счастливъ ты
Своей возвышенной душою!
Въ странѣ ужасной пустоты,
Гдѣ только длинною грядою
Скалы гранитныя стоятъ,
Гдѣ только мрачныя шумятъ
На камняхъ выросшія ели
И гдѣ свистящія метели
Не умолкаютъ круглый годъ, —
Ты пѣлъ живое наслажденье,
Души восторгъ и упоенье:
Тебѣ незыблемый оплотъ

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. росс. сл.* 1822, т. XVIII, стр. 349, подъ заглавіемъ: «Посланіе поэту».
[2]) Въ тогдашнемъ изданіи: «Б—скій».

Противъ несчастій сердце было;
Ты всю отраду видѣлъ въ немъ,
И въ гордомъ трепетѣ своемъ
Оно тебѣ не измѣнило.

Пой, милый другъ! Достоинъ будь
Души прекраснаго стяжанья!
Къ тебѣ летятъ друзей желанья;
Лишь ихъ и Музъ не позабудь:
И въ тишинѣ уединенья,
При сладкомъ звукѣ струнъ своихъ,
Мечтай съ весельемъ о нихъ
И не страшись рѣки забвенья!
Когда прекрасныхъ дней твоихъ
Прервется нить рукою Парки,
На тихій гробъ твой ихъ рука
Положитъ свѣжихъ два вѣнка
Анакреона и Петрарки.

ПИРЪ [1]).

1822.

Что заграждаетъ предо мною
Просторный путь широкихъ стогнъ?
Откуда позднею порою
Въ глаза мнѣ блещетъ яркій огнь?
Зачѣмъ здѣсь шумные возницы
Въ ряды сдвигаютъ колесницы?

Не храмъ ли вижу божества,
Гдѣ совершаются моленья
Во дни святого торжества
Среди полунощнаго бдѣнья,
И вѣрой движимый народъ
Со всѣхъ сторонъ къ нему течётъ?

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. росс. слов.* 1822, т. XVIII, стр. 201—206.

Но я внимаю съ изумленьемъ
Музыки сладострастной звонъ,
И всѣхъ неистовымъ круженьемъ
По храминѣ колеблетъ онъ:
Лишь тѣни сонмовъ оживленныхъ
Мелькаютъ въ окнахъ освѣщенныхъ.

Смягчи, мудрецъ, суровый взглядъ!
Приди на срочное веселье!
Здѣсь трудъ заботный средь отрадъ
Легчитъ невинное бездѣлье:
Оно разсѣетъ мрачность думъ
И оживитъ холодный умъ.

Зачѣмъ томиться одиноко
Въ углу угрюмой тишины?
Намъ блага мудростью высокой
Для наслажденія даны:
Веселья мигъ уловимъ краткій!
Потѣшимъ жизнь забавой сладкой!

Я въ сонмѣ радостныхъ гостей:
Все утопаетъ въ наслажденьи;
Сіяетъ роскошь средь огней;
Еще въ томительномъ круженьи
По знакамъ бдительной чреды
Живые движутся ряды.

Безпечно тучная лишь дремлетъ
На пурпурномъ диванѣ лѣнь:
Ее хранительно объемлетъ
Спущенныхъ завѣсовъ тѣнь,
Да, шопотъ изрѣдка скрывая,
Вдали сидитъ чета младая.

Протяжнѣе музыки звукъ;
Нѣжнѣе страстные напѣвы,
И разступился шумный кругъ:
И, гибкій станъ прелестной дѣвы
Обвивши юноша рукой,
Какъ Фавнъ повлекъ ее съ собой.

Давно приличіе сорвало
Съ ея плѣнительной груди
Защиту дѣвства, покрывало:
Глазамъ преграды нѣтъ. Гляди,
Какъ дерзкій взоръ его сверкаетъ:
Въ немъ страсть виновная пылаетъ.

Прикосновенье жаркихъ рукъ,
Давно встревоженныя чувства,
Весельемъ упоенный кругъ,
Очарованіе искуства
И для объятій вольный мигъ:
Все разжигаетъ страсти въ нихъ.

Въ ея глазахъ любви примѣты
Страсть безпокойная прочла,
И сокровенные отвѣты
Рука нескромная дала,
И робкій стыдъ въ лицѣ прекрасной
Смѣненъ улыбкой сладострастной.

Нѣтъ, нѣтъ! Да будетъ проклятъ тотъ,
Какъ врагъ семейственнаго счастья,
Кто вздумалъ первый отъ заботъ
Покоить нѣгой сладострастья;
Кто скромный съ дѣвства снялъ покровъ
И разлучилъ съ стыдомъ любовь!

Зачѣмъ развратъ мѣшать въ забавы,
Покой невинности губить?
Зачѣмъ порочные уставы
Съ упорной набожностью чтить,
И языкомъ правдивой чести
Не объявить безстыдству мести?

Пора страстей придетъ сама:
Пускай же скромность вяжетъ страсти!
Довольно жертвъ на счетъ ума
Мы принесли порока власти:
Ужели въ слабости своей
Всѣ посвятимъ утѣхи ей?

Смотри: ужъ полдни наступаютъ,
А соблазнительные сны
Людмилу страстную ласкаютъ
Еще на ложѣ тишины;
Ей на уста кладетъ видѣнье
Горячихъ устъ напечатлѣнье.

Но вотъ разрушена мечта
Приходомъ матери заботной:
На голосъ ласки красота
Даетъ отвѣты не охотно,
И, одръ покинувши, она
Хранитъ на сердцѣ образъ сна.

Ей мраченъ теремъ одинокій,
Уединенный трудъ тяжёлъ,
И въ тишинѣ ея глубокой
Тоска, желанія посолъ:
Она томится ожиданьемъ
И грусть дѣлитъ съ однимъ мечтаньемъ.

Отравлены младые дни:
Утѣхи съ юностью простились;
Мученья тайныя одни
Подъ кровлей мирной водворились,
И слышимы въ ночной тиши
Лишь вздохи, жалобы души.

А ты, безпечная Мальвина,
Играй въ кругу своихъ подругъ!
Тебѣ невѣдома кручина
И боль сокрытыхъ въ сердцѣ мукъ.
Живи для счастья въ тихой долѣ
И расцвѣтай какъ роза въ полѣ!

Тебя посредственность даритъ
Въ родномъ дому утѣхой скромной;
Она красу твою хранитъ
Отъ дерзкихъ глазъ и страсти томной:
Тебѣ любовь не дастъ вѣнца
Безъ нѣжной радости отца.

Родства и дружбы кругъ смиренный,
Пріютъ некупленныхъ утѣхъ!
Какъ я люблю твой пиръ священный,
Твой скромный шумъ, твой скромный смѣхъ!
Въ тебѣ мое отдохновенье:
Ты для души уединенье.

КЪ ВОЕЙКОВУ [1].

1822.

Стиховъ желаешь ты, любезнѣйшій поэтъ!
Ты лучшихъ жизни благъ у труженика просишь —
И отнимая ихъ, послѣднее уносишь,
Чѣмъ радуется онъ, чѣмъ непримѣтный слѣдъ
На жизненномъ пути цвѣтами усыпаетъ,
Чѣмъ онъ безцѣнныя утраты возвращаетъ
И призракамъ надеждъ даруетъ бытіе.
Довольно тщетныхъ жертвъ обманчивымъ желаньямъ
Довольно слабостей безплоднымъ ожиданьямъ!
Пора съ тобою жить — и тайное *свое*,
Ниспосланное въ даръ отъ горняго собора
Безсмертныхъ Музъ, хранить для избранныхъ друзей,
Для неподкупнаго ихъ правды приговора
И роздыхъ вкусу дать убійственныхъ судей,
Законодателей священнаго искуства,
Гдѣ все постигъ ихъ умъ, измѣрилъ, оцѣнилъ
И только невзначай въ трудѣ своемъ забылъ
Порывы подстеречь восторженнаго чувства!
На зрѣлищѣ ума посредникъ легкихъ думъ
Поэта робкаго и зрителей отважныхъ,
Готовъ ты передать на судъ враговъ присяжныхъ,
Чтó въ праздные часы внушилъ нестрогій умъ.

[1]) *Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій.* Спб. 1822. Ч. V, стр. 99. — *Новости Литературы* 1823, кн. III, стр. 62.

Что пользы для меня? Я встрѣчусь тамъ съ бѣдою—
И можетъ быть навѣкъ разссорюся съ тобою:
Зачѣмъ ты дни мои безпечные смутилъ
И тихое души веселье погубилъ?
Готовъ признаться я: бесѣдуя съ Каменой,
Спокойствія ищу, вознаграждаю дни,
Когда безплодно мной утрачены они;
Поэзія мнѣ жизнь — послѣднею замѣной
Насильно взятаго холодною судьбой.
Зачѣмъ же повергать на судъ неумолимыхъ,
Что тайно ввѣрилъ мнѣ смягченный жребій мой
Въ замѣну радостей, ничѣмъ невозвратимыхъ?

Такъ — мысль любимая, какъ милыя черты,
Изображенныя покорною рукою,
Пріявши образъ свой въ стихахъ передо мною,
Со мной бесѣдуетъ, влечетъ мои мечты...
О нѣтъ, не въ силахъ я взыскательное мнѣнье
Поставить судіей моихъ сокрытыхъ благъ!
Пускай разносится въ неслышимыхъ стѣнахъ
Невозмущенное свирѣли пѣснопѣнье!
Какъ чижъ, испуганный свистящею стрѣлой,
Изъ лука пущенной въ орла подъ небесами,
Поспѣшно кроется межъ легкими листами,
И въ робости таитъ незвонкій голосъ свой;
Такъ я безмолвствую въ моемъ уединеньи,
Враговъ Карамзина увидя въ ополченьи.

ОЖИДАНІЕ [1]).

1822.

Богиня, льющая изъ урны
Прохладой дышащій ручей!
Пусть брызнетъ токъ съ руки твоей
И окропитъ цвѣты лазурны!
Пусть освѣжится зелень вкругъ
Твоею влагою перловой —
И расцвѣтетъ красою новой
Благоуханный мягкій лугъ!
Быть можетъ, здѣсь она прохлады
Въ полдневный зной придетъ искать,
И близь невидимой Наяды
Любви уроки повторять.
Быть можетъ, сонъ ее обниметъ
На освѣжившихся цвѣтахъ:
Она свирѣль свою покинетъ
И позабудется въ мечтахъ.
Гдѣ вы, златыя сновидѣнья?
Сюда слетитеся толпой!
Кружитесь надъ ея главой
Порою сладкаго забвенья!
Быть можетъ, сердце скажетъ ей:
«Весна твоихъ летящихъ дней
Цвѣтетъ счастливою любовью!» —
И я, склонясь къ изголовью,
Въ безмолвной радости моей
Услышу въ вѣющемъ дыханьѣ,
Еще не встрѣтивъ милой взоръ,
Ея невольное признанье,
Любви неспящей разговоръ...

---

[1]) *Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій*. Спб. 1822, ч. V, стр. 113.— *Полярная Звѣзда* на 1823, стр. 86. Въ обоихъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: *Элегія;* но въ позднѣйшей рукописи принятое нами заглавіе.

РАЗУВѢРЕНІЕ [1]).

1822.

Какъ странникъ, сбившійся съ пути,
И устрашенъ безвѣстной далью,
Глядитъ назадъ съ нѣмой печалью,
Не смѣя далѣе итти;
Такъ я, переступивъ уныло
За половину дней моихъ,
Смотрю и думаю: что въ нихъ
Моей душѣ не измѣнило?

Когда-то счастливъ былъ и я!
Какъ сладкій сонъ, я помню время:
Тогда мнѣ жизнь была не бремя
И кто-то звалъ впередъ меня.
Исчезло все, что было прежде:
Обманутъ сердцемъ и умомъ,
Вотще за новымъ рубежемъ
Я покорился бы надеждѣ!

Пусть пролетаютъ надо мной
Своею очередью годы;
Я устою противъ природы
И не подвигнуся душой:
Мечты и пылкія желанья
Въ мою не протѣснятся грудь;
Я остальной окончу путь
Безъ наслажденья и страданья.

[1]) *Труды Вольн. Общ. люб. росс. слов.* 1822, XVII, 336.

КЛИМЕНѢ [1]).

1822.

Понятна мнѣ, любезная Климена,
Твоей красы внезапная измѣна!
Я разгадалъ и потупленный взоръ,
И прерванный невольно разговоръ,
И скорби вздохъ, тобой полусокрытый...
Покинули сестру свою Хариты,
И заступилъ ихъ дружество при ней
Властительный и хладный Гименей.
Не возвратятъ годины улетѣвшей
Ни жалобы любви осиротѣвшей,
Ни дружбы гласъ! Мы всѣ обречены
Однажды въ жизнь узнать красу весны,
Расцвѣсть на мигъ, и послѣ до могилы
Влачить свой вѣкъ томительно-унылый.

1) *Полярная Звѣзда* на 1823, стр. 313.

С. Д. П—ВОЙ [1]).

1822.

По слуху мнѣ знакома стала ты;
Но я не чуждъ въ красавицъ милой вѣры:
И набожно кладу мои цвѣты
На жертвенникъ соперницы Венеры.
Такъ юноша спѣшитъ въ Паѳосскій храмъ,
И на огнѣ усердною рукою
Сжигаетъ онъ душистый ѳиміамъ,
Хотя не зритъ богини предъ собою.

1) Софьѣ Дмитріевнѣ Пономаревой. *Полярная Звѣзда* на 1823 г., стр. 109.— *Опытъ Русской Анѳологіи* 1828, стр. 44.

КЪ ГРАФИНѢ Д. П. ПОТОЦКОЙ [1].

1822.

Съ зари весны твоей прекрасной
До лучшихъ юношескихъ лѣтъ
Передо мной душою ясной
Ты развивалася какъ цвѣтъ.

Я видѣлъ раннее рожденье
Твоихъ первоначальныхъ думъ;
Слѣдилъ ихъ робкое движенье
И велъ твой любопытный умъ.

Я видѣлъ съ тайною отрадой:
Онъ шелъ съ ступени на ступень,
И мнѣ сердечною усладой
Твоей весны былъ каждый день.

На обреченную разлуку
Я съ хладной грустію смотрю,
И, принимая тихо руку,
Въ роптаньи тщетномъ говорю:

«Такъ мысль прекрасная порою
На мигъ поэта посѣтитъ,
И за летучею толпою
Думъ невозвратныхъ улетитъ!»

[1]) *Полярная Звезда* на 1823 г., стр. 337, подъ заглавіемъ: «Стансы графинѣ N. N.»

СУДЬБА [1].

1823.

Неизбѣжимый рокъ слѣдитъ повсюду насъ!
Ему обречены мы всѣ во всякой долѣ,
И онъ, нежданный, къ намъ идетъ въ свой страшный часъ.

Сидитъ ли мощный царь безпечно на престолѣ,
Иль мчится по морю съ заботою пловецъ,
Иль жадно славы ждетъ на ратномъ воинъ полѣ:

Равно неизбѣжимъ и близокъ всѣмъ конецъ;
И жертвы, избранной властительной судьбою,
Ни злато не спасетъ, ни храбрость, ни вѣнецъ.

Напрасно, окруженъ ласкательной толпою,
Повѣритъ счастію увѣнчанный Помпей,
Иль Цезарь, взявшій власть побѣдною рукою:

Имъ преждевременной погибели своей
На мигъ не отвратить. Какъ стражъ, во тьмѣ сокрытый,
Она внезапно ихъ постигнетъ средь честей.

Блаженъ, чей полонъ духъ незыблемой защиты
Противу гнѣвнаго явленія судьбы:
Блаженъ, кто чистъ душой! Онъ, счастьемъ позабытый,

Среди томительной съ напастями борьбы,
Какъ прежде, правый путь имъ избранный свершаетъ,
И смерть привѣтствуетъ безъ слезъ и безъ мольбы.

Такъ изъ семьи друзей въ темницу поспѣшаетъ
И видитъ смерть Сократъ съ спокойствіемъ въ лицѣ;
Такъ мученикъ святой за вѣру умираетъ,
Лобзая тяжкій крестъ въ страдальческомъ вѣнцѣ.

[1]) *Новости Литературы* 1823, кн. IV, стр. 191.

КЪ Т—НОЙ [1]).

1823.

Съ тобой не знались они,
Твою не приласкали младость
Надежды пламенной любви,
Слѣпая вѣтрености радость.

Задолго до цвѣтущихъ дней
Ты тяжкій жребій свой узнала,
И ничего душѣ твоей
Твоя весна не указала.

Осуждена безъ жизни жить,
Съ печатью страшной отчужденья,
Ты не осмѣлилась любить
Для долгихъ мукъ, безъ раздѣленья.

Напрасно въ дѣвственную грудь
Желанья крались глубоко;
Имъ запертъ былъ обратный путь:
Они потухли одиноко.

Быть можетъ, тайный твой упрекъ
Судьба суровая внимала,
И, можетъ быть, кляня свой рокъ,
Не разъ ты въ жалобахъ рыдала.

Останови роптанья гласъ!
Жизнь горькихъ слезъ твоихъ не стоитъ:
Все счастье вѣчной жажды въ насъ
Не утолитъ, не успокоитъ.

Все лучшее, оно твое:
Души возвышенной свобода,
Въ покойномъ хладѣ бытіе
И сердцу внятная природа.

[1]) *Новости Литературы* 1823, кн. V, стр. 47.

ЖИЗНЬ [1]).

1823.

Я дань принесъ порѣ мечты.
Пора обмановъ сердцу милыхъ,
Какъ обольстила сладко ты
Толпу желаній легкокрылыхъ!

Мечту смѣнилъ огонь любви,
Младого сердца упоенья.
Какъ жизнь украсили они
И оживили наслажденья!

Мелькнула слава предо мной:
И новый міръ душа узрѣла;
Рвалась удѣлъ возвысить свой,
И гордо къ подвигамъ летѣла.

И все въ душѣ моей прошло,
Какъ дѣтства первыя забавы:
Чредою время унесло
Обманъ мечты, любви и славы.

Мнѣ мудрый опытъ указалъ
Покой надежный безъ волненья;
Но чтожъ? я счастье только зналъ,
Пока былъ чуждъ успокоенья.

[1]) *Новости Литературы* 1823, кн. V, стр. 79.

ЗНАКОМОЙ [1]).

1823.

Я узнаю сіи черты,
И взглядъ, и образъ сей улыбки,
И звукъ рѣчей, и станъ твой гибкій:
Давно мнѣ вся знакома ты.

Не скажетъ память вѣрно мнѣ,
Когда и гдѣ тебя знавалъ я,
Но чувствую, тебя видалъ я,
Какъ тѣнь живую въ сладкомъ снѣ.

Не ты ль въ давнопрошедши дни
На мигъ явилась предо мною,
И, оживленные тобою,
Мнѣ были веселы они?

Тогда была моя весна;
Душа съ прекраснымъ всѣмъ роднилась:
Ужъ та пора давно сокрылась;
Какъ ты, сокрылася она!

Но ты опять передо мной.
Ты не найдешь меня, какъ прежде:
Я вѣрую другой надеждѣ;
Мой съ нею путь за край земной.

Туда летятъ мои мечты,
Гдѣ случай близкихъ не разводитъ,
Гдѣ сердце вѣрное находитъ
Любовь отъятой красоты,

Гдѣ жизнь одинъ прекрасный день,
Гдѣ нѣтъ минутнаго свиданья
И гдѣ напраснаго желанья
Не омрачаетъ скорби тѣнь.

[1]) *Новости Литературы* 1823, кн. VI, стр. 59.

Быть можетъ, путь готовъ тебѣ
На новую со мной разлуку;
Я подаю спокойно руку
И покорюся судьбѣ.

Пускай она тебя спасетъ
Отъ опытовъ моихъ суровыхъ,
Или въ надеждахъ, сердцу новыхъ,
Мое спокойствіе пошлетъ!

ПЕРВЫЕ ЦВѢТЫ [1]).

1823.

«Привѣтъ вамъ, первенцы весны,
Младыя дѣти нѣжной Флоры!
Отъ васъ луга оживлены,
Юнѣютъ сумрачныя горы,
Брега цвѣтутъ; свободныхъ водъ
Я внемлю новое плесканье,
И чистый воздухъ жадно пьетъ
Густыхъ полей благоуханье.

«Но для меня веселья нѣтъ!
Я встрѣтить васъ пришла безъ брата:
И грустенъ первый мой привѣтъ
Порѣ весенняго возврата.
Одна брожу съ моей тоской;
Къ утѣхамъ сердце охладѣло,
И все, что радуетъ весной,
Вослѣдъ за братомъ улетѣло.

«Съ младенчества другъ вѣрный мнѣ,
Онъ душу всю дѣлилъ со мною,
И въ одинокой тишинѣ
Мнѣ долго замѣнялъ собою

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1824 г., стр. 57.

Утрату матери моей.
Когда недугъ послѣднихъ дней
Его тягчилъ послѣдней мукой,
Еще мою онъ руку жалъ
И неизбѣжною разлукой
Надеждъ любви не возмущалъ;
Но онъ увялъ, мой другъ единый,
Какъ подсѣченный цвѣтъ долины.

«Цвѣты, веселіе полей!
Съ зарею каждою вы краше:
Не для меня веселье ваше;
Не разцвѣсти душѣ моей!
Мои поблекнули ланиты;
Мой недалекъ послѣдній день;
Передо мною гробъ открытый:
И только милая мнѣ тѣнь
Меня проводитъ до могилы.
Когда жъ весной пришлецъ унылый
Къ гробницѣ подойдетъ моей,
Онъ не узритъ въ тоскѣ глубокой
Ни розъ душистыхъ, ни лилей,
Съ утра покинутыхъ на ней
Въ отраду тѣни одинокой».
Печаль свой жребій прорекла.
Еще весна не совлекла
Своихъ ковровъ съ долины злачной;
А дѣва, въ красотѣ безбрачной,
Во гробъ безвременно сошла:
И на кладбище изъ селенья,
Въ слезахъ тоски и сожалѣнья,
Ее никто не провожалъ.
Но долго слѣдъ къ ея гробницѣ
Густой травой не заросталъ;
И долго, съ каждою денницей,
Къ ней другъ безвѣстный поспѣшалъ,
Скрываясь робко межъ древами:
И каждый разъ онъ осыпалъ
Могилу свѣжими цвѣтами.

РОДИНА [1]).

1823.

Есть любимый сердца край;
Память съ нимъ не разлучится:
Бездны моря переплывай,
Онъ вездѣ невольно снится.

Помнишь хижинъ скромныхъ рядъ
Съ холма къ берегу идущій,
Гдѣ стоитъ знакомый садъ
И журчитъ ручей бѣгущій?

Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива,
И цвѣтетъ среди полей
Зеленѣющая нива.

На лугахъ, въ тѣни кустовъ,
Стадо вольное играетъ;
Мнится, вѣтеръ съ тѣхъ луговъ
Запахъ милый навѣваетъ.

Лицъ привѣтливыхъ черты,
Слуху сладостныя рѣчи
Узнаешь въ забвеньи ты
Безъ привѣта и безъ встрѣчи.

Возвращаешь давнихъ дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь съ ней
Обольстительницу-младость.

Долго ль мнѣ въ мечтѣ одной
Зрѣть тебя, страна родная,
И безплодной жить тоской,
Къ небу руки простирая?

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1824 г., стр. 196.

Хоть бы разъ глаза возвесть
Далъ мнѣ рокъ на кровъ домашній,
И съ родными рядомъ сѣсть
За некупленыя брашны!

НЕВИННОСТЬ [1].

1823.

Въ толпѣ красавицъ здѣшнихъ
Есть краше всѣхъ одна:
Какъ май мила она
И розъ свѣжѣе вешнихъ.
Любовь ее зоветъ
Своей меньшой сестрою,
И нѣжною рукою
Нерѣдко подаетъ
Сама цвѣты изъ саду
Ей въ праздникъ для наряду.
Она среди полей
Съ ней часто рядомъ ходитъ
И на берегъ приводитъ,
Гдѣ катится ручей;
Тамъ, стоя надъ водою
Съ подругой молодою,
Она поверхъ зыбей
Ей кажетъ въ полдень ясный
Портретъ ея прекрасный.
Но все невнятны ей
Желанья и уроки,
И ласки и упреки
Задумчивой любви:
Она не знаетъ скуки,
Ни пламени въ крови,
Ни сердца тайной муки.

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1824 г., стр. 238.

Идетъ ли вдоль луговъ,
Гдѣ взоръ нетерпѣливый
Съ тоскою молчаливой
Знакомыхъ пастуховъ,
Иль звукъ ихъ нѣжныхъ словъ
Ее сопровождаетъ:
Она не понимаетъ
Ихъ ласковыхъ рѣчей,
И быстро исчезаетъ
Какъ серна изъ очей.

КЪ А. С. ПУШКИНУ [1].

1822.

Я не сержусь на ѣдкій твой упрёкъ:
На немъ печать твоей открытой силы;
И, можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.

Притворство прочь: на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта.
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта.
Въ набросанныхъ съ небрежностью стихахъ
Ты не ищи любимыхъ мной созданій:
Они живутъ въ несказанныхъ мечтахъ;
Я ихъ храню въ толпѣ моихъ желаній.

[1]) *Труды Вольн. Общ. росс. сл.* 1824, № 4, ч. XXVI, стр. 201. — *Собраніе новыхъ русскихъ стихотвореній.* Спб. 1826, ч. II. Позднѣе и въ другихъ сборникахъ, между прочимъ въ *Полной русской хрестоматіи* А. Галахова, изд. 3-е. М. 1846, ч II.

Не вырвешь вдругъ изъ сердца вонъ заботъ,
Снѣдающихъ бездѣйственные годы;
Не упредишь судьбы могущей ходъ,
И до поры не обоймешь свободы:
На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадёжныхъ;
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ.
Такъ выраститъ случайно дикій цвѣтъ
Подъ сумракомъ безсолнечной дубровы,
И, теплотой отрадной не согрѣтъ,
Не распустясь, свой листъ роняетъ новый.

Минетъ ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?
Съ какимъ бы я веселіемъ вступилъ
На путь трудовъ, для сердца вѣчно милыхъ!
Всю жизнь мою я имъ бы отдалъ въ даръ:
Я обнялъ бы мелькнувшія мнѣ тѣни,
Ихъ оживилъ, въ нихъ пролилъ бы свой жаръ,
И кончилъ дни средь чистыхъ наслажденій.

Но жизни цѣпь (ты хладно скажешь мнѣ)
Презрительна для гордаго поэта:
Онъ духомъ царь въ забвенной сторонѣ,
Онъ сердцемъ мужъ въ младенческія лѣта.
Я бъ думалъ такъ; но перенеси меня
Въ тотъ край, гдѣ все живетъ одушевленьемъ,
Гдѣ мыслію, исполненной огня,
Всѣ дѣлятся, какъ лучшимъ наслажденьемъ,
Гдѣ вѣрный вкусъ торжественно взялъ власть
Надъ мнѣніемъ невѣжества и лести,
Гдѣ передъ нимъ молчитъ слѣпая страсть,
И даръ одинъ идетъ дорогой чести!
Тамъ рубище и хижина пѣвца
Безцѣннѣе вельможескаго злата:
Тамъ изъ оковъ для славнаго вѣнца
Зовутъ во храмъ гонимаго Торквата.
Но здѣсь, какъ здѣсь бороться съ жизнью намъ
И пламенно предаться страсти милой,

Гдѣ хладъ въ сердцахъ къ плѣнительнымъ мечтамъ,
И даръ убитъ невѣжествомъ и силой!
Ужасно зрѣть, когда сраженъ судьбой
Любимецъ Музъ, и, вмѣсто состраданья,
Коварный смѣхъ встрѣчаетъ предъ собой,
Торжественный упрекъ и поруганья.

Еще бы я въ душѣ безчувственъ былъ
Къ ничтожному невѣжества презрѣнью,
Когда бъ вполнѣ съ друзьями Музъ дѣлилъ
И жребій мой и жажду къ пѣснопѣнью.
Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья.
Межъ тѣмъ, какъ вслѣдъ за днемъ проходитъ день,
Мой трудъ на нихъ слѣдовъ не налагаетъ,
И медленно съ ступени на ступень
Въ безсиліи мой даръ переступаетъ.
Невольникъ думъ, невольникъ гордыхъ Музъ,
И страстію объятый неразлучной,
Я бъ утомилъ взыскательной ихъ вкусъ
Бесѣдою довѣрчивости скучной.
Къ кому притти отъ жизни отдохнуть,
Оправиться среди дороги зыбкой,
Безъ робости вокругъ себя взглянуть
И передать съ надеждою улыбкой
Простую пѣснь, первоначальный звукъ
Младой души, согрѣтый первымъ чувствомъ,
И по струнамъ движенье робкихъ рукъ.
Не правимыхъ довѣрчивымъ искуствомъ?
Кому сказать: «Искуства въ общій кругъ,
Какъ братьевъ, насъ навѣкъ соединили;
Другъ съ другомъ мы и трудъ свой, и досугъ,
И жребій нашъ съ любовію дѣлили;
Ихъ счастіемъ я счастливъ былъ равно;
Въ моей тоскѣ я видѣлъ ихъ унылыхъ;
Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано;
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ?»
Напрасно жду. Съ любовію моей

Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подъ бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій.

УМЕРШАЯ КРАСАВИЦА [1].

1823.

Я былъ свидѣтелемъ печальнаго обряда.
Я видѣлъ красоту, увядшую въ веснѣ:
Подруги томныя, предавшись въ тишинѣ
Заботѣ горестной послѣдняго наряда,
Ей приготовили румяные цвѣты
И возложили ихъ трепещущей рукою
На тихое чело отцвѣтшей красоты,
И облекли ее лилейной пеленою.
И въ очередь свою, съ уныніемъ очей,
Подруга каждая приближилася къ ней:
Послѣдній знакъ любви, послѣднее лобзанье
Ей отдали онѣ при воплях и рыданьѣ.

Но я смотрѣлъ на гробъ безъ жалости и слезъ;
Я тайно чувствовалъ безвѣстную отраду:
О дѣва прелести, ты лучшую награду
За жизнь минутную пріяла отъ небесъ!
Почія тихимъ сномъ безъ ропота и муки,
Еще не преступивъ предѣла лучшихъ дней,
Не испытала ты болѣзненной разлуки
Съ невѣрною красой и радостью своей:
«И, неизмѣнная въ живомъ воспоминаньѣ,
Ты будешь для души какъ сладкое мечтанье» [a]).

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1824 г., стр. 86.

[a]) И неизмѣнная, какъ милое мечтанье,
Прекрасна будешь вѣкъ ты въ вѣрномъ вспоминаньѣ (*Рукоп.*).

ИЗМѢНА [1]).

1824.

Улетаетъ, улетаетъ
Легкокрылая мечта;
Измѣняетъ, измѣняетъ
И весна и красота.

Что спѣшите? поиграйте!
Оживите сердце вновь!
Улыбнитесь и отдайте
Первыхъ лѣтъ моихъ любовь!

Все напрасно: ни желанья,
Ни надежды не сбылись!
Не услышали призванья:
Полетѣли, унеслись.

Такъ осеннею порою
Съ увядающихъ полей
Поднимается грядою
Стадо вольныхъ журавлей [2]).

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 274.

[2]) Стадо вольныхъ журавлей
Подымается грядою
И летитъ съ нагихъ полей (*С. Ц.*).

КЪ И. И. КОЗЛОВУ [1]).

1824.

Невольники своихъ страстей,
Отдавшись прихотямъ желаній,
Не видимъ мы спокойныхъ дней
Средь наслажденій и страданій.

Когда попутный вѣтеръ намъ
На морѣ жизни въ парусъ дуетъ:
Мы быстро мчимся по водамъ,
Насъ нетерпѣніе волнуетъ.

Застигла ль буря на пути:
Нашъ ропотъ къ небесамъ восходитъ;
Безсильны мы бѣды нести;
Вездѣ духъ немощи насъ водитъ.

Вся жизнь смущеніе надеждъ:
Мы то страшимся, то желаемъ,
И ни на мигъ усталыхъ вѣждъ
Во снѣ безпечномъ не смыкаемъ.

Но гдѣ жъ душа, покоя стражъ,
Залогъ любви обѣтованной
И проводникъ незримый нашъ
Въ пути до пристани желанной?

Увы, ея невнятенъ гласъ!
Мы внемлемъ голосу измѣны:
И обаяли чувства насъ,
Какъ баснословныя Сирены.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 339.

РАЗЛУКА [1]).

1824.

Я зналъ ее: какъ первый лучъ,
Блеснувшій утромъ изъ-за тучъ,
Она явилась предо мною.
Мы были сердцемъ и душою
Для благъ взаимныхъ сведены
И другъ для друга созданы.
Покорны первому участью
И первому довѣривъ счастью,
Въ невинной простотѣ своей,
Не знали тайныхъ мы сѣтей
И несмыкавшагося ока
Вкругъ насъ бродившаго порока:
Счастливымъ всѣхъ любить легко!
Но мы прошли недалеко
Путемъ невинныхъ наслажденій.
Явился къ намъ враждебный геній:
Онъ образъ дружества носилъ,
И насъ внезапно разлучилъ.
Увы, не возвратить, что было
Такъ сердцу дорого и мило!
Теперь навѣкъ я розно съ ней.
Но вся она въ душѣ моей:
Мой слухъ словамъ ея внимаетъ,
Съ ней сердце чувства раздѣляетъ.
Такъ путникъ утренней порой
Глядитъ за птичкой надъ собой:
Она поетъ, и выше вьется,
Скрывается; но раздается
Ея отрадной пѣсни звонъ,
И жадно ей внимаетъ онъ.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 344.

А. Н. С—ВОЙ [1]).

1824.

Покой души, забавы, ожиданья,
Счастливыя привычки юныхъ лѣтъ,
Всѣ радости, чѣмъ намъ прекрасенъ свѣтъ
При шопотѣ игриваго мечтанья,

Отъ насъ судьба беретъ безъ состраданья,
И время ихъ свѣваетъ легкій слѣдъ,
Какъ хладный вѣтръ уноситъ поздній цвѣтъ,
Когда пора настанетъ увяданья.

Одно душа заботливо хранитъ,
Какъ тайный даръ любви первоначальной:
Отъ раннихъ лѣтъ до старости печальной

Другъ первый съ ней. Его улыбка, видъ,
Движенья, взоръ: все съ нею говоритъ,
Все къ ней летитъ, какъ звукъ музыки дальной.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 301.

ТРИ ЗВѢЗДЫ [1]).

1824.

Три звѣздочки на небѣ есть;
Съ нихъ не могу и глазъ я свесть:
Идутъ всѣ рядомъ и сіяютъ,
И утромъ вмѣстѣ погасаютъ.
Быть можетъ, въ сторонѣ иной,
Какъ солнца свѣтъ, и ихъ сіянье

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1825, стр. 155.

То льется по небу зарёй,
То нѣжитъ землю теплотой,
И шлетъ дубравамъ одѣянье.

Но для души моей онѣ
Все говорятъ о старинѣ.
И мнѣ три звѣздочки сіяли,
И сердце сладко согрѣвали:
То дружба, слава и любовь.
Я помню ихъ очарованье:
Но не кипитъ, какъ прежде, кровь,
И не согрѣетъ сердца вновь
Ихъ благодатное сіянье.

АЛЬБОМЪ [1]).

1824.

Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ,
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскрешаютъ.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1825 г., стр. 291. — *Опытъ Русской Анѳологіи*, 1828 г., стр. 150.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ [1].

1824.

Когда веселою толпой
Влетаетъ вашъ блестящій рой
Въ ея отрадную обитель,
И вашъ играетъ рѣзвый умъ:
Безмолвный, неизмѣнный зритель,
Исполненный тяжелыхъ думъ,
Поникнувъ томными очами,
Я остаюсь при ней межъ вами:
Она, печальна ль, весела ль,
Отрадой сердце наполняетъ;
Ея плѣнительна печаль,
Ея веселье умиляетъ.
Какъ съ нею радость вамъ милѣй,
И ближе къ сердцу наслажденье;
Мое страданіе при ней
Свое находитъ утѣшенье.
Какъ облака, сходясь къ лунѣ,
Внезапно видъ мѣняя мрачный,
Сіяютъ, какъ туманъ прозрачный;
Такъ думы черныя во мглѣ
При ней освѣтятся невольно:
И сердце жизнію довольно.

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1825, стр. 276.

ЮНОСТЬ [1]).

1824.

Недологъ вѣкъ сердечной воли;
Недолго игры тѣшатъ насъ:
Счастливъ, кто взялъ у строгой доли
Для юности хоть лишній часъ!

Какъ часто дѣва, расцвѣтая,
Ужъ видитъ тягостные сны,
И блекнетъ красота младая,
Не переживъ своей весны!

Какъ часто, розами увитый,
Задумчивъ, юноша молчитъ,
И на румяныя ланиты
Слеза неслышимо бѣжитъ!

Толпой веселыхъ окруженный,
Онъ улыбается порой,
Но, думой грустной отягченный,
Не дѣлитъ радости душой.

Такъ на проталинѣ весною
Былинка ранняя стоитъ,
И, хладной скована зарёю,
Красой безжизненной блеститъ.

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1825, стр. 108.

КЪ ВЕСЕЛОЙ КРАСАВИЦѢ [1].

1824.

Когда съ безпечностью игривой
Ты веселишь своихъ подругъ,
Поешь, кружишься, или вдругъ
Въ своей невинности счастливой
Съ улыбкой взглянешь на меня,
И съ тайнымъ чувствомъ встрѣчу я,
Какъ двѣ звѣзды средь ясной ночи,
Твои сіяющія очи:
Не наслажденье, не любовь
Тогда въ лицѣ моемъ волнуетъ
Внезапно вспыхнувшую кровь:
Мое предчувствіе рисуетъ
Близь каждой радости печаль;
Душа моя полна участья,
Меня тревожитъ жизни даль;
Я твоего боюся счастья:
Чѣмъ лучше утро наступаетъ,
Тѣмъ рѣже солнце днемъ сіяетъ,
И цвѣтъ скорѣе отцвѣтаетъ,
Чѣмъ онъ прекраснѣе цвѣтетъ.

[1]) *Полярная Звѣзда* на 1825, стр. 34.

КЪ ДЕЛЬВИГУ [1]).

1825.

Дельвигъ! Какъ бы съ нашей лѣнью
    Хорошо въ деревнѣ жить;
Подъ наслѣдственою сѣнью
    Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
    Отдыхать въ саду густомъ;
Выттп подъ вечеръ спокойный
    Передъ сладкимъ долгимъ сномъ;

Ждать поутру на постелѣ,
    Не зайдетъ ли Муза къ намъ;
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ
    Называть по именамъ;

И съ любовью не ревнивой,
    Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливый,
    Провожать за годомъ годъ!

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 12, подъ заглавіемъ: «Стансы къ Д***».

С. М. С—ОЙ [1]).

1825.

Была пора: ты въ безмятежной сѣни
Какъ лилія душистая цвѣла,
И твоего веселаго чела
Не омрачалъ задумчивости геній.

Пора надеждъ и новыхъ наслажденій
Невидимо подъ сѣнь твою пришла
И въ новый край невольно увлекла
Тебя отъ игръ и сновъ невинной лѣни.

Но ясный взоръ и голосъ твой и видъ,
Все первыхъ лѣтъ хранитъ очарованье,
Какъ свѣтлое о прошломъ вспоминанье,

Когда съ душой оно заговоритъ,
И въ насъ опять внезапно пробудитъ
Минувшихъ благъ уснувшее желанье.

[1]) Софьѣ Михайловнѣ Салтыковой, вскорѣ сдѣлавшейся супругою барона А. А. Дельвига. *Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 32, съ припискою «Сонетъ».

ИДЕАЛЪ [1]).

1825.

Благословляю сѣнь дубровъ,
Мою деревню, садъ и поле;
Не бѣденъ я, живу на волѣ;
Не знаю тягостныхъ трудовъ;
Есть полка книгъ, гряда цвѣтовъ,
Пишу стихи: чего жъ мнѣ болѣ?

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 40.

ОБЪЯСНЕНІЕ [1].

1825.

Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу.
Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
Но я не долженъ, не могу:
Боюсь друзей возненавидѣть.

Не смѣю никого обнять,
На чьей-нибудь забыться груди;
Мнѣ тяжело воспоминать,
Мнѣ страшно думать: это люди.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 83.

КНЯЖНѢ С. Р—ЛЬ [1]).

1825.

Такъ въ привидѣньи идеала
Ему представилася ты:
И кисть поэта срисовала
Твои воздушныя черты.

Его потухнувшія очи
Печальною покрыты мглой;
Но и во мракѣ тяжкой ночи
Онъ видѣлъ ясно образъ твой.

Еще онъ видитъ что прекрасно,
Какъ мы на темныхъ небесахъ
Осенней ночью мѣсяцъ ясный
Видаемъ въ тонкихъ облакахъ.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 96, въ видѣ приписки (P. S.) къ стихотворенію Козлова: *Княжнѣ С. Р—ль* (Сенъ-Рсаль).

МОРЕ [1].

1826.

Воспоминаніе, одинъ другъ вѣрный мнѣ,
Разнообразитъ дни въ печальной сторонѣ.
Безцвѣтной пеленой покрылись неба своды
И мертвы красоты окованной природы,
А взоръ мой, въ этотъ мигъ, плѣняясь и горя,
Объемлетъ съ жадностью привольныя моря,
А слухъ мой ловитъ гулъ и плескъ волны мятежной,
Музыку вѣчную обители прибрежной.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1827, стр. 317, подъ заглавіемъ: *Воспоминаніе.*

НОЧЬ [1].

1826.

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На все набросила таинственную тѣнь.
Какъ опустѣлая, забвенная громада,
Весь городъ предо мной. Съ высотъ надъ нимъ лампада
Безъ блеска, безъ лучей унылая виситъ
И только для небесъ недремлющихъ горитъ.
Ихъ безпредѣльныя, лазурныя равнины
Во тмѣ освѣщены. Люблю твои картины,
Мерцанье звѣздъ твоихъ, поэзіи страна,
Когда въ полночный часъ стоитъ межъ нихъ луна!
Съ какою жаждою, насытивъ ими очи,
Впиваю въ душу я покой священный ночи!
Весь міръ души моей, созданіе мечты,
Исполненъ въ этотъ мигъ небесной красоты:
Туда въ забвеніи несусь, покинувъ землю,
И здѣсь я не живу, не вижу и не внемлю.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1827 годъ, стр. 334.

САДОВНИКЪ [1]).

1826.

Какъ на небѣ свѣтло, когда остатки бури
Пролетный свѣетъ вѣтръ съ увлаженной лазури!
Какъ тихо на душѣ, когда, собой полна,
Отъ суетныхъ страстей избавится она!
Не почестей обманъ, не зависти печали
Подъ старость мудреца къ предмѣстью приковали,
Гдѣ съ наслажденіемъ и славу и мечты
Смѣнилъ онъ на свои деревья и цвѣты:
Презрѣвъ ничтожество заботливости праздной,
Онъ пользу полюбилъ и трудъ однообразный.
Одна молитва къ вамъ, благія небеса:
Пошлите мнѣ въ удѣлъ сѣнистыя лѣса!
Въ пустынномъ уголкѣ создавъ себѣ обитель,
И въ хладъ, и въ дождь, и въ зной деревъ моихъ хранитель,
Смягчая вкусъ плодовъ прививкой нѣжныхъ лозъ
И тучной насыпью лелѣя купы розъ,
На Невскихъ ли брегахъ, или родимой Волги,
Я вѣкъ бы проводилъ и счастливый и долгій.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1827 г., стр. 288.

РАЗСУДОКЪ И СТРАСТЬ [1]).

1826.

Въ минуты свѣтлыя спокойныхъ размышленій
Навѣкъ прощаюсь я съ Каменою моей
И въ даръ отъ неба жду безвѣстныхъ, тихихъ дней.
Но вмигъ я чувствую: неизбѣжимый геній
Стѣсняетъ грудь мою и распаляетъ кровь;
Мнѣ лики видятся и раздаются звуки;
Я полонъ счастія, желанія и муки,
И вдохновеніе меня объемлетъ вновь.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1827 г., стр. 304. — *Опытъ Русской Анѳологіи.* Спб. 1828 г., стр. 88.

СОЛОВЕЙ [1]).

1827.

Подъ вдохновеньемъ лѣтней нощи,
Съ зари до утреннихъ лучей,
Въ прохладѣ благовонной рощи,
Дріадъ мечтательныхъ Орфей,
Поетъ пустынный соловей.

И пѣснь его, какъ небо мая,
Какъ лепетъ струй, какъ злакъ луговъ,
На душу тайны навѣвая,
Живитъ святилище дубровъ,
Пріютъ любимый пастуховъ.

Въ ней вся исторія поэта:
Въ ней страхъ, надежда, радость, гнѣвъ;
Она любовію согрѣта
И услаждаетъ сердце дѣвъ,
Какъ романтическій напѣвъ.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1828 г., стр. 58.

БЕЗВѢСТНОСТЬ [1]).

1827.

За днемъ сбывая день въ невѣдомомъ углу,
Люблю моей судьбы хранительную мглу.
Заброшенная жизнь, по волѣ Провидѣнья,
Оплотомъ стала мнѣ отъ бурнаго волненья.
Не праздно погубя безпечность и досугъ,
Я вымѣрялъ уму законный дѣйствій кругъ:
Онъ тѣсенъ и закрытъ, но въ немъ безъ искушенья
Кладу любимыя мои напечатлѣнья.

[1]) *Сѣверные Цвѣты* на 1828 г., стр. 28.

Лампада темная въ безмолвіи ночей
Такъ изливаетъ свѣтъ чуть видимыхъ лучей,
Но въ нѣдрѣ тишины покойно догораетъ
И темный свой предѣлъ до утра освѣщаетъ.

МАРКИЗѢ М. А. ДЕ-ТРАВЕРСЕ [1]).

1840.

Гдѣ померанецъ и олива
Свой разливаютъ ароматъ,
И гдѣ вдоль соннаго залива
Октавы Тассовы звучатъ,
Тебя природа сотворила
Быть украшеньемъ виллы тамъ,
Но изъ любви къ намъ уступила
Гранитнымъ финскимъ берегамъ.
И эти огненные взоры
И южная твоя краса
Печальныя развеселили горы
И пасмурныя небеса.

[1]) *Утренняя Заря* на 1841 г., стр. 231.

ОХОТНИКЪ.

«Долины сокровенной житель,
Вершинъ нагорныхъ посѣтитель,
Въ безпечной праздности своей
Бродящій съ лукомъ средь ночей!
Въ чемъ сердца твоего забавы,
Скажи, охотникъ молодой?
Кто здѣсь услышитъ голосъ твой,
Призывъ любви, иль пѣсню славы?»

Уединенный властелинъ
Холмовъ окрестныхъ и долинъ,
Я жизнь веду подъ кровлей мирной,
И жизнь, веселія полна,
Течетъ, какъ свѣтлая луна
Въ равнинахъ области эфирной.
Со мною весь мнѣ милый свѣтъ:
Я знаю счастіе свободы;
Мнѣ счастія другого нѣтъ!
При шумѣ бурной непогоды,
Когда межъ скалъ раздастся свистъ
И полетитъ съ деревьевъ листъ,
Я вторю бурѣ пѣснью громкой,
И отголосокъ слышу звонкой.
Люблю, при мѣсячныхъ лучахъ,
Когда стадятся на горахъ
Roговѣтвистые олени,
Изъ лука мѣткою рукой
Слѣдить ихъ легкою стрѣлой
И быстро гнать въ древесны сѣни:
Веселый побѣдитель ихъ,
Я, съ каждою побѣдой новой,
Въ награду подвиговъ своихъ
Люблю свивать вѣнокъ дубовый.
Когда свершится жизни кругъ
И приметъ прахъ мой ближній лугъ, —
Быть можетъ, вновь мою обитель

Полюбитъ ловчій молодой,
И въ ней, какъ я, счастливый житель,
Найдетъ и радость и покой:
И будетъ долгіе онъ годы
Въ ней жить для пѣсней и побѣдъ,
И долго не заглохнетъ слѣдъ
Къ жилищу мирному свободы.

АНАКРЕОНЪ.

Дельвигу и Баратынскому.

Полно вамъ меня томить,
Проповѣдники сухіе!
Что за прибыль погубить
Безъ веселья дни младые?
Нѣтъ на сердцѣ вѣры къ вамъ
И пророческимъ обѣтамъ:
Сердце вѣритъ не словамъ,
Не затверженнымъ совѣтамъ.
Веселѣе мнѣ итти
По цвѣтущему пути
За философомъ теосскимъ.
Онъ не потчевалъ гостей
Въ свѣтлой храминѣ своей
Ни водой, ни ложемъ жесткимъ.
Онъ съ улыбкой ихъ встрѣчалъ,
И гостямъ своимъ въ отраду
Выжималъ изъ винограду
Сокъ живительный въ покалъ.
Бога Вакха тамъ хвалили
И богиню красоты;
Пили весело, любили
И отъ трапезы спѣшили
Подъ Морфеевы цвѣты.
Такъ наставникъ мой лѣнивый

От̆ъ поры цвѣтущихъ розъ
До серебряныхъ волосъ
Проводилъ свой вѣкъ счастливый!
Онъ до смерти пѣлъ и пилъ;
Но Эротъ его хранилъ:
И, съ улыбкою коварной
Наливая сокъ янтарный,
Онъ безсмертье въ чашу лилъ.

Дельвигъ мой и мой Евгеній!
Для чего жъ не жить и намъ
Подъ закономъ Музъ и лѣни?
Поскорѣе по рукамъ!
Мигъ цвѣтутъ цвѣты веселья;
Не увидимъ, какъ придемъ
Къ общей двери новоселья:
Поживемъ, пока живемъ!

КЪ МУЗѢ.

Много дней мимотекущихъ
Съ любопытствомъ я встрѣчалъ;
Долго сердцемъ въ дняхъ грядущихъ
Небывалаго я ждалъ.

Годы легкіе кружили
Колесомъ ихъ предо мной:
Съ быстротой они всходили,
И скрывались чередой.

Что всходило: было прежде,
И попрежнему текло,
Не ласкалося къ надеждѣ
И за край знакомый шло.

И протекшее съ грядущимъ
(Не дѣлила ихъ и тѣнь!)

Видѣлъ я въ мимотекущемъ,
    Какъ одинъ туманный день.

Половины дней не стало:
    Новый путь передо мной;
Солнце жизни просіяло;
    Міръ явился мнѣ иной.

Красотой плѣненный свѣта,
    Оживаю будто вновь:
Къ вамъ, утраченныя лѣта,
    Въ сердцѣ жалость и любовь!

Возвратилъ бы васъ обратно;
    Порознь обнялъ бы опять!
О, какъ сердцу бы пріятно
    Вамъ теперь себя отдать!

Кто жъ, души моей хранитель,
    Побѣдившій тяжкій рокъ,
И веселья пробудитель,
    Въ радость жизнь мою облекъ?

Муза! ты мой путь презрѣнный
    Съ гордостью не обошла,
И судьбѣ моей забвенной
    Руку вѣрную дала.

Будь до гроба мой вожатый!
    Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
    Брось послѣдніе цвѣты!

РЫБОЛОВЪ.

Прибрежный рыболовъ, на родинѣ моей,
Оставя влажный грузъ развернутыхъ сѣтей,
По склону волжскихъ струй, бездѣятеленъ, веселъ.
Плыветъ на челнокѣ безъ паруса и веселъ.
Усталый отъ трудовъ, качаясь надъ водой,
Протяжной пѣснью онъ забавитъ отдыхъ свой.
Далекихъ замысловъ и суетности чуждый,
Не знаетъ онъ похвалъ, не чувствуетъ въ нихъ нужды.
Любуясь на небо, на волны, на скалы,
На позднюю зарю и дымъ вечерней мглы, —
Въ пустынныхъ берегахъ невнемлемый, незримый,
Выводитъ для себя напѣвъ страны родимой.

Въ привычный лѣни часъ, между трудовъ и сна,
Къ созвучію стиховъ душа моя жадна.
Они за мыслію то важной, то игривой
Переливаются то медленно, то живо.
Согласный лепетъ ихъ плѣняетъ строгій умъ
И освѣжаетъ въ немъ забытыхъ много думъ.
Но, въ праздности ночей, питая вдохновенье,
Храню его дары въ моемъ уединеньѣ.
Безъ раздѣленія и хладнаго суда
Забавой пользуюсь любимаго труда,
Какъ улетающимъ, но сладостнымъ мечтаньемъ,
Какъ сномъ несбыточнымъ, но сходнымъ съ ожиданьемъ.

Н. С. МОРДВИНОВУ [1].

Не зрим ли мы перед собою,
Как, в красоте своих сёдин,
Покорный долгу гражданин
Отважно борется с судьбою?
Меж нас он памятник мужей,
Безсмертных доблестью своей.

Его не молкнет голос смелый
В советах царских и судах;
Он злобных бич, коварных страх
И щит нам опытностью зрелой:
Царю и правде верен он,
И не воздремлет с ним закон.

Тебе, потомок исполинов,
На мощных раменах своих
Подъявший труд тяжелый их,
Тебе, отчизны друг, Мордвинов,
Перебирая струны, длань
Приносит Муз правдивых дань!

Теки избранною стезёю!
Простри в потомство смелый взор!
Оно свой пишет приговор:
И слава громкою трубою
Уже зовет язык богов
Тебя хранить во мгле веков.

[1]) Здесь помещаются только последнія строфы длиннаго стихотворенія, озаглавленнаго: *Долг гражданина* и оставшагося в рукописи.

КЪ ВЯЗЕМСКОМУ.

Любезный Вяземскій, затѣйливый острякъ,
Упрямой глупости писцовъ жестокій врагъ,
Презрѣвшій робкое ласкателей потворство!
Давно твоихъ стиховъ аттическую соль
И Музы пламенной благое ратоборство
Я искренно люблю. Но, признаюсь (позволь
Знакомцу новому сказать чистосердечно!),
Мнѣ нравится не все въ тебѣ, нашъ Буало!
Поборникъ истины, ты съ гнѣвомъ гонишь зло:
А все порокъ одинъ клеймишь безчеловѣчно.
Скажи, поэтъ: за что вооружился ты
Противъ писателей дурныхъ своей сатирой?
За что лишь имъ грозишь ты мстительною лирой
И разгоняешь ихъ прелестныя мечты?
Несчастные слѣпцы, отверженные Фебомъ,
Виновны ли они предъ неприступнымъ небомъ?
Пусть пѣсни ихъ ни чей не услаждаютъ слухъ:
Но жизнію горитъ ихъ дѣятельный духъ.
Ужель въ твоихъ глазахъ невинная утѣха
Какъ преступленіе заслуживаетъ месть?
Она сама себѣ безчестіе, иль честь,
Награда славная, или источникъ смѣха.
Кто слабости изъятъ, когда онъ человѣкъ?
Пусть долгъ свой платитъ всякъ природѣ цѣлый вѣкъ
Такою малостью; пускай всю жизнь не знаетъ
Иныхъ пороковъ онъ, и безобидный враль,
Проснувшись для стиховъ, надъ ними засыпаетъ:
Я не виню его, хоть мнѣ его и жаль.

Другое, Вяземскій, обширнѣйшее поле
Для Музы выбери! Она пройдетъ его
Со славой для ума и вкуса твоего;
Она доставитъ намъ прямыхъ уроковъ болѣ.
Взгляни на сонмище презрительныхъ невѣждъ,
Постыдной лѣностью безчестно усыпленныхъ!
Порода ихъ зоветъ средь подвиговъ почтенныхъ
Хранить свой давній блескъ: отъ нихъ ли ждать надеждъ?

Другіе подвиги услужливая скука
Выдумываетъ имъ: веселою гурьбой
Они противъ звѣрей летятъ на славный бой,
И зайцевъ побѣждать знакома имъ наука.
По долгу своему защитники полей
И хижинъ поселянъ, они для насыщенья
Безумныхъ прихотей безпечности своей
Разносятъ по полямъ слѣды опустошенья.
Напрасно земледѣлъ, согбенный надъ сохой,
Бродилъ вдоль полосы протекшею весной
И потомъ орошалъ наслѣдственное поле,
Богатство милое въ его несчастной долѣ;
Въ невинной радости, напрасно слезы лилъ,
Любуясь издали волнующейся нивой;
Они промчалися: какъ лютый вихрь сгубилъ
Созрѣвшіе плоды руки трудолюбивой.

Всмотрися, Вяземскій, въ героевъ молодыхъ,
Отважно рвущихся на поприще Беллоны!
Чего отечество потребуетъ отъ нихъ?
Одной ли дерзости и крѣпкой обороны?
Созрѣла ль ихъ душа? Напитанъ ли ихъ умъ
Высокимъ знаніемъ и мужества и чести?
Ихъ сердце нѣжное, среди прекрасныхъ думъ,
Училось ли смягчать порывы низкой мести?
О, сколько подвиговъ безсмертныхъ и святыхъ
Готовитъ поприще блистательное ихъ!
Но что жъ увидишь ты въ толпѣ сихъ Леонидовъ,
Защитниковъ гражданъ, отечества опоръ?
Куда направленъ ихъ нетерпѣливый взоръ?
Гдѣ радостный конецъ ихъ горделивыхъ видовъ?
Они свершили все, имъ нечего желать,
Они достигнули своей далекой мѣты,
Когда блестящіе надѣли эполеты.
Счастливъ еще иной, когда успѣлъ сыскать
Иль друга нѣжнаго, иль тихія забавы!
Зачѣмъ притворствовать? Не часто ль видимъ мы
Героевъ будущихъ, воспитанниковъ славы,
Внезапно гибнущихъ, какъ будто отъ чумы,
Отъ поединковъ сихъ, постыднаго убійства?

Гдѣ Ювеналовъ бичъ и мщеніе витійства?
Вооружися имъ! Злодѣйства не щади,
Когда уже оно съ открытой головою!
Разбойника въ позоръ казнятъ на площади:
А какъ того назвать, кто хладною рукою
Въ преступномъ мщеніи возноситъ буйно мечъ,
Чтобы другого жизнь насильственно пресѣчь?
Зачѣмъ тебѣ молчать, наслѣдникъ Ювенала?
Вступись въ свои права и заклейми порокъ!
Пускай для черни онъ и силенъ и высокъ:
Тебѣ ль робѣть его губительнаго жала?

Ужель не видишь ты, какъ гибельная лесть,
Забывъ обѣтъ царю, униживъ долгъ и честь,
Пронырствами идетъ на высшія ступени,
И мыслитъ попирать незыблемый законъ?

Судья въ расправѣ чуждъ и отдыха и лѣни,
И правду грозную таить не любитъ онъ;
Тотъ не поэтъ, кто ждетъ отъ Музъ одной забавы;
Для добродѣтели пиши, пиши для славы!
Пусть смѣлый голосъ твой злодѣевъ устрашитъ:
И лаврами тебя отечество почтитъ.

КЪ N. N.

Царя и правды другъ все въ жертву имъ несетъ;
Любимецъ счастія бѣжитъ отъ наслажденій:
И въ вѣкѣ роскоши, въ кругу всѣхъ обольщеній,
Второй Катонъ, однимъ отечествомъ живетъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Какъ вѣтеръ полевой опавшими листами
Играетъ на лугахъ по прихоти своей,
Такъ водитъ насъ судьба вдоль жизненныхъ путей.
Въ невольномъ странствіи не вѣдаемъ мы сами:
Куда лежитъ нашъ путь, и что вдали насъ ждетъ!

Минутные друзья подъ кровомъ безмятежнымъ,
Мы все нашли, что жизнь прекраснаго даетъ:
И кругъ разрозненъ нашъ, гдѣ счастьемъ ненадежнымъ
На мигъ повеселить судьба хотѣла насъ!
Въ дорогу новую и съ новымъ ожиданьемъ
Какой отъ прошлаго намъ взять съ собой запасъ?
Пускай, бесѣдуя съ нѣмымъ воспоминаньемъ,
Мы тайно сохранимъ хоть призракъ прошлыхъ дней:
И наши радости, чуть слышимо провѣя,
Мелькнутъ намъ въ воздухѣ опять толпой своей.
Такъ путникъ часто пьетъ на бархатѣ полей
Воздушный ароматъ, гдѣ отцвѣла лилея.

КЪ ГНѢДИЧУ И БАРАТЫНСКОМУ.

Есть край за Пулковской горою,
Куда встревоженная лѣнь
Спѣшитъ отъ солнечнаго зною
Подъ вѣковую рощей тѣнь.

Тамъ безконечными рядами
Сѣнистыхъ липъ сады цвѣтутъ;
Подъ ихъ склоненными вѣтвями
Прохлады сладостный пріютъ.

Тамъ дремлютъ зеркальныя воды
Въ тѣни недвижимыхъ древесъ,
И въ лонѣ ихъ яснѣютъ своды
Преобратившихся небесъ.

Туда, о Гнѣдичъ и Евгеній,
Вашъ путь желаемый готовъ:
И царскосельскія вамъ сѣни
Дадутъ гостепріимный кровъ.

А мнѣ въ удѣлъ одно терпѣнье:
Таковъ судьбы моей законъ.
Но чтожъ, и мнѣ есть утѣшенье:
Труды, и Музы, и Баронъ [1]).

[1]) Дельвигъ.

НА СМЕРТЬ С. Д. ПАРЫШКИНОЙ.

Она пришла не для земли;
Не по земному расцвѣтала,
И какъ звѣзда она вдали,
Не приближаясь къ намъ, сіяла;
И вотъ, судьбѣ своей вѣрна,
Ей обреченное свершила:
И все небесное она
Въ красѣ на небо возвратила.

ЭДИПЪ [1].

Въ обитель мрачную супруга Прозерпины,
Съ толпой въ Аидовъ домъ вступающихъ тѣней,
Невѣдомый слѣпецъ предсталъ передъ судей
Загадку разрѣшить земной своей судьбины.
Кто ты, Япетовъ сынъ? спросилъ его Миносъ.
«Премудрый судія, отвѣтствовалъ несчастный:
Что я скажу на твой таинственный вопросъ?
Мнѣ жизнь привидѣлась, какъ Фурій даръ ужасный.
Изгнанникъ безъ вины, младенцемъ я страдалъ:
Моей поверженный рукой, погибъ родитель,
И странника меня вѣнецъ съ престоломъ ждалъ,
Чтобы убійца-сынъ былъ сынъ-кровосмѣситель;
Ужасный для себя, ужасный для людей,
Спаситель родины, отверженникъ природы,
Въ невинной слѣпотѣ и жертва и злодѣй,
Я страшнымъ именемъ своимъ смущалъ народы;
Въ недужной старости дряхлѣвшаго слѣпца,
Сорвавъ съ меня вѣнецъ, любимыя мной чада
Безславью предали несчастнаго отца
И выгнали меня изъ отческаго града». —
Довольно: ты Эдипъ (Миносъ ему въ отвѣтъ).
Итакъ узнай же здѣсь свой жребій сокровенный:
Непроницаемый вовѣкъ боговъ совѣтъ
Послалъ тебя въ урокъ властителямъ вселенной.
На гордой высотѣ престоловъ золотыхъ
Они безсильные рабы верховной воли;
Блистающій вѣнецъ чела не скроетъ ихъ
Отъ взоровъ мстительныхъ неизбѣжимой доли:
Одинъ Сатурновъ сынъ, властительный Зевесъ,
До ада низитъ ихъ, иль выситъ до небесъ.

[1]) Въ рукописи подъ заглавіемъ: *Жертва судьбы*.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Ты здѣсь; я обнимаю вновь
Подъ кровомъ своего Пената
По сердцу милаго мнѣ брата;
И пробуждается любовь
Къ давно-покинутой забавѣ
Сестеръ, плѣняющихъ Парнассъ.
Мой прежній жаръ давно погасъ,
И въ тишинѣ, забывъ о славѣ,
Я на нее смѣнилъ покой:
Но дружество, мой вѣрный геній,
Веселье лучшихъ наслажденій
Призвало вновь ко мнѣ съ тобой.
Мнѣ сладостенъ восторгъ мой новый;
Я чуждъ ласкающихъ похвалъ:
Руководитель-опытъ снялъ
Съ меня ихъ тяжкія оковы;
Мои напѣвы дружбѣ даръ.
Она въ мое уединенье
Другое сводитъ вдохновенье
И воскрешаетъ новый жаръ:
Остывъ душой къ молвѣ безплодной,
Согрѣтъ участіемъ живымъ,
Дѣлюсь довѣрчиво я съ нимъ
Моей забавой благородной.
Все скажетъ мнѣ открытый взоръ:
Я безъ боязни въ немъ читаю
И безъ притворства отвѣчаю
На безкорыстный приговоръ.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Внушитель помысловъ прекрасныхъ и высокихъ,
О ты, чей дивный даръ плѣняетъ умъ и вкусъ,
Наперсникъ счастливый не баснословныхъ Музъ,
Но истины святой и тайнъ ея глубокихъ!
Къ тебѣ я наконецъ въ сомнѣньи прихожу.
Давно я съ грустію на жребій нашъ гляжу:
Но силъ недостаетъ рѣшительнымъ отвѣтомъ
Всю правду высказать передъ неправымъ свѣтомъ.

Въ младенческіе дни, когда ни взоръ, ни слухъ
За тѣсный нашъ предѣлъ съ заботой не стремятся,
Когда намъ рѣзвыя забавы только снятся,
И пламени страстей не знаетъ кроткій духъ,
Зачѣмъ уроками возвышенныхъ дѣяній
Съ душой роднить толпу чарующихъ мечтаній?
Смотри на юношу, какъ жадно ловитъ онъ
Движенье, взглядъ, иль звукъ, гдѣ чувство промелькнуло!
Счастливецъ молодой, онъ видитъ милый сонъ:
Еще его надеждъ ничто не обмануло.
Душа напоена и тѣмъ, что свято есть,
Что за предѣлъ земной всѣ мысли увлекаетъ,
И тѣмъ, что изрекла въ законахъ вѣчныхъ честь,
И тѣмъ, что нѣжный вкусъ, что строгой умъ питаетъ;
Свобода, слава, долгъ на поприще зовутъ.
И выбранъ жизни путь: пришла пора желаній;
Тамъ дружба и любовь въ объятія насъ ждутъ
Съ богатствомъ пылкихъ чувствъ, сихъ милыхъ намъ стяжаній.
Мечты прелестныя, чистѣйшій огнь души,
Не исходите вы изъ стѣнъ, гдѣ освящали
Утѣхи кроткія и кроткія печали!
Останьтеся навѣкъ въ невѣдомой тиши!
На жизненномъ пиру, въ веселыхъ сонмахъ свѣта,
Не ждите вы себѣ ни мѣста, ни привѣта!
Бездушные рабы смѣшныхъ уму забавъ
Не знаютъ нужды въ васъ: они свой санъ презрѣли,
И, посмѣяніемъ все лучшее поправъ,
Идутъ своимъ путемъ безъ мыслей и безъ цѣли.

Какое чувство тамъ удастся раздѣлить,
Гдѣ встрѣтится съ тобой иль шутъ, или невѣжда,
Гдѣ жребій твой рѣшитъ поклонъ или одежда,
И гдѣ позволено лишь глупость говорить?
Отрадно ли душѣ, желаньемъ увлеченной
Возвышенной любви и милыхъ сердцу узъ,
Любовію сгарать къ красавицѣ надменной,
Для коей твой нарядъ есть разумъ твой и вкусъ?
Я съ горемъ оцѣнилъ сей пышный цвѣтъ природы,
Сихъ похитительницъ веселья, сна, свободы,
Ихъ сладость голоса, искуство ногъ и рукъ;
Наружностью одной глаза онѣ плѣняютъ:
Такъ вазы чистыя предъ зеркаломъ сіяютъ;
Но загляни, что въ нихъ: огарокъ, иль паукъ.

Одинъ несчастный былъ: онъ, гладомъ понуренный,
Въ ужасной нищетѣ добыча мрачныхъ думъ,
Не призрѣнный никѣмъ и дружбою забвенный,
Судьбы не побѣдилъ, и свой утратилъ умъ.
Но въ памяти его осталося желанье
Отъ глада лютаго себя предохранять:
Онъ камни счелъ за хлѣбъ, и сталъ ихъ сберегать;
И съ благодарностью онъ бралъ ихъ въ подаянье,
Когда безъ умысла игривою толпой
Съ симъ даромъ вкругъ него дѣтей сбирался рой.
И что же наконецъ? Онъ, бременемъ томимый,
Упалъ, и подавленъ былъ ношею любимой.
Вотъ страшный жребій нашъ! Ослѣплены мечтой,
Мы съ наслажденіемъ спѣшимъ въ свой вѣкъ младой
Обогатить себя высокимъ и прекраснымъ;
Но можетъ быть, какъ онъ, съ сокровищемъ опаснымъ,
Погибель только мы найдемъ въ пути своемъ,
И преждевременно для счастья съ нимъ умремъ:
Оно къ земнымъ бѣдамъ свои бѣды прибавитъ,
Разсудокъ омрачитъ и сердце въ насъ раздавитъ.

ЭПИЛОГЪ.

Какъ мѣсяцъ молодой на спящую природу
Лучи серебряные льетъ;
Какъ ранній соловей веселье и свободу
Въ дубравѣ сумрачной поетъ;
Какъ свѣтлый ключъ въ степи, никѣмъ не посѣщенный,
Прохладною струею бьетъ:
Такъ вдохновенный жрецъ поэзіи священной
Свой голосъ громкій подаетъ.
Онъ пламенную пѣснь надъ хладною землею
Въ восторгѣ чистомъ заведетъ:
Промчится гласъ его, исполненный душою,
И невнимаемый умретъ.

ПЕРЕПИСКА.

ПЕРЕПИСКА СЪ А. С. ПУШКИНЫМЪ.

1.

22 Генваря, 1825 г. Спб. (Въ Михайловское) [1].

Какъ быть, милый Пушкинъ! Твое письмо пришло поздо. Первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2400 экзем. Слѣдственно поправокъ сдѣлать нельзя. Не оставить ли ихъ до втораго изданія? Въ этомъ скоро будетъ настоять нужда. Ты вѣрно уже получилъ мое письмо съ деньгами 500 р. По этому суди, что работа у насъ не дремлетъ, когда дѣло идетъ о твоихъ стихахъ. Всѣ жаждутъ. Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодёжи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня. Если ты въ этой главѣ безъ всякаго почти дѣйствія такъ летишь и скачешь, то я не умѣю вообразить, что выйдетъ послѣ. Но Разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужь не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики? Они до слезъ уморительны. Прочитай во 2-мъ № Сына Отечества брань на

---

[1]) Означеніе мѣста, куда адресовано письмо, приписано на подлинныхъ, по смерти Пушкина, рукою самого Плетнева. Въ письмахъ Плетнева сохраняется его правописаніе.

мое Письмо о русскихъ поэтахъ [1]). Бранятся за Баратынскаго, какъ будто онъ въ своей рамѣ не совершенство, какаго только можно желать. Бранятся за Жуковскаго, какъ будто не съ него начался у насъ чистый поэтическій языкъ. Бранятся за Державина, какъ будто нельзя быть высочайшимъ поэтомъ, не попадая въ золотой вѣкъ. А Гомеръ-то? Но сдѣлай милость держи при критикѣ и мое письмо. Они меня криво толкуютъ. Они хотятъ увѣрить, что я помѣстилъ тебя въ число плаксивыхъ элегиковъ, когда я упомянулъ, что игривость твоя не мѣшаетъ тебѣ въ то же время быть исполненнымъ самою трогательною чувствительностію. Они думаютъ сдѣлать тебѣ честь, сказавши, что у тебя одинъ поэтическій умъ, а нѣжныхъ и глубокихъ движеній сердца ты не разумѣешь. Они разочли, что великому поэту смѣшно быть чувствительнымъ. Имъ кажется, что Шаликовъ чувствителенъ. Вотъ судьи наши! Радуйтесь, чернь рукоплещетъ. Но полно о глупостяхъ.

Козлова завтра увижу и прочитаю твое письмо. Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами. Его Байронъ (мнѣ давно казалось) по частямъ лучше, нежели въ цѣлости. Исторію никакъ не уломаешь въ лирическую піесу. Рылѣевъ это прежде него доказалъ своими Думами. Какія мерзости съ Дельвигомъ дѣлаютъ эти молодцы за Сѣверные Цвѣты. У нихъ на Парнассѣ толкучій рынокъ. Все для денегъ.

О себѣ прошу тебя. Если ты доброжелательствуешъ мнѣ: говори прямѣе. Шутка конечно мила; но дѣло нужнѣе. Послѣ твоихъ побранокъ мнѣ легче исправляться. О стихахъ я ужь не спрашиваю. Но что проза? Главное: есть ли слогъ? Безъ него, по моему мнѣнію, нѣтъ и прозы. Истина мыслей рано или поздо приходитъ, а слога не возмешь ни изъ грамматики, ни въ книгахъ не начитаешь. Тебѣ со стороны легче видѣть все ясно. Толковъ ты не слышишь. Одно осталось тебѣ: диктаторствуй надъ литературными плебеянами, да и только!

---

[1]) Письмо къ графинѣ С. И. Соллогубъ. См. въ 1-мъ томѣ настоящаго изданія, стр. 160.

Я жду отъ тебя отвѣта нетерпѣливо. Пиши обо всемъ, что ты думаешь начать или съ новыми, или съ прежними изданіями. Если хочешь денегъ, то распоряжайся скорѣе. Когда выйдетъ Онѣгинъ, я надѣюсь скопить для будущихъ изданій значительную сумму, не отнимая у твоихъ прихотей необходимаго.

2.

7 Февраля 1825 г. Спб. (Въ Михайловское).

Мнѣ Дельвигъ часто повторяетъ пословицу рускую: если трое скажутъ тебѣ: ты пьянъ, то ложись спать. Послѣ твоего письма о моемъ несчастномъ Письмѣ къ графинѣ [1]) пришлось мнѣ лечь спать. Его облаяли въ Сынѣ Отечества; Баратынскій имъ недоволенъ, ты тоже. Я тебѣ очень благодаренъ, милый Пушкинъ, за всѣ твои замѣчанія. Теперь я буду вѣрить всему, что ты ни скажешь мнѣ. Этаго только и добивался я отъ тебя. Повторю свое:

Твой гордый гнѣвъ
Утѣшнѣе хвалы простонародной [2]).

И въ самомъ дѣлѣ: что за радость писать, когда не узнаешь о себѣ правды отъ людей, которыхъ любишь, и мнѣніемъ которыхъ дорожишь? Но все это не отнимаетъ у меня права защищаться передъ тобою, хоть для одного удовольствія дольше писать къ тебѣ.

1) Я писалъ къ дамѣ, ей Богу, не изъ куростройства, но изъ простодушнаго доброжелательства хоть двухъ-трехъ изъ нихъ заставить прочитать что нибудь порускп; особенно хотѣлось мнѣ завлечь ихъ любопытство познакомиться съ нашими поэтами, когда онѣ узнаютъ хоть по одной піесѣ изъ каждаго. Онѣ, сколько бы мы ихъ ни бранили, все-таки участіемъ своимъ много пособляютъ переносить тяжелое бремя авторства, особенно гдѣ нѣтъ

---

[1]) См. здѣсь предыдущую страницу.

[2]) См. выше, стр. 276, посланіе къ Пушкину.

совсѣмъ времени дѣловымъ людямъ заниматься ни прозой, ни стихами. 2) О Ламартинѣ я потому долженъ былъ часто упоминать, что онъ (какъ ты замѣтилъ изъ начала письма) былъ, такъ сказать, *пари* нашего разговора. Ты ужь гляди на эту вещь въ той рамѣ (пусть она дрянная), въ которой я её поставилъ. 3) Мнѣніе о руской антологіи, которую я воображаю не болѣе, какъ въ два-три печатныхъ листка, не только мое, но и Крылова-Лафонтеновича. 4) Раздѣленія нашихъ поэтовъ въ моемъ письмѣ настоящаго нѣтъ, а употребленное мною есть маленькая хитрость, чтобы только сообщить ей, кто отписалъ, и кто пишетъ. Какъ ты прикажешь сдѣлать, когда и этаго не знаютъ? 5) Драматическихъ писателей я пропустилъ по тому, что вообще полагаю наши трагедіи и комедіи (выключая Недоросль), если не совсѣмъ ничтожными, по крайней мѣрѣ дурными въ отношеніи къ другимъ родамъ. Шаховской, мнѣ кажется, тоже со временемъ получитъ за свои комедіи, что Херасковъ получилъ уже отъ нашего вѣка за свои поэмы. Катенина талантъ я уважаю, но жесткихъ стиховъ его не люблю. Хмѣльницкій опрятенъ, но въ немъ истинной поэзіи не больше какъ и въ нашихъ актрисахъ. 6) У Дмитріева есть пять-шестъ страницъ, которыхъ, кажется, не сгладитъ время. Въ bévues грѣшенъ—не зналъ. 7) О Туманскомъ и А. Крыловѣ согласенъ съ тобой. Впрочемъ я многихъ изъ молодыхъ называлъ за то, что у нихъ есть какое-то ухо, а я терпѣть не могу, у кого одни только уши, какъ напр. у Воейкова и ему подобныхъ. 8) Объ *языкѣ чувствъ* неясно выразился. Мнѣ хотѣлось сказать, что до Баратынскаго Батюшковъ и Жуковскій, особенно ты, показали едва ли не всѣ лучшія элегическія формы, такъ что каждый новый поэтъ долженъ былъ непремѣнно въ этомъ родѣ сдѣлаться чьимъ нибудь подражателемъ, а Баратынскій выплылъ изъ этой опасной рѣки—и вотъ что особенно меня удивляетъ въ немъ. 9) О золотомъ вѣкѣ можно только гадать: но какъ уже не подозрѣвать его, когда наши стихи стали писать правильнѣе, свободнѣе и яснѣе прозы? 10) Разнообразна ли наша Словесность? Въ поэзіи у насъ довольно разнообразія, судя по числу истин-

ныхъ поэтовъ. 11) Направленія нѣтъ—я похвасталъ. 12) Что такое Державинъ? На это очень желаю получить отъ тебя хоть нѣсколько строчекъ, тѣмъ болѣе, что я пока въ душѣ почитаю вѣковѣчными только его, Крылова и А. Пушкина, если онъ на меня за это не сердится и не скажетъ мнѣ дурака. 13) Твоего различенія Батюшкова отъ Вяземскаго не знаю: скажи, ради Бога! А Батюшковъ для меня прелесть. Заключу: я это писалъ письмо къ такой женщинѣ, которая отъ доброй души говорила, будто ей нечѣмъ замѣнить Ламартина порускп. Тебѣ смѣшно, а мнѣ было до слезъ больно. Такимъ образомъ я съ досады все видѣлъ у насъ въ лучшемъ видѣ, нежели оно въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, кажется мнѣ, для успѣховъ литературы полезнѣе по-моему пристрастно хвалить, нежели такъ невѣжественно отзываться о Крыловѣ (за то, что у него теперь нѣтъ *рускихъ* курицъ и *рускихъ* медвѣдей), о Жуковскомъ (за то, что нельзя нарисовать прелести и очарованія первой любви), о тебѣ (что будто Олегъ Вѣщій холоденъ, безъ чувства и воображенія), какъ имѣютъ честь или безчестіе отзываться издатели Сына Отечества № 3. Но довольно. Прошу только тебя не забыть увѣдомить меня о томъ, что я выше самъ означилъ. Остальное прими не за оправданіе, но за исповѣдь.

Ты изъ прежняго письма моего знаешь, что поправокъ сдѣлать въ Онѣгинѣ и Разговорѣ нельзя (если не захочешь ты бросить понапрасну 2400 листовъ велененовой бумаги и оттянуть выходъ книги еще на мѣсяцъ по проклятой медленности нашихъ типографій). Теперь еще требуешь поправки, когда уже все отпечатано. Сдѣлай милость, оставь до втораго изданія.

Предвижу ваше возраженье:
Но тутъ не вижу я стыда....

И въ самомъ дѣлѣ: твоя щекотливость почти не у мѣста. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймемъ. Всякой подумаетъ, будто нельзя и поэмъ писать

Какъ только о себѣ самомъ.

Дельвигъ къ тебѣ не скоро будетъ. Къ нему пріѣхалъ отецъ.

Забылъ было: Письма изъ Италіи точно Перовскаго[1]). О Черепѣ я то же думаю, но желалъ бы видѣть въ немъ нѣсколько стиховъ обдѣланнѣе и общую мысль яснѣе изложенною.

Прошу тебя не замедли отвѣтомъ. Онѣгина надобно выпустить. Если ты долго не отвѣтишь мнѣ, я, напередъ говорю, согрѣшу: выпущу его въ свѣтъ безъ твоего благословенія и, разумѣется, безъ поправокъ.

3.

3 Марта, 1825 г. Спб. (Въ Михайловское).

Нынѣшнее письмо будетъ рапортомъ, душа моя, объ Онѣгинѣ. Я еще, кажется, не извѣщалъ тебя подробно о немъ.

Напечатано 2400 экз. Условіе заключилъ я со Слёнинымъ, чтобы онъ самъ продавалъ и отъ себя отдавалъ, кому хочетъ, на коммиссію, а я, кромѣ него, ни съ кѣмъ счетовъ имѣть не буду. За это онъ беретъ по 10 процентовъ, т. е. намъ платитъ за книжку 4 р. 50 к., продавая самъ по 5 руб. За всѣ экз., которыхъ у него не будетъ въ лавкѣ, онъ платитъ деньги сполна къ каждому 1 числу мѣсяца для отсылки къ тебѣ, или, какъ ты мнѣ скажешь.

1-го Марта, т. е. черезъ двѣ недѣли по поступленіи Онѣгина въ печать, я уже не нашелъ у него въ лавкѣ 700 экз., слѣдовательно онъ продалъ, за вычетомъ процентовъ своихъ, на 3150 руб.

Изъ этой суммы я отдалъ:

1) За бумагу (бѣлую и обертошную)	397 руб.
2) За наборъ и печатаніе	220 —
3) За переплетъ.	123 —
4) За пересылку экземпляровъ тебѣ, Дельвигу, отцу и дядѣ (твоимъ)	5 —
И того	745 руб.

[1]) Говорится объ «Отрывкахъ писемъ изъ Италіи», напечатанныхъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г.

Изъ оставшейся 2405 р. суммы Слёнинъ вычелъ 500 р., которые я взялъ у него для отсылки къ тебѣ еще прежде, нежели Онѣгинъ отпечатался.

Я было думалъ нынче прислать къ тебѣ послѣдніе 1905 руб. но братъ Левъ истребовалъ отъ Слёнина, по твоему предписанію, 2000 р. на выкупъ отъ Всеволодскаго[1]) рукописи твоихъ мѣлкихъ стихотвореній. По этому случаю ты нынѣшній мѣсяцъ остаешься безъ денегъ, даже въ долгу 95 рублей.

И такъ запиши, что изъ доходовъ Онѣгина ты уже израсходовалъ ровно 3245 рублей.

Думаю, что вѣщунъ *Д.*[2]) возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня, и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, чтобъ мое письмо его тамъ застало. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего. Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ *Д.* Только надобно все лучше устроить и побольше прибавить новаго. Тогда на рукахъ ничего не останется. Впрочемъ дѣлай, какъ считаешь лучше. Скажи *Д.*, что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія—и съ новымъ вдохновеніемъ.

Жуковскій работаетъ все около астрономіи. Чернецъ Козлова скоро выйдетъ. Полярная Зв. печатается, также Рылѣева Думы и Войнаровскій.

Не знаю, отъ чего Журналисты тебѣ не присылаютъ своихъ непотребностей. Вѣрно ждутъ отъ тебя посланія. Каченовскій все хлопочетъ о Кавказск. Пл., а его бѣднаго ужь нѣтъ и въ лавкахъ.

Вяземскій болѣнъ—и не на шутку. Говорятъ, что трудно поднять его. А Булгаринъ такъ, слава Богу, жирнѣе день ото дня. О Провидѣніе! Роптать я не дерзаю; но...

---

[1]) Правильнѣе: Всеволожскаго.

[2]) Баронъ Дельвигъ.

4.

18 Іюля, 1825 г. Спб. (Въ Михайловское).

Дѣло объ отпускѣ твоемъ еще не совсѣмъ рѣшилось. Очень вѣроятно, что при докладѣ сдѣлана ошибка. Позволено тебѣ не только съѣздить, но, если хочешь, и жить въ Псковѣ. Изъ этаго видно, что просьбу объ отпускѣ для излѣченія болѣзни поняли и представили, какъ предлогъ для нѣкотораго разсѣянія, въ которомъ ты вѣроятно имѣешь нужду. А то извѣстно, что въ Псковѣ операціи сдѣлать некому. И такъ на этихъ дняхъ будутъ передокладывать, что ты не для разсѣянія хочешь выѣхать изъ Михайловскаго, но для операціи дѣйствительной. Вотъ, почему никто тебѣ объ этомъ и не пишетъ. Сдѣлай милость, ты успокойся. Тебя всѣ твои друзья и братъ любятъ. Льву я не показывалъ твоихъ послѣднихъ двухъ писемъ и не говорилъ, что ты писалъ ко мнѣ. Онъ, можетъ быть, по молодости лѣтъ и разсѣянъ, но тебя очень любитъ. Твое ожесточеніе огорчило бы его. Чтожь мнѣ за радость быть причиною вашей ссоры, которая произошла отъ недоразумѣнія? Напиши ему просто, чтобъ онъ скорѣе кончилъ переписку Разп. Стих. По твоему желанію посылаю Руслана и Кавказ. Плѣн. съ нѣмецкимъ переводомъ, потому что перваго изданія нигдѣ нѣтъ.

Когда будетъ тебѣ нужда въ деньгахъ, напиши ко мнѣ только: *пришли (имярекъ рублей)*! Я всегда могу для тебя достать.

Объ изданіи поэмъ напиши только, въ какомъ форматѣ печатать. Не взять ли форматъ изданія французскихъ поэтовъ XIX вѣка у Ladvocat въ 16-ю большую долю. Дельвигъ тебѣ писалъ обо всемъ, что ты отъ него хотѣлъ знать. Прилагаю письмо для П. А. [1]) полагая, что она еще не уѣхала. Старина Руская [2]) посылается ей же.

---

[1]) Прасковьи Александровны Осиповой, владѣтельницы Тригорскаго, въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ.

[2]) Сборникъ, изданный Корниловичемъ, на 1825 годъ.

Письмо А. С. Пушкина [1]).

3 Августа 1825 г. (Изъ Михайловскаго).

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Р. послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ, — шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? [2]) Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его *Венеціанскую ночь* на голосъ гондолерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego [3]).

Tutto il vostro.

5.

5 Августа. 1825 г. Спб. (Въ Михайловское).

Ты напрасно думалъ, что книгопродавцы наши согласятся на твое выгодное для нихъ предложеніе. Они такіе еще варвары,

---

[1]) По тексту, напечатанному въ *Полярной Звѣздѣ* на 1861 годъ. Въ итальянской припискѣ исправлены нѣкоторыя легкія погрѣшности.

[2]) Свадьба его была 30 октября 1825 года. (*Современникъ*, т. XLVII, Гаевскаго *Дельвигъ*, ст. IV, стр. 6).

[3]) Т. е. «Это писано въ присутствіи той дамы, какъ всякій можетъ видѣть. Прощай, милый поэтъ. Пиши мнѣ пожалуйста. Весь твой». Эта дама была Анна Петровна Кернъ.

что не смѣю и сказать, на какихъ условіяхъ желали бы они пріобрѣсть право изданія поэмъ твоихъ. Оставимъ ихъ. Поспѣшимъ лучше сами все приготовить и начнемъ сами печатать. Мнѣ очень жаль, что я не могу много прислать тебѣ денегъ. Впрочемъ на этой почтѣ я приказалъ Слепину отправить къ тебѣ все, что у него по моему послѣднему съ нимъ счету оставалось, т. е. 725 руб. Покамѣсть поживи ими, а осенью будутъ новыя для тебя деньги, когда возвратятся купцы съ Макарьевской яр. Между тѣмъ вотъ и отчетъ въ этихъ деньгахъ.

28 Марта, при посылкѣ 1000 руб., я сказывалъ тебѣ, что на книгопродавцѣ осталось 7 р. 50 к. Онъ показалъ, что 7 руб. имъ издержаны на разныя посылки по твоимъ коммиссіямъ. Вновь же Онѣгина продано (кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже тебя увѣдомлялъ, т. е. къ 1-му Марта 700 экз., да къ 28 Марта 245 экз.) 161 экз., т. е. на 724 р. 50 к., а прибавя къ этому бывшія на книгопродавцѣ 50 к., получить ты и долженъ ровно 725 р. И такъ, чтобы привести въ ясность тебѣ весь ходъ этой торговли, я повторю: Напечатано 2400 экземпляровъ; за деньги изъ нихъ продано 1106 экз., а безъ денегъ вышло для разныхъ лицъ 44 экз. Слѣдовательно продать осталось еще 1250 экз. И ихъ-то я рѣшился для скорѣйшей продажи уступать книгопродавцамъ по 20 процентовъ, т. е. чтобы тебѣ съ нихъ за экземпляръ брать по 4 руб., а не по 4 р. 50 к., какъ было прежде.

Доволенъ ли ты моими разпоряженіями?

По твоему желанію я послалъ тебѣ Руслана, Плѣнника и Пенинскаго Грам. [1]) Я бы желалъ, чтобы (ты) меня обстоятельно извѣщалъ, что получаешь отъ меня по своимъ порученіямъ. Иначе меня могутъ обмануть. Я не могу самъ все доставлять на почту, а предписываю книгопродавцу, который радъ все писать на счетъ, а ничего не выполнять, буде есть возможность.

Сдѣлай милость, заключи мировую съ Левушкой. Онъ ничего не знаетъ, и въ надеждѣ, что ты съ нимъ попрежнему, отшучи-

---

[1]) Ивана Пенинскаго «Славянская Грамматика, заимствованная преимущественно изъ Грамматики Добровскаго». Спб. 1825. (1-е изд.)

вается, когда ему говорю, какъ онъ спѣшитъ перепискою Разн. Стих. Прикрикни на него по старому, и онъ разомъ отдастъ мнѣ тетрадь готовую для Цензора. Мы всѣ отъ себя обезденеживаемъ. Говорятъ, куй желѣзо, пока горячо, а у насъ оно стынетъ. Да приготовляй поскорѣе предисловіе и поправки ко всѣмъ поэмамъ. Я ихъ разомъ тиспу, и пришлю тебѣ послѣ этаго черезъ недѣлю то, за что ты ихъ хотѣлъ совсѣмъ продать. Слава Богу, что купцы-то еще глупы, а то тебѣ разоренье съ ними.

Для операціи къ тебѣ пріѣдетъ изъ Дерпта Моэль[1]) (если не ошибаюсь), который былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой. Когда онъ услышалъ, что у тебя аневрисмъ, сказалъ: я готовъ всѣмъ пожертвовать, чтобы спасти перваго для Россіи поэта. Это мнѣ сказывала Воейкова, которая къ нему о тебѣ писала: а ты не хочешь ей пожертвовать для альбома ни однимъ стихомъ. Грѣшно!

Жуковскій тебя обнимаетъ. Онъ къ тебѣ самъ напишетъ. Ты не повѣришь, съ какимъ онъ участіемъ всегда говоритъ о тебѣ. Напрасно ты мизантропствуешь. Карамзинъ и всѣ твои прежніе друзья остались къ тебѣ расположены по прежнему. Ты только люби поэзію, а тебя всѣ не перестанутъ и любить и почитать. Ты вѣрно живѣе каждаго чувствуешь: чего здѣсь и желать можно, кромѣ славы, спокойствія самодовольной души и добрыхъ друзей?

6.

29 Августа 1825 г. (Въ Михайловское.)

A propos, не именинникъ ли ты завтра? Поздравляю тебя и цѣлую. Всѣ, мною посланныя, книги ты уже долженъ теперь получить. Я нарочно выправлялся и узналъ что Руская Старина для П. А. отправлена 18 Іюля, Русланъ и Плѣнникъ для тебя 21 Іюля, а Грамматика Пенинскаго для тебя же 7 Августа. Можетъ быть, не скоро доходятъ до тебя повѣстки изъ вашей Поч-

[1]) Т. е Мойеръ, профессоръ хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ.

товой Экспедиціи. Это надобно разобрать самому тебѣ: а то за чтожь пропадать будутъ наши посылки? Слёнинъ только въ томъ виноватъ передъ тобою, что замедлилъ выслать деньги, о которыхъ я тебя предувѣдомлялъ. Теперь онъ исправился и на одной почтѣ съ моимъ письмомъ ты долженъ получить ихъ, но не 725 рублей, а только 525 р. Остальные же 200 р., съ твоего позволенія, на нѣсколько недѣль я у него взялъ для одной собственной крайней нужды. Надѣюсь, что ты на меня не только не будешь сердиться, но похвалишь, что я безъ церемоніи взялъ у тебя, а не у другаго кого. Впрочемъ ты все-таки увѣдомь меня, когда получишь эти 525 р., а я свой долгъ тебѣ возвращу аккуратно, какъ только у меня случатся деньги. Съ St. Florent[1]) не вижу теперь нужды ни въ чемъ условливаться. На будущее время у меня есть другой планъ, о которомъ скажу въ этомъ же письмѣ. Не сердись, что я подробно извѣщаю тебя объ Онѣгинѣ. Аккуратные отчеты—моя слабая сторона. Да это и тебѣ забавно отъ нечего дѣлать. Всеволожскому остальные 500 руб. Левъ давно отдалъ, а Вяземскому 600 еще нѣтъ, какъ онъ мнѣ сказывалъ. Можетъ быть, послѣ того—не знаю. Онъ къ тебѣ вѣрно самъ объ этомъ написалъ уже, или напишетъ. Винится передъ тобой слезно. Поправки твои всѣ получилъ и отдалъ Льву, чтобы онъ непремѣнно помѣстилъ ихъ при перепискѣ твоихъ Раз. Стихотвореній. У тебя въ элегіи: Желаніе славы, одинъ стихъ безъ риѳмы:

Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ..... и проч.

Если это съ намѣреніемъ сдѣлалъ ты, такъ извини, что я по невѣжеству не догадался; если же просмотрѣлъ, то не хочешь ли прислать поправки?

Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію. Я не могу сдѣлать къ нимъ

[1]) Французскій книгопродавецъ.

предисловій и примѣчаній вмѣсто тебя, но 1) потому, что у меня нѣтъ совсѣмъ свободнаго времени; 2) я испортилъ бы все дѣло какою нибудь грубою или глупою ошибкою и проч. Fournier здѣсь уже нѣтъ. Левъ сказалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ. Объ Онѣгинѣ заговаривалъ было я съ книгопродавцами, чтобы они взяли остальные экземпляры съ уступкою имъ за все изданіе 1000 рублей. Никакъ не соглашаются. Они думаютъ, что эта книга уже остановилась, а забываютъ, какъ ее разхватятъ, когда ты напечатаешь еще пѣснь или двѣ. Мы имъ тогда посмѣемся дуракамъ. Признаюсь, я радъ этому. Полно ихъ тѣшить намъ своими деньгами. Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, сколько и твоей славѣ. Желаешь ли ты получить денегъ тысячь до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ съ начала Сентября до конца Декабря?

Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство:

I. Пришли мнѣ (какъ только возможно тебѣ скорѣе вторую и третію пѣсни Онѣгина, чтобы я вмѣстѣ напечаталъ ихъ въ одной книжкѣ въ продолженіе Сентября. Но замѣть, что надобно прислать оригиналъ такъ, какъ отдавать его слѣдуетъ въ Цензуру. Въ противномъ случаѣ дѣло затянется, и я уже тогда не отвѣчаю за успѣхъ. Главное условіе: дослать все такъ, какъ я предлагаю. II. Велѣть Льву въ половинѣ Сентября непремѣнно отдать мнѣ Разныя Стихотворенія, чисто и со всѣми твоими послѣдними поправками переписанныя, чтобы 1-го Октября взялъ я ихъ отъ Цензора и снесъ въ Типографію. III. Приготовь оригиналы, со всѣми своими давними и новыми поправками, примѣчаніями и проч., всѣхъ пяти поэмъ: Руслана, Плѣнника, Фонтана, Разбойниковъ и Цыгановъ — непремѣнно къ 15-му Октября, чтобы я могъ ихъ къ 1-му Ноября взять отъ Цензора и снести въ Типографію. Если это все ты въ состояніи сдѣлать, то я (отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копѣйки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ къ 1-му Января 1826 года

(какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ къ этому одному сроку) не менѣе 50.000 рублей. Въ этомъ

Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то [1]).

Вотъ и расчетъ мой à peu près: Я надѣюсь непремѣнно послѣ изданія 2 и 3 пѣсень Онѣгина продать вдругъ 1-й пѣсни его 850 экземпляровъ, (за вычетомъ процентовъ

книгопродавцу) на		3.400 руб.
Потомъ: 2000 экз. 2 и 3 пѣсн. Онѣгина по 4 р. 50 к. за экз. на		9.000 —
Далѣе 2000 экз. Разныхъ Стих. также по 4 р. 50 к. за экз. на.		9.000 —
Наконецъ 2000 экз. Поэмъ всѣхъ, считая хоть по 13 р. за экз.		26.000 —
	И того	47.400 руб.

Ты уже видишь, что не много недостаетъ до 50.000. Но я надѣюсь съ помощію новаго плана продажи выиграть менѣе уступки книгопродавцамъ и болѣе сбыть вдругъ экз. прямо на деньги, чѣмъ не только оплатится бумага и печатаніе всѣхъ этихъ книгъ, но и достанетъ дополнить сумму до 50.000 рублей. Увѣряю тебя, что это все сбудется: сдѣлай только точно по моему расписанію. Если же ты не уважишь моего усердія и почтешь за шутку то, что я пишу отъ чистаго сердца; тогда Богъ съ тобой. Я тебя отдамъ на съѣденіе книгопродавцамъ; потому что, презрѣвши мой совѣтъ, ты конечно либо самъ, либо черезъ кого нибудь другаго, опять обратишься съ новыми условіями къ этимъ варварамъ, которые этаго только и ждутъ. Но я останусь не безъ грусти; она очень понятна, когда чистѣйшую жертву отталкиваютъ. Что стоитъ тебѣ подождать до Генваря? Ты будешь Крезомъ. Я ужъ не страшаю тебя, что отдамъ твои деньги въ

---

[1]) Два стиха, въ обратномъ порядкѣ, изъ оды «Богъ» Державина.

Ломбардъ; нѣтъ, всѣ тебѣ пришлю преисправно. Дѣлай съ ними что хочешь. Понимаешь ли меня? —

По новому плану моему продажи, я по отпечатаніи новой твоей книги, разсылаю афиши по всѣмъ книжнымъ лавкамъ, гдѣ назначится, какая уступка сдѣлана будетъ, если *на чистыя непремѣнно деньги* возметъ у меня купецъ для продажи 50 экз.; если 100, если 250, если 300 и т. д. Монополіи нѣтъ. Они всѣ усердно готовы брать вдругъ болѣе, потому что больше уступки процентовъ. Въ долгъ никому ни экземпляра. Сверхъ того объявляю, что эта книга продается въ такой то квартирѣ Плетнева, хоть для близь живущихъ. На этихъ экземплярахъ мы ни копѣйки не теряемъ процентовъ. Въ Москву и другіе города также на чистыя деньги. Я въ восторгѣ отъ этой мысли высокой.

NB. Непремѣнно *нашли* мнѣ оффиціальное письмо, въ которомъ пропиши, что «во избѣжаніе де затрудненій въ продажѣ ты не согласенъ, чтобъ я отдавалъ твои изданія въ одну лавку, а требуешь раздачи ихъ по всѣмъ книгопродавцамъ, да вкупѣ усердствуютъ они тебѣ и себѣ». Это письмо я покажу Слёнину, чтобъ онъ не подумалъ, что меня подкупили братія его.

(Съ боку на 1-й стр. этого письма приписано снизу вверхъ вдоль внутренняго края листа:) «P. S. Повторяю: блаженъ будешь, если исполнишь въ точности все, здѣ предложенное».

7.

26 Сентября 1825 г. (Въ Михайловское).

Стихотворенія Александра Пушкина.

Элегіи.

I. Пробужденіе. 1816.
II. Мечтателю. 1818.
III. (Увы! зачѣмъ...). 1819.
IV. (Мой другъ! Забытымной...) 1821.
V. Друзьямъ. 1816.
VI. Выздоровленіе. 1818.
VII. Война. 1821.
VIII. (Я пережилъ). 1821.
IX. (Умолкну скоро я). 1821.
X. Гробъ юноши. 1821.

XI. (Простишь ли мнѣ...). 1823.
XII. (Ты вянешь и молчишь...). 1824.
*XIII. (Я видѣлъ смерть). 1816.
*XIV. Къ ней. 1817.
*XV. Унынiе. 1816.
XVI. (Черное море). 1820.
XVII. Сожженное письмо. 1825.
XVIII. (Ненастный день потухъ). 1823.
XIX. Желанiе славы. 1825.
XX. Андрей Шенье. 1825.

Разныя Стихотворенiя.

I. Воспоминанiя въ Цар. Селѣ. 1814.
II. Къ Овидiю. 1821.
III. Русалка. 1819.
IV. Гробъ Анакреона. 1815.
V. Черная шаль. 1821.
VI. Торжество Вакха. 1817.
VII. Фонтану Бах. Дворца. 1820.
VIII. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. 1822. [1]).
IX. Пѣвецъ. 1816.
X. Амуръ и Гименей. 1816.
XI. Романсъ. 1814.
XII. Наѣздники. 1815.
XIII. Мѣсяцъ. 1816.
XIV. Разлука. 1817.
XV. Адели. 1822.
XVI. Виноградъ. 1820.
XVII. Стансы Т—му. 1819.
XVIII. Уединенiе. 1819.
XIX. Прозерпина. 1824.
XX. Домовому. 1819.
XXI. Вакхическая пѣснь. 1825.
XXII. Друзьямъ. 1822.
XXIII. Къ морю. 1824.
XXIV. Демонъ. 1823.
XXV. Подражанiе Турец. пѣснѣ. 1820.
XXVI. Телѣга жизни. 1823.
XXVII. Наполеонъ. 1822.

Эпиграммы и Надписи.

I. Прiятелямъ.
II. (Охотникъ до Журнальной драки...).
III. (У Кларисы денегъ...)
IV. Добрый человѣкъ.
V. Исторiя стихотворца.
VI. Уединенiе.
VII. Лилѣ.
VIII. Роза.
IX. Имянины.
X. Къ портрету Жуковскаго.
XI. (Судьба свои дары...).
XII. К. А. Б.
XIII. Старикъ.

*) Заглавiя: XIII, XIV и XV зачеркнуты и противъ нихъ рукою Пушкина написано: «Не нужно».

[1]) Плетневымъ было написано: 1823; рукою Пушкина переправлено: 1822.

XIV. Веселый пиръ.
XV. (Хоть впрочемъ онъ...).
XVI. Иностранкѣ.
XVII. (Какъ брань тебѣ...).
XVIII. Не спрашивай зачѣмъ унылой..).
XIX. Пріятелю.
XX. Усы.
XXI. Живъ, живъ Курилка.
XXII. На выпускъ птички.

Подражанія Древнимъ.

I. Доридѣ.
II. (Рѣдѣетъ облаковъ...).
III. Муза.
IV. Нереида.
V. Діонея.
VI. Дорида.
VII. Дѣва.
VIII. Ночь.
IX. Примѣты.
X. Земля и море.
XI. Красавица предъ зеркаломъ.

Посланія.

I. Къ Лицинію. 1815.
II. Къ Вс—му. 1819.
III. Отрывокъ. 1817.
IV. Къ Н. Я. П. 1818.
V. Къ Ш—ву. 1816.
VI. Къ Дельвигу. 1817.
VII. Къ Кривцову. 1819.
VIII. Къ Алексѣеву. 1821.
IX. Къ К**—. 1823.
X. Къ Козлову. 1825.
XI. Къ Прелестницѣ. 1818.
XII. Къ N. N. 1819.
XIII. Къ Ч**. 1820.
XIV. Къ Гречанкѣ. 1821.
XV. Къ дочери Карагеоргія. 1822.
XVI. Къ Жуковскому. 1818.
XVII. Къ Ч**. 1821.

NB. Что бы прибавить здѣсь:
Къ Плетневу.

Подражанія Корану.

1824.

I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX.

Вотъ тебѣ, милый Пушкинъ, оглавленіе. Я въ такомъ видѣ получилъ твои стихотворенія отъ брата Льва, а разпоряженіе дѣлалъ самъ Жуковскій. Въ этомъ видѣ послалъ я ихъ и къ Бирукову [1]). Но прежде, нежели начну печатать, ты сдѣлай свои перемѣны, какія почтешь нужными. Кажется, въ разпоряженіи есть странности. Отъ чего, на пр., къ *Лицинію* въ Посланіяхъ, а къ *Овидію* въ Разн. Стих., отъ чего *Усы* въ Эпигр. и надп., а къ *Прелестн* въ Посланіяхъ? Ты свѣжими глазами лучше все пересмотришь и, переправивъ, какъ должно, возвратишь мнѣ этотъ листокъ, или перепишешь его надосугѣ, какъ слѣдуетъ. Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, чтобы ты выставилъ годы противъ каждой ужь піесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя и красивѣе для оглавленія. Левъ мнѣ сказывалъ, что у тебя есть прелюбопытныя примѣчанія къ *Воспом. въ Цар. Селѣ*. Пришли ихъ, и также ко всему, къ чему тебѣ захочется; а то теперь замѣчанія только у *Андрея Шенье* и *Подражаній Корану:* этаго мало; другимъ піесамъ завидно. Я назову всю книгу просто: *Стихотворенія Ал. Пуш.*, для того, чтобы второй разрядъ можно было назвать: *Разныя Стихотворенія*. Если же книгу всю назвать: *Разн. Стихотв.*, то не обойдешься во второмъ разрядѣ безъ *Смѣси*, которой ты не жалуешь. Мы много ставили годовъ *на обумъ*: все поправь, что нужно. Тебѣ ужь надобно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человѣкъ премѣлочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности. Если хочешь приложить предисловіе; то пришли его поскорѣе. Я, какъ сказывалъ тебѣ, не могу ничего написать, да и трудное дѣло говорить за тебя. Подъ твой языкъ не поддѣлаешься. Виньеты, рѣшительно говорю, не будетъ. Съ художниками нашими не возможно имѣть дѣла. Они всѣ побочныя дѣти Аполлона: *не понимаютъ насъ они*. Да и что придастъ твоимъ стихамъ какая нибудь глупая фигура надъ пустоцвѣтомъ? Придетъ время: тогда не такъ издадутъ. Форматъ я возьму въ небольшую осмушку,

---

[1]) Цензору.

чтобы не ломать ни одного стиха. По твоему желанію напечатаю 1200 экз. и продавать буду по 10 руб. Только, сдѣлай милость, не задержи меня своимъ отвѣтомъ и всѣмъ, что нужно для разрѣшенія моихъ недоумѣній. Я навѣрно получу рукопись отъ Бирукова къ 1 Октября. Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный проклятою своею должностью.

Отвѣты Перовскаго [1]).

1 Вопр. Зачѣмъ Финнъ дожидается Руслана? *Отв.* Онъ предвидѣлъ, что Русланъ къ нему пріѣдетъ. *2 Вопр.* Зачѣмъ Финнъ разсказывалъ Руслану свою исторію? *Отв.* Затѣмъ, что онъ зналъ кто Финнъ; притомъ старики словоохотны. *3 Вопр.* Какъ можетъ Русл. въ несчастномъ положеніи внимать старцу? *Отв.* Его положеніе не было несчастно: Финнъ его съ начала ободрилъ. *4 Вопр.* Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ? *Отв.* Дурная привычка. Или свистали вмѣсто того, чтобы погонять лошадь англійскимъ хлыстикомъ. *5 Вопр.* Зачѣмъ трусъ Фарлафъ поѣхалъ искать Людмилу? *Отв.* Трусы часто ѣздятъ туда же, куда и храбрые. *6 Вопр.* Справедливо сравненіе на стран. 43? *Отв.* Точно. *7 Вопр.* Зачѣмъ карла приходилъ къ Людмилѣ? *Отв.* Какъ хозяинъ съ визитомъ. *8 Вопр.* Какъ Людмилѣ вздумалось надѣть шапку? *Отв.* Съ испугу, какъ справедливо замѣтилъ и вопрошатель. *9 Вопр.* Какъ колдунъ *это* позволилъ? *Отв.* Она безъ позволенія сдѣлала это. *10 Вопр.* Какъ Русланъ бросилъ Рогдая въ воду какъ ребенка? *Отв.* Прочитайте въ поэмѣ. *11 Вопр.* Зачѣмъ карла не вылезъ изъ котомки? *Отв.* Русланъ прежде смерти крѣпко затянулъ котомку ремнемъ, оставивъ небольшое отверстіе, черезъ которое карла могъ просовывать только голову.

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ слѣдуетъ въ подлинникѣ писанная рукою Плетнева же приписка.

Вяземской теперь въ Москвѣ. Требуй отъ него самъ войну со Лжедмитріевымъ. Онъ вѣрно съ большою охотою тебѣ пришлетъ ее.

Вотъ отчетъ, который Левъ просилъ меня доставить тебѣ о деньгахъ твоихъ. Всеволожскому отданы всѣ деньги; за коляску также; на 200 руб. купится тебѣ книгъ и пр. и перешлется на дняхъ въ Михайловское; прочія деньги имъ прожиты, отъ чего Вяземскому и не достало. Крылова басни не выйдутъ прежде Декабря. Дельвигъ еще не женатъ, но скоро будетъ. О Mémoires поговорю съ St. Florent и доставлю. Гнѣдичь пріѣхалъ съ Кавказа. Новосильцовъ и Черновъ умерли оба, если ты слышалъ объ ихъ дуэли. Жуковскій теперь въ Гатчинѣ. Козловъ кончилъ Абидосскую Невѣсту. Кстати: онъ, выслушавъ твоего Шенье, просилъ тебѣ дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье послѣ, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: «Каинъ! гдѣ братъ твой Авель!».

Если Цензоръ что вычеркнетъ изъ твоихъ піесъ, я буду печатать съ пропусками, прибавивъ на концѣ, что они сдѣланы самимъ авторомъ: безъ того нельзя. Не знаю, все ли я тебѣ пересказалъ, что хотѣлось.

Письмо А. С. Пушкина [1]).

Конецъ 1825 года (изъ Михайловскаго).

Милый, дѣло не до стиховъ, — слушай въ *оба уха* [2]): если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно они вспомнятъ обо мнѣ.... Если брать, такъ брать, — не то, что́ и совѣсти марать. — Ради Бога, не просить у Царя позволенія мнѣ

---

[1]) По подлинному тексту изъ тетради г-жи Елагиной.

[2]) Слова, взятыя изъ комедіи Кюхельбекера: *Шекспировы Духи* (Спб. 1823), о которой Пушкинъ высказалъ свое мнѣніе и самому автору. См. *Р. Арх.* 1870, гдѣ напечатано и это письмо къ Плетневу.

жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ; чортъ ли въ нихъ,—*а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ*. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои—хочется съ вами еще передъ смертію поврать; но конечно благоразумнѣе бы отправиться за море—Что мнѣ въ Россіи дѣлать? Покажи это письмо Ж—у, который можетъ быть на меня сердитъ—Онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя-ли дамъ взбутораживать? ...душа! я пророкъ, ей Богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc.—Выписывайте меня, красавцы мои,—а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Къ стати: Борька [1]) также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ байронничаетъ, описываетъ самого себя!—мой юродивый впрочемъ гораздо милѣе Борьки,—увидишь. Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ. Воейковъ не напроказилъ ли чего нибудь? Я его Сент. книжки не читалъ [2]). Онъ что-то со мною трусятъ. Кюхель (бекера) *Духи*—дрянь; стиховъ хорошихъ очень мало, вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно.—Не говори этого ему—онъ огорчится.

(Съ боку на 1-й стр. приписано:) Не ужто *Ил. Мур.* Загорскаго? если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да: какъ жаль, что онъ умеръ!

8.

21 Генваря 1826 г. (Въ Михайловское).

Вотъ тебѣ, радость моя, и книги. Письма de Junius заплатилъ я 15 руб. Театръ de Schiller 40 р., да его мѣлкія стихотворенія особо 8 руб. И такъ нынѣшняя посылка собственно для тебя стоитъ 63 рубля. Сверхъ того получишь ты наличными деньгами (въ общій счетъ издерживаемыхъ мною для тебя денегъ тво-

---

[1]) Борисъ Федоровъ, какъ авторъ романа *Князь Курбскій*, изъ котораго тогда появились отрывки.

[2]) Книжки журнала *Новости Литературы* за сентябрь 1825 г., со статьей Воейкова: «Екатеринославъ», въ которой говорится о Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Державинѣ и проч.

ихъ) отъ Прасковьи Александровны 156 рублей, которые изъ твоихъ же издержалъ я на покупку ей двухъ анкорковъ вина и двѣнадцати бутылокъ рома; потому что человѣкъ ея мало получилъ за продажу и ничего не могъ мнѣ дать на покупки для своей барыни.

Прошу тебя сказывать мнѣ, доволенъ ли ты остаешься моими покупками, какъ съѣстными, такъ и питейными, а равно и читательными. Ты мнѣ своимъ одобреніемъ прибавишь куража, а побранкой выучишь. На случай надобности книгъ посылаю тебѣ и Каталогъ С. Флорана.

Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомь) пять экз. твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? Не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?

Мнѣ Карамзины поручили очень благодарить тебя за подарокъ имъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты велишь. Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же проситъ. Сдѣлай милость, напиши имъ всѣмъ по письмецу.

Я продалъ въ разныя руки книгопродавцамъ твоихъ Стихотвореній до 600 экз., съ уступкою 20 процентовъ, потому что на (на)личныя деньги. У меня теперь твоей суммы, за всѣми издержками по изданію и по разнымъ къ тебѣ посылкамъ, съ остальными деньгами отъ Онѣгина, хранится болѣе 4.000 рублей. Изъ этой суммы Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000. Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой нибудь натуры, или приступить къ какому нибудь новому изданію? Умоляю тебя, напечатай одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя нѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жаръ. Ужь я и то боюсь: стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй

главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол. Звѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!

Скоро выйдутъ Пиры и Эда; также Сѣверные Цвѣты. Другіе альманахи всѣ дрянь. Я думаю, тебѣ все-таки наслали ихъ издатели.

Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь; не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ разсужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковскаго. Они очень могутъ тебѣ быть полезными при твоемъ *аневризмѣ*. Съ такой болѣзнію шутить не надобно.

Весь твой Плетневъ.

Письмо А. С. Пушкина [1].

Начало 1826 года (изъ Михайловскаго).

Душа моя, спасибо за *Стих. Ал. П.*, изданіе очень мило: кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится—Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески. —

Что дѣлается у васъ въ П. Б.? я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать.—Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно, я туда не намѣренъ —но неизвѣстность о людяхъ съ которыми находился въ короткой связи меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость Царскую—Къ стати: Не можетъ ли Ж. узнать могу-ли я надѣяться на Высочайшее снисхожденіе, я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26. Покойный Имп. въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки не религіозныя—другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ Царь не позволитъ удалиться куда нибудь, гдѣ бы потеплѣе?—если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ П. Б.—а?

Прости душа — скучно мочи нѣтъ.

---

[1] По подлинному тексту, изъ тетради г-жи Елагиной.

9.

6 Февраля 1826 г. (Въ Михайловское).

Посылаю, душа моя, по желанію твоему тысячу рублей. Напрасно ты нападаешь на меня за знаки препинанія. Можетъ быть, ты самъ виноватъ. Рукопись прислалъ ты очень неисправную, а ее переписывалъ какой-то писарь; и такъ еще болѣе испортилъ. Послѣ того трудно добиться вездѣ аккуратно до настоящаго смысла. Совѣтую тебѣ впередъ отдавать кому нибудь переписывать у себя, да послѣ просматривать. А безъ того заочно всегда будутъ неисправности.

Ты отказываешься прислать Годунова за тѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно жь будетъ когда нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дни на три къ себѣ какаго нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возмется переписывать тебѣ.

Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужь Вел. Постъ. Это послѣднее время. Послѣ Свят. Недѣли книжная торговля прекращается. Опять принуждены будемъ ждать зимы. Уже ли ты въ нынѣшнюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ *Стих. Ал. Пуш.* Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Уже ли не допрошусь я.

Скажи Пр. Ал., что я получилъ отъ нея 25 р., но не высылаю книгъ по тому, что онѣ еще не вышли. Эда и Пиры должны явиться на дняхъ, за ними Сѣв. Цвѣты, а ужь послѣ Крыловъ.

Карамзинъ болѣнъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ. Жуковскій не писалъ стиховъ на смерть Государя, а для выпуска въ Институтѣ, которые однакожъ посвящены воспоминанію объ Императорѣ покойномъ. Я ихъ еще не получилъ. Получу, такъ и пришлю. Гнѣдичь также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца Иліады.

Обнимаю тебя и желаю, чтобы ты былъ у себя съ писаремъ.

Дельвигъ тебѣ уже писалъ.

Плетневъ.

Письмо А. С. Пушкина [1]).

2 Марта 1826 г. (Изъ Михайловскаго).

Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады — или реку въ сердцѣ моемъ; нѣсть Фебъ. Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишете меня въ ПБ. Что это въ самомъ дѣлѣ? стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ и часы и полу-медаль [2]), а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть: отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ [3]), по крайней мѣрѣ пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ ПБ. — Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ и квитъ. — Получили ли мои пріятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? — А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай, да нанимай писцовъ Опочкинскихъ да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите.

10.

27 Февраля 1826 г. (Въ Михайловское).

Стихотвореній Александра Пушкина [4]) у меня уже нѣтъ ни единаго экз., съ чѣмъ его и поздравляю. Важнѣе того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя

---

[1]) По тексту, напечатанному въ альманахѣ *Русская Правда* на 1860 годъ, съ примѣчаніемъ, что на наружной сторонѣ этого письма, посланнаго безъ особаго конверта, стоялъ штемпель Опочкинской почтовой конторы 1826 г. марта 4.

[2]) 30 января 1826 г. Россійская Академія присудила поэту Слѣпушкину медаль средней величины, а Государь, по ходатайству Шишкова, пожаловалъ крестьянину-самоучкѣ кафтанъ.

[3]) Академикамъ выдавались за каждое засѣданіе жетоны или дарики.

[4]) Т. е. изданія 1826 года.

больше отъ меня ничего получить. Это быстрое разтеченіе твоихъ сочиненій впередъ заставитъ ихъ прежде отпечатанія скупать ихъ гуртомъ на наличныя деньги. При продажѣ нынѣшней я руководствовался формою, которая изобрѣтена была Гнѣдичемъ, по случаю продажи Стихотвореній Батюшкова и Жуковскаго. Вотъ она: 1) Покупщику, требующему менѣе 50 экз., нѣтъ уступки ни одного процента. 2) Кто беретъ на чистыя деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 пр. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. Кто 1000 экз., уступается 30 проц.

Къ нашему благополучію книгопродавцы наши такъ еще бѣдны или нерасчетливы, что изъ послѣднихъ двухъ статей ни одинъ не явился, и всѣ покупали по 4-ой статьѣ.

На будущее время я отважусь предложить имъ одну общую статью: кто бы сколько ни бралъ, деньги долженъ вносить чистыя и уступки больше 10 проц. не получитъ. Меня затруднялъ способъ сохранять отпечатанныя книги до продажи всѣхъ, особенно при большомъ изданіи; но теперь и это препятствіе уничтожено: слѣдственно ничто меня не принудитъ сдаваться этимъ Вандаламъ. Только еще прошу тебя обязать меня оффиціальнымъ письмомъ (да не причтутъ мнѣ этой новости въ притѣсненіе торговли ихъ!), что я не имѣю права сбавлять или увеличивать число процентовъ выше или ниже 10.

Скажи теперь по совѣсти, правъ ли я въ своихъ предсказаніяхъ на счетъ твоихъ доходовъ. Возпользуйся же еще нынѣшней зимой, а лѣтомъ нѣтъ продажи книгъ. Если ты не рѣшился выписывать писаря, пришли мнѣ черновыя бумаги; я или самъ перепишу, или найму; потомъ все переписанное перешлю тебѣ для свѣрки или поправокъ; тогда ты обратно мнѣ перешлешь бумаги, и я приступлю къ печатанію. Въ твоей волѣ, что теперь начать: второе ли изданіе Разн. Стихот. (но въ этомъ случаѣ, надобно что нибудь прибавить; потому что въ другой разъ нѣкоторыхъ піесъ ужь не пропустятъ), Бориса ли, Онѣгина ли, или Цыгановъ. Только сдѣлай милость, не медли. Остается не болѣе

двухъ мѣсяцевъ, въ которые еще можно что нибудь сдѣлать. Жуковскій особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ, и еще (когда позволишь) на лекціи его [1]). Другая его къ тебѣ коммисія состоитъ въ томъ, чтобы ты написалъ къ нему письмо серіозное, въ которомъ бы сказалъ, что, оставляя при себѣ образъ мыслей твоихъ, на кои никто не имѣетъ никакаго права, не думаешь играть словами никогда, которыя бы противорѣчили какому нибудь всѣми принятому порядку. Послѣ этого письма онъ скоро надѣется съ тобою свидѣться въ его квартирѣ.

Что велишь дѣлать съ твоими деньгами? Хоть я не привелъ въ совершенно аккуратный счетъ всю операцію нынѣшняго изданія, но имѣю въ рукахъ (кромѣ издержанныхъ на нѣкоторыя къ тебѣ посылки, отосланной по твоему требованію *тысячи*, употребленныхъ на изданіе и заимообразно отданныхъ Дельвигу *двухъ тысячъ*) *пять* тысячъ. Распоряжайся, милый, поскорѣе. Ты мнѣ давно не писалъ. Жду нетерпѣливо твоего отвѣта. Что скажешь объ Эдѣ? Скажи П. А. [2]), что Крыловъ еще не вышелъ, также и Сѣв. Цвѣты. Все пришлю, какъ скоро появится. Б—кій вышелъ въ отставку и живетъ въ Москвѣ. Братъ твой здоровъ. Карамзину и Гнѣдичу лучше. Жуковскій страдаетъ гимороидами. Я весь къ твоимъ услугамъ. Обнимаю тебя.

Плетневъ.

Письмо Пушкина.

Мартъ или начало Апрѣля 1826 г. (Изъ Михайловскаго) [3]).

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо отъ Заикина съ увѣдомле-

---

[1]) Т. е. конечно, на урокѣ Великому Князю.

[2]) Осиповой, см. выше, стр. 320.

[3]) По тексту, напечатанному В. П. Гаевскимъ въ январской книжкѣ *Вѣстника Европы* 1881 года; при этомъ письмо ошибочно помѣщено между

ніемъ о продажѣ *Стих. А П.* и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ піесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ, время не уйдетъ, все перемелется — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изд. (однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв., или это одни твои предположенія?) Знаешь ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится — въ собраніи же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро* [1]), которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ [2]). — Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Ж., а не отъ другова — впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи? въ моемъ Борисѣ бранятся по м.... па всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу.

Прощай, мой другъ [3]); деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Д. [4]).

письмами къ Дельвигу, что́ уже прежде было сдѣлано въ *Полярной Звѣздѣ* на 1861 г. На это недоразумѣніе было указано мною въ статьѣ: «Переписка Пушкина съ Плетневымъ» (*Вѣстникъ Европы*, мартъ 1881 г.).

[1]) Читай по-русски *Беппо*: вѣроятно, *Графъ Нулинъ*.

[2]) Офиціальное письмо Пушкина къ Жуковскому, о которомъ здѣсь говорится, напечатано въ «Р. Архивѣ», 1870, стр. 1179, между письмами его къ разнымъ лицамъ.

[3]) Въ *Полярной Звѣздѣ* и въ 8-мъ (Московскомъ) изданіи сочиненій Пушкина: «Мой Доня», но у г. Гаевскаго было въ рукахъ подлинное письмо, и прочитано: «мой другъ».

[4]) Съ Дельвига. См. выше, стр. 334.

11.

14 Апрѣля 1826 г. (Въ Михайловское).

Не удивляйся, душа моя, что я цѣлый мѣсяцъ не писалъ къ тебѣ. Этотъ мѣсяцъ былъ для меня черпымъ не тотько въ году, но и во всей жизни. Съ роду не бывалъ я боленъ и не пробовалъ, каковы на свѣтѣ лѣкарства; а теперь безпрестанно ихъ глотаю черезъ часъ по двѣ ложки. Это однакожь не помѣшало мнѣ, хоть съ разными изворотами, исполнить всѣ твои коммиссіи, а именно:

1) Князю Вяземскому отослано 600 рубл.

2) Слѣнушкину доставленъ экз. твоихъ Стих.

3) Тебѣ посланы 2, 3 и 4 части Мнемозины.

4) Сверхъ того посланы тебѣ новое изданіе басень Крылова и Сѣверн. Цвѣты.

5) Отдано твое письмо Жуковскому. Ты вѣрно не знаешь, какой у насъ теперь моръ на писателей. Жуковскій боленъ отчаянно и для своего спасенія получилъ совѣтъ ѣхать на теплыя воды. Карамзинъ не можетъ здѣсь выздоровѣть, и потому отправляется моремъ до Бордо, а оттуда по южной части Франціи во Флоренцію, гдѣ проживетъ два года. Гнѣдичу говорятъ доктора, что онъ можетъ ожидать спасенія отъ весны, а не отъ нихъ. Можешь по этому вообразить, въ состояніи ли кто нибудь въ этомъ положеніи начать какое нибудь важное дѣло. Сверхъ того такъ много еще хлопотъ постороннихъ. Мой совѣтъ и всѣхъ любящихъ тебя провести нынѣшнее лѣто въ деревнѣ. Къ осени Жуковскій возвратится. Дѣлъ важныхъ сбавится. Все взойдетъ въ обыкновенное теченіе. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебѣ легко возражать, что за совѣтами нужды ни у кого не будетъ. Но ты хладнокровнѣе обними стеченіе этихъ странныхъ обстоятельствъ, и самъ согласишься, что прежде надобно заняться чѣмъ нибудь общимъ, а потомъ приступить къ частному.

6) Послана тебѣ рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣе пришли: такъ и тиснемъ. Кстати. Не можешь ли ты

рѣшиться напечатать второй главы Онѣгина? Это необходимо нужно. Теперь она ходитъ въ самой неисправной рукописи по городу, и отъ этаго скоро къ ней потеряютъ вкусъ. Сдѣлай милость, напечатай: тогда скорѣе разойдется и первая. Ты отъ этаго тьму получишь денегъ.

7) Не стыдно ли тебѣ такую старину воспоминать, каково дѣло твое съ Ольдекопомъ. Книги его ужь нѣтъ ни экземпляра; да я не знаю, существуетъ ли онъ въ какомъ нибудь форматѣ. И изъ чего ты хлопочешь? Если хочешь денегъ: согласись только вновь напечатать Кавказ. Плѣн., или Бахч. Фон., и деньги посыплются къ тебѣ. Если хочешь примѣромъ его учить другихъ: этаго никто не дѣлалъ, да и не сдѣлаетъ. Оставь во рту у нищаго кусокъ. Если его вырвешь, онъ, можетъ быть, умретъ съ голода, а ты досыта не наѣшься. Я бы очень желалъ, чтобъ ты нѣсколько замѣчаній своихъ на Тацита пустилъ въ ходъ съ цитатами. Это у многихъ повернуло бы умы. Не полѣнись, любезный братъ. Къ Баратынскому ты слишкомъ пристрастенъ. Онъ любитъ еще играть словами; въ слогѣ есть кокетство; во многомъ Французъ, хоть и люблю его до смерти. Твое письмо къ брату убійственно. У меня бы рука не поднялась такъ *отвѣчать*. На Аладьина плюнь.

12.

2 Января 1827 г. Спбургъ. (Въ Москву).

Я въ послѣднее время получилъ отъ тебя, любезный Александръ Сергѣевичъ, три письма почти вдругъ. Но они такъ прибыли ко мнѣ безпорядочно въ отношеніи къ помѣченнымъ тобою числамъ, и такъ противурѣчатъ одно другому своимъ содержаніемъ, что я ничего не смѣлъ по нимъ сдѣлать. Ожидаю новыхъ отъ тебя повелѣній. Между тѣмъ, во избѣжаніе разноголосицы, повторяю, на чемъ дѣла наши остановились. Послалъ я тебѣ въ Опочку 1000 рублей, какъ ты требовалъ. При этой посылкѣ приложенъ счетъ, сколько всего я получилъ за изданіе 1 Главы

Онѣгина и Стихотвореній А. П., сколько изъ нихъ издержалъ, сколько состоитъ въ товарѣ, сколько въ долгу и сколько у меня остается наличныхъ. О выдачѣ 600 руб. вдовѣ Кондрат. никогда ты мнѣ не писалъ и только въ первый разъ я это вижу въ послѣднемъ твоемъ письмѣ. Слѣд. эта статья не числится у меня ни въ расходѣ, ни въ долгу.

Если ты заблагоразсудишь что нибудь приказать мнѣ, то теперь начинай снова (послѣ этаго письма).

Очень жалѣю, что ты не побывалъ у насъ и не порадовалъ собою друзей своихъ. Москва счастливѣе. Она перетянула тебя. Боюсь, чтобы теперь съ Петербургской Литературой не случилось казуса, какой воспослѣдовалъ съ Московской по отъѣздѣ Карамзина и Жуковскаго къ намъ. А, кажется, этаго не миновать, хотя Ѳаддей и увѣряетъ благоразумныхъ читателей, что не опасно, когда преимущественно участвуетъ въ изданіи Журнала первокласный поэтъ. Мнѣ тутъ болѣе всего обидно, что ты не намѣкнулъ даже мнѣ, какіе у тебя литературные планы. Правду сказать, что я въ любви самый несчастный человѣкъ. Кого ни выберу для страсти, всякой меня броситъ. Баратынскій, котораго я право больше любилъ всегда, нежели теперь кто нибудь любитъ его, уѣхавши въ Москву, не хотѣлъ мнѣ ни строчкой плюнуть. Самъ Дельвигъ скоро промѣняетъ меня на гранпасьянсъ. Но Богъ съ вами, братцы! Вижу, что любви и дружбы нѣтъ безъ равенства, или, по крайней мѣрѣ, безъ денегъ. Что прикажешь дѣлать съ Цыганами? Они пропущены. Здѣсь печатать, или къ тебѣ переслать? Не одолжишь ли меня годовымъ экземплярцемъ своего Журнала? [1]) Выписалъ бы за деньги, да право нѣтъ ихъ.

Плетневъ.

---

[1]) Т. е. *Московскаго Вѣстника*, въ изданіи котораго Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе.

13.

18 Января 1827 г. Спбургъ. (Въ Москву).

Въ последнемъ къ тебѣ письмѣ своемъ отъ 2 Января 1827 года (котораго, кажется, еще ты не получилъ) я объяснилъ, почему не могъ ни во Псковъ послать 2.000 рублей, ни доставить 600 руб. вдовѣ Кондр.

По желанію твоему препровождаю къ тебѣ всѣ наличныя деньги, оставшіяся у меня отъ продажи двухъ книгъ твоихъ. Для ясности счетовъ не лишнимъ нахожу показать тебѣ общіе итоги прихода и разхода денегъ твоихъ.

Изъ поступившихъ въ дѣйствительную продажу 2356 экз. 1 Главы Онѣгина остается въ лавкѣ Слёнина только 750 экз., т. е. на 3.000 рублей, а прочіе 1606 экз. уже проданы и за нихъ получены деньги сполна *6.977 руб.*

Изъ 1130 экз. Стихотвореній А. Пушкина, поступившихъ въ дѣйствительную продажу, ни одного уже не осталось, и за нихъ получены деньги сполна *8.040 руб.*

Слѣдственно общій приходъ твоихъ денегъ былъ **15.017 руб.**

Послѣ отправленныхъ мною къ тебѣ въ Опочку 19 Ноября прошлаго года 1.000 руб. (гдѣ приложенъ былъ и счетъ всѣхъ разходовъ) я не сдѣлалъ новыхъ издержекъ, кромѣ *38 р. 20 к.*, процентныхъ и вѣсовыхъ денегъ на почту. Сложность всѣхъ разходовъ, по присоединеніи сихъ денегъ къ *9.893 р. 80 к.* (тогдашнему итогу издержекъ), теперь простирается до **9.932 руб.**

Такимъ образомъ остаточная у меня сумма твоихъ денегъ должна бы состоять изъ *5.085 руб.* Но такъ какъ отъ Дельвига я не получилъ еще данныхъ ему въ долгъ твоихъ денегъ *2.200 руб.;* то дѣйствительный остатокъ у меня состоитъ теперь только изъ *2.885 руб.*, которые и отправляю къ тебѣ.

P. S. Цыганами завѣдываетъ Дельвигъ. Не знаю, гдѣ теперь они.

14.

27 Августа 1827 г. (Въ Москву).

Отъ Генерала Бенкендорфа я получилъ два отношенія на твое имя. Препровождаю при семъ случаѣ копіи обоихъ:

I «Представленныя вами новыя стихотворенія ваши Государь Императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ. Возвращая вамъ оныя, я имѣю обязанность изъяснить слѣдующее заключеніе: 1) *Ангелъ* къ напечатанію дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третія глава *Евгенія Онѣгина* тоже. 4) *Графа Нулина* Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно два стиха: *Порою съ бариномъ шалитъ* и *Коснуться хочетъ одѣяла*; впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать. 5) *Фаустъ и Мефистофель* позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста: *Да модная болѣзнь: она Недавно вамъ подарена*. 6) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанію своему не приличны къ напечатанію [1]. Сверхъ того Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева».

II. «На письмо ваше о перепечатаніи Г. Ольдекопомъ Кавказскаго Плѣнника вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ мнѣ не остается ничего другаго вамъ отвѣтить, какъ то, что родителю Вашему объявлено было тѣми Мѣстами, отъ которыхъ это зависѣло. Перепечатаніе вашихъ стиховъ вмѣстѣ съ переводомъ вѣроятно послѣдовало съ позволенія Цензуры, которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками».

Я уже приступилъ къ печатанію Онѣгина. Напиши, *по чемъ* его публиковать? Слѣдующую главу вышли мнѣ безъ малѣйшаго

---

[1]) Онѣ найдены мною въ бумагахъ Плетнева и напечатаны въ газетѣ *Русь* 1881 года, № 13. Относящіяся къ нимъ статьи см. въ этой газетѣ того же года, №№ 11 и 15, также въ газетѣ *Порядокъ* 1881 г., № 11.

замедленія. Пока ей надобно будетъ перейти свое цензированіе, наступитъ срокъ и печатанія ея. Хоть разъ потѣшимъ публику оправданіемъ своихъ предувѣдомленій. Этимъ заохотимъ покупщиковъ.

Какое сдѣлать употребленіе изъ Нулина, когда ты пришлешь новые два стиха, въ замѣну непропущенныхъ?

Для Сѣверныхъ Цвѣтовъ осталось у меня совсѣмъ готовыхъ только двѣ піесы: *Ангелъ* и *Стансы*. Постарайся скорѣе доставить въ Фауста два стиха, коими бы замѣнить непропущенные. Тогда и Фаустъ пойдетъ къ Дельвигу.

Присланную тобою послѣ Элегію я думаю представить для цензированія вмѣстѣ съ 4-ою главою Онѣгина, а то не стоитъ безпокоить ею одною. Когда ее пропустятъ, тогда и отдамъ Дельвигу. Впрочемъ не дать ли ему еще кой-чего въ замѣнъ не одобренныхъ Пѣсенъ о Разинѣ?

Прошу тебя, отвѣчай мнѣ аккуратнѣе на всѣ эти вопросы по порядку. Поэтическія письма, т. е. не дѣльныя, вредны тамъ, гдѣ идетъ дѣло о скоромъ пріобрѣтеніи денегъ. Кстати о деньгахъ. Не отставай отъ работы своего Романа. Это вѣрнѣйшій капиталъ, который у тебя передъ глазами.

Прилагаемое письмо получилъ я на твое имя изъ Москвы.

15.

22 Сентября 1827 г. (Въ Михайловское).

Мнѣ странно. что ты лѣность свою стараешься прикрыть благовидными причинами. «Не хочешь безпокоить часто Цензора». Это въ сущности то значитъ: лѣнь приняться за поправку и переписку. Всего удивительнѣе противорѣчіе между твоими желаніями и поступками. Денегъ хочется, да онѣ и крайне тебѣ нужны. А самъ ты ежедневно теряешь свой доходъ. Всѣ спрашиваютъ прежнихъ поэмъ твоихъ и мелкихъ стихотвореній. Продать изданіе какому нибудь книгопродавцу значитъ раздѣлить съ нимъ пополамъ свое имѣніе. Одно средство остается: накопить нынѣшнею зимою побольше денегъ, да съ будущей весны и приступить

къ хорошенькому новому изданію всѣхъ твоихъ стихотвореній вмѣстѣ, или по частямъ, въ одномъ только форматѣ и въ какомъ нибудь порядкѣ постоянномъ, что будетъ полезно и для грядущихъ твореній твоихъ. Ничто такъ легко не дастъ денегъ, какъ Онѣгинъ, выходящій по частямъ, но регулярно черезъ два или три мѣсяца. Это уже доказано a posteriori. Онъ, по милости Божіей, весь написанъ. Только перебѣлить, да и пустить. А тутъ-то у тебя и хандра. Ты отвѣчаешь публикѣ въ припадкѣ каприза: вотъ вамъ Цыганы; покупайте ихъ! А публика, на зло тебѣ, не хочетъ ихъ покупать и ждетъ Онѣгина, да Онѣгина. Теперь посмотримъ, кто изъ васъ кого переспоритъ. Деньги-то вѣдь у публики: такъ пристойнѣе кажется, чтобъ ты ей покорился, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не набьешь своихъ кармановъ. Короче тебѣ скажу: твоихъ Цыгановъ ни одинъ книгопродавецъ не берется купить: всякой отвѣчаетъ, что у него ихъ — дискать еще цѣлая полка старыхъ. Нуждаются только во второй главѣ Онѣгина, которая засѣла въ Москвѣ, а здѣсь ее всѣ спрашиваютъ. И такъ, по полученіи сего письма, тотчасъ напиши въ Москву, чтобы оттуда выслали всѣ остальные экземпляры Онѣгина 2-й главы въ Петербургъ на имя Слёнина (мнѣ самому не-когда ѣздить въ Почтамтъ для полученія посылокъ), а ко мнѣ только бы за извѣстіе написали въ особомъ письмѣ, сколько послали имянно экз. къ Слёнину для вѣрности моихъ съ тобою счетовъ.

Въ послѣдній разъ умаливаю тебя переписать 4-ю главу Онѣгина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не съ тоненькою тетрадкою итти къ Цензору. Если ты это сдѣлаешь, то отвѣчаю тебѣ и за долги твои и за доходы на годъ; а если еще будешь отговариваться и софійствовать то я предамъ тебя на произволъ твоей враждующей судьбѣ. Вспомни, что никогда не бываетъ столь обильной книжной жатвы, какъ наканунѣ *Рождества* [1]) и

---

[1]) Слово *Рождества* поставлено по догадкѣ: отъ него въ подлинникѣ осталась только буква *Р*; остальныя вырваны съ цѣлымъ клочкомъ бумаги, содержаніе котораго означено здѣсь частью вставленными по предположенію подчеркнутыми словами, частью точками.

Новаго года. А ты обѣщалъ ихъ *переписать* и *рукопись* тогда прислать. Нѣтъ,... тебѣ пришлю и отпечат*анные экземпляры* 3-й, 4-й и, можетъ быть, 5-й главы Онѣгина съ цѣлымъ возомъ ассигнацій. Вообрази, что тебѣ надобно будетъ имѣть уже капиталъ, когда ты и романъ напишешь: иначе не на что будетъ его печатать. Это вѣдь не глава Онѣгина въ два листика, гдѣ и въ долгъ повѣрятъ бумагу, наборъ и печатаніе. Нѣтъ, потребуютъ все наличныя денежки, а гдѣ намъ ихъ будетъ взять? У тебя и Годуновъ ростетъ для печати. А изъ какихъ доходовъ мы его отпечатаемъ? По всему видно, что для разныхъ твореній твоихъ, безпріютныхъ и сирыхъ, одинъ предназначенъ судьбою кормилецъ: Евгеній Онѣгинъ. Очувствуйся: твое воображеніе никогда еще не создавало, да и не создастъ, кажется, творенія, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную *массу* денегъ, какъ этотъ безцѣнный *кладъ*, *золо*тое дно Онѣгинъ. Онъ никакъ не долженъ выводить *изъ терп*ѣнія публики своею вѣтренностью.

Баронъ очень хочетъ выпросить у тебя Стансы для Цвѣтовъ.

16.

29 Марта 1829 г. С.-П.бургъ. (Въ Москву).

Поздравляю тебя, душа съ почетнымъ званіемъ. Желаю, чтобъ и про тебя какой нибудь новый поэтъ сказалъ, что ты все англійскаго клуба членъ. Радуюсь, что тебя веселятъ въ Москвѣ живыя литературныя сплетни. А у насъ теперь одна занимаетъ всѣхъ литературная сплетня, подъ названіемъ: И. Выжигинъ [1]. Вѣрно и у васъ она скоро займетъ всѣхъ. Не скажешь ли ты чего нибудь о ней дѣльнаго? Это, кажется, не хуже процесса С. Глинки. Элегическая эпиграмма Баратынскаго очень мила. Поцѣлуй его отъ меня за нее. Посылаю тебѣ 10 экз. Полтавы. По

---

[1]) Только что вышедшій тогда подъ этимъ заглавіемъ романъ Булгарина.

твоему распредѣленію я всѣмъ экземпляры доставилъ, даже и Мицкевичу, хотя онъ еще въ Москвѣ. Дельвигъ въ здоровьѣ плохъ, хотя и выходитъ. Проэктъ твой новаго изданія хорошъ, только не выгоденъ ни для публики, ни для тебя: для публики по тому, что ей нѣтъ никакой причины снова тратиться на первые два тома, которые она у себя уже имѣетъ; а для тебя по тому, что ты сбудешь одинъ третій томъ. Если ужъ дѣйствительно надобно такое изданіе; то приготовь къ тому времени или двѣ новыя трагедіи, или двѣ новыя поэмы, или что нибудь большое въ двухъ частяхъ. Тогда мы и напечатаемъ такъ: въ I томѣ все тобою предполагаемое, да штуку новую, во II томѣ опять все прежнее, да новую штуку, въ III новостью будетъ Годуновъ. Такимъ образомъ мы по 15 рублей возмемъ съ публики за каждую новую штуку, а въ знакъ привязанности нашей и благодарности ей, подаримъ все прежнее безденежно и сожжемъ всѣ экземпляры прежде напечатанные: мелкихъ стихотвореній, Онѣгина, Полтавы и проч. и проч. Только я въ этомъ великодушіи не вижу цѣли, которая по логикѣ должна состоять или въ славѣ, или въ деньгахъ, или сугубо. Ты же вѣрнѣе достигъ до всего попрежнему, т. е. съ меньшими усиліями: а зачѣмъ такая сложность въ машинѣ?

Ради Христа не пиши на адресѣ: въ Военно-сиротскомъ Отдѣленіи, а пиши: въ *Екатерининскомъ Институтѣ*.

17.

29 Апрѣля 1830 г. С.-П.бургъ. (Въ Москву).

Поздравляю тебя [1]), душа моя. Теперь смотрю на тебя съ спокойствіемъ; потому что ты ступилъ на дорогу, по которой никто не смѣетъ вести тебя кромѣ разсудка твоего и совѣсти: а на нихъ-то я всегда и надѣялся въ тебѣ болѣе всего. За одно не

---

[1]) По случаю помолвки Пушкина.

могу на тебя не сердиться: ты во вредъ себѣ слишкомъ былъ скрытнымъ. Если давно у тебя это дѣло было обдумано; ты давно долженъ былъ и сказать мнѣ о немъ, не по тому, что бы я лакомъ былъ до чужихъ секретовъ, но по тому, чтобы я заранѣе принялъ мѣры улучшить денежныя дѣла твои. Ты этого не хотѣлъ: такъ пѣняй на себя, если я по причинѣ поспѣшности не могъ для тебя сдѣлать чего нибудь слишкомъ выгоднаго. Вотъ, что я могу обѣщать тебѣ: въ продолженіе четырехъ лѣтъ (начиная съ 1 мая 1830 года) каждый мѣсяцъ ты будешь получать отъ меня постояннаго дохода по шести сотъ рублей, хотя бы въ эти четыре года ты ни стишка не напечаталъ новаго: будешь кормиться все старыми крохами. Я знаю, что такая сумма слишкомъ мала по сравненію съ товаромъ, который лежитъ на рукахъ моихъ; но повторяю: въ поспѣшности не могъ я ничего сдѣлать болѣе, а пуще всего рѣшила меня на то боязнь контрфакціи и разныя плутни торгашей, которыхъ хоть я и не видалъ до сихъ поръ, но не могъ не бояться, судя по тому, что книжечки-то наши такія крошки, какихъ не трудно надѣлать всякому хозяину типографіи въ день до нѣсколькихъ сотенъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, ничего у насъ на рукахъ не будетъ: если мы и обогатимъ своимъ товаромъ Смирдина; Литературѣ же лучше: онъ будетъ предпріимчивѣе, а мы-то собственно не въ накладѣ: потерпятъ для него одни библіоманы. Этотъ сбытъ всѣхъ напечатанныхъ уже экземпляровъ 7 главъ Онѣгина, 2 томовъ Стихотвореній Полтавы, Цыгановъ и Фонтана не мѣшаетъ тебѣ увеличивать ежегодно свой доходъ печатаніемъ или новыхъ главъ Онѣгина, или новыхъ томовъ Стихотвореній, или чего нибудь другаго по усмотрѣнію твоему: не касайся только четыре года до того, что до сихъ поръ напечатано (за исключеніемъ Руслана и Плѣнника, о коихъ самъ ты сдѣлалъ условія). Поскорѣй отвѣть: согласенъ ли ты на это мое разпоряженіе.

Гдѣ тебѣ жить? Разумѣется, чѣмъ ближе къ друзьямъ, тѣмъ лучше имъ: они совѣтники пристрастные. Издавать ли что новаго? Самъ теперь суди, смотря по моему отчету.

Прошу тебя и сдѣлай это непремѣнно: поцѣлуй за меня ручку у твоей невѣсты-прелести.

Прочія твои порученія приведены будутъ въ исполненіе.

Письмо А. С. Пушкина [1]).

Изъ Москвы, въ 1830 г. (когда онъ былъ помолвленъ).

Милый! побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай-же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками — а ты, благодѣтель, явись къ Ф. Ф(оку) [2]) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина [3]). Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, не прилично. Какъ ты думаешь? Рѣши.

Скажи: имѣлъ-ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ Сѣверной Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое

---

[1]) Слѣдующія за симъ письма Пушкина печатаются по подлиннымъ, сохранившимся частью въ бумагахъ Плетнева, частью въ тетради г-жи Елагиной, получившей ихъ отъ Жуковскаго, которому они конечно были сообщены Плетневымъ. Послѣднія были уже напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года.

[2]) Т. е. Фонъ Фока, о которомъ въ сентябрѣ 1831 г., послѣ взятія Варшавы, записано Пушкинымъ: «На дняхъ скончался въ Петербургѣ Ф. Фокъ, начальникъ 3 Отд. Государевой Канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопросъ, кто будетъ на его мѣстѣ, важнѣе другого вопроса, что сдѣлаемъ съ Польшею».

[3]) Т. е. написать разборъ его *Самозванца*. *П. П.*

дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? Пожалуйста отпиши —

Ахъ, душа моя, какую женку [1]) я себѣ завелъ!

Сей часъ получилъ письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условія какія хочешь, только нельзя ли вмѣсто 4 лѣтъ 3 года?—выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ.—Не продать ли намъ Смирдину и трагедію? Порученіе твое къ моей невѣстѣ исполнено. Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ не знаю,—кажется, отъ П. Б. не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

18.

21 Маія 1830 г. С.-П.бургъ. (Въ Москву).

Не дивись, милый, что аккуратный человѣкъ такъ неаккуратно тебѣ отвѣчаетъ; у меня на недѣлѣ столкнулись разныя хлопоты. Теперь, слава Богу, все пришло, кажется въ свою колею. Родилась у меня дочь, которая теперь стала у насъ извѣстна подъ именемъ Ольги [2]). Ее привели сегодня въ христіанскую вѣру. Пройдетъ еще денька два — и надѣюсь, жена подымется на ноги: тогда опять я сдѣлаюсь твоимъ аккуратнѣйшимъ корреспондентомъ. Къ дѣлу!

Жду Годунова съ поправками. Письменнаго дозволенія брать отъ Ф. Ф. не считаю нужнымъ; потому что онъ же подпишетъ рукопись для печатанія.

Важность предисловія должна гармонировать съ самою трагедіею, что можно сдѣлать только яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на истинную поэзію драмы вообще, а не предикою изъ темы о блудномъ сынѣ Булгаринѣ; слѣдственно (по моему разумѣнію) не

---

[1]) Такъ онъ выразился о своей невѣстѣ. *П. П.*

[2]) Она впослѣдствіи получила домашнее воспитаніе при дѣятельномъ участіи г-жи Ишимовой, лѣтъ 20-ти вышла за мужъ за А. Б. Лакіера и умерла въ 1853 г., вскорѣ послѣ рожденія сына.

стоитъ тебѣ якшаться съ нимъ въ этомъ мѣстѣ: въ другомъ бы для чего не поучить, какъ совѣтуетъ руская пословица: не спускать и въ алтарѣ; но вѣдь есть другая противная пословица, что съ нимъ и Богъ не воленъ. Лучше ты отдѣлай путёмъ романтиковъ Нѣмцовъ за то, что они не поняли ни Испанцевъ романтиковъ, ни Шекспира. О классикахъ-Французахъ, кажется, также тебѣ непристойно проповѣдывать съ каѳедры, когда ужъ объ этомъ можно много начитаться даже въ Сѣверной Пчелѣ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты ввернулъ въ трактатъ о Шекспирѣ любимыя мои двѣ идеи: 1) Спрашивается, зачѣмъ передъ публикой позволять дѣйствующимъ лицамъ говорить непристойности? Отвѣчается: эти лица и не подозрѣваютъ о публикѣ: они рѣшительно одни, какъ любовникъ съ любовницей, какъ мужъ съ женой, какъ Меркутіо съ Бенволіо (нецеремонные друзья). Пракситель, обдѣлывая формы статуи, заботится объ истинѣ всѣхъ частей ея (вотъ его коранъ!), а не о тѣхъ, кто будетъ прогуливаться мимо выставленной его статуи. 2) Для чего въ одномъ произведеніи помѣщать прозу, полустихи (т. е. стихи безъ рифмъ) и настоящіе стихи (по понятію простонародному)? По тому, что въ трагедіи есть лица, надъ которыми всѣ мы смѣялись бы, если бы кто вздумалъ подозрѣвать, что они способны къ поэтическому чувству; а изъ круга людей, достойныхъ поэзіи, иные бываютъ на степени поэзіи драматической, иные же, а иногда и тѣже, на степени поэзіи лирической: тамъ дипломатическая музыка, а здѣсь военная.

Смирдинъ упоренъ былъ: я не выторговалъ ни мѣсяца. Когда начать присылку твоего четырехлѣтняго пансіона, и какъ ее производить: помѣсячно, или по третямъ?

Я отдалъ Льву 500 р. и черезъ него же Оболенскому 1.000 р.

Отдай поклонъ моей знакомкѣ новой,
Такъ сладостно рифмующей съ Кановой.

П.

Письма А. С. Пушкина [1]).

31 Авг. 1830 г. (Изъ Москвы).

Хорошъ!... не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино — пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разкажу тебѣ все что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-и лѣтъ жизни игрока [2]). Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія — словомъ, если я и не нещастливъ, по крайней мѣрѣ не щастливъ. Осень подходитъ. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ — пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ — а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень утѣшно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду-ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о щастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ — грустно, душа моя — обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

---

[1]) Здѣсь слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько писемъ Пушкина, на которыя не оказывается отвѣтовъ Плетнева. Письма послѣдняго снова появляются ниже, на 361 стр., съ № 19.

[2]) «Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока»: такъ озаглавлена очень извѣстная въ свое время драма, въ которой съ особеннымъ успѣхомъ являлся Каратыгинъ старшій.

9 Сент. 1830 г. (Изъ Болдина).

Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо, милый мой Петръ Александровичь, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь, ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня Колера Морбусъ. Знаешь ли что это за звѣрь? Того и гляди что забѣжитъ онъ и въ Болдино да всѣхъ насъ перекусаетъ—того и гляди что къ Дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный Дядя Василій! знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ помолчавъ: *какъ скучны статьи Катенина*! и болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то что невѣста. Куда! жена свой братъ. При ней пиши сколько хочь. А невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ.... Сегодня отъ своей получилъ я премилейькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго. Приданое не уйдетъ. Зоветъ меня въ Москву — я пріѣду не прежде мѣсяца, а оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ; деньгами нечего шутить, деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! вообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верьхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ приготовлю всячины, и прозы и стиховъ — Прости жъ, моя милая.

(Приписано на сторонѣ адреса, на загнутомъ внутрь краѣ листа): Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе, не прислать-ли тебѣ его? Вспомни однакожъ что ты обѣщалъ мнѣ свое дѣльное, длинное. А цѣна трагедіи? 10 или 12?

29 Сентября 1830 г. (Изъ Болдина).

Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ же отвѣчаю. Какъ же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій! Вѣроятно, я выразился дурно; но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: *теща* моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Не ужъ-то *я* хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тётушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ, но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ *гуляетъ вольная луна* [1]) &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ щастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—*я*, а тутъ онъ будетъ *мы*. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба у которой долгъ лишь волосъ, меня не понимала да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери. Теперь понимаешь-ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь, а я—оконча дѣла ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ [2]). Мѣсяцъ буду въ дорогѣ по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ Филиппъ [3]) и здоровъ ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

---

[1]) Стихъ изъ поэмы: Цыганы.

[2]) Въ Москвѣ была тогда холера.

[3]) Французскій король Louis Philippe. Въ подлинномъ послѣ имени *Филиппъ* зачеркнуто: «Августъ».

28 Октября 1830 г. (Изъ Болдина) [1].

Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино да жду погоды. Ну ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки [2])—да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она, и что она, до сихъ поръ не вѣдаю—Каково? то есть, душа моя Плетневъ, *хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать* [3])—но до того доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу, зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣсть онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что моя трагедія? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: «Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому». Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. Итакъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

Драгоцѣнной для Россіянъ
памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ
А. Пушкинъ.

---

[1]) На почтовомъ штемпелѣ значится: «Арзамасъ. 1830, окт. 30».

[2]) Онъ напоминаетъ этимъ о своемъ пребываніи въ арміи Паскевича за Кавказомъ. *П. П.*

[3]) Стихъ изъ одной шуточной его пѣсни, каррикатуры на Беранже. *П. П.*

9 Декабря 1830 г. (Изъ Москвы).

Милый! я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и на силу съ нею сладилъ—но слава Богу—сладилъ. На силу прорвался я и сквозь карантины—два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но слава Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе—здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мѣли. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: *2 послѣднія* главы Онѣгина, 8-ую и 9-ую, совсѣмъ готовыя въ печать; Повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ Anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій, имянно: *Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы,* и *Д. Жуанъ.* Сверхъ того написалъ около 30 мѣлкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго [1]): написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется — и которыя напечатаемъ также Anonyme.—Подъ моимъ имянемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфектной билетецъ этого несноснаго Лавинья [2]). Но все-же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ Государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни, не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ—А то шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ Барана, а не какъ Барона. Прости, душа; здоровъ будь—это главное.

---

[1]) Слова: «для тебя единаго» въ подлинникѣ приписаны внизу страницы, въ видѣ сноски.

[2]) Въ № 61 *Литературной Газеты* (30 окт. 1830) напечатано въ подлинникѣ четверостишіе Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертельной болѣзни.

7 Января 1831 г. (Изъ Москвы) [1].

Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко[2]) прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты живъ — а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ ли тебѣ Ген. Губ. имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердишься-ли? Кажется, не за что. Отвѣчай-же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. *Странная вещь, непонятная вещь*![3]) Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами какъ помѣщикъ съ своими крестьянами: мы трудимся — а онъ сидитъ на с.... да насъ побраниваетъ. Не хорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья![4]) Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника и дьячка, и куму и бабку, да и самого кума — котораго заставятъ-же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ[5]) увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойный Царь, ко-

---

[1]) Это и слѣдующія за симъ три подлинныя письма Пушкина проколоты въ карантинѣ.

[2]) Такъ въ кругу Жуковскаго называли Гнѣдича. Это посланіе напечатано выше, см. стр. 253.

[3]) Стихи Өед. Глинки въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1831 годъ.

[4]) Вся эта шутка относится къ слѣдующему стихотворенію Өед. Глинки, помѣщенному также въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1831 года:

Не плачь, жена! Мы здѣсь земные постояльцы;
Я вѣрю: *гдѣ-то* есть и намъ пріютный домъ!
Подъ-часъ вздохну я, сидя за перомъ;
Слезу роняешь ты на пяльцы;
Ты все о будущемъ полна заботныхъ думъ;
Богъ дастъ дѣтей?... Ну, чтожъ?—Пусть Онъ нашъ будетъ *кумъ!*

[5]) Московскій пріятель Пушкина.

торый у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора? — Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то-ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рифмъ не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно — и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ какъ наши: «Помилуйте-съ!»... Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе попугаи или сороки Низовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную — — Прости, мой Ангелъ! — Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ Вамъ. Къ стати: поэма Баратынскаго чудо. Addio.

13 Января 1831 г. (Изъ Москвы, передъ свадьбою его).

Пришли мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для Московскихъ прощалыгъ; не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, пол-года проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ Вамъ. Я не люблю Московской жизни. Здѣсь живи, не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя таже тетка. То ли дѣло въ П. Б.! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, *что скажетъ Марья Алексѣвна* [1]). Что Газета наша?

---

[1]) Стихъ изъ комедіи Грибоѣдова: *Горе отъ ума.*

Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается Русская Литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать; то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное—да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что-жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

19 (Письмо Плетнева).

Ночью. Половина 1-го ч. Середа. 14 Января 1831 г. Спб. (Въ Москву).

Я не могу откладывать, хотя бы не хотѣлъ объ этомъ писать къ тебѣ. По себѣ чувствую, что долженъ перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, намъ всѣмъ какъ то было легче чувствовать всю тяжесть положенія своего. Теперь я остался одинъ. Разскажу тебѣ все, какъ это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашемъ добромъ Дельвигѣ, который уже не нашъ? Еще въ нынѣшнее Воскресенье онъ говорилъ мнѣ, что теперь онъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ спокоенъ. Начало его болѣзни случилось во Вторникъ, за недѣлю, т. е. 6-го числа. Но эта болѣзнь, простуда, очень казалась обыкновенною. 9-го числа онъ говорилъ со мною обо всемъ, нисколько не подозвѣвая себя опаснымъ. Въ Воскресенье показались на немъ пятна. Его успокоили, увѣривъ, что это лихорадочная сыпь, и потому то онъ принялъ меня такъ весело, сказавъ, что теперь онъ спокоенъ. Понедѣльникъ и Вторникъ, т. е. 12 и 13, онъ былъ въ безпамятствѣ горячки. Въ Середу въ 7-мъ часу вечера Петръ Степановичъ *(Молчановъ)*, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ, по признанію докторовъ, въ опасности. За нимъ вскорѣ пріѣхали Гнѣ-

дичь съ Лобановымъ, которые заѣзжали туда и слышали, что онъ близокъ къ разрушенію. Въ 9-мъ часу я отправилъ туда человѣка, который возвратился съ ужасною вѣстію, что ровно въ 8-мь часовъ его не стало. И такъ въ три дни явная болѣзнь его уничтожила. Милой мой, что же такое жизнь?

Письма А. С. Пушкина.

21 Января 1831 г. (Изъ Москвы).

Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ Воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову [1]) объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Пащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію—говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы.

31 Января 1831 г. (Изъ Москвы).

Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи

---

[1]) Тестю барона Дельвига. Это письмо напечатано Плетневымъ въ IX томѣ *Современника*, первомъ, который былъ изданъ имъ однимъ по смерти поэта. (См. тамъ замѣтку: *А. Пушкинъ*, стр. 63).

Михайловнѣ [1]) остальныя 4000 р. — и я тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами — но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову [2]). Онъ былъ искренно къ нему привязанъ — и смерть нашего друга едвали не ему всего тяжелѣ: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго — съ нимъ толковалъ обо всемъ *что душу волнуетъ, что сердце томитъ* [3]). Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ чистымъ разумомъ и надеждами — Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій [4]) въ П. Б. — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мѣлочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи [5]) въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречь отказался.—Какъ можно чертить миѳологическое надгробіе въ н. . . . .ѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г—ч—мъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St. Florent (т. е. къ его

---

[1]) Женѣ барона Дельвига. У нея Пушкинъ купилъ свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу бар. Дельвига. *П. П.*

[2]) Литераторъ, существовавшій только участіемъ изданіи Сѣв. Цв. въ и Лит. Газеты. *П. П.*

[3]) Стихъ Шиллера изъ Графа Габсбургскаго, перев. Жуковскаго. *П. П.*

[4]) Василій Туманскій, литераторъ. *П. П.*

[5]) На смерть бар. Дельвига. *П. П.*

преемнику) и разплатись съ нимъ за меня—я, помнится, долженъ ему около 1,... р. [1]). Извини меня передъ нимъ—я было совсѣмъ о немъ забылъ.

Что вдова?

Въ Февралѣ 1831 г. (Изъ Москвы) [2]).

Черезъ нѣсколько дней я женюсь: и представляю тебѣ хозяйственной отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р. и вотъ имъ разпредѣленіе: 11,000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ Іюнѣ буду у Васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя — а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ—я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что Баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нее каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ-ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Алекс. что она здорова. Кто правъ? Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна [3]). Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ &c.— —

---

[1]) Уцѣлѣла только первая цифра суммы; остальныя оканчивавшія строку вырваны съ цѣлымъ клочкомъ бумаги. Судя по запятой послѣ единицы, надо предполагать 1,000.

[2]) На почтовомъ штемпелѣ 16 февраля.

[3]) См. въ 1-мъ томѣ настоящаго изданія, стр. 213.

20 (Письмо Плетнева).

22 Февраля 1831 г. Спбургъ. (Въ Москву, послѣ его свадьбы).

Поздравляю тебя, милый другъ, съ окончаніемъ кочевой жизни. Ты перешелъ въ наше состояніе, истинно гражданское. Полно въ пустынѣ жизни бродить безъ цѣли. Все, что на землѣ суждено человѣку прекраснаго, оно уже для тебя утвердилось. Передай искреннее поздравленіе мое и Натальѣ Николаевнѣ: цалую ручку ея.

Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Бар. не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же, или даже самъ на то посягнулъ бы. Теперь займусь составленіемъ матеріаловъ и перешлю ихъ сперва къ тебѣ въ цензуру, а ты передай ему съ своими зачерками и вставками. Уговорилъ я Баронессу продать тебѣ портретъ твой. Высылать его въ Москву не за чѣмъ. Оставлю до пріѣзда твоего у себя. Деньги за него (тысячу рублей) отдамъ остальныя отъ десяти тысячь Годунова, изъ которыхъ четыре переслано тебѣ, а пять отдано долгу Дельвигу.

Здоровье Баронессы ни хорошо, ни худо. Въ дѣлахъ ея денежныхъ вышла очень худая притча. Богъ знаетъ, кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфели ломбардныхъ билетовъ на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью: а пропавшіе билеты находились между этими же бумагами.

Ты упоминалъ объ изданіи Сѣверн. Цвѣтовъ. Это непремѣнно сдѣлать надобно съ посвященіемъ Дельвигу. Сомова можно будетъ вознаградить изъ выручки такою же суммою, какая приходилась на его долю и прежде. Я даже полагаю, что для пользы же Сомова надобно будетъ поступить такъ и съ Литературной Газетой. Онъ

ей не придастъ живости, безъ чего она рѣшительно умретъ. Не взяться ли тебѣ съ Вяземскимъ за нее? Будь въ каждомъ ея Номерѣ хоть пять строчекъ то острыхъ, то умныхъ, то живыхъ, и тѣмъ она ужъ подниметея надъ братіею своею. Вамъ двоимъ ничего это не будетъ стоить, а на будущее время она можетъ сдѣлаться вѣрною арендою, при которой Сомовъ останется на обыкновенномъ жалованьѣ.

Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Ты можетъ быть, замѣтилъ въ Сѣв. Цвѣтахъ отрывокъ изъ историческаго романа, съ подписью 0000, также въ Литературной Газетѣ Мысли о преподаваніи Географіи, статью: Женщина и главу изъ малороссійской повѣсти: Учитель. Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій. Онъ воспитывался въ Нѣжинскомъ Лицеѣ Безбородки. Сперва онъ пошелъ-было по гражданской службѣ, но страсть къ педагогикѣ привела его подъ мои знамена: онъ перешелъ также въ учители. Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ. — Я познакомился короче съ Деларю. Его привязанность къ памяти Дельвига представляетъ также что-то священное. Это уже одно связываетъ меня съ нимъ, не говоря о прекрасномъ его талантѣ. Все это я пересказываю тебѣ для того, чтобы ты передумалъ хорошенько о литературной своей дѣятельности въ будущемъ и съ божіею помощію принялся бы за что нибудь хорошенькое, гдѣ бы открылось поле для дѣятельности и другихъ людей съ чистою душою и благороднымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству.

Когда я собирался писать некрологію Дельвига (помѣщенную въ Газетѣ) [1]), сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищенія своихъ гнусностей, такъ меня тягчило и мучило,

---

[1]) См. выше, стр. 364.

что я рѣшился передъ публикою говорить языкомъ человѣка посторонняго въ этомъ дѣлѣ, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достиженія своей цѣли самою святынею дружества. Они, какъ я предчувствовалъ, готовы были даже и то обратить въ укоризну покойнику, что никто объ немъ ни слова не сказалъ языкомъ безпристрастнымъ. Вотъ почему я говорилъ безъ всякаго энтузіазма, не вводя ни одного обстоятельства, которое бы выказывало меня какъ его домашняго человѣка: я ограничился только тѣмъ, что должно было дойти до свѣдѣнія всякаго литератора, хотя бы онъ и не видывалъ Дельвига. Думаю, что меня весьма не многіе поняли; больше осуждали. Ты совершенно утѣшилъ меня, особенно тѣмъ, что началъ смотрѣть съ хорошей стороны на пьесу послѣ нѣсколькихъ разъ ея чтенія. Мнѣ только этого и хотѣлось.

Надѣюсь, что Белизаръ [1]) доставилъ тебѣ извѣстіе о полученныхъ имъ отъ меня деньгахъ за всѣ книги, взятыя тобою въ разныя эпохи изъ его магазина, а также и переслалъ тебѣ остававшіеся у него томы Латинскихъ классиковъ. На уплату этого долга я употребилъ деньги изъ твоихъ доходовъ Смирдинскихъ (что за все старое пойдутъ на четыре года).

Письма Пушкина.

24 Февраля 1831 г. (Изъ Москвы, послѣ его свадьбы).

Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ П.Б. грипъ: боюсь за твою дочку. На всякой случай жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и щастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось — лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется я переродился. Посылаю Вамъ визитную карточку — жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Ст. Ал. [2]).

---

[1]) Французскій книгопродавецъ, бывшій магазинъ котораго нынѣ носитъ фирму Мелье.

[2]) Степанидѣ Александровнѣ, первой супругѣ Петра Александровича, рожденной Раевской.

Прости, мой другъ. Что Баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ Газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича[1]). Оно дѣлаетъ честь Государю, котораго искренно люблю, и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по Царски. Addio. (*Съ боку приписано*): Будьте-жъ всѣ здоровы.

26 Марта 1831 г. (Изъ Москвы).

Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало-ли вновь тебѣ отъ Ген. Губерн. милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго? Не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься да понапрасну друзей своихъ пугаешь. Покамѣсть вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны—и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправляюсь въ П.Б. — Знаешь ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось-бы къ Вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и *осень* такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній, и тому подобныхъ удобностей. А домà вѣроятно нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ—квартеръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также — П.Б. подъ бокомъ— жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Schakspear въ домъ *Хитровой на Арбатѣ*. (Домъ сей нанялъ я въ память моей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ на-

---

[1]) Въ члены Главнаго правленія училищъ. *П. П.*

шей)[1]. Сомову скажи чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, *Лит. Газету* за прошедшій годъ (за нынѣшній не нужно; самъ за нимъ пріѣду) да и *Сѣв. Цвѣты*, послѣдній памятникъ нашего Дельвига: объ Альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ *Мароой Посадницей*[2]. Если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе, чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каоедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ Университетомъ, т. е. надъ предразсудками и Вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что, благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію отъ того, что ихъ дѣла разстроены, частію и отъ того, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо женка моя прелесть не по одной наружности — и не щитаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. Итакъ до свиданія, мой милый.

11 Апрѣля 1831 г. (Изъ Москвы).

Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя ни дождешься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ; то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дель-

---

[1] Рѣчь идетъ повидимому о фрейлинѣ Александрѣ Осиповнѣ Россети. См. о ней ниже, стр. 373, въ примѣчаніи.

[2] Историческая драма Погодина.

нига. Если-же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать-ли мнѣ къ Вамъ, остановиться ли въ Царскомъ-Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и П.б. малымъ чѣмъ лучше: но я, какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: Альманаха, Журнала, чего добраго? и Газеты! Вяземскій везетъ къ Вамъ Жизнь Ф. Визина, книгу, едва-ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ [1]) приплылъ и въ Москву, гдѣ кажется приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ ему привезу, потому и не посылаю.

Что Баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ — прелесть!

Христосъ воскресъ!

Въ Апрѣлѣ 1831 г. (Изъ Москвы, передъ поѣздкою въ Спбургъ.)

Ты правъ, любимецъ Музъ—должно быть акуратнымъ, хотя это и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ вотъ тебѣ пюнктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю [2]) слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для мо-

[1]) Романъ Булгарина: «П. И. Выжигинъ».

[2]) Молодой стихотворецъ, вышедшій изъ Царскосельскаго лицея въ 1829 году. *П. П.*

лодаго Лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искуства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго-Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ разумѣется лучше — но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе-же! И тотчасъ давай намъ и знать: что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать; а мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И такъ *былое съ нимъ сбывается опять* [1]). Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочиненія. Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему премудрый совѣтъ. Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и расказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія Русскія ни чуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ Ирландскимъ и Германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о Кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо, и вижу, что я *неокуратно* отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира?

Отвѣты:

1) На какой бы то ни было улицѣ Царско-сельской.

2) До Января, и потому квартера должна быть теплая.

3) Былъ бы особый кабинетъ, — а прочее мнѣ все равно.

За симъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

---

[1]) Слова изъ стиховъ Жуковскаго. *П. П.*

3 Іюля 1831 г. (Изъ Царскаго Села, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холера).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ-ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины.

Знаешь ли что? Я живъ и здоровъ. 3 Іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать-ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей, и желаетъ вамъ здравія.

16 Іюля 1831 г. [1]). (Изъ Царскаго Села).

Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца [2]). Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелой годъ. По крайней мѣрѣ утѣшаюсь, зная что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Но кажется зараза теряетъ свою силу и въ П.б. Мы, уже обстрѣлянные въ Москвѣ и Нижнемъ равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однако-жъ кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія Царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьи своемъ и своихъ.

---

[1]) Адресъ на оборотной сторонѣ листа: «Въ С. Петербургъ. На Кушелевой дачѣ у Самсоніевой заставы».

[2]) Онъ говоритъ здѣсь о смерти статсъ-секретаря Молчанова, самаго благорасположеннаго ко мнѣ человѣка, который и Пушкина любилъ чрезвычайно. *П. П.* — Молчановъ былъ нѣкогда, въ эпоху силы графа Н. И. Салтыкова, управляющимъ дѣлами Комитета министровъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ отставкѣ, потерявъ зрѣніе.

Изъ Царскаго Села.

Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Ж. что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая [1]) хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Ж. отсовѣтовалъ, говоря: Онъ живъ, чего-жъ Вамъ больше? Однако она поручила-было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ — и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля [2]) — получилъ-ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ Цензуру земскую, не удѣльную— Да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000—и вотъ какимъ образомъ:

2,000 экз. по 6 р. = 12,000.
— 100 за печать.
— 100 процентовъ.
Итого 10,000.

Что-же твой планъ *Сѣв. Цвѣтовъ* въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ *Моцарта* и нѣсколько мелочей. Ж. дастъ свою Гекзаметрическую сказку [3]) — Пиши Баратынскому; онъ

---

[1]) Сестра умершаго въ 1881 г. (9 авг.) въ Москвѣ Арк. Ос. Россета, бывшаго виленскаго губернатора. Она сопровождала Дворъ въ качествѣ фрейлины и вышла вскорѣ послѣ этого за Смирнова. Кн. Вяземскій изобразилъ ее въ слѣдующее четверостишіи, напечатанномъ въ *Сѣв. Цвѣтахъ* на 1831 годъ (см. *Полн. Собр.* его соч. т. IV):

Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца;
Живѣе ласточки она.

Пушкинъ также посвятилъ ей нѣсколько стиховъ (Соч., изд. 3. III, 253).

[2]) Т. е. повѣсти Пушкина, изданныя потомъ подъ заглавіемъ: *Повѣсти Бѣлкина.* Эслингъ, или вѣрнѣе Геслингъ, былъ одинъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, кончившихъ курсъ въ 1826 г.

[3]) Сказку о царѣ Берендеѣ.

пришлетъ намъ сокровища; онъ въ своей деревнѣ.—Отъ тебя стиховъ не дождешься; еслибъ ты собрался, да написалъ что нибудь о Дельвигѣ! то-то было-бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мѣль. Обозрѣнія словесности не надобно; чортъ-ли въ нашей словесности? придется бранить Полевова, да Булгарина—къ стати-ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига?—Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись—а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христосъ съ Вами.

21.

19 Іюля 1831 г. Спасская Мыза [1]). (Въ Царское Село).

Вчера получилъ я отъ тебя вдругъ два письма. Первое изъ нихъ начинается: *Я надоѣдалъ тебѣ письмами*. Это меня удивило, потому что я не получалъ до сихъ поръ ни строчки. Вѣроятно письма твои лежатъ въ городѣ, куда я слишкомъ мѣсяцъ ноги не накладывалъ, да и не намѣренъ до прекращенія холеры. Ты пишешь въ этомъ же письмѣ, что въ Ц. С. ждутъ прибытія Двора. Развертываю другое письмо, адресованное на имя Смирдина: въ немъ уже говоришь ты, что Дворъ переѣхалъ. Такимъ образомъ эти два письма похожи были для меня на волшебный фонарь: *Явись и быстъ* [2]). Ты угадалъ мои чувства по случаю кончины Молчанова. Онъ и Дельвигъ были для меня необходимы, чтобы я вполнѣ чувствовалъ щастіе жизни. Смерть ихъ сдѣлала изъ меня какого-то автомата. Не знаю, что будетъ впередъ, а теперь я ко всему охладѣлъ. Жду зимы, чтобы согрѣть близь тебя душу. Впрочемъ думаю, что ты скоро соскучишь мною и оставишь меня на произволъ моей странной судьбы. Другихъ на-

---

[1]) Дача Кушелева, близь Лѣсного Института. Тамъ Плетневъ съ 1826 г всегда проводилъ лѣто въ одномъ и томъ же небольшомъ деревянномъ домѣ, гдѣ и издатель этой переписки впослѣдствіи часто гостилъ у него.

[2]) Стихъ Державина изъ его стихотворенія *Фонарь*.

деждъ у меня нѣтъ. Жуковскій совсѣмъ не знаетъ меня; потому что онъ никогда не имѣлъ случая видѣть меня близко. Вѣроятно придется мнѣ закрыться и ждать другой жизни. Я такъ избалованъ Молчановымъ; онъ такъ понималъ меня во всякомъ расположеніи духа; онъ такъ былъ дѣятеленъ умомъ для оттиранія цѣпенѣвшаго моего духа — что конечно никто ужъ не наложитъ на себя его обязанности. Въ одномъ ли я съ нимъ жилъ мѣстѣ [1]), разрознены ли мы бывали — онъ умѣлъ изобрѣтать способы сливать свою душу съ моею и безпрестанно доставлять мнѣ свое общество. Все, что въ отсутствіи говорилъ онъ или готовился дѣлать съ другими, онъ совѣстился не передать мнѣ этого, чтобы въ нашихъ разговорахъ и дѣйствіяхъ никогда не показывалось промежутка.

Поблагодари Россети за ея ко мнѣ дружбу. Ея безпокойство о моей судьбѣ трогаетъ меня не на шутку. Я не умѣю самъ себѣ объяснить, чѣмъ я заслужилъ отъ нея столько участія; но быть за это признательнымъ и преданнымъ очень умѣю. Если бы она была мущиной, да старикомъ еще, то, кажется, въ ней бы я нашелъ для себя другого Молчанова. Въ ней такъ много человѣко-прекраснаго, такъ много предупреждающаго и столько душевной дѣлимости, что право объ ней нельзя говорить просто, какъ о другихъ. — 500 рубл. получи отъ нея для себя, а я изъ твоихъ (когда увижусь со Смирдинымъ и возму отъ него) отдамъ эту пенсію. Эслинга (Богъ знаетъ, что это за существо! Ты воображаешь, что я знакомъ со всѣмъ свѣтомъ) я не принималъ еще у себя и о повѣстяхъ никакого извѣстія не имѣю. Радъ буду ихъ издать, только по возвращеніи въ городъ, т. е. по прекращеніи холеры; а теперь я удалилъ отъ себя всякое земное помышленіе, и отъ того ни о чемъ не думаю и неспособенъ ничего дѣлать. Сѣверные Цвѣты готовы, но мнѣ никакихъ порученій не дѣлай. Живу я въ такой деревнѣ, которая не на

---

[1]) Молчановъ также проводилъ лѣтніе мѣсяцы на Спасской мызѣ, которая въ то время ему и принадлежала.

почтовой дорогѣ. Писемъ отсюда посылать не съ кѣмъ, а получить еще менѣе можно. И такъ къ Баратынскому, къ Языкову, Вяземскому и другимъ пиши самъ. Мое дѣло будетъ въ городѣ смотрѣть за изданіемъ. Написать о Дельвигѣ желаю, но не обѣщаю. Все зависѣть будетъ отъ случая:

«Минута ему повелитель» [1]).

Между тѣмъ объ успѣхѣ твоей корреспонденціи давай-таки мнѣ знать.

Поцѣлуй ручку у Натальи Николаевны.

А я весь твой.

Письма Пушкина.

22 Іюля 1831 г. (Изъ Царскаго Села).

Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо.— Вздоръ, душа моя; не хандри—холера на дняхъ пройдетъ, были бы мы живы, будемъ когда нибудь и веселы.

Жаль мнѣ что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь— мой внукъ по Лицею и кажется добрый малой —я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки, прочитай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2,000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячь моего жалованья, напишу ему чтобъ онъ ихъ переслалъ

---

[1]) Стихъ Жуковскаго изъ баллады *Графъ Габсбургскій*.

ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ.—Къ стати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами) Царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную—нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованіе, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ Его стороны, не правдали? Онъ сказалъ: Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей Богу онъ очень со мною милъ. Когда-жъ мы, братъ, увидимся? Охъ ужъ эта холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ [1]). Авось смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ Вами.

3 Августа 1831 г. (Изъ Царскаго Села).

Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо и 1500. Ты умно дѣлаешь что сидишь смирно въ своей норѣ, и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною Пб — гѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю вѣроятно прекратится; но С. [2]) Село будетъ еще долго окружено карантинами; и такъ свиданіе наше еще далеко. Что-жъ Цвѣты? ей Богу не знаю что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣсть нельзя за нихъ приняться. Почему-же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? Развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія?

Къ стати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Къ стати: не умеръ-ли Бестужевъ-Рюминъ? говорятъ холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ

---

[1]) Извѣстіе о смерти Хвостова послѣ оказалось ложнымъ: онъ умеръ 22 октября 1835 года.

[2]) Т. е. Сарское, по старинному; такъ называлось оно оффиціально еще и во время пребыванія Пушкина въ лицеѣ.

раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова: «Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?» — Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россети вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

Изъ Царскаго Села.

Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую Цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ.—Правила, коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать *полныя*, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив—ъ. Тоже и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ *Смотритель* назвать Гусара *Минскимъ* и симъ именемъ замѣнить вездѣ ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю, что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здоровы — —Прощай, мой Ангелъ.

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ на особенномъ листѣ (ради ширины) [1].

Къ статьи объ эпиграфахъ: къ *Выстрѣлу* надобно будетъ пріискать другой, именно въ *Романѣ въ семи письмахъ* А. Бестужева въ Поляр. Звѣздѣ [2]: *У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

22.

5 Сентября 1831 г. Спбургъ. (Въ Царское Село).

Повѣсти Ивана Петровича Бѣлкина изъ цензуры получены. Ни перемѣнъ, ни откидокъ не воспослѣдовало по милости Никиты Ивановича Бутырскаго. Чтобы приступить къ печатанію, надобно отъ тебя черезъ день же получить отвѣтъ, въ которомъ бы ты разрѣшилъ меня въ слѣдующемъ:

1. Сколько экземпляровъ печатать: не довольно ли 1200?

2. Чтобы по 18 строкъ выходило на страницѣ въ 12-ю долю листа, то разрядка строкъ будетъ одинакова съ Евг. Онѣгинымъ: аппробуешь ли ее? а иначе (т. е. въ одинъ шпонъ, а не въ два) выйдетъ по 22 строчки на страницѣ.

3. Я взялъ эпиграфъ къ Выстрѣлу изъ Романа въ 7 письмахъ; вотъ какъ онъ стоитъ въ подлинникѣ:

«Мы сблизились съ двадцати шаговъ: я шелъ твердо — вѣдь уже три «пули просвистали мимо этой головы — я шелъ твердо, но безъ всякой «мысли, безъ всякаго намѣренія: скрытыя во глубинѣ души чувства со«всѣмъ омрачили мой разумъ» [3].

Согласенъ ли ты его такъ принять, и если да, то Баратынскаго слова: *Стрѣлялись мы* вычеркнуть ли изъ тетради?

4. Не задержишь ли ты изданія присылкою Предисловія и уморительно-смѣшнаго эпиграфа?

---

[1]) Между этою строкою и заключеніемъ письма вырѣзанъ большой клочекъ бумаги.

[2]) На 1824 годъ. [3]) L. c., стр. 287.

5. Не подать ли намъ благаго примѣра въ прозѣ молодымъ писателямъ и не продавать ли Бѣлкина по 5 р. книжку? Насъ это не разоритъ, а добрый примѣръ глубоко пуститъ корни. Я и Кн. Вяземскому присовѣтовалъ продавать Адольфа [1]) по 5 р.

Впрочемъ буди во всемъ твоя святая воля. Долго ли еще проживешь ты въ Царскомъ? Поклонись отъ меня всѣмъ.

Не пропусти въ отвѣтѣ своемъ ни одного изъ моихъ вопросовъ.

Письмо Пушкина [2]).

11 Октября 1835 г. (Изъ Михайловскаго).

Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно: ты получилъ Путешествіе [3]) отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? [4]) Ужели залягаетъ меня о.....къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней Альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманаха: назовемъ его Аріонъ и Оріонъ [5]); я люблю имена не имѣющія смысла;

---

[1]) Романъ Бенжамена-Констана, перев. кн. П. А. Вяземскимъ въ 1829 г. въ деревнѣ и напечатанный въ 1831 съ посвященіемъ Пушкину и предисловіемъ переводчика.

[2]) Это письмо въ первый разъ было напечатано мною съ подлиннаго текста въ мартовской книгѣ *Вѣстника Европы* 1881 года. Помѣта его выставлена почтою на наружной сторонѣ листа, гдѣ также читается: «Получено 1835 окт. 16. Утро». Любопытенъ адресъ, писанный рукою Пушкина же: «У Обухова мосту въ домѣ г-жи Сухоревой башни». Такъ назвалъ поэтъ извѣстную при жизни всему Петербургу Агаѳоклею Марковну Сухареву, въ домѣ которой Плетневъ и прожилъ до 1839 г.

[3]) «Путешествіе въ Арзрумъ», соч. Пушкина.

[4]) Это прошеніе напечатано въ 8-мъ изданіи Сочиненій А. С. Пушкина, М. 1882, т. VIII, стр. 292.

[5]) Мысль объ изданіи этого альманаха была вскорѣ оставлена и вмѣсто него основанъ, по примѣру Quarterly Review, *Современникъ*.

шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера[1]) заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да чаши, да плющь, какъ на квартерѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально.

Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ Вамъ, тѣмъ болѣе что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу, черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ Альманахъ съ Путешествія, присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ.

Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина[2]); но нельзя ль (разумѣется изъ за угла и тихонько, на примѣръ въ М. Набл.) объявить что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою долю грѣховъ своего Омонима? Это бы, право, было не худо.

---

[1]) Валеріанъ Платоновичъ Лангеръ, извѣстный въ свое время изготовленіемъ иллюстрацій къ разнымъ изданіямъ, бывшій лицейскій воспитанникъ 2-го курса, выпущенный въ 1820 году.

[2]) Въ *Библіотекѣ для Чтенія* появилась повѣсть, приписанная Сенковскимъ А. Бѣлкину, имя котораго было легко смѣшать съ псевдонимомъ Пушкина.

ПЕРЕПИСКА СЪ КНЯЗЕМЪ П. А. ВЯЗЕМСКИМЪ.

1.

6 Генваря 1822 г. Спбургъ (Въ Москву).

Челомъ вамъ бью, любезный Князь,
И о себѣ напомнить смѣю.
Простите: я не разумѣю,
Какъ въ письмахъ важныхъ держать связь,
За тѣмъ, что не писалъ родясь
Къ князьямъ ни писемъ, ни прошеній
По формамъ школьныхъ украшеній.
Но я судьбу благодарю,
Что мнѣ пришлось спознаться съ вами:
Когда я съ вами говорю,
То передъ всѣми вы князьями
Любезнѣе во столько разъ,
Что я, забывшися отъ васъ,
Считаю, будто вы не князь.

Начало не удачно; за то средина будетъ лучше. Я обязанъ писать къ вамъ о дѣлѣ занимательномъ; я долженъ дать вамъ отчетъ о ходѣ изданія Стихотвореній того,

Кто намъ Опаснаго Сосѣда
Искуснымъ написалъ перомъ;
Кого завиднымъ мнѣ вѣнкомъ

И Арзамаская бесѣда
Не отказалась наградить;
Кто дружество умѣлъ цѣнить
Дороже славы стихотворной —
И кто теперь, Судьбѣ покорный,
Не покидая свой диванъ,
Глядитъ съ подагрой выписною,
Какъ подаютъ ему стаканъ
Или съ лѣкарствомъ, иль съ водою.

Изданіе очень скоро кончится, если только начнется. Я съ своей стороны все сдѣлалъ. Объявленіе напечатано (хотя и съ ошибками: но есть ли у насъ безъ ошибокъ книги?); типографія пріискана; бумага выбрана; билетовъ роздано очень много, а именно: Сергѣю Львовичу Пушкину 20, Александру Өедоровичу Воейкову 15, Александру Ивановичу Тургеневу 9, барону А. А. Дельвигу 5; сверхъ того въ Варшаву послано къ И. М. Фовицкому 25 и въ Москву Е. С. Князю Петру Андреевичу Вяземскому 200. Все дѣло остановилось за бездѣлицей:

Никто ни за одинъ билетъ
Не шлетъ монеты мнѣ ходячей:
А гдѣ наличныхъ денегъ нѣтъ —
Удача будетъ неудачей
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Печатать я душевно радъ,
И часто завожу умильно
О томъ пріятельскую рѣчь,
Когда встрѣчается мнѣ Гречь;
Но краснорѣчіе не сильно
Противъ стоической души.
«Успѣешь, братецъ, не спѣши!»
Онъ мнѣ по дружбѣ отвѣчаетъ:
А вѣрно ужъ по-духу знаетъ,

Что на вопросъ: есть деньги? «Нѣтъ!»
Я скромно вымолвлю въ отвѣтъ.

Надежда на здѣшнихъ Коммиссіонеровъ плохая. Кто занятъ службою, кто задавленъ бездѣльемъ: всѣ—люди должностные! Вы только, любезнѣйшій Князь, можете привесть къ концу это дѣло, удовлетворить желанію Литераторовъ и поднести дружескій вѣнокъ Василью Львовичу. А. И. Тургеневъ то же самое мнѣ сказалъ, что вы свободны, имѣете большой кругъ знакомства и вѣрно скоро успѣете раздать въ Москвѣ всѣ билеты. Для напечатанія со всѣми издержками довольно будетъ, кажется, 2000 рублей. При появленіи книги найдется много охотниковъ имѣть ее— и тогда къ славѣ автора въ придачу пойдутъ и деньги.

Но я вѣрно наскучилъ вамъ своими ращетами. Позвольте нѣсколько поговорить съ вами о дѣлахъ пріятнѣйшихъ. Какъ себя чувствуетъ Московскій Аполлонъ? Часто ли вы съ нимъ видаетесь? Встрѣчаете ли его въ обществахъ? Насъ грѣшныхъ онъ совсѣмъ забылъ. И не мудрено! Законныя дѣти его разъѣхались, кто въ Москву, кто въ Берлинъ, кто въ Римъ, а о побочныхъ онъ мало думаетъ, благодаря гостепріимному дому, которой стоитъ между Краснымъ и Полицейскимъ мостами:

Но мы, забывъ о немъ и вкусѣ,
Клялись безъ умолку кричать—
И терпѣливая печать
Умретъ въ страдальческомъ искусѣ.

Примите, любезнѣйшій изъ всѣхъ князей, увѣреніе въ моей къ вамъ преданности и совершенномъ почтеніи. Какъ стихописатель, я не смѣю искать вашего вниманія; но, какъ энтузіастъ истинныхъ талантовъ, я льщусь надеждою, что вы не откажете мнѣ въ вашемъ благорасположеніи.

Имѣю честь быть покорнымъ слугою

П. Плетневъ.

Если вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ какія нибудь порученія, то извольте надписывать: *въ Екатерининскомъ Институтѣ.*

2.

17 Іюля 1822 г. Спбургъ (Въ Москву).

Имѣю честь извѣстить васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій князь Петръ Андреевичь, что въ изданіи В. Л. Пушкина встрѣтилось непредвидѣнное препятствіе. Впрочемъ это все не помѣшаетъ скоро окончить изданіе, если вы постараетесь немедленно разрѣшить меня въ слѣдующемъ затрудненіи.

Хотя Иванъ Осиповичь Тимковской и позволилъ все печатать въ собраніи Стихотвореній Василья Львовича; однако новой Цензурной Комитетъ не соглашается на пропускъ цѣлыхъ двухъ пьесъ: 1) Посланія къ Дашкову, въ которомъ Василій Львовичь про себя говоритъ, что онъ *съ восхищеніемъ читаетъ Кандида*, и 2) Эпиграммы, начинающейся: *Лишился я жены, любовницы, коня*. Сверхъ того Цензурный Комитетъ проситъ перемѣнить нѣсколько словъ, на что, я думаю, Василій Львовичь не будетъ очень гнѣваться, когда ужъ сему подвергалъ себя и Жуковскій.

Но что касается до выпуска изъ изданія означенныхъ двухъ пьесъ, я не смѣю на это посягнуть безъ вашего согласія. Впрочемъ смѣю васъ увѣрить, что Цензурный Комитетъ преклонить уже ничѣмъ нельзя—и слѣдственно, если вы узнаете, что Василій Львовичь безъ сихъ пьесъ издать своихъ Стихотвореній не захочетъ, то изданіе не состоится.

Его портретъ давно уже готовъ и я одинъ экземпляръ имѣлъ честь препроводить Н. М. Карамзину.

Ожидая разрѣшенія вашего, имѣю честь быть, любезнѣйшій князь, вашимъ покорнымъ слугою Плетневъ.

3.

31 Марта 1826 г. Спбургъ (Въ Москву).

М. Г. князь Петръ Андреевичь!

По порученію А. С. Пушкина имѣю честь препроводить вамъ долгъ его 600 руб. Примите на себя трудъ извѣстить кого нибудь изъ насъ, его или меня, что вамъ эти деньги доставлены.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы увѣрить васъ въ истинномъ уваженіи и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою П. Плетневъ.

4.

14 Октября 1826 г. Спбургъ (Въ Москву).

Вы конечно, любезнѣйшій князь, больше всѣхъ нашихъ литераторовъ принимаете участія въ судьбѣ твореній Озерова, какъ его Біографъ. По этому я рѣшился просить у васъ совѣтовъ, приглашенъ будучи къ новому изданію Стихотвореній знаменитаго нашего трагика. Книгопродавецъ Глазуновъ намѣренъ издать Озерова достойнымъ его образомъ. А. Н. Оленинъ работалъ нѣсколько лѣтъ надъ картинками для этого изданія. Глазуновъ предоставилъ мнѣ полное разпоряженіе на счетъ выбора пьесъ и присмотра за текстомъ. Я сообщу вамъ мои предварительныя мысли:

1) Думаю, что все изданіе должно состоять изъ трехъ томовъ, такъ, чтобы въ первомъ помѣстить Эдипа и Фингала, во второмъ Димитрія и Поликсену, а въ третьемъ неизданную его трагедію Ярополкъ и Олегъ, мелкія его пьесы и тѣ стихотворенія, которыя писали въ похвалу его разные наши поэты.

2) При первомъ томѣ будетъ ваше разсужденіе, а текстъ Эдипа, сколько возможно, ближайшій къ оригиналу Озерова самого.

3) Для третьяго тома (который напечатается въ меньшемъ количествѣ для однихъ пожелающихъ имѣть полное собраніе его стихотвореній) прибавить переводъ изъ Колардо и, можетъ быть, нѣсколько басенъ, если найду чѣмъ нибудь достойныя вниманія, сверхъ прежде помѣщенныхъ, также стихи къ нему Державина.

Сдѣлайте одолженіе, не откажитесь меня поскорѣе увѣдомить, не захотите ли вы сдѣлать какихъ прибавокъ къ вашему разсужденію, или перемѣнъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, если найдете нужнымъ. Также выведите меня изъ затрудненія: по чему у васъ и

Греча неизданная Озерова трагедія названа: *Смерть Олега*, между тѣмъ какъ въ полученной мною рукописи она называется: *Ярополкъ и Олегъ*, гдѣ послѣдній не умираетъ. Также не означено на ней, была ли она когда играна, а у васъ и Греча выставлены годъ и число мѣсяца ея репрезентаціи на С.п.бургскомъ театрѣ. Считаете ли вы необходимымъ, чтобы въ концѣ изданія приложены были варіанты противъ прежнихъ изданій, если ихъ наберется довольно?

Извините, что я васъ обременяю. Полагаюсь на вашу пламенную любовь къ славѣ нашей литературы. Вы совершенно, любезный князь, по отъѣздѣ въ Москву забыли насъ. Что дѣлаетъ Александръ Сергѣевичь? Видаете ли вы Баратынскаго? Однимъ словомъ: мы здѣсь безъ Жуковскаго осиротѣли. Утѣшьте насъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

покорнѣйшимъ слугою П. Плетневъ.

5.

5 Маія 1827 г. Спбургъ (Въ Москву).

Давно не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ вами, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь! Признаюсь, съ нѣкотораго времени я дѣйствительно одичалъ. Славу Богу, что вы взялись за Телеграфъ. Каждая новая книжка его хоть два раза въ мѣсяцъ сводитъ меня съ тѣми, о которыхъ я не перестану сожалѣть до гроба, что не могу видѣться съ ними. Повѣрите ли, что, взявши новый №, я стараюсь остаться долѣе одинъ и, перебирая листы, чувствую, будто я по старому провожу вечеръ то у Жуковскаго, то у Козлова, гдѣ всегда встрѣчалъ Дрезденскую Эолову Арѳу[1]). Какъ занимательны его къ вамъ письма! Вотъ, кто бы могъ у насъ быть истинно европейскимъ литераторомъ. Но съ горестію надобно признаться, что такому человѣку ужъ совѣстно у насъ записаться въ опохабленной цѣхъ, гдѣ бы онъ принужденъ былъ

---

[1]) А. И. Тургенева, который въ обществѣ Арзамасцевъ былъ прозванъ Эоловой Арфой.

стоять на одной доскѣ съ фиглярами, потрафившими на вкусъ читающей Россійской публики. Что вы скажете объ этомъ новаго рода посвященіи? [1]) Но всего любопытнѣе строки отъ сочинителя, эта исторія воспитанія, службы отечественной и иностранной и наконецъ открытіе тайнъ языка, будто секрета лѣчить отъ боли зубовъ, или дѣлать настойку. Зачѣмъ же хранитель сихъ тайнъ, умѣвшій создать изъ безграматнаго мараки любимаго провинціальною публикою писателя, не выступитъ самъ до сихъ поръ какъ авторъ? Потому что газетчикъ, журналистъ и компилаторъ не авторъ еще. Вѣрно появленіе этихъ двухъ книжекъ, напоминающихъ и форматомъ свою истинно русскую талію, даетъ вамъ случай потѣшиться порядочно.

Лалла-Рукъ и къ NN. при посылкѣ портрета [2]) удивительно хороши. Они переносятъ какъ-то въ *оны* времена. Выдержки изъ вашей записной книжки безпрестанно становятся занимательнѣе. Откуда почерпнули вы столько любопытнаго о Веревкинѣ и Костровѣ? Сдѣлайте милость, начните наводить краски на безцвѣтныя лица нашихъ писателей. Долго ли имъ хвастовать одними формулярными списками? Я воображаю, сколько подобныхъ прелестей хранится въ Запискахъ И. И. Дмитріева. Нѣтъ ли у васъ еще какихъ источниковъ для собранія подобныхъ характеристическихъ описаній? Кстати о нихъ. Я все надѣюсь, что вы не откажетесь прислать мнѣ пересмотрѣнной вами Біографіи Озерова.

---

[1]) Рѣчь идетъ о двухъ первыхъ книжкахъ Сочиненій Булгарина, незадолго передъ тѣмъ вышедшихъ. На первой страницѣ напечатано: «Читающей русской публикѣ въ знакъ уваженія и признательности посвящаетъ сочинитель». Въ предисловіи, подъ заглавіемъ: «Отъ сочинителя», онъ выражаетъ свою благодарность Гречу, который «открылъ ему таинства русскаго слова, понынѣ для многихъ недоступныя».

[2]) Въ *Памятникѣ Отечественныхъ Музъ* на 1827 годъ напечатаны были стихи Жуковскаго: «Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ», а въ *Московскомъ Телеграфѣ* (т. XIV, № 6, стр. 49) его же посланіе «Къ N. N. при посылкѣ портрета», съ помѣтою: 1812 г. октябрь — безъ подписи имени. Оно перепечатано въ 5-мъ изданіи Сочиненій Жуковскаго (т. XII, стр. 227), но мнѣ не удалось отыскать его въ 7-мъ, глазуновскомъ изданіи. Въ той же книжкѣ *Телеграфа* (Смѣсь. стр. 70—75) помѣщены «Выдержки изъ записной книжки» кн. Вяземскаго со свѣдѣніями о Веревкинѣ и Костровѣ.

Чувствую, что васъ много бременятъ и другія занятія. Но если вы поймаете нѣсколько дней для этой работы; то спрая Муза Озерова будетъ вамъ признательна.

Какая у васъ теперь въ Москвѣ литературная дѣятельность! Здѣсь со смертію Карамзина и съ отъѣздомъ Жуковскаго все пришло въ то состояніе, въ какомъ было до ихъ переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ. Московскій журналъ [1]) кипитъ дѣятельностію. Кажется однакожъ мнѣ, что онъ круто все хочетъ повернуть. Ему хочется вдругъ развить у насъ и германскія идеи и таинства Востока. Это какъ-то мутитъ воду, а не даетъ ей быстрѣйшаго теченія. Но все хорошее лучше ничего, или худаго. Дай Богъ ему осамиться. Въ первой годъ и съ Телеграфомъ было тоже.

Что дѣлаетъ Баратынскій и что Александръ? [2]) Я къ нимъ писалъ-было нѣкогда со Львомъ. Они не отозвались. Не знаю, чѣмъ передъ ними провинился,

«Или тѣмъ, что полюбилъ я,
Потерявши свой покой?»

Не смѣю просить васъ объ отвѣтѣ. Но я вмѣсто него съ жадностію буду перечитывать все, что въ Телеграфѣ запечатлѣно будетъ вашимъ умомъ и вкусомъ. Если вы подарите насъ еще портретомъ во вкусѣ вашего Байрона; то я соглашусь къ вамъ безотвѣтно писать каждую почту.

Примите, любезнѣйшій князь, увѣреніе въ совершенной моей къ вамъ преданности и истинномъ почтеніи

П. Плетневъ.

Потрудитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе Степану Петровичу Жихареву.

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ:* см. выше, стр. 343.

[2]) А. С. Пушкинъ.

6.

28 Декабря, 1838 г. (9 Января 1839 г.) Спбургъ (За границу).

Спѣшу воспользоваться послѣдними днями еще неистекшаго у насъ 1838 года, чтобы ваше сіятельство не имѣли права сказать, что я не отвѣчаю на письма по два года. Не оправдываюсь передъ вами, потому что не-чѣмъ. Но благодарить васъ никогда не перестану, потому что слишкомъ есть за что. Во-первыхъ благодарю васъ за память обо мнѣ, которой цѣну слишкомъ вѣрно опредѣляетъ ужасное мое одиночество. Благодарю васъ за двѣ брошюры: Русскую и Французскую. Первою я успѣлъ уже воспользоваться, какъ изволите сами усмотрѣть, въ № 4 прошлаго года. Какъ поступить со второю—еще не придумалъ. Все это интересно на иностранномъ языкѣ и для иностранцевъ: у насъ покажется повтореніемъ высказавшагося уже нѣсколько разъ въ отрывкахъ [1]). Впрочемъ, можетъ быть, и придумаю для этого особую статью. Но тѣмъ не менѣе постоянное участіе ваше въ моемъ дѣлѣ истинно меня трогаетъ. Ни отъ кого я не вижу ни малѣйшаго движенія. Все закрылось и заснуло. Даже А. И. Тургеневъ не прислалъ ни строчки въ Современникъ. Нечего дѣлать: коё-какъ одинъ тяну лямку. Съ тѣхъ поръ, какъ Ѳ. И. Прянишниковъ вызвался пересылать мои книжки въ Парижъ, я ихъ отправляю туда аккуратно. Васъ я все ожидалъ въ Петербургѣ, чтобы лично поднести вамъ труды свои. Узнавъ наконецъ, что еще долго этого дожидаться, препровождаю теперь вдругъ все, что у меня вышло безъ васъ. Но ни Гоголю, ни Тютчеву (какъ бы ни хотѣлось этого) не посылалъ ничего, кромѣ перваго номера прошлаго года, что для нихъ вамъ отъ меня сообщенъ былъ. Съ Тютчевымъ я незнакомъ вовсе, а о Гоголѣ не знаю, гдѣ онъ обитаетъ.

---

[1]) Трудно угадать, о какихъ брошюрахъ тутъ говорится; въ 4-й книжкѣ *Современника* за 1837 есть двѣ довольно обширныя статьи, напечатанныя подъ псевдонимами: можетъ быть, надо разумѣть одну изъ нихъ; во всякомъ случаѣ авторъ ихъ не князь Вяземскій. Что касается французской брошюры, то не идетъ ли рѣчь о напечатанной имъ 1838 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Incendie du palais d'hiver à St.-Pétersbourg»?

Не считаю нужнымъ расказывать вамъ что либо о нашихъ знакомыхъ, на примѣръ: о Смирновой или Пушкиной, потому что ваши конечно подробно извѣщаютъ васъ о нихъ. Въ Литературѣ, на-дняхъ выйдетъ первый номеръ *Отечественныхъ Записокъ*, на которыя Свиньинъ передалъ право компаніи подъ редакцію Краевскаго. Тутъ участвуетъ и Одоевскій и много, много народу, а по программѣ и вы, князь, и Жуковскій и проч. Это будетъ по плану нѣчто въ родѣ Биб. для чт. или Сына От. Впрочемъ у насъ журналы и не могутъ имѣть новаго цвѣту, кромѣ обертки: авторы вездѣ почти тѣже, а Цензура и паче. Я думаю, что вы раздѣлите мое удивленіе къ таланту Квитки, написавшаго Марусю и Праздникъ мертвецовъ. Еще лучшая его повѣсть у меня будетъ въ слѣдующей книжкѣ. По всѣмъ отношеніямъ это геніальный человѣкъ и перваго разбора. Что за натура! Что за простота! и что за вѣрность во всемъ! Какъ Малороссіянинъ онъ перешагнулъ уже черезъ Гоголя, можетъ быть отъ того, что старъ. Обнимаю васъ. П. П.

Записка кн. Вяземскаго.

1840 г.

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Петръ Александровичь, прочтите критическимъ глазомъ стихи, которые отдаю Владиславлеву [1]) и отмѣтьте, что васъ заставитъ покоситься.

Каковъ писарь у Владиславлева!

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

7.

27 Сентября 1840 г.

Приблизившійся срокъ выхода Современника заперъ меня дома, и я никакъ не властенъ оторваться отъ письменнаго стола, чтобы явиться къ вамъ, князь Петръ Андреевичь, для пере-

---

[1]) Для его альманаха *Утренняя Заря* на 1841 годъ, въ которомъ напечатаны три стихотворенія князя Вяземскаго.

говору объ изданіи. Я передалъ все Егору Ѳедоровичу Фишеру [1]), который это дѣло знаетъ и усерденъ къ пользамъ вашимъ. И такъ прошу васъ говорить съ нимъ такъ, какъ бы вы говорили со мной.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письма кн. Вяземскаго.

Царское Село. 29 Сентября 1840 г.

Нищій проситъ у васъ дать ему Христа ради что нибудь на хлѣбъ или на вино. Вы отвѣчаете ему: Богъ дастъ! Это, конечно, не отказъ, а экономическое подаяніе. Такъ поступили вы и со мною, любезнѣйшій Петръ Александровичъ. На это могъ-бы я отвѣчать вамъ: Богъ съ вами! Это также, конечно, не брань! Шутки въ сторону: что отсылаете вы меня къ Фишеру, когда я къ вамъ прибѣгаю? Я давно знаю, что есть Фишеръ на свѣтѣ, но что мнѣ въ томъ проку и толку? Мнѣ нуженъ посредникъ, потому что я въ этихъ дѣлахъ понятія не имѣю, потому что самому цѣнить себя не ловко, потому что у третьяго лица руки и языкъ болѣе развязаны для переговоровъ, сдѣлокъ и тому подобнаго. Я васъ не тороплю. Современникъ вашъ впереди. Своя рубашка къ тѣлу ближе, безспорно, но когда сошьете ее, бросьте нѣсколько нитокъ и мнѣ. Съ міру по ниткѣ, голому рубаха. На той недѣлѣ буду въ городѣ и явлюсь къ вамъ.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

Я получилъ письмо отъ Жуковскаго. Въ концѣ Октября будетъ онъ здѣсь, но одинъ-ли, или самъ-другъ, того изъ письма его не поймешь.

На Святой недѣлѣ 1841 г.

Христосъ воскресе! и живъ-живъ курилка Тургеневъ! Вмѣсто краснаго яичка посылаю вамъ, любезнѣйшій Петръ Але-

---

[1]) Содержателю типографіи.

ксандровичъ, цѣлую яичницу его[1]). Выберите изъ нее что заблагоразсудите. Замѣтьте только, что тутъ есть письма писанныя до тѣхъ, которыя уже у васъ напечатаны, но полученныя послѣ. Не попасть-бы въ анахронизмы! Впрочемъ извѣстія о книгахъ могутъ пойти и заднимъ числомъ, то есть заднія числа въ передовыя. Прошу васъ также не задерживать долго писемъ, и возвратить мнѣ ихъ и съ прежними недѣли черезъ двѣ, потому что мнѣ нужно отправить все это въ Москву. Для бо́льшаго порядка потрудитесь разобрать всѣ письма, у васъ находящіяся, по числамъ и сшить ихъ въ одну связку.

Да потребуйте отъ Краевскаго прежнихъ писемъ, оригиналовъ и копій, изготовленныхъ еще Пушкинымъ для Современника.

Душевно вамъ преданный Вязе́мскій.

Что дѣлаете вы съ рукописью Бразильскою[2])?

Царское Село. 6 Октября 1841 г.

Вчера возвратился я отъ Н. Н. Пушкиной, которая вамъ кланяется, и нахожу ваши корректурные листы[3]). Спѣшу ихъ возвратить съ нѣкоторыми отмѣтками.

Реставрація, конечно, правильно. Но хорошо-ли? Сбивается на *растирацію*. Ужъ не ставить-ли вездѣ французское слово Restauration?

Во французскихъ цитатахъ иныя слова не такъ раздѣлены. Мы говоримъ *Саллустій*; слѣдовательно *Саллустіевой виллы*.

---

[1]) Рѣчь идетъ о *Хроникѣ Русскаго въ Парижѣ*, письмахъ А. И. Тургенева къ кн. Вяземскому, которыя печатались въ *Современникѣ* за подписью Э. А., т. е. «Эолова Арфа», имя, которое носилъ авторъ въ Арзамасскомъ обществѣ.

[2]) Т. е. статьею состоявшаго при нашемъ посольствѣ въ Бразиліи (впослѣдствіи посланника) Серг. Григ. Ломоносова, вышедшаго изъ лицея вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Эта статья напечатана вскорѣ въ XXIII томѣ *Современника*, подъ заглавіемъ: «Событія въ области Пара», за подписью: С. Л.

[3]) *Хроники Русскаго въ Парижѣ.*

Въ статьѣ *Бальзакъ* [1]) есть *огромный восторгъ*. Ради Бога выкиньте эту любимую и повсемѣстную нынѣ *огромность*.

8.

18 Февраля 1843 г. (Въ Петербургѣ).

Я довелъ до свѣдѣнія князя Шихматова [2]), что вамъ угодно, князь Петръ Андреевичъ, принимать участіе въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ академическаго словаря наравнѣ съ прочими академиками. Онъ былъ очень обрадованъ вызовомъ вашимъ и сказалъ мнѣ, что непремѣнно сдѣлаетъ распоряженіе о присылкѣ вамъ корректуръ.

Что касается до сочиненій, о коихъ я въ отчетѣ упоминаю, какъ напечатанныхъ въ теченіе года, они изданы самими членами, а не Отдѣленіемъ, и слѣдов. не были разосланы по академикамъ. Отдѣленіе на свой счетъ напечатало только Извлеченіе изъ первыхъ своихъ протоколовъ, которое, какъ мнѣ объявилъ князь Шихматовъ, было препровождено и къ вашему сіятельству.

При семъ имѣю честь возвратить вамъ два письма кн. Солтыкова, которыя напечатаны оба въ Современникѣ [3]). Примите мою благодарность за эти подарки литературѣ и журналу.

Письма Тургенева еще остаются безъ движенія, такъ какъ я до нихъ уже началъ печатаніе №№ 3 и 4 Соврем. Но съ первой же недѣли поста примусь за нихъ, чтобы приготовить ихъ въ № 5 [4]). Кончивъ работу, буду имѣть честь представить ее на воззрѣніе вашего сіятельства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію П. Плетневъ.

---

[1]) Эта статья, приложенная къ письму Тургенева (вѣроятно въ подлинникѣ), напечатана въ переводѣ вмѣстѣ съ письмомъ въ *Современникѣ* 1841 г. Т. XXIV. (Октябрь).

[2]) Перваго предсѣдательствовавшаго въ новообразованномъ Отдѣленіи Академіи Наукъ.

[3]) Два письма изъ Восточной Индіи, напечатанныя въ томахъ XXVI и XXIX *Современника*.

[4]) Эти письма остались ненапечатанными: послѣдній отрывокъ изъ *Хроники Русскаго въ Парижѣ* появился въ XXVIII томѣ *Современника* (осенью 1842 г.).

9.

6 Мая 1843 г. [1]).

Вашему сiятельству извѣстно давно, какъ плоха финансовая часть Современника. Нынѣ, когда журналъ выходитъ ежемѣсячно, и слѣдственно, когда издержки на изданiе увеличились, число подписчиковъ простирается только до 161 человѣка.

Собираемой суммы недостаетъ на уплату четвертой доли издержекъ по изданiю; а о прiобрѣтенiи сотрудниковъ за деньги и думать нечего.

Пока меня станетъ, я буду тянуть эту лямку по русской пословицѣ: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Иначе нечестивые поглумятся надъ нами.

П. Плетневъ.

10.

10 Мая 1843 г.

Имѣю честь препроводить къ вамъ, князь Петръ Андреевичъ, записку Т. С. Вейдемееръ.

Никого лучше рекомендовать не могу изъ журналистовъ для его превосходительства, какъ Краевскаго. У него 3.000 подписчиковъ, что даетъ ему въ годъ 150,000 р. Если онъ и оставляетъ на уплату прежнихъ долговъ 75,000 р., то изъ другихъ 75,000 р. безгрѣшно можетъ поплатиться съ своими сотрудниками. Онъ же и обязанъ этимъ счастiемъ В. А. Жуковскому.

Душевно преданный П. Плетневъ.

11.

4 Марта 1845 г.

Мнѣ доставлено письмо Жуковскаго; если это отъ вашего сiятельства, то примите мою благодарность. Онъ теперь, слава

[1]) На оборотѣ листа адресъ: «Въ Департаментъ Внѣшней Торговли», гдѣ кн. Вяземскiй въ то время былъ вице-директоромъ.

Богу, начинаетъ поправляться въ здоровьѣ. Авось примется за 13-ю пѣснь Одиссеи, до которой по сихъ поръ еще не дотрогивался за болѣзнію. Имѣю честь препроводить вамъ требуемыя вами статьи, одну въ Современникѣ, другую въ Звѣздочкѣ. Когда эти книжки не будутъ вамъ нужны, сдѣлайте одолженіе, прикажите ихъ отправить ко мнѣ; потому что я, по своей нѣмецкой аккуратности, не могу видѣть разрозненныхъ у себя журналовъ. Еще обяжите меня, приказавъ тутъ же приложить и четыре тома Скопина-Шуйскаго Шишкиной [1]), которые княгиня вѣрно давно прочитала. Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Въ университетѣ и по гимназіямъ подписка на памятникъ Крылова идетъ успѣшно. Но въ городѣ точно нѣтъ никакого движенія. Средство одно и самое дѣйствительное оживить подписку, это — раздать шнуровыя книги въ мѣстахъ, гдѣ собирается публика: 1) по театрамъ въ фойе, или у кассировъ и въ комнатѣ, гдѣ *освѣжаются* за трубками и ликерами; 2) въ домѣ Дворянскаго собранія; 3) во всѣхъ залахъ, гдѣ даются концерты; 4) въ дежурствѣ Публичной Библіотеки; 5) во всѣхъ такъ называемыхъ Кабинетахъ для чтенія; 6) въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ; 7) въ тѣхъ кондитерскихъ, которыя въ модѣ; 8) даже по аптекамъ; 9) въ клубахъ, особенно англійскомъ и 10) на биржѣ (отъ имени Вронченка). Передайте это графу Блудову.

12.

6 Сентября 1845 г.

Для Нарышкиной есть у меня на примѣтѣ отлично-хорошая учительница Рус. языка. Ее зовутъ Софья Павловна Никифорова; а найти ее можно, спросивъ въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ она и даетъ уроки тоже Рус. языка.

Шутка вашего сіятельства, будто я, упомянувъ о париж-

---

[1]) Статью Плетнева объ этомъ историческомъ романѣ см. въ настоящемъ изданіи, т. I, стр. 239.

скихъ письмахъ Греча, задѣлъ Александра Ивановича [1]), очень меня позабавила: жаль только, что столько лѣтъ помѣщавъ самъ въ Современникѣ интересную *Хронику Русскаго въ Парижѣ*, я тѣмъ уже отклонилъ отъ себя всякое двузначеніе въ моей припискѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

13.

30 Ноября 1847 г.

Отъ всей души благодарю васъ, князь Петръ Андреевичь, за сообщеніе мнѣ вашей рукописи [2]): я всю прочиталъ ее за одинъ присѣстъ — и съ восхищеніемъ. Статья полна интересу и жизни. Да наградитъ васъ Господь Богъ за все: и за бѣднаго Глинку, и за воспоминанія о добромъ старомъ времени, и за назидательныя литературныя истины. Стихъ Озерова я поправилъ.

Не позабудьте прибавить ремарку, гдѣ покупается книга и по чемъ?

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

14.

14 Іюня 1848 г. Спасская мыза.

Ваша новая пьеса, князь Петръ Андреевичь, восхитительна [3]). Она убѣждаетъ меня, что вы не должны разставаться съ поэзіею. Описаніе утренней прогулки пѣшкомъ по саду и въ экипажѣ вечеромъ по окрестностямъ Сергіевки — прелесть въ высшей степени. Ни Пушкинъ, ни Жуковскій ничего въ этомъ родѣ

---

[1]) Тургенева.

[2]) О *Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ*. См. статью эту въ *Полномъ собраніи сочиненій* князя Вяземскаго. II, 335. Она въ первый разъ была напечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1847 г. декабря 4 и 5, №№ 277 и 278.

[3]) Это относится къ стихотворенію, напечатанному въ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго (IV, 316), подъ заглавіемъ: *Волшебная обитель:* поэтъ разумѣетъ *Сергіевское*, близъ Петергофа, собственность великой княгини Маріи Николаевны. Вслѣдствіе замѣчаній Плетнева, начало пьесы совершенно измѣнено и указанныхъ имъ выраженій въ печати не оказывается.

не сказали граціознѣе, точнѣе и проще. Я всегда удивлялся крѣпости вашего стиха. Теперь онъ не только не пошатнулся, но, кажется, еще сильнѣе укрѣпился. Баратынскій и Дельвигъ со мною въ этомъ были согласны. И такъ ради Бога не вдавайтесь въ мысль, что для васъ прошла поэзіи пора. Карамзинъ, Крыловъ и Жуковскій — свидѣтели, что не для всѣхъ писателей бываетъ старость.

Вотъ частныя мои замѣтки; но это не совѣты для передѣлокъ, а личныя размышленія влюбленнаго въ красавицу:

1) *Щедростью* или *благостью судьбины* — это не портитъ стиха. Только мнѣ жаль, что вы несправедливы къ теперешней своей судьбинѣ: она ничего не отняла у васъ, и оговорка здѣсь выходитъ болѣе какъ реторическая фигура, нежели поэтическая истина. Совсѣмъ бы не обращаться къ лѣтамъ, а прямо къ прелестной хозяйкѣ.

2) Про *державную* тоже лучше не упоминать. Какъ теперь — это и точно и въ полной мѣрѣ лестно.

3) *Гаснетъ внѣшній шумъ.* Не слишкомъ ли смѣло, и не довольно ли будетъ проще: *тихнетъ* или *молкнетъ*?

4) Вмѣсто: *когда и скажешь вздоръ*, я бы употребилъ: *хотя бъ сказалъ и вздоръ* [1]).

5) *Средь почестей мірскихъ*—это недостаточно для отвращенія отъ простой замашки русской шутки. Что̀ бы нибудь пошутливѣе, да поточнѣе, въ родѣ всеобщаго влеченья *къ чужеземщинѣ.*

6) *И не одинъ Жоржъ-Зандъ* и проч. (оба стиха) я бы перемѣнилъ на что нибудь такое, чѣмъ возвысилъ бы Русское, а о Французскомъ промолчалъ бы, или такъ его не поднялъ бы [2]).

7) *Но мнѣ ль успѣть* и далѣе (пять стиховъ). Какъ и выше, зачѣмъ клевстать на себя? Придумайте что нибудь въ родѣ слѣдующаго:

Но можно ли въ стихахъ холодныхъ и несвязныхъ [3]).

---

[1]) Въ печати: «Не попадешь въ бѣду, когда и скажешь вздоръ».
[2]) Это мѣсто исключено и замѣнено другимъ.
[3]) Этотъ стихъ безъ перемѣны принятъ княземъ Вяземскимъ.

и черезъ два стиха»:

Какъ въ словѣ передать всѣ радужные сны [1]).

Это не тѣ стихи, которыми я замѣнилъ бы ваши; но тутъ одни указанія, какъ спастися отъ клеветы на свои годы.

8) *Такъ устарѣвшій жрецъ*. Слишкомъ прозаическій эпитетъ. Мысль и картина вся превосходны. Поэтому-то и нужно бы поставить жреца въ какую нибудь болѣе поэтическую позицію, сказать на прим., что онъ *отчужденъ тайнъ* и тому под. [2]).

Все это (повторяю) мысли человѣка, который плѣненъ цѣлымъ, и только отъ многократнаго чтенія и пристрастія становится пресыщеннымъ и анатомируетъ свои наслажденія.

Примите все съ благоволеніемъ и дайте узрѣть ваши свѣтлыя очи.

Душевно и неизмѣнно преданный вамъ П. Плетневъ.

15.

19 Ноября 1848 г.

Сію минуту получилъ я отъ Грота статью [3]), которая не можетъ васъ не интересовать, князь Петръ Андреевичъ. Мое свободное время до минуты поглощено теперь составленіемъ годичныхъ отчетовъ по Академіи и Университету. Боюсь, что у меня статья залежится — и я невинно буду все-таки виноватъ передъ двумя самыми милыми для меня особами. Умоляю ваше сіятельство: прочтите сперва прилагаемую здѣсь же записочку ко мнѣ Грота, изъ которой вы узнаете, чего онъ желаетъ. Потомъ, положивъ подлѣ себя чистый листокъ бумаги и вооруживъ руку карандашемъ, пробѣгите статью и выставьте на чистомъ листкѣ

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ:

«Какъ уловить перомъ всѣ радужные сны?»

[2]) Въ печати: «Такъ упраздненный жрецъ»...

[3]) О книгѣ: *Фонъ-Визинъ*, присланную авторомъ изъ Гельсингфорса, гдѣ онъ занималъ въ университетѣ каѳедру русской литературы и исторіи. Статья эта вскорѣ появилась въ №№ 281—283 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1848 г.

цифры страницъ и строкъ, требующихъ измѣненія или только указанія автору. Я уже догадаюсь объ остальномъ и отъ своего лица составлю для него желанныя замѣтки.

Эта рукопись и ваши замѣчанія должны у меня быть обратно утромъ во вторникъ, когда я начинаю писать къ Гроту. Не позабудьте тогда же положить въ пакетъ и маленькую его ко мнѣ записочку.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

16.

8 (20) Сентября, 1849 г. Спб. (въ Одессу).

Письмо ваше, князь Петръ Андреевичъ, доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Цѣлое лѣто провелъ я совершенно одинъ съ моимъ семействомъ. Погода была не лучше прошлогодней. Съ отчаянія я переѣхалъ въ городъ 4-го Сентября — и вообразите: какъ въ насмѣшку намъ, теперь стоятъ прелестные теплые солнечные дни.

Одинъ только разъ я съ моею семьею въ пріятномъ провелъ развлеченіи цѣлый день. Мы рано утромъ всѣ отправились съ дачи на пароходъ, и пустились въ Петергофъ. Бывъ передъ этимъ у В. К. Маріи Николаевны въ Сергіевскомъ, я просилъ ея высочество доставить намъ способъ осмотрѣть за одинъ разъ примѣчательности Петергофа, Сергіевскаго и Ораніенбаума. Поэтому мы нашли ожидавшіе насъ экипажи ея. Такъ-какъ Императрица уѣзжала тогда въ Ревель, то намъ всѣмъ позволено было проникнуть и во дворецъ самой Александріи. Для пребыванія нашего въ Сергіевскомъ намъ отведенъ былъ прелестный домикъ, въ которомъ обыкновенно живетъ тамъ графъ Мат. Юр. Вьельгорской. Самъ онъ тогда уѣзжалъ въ свои тамбовскія деревни.

До письма вашего писалъ ко мнѣ о васъ изъ Одессы Зеленецкій, и я узналъ, что вы, если теперь не ошибаюсь, должны были сѣсть на пароходъ въ самые ваши именины. На Спасской же мызѣ ежедневно напоминала мнѣ о васъ идеальная дача ваша.

Я называю ее потому идеальною, что существуетъ она не болѣе, какъ въ идеѣ. Во все лѣто ничего на ней не прибавилось изъ построекъ, которыя были предназначены. А та дача, которую вы нанимали прошлаго лѣта, простояла пустая, равно какъ и другой домъ того же хозяина.

О Ѳ. И. Тютчевѣ ко мнѣ не дошло никакихъ свѣдѣній. Я даже не знаю, возвратился ли онъ изъ деревни своей. Постараюсь однако же провѣдать о немъ. Безъ него, зимою, я не знаю, куда и голову приклонить.

Чтобы обстоятельнѣе сообщить вамъ новости о Жуковскомъ, я выписываю для васъ нѣкоторыя мѣста изъ его письма къ Родіонову [1]): «Я въ Варшавѣ, куда пріѣхалъ изъ Баденъ-Бадена. Этотъ пріѣздъ насъ съ вами не сблизитъ: я пріѣхалъ сюда видѣть Великаго Князя и представиться Государю, и узнать отъ Него, позволитъ ли на будущую зиму мнѣ остаться въ Баденъ-Баденѣ. Жена, возвратясь туда изъ Швейцаріи, снова начала прерванный ею курсъ леченія, который продолжится до Октября. Тогда уже будетъ поздно, послѣ ваннъ и душъ, пускаться осенью въ путь, чтобы, пріѣхавъ зимою, начать бивачную жизнь въ нашихъ неконфортабельныхъ трактирахъ; да и послѣ такого леченія необходимо нуженъ покой въ умѣренномъ, или тепломъ климатѣ. Теплота въ Баденѣ будетъ, также и дешевизна жизни, но будетъ ли покой — кто предскажетъ? Теперь покойно только въ Россіи; а здѣсь вездѣ таится подъ ногами волканъ, и никто не вѣдаетъ, гдѣ произойдетъ разрушительный взрывъ. Болѣзнь жены, въ которой ясно выражается то, что Богъ велитъ, принуждаетъ меня еще на нѣсколько мѣсяцевъ жить изгнанникомъ въ прекрасномъ климатѣ весьма не прекраснаго Бадена. Но я еще не знаю, позволитъ ли мнѣ Государь остаться. Весьма вѣроятно, что позволитъ. Въ противномъ случаѣ вы увидите меня одного въ Петербургѣ; семью оставлю за границею».

Жуковскій желалъ, чтобы я написалъ ему нѣсколько словъ

[1]) Комиссіонеру Жуковскаго въ Петербургѣ.

о 2-мъ томѣ Одиссеи. Я это исполнилъ тотчасъ же. Только не увѣренъ, застало ли его въ Варшавѣ мое письмо. Сомнѣваюсь, потому что Государь прибылъ въ Царское Село на другой день послѣ того, какъ я писалъ къ Жуковскому. Надобно полагать, что отсрочка возвратиться въ Россію ему дозволена; иначе онъ могъ бы уже прибыть сюда.

Сердечно радуюсь счастію князя Павла Петровича [1]). Передайте ему поклонъ мой. По вашему назначенію препровождаю при семъ къ вамъ особый пакетъ со 2-ою частію Одиссеи и съ сочиненіемъ М. Вронченко о Малой Азіи. Ваше равнодушіе къ красотамъ матеріальной природы я понимаю. Все физическое только тѣмъ и привлекаетъ насъ, что̀ мы изъ души своей вносемъ въ него.

Вы уже слышали о нашемъ общемъ горѣ. Потеря В. К. Михаила Павловича поразила всѣхъ безъ исключенія. Вы конечно пожалѣли и о кончинѣ графини Нессельродъ. Еще умерла княгиня Горчакова, жена Сибирскаго генералъ-губернатора. Третьяго дня отъ холеры въ одну ночь умеръ Межевичъ, редакторъ Полиц. Газеты. 6-го Сентября послѣдовалъ припадокъ нервическаго удара въ правую ногу и руку графа С. С. Уварова. Но теперь пока онъ видимо поправился. Его жены уже не стало.

Поблагодарите княгиню Вѣру Ѳедоровну за память обо мнѣ и засвидѣтельствуйте ей мое и жены моей [2]) почтеніе. П. Плетневъ.

17.

14 (26) Февра̀ля 1850 г. Спб. (Въ Константинополь).

Все, что ни говорите вы, князь Петръ Андреевичъ, касательно изданія сочиненій Екатерины II, совершенно справедливо.

---

[1]) Князь П. П. Вяземскій женился въ Константинополѣ, гдѣ онъ служилъ секретаремъ нашего посольства, на Маріи Аркадьевнѣ Бекъ, рожденной Столыпиной. Бракосочетаніе происходило 17 окт. 1848 г. У нихъ 20 сент. 1849 родилась дочь Екатерина, нынѣ графиня Шереметева Въ іюлѣ 1849 пріѣхалъ въ Константинополь и князь Петръ Андреевичъ. См. его *Путешествіе на Востокъ*. Спб. 1883.

[2]) 26 января 1849 года Петръ Александровичъ вступилъ во второй бракъ: онъ женился на молодой княжнѣ Александрѣ Васильевнѣ Щетининой.

Но я увѣренъ, что гораздо скорѣе и гораздо лучше воздвигнетъ Ей литературный памятникъ кто нибудь изъ частныхъ людей (разумѣется, не Смирдинъ). Съ кн. Шихматовымъ я не буду и говорить о вашемъ предположеніи, потому что онъ, хотя и полный теперь министръ народнаго просвѣщенія, вообще не предпріимчивъ, робокъ и на нештатныя издержки вообще не рѣшителенъ. Графу Уварову, сохранившему за собою президентскія кресла въ Академіи и такимъ образомъ подчинившемуся приговорамъ прежняго подчиненнаго своего, я прочиталъ ваше письмо. Какъ человѣкъ, утратившій вмѣстѣ съ здоровьемъ своимъ и всякую энергію, онъ нисколько не одушевился и отдѣлался замѣчаніемъ, что великая Екатерина литературными своими произведеніями гораздо у насъ ниже своей славы, а Фридрихъ великій знаменитъ и по сочиненіямъ своимъ. Можно было бы сказать, что для дополненія славы, пріобрѣтенной Екатериною, совсѣмъ нѣтъ въ чемъ либо надобности, а тѣмъ менѣе въ образцовыхъ сочиненіяхъ, но потомство заслужитъ честь и общую признательность, украсивъ литературу свою изданіемъ сочиненій Государыни, достойнымъ славнаго Ея имени; однако я не почелъ за нужное входить объ этомъ въ состязаніе, знавши напередъ, что оно не приведетъ ни къ чему — а я не люблю безплодныхъ споровъ.

Но чтобы ваша прекрасная мысль не погибла, не попробуете ли вы (если знакомы) написать объ этомъ къ автору «Путешествія къ святымъ мѣстамъ», Абраму Сергѣевичу Норову: на дняхъ онъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ не безъ энтузіазма и патріотъ. Подстрекните самолюбіе его тѣмъ, что, можетъ быть, на новомъ его поприщѣ никогда не представится болѣе благопріятнаго случая заставить почувствовать въ себѣ не по имени только товарища министра Н. П., но и по незабвенному дѣлу. Вызовитесь, буде это будетъ поручено вамъ, приготовить къ великолѣпному изданію Сочиненій Екатерины II предисловіе, или жизнеописаніе автора, достойное знаменитаго имени. Полагаю, что Норовъ способенъ сильно дѣйствовать на Шихматова: они какъ-то слиты чувствомъ набож-

пости. Затрудненіе все въ деньгахъ. Но въ нашемъ министерствѣ есть большіе запасные капиталы. Стóитъ только министру сослаться на этотъ источникъ издержекъ — и Государь охотно разрѣшитъ. А какая бы прекрасная представилась работа перу вашему? Никто лучше васъ не знаетъ Екатерининской эпохи. Вы, и для Фонъ-Визина порывшись, столько набрались по этой части, которую давно знали какъ фамильныя преданія.

Въ Русское Отдѣленіе Академіи Шихматовъ назначилъ предсѣдательствующимъ Полѣнова, а въ Археографическую коммисію Комовскаго.

Памятникъ Крылову рѣшено поставить въ Лѣтнемъ саду на аллеѣ передъ кофейнымъ домомъ. Клотъ будетъ отливать бронзу по своей модели, которой барельефы (звѣри изъ басенъ), говорятъ, чудно хороши.

Жуковскій и ко мнѣ давно не писалъ. Сегодня отправляю къ нему еще письмо, третіе, на которыя (sic) онъ все не отвѣчалъ. Получили ли вы посланныя мною къ вамъ вторую часть Одиссеи его и сочиненіе Врончєнка о Малой Азіи? Вообще вы очень скупы на письма ко мнѣ. Одинъ Тютчевъ умѣлъ разшевелить васъ. Его статья въ 1-й Январской книжкѣ Revue d. d. m. о папѣ и императорѣ Николаѣ теперь составляетъ модный разговоръ общества. Во всю зиму я у него былъ только разъ, да онъ у меня разъ—вотъ и всѣ наши свиданія. Сбирался онъ перечесть мнѣ ваши письма — да этого не дождешься.

Пріѣзжайте поскорѣе сюда, князь: мнѣ безъ васъ ужасно грустно. Вы знаете, что теперь Государь приказалъ ректорамъ университетовъ наблюдать только за лекціями другихъ профессоровъ, а самимъ перестать профессорствовать. Вотъ я отъ 9 до 3 ч. и слоняюсь по аудиторіямъ.

Мое почтеніе княгинѣ Вѣрѣ Θедоровнѣ и князю Павлу Петровичу.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

18.

7 Января 1851 г. Къ княгинѣ Вяземской. (Въ Петербургѣ).

Письмо ваше, княгиня Вѣра Өедоровна, пришло къ намъ въ ту минуту, когда жена моя только что выѣхала. Вы не можете вообразить, какъ всѣ мы огорчены, что на семейномъ праздникѣ нашемъ не будетъ самаго дорогаго для насъ гостя. Я все это время съ такимъ удовольствіемъ думалъ, что добрый князь, котораго рѣдкимъ къ себѣ вниманіемъ и самымъ драгоцѣннымъ для меня благорасположеніемъ пользовался я цѣлую четверть вѣка, наконецъ благословитъ на новую жизнь и милую мою дочь[1]). По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что все доброе, чѣмъ я пользовался отъ вашего сіятельства и отъ князя, ни сколько не перемѣнится отъ того для дочери моей, что судьба въ самый день свадьбы вздумала сыграть съ нею самую непріятную шутку.

Мы всѣ очень сожалѣемъ о болѣзни князя, надѣясь впрочемъ, что это скоро пройдетъ — и вы не откажетесь принять нашихъ молодыхъ, когда Богу угодно будетъ дать счастливый конецъ теперешнимъ хлопотамъ нашимъ.

Подарокъ, назначенный княземъ невѣстѣ, такъ для нея дорогъ, что она не разстанется съ нимъ цѣлую жизнь. Онъ будетъ лучшимъ для нея воспоминаніемъ эпохи, никѣмъ никогда не забываёмой.

Примите, ваше сіятельство, увѣреніе и проч. П. Плетневъ.

19.

13 Марта 1851 г. (Въ Петербургѣ).

Представляется вамъ, князь Петръ Андреевичъ, благопріятный случай вывести изъ большаго затрудненія Россію, а съ тѣмъ

---

[1]) Настоящее письмо писано въ самый день ея свадьбы. См. выше, примѣч. на стр. 352.

вмѣстѣ и имя вашего сіятельства представить въ Лондонѣ на всемірную выставку.

Англичане сочинили стихи, здѣсь прилагаемые, которые желаютъ они видѣть на языкахъ всѣхъ народовъ, представившихъ къ нимъ свои произведенія. Тамъ, подъ гербомъ каждой націи, должны быть помѣщены и эти стихи. Въ Лондонѣ не нашлось ни одного человѣка, кто бы взялся перевести на русской языкъ эти шесть куплетовъ, Стихи присланы въ Петербургъ — и я прибѣгаю къ вамъ отъ имени всѣхъ Русскихъ поэтовъ спасти нашу честь.

Такъ какъ этотъ экземпляръ подлинника есть единственный въ предѣлахъ Россіи, то я убѣдительнѣйше прошу васъ сберечь его. Если вы переведете, то потрудитесь доставить его ко мнѣ съ переводомъ. Если же (чего Боже сохрани!) откажетесь отъ перевода, то поспѣшите прислать подлинникъ [1]).

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо кн. Вяземскаго.

Дрезденъ. 1 Декабря (19 Ноября) 1852 г. (Получ. 30 Ноября ст. ст.).

Не къ чему увѣрять мнѣ васъ, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, что я съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ о поразившемъ васъ несчастіи [2]). Вы легко поймете, что умѣю сочувствовать знакомой мнѣ скорби. И точно съ какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ стосковался по васъ и поручилъ провѣдать, что съ вами дѣлается. Не разъ уже въ жизни моей сердечное любопытство мое разрѣшалось такимъ грустнымъ образомъ. Когда поуспокоитесь, дайте мнѣ вѣсть о себѣ. Я не получалъ письма вашего, о которомъ пишетъ мнѣ Соболевъ, съ самаго отъѣзда

---

[1]) Что́ вѣроятно и было сдѣлано. Въ бумагахъ князя не осталось слѣдовъ перевода этихъ стиховъ.

[2]) Смерти дочери, Ольги Петровны Лакьеръ.

моего не имѣлъ отъ васъ ни строки. Съ живѣйшимъ полнымъ удовольствіемъ читалъ я статью вашу о Жуковскомъ [1]). Вы справедливо, прекрасно, съ теплымъ сочувствіемъ оцѣнили и труды его и вліяніе, которое онъ имѣлъ у насъ. Слышу, что вы собираетесь издать письма его [2]). Это дѣло прекрасное. И у меня есть вкладчина въ это собраніе, но до возвращенія моего въ Россію не могу сообщить вамъ эти письма. Иныя, кажется, хранятся въ Остафьевѣ, другія перемѣшаны и уложены съ другими бумагами моими и я одинъ могу найти нить въ этомъ бумажномъ лабиринѳѣ. Печатайте безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія и шутливыя письма его, буфонскія, чисто арзамасскія, гдѣ веселость его разыгрывалась во всю ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополняетъ характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету: тотъ не будетъ вполнѣ знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же *вздорноръчіе* Жуковскаго доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности. Я поручилъ въ Москвѣ просить г-жу Зонтагъ собрать и записать всѣ свои воспоминанія о Жуковскомъ. И намъ съ вами хорошо бы это сдѣлать. Полной біографіи составить нельзя, рано, но приготовить біографическіе матеріалы можно и должно. Съ нами пропадутъ и всѣ преданія. Они у насъ на сохраненіи и должны быть переданы нами въ сохранности обществу и потомству въ надеждѣ, что и у насъ когда-нибудь да будутъ общество и потомство. Можетъ ли быть напечатанъ Странствующій Жидъ, то есть черноряснaя цензура пропуститъ ли его? Давно не имѣю извѣстія о Жуковской. Но вѣроятно скоро увижу ее во Франкфуртѣ проѣздомъ въ Карлсруэ къ сыну. Изъ Москвы пишутъ мнѣ, что она поселится въ Москвѣ у Елагиной и будетъ туда весною. Я очень радъ этому намѣренію особенно для дѣтей, которыя очень милы. Сынъ чрез-

---

[1]) См. въ настоящемъ томѣ, стр. 1—59.

[2]) Это намѣреніе осталось безъ исполненія: только изъ писемъ къ самому Плетневу и къ А. П. Зонтагъ явилось довольно много извлеченій во второй статьѣ Петра Александровича о Жуковскомъ: см. выше, стр. 60—148.

вычайно напоминаетъ отца. Кстати о томъ: исполнена ли воля его, выраженная въ стихахъ приведенныхъ вами касательно надгробной надписи ему: «да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте».—Для собранія писемъ его нужно-бы сдѣлать вызовъ чрезъ газеты о доставленіи къ вамъ всѣхъ писемъ, писанныхъ имъ къ разнымъ лицамъ. Я увѣренъ, что тутъ найдутся много добрыхъ дѣлъ его намъ неизвѣстныхъ и что многія письма къ несчастнымъ обращавшимся къ нему также *суть дѣла его.* А знаете ли, что эти слова Пушкина только относительно, односторонно справедливы и нисколько не опровергаютъ стиховъ Державина: дурной стихъ поэта не есть еще дурное дѣло. Стихи:

И словомъ, хочетъ тотъ арбузовъ,
А тотъ соленыхъ огурцовъ [1]).

не наводятъ ни малѣйшей тѣни на характеръ и нравственность Державина, но между тѣмъ кидаются въ глаза пятномъ въ стихотвореніи, въ которомъ они неумѣстны. Сатирикъ, или критикъ въ полномъ правѣ осудить ихъ, обвиняя поэта, а не человѣка. Впрочемъ, если Пушкинъ имѣлъ въ виду предыдущіе два стиха и слѣдующіе къ нимъ относитъ какъ оправданіе, которымъ очищаетъ себя Державинъ, то дѣло другое. Но въ такомъ случаѣ нужно-бы объяснить, оговорить это мнѣніе, которое, сколько помнится мнѣ, у Гоголя и у васъ слишкомъ безусловно. Впрочемъ и то сказать: гдѣ найти опредѣленіе, сужденіе со всѣхъ сторонъ безошибочное и безспорное. Всякая человѣческая истина, всякое и здравое мнѣніе имѣетъ какъ Ахиллесъ свою не застрахованную пятку, въ которую уязвить ихъ можно. Вопросъ Пилата: что есть истина? все еще остается безъ отвѣта; разумѣется, о истинахъ духовныхъ и сверхъестественныхъ здѣсь рѣчи нѣтъ. Мнѣ кажется, что должно признавать за истину то, въ чемъ наименѣе лжи, какъ въ царствѣ слѣпыхъ криваго почитаютъ царемъ. Какъ

[1]) Изъ оды: *Видѣніе мурзы.*

ни умничай и ни мудрствуй, а всѣ наши истины кривы, или косы; такихъ истинъ, которыя прямо смотрѣли бы въ оба, на землѣ нѣтъ. Когда люди спорятъ и рѣжутся за кусокъ хлѣба, или за грошъ, это натурально и понятно. Но когда они спорятъ до слезъ и до крови за такъ называемыя истины и начала, это верхъ нелѣпости. Не помню, гдѣ и кѣмъ сказано: l'un a raison et l'autre n'a pas tort. Во всѣхъ разногласіяхъ мнѣній можно перевернуть эти слова и, прилагая ихъ къ враждующимъ сторонамъ, сказать: l'un a tort et l'autre n'a pas raison. — Что слышно о новомъ изданіи Пушкина? Мнѣ пишутъ про статью Стурдзы о Жуковскомъ и Гоголѣ [1]). Нельзя ли прислать ее? Съ Берлиномъ бываютъ частыя сношенія. А оттуда перешлютъ ко мнѣ. Полторацкій писалъ мнѣ о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго, времени дѣтства его, имъ отысканныхъ въ печати и неизвѣстныхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ. Справьтесь о нихъ. Но, кажется, Полторацкаго теперь нѣтъ въ Петербургѣ. Можете чрезъ Соболевскаго узнать о немъ. Полторацкій неисчерпаемый кладязь русскихъ литературныхъ рѣдкостей. Жаль, что все это въ немъ погибаетъ. Его надобно-бы пристроить къ Отдѣленію нашему [2]) и разобрать и въ свѣтъ издать сокровищницу его. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы подарить Академіи всѣ своя богатства. Подумайте объ этомъ.— Пишите мнѣ въ Дрезденъ. Когда увидите графа Уварова, передайте ему мое почтеніе. Что здоровье его?

Сегодня, 2 Декабря (20 Ноября), въ Парижѣ вѣроятно провозглашается Имперія, а у васъ совершается панихида по томъ, который болѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію первой Имперіи [3]). Замѣтьте Тютчеву это историческое сближеніе. Вотъ подтвержденіе словъ моихъ о ненарушимости человѣческихъ истинъ и началъ, и о пользѣ споровъ за то или другое начало. — Передайте мой сердечный поклонъ супругѣ вашей. Неизмѣнно вамъ преданный

Вяземскій.

---

[1]) Въ *Москвитянинѣ* 1852 г., № 20, стр. 213—228.

[2]) Т. е. ко второму Отдѣленію Академіи Наукъ.

[3]) По императорѣ Александрѣ Павловичѣ, скончавшемся *19 ноября* 1825 г.

20.

5 (17) Января 1853 г. Спбургъ. (Въ Дрезденъ).

Письмо ваше, князь Петръ Андреевичь, изъ Дрездена отъ 19 Ноября (1 Декабря), получено мною 30 Ноября (12 Декабря). Приношу вамъ душевную благодарность за нѣжное участіе, которое вы принимаете въ моей скорби. Я чувствую и убѣжденъ, что мое несчастіе вамъ понятнѣе, нежели кому нибудь другому. До сихъ поръ я ни о чемъ думать не могу, кромѣ невозвратимой потери моей, унесшей съ собою всѣ радости столькихъ лѣтъ. Вамъ извѣстно, что въ моемъ быту дочь составляла весь мой міръ. Женитьба моя не только ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи, но придала нашей связи болѣе нѣжности, жизни и теплоты. И потому я не одинъ страдаю отъ тяжкаго удара судьбы: жена моя въ такомъ же упадкѣ духа и изнеможеніи. Я принужденъ изобрѣтать всѣ средства, чтобы сколько нибудь вывести ее изъ мрачнаго унынія.

Если я раскажу вамъ, какъ внезапно обрушилось на насъ это бѣдствіе, вы поймете, отъ чего мы оба до сихъ поръ не можемъ притти въ себя. Лѣто провели мы всѣ вмѣстѣ, весело и прекрасно. Ольга съ мужемъ жили такъ близко отъ насъ, что мы ежеминутно могли видѣться. 1-го Августа Богъ далъ мнѣ сына. Эта семейная радость оживила семейное счастье наше. Ольга ожидала родовъ своихъ въ Октябрѣ. Надобно было пріискать ей квартиру попросторнѣе. Мы съ Лакіеромъ нашли ее еще ближе ко мнѣ, въ домѣ Мѣняева, подлѣ Биржи. Переѣхавши въ городъ, мы тоже видѣлись ежедневно. Надобно войти въ чувства материнскія, чтобы вполнѣ понять, сколько у жены моей и моей дочери было общаго счастія, когда одна наслаждалась блаженствомъ своимъ, столько для нея новымъ, а другая была къ нему такъ близко.

Въ Октябрѣ, съ 9-го на 10-е число, Ольга родила, тоже сына. Мой названъ Александромъ, а ея Петромъ... Это обстоя-

тельство заставило насъ предаться новой радости со всею безпечностію... На третій день Ольгѣ моей стало не хорошо... Начались всѣ усилія медицины. Доктора собирались по три раза въ день. Больная не страдала сильно; только ея дыханіе было тяжело. Ночью со вторника на среду мы спросили, не желаетъ ли она исповѣдоваться и причаститься, что она и исполнила безъ малѣйшаго страха и отговорки. Середа, 15-ое Октября, наступила безъ особенной перемѣны въ состояніи больной, которая все принимала еще лекарства, говоря, что изъ любви къ сыну она не хочетъ отъ нихъ отказываться. Съ нами была она по всегдашнему обыкновенію нѣжна какъ любимый ребенокъ нашъ. Мы ни на минуту не отходили отъ нея. Она уже чувствовала, что ея тяжелое дыханіе не можетъ продолжаться. Трогательно смотря на меня, она взяла мою руку, поцѣловала ее и произнесла только едва слышимо: «прощай, прости, папа!» Жену мою попросила она, чтобы нашла ей Главу изъ Іоанна и прочитала бы ей: «Да не смущается сердце ваше: въ дому Отца моего обители многи»...

Можете представить, добрый князь Петръ Андреевичь, что̀ въ эти минуты происходило у меня на душѣ. Послѣ обѣда въ 4 часа и 25 минутъ не стало моего ангела[1]). Съ тѣхъ поръ я ношу на сердцѣ камень, который, кажется, до смерти моей не спадетъ. Моя жизнь посвящена была только устроенію счастія этого существа, кроткаго и добраго. Теперь у меня два сына: но увижу ли я ихъ въ томъ возрастѣ, когда они поймутъ что нибудь изъ моихъ словъ и моихъ чувствованій?

Въ продолженіе тяжелыхъ мѣсяцевъ я нашелъ нѣкоторую отраду въ томъ, что писалъ біографію Жуковскаго. Вотъ въ одинъ годъ оставили меня два существа, къ которымъ я былъ всего болѣе привязанъ на землѣ.

Когда отпечатаютъ особые оттиски этой біографіи, я пришлю

---

[1]) 15 октября.

къ вамъ два ея экземпляра: одинъ для васъ, а другой перешлите Е. А. Жуковской.

Засвидѣтельствуйте мое и жены моей почтеніе княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ.

П. Плетневъ.

21.

6 (18) Января 1855 г. Спб. (Въ Веве́).

Письмо ваше, князь Петръ Андреевичь, подали мнѣ въ день Р. Х. Прочитавши его, я тогда же списалъ ваши стихи: «6 Дек. 1854» и при особой запискѣ отправилъ къ Гречу. Не смотря на то, когда начала выходить Сѣв. Пчела, я долго не встрѣчалъ въ ней стиховъ вашихъ. Отъ чего это произошло? вы ниже увидите. Другую копію вашихъ стиховъ я тутъ же отправилъ къ Государю Цесаревичу, который, лишь явился я къ нему на другой день, очень благодарилъ меня, восхищался стихами и — такъ какъ въ своемъ письмѣ къ Е. В. я проговаривалъ, что хорошо бы эти стихи положить на музыку—объявилъ, что совѣтовалъ А. Ѳ. Львову заняться сочиненіемъ нотъ для хора.

Съ Гречемъ произошла вотъ какая исторія. Уже года три онъ хлопоталъ, чтобы его друзья отпраздновали 50-лѣтній юбилей литературной его жизни. Нынѣшней осенью удалось ему склонить Я. И. Ростовцова войти черезъ Государя Наслѣдника съ докладомъ къ Его Величеству о дозволеніи праздновать этотъ юбилей Греча, какъ автора грамматики, по которой учатся всѣ кадеты. Соизволеніе воспослѣдовало. Напечатали приглашеніе участвовать въ этомъ дѣлѣ денежными приношеніями, и брали съ рыла не менѣе 25 р. с. Раздавателями билетовъ объявлены были въ печатномъ приглашеніи: Рикордъ, Ростовцовъ, графъ Толстой (Ѳ. П., вице-президентъ Ак. Х.), Панаевъ (Влад. Ив.) и Княжевичь (А. М.). Когда набралось довольно денегъ, чтобы подарить Гречу серебряный кубокъ и накормить обѣдомъ подписчиковъ, то напечатано было, что праздникъ совершится 27 Дек. 1854 г. въ залѣ 1-го Кадетскаго корпуса.

Вы не удивитесь, что Министерство Н. П., не раздѣляя убѣжденій Штаба Военноуч. заведеній, не приступило къ участію въ праздникѣ. Однакоже, 27 Дек., поутру, явилась къ министру просв. депутація, а именно: Ростовцовъ, Княжевичь и—какъ ни нелѣпо и смѣшно — самъ Гречь. Они убѣждали его не отказать имъ въ чести присутствовать на обѣдѣ, присовокупивъ, что его отсутствіе огорчитъ Главнаго Начальника Военноучеб. зав. Нечего было сказать противъ такого довода — и А. С. Норовъ, вынувъ изъ кармана 25 р. с. и отдавъ ихъ депутаціи, отвѣчалъ, что онъ явится къ 4 часамъ.

Гостей между тѣмъ (числомъ до 300) не впускали въ столовую до половины 6-го часа. Такъ какъ Гречь носитъ титулъ почетнаго библіотекаря Публичной Библіотеки, состоящей въ вѣдомствѣ министра Императорскаго Двора, то надѣялись и ожидали, что графъ В. Ѳ. Адлербергъ, по ходатайству барона М. А. Корфа и распорядителей юбилея, испроситъ къ началу обѣда звѣзду или хоть на шею Владим. крестъ юбиляру. Въ половинѣ 6-го часа прискакалъ курьеръ и объявилъ, что графъ Адлербергъ къ обѣду не можетъ прибыть. Всѣ поняли, что Гречь остался съ носомъ и сѣли кушать. Юбиляра посадили между Норовымъ и Корфомъ, а vis-à-vis сѣли распорядители, кромѣ Рикорда, опасно заболѣвшаго и еще не выздоровѣвшаго. Читано было много разныхъ вещей довольно скучныхъ. Говорятъ, что всего скучнѣе была біографія Греча, которую онъ сочинилъ и прочиталъ самъ въ назиданіе гостямъ. Отрѣшковъ, послѣ рѣчи своей, сказалъ, что въ доказательство, какъ онъ уважаетъ Греча, отступаетъ отъ обычая своего и, вмѣсто всегдашняго напитка своего—воды, пьетъ его здоровье виномъ. Гречь на это сострилъ достойно: «и я, въ изъявленіе моего уваженія къ вамъ, отказываюсь отъ обыкновеннаго напитка моего, вина, и пью ваше здоровье водою». По этому образчику можете судить о прочемъ.

Итакъ, 25 Дек., когда я писалъ о стихахъ вашихъ къ Гречу, онъ уже былъ взбѣшенъ и на меня и на Академію и на Университетъ, зная, что мы не чтимъ его ученыхъ заслугъ. Поэтому

онъ не отвѣчалъ мнѣ и стиховъ не печаталъ. Но я приготовилъ ему другой юбилей, какого и не ожидалъ онъ. Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ просило министра просв., чтобы онъ за долгую службу и отлично-уважаемые всѣми ученые труды А. Х. Востокова исходатайствовалъ ему отъ Государя звѣзду Станислава. Министръ удостоился получить по этому представленію соизволеніе Его Величества, съ тѣмъ, чтобы объ этой наградѣ объявить 1-го Янв. 1855 г. Припомните, что 29 Дек. бываетъ всегда торжественное собраніе Акад., въ которомъ я читаю отчетъ о годичныхъ занятіяхъ русскихъ академиковъ. Мнѣ пришла мысль объявить на этомъ строго-ученомъ праздникѣ 50-лѣтній юбилей трудовъ Востокова и Государеву награду связать съ этимъ случаемъ. Поэтому я не только исчислилъ труды Востокова въ 1854 г., но и все, что онъ сдѣлалъ для филологіи. Норовъ разрѣшилъ мнѣ соединить извѣстіе о наградѣ со днемъ юбилея Академика. Онъ даже мнѣ послѣ сказалъ, что, по прочтеніи исчисленія трудовъ Востокова, онъ самъ объявитъ о пожалованной ему звѣздѣ Государемъ.

Гречь, почти никогда не приходившій въ Академію 29 Дек., нынче явился, надѣясь пристыдить академиковъ, не почтившихъ праздника его. Но когда онъ выслушалъ мою статью о Востоковѣ, гдѣ я назвалъ его единственнымъ и безпримѣрнымъ изслѣдователемъ русскаго языка, когда я прибавилъ, что, съ окончаніемъ 1854 года, кончилось 50 лѣтъ его ученыхъ трудовъ, ибо въ 1804 году были приготовлены къ печати первыя его сочиненія, и наконецъ, когда, послѣ моихъ словъ, министръ всталъ, подошелъ къ Востокову и со всею торжественностію объявилъ, что Государь нынче награждаетъ его заслуги; тогда Гречь такъ былъ пораженъ, что вышелъ изъ собранія и уѣхалъ домой.

При исчисленіи занятій вашихъ, князь, какъ академика и поэта, я напомнилъ собранію, сколько въ теченіе 1854 года вы напечатали патріотическихъ стихотвореній, а для бо́льшаго эффекта объявилъ, что прочитаю ваше новое стихотвореніе, въ Декабрѣ

же написанное [1]). Эти стихи приняты были съ такимъ восторгомъ, что министръ просв., ничего о нихъ не знавшій, попросилъ меня повторить чтеніе ихъ. Это вторичное чтеніе довершило ваше торжество: въ залѣ разразились общія рукоплесканія, съ основанія Академіи неслыханныя въ важныхъ стѣнахъ ея.

Подробности расказанныхъ вамъ мною явленій, Очкинъ, бывшій въ собраніи, напечаталъ 31 Декабря въ 290 № Спб. Вѣдомостей, гдѣ помѣстилъ въ расказъ свой и самые стихи ваши. Сѣверной Пчелѣ не оставалось возможности утаить отъ публики то, что она узнала изъ Вѣдомостей. Тогда въ редакціи Сѣв. Пч. было рѣшено перепечатать Очкина статью безъ пропусковъ и измѣненій въ видѣ обыкновеннаго заимствованія новости, что́ вы, князь, вѣроятно уже и читали въ № 1 Сѣв. Пч. 1855 г., вышедшемъ 3-го Января.

Другое сочиненіе ваше, князь, которое вы прислали мнѣ на французскомъ языкѣ въ видѣ брошюрки, также возбудило восторгъ вездѣ, гдѣ ни было читано. Особенно восхищались имъ у Балабиныхъ. Петръ Ивановичь сказалъ, что такого удовольствія не доставляла ему ни одна изъ современныхъ статей. При чтеніи случился полковникъ Вуичь. Онъ выпросилъ у меня брошюрку на два дня, нетерпѣливо желая перевести ее на рус. яз. и напечатать. И дѣйствительно, я уже увидѣлъ ее 5-го Янв. въ № 3-мъ Спб. Вѣдомостей, прекрасно переведенную подъ заглавіемъ: «Письмо Ветерана Русской арміи 1812 года» [2]). Какъ жаль, что всѣ ваши брошюры намъ совсѣмъ неизвѣстны. Вы должны писать ихъ на двухъ языкахъ, и въ одно и то же время за границею печатать по французски, а у насъ по русски.

Въ 1-мъ же № Сѣв. Пч. 1855 г. напечатано 3-го Января «Письмо изъ Штутгарта отъ 6—18 Дек. 1854 г.». Это очень подробный разсказъ освященія церкви и описаніе новаго дворца

---

[1]) Подъ заглавіемъ: *6 декабря 1854 г.* См. *Отчетъ Ак. Наукъ по Отд. р. яз. и словесн.*, т. II, стр. 104.

[2]) Lettre d'un vétéran de l'armée russe en 1812. См. *Полное Собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, т. VI, стр. 186 (№ XXVI).

В. К. Ольги Николаевны. Подъ письмомъ подписался *Яковъ Майхровскій*. Потрудитесь увѣдомить меня, что это за лице, или псевдонимъ.

Для сочиненія о литературѣ эпохи Карамзина, Жуковскаго и Пушкина вы рѣшились ждать мирнаго времени, мирной мысли и мирнаго сердца. Прекрасно. Но сбудется ли когда подобное ожиданіе? Не думаю. На землѣ ни къ кому миръ самъ не приходитъ Какъ и въ политикѣ, его надобно завоевать, завоевать извѣстными убѣжденіями сердца въ извѣстныхъ истинахъ. Безъ побѣдъ этого рода не доживешь и до перемирія. Такъ я понимаю жизнь, и такъ рѣшился обходиться съ нею. Уединенная жизнь ваша, въ прекрасномъ краю, посреди избраннаго, немногочисленнаго общества, которое умѣетъ и цѣнить васъ и давать довольно свободныхъ часовъ для кабинетнаго труда, ужели и она не наполнитъ души вашей тѣмъ миромъ, о которомъ нѣкогда и такъ прекрасно говорилъ Жуковскій? Намъ привелось доживать свой вѣкъ посреди обществъ, которыя не понимаютъ другихъ наслажденій, кромѣ искуснаго хищничества, и не наслаждаются другими побѣдами, кромѣ успѣховъ коварства. Долго пришлось бы ждать намъ, если бы мы вздумали откладывать привычныя свои удовольствія до водворенія на землѣ другихъ нравовъ и другихъ стремленій. Благодарите Бога, что Онъ вамъ послалъ для уврачеванія сердечныхъ ранъ столько покоя и теплоты солнечной, сколько необходимо человѣку, который знаетъ цѣну и тому и другому благу. Итакъ съ Богомъ, въ одно прекрасное утро, напишите на чистой тетради слѣдующія слова (прочее будетъ прибавляться съ каждымъ новымъ днемъ): «Что было въ умственной русской жизни до Карамзина? Чѣмъ онъ ее наполнилъ? Какъ ей устроиться по среди новаго общества?»

О стихахъ вашихъ, которые должны прибыть сюда въ альбомѣ Императрицы, я говорилъ съ Тютчевымъ, и онъ обѣщалъ мнѣ достать ихъ черезъ Анну (его дочь, фрейлину Цесаревны) Ѳедоровну [1]). Я слышалъ, что и другая сестра ея (Дарья) взята

[1]) Нынѣ въ замужествѣ за И. С. Аксаковымъ.

будетъ передъ Пасхою во фрейлины къ В. К. Александрѣ Іосифовнѣ. А про третью (Катерину, которая въ Москвѣ) идетъ слухъ, что она выйдетъ замужъ [1]) за одного изъ Самариныхъ (кажется, за Григорья). Вотъ вамъ и новостей нѣсколько, которыя, подобно многимъ, могутъ оказаться совсѣмъ невѣрными. Тютчева я вижу рѣдко. На минуту сталкиваемся у Смирновой. И она и онъ не перемѣнились: одна все полубольна, другой все спѣшитъ куда-то.

Какъ трогательно для меня было воспоминаніе обо мнѣ Принцессы Ольденбургской! Давно привыкъ я видѣть въ ней какое-то высшее существо, не раздѣляющее съ прочими ни суетъ, ни страстей, ни волненій. Воображаю, какъ полно наслаждается она этою чудною природой, которая такъ мнѣ знакома по описаніямъ Жуковскаго. Если придетъ къ случаю, доложите Ея Высочеству, что я считаю себя виновнымъ въ отношеніи должности, которую несу въ ея Институтѣ: я не бываю тамъ такъ часто, какъ бы желалъ и какъ бы обязанъ быть. По несчастію, чѣмъ долѣе остаюсь я въ службѣ, тѣмъ она становится сложнѣе. Недавно В. К. Марія Николаевна возложила на меня обязанность быть по учебной части членомъ совѣта Патріотическаго и Елизаветинскаго Институтовъ. Университетъ, наконецъ, получаетъ важное преобразованіе: въ него теперь вводится преподаваніе новыхъ наукъ, а именно военныхъ, и студенты сверхъ того обязаны будутъ заниматься изученіемъ строевой службы на практикѣ. Все это прибавляетъ мнѣ сношеній, заботъ, отвѣтственности и отнимаетъ послѣдніе досуги.

Намѣреніе ваше, князь, издать все, написанное за границею, очень радуетъ меня. Если всю жизнь не собрались вы напечатать того, что написали здѣсь, пусть хотя эта эпоха переѣздовъ останется чѣмъ нибудь замѣчешною. Я думаю, что печатаніе у Рейфа [2]) было бы выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Бѣда только въ томъ, что безъ засвидѣтельствованія здѣшней цензуры могутъ остановить экземпляры въ таможнѣ. Узнайте предварительно, какъ тутъ

[1]) Она умерла въ дѣвицахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

[2]) Въ Карлсруэ.

поступить надобно. Заглавіемъ книги не мучьте себя: чѣмъ оно будетъ проще, тѣмъ лучше. Если вы не упомянете въ заглавіи о томъ, что пьесы написаны дорогою, или за границей, можно будетъ тоже самое объяснить въ коротенькомъ предисловіи.

Очень желаю, чтобы не оставила васъ мысль написать что нибудь о Карамзинѣ-поэтѣ и русскомъ путешественникѣ [1]). Только бы принялись вы за эту работу, я убѣжденъ, что не остановитесь на этомъ планѣ. Васъ завлечетъ программа, выше изложенная мною. И въ самомъ дѣлѣ, долго ли намъ повторять безсмысленно только имена бравшихся за перо, не изслѣдовавъ, чье перо содѣйствовало къ какому нибудь умственному успѣху, и чье напрасно двигалось. Когда я читаю въ новыхъ учебникахъ глупо повторяемую фразу Греча, что Подшиваловъ съ Карамзинымъ образовали русскую прозу, то на меня всякой разъ находитъ негодованіе [2]).

Біографія Гоголя снова передѣлана. Вѣроятно будущею осенью явится она вдвое полнѣе. Издатель [3]) собралъ большое количество новыхъ его писемъ. Про біографію Пушкина, составленную Анненковымъ, вы конечно уже слышали. Она содержитъ въ себѣ столько подробностей, что изъ нея одной выйдетъ томъ. Я на дняхъ получилъ изъ Малороссіи отъ одной очень умной Харьковской институтки сочиненіе, подъ названіемъ: «Старина», еще неоконченное, но уже представляющее довольно интереса. Эта пріятельница моя, которой я въ глаза не видывалъ, а только веду съ нею переписку съ того времени, какъ я нѣкогда издавалъ Современникъ, посвятила свое сочиненіе вамъ, князь, на томъ основаніи, что вы въ книгѣ своей о Фонъ-Визинѣ напечатали слѣдующія строки: «Признаюсь, большую часть такъ называемой изящной словесности нашей отдалъ бы я за нѣсколько

---

[1]) Эта мысль была осуществлена кн. Вяземскимъ по поводу юбилея Карамзина въ 1866 году. См. Сочиненія, т. VII.

[2]) О дѣйствительномъ отношеніи между обоими писателями см. *Филолог. Разысканія* Я. Грота, т. I, стр. 71 и сл.

[3]) Кулѣшъ.

томовъ Записокъ, за нѣсколько Несторскихъ лѣтописей тѣхъ событій, нравовъ и лицъ, коими пренебрегаетъ Исторія». Сочинительница (Сохапская) собрала множество подробностей о житьѣ-бытьѣ родственниковъ своихъ съ отцовской и материнской стороны (послѣднюю начинаетъ она съ князя Константина Острожскаго) и разсказываетъ очень интересно. По пріѣздѣ сюда, вы прочитаете этотъ длинный расказъ, который постоянно обращенъ къ вамъ. Не знаю только, не остановитъ ли лучшихъ мѣстъ наша добрая Цензура.

О состояніи здоровья Батюшкова я нарочно ѣздилъ справиться у сестры его, Юліи Николаевны Зиновьевой. Но она знаетъ объ этомъ не болѣе меня и васъ. Родственникъ ихъ Гревеницъ, который послѣднее время и ходилъ за больнымъ, пріѣзжавши сюда, объявилъ только, что Батюшковъ внезапно пришелъ въ сознаніе и услышавъ объ осадѣ Севастополя, попросилъ, чтобы ему собрали побольше картъ этой мѣстности, и съ той поры сильно занимается европейской политикой. Досадно, что никто не переписывается съ Вологдою, и отъ того никакихъ новыхъ свѣдѣній не прибавляется. Вотъ, что значитъ встать изъ гроба, пролежавши въ немъ 30 лѣтъ. Никому ужъ и дѣла нѣтъ до тебя. Право страшно пережить тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ первыя свои впечатлѣнія.

Репнина была очень тронута вашимъ нѣжнымъ о ней воспоминаніемъ. Ея здоровье все не очень хорошо. Она нигдѣ не бываетъ, даже и у своихъ рѣдко, хоть и живетъ съ ними рядомъ [1]).

Меня очень обрадовало извѣстіе, что вы въ 8 часовъ уже встаете и завертываетесь въ мокрую простыню. Я убѣжденъ, что такой курсъ леченія черезъ годъ возвратитъ вамъ здоровье 30-лѣтняго человѣка. По крайней мѣрѣ такъ со мною было.

П. Плетневъ.

---

[1]) Княгиня Елизавета Петровна Репнина, рожденная Балабина. Домъ отставнаго генералъ-майора П. Ив. Балабина былъ на Англійской набережной, близъ Николаевскаго моста, гдѣ нынѣ частный банкъ.

23.

25 Марта (6 Апрѣля) 1855 г. Спбургъ. (Въ Веве).

Напрасно обвиняете вы меня, князь Петръ Андреевичь, будто я неисправно отвѣчаю на письма ваши. Вы безъ сомнѣнія давно получили отвѣтъ мой на то письмо, которое вами писано отъ 13 (25) Декабря 1854 года. Тамъ я помѣстилъ много подробностей объ юбилеяхъ Греча и Востокова, столь разнородныхъ, какъ и эти лица. Что касается до другого письма вашего, тоже изъ Веве, отъ 10 (22) Января 1855, мнѣ показалось, что все, о чемъ у васъ говорится въ немъ, разрѣшено уже предыдущимъ отвѣтомъ, и я рѣшился ждать отъ васъ новыхъ запросовъ, а потому и не писалъ давно.

Этотъ промежутокъ молчанія, какъ вы сами представить можете, былъ для меня вдвойнѣ временемъ ужаснымъ. Къ общему неизобразимому бѣдствію присоединилось у меня горе домашнее. Жена моя такъ страдала, да и до сихъ поръ въ такомъ разслабленіи отъ разстройства нервъ, что я не вижу исхода изъ этого тяжкаго для нея и для меня положенія. Конечно, всего бы необходимѣе везти ее за границу; но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, да и съ тремя дѣтьми младенцами, какъ приступить къ этому! Если бы вы дѣйствительно прибыли сюда въ Маѣ, я надѣюсь, что совѣтами вашими вы вывели бы меня изъ этого безвыходнаго положенія.

Изъ сношеній моихъ, по дѣлу вашему, съ В. Д. Олсуфьевымъ оказалось наконецъ, что онъ ваше письмо получилъ во время своей болѣзни, отъ чего принужденъ былъ отправить бумагу вашу въ собственныя Е. И. В. руки безъ личнаго доклада. Онъ далъ мнѣ вѣрное обѣщаніе, что лишь получитъ какой либо отвѣтъ, то увѣдомитъ меня для сообщенія о томъ вамъ. Поэтому я и пропустилъ четыре дня, не отвѣчая на послѣднее письмо ваше отъ 9 (21) Марта, ожидая, не узнаю ли чего отъ В. Д. Олсуфьева. Видя однакожь, что новостей нѣтъ, а праздники на дворѣ,

я рѣшился писать къ вамъ, положивъ передать интереснѣйшее извѣстіе по полученіи его тотчасъ же.

Строки послѣдняго письма вашего, посвященныя незабвенной памяти Государя Николая Павловича, такъ трогательны, умилительны и краснорѣчивы истиною мыслей, что я осмѣлился выписать ихъ для прочтенія августѣйшему и неутѣшному сыну, благополучно царствующему Императору.

Касательно присланныхъ вами брошюръ нечего и сомнѣваться, что я немедленно всѣ ихъ препроводилъ по вашему назначенію. Но какъ вамъ переслать экземпляровъ сто полной брошюры, объ этомъ справлялся я у многихъ знатоковъ и толковалъ съ разными лицами. Вышло на повѣрку одно: никакая посылка съ книгами (даже адресованная на имя лица Царской фамиліи), по закону, не можетъ миновать Комитета цензуры иностранной, т. е. Александра Ивановича Красовскаго. Поэтому всего будетъ лучше, ежели вы посылку напишете на его имя, приложивъ къ нему письмо, которымъ попросите подержать эту посылку до вашего личнаго прибытія. Пріѣхавъ же сюда, вы переговорите съ А. С. Норовымъ, который безъ малѣйшаго затрудненія выдастъ вамъ брошюры ваши.

Поспѣшите, князь Петръ Андреевичь, увидѣться съ небольшимъ уже числомъ друзей и почитателей вашихъ: иначе (какъ знать!) кто прибѣжитъ обнять васъ, ежели убыль отживающаго поколѣнія пойдетъ все размѣрами, теперь такъ ужасающими насъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

24.

1 (13) Апрѣля 1855 г. Спбургъ. (Въ Баденъ-Баденъ).

Ровно за недѣлю я уже писалъ къ вамъ, князь Петръ Андреевичь, въ отвѣтъ на письмо ваше изъ Веве отъ 9 (21) Марта. Теперь спѣшу сообщить вамъ нѣсколько новыхъ извѣстій.

Во 1-хъ, посланная вами изъ Женевы 15 (27) Марта на имя нашего Университета брошюра «Appendice aux Lettres d'un

Vétéran russe» сегодня мною получена, за что и приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность. Отправивъ на почту это письмо, я займусь ея чтеніемъ.

Во 2-хъ, сегодня же вѣроятно пойдетъ къ вамъ письмо отъ Василья Дмитріевича Олсуфьева, который, за два часа передъ симъ, приглашалъ меня къ себѣ (онъ страдаетъ подагрою), чтобы поговорить о вашемъ дѣлѣ. Ему кажется, что вы какъ будто намекаете на желаніе поступить въ какую нибудь службу (я впрочемъ думаю, что вы еще и не выходили въ отставку), и для этого, полагаетъ онъ, вамъ нужно прямо и опредѣлительно сказать, какое мѣсто было бы для васъ пріятнѣе.

Въ 3-хъ, Ѳ. И. Тютчевъ, при свиданіи со мною, выразился положительно, что, по случаю важныхъ событій въ отечествѣ, очень хорошо было бы, если бы, не откладывая до истеченія отпуска вашего, хоть на короткое время вы прибыли поскорѣе сюда; а послѣ, буде ваше здоровье требуетъ продолженія леченья вашего за границею, вы могли бы снова испросить себѣ отпускъ.

Въ 4-хъ, вамъ изъ послѣдняго письма моего извѣстно, что я выписалъ оттуда все, что̀ говорите вы о кончинѣ покойнаго Государя и о вступленіи на престолъ новаго Императора. Эта выписка представлена была флигель-адъютантомъ графомъ Адлербергомъ Государю для прочтенія. Его Величество собственноручно изволилъ написать на ней слѣдующее: «Поблагодарите к. Вяземскаго за добрыя его чувства» — и прямо отъ себя прислалъ ее ко мнѣ; вотъ я симъ и исполняю высочайшее повелѣніе.

Ежели Богъ велитъ мнѣ свидѣться съ вами по возвращеніи вашемъ сюда, первою нашею заботой должно быть исходатайствованіе разрѣшенія напечатать прозу Жуковскаго. Она бѣдная ни въ комъ еще не пробудила къ себѣ участія[1]).

Поклонитесь доброй княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

---

[1]) Объясненіе этихъ словъ читатель найдетъ ниже въ перепискѣ съ Жуковскимъ.

25.

14 Апрѣля 1855 г. Спб. (Въ Карлсруэ).

Вчера я получилъ ваше письмо, князь Петръ Андреевичъ, изъ Карлсруэ отъ 4 (16) Апрѣля. Надѣюсь, что теперь дошло до васъ и еще мое письмо, въ которомъ я говорю о моемъ свиданіи съ В. Д. Олсуфьевымъ и отвѣтѣ Его Величества на мою выписку изъ вашего письма. Участіе ваше въ домашнемъ горѣ моемъ [1]) тронуло насъ несказанно.

Въ томъ письмѣ, которое считаете вы потерявшимся, я между прочимъ подробно расказалъ вамъ, какъ прочитаны были публично въ собраніи Академія Наукъ 29 Дек. (10 Янв.) стихи ваши на имянины покойнаго Государя, и какъ меня попросилъ министръ повторить ихъ для восторженной публики. Этого, кажется, не забыли бы вы, если бы письмо дошло до васъ.

Касательно изданія вашихъ стихотвореній, написанныхъ *дорогою* и вообще *за границей*, я остаюсь при томъ мнѣніи, что лучше это изданіе сдѣлать здѣсь, а не въ Карлсруэ [2]). Въ Петербургѣ и посовѣтоваться вамъ есть съ кѣмъ, да и въ цензурномъ отношеніи не встрѣтится оглядки. Жуковскій могъ отъ того печатать свои сочиненія въ Карлсруэ, что они процензированы были здѣсь всѣ.

Полную французскую брошюру вашу можно переслать просто на мое имя. Зачѣмъ одолжаться книгопродавцу? По возвращеніи же вашемъ мы передадимъ для продажи, кому найдемъ выгоднѣе. При этихъ условіяхъ не нужна помощь ни Красовскаго, ни Норова, что и весьма выгодно, отъ того, что первый очень неделикатенъ, а второй слишкомъ забывчивъ, даже совсѣмъ безпамятенъ.

Намѣреніе ваше относительно изліянія чувствованій по случаю кончины Государя Николая Павловича непремѣнно осуще-

---

[1]) Рѣчь идетъ о болѣзни жены Петра Александровича.

[2]) Этотъ совѣтъ былъ принятъ: въ 1862 г. напечатано въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ Лонгинова, собраніе стихотвореній кн. Вяземскаго, озаглавленное: *Въ дорогѣ и дома*. См. выше, стр. 418.

ствится здѣсь. Что далѣе, то болѣе открывается самыхъ трогательныхъ о немъ подробностей. Теперь явилась брошюрка графа Блудова (разумѣется, безъ имени его), подъ названіемъ: «Послѣдніе часы жизни Императора Николая Перваго». Она содержитъ около 40 страницъ. Главный интересъ ея въ выпискахъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ завѣщанія покойнаго, которое онъ составилъ еще въ 1844 году. Это удивительный былъ человѣкъ, смотришь ли на него какъ на Государя, какъ на отца семейства, или просто какъ на человѣка. Чтобы маленькое дать вамъ понятіе о характерѣ его ума, сердца и самого языка, выписываю строки изъ особой записки его, къ завѣщанію прибавленной въ 1845 году по кончинѣ В. К. Александры Николаевны: «29 Іюля 1844 года Богу угодно было отозвать къ Себѣ любезнѣйшую дочь нашу Александру. Смиряясь предъ неисповѣдимой волей, мы не ропща сносимъ жестокій сей ударъ, съ твердымъ упованіемъ, что ежели *такъ* сбылось по волѣ Его, то сбылось *къ лучшему*, и что ей при Создателѣ ея отраднѣе, чѣмъ здѣсь въ суетахъ жизни». Блудовъ напечаталъ брошюры своей 20 т. экз. Но вѣрно потребуется новое изданіе. Она продается по 25 к. с. въ пользу раненыхъ. Жаль, что въ этой брошюрѣ не буквально все введено, что покойный Императоръ говорилъ съ разными лицами въ послѣдній свой день на землѣ. Напримѣръ, вотъ что я слышалъ отъ самого же Блудова. Императоръ, бесѣдуя съ своимъ отцомъ духовнымъ (Бажановымъ) о Вѣрѣ, прибавилъ: «Я не богословъ; вѣрую по мужицки». Для меня это прелесть. Въ самомъ дѣлѣ, лучшее вѣрованіе, т. е. истинная Вѣра, какъ ей слѣдуетъ быть въ душѣ, только у дѣтей, да у нашихъ мужичковъ.

Когда вы, князь, пріѣдете сюда, то безъ сомнѣнія вамъ легко будетъ у разныхъ лицъ собрать все до послѣдняго слова, произнесеннаго этимъ изумительнымъ человѣкомъ. Прощайте! будьте здоровы. Поклонитесь княгинѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

26.

7 Сентября 1855 г. (Въ Петербургѣ).

М. Г. князь Петръ Андреевичъ!

По желанію вашего сіятельства я уже устроилъ, что въ пятницу 9-го Сентября въ часъ по полудни профессора Университета будутъ ожидать прибытія вашего [1]).

При этомъ случаѣ долгомъ считаю предувѣдомить васъ, что въ Университетской церкви предположено отслужить панихиду по графѣ С. С. Уваровѣ [2]) тоже въ пятницу, но только по окончаніи университетскихъ лекцій, а именно въ началѣ 3-го часа по полудни. Чины Университета приглашены быть въ обыкновенныхъ вицемундирахъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и пр. П. Плетневъ.

27.

12 Ноября 1855 г.

Какое счастіе: когда я занятъ былъ мыслію, кого бы рекомендовать вашему сіятельству на имѣющую открыться вакансію цензора, ко мнѣ является столь извѣстный и столь любимый нашъ романистъ Лажечниковъ. Во время разговора съ нимъ я замѣтилъ, что онъ совсѣмъ не прочь бы отъ должности цензора.

По моему мнѣнію, ничего нельзя и придумать лучше. Лажечниковъ — человѣкъ образованный, съ тактомъ и самъ писатель. Вотъ почему я рѣшился немедленно рекомендовать его вамъ.

Душевно преданный П. Плетневъ.

---

[1]) Князь П. А. незадолго передъ тѣмъ назначенъ былъ товарищемъ министра (Норова).

[2]) Ум. 4 сентября 1855 г. См. выше, стр. 225.

28.

15 (27) Сентября 1856 г. Paris. Bellevue. Grande rue. 21.

Въ ожиданіи скораго возвращенія вашего сіятельства изъ Москвы въ Петербургъ, спѣшу встрѣтить васъ отвѣтомъ на письмо ваше (отъ 9—21 Августа), которое принесло столько успокоенія въ мое семейство и столько отрады въ мое сердце. На дняхъ я уже писалъ къ Абраму Сергѣевичу (тоже въ Петербургъ) и выразилъ ему полную мою благодарность за участіе его въ моемъ горѣ и скорое исходатайствованіе мнѣ продолженія отпуска. Управляющій нашимъ учебнымъ округомъ увѣдомилъ меня о томъ оффиціально, и больная моя начала новый курсъ леченія по приговору здѣшнихъ врачей (Казо, Андраля[1] и другихъ). Они предписали женѣ моей переселиться въ Бельвю, чтобы она могла въ тамошнемъ идротерапическомъ заведеніи пользоваться душами, для которыхъ здѣсь живетъ множество разныхъ больныхъ изъ разныхъ частей свѣта. Больная моя начала уже это довольно тяжелое испытаніе. Ея сестра (M-me Jordan), по прибытіи къ намъ, подверглась той же участи.

Въ Бельвю, до котораго отъ заставы du Mont Parnasse по желѣзной дорогѣ 20 минутъ ѣзды, мы нашли очень хорошее помѣщеніе: 300 франковъ въ мѣсяцъ за 6 комнатъ. На нашей желѣзной дорогѣ совершилось при ея открытіи историческо-горестное событіе: въ числѣ 800 жертвъ, которыя сгорѣли въ объятыхъ пламенемъ вагонахъ, погибъ и знаменитый Дюмонъ-Дюрвиль, невредимо изъѣздившій всѣ пути обитаемаго свѣта. Это напоминаетъ судьбу Милорадовича. Построенная надъ похороненными тѣлами подлѣ самой дороги каменная часовня посвящена: à Notre Dame des flammes.

---

[1]) «Сандрасъ и Андралъ—
Чертъ бы ихъ побралъ».

Стихи знакомаго вамъ поэта. II. П.

Съ южной стороны Бельвю находится Мёдонъ, гдѣ въ давнишнія времена сынъ Людовика XIV и отецъ Фенелонова воспитанника безвыходно жилъ съ своими любовницами, пока наконецъ внезапною смертью своей не перепугалъ весь Версаль. Теперь же тамъ живетъ принцъ Жеромъ и—говорятъ—очень благочестиво. По нашей же желѣзной дорогѣ въ четверть часа можно пріѣхать и въ Версаль. Я былъ тамъ въ сообществѣ съ Погодинымъ и Любимовымъ [1]). Часовъ пять промучилъ насъ безрукой цицеронъ (вѣроятно объинвалидившійся на послѣднихъ баррикадахъ), съ важностію и будто по книгѣ возглашая достопримѣчательности каждаго деревца и кусточка. Хорошо, что этихъ цицероновъ не впускаютъ, не только въ большой дворецъ, но и ни въ одинъ изъ Тріаноновъ. По крайней мѣрѣ, надобно прожить годъ въ самомъ Версалѣ, чтобы изучить его примѣчательности. Всѣ три этажа въ большомъ дворцѣ, сверху до низу, облѣплены картинами, въ которыхъ живописью воплощена вся исторія Франціи.

Въ десяти минутахъ пѣшей ходьбы отъ меня, по направленію къ сѣверозападу, лежатъ, или, правильнѣе, возносятъ верхи своихъ садовъ Севръ и Сенъ-Клу. Они для меня, какъ и Мёдонъ, только потому сдѣлались милы, что я въ ихъ алеяхъ ежедневно совершаю раннія и позднія мои одинокія прогулки. Правда, что погода нынѣшнимъ лѣтомъ и осенью преслѣдуетъ насъ повсюду и съ ожесточеніемъ. Мы въ Іюнѣ и Іюлѣ страдали отъ вѣтра, сырости и холода въ Соденѣ. Теперь отъ того же мучимся въ Бельвю съ прибавкою мелкаго, непрерывнаго дождя. Но зелень здѣшней растительности удивляетъ меня. Подобно жителямъ края, она привыкла ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, выноситъ холодъ, отъ котораго мы не можемъ свести зубъ съ зубомъ, и во всей своей роскошной прелести продолжаетъ ожидать Октября, какъ невѣста жениха. Я подражаю этой зелени, и не пропускаю ни одного дня безъ прогулокъ. Одно меня приводитъ въ отчаяніе. Здѣсь есть обыкновеніе учреждать недѣли на три въ каждомъ

---

[1]) Никол. Ив., сенаторомъ.

мѣстишкѣ ярмарку. Вотъ и завелись таковыя, сперва въ Бельвю, а послѣ того въ Сенъ-Клу. Сотни бараковъ, шатровъ, сараевъ и подобной дряни, въ видѣ праздничной, упавшей откуда-то улицы, открываются со всѣмъ, что только можно придумать для народа, для дѣтей, для солдатъ и праздношатающихся. Наши народныя потѣхи о Пасхѣ и Масленицѣ могутъ дать о здѣшнихъ только слабое и безцвѣтное понятіе. Каково же тогда приходится мнѣ, который ищетъ безмолвія и уединенія?

Со мною здѣсь въ одномъ домѣ жилъ академикъ Легуве. По пріѣздѣ сюда я попробовалъ познакомиться съ нимъ. Онъ мнѣ два раза прислалъ билеты для присутствія въ Институтѣ во время торжественныхъ собраній, сперва всѣхъ пяти Академій, а въ другой разъ одной Французской. За это я очень благодаренъ Легуве. Но въ его обществѣ ничего не нашелъ я завлекательнаго. Подобно большей части Французовъ, онъ обо всемъ судитъ очень поверхностно, мѣшаетъ въ наукѣ самое глубокое и существенное съ обыкновеннымъ и ежедневнымъ, и нисколько не умѣетъ вникнуть въ вопросы общечеловѣческіе. Онъ жилъ здѣсь для того, что жена его, нѣсколько лѣтъ пораженная болѣзнію отъ смерти сына ихъ, пользовалась душами. Искуство врачей не могло однако же пересилить материнской скорби—и бѣдная страдалица на дняхъ скончалась—а семейство ея тотчасъ покинуло Бельвю.

Гораздо любопытнѣе и назидательнѣе было для меня знакомство съ Вильменомъ. Какъ къ непремѣнному секретарю, я къ нему явился въ качествѣ академика. Онъ принялъ меня со всею вѣжливостію истинно просвѣщеннаго человѣка. При его воспоминаніяхъ трогательно было слушать, какъ онъ говорилъ о Наполеонѣ и Александрѣ 1-хъ. Одинъ замѣтилъ и отличилъ его еще какъ студента, другой удостоилъ принять его въ числѣ молодыхъ профессоровъ. Однимъ словомъ: незабвенная для насъ эпоха дорога̀ и для его сердца. Къ нынѣшнему времени онъ болѣе нежели холоденъ. Но какъ онъ полонъ жизни и участія ко всему, что̀ удовлетворяетъ его въ литературѣ. Въ послѣднемъ торжественномъ собраніи молодой поэтъ Жюльенъ Дальеръ читалъ нѣ-

сколько изъ своихъ стиховъ (увѣнчанныхъ Французскою Академіей): «Les restes de St. Augustin, rapportés à Hippone» — и Вильменъ какъ юноша выражалъ сочувствіе свое къ каждой прекрасной мысли, къ каждому счастливому слову: онъ первый начиналъ апплодировать и восклицать. Еще живѣе самъ онъ читалъ свои разборы разныхъ сочиненій, представленныхъ въ Академію для соисканія наградъ. Тутъ уже онъ не старикъ, а полный жизни профессоръ. Его способъ чтенія такъ напоминаетъ графа Блудова, что я остаюсь въ подозрѣніи, не подражаетъ ли одинъ изъ нихъ другому. Вильменъ сводилъ меня въ библіотеку Института и поручилъ библіотекарю снабжать меня всѣмъ, что̀ бы мнѣ ни понадобилось. Въ первой Сентябрской книжкѣ «Revue des deux mondes» есть статья Вильмена о двухъ сочиненіяхъ, касающихся характеристики Англіи новѣйшихъ временъ. Одно написано Брумомъ, другое Ремюза̀. Нельзя представить, что оживленный и проницательный взглядъ автора этой статьи принадлежитъ ветерану, давно оставившему политическое поприще.

Въ этой же книжкѣ помѣщена статья Гизо: О сирѣ Робертѣ Пилѣ. Вотъ, что называется исторія въ высшей своей сферѣ. Не знаешь, чему болѣе удивляться, герою ли, о которомъ разсказывается, или автору, который это излагаетъ. Лучшія эпохи жизни Пиля представлены въ такой поразительной простотѣ, ясности и величіи, что невольно начинаешь благоговѣть передъ нимъ. Если бы въ столѣтіе, даже хоть въ два, появлялся подобный гражданинъ въ Россіи, какъ далеко за собою оставила бы она всѣ Европейскія государства. А Гизо, мнѣ кажется, нигдѣ не доходилъ до такой степени высшаго краснорѣчія и увлекательности, какъ въ этомъ разсказѣ. Мнѣ очень жаль, что въ продолженіе Сентября и Октября никого почти не найдешь въ Парижѣ изъ этихъ высоко-замѣчательныхъ людей. Они разъѣхались теперь по деревнямъ. Это подражаніе Англіи мнѣ смѣшно въ Французахъ. Тѣ лѣтомъ не могутъ покинуть биржи, осенью не могутъ вынести Лондонскаго смрада, и наконецъ должны же огласить звуками охотничьихъ роговъ неизмѣримые свои наслѣд-

ственные парки; а эти зачѣмъ все лѣто прѣютъ и жарятся въ Парижѣ, чтобы подъ дождемъ и по грязи прогуливаться въ деревнѣ? Я однако же нашелъ въ городѣ безсемейнаго сенатора, который не помышляетъ ни о ружьѣ, ни о дупеляхъ, а прилѣжно собираетъ рѣдкости старинной и новѣйшей печати. Пріятель Соболевскаго, обманувшій Пушкина, словомъ — извѣстный всѣмъ намъ по «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ» Мериме тоже принялъ меня со всѣми знаками дружелюбія. Онъ, какъ всѣ холостяки въ старости, немножко кокетливъ, и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гнѣдича. И у него, сверхъ лакея, есть старуха, которая въ столовой штопаетъ чулки. Свой утренній чай онъ пьетъ въ стеганомъ красивомъ халатѣ. Но одолѣвающая голову сѣдина начинаетъ противорѣчить ямкамъ на щекахъ и постоянной улыбкѣ губъ. Онъ все еще, кажется, продолжаетъ вытравки свои касательно дѣла «о Димитріи Самозванцѣ». Онъ показалъ мнѣ неизвѣстно кѣмъ присланную ему въ подарокъ брошюру, въ которой отпечатаны за границею: «Русскій Богъ» и «Опасный Сосѣдъ»[1]. О второмъ стихотвореніи издатель говоритъ, что это *второе* изданіе и упоминаетъ о *первомъ*, вышедшемъ въ Лейпцигѣ, которое одолжено своимъ появленіемъ въ свѣтъ Н. И. Гречу. Я тотчасъ догадался, что всѣ эти штуки сотворилъ нашъ С. Д. Полторацкій.

Есть еще лице, живущее лѣтомъ въ Парижѣ. Это нашъ посланникъ Брунновъ. Онъ очень гостепріименъ, такъ, что уговорилъ меня по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю обѣдать у него. Ему видимо хочется сохранить характеръ чисто русскаго человѣка. Когда въ числѣ обѣдающихъ никого нѣтъ изъ иностранцевъ, онъ не говоритъ иначе, какъ по-русски. Тутъ я между прочимъ познакомился съ Я. Н. Толстымъ, о которомъ вы мнѣ писали. Послѣ я былъ у него и на квартирѣ его. Онъ живетъ, кажется, отшельникомъ. Когда переѣду изъ Бельвю въ Парижъ, постараюсь сблизиться съ нимъ.

---

[1] Первое стихотвореніе — кн. Вяземскаго, второе — В. Пушкина.

Теперь пока я только читаю и много думаю. Меня занимаетъ эта нація, которой столица, на краю горизонта, разстилается передъ моими окнами. Отъ возвышенія, на которомъ построенъ мой домъ, другія дачи спускаются по террасамъ до самой Сены, поворачивающейся здѣсь съ прямаго своего направленія къ Сенъ-Клу. За рѣкою, на правомъ ея берегу, сперва по низменности, а послѣ опять на возвышеніи, разсыпаны другія дачи между Булонскимъ лѣсомъ и лѣвымъ берегомъ Сены. Открытая передо мною часть города начинается у заставы Тріумфальныхъ воротъ и идетъ почти до Пантеона. По серединѣ этого пространства, прямо противъ кабинета моего, будто виситъ на облакахъ далекій Монмартръ, неумолкаемо говорящій мнѣ о 1814 годѣ.

Какъ это случилось, что мы, не уступивши великому человѣку, согнулись передъ маленькимъ? Не отъ того ли, что у непріятелей нашихъ въ нынѣшній разъ больше было національнаго единства, нежели тогда? Французская масса покрывала и проникала ряды трехъ союзныхъ державъ, пришедшихъ съ нею на одно поле сраженія. Въ этой массѣ между ея членами крѣпче срослось національное сродство, нежели въ первый періодъ революціи, не успѣвшей тотчасъ же сгладить неровностей, лежавшихъ на взволнованной націи. Конечно, и въ настоящую эпоху мало искренней привязанности между частными лицами здѣшняго общества. За то оно все нераздѣльно помѣшано на однѣхъ и тѣхъ же идеяхъ, на однѣхъ и тѣхъ же увлеченіяхъ къ своему имени, къ своему языку, къ своей славѣ и къ своей странѣ. Это всеобщее здѣсь вѣрованіе въ первенство Французской націи на всемъ земномъ шарѣ конечно юношеская мечта, смѣшной для насъ предразсудокъ; но, какъ необходимая помощь для исполненія самыхъ трудныхъ предпріятій, какъ единственная основа для прочности нравственнаго зданія, это вѣрованіе увѣнчивается чудными успѣхами.

У Французовъ въ ихъ исторіи остались неизгладимые слѣды тѣхъ переходовъ, которыми они поднимались на свою политическую высоту. Ришельё, изъ раздѣленной Франціи, умѣлъ со-

здать цѣльное государство. Лудовикъ XIV выжалъ всѣ силы народа, чтобы совокупить ихъ въ одной особѣ короля. Наполеонъ I открылъ тайну слить въ имени націи всѣ земныя величія. Въ нашей исторіи мелькаетъ что-то подобное при воспоминаніи Петра, Екатерины и Александра I. Отъ чего же нѣтъ такихъ результатовъ, какими пользуется нынѣ Франція? Отъ недостатка нашего вѣрованія въ моральныя качества наши.

Обязанность вызвать все лучшее изъ души и сердца Русской націи, окружить это безцѣнное сокровище блескомъ и славою, согрѣть его лучами людей, охладѣвшихъ въ односторонности и эгоизмѣ, наконецъ стать благородно и твердо на одной линіи съ другими народами — все это дѣло правительства, отъ котораго мы теперь не напрасно и ожидаемъ. Но въ тоже время эта обязанность лежитъ и на лицахъ, которымъ дано свыше быть органами націи. Я говорю о писателяхъ. Вы согласитесь, что въ государствѣ нѣтъ могущественнѣе, всеобъятнѣе и доступнѣе связи, какъ языкъ. Его-то надобно обратить на возвышеніе націи, какъ поступаютъ Французы. У нихъ нѣтъ общественнѣе достоянія, нѣтъ живѣе вопроса, нѣтъ законнѣе спора, какъ языкъ и его произведенія. Передъ этимъ предметомъ разступаются всѣ частныя соприкосновенія, исчезаютъ всѣ личные интересы. Владѣть языкомъ считается за высшее гражданское достоинство. Никакія должности, никакія преимущества не разлучатъ съ перомъ талантъ, который живо себя почувствовалъ. И дѣйствительно такъ быть слѣдуетъ. Если бы англійскіе и французскіе государственные люди, какъ они ни велики по успѣхамъ въ службѣ, нашли за несовмѣстное съ политическимъ достоинствомъ своимъ обнародовать глубокія идеи свои въ званіи литераторовъ, ихъ вліяніе и слава не облекли бы ихъ въ то сіяніе, которымъ теперь равно освѣщены ихъ зáмки и гробницы.

Особенно всесильно слово истиннаго поэта. Много истиннаго, новаго, полезнаго и великаго можно высказать прозою; но умъ, воспріемлющій это сокровище, не владѣетъ такъ волею нашей, какъ серце и воображеніе, надъ которыми властна одна поэзія.

Вотъ отъ чего мы Русскіе, если только всѣ равнымъ желаніемъ воспламенимся, чудную произвести можемъ эпоху въ исторіи гражданскаго своего существованія. Поэтической языкъ нашъ превосходитъ всѣ языки европейскіе. Образцы совершенства его ничего желать не оставляютъ. На нынѣшнемъ поколѣніи лежитъ одна обязанность: не дать потухнуть этому божественному огню и не осквернить смрадомъ чистаго его опміама.

Ваше положеніе, князь, независимо отъ личнаго таланта вашего, налагаетъ на васъ обязанность войти умомъ и сердцемъ въ великой предметъ, котораго я слегка коснулся. Если присутствіемъ въ Университетѣ, или участіемъ въ судьбѣ хорошей новой книги вамъ удастся поддержать или окрылить направленіе хоть одного истиннаго таланта, вы разочтетесь съ исторіею и потомствомъ за почетъ мѣста, указаннаго вамъ Государемъ.

Не огорчайтесь, что я не заѣхалъ въ Дрезденъ. Изъ Петербурга Шольцъ, а изъ Берлина Бушъ, съ которымъ я не могъ не совѣтоваться по настоянію барона Николая, гнали насъ прямо въ Соденъ, слѣд. во Франкфуртъ на М. Долгомъ считаю извѣстить васъ, что безногой пріятель вашъ уже покинулъ Елисейскія Поля, купилъ себѣ съ машиной тележку, разъѣзжаетъ по городу и продаетъ сигары, такъ, что его и не видятъ старые знакомые его. Фовиля я не отыскалъ еще. Здѣшній священникъ тронутъ былъ милымъ вашимъ о немъ воспоминаніемъ. Это дѣйствительно предостойный человѣкъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

29.

26 Октября (7 Ноября) 1856 г. — Бельвю.

Не могу покинуть Бельвю, не поговоривъ еще разъ съ вами, князь Петръ Андреевичъ. Вы для меня единственное существо, съ которымъ живетъ мое прошлое, слѣдственно все, чѣмъ въ наши лѣта наслаждаются. Я провелъ здѣсь три мѣсяца въ со-

вершенномъ уединеніи, передумывая о томъ, что было и что по временамъ теперь слышу. Наконецъ наступившій холодъ и длинные вечера, которыхъ въ деревнѣ нельзя сократить и прогулками по причинѣ царствующей повсюду глубокой темноты, заставляютъ насъ перебраться въ Парижъ. Мы беремъ квартиру Я. Н. Толстаго на углу rue Montaigne и Faubourg de St. Honoré, гдѣ близко будемъ отъ трехъ важнѣйшихъ здѣсь для насъ пунктовъ: отъ русской церкви, отъ дома нашей миссіи и отъ Елисейскихъ полей. Здоровье жены моей, въ эти три мѣсяца леченія холодною водой, нѣсколько поправилось; но такъ какъ оно требуетъ долговременнаго употребленія душей, то она рѣшилась для нихъ ѣздить разъ въ день изъ Парижа въ Бельвю, какъ это многіе больные дѣлаютъ.

Недѣли за двѣ передъ симъ я съѣздилъ въ Англію. Моимъ сопутникомъ и руководителемъ тамъ былъ графъ Путятинъ [1]). Какъ пріятно, что въ двѣнадцать только часовъ можно поспѣть изъ Парижа въ Лондонъ. Эта поѣздка оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Сколько любопытнѣйшихъ предметовъ успѣлъ я осмотрѣть въ эти восемь дней, тамъ проведенныхъ! Особенно никогда я не забуду Оксфорда съ его университетомъ и обступившими его 25-ю Colleges, которые изъ-за монастырскихъ стѣнъ своихъ смотрятъ на него какъ на Ватиканъ науки. Не знаю, съѣздили ли вы, князь, туда, бывши въ Лондонѣ. Скажу только, что, на мѣстѣ вникая во внутреннюю жизнь Оксфорда и изучая даже внѣшнюю обстановку тамошняго быта, начинаешь постигать ясно важность и вліяніе тщательнаго воспитанія на всѣ остальные годы жизни человѣка, кто бы онъ ни былъ, сынъ ли богатѣйшаго аристократа, или бѣднѣйшій мѣщанинъ. Въ Россіи, въ казенныхъ заведеніяхъ, рѣшительно никакого нѣтъ воспитанія. Дается только общее безцвѣтное образованіе. Отъ того годы ученія, въ остальное время жизни, не напоминаютъ намъ почти ни о чемъ. Мы проводимъ ихъ такъ же безъ участія, безъ раз-

---

[1]) Впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

дѣленія, какъ скучные часы въ дорогѣ на грязной станціи. Никого мы полюбить тогда не успѣемъ, да по правдѣ и не за что. Никто внутреннею жизнію нашею въ годы ученія не занимается. Объ исключительныхъ наклонностяхъ нашихъ къ чему нибудь особенно никто не справляется. Изъ талантовъ, данныхъ намъ природою, никто не заботится извлечь для насъ на всю будущую жизнь какую нибудь пользу. Ни съ одною наукою, ни съ однимъ искуствомъ, ни съ однимъ знаніемъ не сблизятъ насъ въ такой степени, чтобы мы пріобрѣли необходимость искать аромата этого школьнаго пріобрѣтенія. Учатъ насъ (какъ сказалъ Пушкинъ) по-немногу, чему-нибудь (а чаще всему или ничему) и какъ нибудь. Это родъ обѣдни, въ которой по слышимому ушами всякой какъ разъ видитъ, долго ли до окончанія ея, но ни до чьего сердца не касается глубокій смыслъ молитвъ и пѣнія.

Въ Оксфордѣ, конечно, не начинается воспитаніе дѣтское, но въ немъ открывается воспитаніе отроческое и оканчивается воспитаніе юношеское. Тутъ же идетъ рядомъ образованіе сперва среднее, а послѣ высшее. Въ продолженіе общаго ученія совершается для каждаго образованіе спеціальное, подъ надзоромъ, подъ вліяніемъ, при ежедневномъ содѣйствіи лица, извѣстнаго подъ именемъ tutor, которое не гувернеръ и не профессоръ, а можно сказать другъ старшій, или отецъ. Распредѣленіе занятій, образъ жизни, отношеніе между соединенными въ одномъ учрежденіи лицами, мѣстные обычаи — эти законы обществъ, въ которыхъ строгіе нравы и давность освящаютъ историческія преданія — все тамъ не такъ идетъ, какъ у насъ, и все тамъ изъ общественнаго воспитанія какъ-то умѣло принять формы домашняго, растворяя жизнь внѣ родительскаго дома всею сладостію и теплотою жизни семейной. Въ каждой изъ Colleges есть своя церковь, своя библіотека, своя аудиторія и своя столовая. Это четыре пункта, на которыхъ воспитанники соединяются. Въ церкви они слушаютъ молитвы утромъ и вечеромъ каждый день. Но затѣмъ жизнь каждаго идетъ по усмотрѣнію его собственному, разумѣется, не безъ вѣдома лица, называемаго tutor.

Постоянное руководство послѣдняго, дополняющаго, объясняющаго и такъ сказать въ подробности анализирующаго съ воспитанникомъ лекціи профессора дѣйствуетъ на молодой умъ легко и пріятно, безъ педантической торжественности, съ простотою и вниманіемъ дружества. Съ этою помощію въ самыхъ трудныхъ изысканіяхъ молодой умъ не утомляется, не холодѣетъ, а находитъ путь и навыкъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, въ которыхъ никто ему и не отказываетъ, оставляя каждому свободу выбирать для того и время и мѣсто. Я нахожу въ этомъ всѣ принадлежности домашняго умнаго образованія, снабженнаго всѣми пособіями ученія общественнаго. Такъ провести первые, лучшіе годы сознательной жизни — не значитъ ли это свыкнуться на вѣкъ съ лучшими занятіями, полюбить ихъ и вооружиться на искушенія и строгіе опыты жизни оружіемъ крѣпкимъ и неодолимымъ?

Я сказалъ, что всѣ Colleges какъ монастыри. Это и было такъ до реформаціи. Названія школъ остались католическія, наприм. школа Христа Спасителя, школа Маріи Магдалины и проч. Что за прелесть окружаетъ каждую! Эта готическая архитектура зданій, воздвигнутыхъ изъ бѣлаго тесанаго камня, почернѣвшихъ отъ времени, невольно внушаетъ какой-то благоговѣйный восторгъ и изумленіе. Безчисленные ряды прежнихъ келій съ окнами разной величины и формы, смотря по назначенію каждой, служатъ для одиночнаго жительства воспитанниковъ, tutors, профессоровъ и такъ называемыхъ associés. Послѣдніе, какъ наши академики, на иждивеніи фундуша, служащаго вмѣстѣ и на все содержаніе школы, живутъ по избранію каждой College, безъ всякихъ общественныхъ обязанностей, только для совершенствованія науки. Монастырскія стѣны обнимаютъ на огромномъ пространствѣ все необходимое для пріятной жизни. При каждой College вы найдете скверы, сады, пруды, даже парки. И въ какомъ это все видѣ! Я теперь чувствую, какъ справедливо Хомяковъ всю Англію назвалъ однимъ изумрудомъ.

Что же намъ бы можно занять изъ всего этого? По моему

мнѣнію, три особенно предмета: 1) улучшить предуниверситетское ученіе, безъ котораго, какъ безъ фундамента, все послѣдующее разсыпается; 2) сильнѣе развивать, смотря по наклонностямъ и способностямъ молодыхъ людей, спеціальное образованіе, такъ, чтобы внѣ школы оно оставалось потребностію ума въ продолженіе всей жизни, и 3) доставить несравненно болѣе средствъ каждому изъ обучающихся къ собственнымъ умственнымъ занятіямъ, постепенно освобождая ихъ отъ такъ называемыхъ общихъ и вспомогательныхъ наукъ, давящихъ заботливый умъ. Въ заключеніе нельзя не посовѣтовать, чтобы въ среднихъ заведеніяхъ скорѣе сближали бы формы жизни и ученія съ образованіемъ домашнимъ, смотрѣли бы поблагосклоннѣе на отроческій возрастъ и доискивались бы въ его сердцѣ дѣтской любви, а не страха подчиненности. Высшее средство ко всѣмъ успѣхамъ есть самостоятельная работа, поддерживаемая благимъ даромъ разумной свободы. Когда живешь въ Англіи, то изумляешься, какъ эта свобода развиваетъ повсемѣстно успѣхи ума и дѣйствій. Я не ослѣпленъ наружностію: въ Англіи болѣе, нежели гдѣ нибудь, противорѣчій и противоположностей. За то нигдѣ нѣтъ и такого твердаго отпора беззаконію и злоупотребленію.

Изъ парижскихъ новостей чрезвычайно заняла меня напечатанная вчера *рѣчь* (La Patrie, édition du soir, № 311, Jeudi, 6 Novembre), произнесенная à la cour impériale de Paris новоутвержденнымъ генералъ-прокуроромъ Vaïsse. Если вамъ не удастся найти этого листка въ Петербургѣ, я пришлю его вамъ. Дворъ завтра или черезъ день переберется изъ Компьена въ Парижъ. Графа Киселева я видѣлъ только разъ, на другой день по прибытіи его сюда. Вы, князь, вѣроятно эти мѣсяцы, за отсутствіемъ Абрама Сергѣевича, заняты дѣлами. Дай Богъ, чтобы здоровье ваше не измѣняло вамъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Мой новый адресъ: *Rue de Montaigne, 27.*

30.

19 Ноября (1 Декабря) 1856. Парижъ.

Сегодня открылись публичные курсы въ Collége de France. Я поспѣшилъ воспользоваться ими и выслушалъ двѣ лекціи: Cyprien Robert объ отношеніяхъ славянскихъ языковъ къ прочимъ европейскимъ языкамъ и Paulin Paris объ оригинальныхъ историческихъ сочиненіяхъ относительно крестовыхъ походовъ. Первый, chargé du cours (не профессоръ), не могъ справиться съ предметомъ своимъ, потому что и славянскіе языки и прочіе европейскіе знакомы ему, кажется, по однѣмъ книгамъ, писаннымъ объ нихъ по-французски. Онъ свелъ всю лекцію на трактатъ о томъ, возможна ли одна азбука для всѣхъ языковъ въ мірѣ. За то другой, membre de l'Institut, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, былъ очень занимателенъ. Между прочимъ онъ открылъ намъ, что Мишо, обогатившій критическими и историческими своими трудами литературу крестовыхъ походовъ и наконецъ составленіемъ картъ и плановъ, необходимыхъ для поясненія эпохи и походовъ, принялся за это дѣло случайнымъ образомъ. M-me Cottin, бывшая съ нимъ въ дружбѣ, попросила его написать предисловіе къ Матильдѣ. Исполнивъ порученіе, онъ почувствовалъ, какъ недостаточны его свѣдѣнія по этой части и принялся за свои ученые труды, которые продолжалъ всю жизнь.

О Collége de France я желаю сообщить вамъ, князь Петръ Андреевичь, особенное свое мнѣніе. У насъ въ Россіи еще нѣтъ подобнаго учрежденія, хоть мы и богаты учебными заведеніями. Университетскими лекціями у насъ оканчивается все высшее образованіе. Между тѣмъ только послѣ нихъ, т. е. когда исполнится молодому человѣку 20 лѣтъ, онъ и способенъ съ пользою учиться. Во Франціи это давно поняли: они учредили курсы не для студентовъ, а для публики, не обязательные не связываемые никакими формами, не представляющіе никакихъ слушателямъ выгодъ, кромѣ истинно-полезныхъ знаній. Сюда собираются всѣ

настоящіе любители наукъ, предлагаемыхъ на языкѣ общедоступномъ и въ границахъ, необходимыхъ для яснаго житейскаго образованія. Я тутъ видѣлъ всѣ сословія обоихъ половъ отъ старыхъ людей до 17-лѣтнихъ дѣвушекъ. Читаютъ еженедѣльно 28 лучшихъ профессоровъ и академиковъ. Въ Collége de France, безъ университетскихъ подраздѣленій нашихъ на факультеты, прекрасно соединены всѣ пять факультетовъ, нынѣ существующіе въ Петербургскомъ университетѣ. Если бы учредить что нибудь подобное этому въ Петербургѣ, гдѣ столько достойныхъ ученыхъ людей, особенно въ Академіи Наукъ и въ Университетѣ, то образованность начала бы замѣтнѣе распространяться по всѣмъ классамъ столичнаго населенія, и молодые наши люди, отъ 20 до 30 лѣтъ, продолжали бы совершенствовать свое образованіе.

Другое предположеніе. Министерство просвѣщенія во Франціи другой годъ издаетъ: «Revue des Cours publics et des Sociétés savantes de la France et de l'Etranger». Еженедѣльно выходитъ этого изданія тетрадь въ полтора печатныхъ листа. Тутъ всего важнѣе то, что для самого министерства ни профессоры его, ни академики не остаются людьми непогрѣшающими. Ихъ разбираютъ и оцѣниваютъ какъ постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Это держитъ ихъ въ нѣкоторомъ опасеніи и усиливаетъ тщательность въ приготовленіи лекцій. У насъ вездѣ на *своихъ* привыкли смотрѣть какъ на непогрѣшающихъ, какъ на совершенство, какъ на святыхъ. Это пріучаетъ къ беззаботности и къ глупой спѣси. Если же всѣ будутъ напередъ знать, что у министра, кромѣ оффиціальныхъ ученыхъ, есть въ разныхъ должностяхъ тоже высоко образованные люди, которые способны судить и давать приговоры ученымъ трудамъ, то всѣ проснутся и примутся серьёзнѣе за дѣло. Гласность во всемъ великое дѣло. Чтобы ознакомиться вамъ, князь, съ этимъ изданіемъ, постарайтесь выписать на счетъ нашего Университета, или Академіи Наукъ, или даже Канцеляріи министра всѣ вышедшія тетради Revue. Подписываются на него: *«Rue du Pont de Lodi. 5»*. Цѣна въ годъ для заграничныхъ *24 франка.*

У меня давно была мысль уговорить нѣкоторыхъ профессоровъ университета читать зимою для публики по одной или по двѣ лекціи, въ томъ предположеніи, чтобы, разливая понемногу необходимѣйшія изъ каждой науки знанія, университетъ могъ пріобрѣтать нѣкоторое значеніе въ обществѣ, а профессоры получали бы болѣе опредѣленную физіономію во мнѣніи людей мыслящихъ. Теперь я узналъ, что эта самая мысль приводится въ исполненіе — и гдѣ же? — въ Дрезденѣ. Есть науки, до такой степени завлекательныя, а другія столь легко прилагающіяся къ дѣлу въ общежитіи, что умный профессоръ, выжавъ изъ нея эссенцію и расположивъ свой трудъ въ одну или двѣ лекціи, можетъ, не обременяя себя, заслужить общую благодарность, принести явную слушателямъ пользу и даже достигнуть извѣстной степени славы. Дрезденскіе курсы составились изъ 14 лекцій. Публика стекалась со всѣхъ сторонъ. Не придумаете ли вы, князь, съ благословенія Абрама Сергѣевича, что нибудь подобное внушить князю Щербатову, который, какъ я слышу, успѣлъ уже много прекраснаго водворить въ нашемъ университетѣ.

Я. Н. Толстой сообщилъ мнѣ для прочтенія присланный вами къ нему экземпляръ новаго стихотворенія вашего: «На церковное строеніе» [1]). Чтеніе пьесы этой доставило мнѣ и моей женѣ невыразимое удовольствіе. Сколько ни приходило къ намъ соотечественниковъ въ послѣднее время, мы всѣмъ читали стихи ваши, и все были одного съ нами мнѣнія, что трогательнѣе и выдержаннѣе отъ начала до конца не было въ нашей поэзіи ни одного стихотворенія, сколько ихъ ни писали на подобные предметы. Переложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ эктеніи такъ счастливо, такъ кстати и удалось вамъ въ такой мѣрѣ, что я ставлю эту пьесу вашу въ pendant къ Сельскому кладбищу Грея. Я читалъ уже ее и Николаю Ивановичу [2]) (недавно, какъ и я, переѣхавшему

---

[1]) Оно тогда же было напечатано въ *Извѣстіяхъ второго Отдѣленія Академіи Наукъ* (томъ V, вып. 5), а потомъ помѣщено въ сборникѣ: *На дорогѣ и дома*, стр. 219.

[2]) Тургеневу.

съ дачи въ Парижъ и встрѣтившемуся со мною случайно на улицѣ, гдѣ я узналъ его въ ту же минуту). Онъ тоже былъ въ восхищеніи отъ стиховъ вашихъ. Все его семейство очень ласково къ намъ и просило насъ быть у нихъ на дняхъ на вечерѣ, чѣмъ мы и воспользуемся. Вы, князь, очень одолжите меня, если всѣ новыя свои брошюры прикажете присылать ко мнѣ сюда черезъ Ѳ. И. Гильфердинга [1]), который не только письма, но и книги не откажется доставить въ наше посольство. Если вы не забудете, прикажите университетскому экзекутору (за которымъ можете послать курьера вашего) тоже черезъ Гильфердинга доставить мнѣ вышедшій нынѣ календарь на 1857 годъ. Онъ же долженъ будетъ сходить къ управляющему въ Главномъ штабѣ Военною типографіею Д. С. С. Ольденборгеру и выпросить для отправленія ко мнѣ ежегодно получаемый мною экземпляръ Памятной Книжки на 1857 г. Позвольте надѣяться, князь, что вы не пропустите меня въ числѣ тѣхъ, которымъ назначены будутъ экземпляры другого новаго стихотворенія вашего, написаннаго по случаю коронаціи Государя Императора. Я не читалъ еще его, а только слышалъ о немъ.

Передо мною лежитъ рукописный экземпляръ стихотворенія Бенедиктова: «Встрѣчный голосъ». Я навѣрное полагаю, что всѣ мы и самъ поэтъ вашему ходатайству обязаны появленіемъ этихъ стиховъ въ печати. Какъ они хороши, и какъ счастливо пришла идея поэту вложить въ уста простолюдина всѣ эти желанія и увѣщанія, безъ чего нельзя было бы ни высказать столько истины, ни даже стиховъ напечатать.

Часто я думаю, какъ нынѣшніе обстоятельства въ Россіи много способствуютъ вамъ, князь, расширить дѣятельность прекрасной и полной благихъ думъ вашей души. Начнемъ съ кроткаго, прямодушнаго и ищущаго всѣхъ благъ Россіи Императора. Отношенія ваши къ Августѣйшему Семейству какъ нельзя счастливѣе. Всегда вы можете найти случай довести до свѣдѣнія

---

[1]) Въ то время директора Азіатскаго Департамента Министерства иностранныхъ дѣлъ.

Его новую свою идею. Другъ вашъ Титовъ равнымъ образомъ, какъ по благородному образу мыслей своихъ, такъ и по уваженію къ вамъ, конечно всегда готовъ дѣйствовать съ вами единодушно. Нашъ благонамѣренный и добрый министръ ужъ конечно совѣтъ вашъ предпочтетъ мнѣнію всякаго. Попечитель Петербургскаго округа[1]), душа честная и чистая, радъ будетъ все исполнить, что вы ни придумаете для блага университета, гимназій и цензуры. Президентъ Академіи Наукъ[2]) питаетъ полную къ вамъ довѣренность. Помощникъ попечителя[3]) ежечасно поучается въ вашей бесѣдѣ. Все это вмѣстѣ радуетъ меня такъ, что я не могу и выразить.

31.

17 (29) Дек. 1856 г. Парижъ. Rue Montaigne. 27.

Въ письмѣ вашемъ, князь Петръ Андреевичъ, которое я получилъ отъ графа М. Ю. Вьельгорскаго, болѣе всего я пораженъ былъ истиною словъ: «У насъ любятъ возбуждать побочные вопросы, такъ сказать, проселочные: а тѣ, которые лежатъ на столбовой дорогѣ и заваливаютъ и загораживаютъ путь, о тѣхъ никто не помышляетъ». Это именно сказать надобно, когда слышишь, что Государств. Совѣтъ озабоченъ организаціею нашего Министерства Просвѣщенія, а спокоенъ и доволенъ ходомъ дѣлъ въ Министерствахъ Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ и проч. и проч. Могу сказать, положа руку на сердце, что въ Россіи, сравнительно съ самыми благоустроенными государствами, Министерство Просвѣщенія организовано правильнѣе, удачнѣе, нежели многія другія, отъ которыхъ благосостояніе государства зависитъ несравненно болѣе.

Если только мы подумаемъ о низости, до которой дошла наша полиція, о злоупотребленіяхъ въ нашихъ судахъ, о хищничествѣ,

---

[1]) Князь Щербатовъ.

[2]) Графъ Уваровъ.

[3]) Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій.

которому подвергаются казенныя деньги, отпускаемыя въ распоряженіе чиновниковъ, и проч., то не должны ли сознаться, что Министерство Просвѣщенія передъ прочими министерствами идетъ чисто и безпорочно? Извѣстно ли въ Государственномъ Совѣтѣ, что молодые люди, въ послѣднюю войну удостоившіеся довѣренности Ея Величества для раздачи пособій въ Крыму, были большею частію изъ студентовъ Петербургскаго университета, начиная съ графа Вьельгорскаго-Матюшкина и оканчивая графомъ Паленомъ? Когда я слышу споры объ уничтоженіи привилегій ученымъ, то мнѣ приходитъ на мысль, что враги просвѣщенныхъ людей ничего болѣе не принимаютъ за истину, кромѣ диссертаціи Ж. Ж. Руссо, написанной въ часы глубокой ипохондріи и желчи противъ злоупотребленій просвѣщенія и образованности. Законъ нигдѣ и никогда не издавался иначе, какъ подъ непреложнымъ условіемъ, что въ немъ выражается правило, обнимающее самую обширную *истину*, а не *исключеніе*. Никто не сомнѣвается, что по временамъ являются на службѣ счастливо одаренные природнымъ умомъ люди, которые становятся полезнѣе самыхъ ученыхъ людей. Но развѣ можно, основываясь на этихъ явленіяхъ, *мотивировать* новый законъ слѣдующими выраженіями: «Такъ какъ безъ университетскаго и вообще всякаго ученія удобнѣе и вѣрнѣе пріобрѣсти необходимыя для службы способности и знанія, то Высочайше повелѣвается отнынѣ уничтожить всѣ преимущества, прежде данныя лицамъ, поступавшимъ на службу изъ университетовъ, лицеевъ, гимназій и прочихъ училищъ Имперіи»? Ссылаться на примѣръ другихъ государствъ значитъ не различать общественной жизни Русскихъ отъ жизни прочихъ Европейцевъ. Напримѣръ: у протестантовъ, не только мальчикъ, но и дѣвочка, дочь нищаго, не можетъ быть допущена до причащенія въ первый разъ, если не выдержитъ она экзамена въ знаніи закона Божія, въ чтеніи и писаніи. У католиковъ, правда, этого нѣтъ; за то, въ слѣдствіе общей ихъ цивилизаціи, никто не осмѣлится искать какого либо мѣста, требующаго основательныхъ спеціальныхъ знаній, если не увѣренъ,

что выдержитъ установленное испытаніе. Здѣсь закономъ опредѣлено, что молодой человѣкъ, явившійся на пріемный экзаменъ для поступленія въ студенты Сорбонны и не выдержавшій его удовлетворительно, платитъ штрафу 40 франковъ и прежде истеченія 3-хъ мѣсяцевъ не имѣетъ права явится на новый экз. Что же сказать о тѣхъ, которые ищутъ мѣстъ на государственной службѣ? Между тѣмъ у насъ множество не только людей среднихъ сословій, но и самыхъ значительныхъ дворянскихъ фамилій, записывается куда нибудь въ судъ, или въ канцелярію, пріобрѣтаетъ навыкъ къ ходу дѣлъ и постепенно доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ честь и польза государства страдаютъ отъ невѣжества и грубости нравовъ. Любопытно пересмотрѣть формуляры въ Россіи всѣхъ экономовъ, экзекуторовъ, казначеевъ, лѣсничихъ, смотрителей лазаретовъ и вообще лицъ, состоящихъ на доходныхъ мѣстахъ: откуда они вышли? И за такихъ ли людей вступится законъ, усиливаясь преградить дорогу просвѣщенію, знаніямъ и смягченнымъ образованностію нравамъ? Императоръ Александръ I пріостановилъ движеніе невѣжества впередъ, обрекши его на вѣчный чинъ титулярнаго совѣтника. Императоръ Николай Павловичь провелъ для движенія чиновниковъ на службѣ три дороги: на самую гладкую и пріятную онъ пустилъ университетскихъ воспитанниковъ, на среднюю гимназистовъ, а на бревенчатую мостовую недоучившихся школьниковъ. Теперь бы слѣдовало поступить рѣшительнѣе: всѣ гражданскія должности, съ которыхъ начинается хоть нѣсколько самостоятельная умственная дѣятельность служебнаго лица (наприм. столоначальника), надобно бы объявить *недоступными* тѣмъ людямъ, о которыхъ высшее учебное мѣсто отзовется, что у нихъ нѣтъ знаній *равныхъ* знаніямъ его воспитанниковъ. Я не утверждаю, что только въ университетахъ и можно образоваться для службы. Главная мысль въ томъ, что безъ надлежащаго образованія нельзя служить съ пользою и прилично. Вся, кажется, забота законовъ должна *теперь* устремиться на то, чтобы *со временемъ* всякому сдѣлалось стыдно и унизительно не думать съ молоду о собствен-

номъ образованіи. А этого едва ли чѣмъ можно вѣрнѣе достигнуть, какъ не огражденіемъ порядочныхъ въ службѣ мѣстъ отъ набѣговъ невѣжества.

Не знаю, на чемъ основывались, графъ Матвѣй Юрьевичь объявилъ мнѣ, будто дѣло объ уничтоженіи разрядовъ чиновниковъ на службѣ уже кончено въ Госуд. Совѣтѣ, и что производство въ чины будетъ теперь всѣмъ одинаковое. Не смотря на это, я предложилъ вашъ вопросъ графу П. Д. Киселеву. Онъ остается при такомъ мнѣніи, что воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, поступая на службу, по всей справедливости должны воспользоваться какими нибудь значительными преимуществами, но что послѣ производство ихъ въ чины должно итти на общихъ правилахъ. Это, какъ видите, средняя мѣра. Но она справедливѣе должна быть названа полумѣрою. Значеніе ея было важно при дѣйствіи закона Александра I, а по уничтоженіи его только и помогалъ бѣдѣ законъ Николая Павловича. Если же и этотъ отмѣнить, то возвратятся къ намъ времена XVIII столѣтія.

Толки объ уничтоженіи чиновъ и университетскихъ привилегій безконечны. Легко набрать кажущихся истинъ съ той и другой стороны. Петръ I, учредивши чины, открылъ себѣ способы комплектовать рѣдѣвшіе ряды людей, въ которыхъ онъ и служба такъ нуждались. Александръ I нашелъ приличнымъ сжать дорогу къ чинамъ, чтобы они сдѣлались удѣломъ однихъ достойныхъ. Николай I, оставивши главную дорогу тѣмъ же достойнымъ людямъ, провелъ по бокамъ ея двѣ маленькія дорожки для лицъ безталантныхъ, но въ служебной іерархіи равно необходимыхъ на низшихъ ступеняхъ. Это обратное движеніе законодателя показало, что строго надобно наблюдать, кто куда итти достоинъ. Чтожъ за послѣдовательность будетъ въ законодательствѣ нашемъ, если, вмѣсто бо̀льшаго вниманія къ достоинству, мы покажемъ свѣту, что оно въ глазахъ нашихъ ничто? Предметомъ, столь важнымъ въ Россіи, предметомъ, вросшимъ въ нашу нравственную и гражданскую жизнь, нельзя вертѣть наскоро. Прежде бы надобно обдумать, чины ли и университетскія привилегіи по-

родили разныя неустройства въ администраціи нашей? Человѣкъ, возросшій безъ уваженія къ закону, не свято чтущій долгъ свой, не понимающій смысла въ словѣ *честь*, не проникнутый высокою нравственностію, съ чиномъ ли останется онъ, или безъ чина, получитъ ли дворянство, или до старости проживетъ разночинцемъ — никакъ, нигдѣ, ни отъ чего не перемѣнится. Для исправленія такихъ людей надобно водворить мудрый, неизмѣнный порядокъ въ общественной всей жизни.

Не занимавшись спеціально организаціею здѣшнихъ министерствъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а извлекая объ этомъ предметѣ свои заключенія только изъ частныхъ разговоровъ съ свѣдущими и благонамѣренными людьми, я прихожу къ мысли, что всего полезнѣе для Россіи собирать подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ администраціи въ каждомъ изъ образованнѣйшихъ государствъ Европы. Эти пріобрѣтаемыя изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія, не людьми, только-что приготовляющимися къ службѣ, а знатоками своей части, опытными и ревностными къ общему благу лицами, могло бы, по разсмотрѣніи ихъ, служить матеріалами для новаго устроенія у насъ каждой изъ тѣхъ частей управленія, отъ которыхъ теперь распространяется одно растлѣніе нравовъ, подкопъ самыхъ основаній благосостоянія государства и зло, угрожающее всеобщимъ бѣдствіемъ.

Въ теперешнее время не могу воспользоваться совѣтомъ вашимъ, чтобы постепенно приготовлять что нибудь серьезное и систематическое. Два обстоятельства связываютъ мнѣ руки. Возвратившаяся болѣзнь жены требуетъ постоянно отъ меня хлопотъ въ домѣ какъ около больной, такъ и около дѣтей. Другое обстоятельство, отнимающее у меня время для письменныхъ занятій, заключается въ публичныхъ курсахъ, которые недавно начались въ Collége de France и въ Сорбоннѣ. Едва случается у меня свободный часъ отъ домашнихъ заботъ, я спѣшу туда, желая внимательнѣе ознакомиться тамъ со всѣмъ: съ объемомъ предметовъ, съ распредѣленіемъ ихъ, съ духомъ пре-

подаванія, словомъ, со всѣми способами возбужденія умственной дѣятельности публики. Я упомянулъ выше, что организація нашего Министерства Просвѣщенія ничѣмъ не уступаетъ организаціи иностранныхъ министерствъ той же части. Судя по строгой системѣ, которую находишь въ нашемъ разпредѣленіи высшихъ, среднихъ и низшихъ училищъ, въ полнотѣ и гармоніи курсовъ, въ точномъ исполненіи предначертаній начальниковъ — можно даже сказать, что русское Министерство Просвѣщенія лучше организовано, нежели французское. Только здѣшніе слушатели гораздо сильнѣе нашихъ поднимаютъ успѣхи занятій преподавателей и своихъ собственныхъ занятій, а слѣдственно и попечительности министерства. Вы не можете представить, какая здѣсь жажда къ пріобрѣтенію знаній, какое благоговѣніе къ труду ученаго человѣка и какой духъ порядка и благочинія въ собраніяхъ, при которыхъ нѣтъ никакихъ формальностей, никакого особаго надзора, ничего, напоминающаго о мѣрахъ, готовыхъ возстановить малѣйшее неустройство! Въ аудиторіи, гдѣ иногда собирается за полчаса до открытія лекцій отъ 100 до 500 человѣкъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, гдѣ часто рядомъ съ молодымъ человѣкомъ садится, за недостаткомъ другого свободнаго мѣста, 18-лѣтняя дѣвушка, безъ компаніонки, нѣтъ ни празднаго разговора, ни шопоту, ни улыбокъ: все хранитъ одно молчаливое ожиданіе того, для котораго собрались со всѣхъ сторонъ города въ эту даль (Rue St. Jacques), на самый конецъ Парижа. Симметріи, внѣшняго порядка и чопорности нѣтъ ни въ чемъ. Слушатели въ пальто, профессоръ въ сюртукѣ. Отдаленный гдѣ нибудь въ темномъ углу слушатель сидитъ, или оперщись на засаленную стѣну спиною стоитъ даже въ истасканной своей шляпѣ. Никому нѣтъ дѣла до этакихъ явленій. Всѣ думаютъ только объ одномъ. При первомъ словѣ профессора: «Messieurs» тишина превращается въ мертвое молчаніе. Жизнь и торжественное выраженіе всеобщаго удовольствія пробуждаются только при послѣднемъ словѣ профессора, съ которымъ онъ встаетъ, покидая собраніе. Его сопровождаютъ рукоплесканія.

Профессоры избираютъ для годичнаго чтенія только ту часть науки, которую они вполнѣ изучили и приготовили для чтенія. Часто даже открывается совсѣмъ новая каѳедра, когда является человѣкъ, пріобрѣтшій славу по своей спеціальности. Итакъ здѣсь нѣтъ строго опредѣленныхъ каѳедръ и полныхъ курсовъ всякой науки. Основательное и полное изученіе общихъ образованнымъ людямъ предметовъ освобождаетъ профессоровъ отъ повторенія того, въ чемъ они не представили бы новыхъ изысканій. При томъ же въ числѣ слушателей студенты не составляютъ и десятой доли. Прочіе всѣ жаждутъ новыхъ глубокихъ открытій. Въ направленіи преподавателей я не замѣчаю ни умышленно оппозиціонныхъ мыслей, ни явнаго отклоненія отъ истины въ пользу современныхъ обстоятельствъ. Господствующій духъ ихъ состоитъ въ самомъ добросовѣстномъ постиженіи *истины* (разумѣется, по силамъ и талантамъ каждаго), которую они безъ уклончивости защищать усиливаются. Въ Collége de France блистательнѣе всѣхъ профессоръ Laboulaye, который читаетъ Histoire des législations comparées. Однажды слушателямъ показалось, будто онъ, желая угодить оппозиціонной партіи, старается своими общими объясненіями произвести намекъ, невыгодный для нынѣшняго правительства. Молодежь осмѣлилась похлопать посреди лекціи. Laboulaye, всегда серьёзный, ясный и правдивый, покраснѣлъ, всталъ и съ обиженнымъ видомъ сказалъ: «Я объ истинѣ говорю прямо, а намеки презираю: это ниже моего служенія». Маркъ-Жирардена я еще не слыхалъ: онъ откроетъ свой курсъ послѣ новаго года. Тоже и Фил. Шаль. Но этотъ мелоченъ и безъ достоинства, какъ всѣ говорятъ. Изъ всего, что я успѣлъ замѣтить, нѣтъ ни малѣйшей опасности для слушателей отъ здѣшнихъ лекцій, разумѣется, если слушатель не легкомысленный человѣкъ. Напротивъ: можно многое узнать яснѣе и воспользоваться для приложенія совсѣмъ къ другимъ началамъ. Отъ того и необходимо принять за непреложное правило, чтобы отправлять учиться за границу не студентовъ, а людей потершихся и въ обществѣ и въ службѣ.

Сказаннаго мною довольно, чтобы убѣдиться, какъ организація русскаго Министерства Народ. Просв. ничѣмъ не ниже и не хуже организаціи французскаго. То, что составляетъ особенность здѣшнихъ нравовъ и обычаевъ, т. е. ослабленіе всего, называемаго дисциплиною, субординаціею, формальностью, еще не можетъ быть введено въ наши общественныя учрежденія. Это надобно предоставить бо́льшимъ успѣхамъ общаго просвѣщенія и зрѣлости цивилизаціи, съ которою становятся не нужными теперешнія наши подпорки, поддерживающія не только молодежь, но и всю гражданственность. Другія же наши министерства, отъ правильнѣйшаго устроенія которыхъ всего болѣе зависитъ благонравіе, общее довольство и укрѣпленіе въ государствѣ лучшихъ между всѣми отношеній, могутъ и должны теперь же приступить къ своимъ преобразованіямъ. Государственный Совѣтъ покроетъ себя славою и обезсмертитъ себя, если сумѣетъ избрать достойныхъ людей для скорѣйшаго доставленія себѣ матеріаловъ къ преобразованіямъ истинно полезнымъ и прочнымъ. Послѣ этого великаго дѣла не пройдетъ и 25 лѣтъ, какъ вѣроятно чины и университетскіе аттестаты сами собой понизятся въ цѣнѣ, а слѣдовательно само собой наступитъ время къ обсужденію какъ поступить съ ними.

Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ, князь, за благодушіе, съ которымъ вы принимаете разныя замѣтки мои, набрасываемыя наскоро и безъ всякаго порядка, посреди моей невеселой жизни, исполненной заботъ и горя. Если бы Господь утѣшилъ меня облегченіемъ отъ домашнихъ огорченій, и если бы выдалось мнѣ хоть мѣсяца три провести за границею единственно для наблюденія по той части, которой посвящена была прошлая жизнь моя, тогда конечно я постарался бы исполнить все, что внушаетъ мнѣ дружеское ваше ко мнѣ благорасположеніе.

Я уже высказалъ вамъ, какое впечатлѣніе произвели на меня стихи ваши. «На церковное строеніе». Отъ всей души благодарю васъ за присылку ихъ ко мнѣ. «Москва» ваша вполнѣ выразила торжество, при которомъ —

«Въ созвучіяхъ земныхъ, въ созвучіяхъ духовныхъ,
Поютъ земля и небеса».

Болѣе всего восхищаюсь я этою гибкостью, полнотою, торжественностью и богатствомъ столь разнообразныхъ красокъ стихотворенія вашего, въ которомъ историческая основа такъ крѣпко держитъ поэтическое зданіе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы молитесь, стихъ всегда принимаетъ характеръ и звуки церковнаго служенія:

«Въ день скорби горестной мы пріобщились чаши:
Пошли Ты нынѣ милость намъ».

Теперь я молю Бога, чтобы вы, князь, увѣровали наконецъ въ возможность лучшаго счастія даже посреди всѣхъ дисгармоническихъ явленій судорожной теперешней эпохи человѣческихъ обществъ; чтобы крѣпче полюбили это высокое счастіе: оно не эгоистическое, потому что, родясь въ тишинѣ мысли и уединенія, оно освѣщаетъ чистымъ и благодарнымъ свѣтомъ возрастающее поколѣніе, а вамъ магически возвращаетъ всѣ радости прошлой прекрасной жизни и сочувствіе прекрасныхъ ея спутниковъ.

Позвольте мнѣ надѣяться, что въ словахъ моихъ вы не отвергнете одного достоинства — чувства искренности, съ которою я привыкъ говорить при васъ обо всемъ, что сильно овладѣваетъ моею душою, никогда не старѣющеюся.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

32.

19 Апрѣля (1 Мая) 1857 г. Парижъ. 27. r. Montaigne.

Передо мною два письма ваши, князь Петръ Андреевичъ, на которыя еще не отвѣчалъ я (это для меня истинно роскошь): одно отъ 14 (26) Февраля, другое отъ 8 (20) Апрѣля. Прежде всего займусь, чтобы не оставить безъ отвѣта ни одного пункта вашего. Что касается до васъ, такою аккуратностію вы, кажется,

не страдаете. Но мнѣ отъ того иногда нездоровится, потому что я отъ васъ только и жду окончательнаго рѣшенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Не посѣтуйте на эту придирчивость. Чувствую, что избытокъ счастія сдѣлалъ меня неблагодарнымъ. Лишь совсѣмъ не покиньте меня — а я всякое ваше слово принимаю какъ голосъ съ неба. Первое письмо ваше я читалъ вмѣстѣ съ графомъ, нашимъ посломъ [1]), который вздумалъ тогда оказать намъ честь, пріѣхавъ съ визитомъ. Оно очень его разшевелило, и онъ поручилъ мнѣ особенно отъ него поклониться вамъ и княгинѣ. Когда вы коснулись петербургскаго завала, которымъ страдаете, мнѣ стало очень грустно. «Ну (подумалъ я), если на то лѣто, когда я поселюсь въ Лѣсномъ, князь уѣдетъ въ Карлсбадъ! этакъ мнѣ придется и жизнь кончить въ одиночествѣ». Съ вами вездѣ бываютъ друзья, а я и въ Парижѣ сиротствую. Титовъ теперь ужъ конечно въ Царскомъ Селѣ. Но при васъ остается милый Тютчевъ. Не завербуете ли его вы на лѣто въ Лѣсной? Со мною здѣсь былъ молодой мой по университету товарищъ Стасюлевичь, но теперь уѣхалъ въ Англію, а оттуда проберется прямо въ Германію — и мы не увидимся до Россіи. Всѣ лекціи мы здѣсь слушали вмѣстѣ. Отъ того и разговоры наши дома (особенно о Лабуле) становились живѣе. Этотъ Лабуле для меня идеалъ, не только профессора и гражданина, но и просто человѣка. Теперь онъ во второмъ семестрѣ читаетъ о государственныхъ расходахъ въ Римской имперіи (въ первомъ читалъ о законодательствѣ и администраціи ея). Изложеніе его такъ назидательно своею истиною, ясностію, что не можешь слушать его, не пропуская каждаго факта черезъ свое сердце, и отъ того всегда становится на душѣ и живо и грустно. Пораженъ бываешь повтореніемъ явленій на землѣ. А когда остановишься на той мысли, что въ каждомъ вѣкѣ являлись геніальные люди, вызывавшіеся поправить, улучшить машину общественной жизни, что эти мудрецы даже совсѣмъ ломали ее и замѣняли новою — общество же только стра-

---

[1]) П. Д. Киселевымъ.

дало и страдаетъ: то невольно упадаешь духомъ и охладѣваешь ко всему, и хочется только дожить до своего срока въ безвѣстности и тишинѣ. Лабуле и самъ впадаетъ иногда въ эту апатическую меланхолію. Разъ, подробно и картинно представивши намъ Римской театръ, циркъ и амфитеатръ (по случаю объясненія, какихъ издержекъ они стоили правительству), онъ перешелъ къ такъ называемому имъ заключенію лекціи, которымъ непремѣнно за долгъ считаетъ онъ повершить всякой разсказъ, и которое составляетъ обыкновенно высочайшую прелесть каждой его лекціи. Въ его тонѣ и видѣ было что-то грустное; нельзя было не замѣтить, что и этого человѣка, по наружности столь положительнаго и даже холоднаго, бѣдствія человѣческія растрогали до глубины души. Онъ самъ себѣ задалъ вопросъ: «Какой путь честному гражданину остается избрать посреди распаденія, какое было въ Римѣ, всѣхъ началъ нравственности»? И онъ весь одушевился, начавъ изображеніе высокихъ качествъ души, которыя тѣмъ болѣе должны быть, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сохраняемы въ частности каждымъ, чѣмъ голосъ ихъ рѣже и глуше слышится въ общественной жизни. «Это единственное сокровище (сказалъ онъ), на которое никому посягнуть нельзя, единственное наслѣдство, изъ котораго въ потомствѣ должно выйти и непремѣнно выйдетъ истинно полезное употребленіе». Въ Парижѣ, кто только знаетъ Лабуле, всѣ единогласно говорятъ, что онъ у себя дома и въ обществѣ точно таковъ же, какъ на каѳедрѣ: человѣкъ непреклонной чести и воли. Я часто думаю, сколько бы пользы можно изъ него извлечь, если бы нашлось средство вызывать его неподкупный голосъ при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Къ несчастію, къ намъ хоть и много на житье ежегодно переѣзжаетъ Французовъ, но не такихъ. Лабуле родственникъ Барошу, но не ходитъ къ нему.

Я каждый разъ краснѣю, когда вы упоминаете, что за поѣздкою моей сюда можетъ послѣдовать книга. О чемъ напишу я книгу? То, что называется въ столицѣ обществомъ, я здѣсь не видалъ. Политикою не занимаюсь, и съ государственными людьми

не говаривалъ. Театровъ къ сожалѣнію моему не люблю, а потому и не посѣщаю ихъ. Литературы въ нынѣшнее время здѣсь нѣтъ, а талантливые люди всѣ бросились на биржу, въ дѣлахъ которой я пошлый невѣжда. Изъ всѣхъ моихъ писемъ вы видите, что я только и выхожу на публичные курсы, да и тѣ слушаю не какъ прилежный студентъ, а какъ вольноприходящій, для нѣкотораго увеселенія праздности своей. И такъ мнѣ написать книги не о чемъ. Я не могъ бы собраться и статью порядочную составить. Поэтому спѣшу разогнать всѣ лестныя ваши обо мнѣ предположенія. Вамъ все кажется, будто я помолодѣлъ. Это оптическій обманъ. Дѣйствительно, издали я кажусь моложе, потому что люблю писать часто письма и даже очень длинныя, что̀ придаетъ мнѣ характеръ человѣка помолодѣвшаго, или, точнѣе сказать, оживившагося, разговорившагося, тогда какъ вблизи я обыкновенно все молчу. Какъ покажусь вамъ на глаза, то и увѣритесь, что по прежнему старъ, т. е. не оживленъ и молчаливъ. Написанное вами о различіи взглядовъ изъ rue Montaigne и Троицкаго переулка очень повеселило меня и графа Киселева. Когда же дошла ваша рѣчь до вмѣшательства стороннихъ лицъ въ дѣла Министерства Н. П., то графъ замѣтилъ, что это же и ему случалось терпѣть въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. Что касается до меня, я остаюсь по собственному опыту на сторонѣ вашего мнѣнія. — У M-me Lagrené я разъ былъ. У нея большія дочери. Кажется, теперь она ими болѣе озабочена, нежели литературою. Не понравилось мнѣ, что она поспѣшила объявить мнѣ о своемъ присоединеніи къ римско-католической церкви. Два раза я былъ (помнится, о томъ и васъ увѣдомлялъ) и у Мериме. Бонапартисты здѣсь вообще какъ-то неразвязны.

Привѣтствіе ваше съ Воскресеніемъ Христовымъ подѣйствовало на меня и на жену мою какъ-то благодатно. Въ ожиданіи лѣта, она продолжаетъ проглатывать водяныя капельки. О Гедеіусѣ мы все помышляемъ, и буде что экстренное не отвратитъ, побываемъ у него въ началѣ лѣта, которое по несчастію не думаетъ и въ Парижъ заглянуть. Здѣсь, 1-го Мая, въ ком-

натахъ только 10 град., такъ что принуждены держать огонь въ каминахъ. Съ Абрамомъ Сергѣевичемъ [1]) пріятно было бы встрѣтиться, но я не надѣюсь, потому что мы должны будемъ искать не водъ, а хорошихъ докторовъ, которыхъ на водахъ не бываетъ. Ваше положеніе вполнѣ понятно для меня. На службѣ (сколько я испыталъ) не столкнешься съ человѣкомъ симпатическимъ, и особенно въ полной мѣрѣ добросовѣстнымъ. Не знаю, разочаровался ли Абр. Сер., которому при началѣ представлялись около него какія-то рыцари безъ страха и упрека. Однако же я былъ бы несправедливъ, если бы не отличилъ въ этой толпѣ служащихъ академика и профессора Ленца, исправляющаго нынѣ мою должность. Онъ одинъ, между всѣми, коротко мнѣ извѣстными, истинно честенъ, благороденъ и добросовѣстенъ. Его недостатокъ только въ томъ, что онъ съ виду тяжеловатъ, холоденъ и не гораздъ въ русской грамотѣ. Но это все отъ того, что онъ завязъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Между тѣмъ попробуйте его ободрить привѣтомъ, окажите ему прямо нѣкоторую довѣренность и заставьте о самомъ щекотливомъ дѣлѣ высказать откровенно его мнѣніе: онъ васъ удивитъ прямотою души и отстраненіемъ всякой двуличности. — Появленіе новыхъ сочиненій Жуковскаго не должно пройти безъ сердечнаго съ нашей стороны привѣта. Не смѣю настаивать, но не могу не желать отъ всей души, чтобы вы сами подали голосъ, что̀ теперь для рус. литературы значитъ такое явленіе. Если же никакъ вамъ не удастся этого сдѣлать, призовите къ себѣ П. В. Анненкова или Майкова, и посовѣтуйте которому нибудь изъ нихъ написать статью о Жуковскомъ, достойную поэта благодати.

3 (15) Мая отправится Н. И. Тургеневъ съ дочерью и сыномъ въ Петербургъ. Постарайтесь поймать его тотчасъ по прибытіи. Онъ сдѣлался дикъ, и я боюсь, что онъ продеретъ въ Москву, никому у васъ не показавшись. Онъ остановится у Демута. Сынъ его только и во снѣ видитъ, чтобы сдѣлаться вполнѣ

[1]) Норовымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

русскимъ по православію, языку и службѣ. Посовѣтуйте отцу оставить сына для окончанія воспитанія въ Москвѣ или Петербургѣ. Изъ Альберта выйдетъ чудный Александръ Тургеневъ.— Вчера былъ въѣздъ В. К. Константина Николаевича въ Парижъ. Сами парижане ничего не запомнятъ блистательнѣе и оживленнѣе этой встрѣчи. Мы русскіе всѣ до слезъ были тронуты, смотря на роднаго гостя и слушая повсюду звуки: «Боже, Царя храни!» Сегодня всѣ мы собрались у молебна въ нашей церкви. Со мною В. К. обошелся невыразимо милостиво. Его изумило мое здѣсь присутствіе. Онъ выразилъ радость, что я ни сколько не перемѣнился, и сказалъ гр. Киселеву: «Какимъ я помню его въ моемъ дѣтствѣ, таковъ онъ и теперь; есть привилегированныя натуры.»

П. Плетневъ.

33.

25 Мая (6 Іюня) 1857 г. Парижъ. 27. r. Montaigne.

Это письмо будетъ къ вамъ, князь Петръ Андреевичь, кажется, послѣднее отъ меня изъ Парижа. Черезъ два-три дня мы перебираемся отсюда въ Boulogne-sur-mer. Такъ назначилъ женѣ моей Тестъ. Основавшись въ Булони, я напишу къ вамъ, съ тѣмъ, чтобы вы хоть нѣсколькими строчками оживотворили мое пустынножительство.

Третьяго дня Я. Н. Толстой увѣдомилъ меня коротенькой записочкой, будто рѣшена перемѣна по министерству нашему, а именно, что В. П. Титовъ заступаетъ мѣсто А. С. Норова. Отъ кого пришла эта вѣсть — я не могъ узнать. Но тутъ возникаетъ много вопросовъ; ихъ нельзя иначе разрѣшить, какъ развѣ прибавивъ, что вы, князь, получаете должность В. П. До письма вашего я останусь въ совершенномъ недоумѣніи. И отъ чего А. С. Норовъ могъ быть уволенъ такъ неожиданно? Я полагаю, что онъ въ одномъ только виноватъ, а именно — въ выборѣ Катакази. Сегодня Толстой прислалъ мнѣ прочесть только-что

полученное имъ письмо Греча, который сбирался за границу, но долженъ былъ остаться, въ ожиданіи смерти, какъ онъ говоритъ, польскаго Видока [1]). Больше всего порадовало меня въ этомъ письмѣ извѣстіе, что Государь возвратилъ Н. И. Тургеневу все, чѣмъ онъ былъ нѣкогда на службѣ. Признаюсь, я ничего болѣе не желаю отъ Н. И., какъ рѣшимости, чтобы сынъ его окончилъ образованіе свое въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Альбертъ въ душѣ до того русскій, что уже заранѣе объявилъ матери о непремѣнномъ желаніи своемъ присоединиться къ числу православныхъ.

Наконецъ я познакомился, князь, съ безногимъ пріятелемъ вашимъ. Теплая погода и его привлекла въ Champs-Elisées. Онъ въ толпѣ важно ѣдетъ на своей колясочкѣ, предлагая мущинамъ сигары. Когда я отдалъ ему десять франковъ отъ вашего имени, онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ всю его благодарность. Его трогаетъ въ особенности продолжительное и неизмѣнное ваше о немъ воспоминаніе. Здоровье его, кажется, въ отличномъ состояніи. Онъ живетъ съ сыномъ, а дочь принуждена была взять гдѣ-то мѣсто.

Хотѣлось бы мнѣ услышать отъ васъ, хорошо ли все идетъ у насъ въ университетѣ. Я узнаю, что множество профессоровъ ѣдетъ за границу. Это съ одной стороны хорошо: они все-таки что нибудь вывезутъ домой новенькое и полезное. Неудобно только то, что по краткости лѣтнихъ каникулъ, одни принуждены выпрашивать себѣ продолженіе отпусковъ, чѣмъ университетскія лекціи перепутываются, а другіе возвращаются неудовлетворенные снисхожденіемъ начальства и съ какимъ-то охлажденіемъ къ должности. Но во всякомъ случаѣ, отъ всякаго путешествія больше хорошаго, нежели худаго.

Общее впечатлѣніе вывезу отсюда то, что для блага государства необходимѣе всего строгое повиновеніе законамъ, прі-

---

[1]) Не друга ли своего, Булгарина, Гречъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ, которое присвоилъ ему Пушкинъ?

обрѣтеніе знаній соотвѣтственно назначенному для всякаго мѣсту и страхъ общественнаго мнѣнія, поддерживаемаго гласностію со стороны правительства и даже частныхъ лицъ. Эти принадлежности благоустроеннаго общества здѣсь очень бросаются въ глаза путешественника. Конечно, есть и здѣсь свое зло: но оно менѣе возмутительно, нежели тамъ, гдѣ болѣзнь таится въ сокровенности. Вы знаете лучше меня систему правленія нынѣшней Франціи. Между тѣмъ она такъ тонко прикрываетъ свои тайны и такъ уравновѣшиваетъ зло съ добромъ, что явно нельзя бороться съ нею [1]). Даже здѣсь не знаютъ, чего тутъ больше.

Я очень желаю возвратиться къ сроку, и молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ въ этомъ. Ко мнѣ адресованныя въ Парижъ письма взялся пересылать въ Булонъ секретарь гр. Киселева Гротъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

34.

11 (23) Іюня 1857 г. Парижъ. Rue Montaigne 27.

Еще не изъ Булони, а опять изъ Парижа я пишу къ вамъ, князь Петръ Андреевичъ. Не такъ-то легко перевести больную на новое жилище, особенно, когда нѣтъ увѣренности, будетъ ли ей тамъ лучше. Въ теченіе года я совершенно убѣдился, что нѣтъ безчеловѣчнѣе и безсовѣстнѣе класса людей, какъ тотъ, который состоитъ изъ врачей. Они такъ равнодушны къ страданіямъ, такъ жадны къ деньгамъ и такъ мало думаютъ о томъ, считаютъ ли ихъ за честныхъ людей, или бездѣльниковъ, что величайшее на землѣ несчастіе есть зависимость отъ нихъ. Между тѣмъ, кто страдаетъ, нельзя же присовѣтовать ему не искать помощи, или облегченія.

Вотъ почему, прежде отъѣзда, я рѣшился собрать для моей больной нѣсколько новыхъ голосовъ. Сперва призванъ былъ очень

---

[1]) Явное тому доказательство статья Saint-Marc Girardin въ Journal des Débats 8 Juin о законадательномъ собраніи. Если вы не замѣтили ея, прочтите. *П. П.*

уважаемый здѣсь медикъ Буле. Осмотрѣвъ больную и выслушавъ исторію всего, съ нею происходившаго, онъ прописалъ ей нѣкоторыя лекарства и образъ жизни (общія мѣста!), да съ тѣмъ и уѣхалъ, не отвергнувъ ожидаемой пользы отъ морскихъ купаній. Все это, какъ вы видите, одни предположенія. Онъ ни надъ чѣмъ не призадумался, не изъявилъ желанія ознакомиться съ новыми явленіями болѣзни. Ни одинъ изъ нихъ не потребовалъ общаго совѣщанія съ спеціалистомъ, тогда какъ видимо совершенное облегченіе требовало бы его участія. Теперь я самъ рѣшился и послалъ за Даньо, котораго мнѣ хвалили Тургеневы, какъ товарища Дюбуа, но болѣе внимательнаго и менѣе спѣсиваго. Это удержитъ меня еще нѣсколько дней въ Парижѣ.

Все, что насказалъ мнѣ Я. Н. Толстой о перемѣнахъ въ нашемъ министерствѣ, по его же словамъ, оказалось пустою сказкой. Министръ остается на своемъ мѣстѣ. Теперь только пущены въ ходъ толки о сопровожденіи Наслѣдника въ заграничное путешествіе. Не знаю, отъ чего назначаютъ васъ въ это сопровожденіе. Кто же министерствомъ управлять будетъ? В. П. Титовъ? Это все какъ-то перепутано.

Сегодня были похороны знаменитаго барона-академика Тенара. И сегодня же въ Journal des Débats (23 Juin) напечатана статья Michel Chevalier, подъ заглавіемъ: «La Société de secours des Amis des sciences». Я прошу васъ прочитать это. Мнѣ кажется, у насъ можно создать нѣчто подобное. Вы обезсмертите себя, воспользовавшись теперешнимъ своимъ правомъ, если войдете съ докладомъ о дозволеніи устроить въ Россіи такое же общество. Шевалье написалъ свою статью превосходно. Ея чтеніе доставитъ вамъ истинное наслажденіе. Какъ тутъ чувствуешь нынѣшнее положеніе людей съ высшимъ умомъ. Жаль, если подобныхъ статей не подносятъ для чтенія ни Государю, ни Императрицѣ. Мысль о необходимости такого общества во мнѣ усилилась особенно отъ того, что я сегодня же въ Сѣверной Пчелѣ (№ 120) прочелъ фельетонъ какого-то Петра Егорова о русскомъ механикѣ, изобрѣтателѣ чудной машины, теряющемъ

всѣ свои выгоды отъ неимѣнья лишнихъ 200 р. с. Этотъ фактъ можно какъ мотивъ включить и въ докладную записку.

Что скажете вы о процедурѣ здѣшнихъ выборовъ въ депутаты? Эго комедія. Но она удалась отлично. По сдѣланнымъ объявленіямъ уже извѣстно, что кандидаты правительства предпочтены лицамъ, искавшимъ этихъ мѣстъ. Такъ и нашъ мудрецъ Лабуле получилъ только 4.676 голосовъ, а соперникъ его, какой-то Guyard-Delalain, 10.070.

35.

27 Іюня (9 Іюля) 1857. Булонь.

Письмо ваше съ Лѣсной дачи отъ 11-го Іюня подали мнѣ въ ту минуту, какъ я уже отправлялся съ парижской своей квартиры на Сѣверную желѣзную дорогу, такъ что я читалъ его въ вагонѣ. Сколько сердечнаго и для меня трогательнаго нашелъ я въ этомъ письмѣ. Самыя первыя слова: «*я удалился*», пробудили во мнѣ тысячу воспоминаній. Дѣйствительно: прожить на одномъ мѣстѣ лучшихъ *тридцать* лѣтъ (гдѣ бы то ни было — Шильонскій узникъ сожалѣлъ и о подводной тюрьмѣ) значитъ не только самому прирости къ этому мѣсту, но и всѣхъ, кого любишь, прирастить къ нему же въ воображеніи. Такъ у себя на Лѣсной дачѣ я часто вижу въ воспоминаніи посѣщавшихъ меня тамъ: Дельвига, Пушкина, Жуковскаго, Гнѣдича и васъ. Даже я припоминаю, какъ разъ прилетѣли ко мнѣ туда (это было давно) съ Елагина острова три мальчика въ гусарскихъ курточкахъ съ истинно добрымъ своимъ гувернеромъ. Теперь въ живыхъ только двое изъ нихъ, и одинъ, по опредѣленію Всевышняго, на престолѣ [1]).

Вы шутя сказали, что обо мнѣ спрашивали лѣсныя кукушки. А во мнѣ отъ этого повернулось сердце, потому что каждую вес-

---

[1]) Другіе двое были: покойный графъ Вьельгорскій и Паткуль.

ну, вырвавшись изъ городскихъ оковъ, я находилъ первое наслажденіе въ привѣтѣ этихъ жительницъ дачи, со мною радовавшихся появленію весны и моей свободы. Моя любовь къ нимъ такова, что я покойную дочь свою, лаская, чаще всего называлъ кукушечкой, и она это принимала какъ знакъ особенной моей къ ней нѣжности. Такимъ образомъ, на Лѣсной дачѣ, откуда меня выгналъ безчеловѣчный Шварцъ, живетъ все, чѣмъ я могу услаждаться, докапчивая жизнь. Если бы не продана была дача Криднера и взяли бы за нее не дорого, признаюсь, я готовъ былъ бы купить ее — разумѣется, съ условіемъ, что и вы свою не покинете.

Послѣдніе дни въ Парижѣ я провелъ почти въ предреченной вами конференціи. Ко мнѣ постоянно приходили два профессора: Благовѣщенскій и Скобликовъ, и одинъ изъ нашихъ кандидатовъ Миклашевскій. Душою этой русской конференціи постоянно былъ съ милою и доброю женою своей М. И. Пущинъ. А въ послѣднее собраніе присоединился къ намъ и А. О. Россетъ. Вы ожидаете хорошихъ плодовъ отъ поѣздки за границу столькихъ ученыхъ головъ и даже самой главы Русскаго просвѣщенія[1]). Я съ намѣреніемъ придалъ женской родъ послѣднему лицу, потому что замѣчаю въ немъ болѣе наклонности къ воспріятію чужихъ сѣмянъ, нежели къ собственной силѣ оплодотворенія другихъ. Пока въ насъ не обнаружится потребной къ дѣлу самостоятельности, мы ничего не устроимъ лучшаго. И здѣсь Совѣтъ Министерства просвѣщенія нерѣдко видитъ исчезающими отъ силы Департамента лучшія свои предначертанія; а у насъ, говоря безъ обиняковъ, Департаментъ просто гложетъ просвѣщеніе. Вотъ отъ чего министру и слѣдовало бы взять его въ ежовыя рукавицы, или совсѣмъ перелицевать. Предметъ, какъ вы видите, очень многосложный. Необходимо нужно, чтобы вы, убѣдившись опытомъ во время теперешняго управленія министерствомъ, склонили Абрама Сергѣевича устраивать по време-

---

[1]) Министръ А. С. Норовъ.

намъ домашнюю маленькую конференцію, подъ его предсѣдательствомъ изъ васъ и еще какого нибудь безпристрастнаго, но понимающаго дѣло лица составленную. Въ ней онъ долженъ готовиться къ утвержденію или къ отверженію важнѣйшихъ дѣлъ, которыя, по заведенному нынѣ порядку, подготовляютъ столоначальники — эти, по выраженію Наполеона I. цари Россіи.

Какъ ни коротокъ былъ переѣздъ нашъ изъ Парижа въ Булонь, но и онъ оказался вреднымъ для моей больной, такъ что ей пока нельзя начать морскія купанья. Этотъ случай заставляетъ меня опасаться дальнѣйшаго переѣзда въ Германію. Все это наводитъ грусть на сердце. Но мы положили за непремѣнное, по окончаніи купаній, отправиться отсюда къ Геденіусу. Объ одномъ я желаю посовѣтоваться съ вами: ежели неотвратимое препятствіе остановитъ меня на дорогѣ въ Россію, какъ я долженъ поступить тогда? Новой отсрочки просить—у меня не достанетъ духу, да я и не желаю обречь себя на продолженіе цыганской теперешней жизни. Я бы только одного желалъ разрѣшенія — быть уполномоченнымъ безбоязненно на нѣсколько недѣль остановиться въ дорогѣ и по прошествіи моего срока, такъ какъ потребовала бы того непредвидѣнная крайность. Отзыва вашего по этому вопросу я стану ожидать нетерпѣливо. Мнѣ кажется (могу я и въ этомъ очень ошибаться), что если бы, воспользовавшись когда нибудь личнымъ докладомъ Государю (въ половинѣ Іюля онъ будетъ въ Спб.), вы рѣшились словесно испросить у Его Величества вышеупомянутой мнѣ милости, я былъ бы совершенно успокоенъ [1]).

Въ Булони намъ еще не встрѣтился никто изъ Русскихъ. Кромѣ доктора, никого мы и не видимъ. Мы заняли квартиру, въ которой, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, жили Мещерскіе-Карамзины. Я очень обрадовался, узнавши, что у васъ гоститъ

---

[1]) Вверху первой страницы подлиннаго письма рукою кн. Вяземскаго написано: «Докладывалъ Государю Императору 11 Авг и отвѣчалъ».

Елизавета Петровна. Съѣздите съ нею хоть разъ въ Юки, чухонскую деревню близъ Осиповой-Рощи Левашовыхъ.

Адресъ мой: *Boulogne-sur-mer. Quai de la Victoire. 4.*

36.

Суббота. 16 Ноября 1857. (Въ Петербургѣ.)

Я нарочно писалъ карандашемъ свои поправки, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было ихъ уничтожить.

Записки и способъ изложенія очень завлекательны. Жаль, если не выйдутъ онѣ въ свѣтъ вполнѣ.

Гдѣ сегодня вы, князь, обѣдаете? Если дома, то во сколько часовъ садитесь за столъ? Простите моей докучливости. Я разсчитываю воспользоваться вашимъ добрымъ приглашеніемъ.

37.

Стихи, на мой вкусъ, прелестны: въ нихъ вѣрное, истинное чувство, и самая поэтическая мысль, а выраженія какъ нельзя точнѣе и благозвучнѣе.

Изъ двухъ отмѣченныхъ я предпочитаю первый по простотѣ выраженій. Вмѣсто *говоритъ сердцу*, не сказать ли: *сердце чувствуетъ?* Впрочемъ, все равно. Вторая редакція мнѣ показалась слишкомъ искуственною.

О статьяхъ Одесскаго Вѣстника имѣю честь представить особое мнѣніе.

38.

9 Марта 1858 г.

Я осмѣлился завладѣть подлинникомъ вашей рукописи, которая мнѣ очень дорогá по впечатлѣніямъ, произведеннымъ ею на мою душу. Вы мнѣ простите это своевольство. Въ стихахъ вашихъ я, не знаю почему, нашелъ что-то во мнѣ иногда про-

исходившее, когда, безъ свидѣтелей, въ тишинѣ кабинета вашего, засиживался я — и хотя немного, даже въ значительные промежутки молчанія, но говорили мы о томъ, что у каждаго было на́-сердцѣ.

39.

19 Іюля 1858 г.

Беру смѣлость посягнуть на первыя три строфы прекраснаго стихотворенія вашего[1]), князь Петръ Андреевичъ! И онѣ прекрасны; но въ теперешнемъ видѣ затемняютъ картину. По моему мнѣнію, и безъ сомнѣнія по общему ожиданію, должны на сцену выдти только два дѣйствительныя лица: Тассъ и Ивановъ. Но въ первыхъ строфахъ является неопредѣленное, метафизическое лице, которое читатель непремѣнно приметъ или за самого Иванова, или за Тасса.

Если же вамъ захочется удержать эти три строфы, то нельзя ли гдѣ нибудь намекнуть въ нихъ, что рѣчь идетъ о Тассѣ, вставивши имя его, или Рима, или обители св. Онуфрія. Тогда уже понадобится, во избѣжаніе повторенія одной и той же мысли, какъ нибудь переиначить первый стихъ 5-й строфы.

Если же прямо начать стихотвореніе 4-ю строфою, то вся передѣлка состоять будетъ въ слѣдующей поправкѣ ея втораго стиха, а именно:

«Собрались мы къ тебѣ, верховный жрецъ!»

Хотя стихотвореніе значительно отъ этого сократится, за то усилится дѣйствіе его, исчезнетъ недоумѣніе, и не потребуется никакихъ болѣе поправокъ. Оно все вылилось въ полномъ совершенствѣ образа, мысли и языка.

---

[1]) Напечатаннаго въ сборникѣ: *На дорогѣ и дома* (стр. 257) подъ заглавіемъ: «Александру Андреевичу Иванову». И здѣсь многія изъ замѣчаній Плетнева приняты авторомъ.

(Слѣдующее помѣщено на особомъ, приложенномъ къ письму листкѣ:)

— Въ 1-й строфѣ, передпослѣдній стихъ не измѣнить ли такъ:

«Отъ язвъ грѣховныхъ бытія?»

— Въ 4-й строфѣ, третій стихъ, гдѣ неупотребительное слово *художный*, не передѣлать ли:

«Промышленныхъ и низкихъ сдѣлокъ?»

— Въ передпослѣдней строфѣ, передпослѣдній стихъ, не измѣнить ли:

«Древамъ, растущимъ безъ плода?»

Въ послѣдней строфѣ, 3-й стихъ неточенъ власяною одеждой, которая заставляетъ думать о *власяницѣ*. Можно бы, наприм., со второго стиха начать перемѣну:

«Надеждою и страхомъ потрясенный,
Верблюжьей кожей покровенный»

Извините, князь, за избытокъ усердія. Прекрасное такъ заманчиво, что и нѣмые разверзаютъ уста.

Имя Иванова я надписалъ на пьесѣ.

Въ Спб. Вѣдомостяхъ хорошо пустить ее.

40.

14 (26) Ноября 1858 г. Спб. (Въ Дрезденъ).

Оба послѣднія письма ваши, князь Петръ Андреевичъ, отъ 28 Сент. (10 Октября) и 1 (13) Октября, изъ Дрездена, дошли до меня исправно. Въ отвѣтъ на письмо ваше къ А. П. Зонтагъ, которое я отослалъ къ ней, она дарить васъ продолженіемъ біографіи Жуковскаго, здѣсь прилагаемой. Если вы не полѣнитесь подстрекать ее своими отзывами, она усердно будетъ для васъ работать. Николаевскій уже воротился изъ-за границы. Онъ даже доѣзжалъ изъ Парижа до Ниццы. Теперь печатаетъ собраніе своихъ

стихотвореній съ посвященіемъ Императрицѣ М. А. — Бартеневъ долго жилъ въ Белгіи, два раза съѣздилъ въ Лондонъ, влюбился въ него и въ Англичанъ. Теперь онъ въ Парижѣ, гдѣ бранитъ все французское. Въ началѣ Декабря, вѣроятно, онъ достигнетъ Праги, главной цѣли своего путешествія. У насъ, какъ вы знаете, Исаковъ печатаетъ новое изданіе Пушкина. Онъ желаетъ нанять Бартенева написать новую біографію Пушкина. Не могу сказать, подоспѣетъ ли сюда къ сроку Бартеневъ. Въ Библіографическихъ Листахъ [1]) продолжаютъ выкапывать все, касающееся до знаменитыхъ писателей. Недавно тамъ помѣщенъ былъ приговоръ военнаго аудиторіата, поднесенный на утвержденіе Николаю Павловичу, состоящій въ осужденіи Дантеса за убійство Пушкина на разжалованіе въ рядовые. Государь написалъ: «Быть по сему; но такъ какъ *рядовой Дантесъ* не Русской подданный, то, отобравъ отъ него патенты на офицерскіе чины, выслать его за границу». Существованіе журнала Павлова [2]) еще не утверждено, отъ того, что Московскій университетъ силится отстоять свою привилегію касательно помѣщенія политическихъ извѣстій. Вашего внука я призывалъ къ себѣ. Онъ увѣряетъ, что уже писалъ къ вамъ Я не нахожу возможности требовать, чтобы онъ хоть изрѣдка навѣщалъ меня и передавалъ мнѣ то, о чемъ бы хотѣлось ему посовѣтоваться касательно университетскихъ лекцій. Только вы да его отецъ можете внушить ему такую ко мнѣ довѣренность. Съ самимъ П. А. Валуевымъ разъ я встрѣтился на Невскомъ, но онъ не показалъ особеннаго желанія, чтобы съ нимъ иногда видались. Князя П. П. я совсѣмъ не вижу. Прежде я пробовалъ заѣзжать къ нему; но такъ какъ я не замѣтилъ, чтобы мое общество представляло какой нибудь интересъ, то и пріостановилъ свои посѣщенія, убѣдясь, что молодому поколѣнію не о чемъ толковать съ отживающимъ. Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный

---

[1]) Т. е. въ *Библіографическихъ Запискахъ*, которыя издавались въ Москвѣ въ 1858, 59 и 61 годахъ.

[2]) Точнѣе: газеты, которая потомъ и издавалась Н. Ф. Павловымъ подъ заглавіемъ *Наше Время*.

попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ какъ надобно благородному, скромному и честному человѣку. Вчера у графа Д. Н. Блудова былъ вечеръ. Я находился въ числѣ приглашенныхъ изъ Академіи. Тамъ я видѣлъ и М-me Тютчеву съ меньшою ея дочерью (Дарья, какъ вы знаете, уже фрейлина). Самого Ѳ. И. не было на вечерѣ. Графъ Блудовъ, возвратясь изъ Москвы, просилъ меня докончить то, что до отъѣзда за границу начали-было вы, а именно отчетъ о суммѣ, собранной на памятникъ Жуковскому. Я не нашелъ возможности отказаться, когда графъ между прочимъ объявилъ мнѣ, что его положеніе безъ этого отчета очень неловко, не только передъ публикой, но въ особенности передъ Государемъ, которому въ своемъ докладѣ онъ опредѣлительно вызвался представить статью о распредѣленіи суммы. Я прилагаю здѣсь для васъ эту брошюрку, какъ она явилась въ Вѣдомостяхъ[1]). Признаюсь, мнѣ было и жалко и нѣсколько досадно, что о памятникѣ Жуковскому писали не вы. Вамъ такъ много симпатическаго и задушевнаго нашептала бы горячая дружба ваша, что статья перешла бы, какъ и самый памятникъ, далеко въ потомство. Я уже исписался на эту тему и принужденъ былъ ограничиться одними цифрами да повтореніемъ старыхъ собственныхъ фразъ. Хоть моя статья не подстрекнетъ ли васъ взяться за перо, чтобы приготовить вѣнокъ на памятникъ нашего друга-поэта? А. С. Норовъ живетъ въ Парижѣ. Тамъ останется до Мая. Его видѣлъ Николаевскій. Женѣ его не только не лучше, но едва ли не хуже. Евграфъ Петровичъ[2]) продолжаетъ крѣпко, хотя и очень кротко, отдѣлываться отъ разныхъ наступленій на должность м. нар. просвѣщенія. Кажется, онъ очень сошелся. . . .[3]). Новыхъ журналовъ объявлено множество: между прочими «Русское Слово». Кушелевъ-Безбородко объявилъ себя отвѣтственнымъ редакторомъ. Второй же редакторъ, вмѣсто Мея, Полонскій, возвратившійся сюда изъ Парижа съ молоденькою женой,

---

[1]) *С.-Петербургскія Вѣдомости.* 1858 г., ноября 2, № 240.

[2]) Ковалевскій, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія.

[3]) Имя лица вырвано съ клочкомъ бумаги на этомъ мѣстѣ.

урожд. mademoiselle Wassily. Это дочь нашего дьячка въ парижской церкви, котораго священникъ обыкновенно зоветъ Василій[1]), а Французамъ это и представилось нѣчто въ родѣ фамиліи. Носятся слухи о новомъ для цензуры учрежденіи, подъ французскимъ наименованіемъ Bureau de presse. Это какое-то частію предупредительное, частію послѣдовательное сношеніе съ авторами посредствомъ особо отъ министра стоящей власти. Предупредительное вліяніе будетъ состоять въ сообщеніи писателямъ хорошаго направленія отъ сношенія съ ними избранныхъ въ коммиссію лицъ, а послѣдовательное отъ ихъ дружескихъ замѣчаній на промахи въ книгахъ, уже явившихся въ печати. Сколько я могъ все это понять, можно бы въ этомъ смыслѣ дѣйствовать, напримѣръ, Карамзину, или даже Державину. Но въ настоящемъ положеніи литературныхъ дѣлъ, едва ли съ кѣмъ наши писатели уживутся. По слухамъ, предположено эту коммиссію составить изъ Н. А. Муханова, Ив. Матвѣев. Толстаго, О. И. Тютчева и Ив. Серг. Тургенева. Не выдаю всего этого за что нибудь вѣрное, а упоминаю какъ о слухѣ, для насъ съ вами не лишенномъ интереса.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

41.

2 (14) Декабря 1858. Спб. (Въ Ницу).

Изъ Женевы, передъ переѣздомъ въ Ницу, вы писали ко мнѣ, князь Петръ Андреевичь, препровождая новыя стихотворенія ваши для представленія ихъ въ цензуру. Сперва я получилъ только письмо ваше, потому что В. П. Титовъ оставилъ стихи у

---

[1]) Василій Кузьмичъ Устюжскій былъ въ то время уже не дьячкомъ, а церковнымъ старостой. Старшая дочь его Елена, дѣвица поразительной красоты, воспитывалась въ Женевѣ въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ и превосходно знала музыку. Я. П. Полонскій овдовѣлъ уже въ 1860 году и впослѣдствіи женился вторично.

себя для прочтенія ихъ В. К. Ольгѣ Николаевнѣ и ожидаемому тогда въ Стутгардъ В. К. Константину Николаевичу. Наконецъ, спустя ровно недѣлю послѣ этого, прибыли ко мнѣ и стихотворенія, которымъ я и жена моя такъ обрадовались, какъ будто сами вы къ намъ пріѣхали. Эта первая связка особенно прелестна своимъ разнообразіемъ. Начавъ неотразимымъ правоученіемъ:

Безумно и грѣшно роптать на Провидѣнье.
Предъ волею Его — покорное смиренье
Одно убѣжище, одно спасенье намъ.
Мы въ книгѣ Промысла читаемъ по складамъ;
Намъ теменъ смыслъ ея: за буквой букву ловимъ.
Начнемъ ли толковать: мы только пустословимъ.
Намъ дѣтямъ не вполнѣ та грамота дана:
Про насъ, но не при насъ написана она...

Вы умѣли заключить свое собраніе неотразимо-граціознымъ описаніемъ:

Эти черненькіе глазки
Такъ умны и хороши,
Въ нихъ такъ много дѣтской ласки,
Вдохновенья и души,
Что, любуясь въ нихъ разсвѣту
Упоительной зари,
Забываю про Комету,
Какъ она тамъ ни гори.

Ужели, князь, не озаботитесь вы подѣлиться этою новою прелестью вдохновенія съ той Особой, про которую сами же сказали:

Когда въ душѣ темно и жизнь себѣ не рада,
Вдали, на высотѣ, имъ свѣтится лампада,
Лучь примирительный таинственной звѣзды,
И жизнь идетъ бодрѣй на новые труды.

До печати ждать долго. А молва дойдетъ и туда. Какъ же назовутъ вашу скрытность? Правда, цензоръ уже одобрилъ къ пропуску. Но вы не захотите начать печатаніе до набора полной книжки.

О. И. Тютчевъ изъяснилъ мнѣ, что никакой нѣтъ надобности подымать министру вопросъ о русскихъ книгахъ, печатаемыхъ за границею. Онѣ всегда изъ таможни поступаютъ въ Комитетъ иностранной цензуры, а оттуда, для выдачи пропускнаго билета, пересылаются въ цензуру книгъ русскихъ. Этотъ порядокъ не измѣняется, подписалъ ли книгу предварительно русскій цензоръ, или нѣтъ. Конечно, процедура будетъ итти скорѣе, если (какъ начали дѣлать вы) рукопись одобрена уже здѣшнимъ цензоромъ.

Ваша процензированная первая тетрадь остается у меня до новаго увѣдомленія вашего, надобно ли каждую изъ нихъ немедленно отправлять къ вамъ по полученіи изъ цензуры, или дождаться еще связки, чтобы ихъ вдругъ переслать къ вамъ?

Если дальнѣйшія стихотворенія будутъ столь же прелестны, какъ первыя, то очень пріятно будетъ отпечатать ихъ за границею со всею типографскою роскошью и изяществомъ.

Гильфердингъ[1]) уже перемѣщенъ въ сенаторы. Но я увѣренъ, что и Философовъ, преемникъ его, не откажется оказать намъ свои услуги въ этой литературной корреспонденціи.

На дняхъ явился ко мнѣ внукъ вашъ, студентъ Валуевъ, съ объявленіемъ, что, съ согласія отца своего, онъ изъ университета переходитъ въ военную службу. Поэтому 1-го Декабря я и выдалъ ему съ благословеніемъ увольнительное отъ университета свидѣтельство.

Наша жизнь идетъ по старому. Цензура въ Москвѣ продолжаетъ подшучивать надъ брюзгливостію своихъ недруговъ. Разныхъ университетовъ студенты пошаливаютъ то такъ, то сякъ. Нашъ министръ на дняхъ самъ отправился въ Москву, чтобы

---

[1]) Оедоръ Ивановичъ, отецъ извѣстнаго писателя, бывшій до того директоромъ Государственнаго архива.

передать лично родительское наставленіе и университету тамошнему, и тамошнимъ цензорамъ.

Если не секретъ, то не позабудьте увѣдомить меня, кто именно эта интересная особа, которой черненькіе глазки такъ умны и хороши. Въ старое время не зачѣмъ было бы и спрашивать объ этомъ. Всѣ ее знали.

Дошло ли до васъ мое письмо отъ 14 (26) Ноября, отправленное черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ? Въ немъ я отправилъ къ вамъ листокъ А. П. Зонтагъ (начало біографіи Жуковскаго) и мою брошюру о употребленіи суммы, собранной на памятникъ Жуковскому.

42.

5 (17) Января 1859. Спб. (Въ Ницу).

Поэтическое описаніе вашей поэтической жизни въ Ницѣ, князь Петръ Андреевичь, столько же порадовало меня, сколько и опечалило. Эта безконечныя прогулки посреди земнаго рая, это безпрерывное вдыханіе бальзамическаго воздуха должны вполнѣ возстановить и укрѣпить здоровье ваше и княгини. Но вы ничего не пишете, по крайней мѣрѣ ни о чемъ новомъ не упомянули. и ничего не прислали въ дополненіе къ начавшемуся въ Баденѣ собранію стихотвореній вашихъ: это грустно. Я, напротивъ, ожидалъ, что, переставъ лечиться и поселившись въ такое благопріятное для умственныхъ занятій время на берегу моря, въ немноголюдномъ городкѣ, вы напишете гораздо болѣе, нежели въ Германіи на водахъ. Вы даже не снабдили меня наставленіемъ, переслать ли вамъ процензированную тетрадь вашу, или подождать отъ васъ новой. Недавно съ Тютчевымъ я опять перечиталъ всю тетрадь вашу, и мы оба не могли не почувствовать, что сила, свѣжесть и грація стиховъ вашихъ идутъ діаметрально въ противоположную сторону со счетомъ дней вашихъ: чѣмъ тяжелѣе грузъ послѣднихъ, тѣмъ моложе и игривѣе характеръ первыхъ. Кстати: Тютчевъ совѣтуетъ вамъ въ первомъ стихотвореніи

(Лѣсъ горитъ) перемѣнить одно слово, а именно, гдѣ сказано: «Тамъ красный свой *хребетъ* и огненное жало» лучше поставить такъ: «Тамъ красный *гребень* свой и огненное жало».

Изъ предположеній касательно Bureau de presse произошли (во время отсутствія въ Москвѣ нашего министра по дѣлу неудовольствія студентовъ на профессора Варнека) слѣдующія измѣненія (разумѣется, все это слухи, за которые никто не отвѣчаетъ): членами Bureau будутъ: Н. А. Мухановъ, Александръ Влад. Адлербергъ и генералъ Тимашевъ; избираются ими изъ литераторовъ люди способнѣйшіе по талантамъ и духу для лучшаго направленія литературы — Щебальскій и Громека; сверхъ того каждый изъ 3-хъ членовъ отыщетъ себѣ чтеца для указаній любопытнѣйшаго въ печати. Но вотъ чему я не могу повѣрить: говорятъ, будто на образованіе этого новаго учрежденія предполагается отпустить 300,000 р. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что цензоръ Крузе переименованъ состоять по Министерству Просвѣщенія. Онъ дозволилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ напечатать дѣло о бывшемъ спорѣ между здѣшней Думой и сыномъ (женатымъ на Сухозанетъ) Безобразова. Первая прислала ему грамоту на владѣніе въ городѣ домомъ; а онъ отказался подъ предлогомъ, что, какъ старинный дворянинъ, не нуждается въ такой грамотѣ.

Шевыревъ сбирается ѣхать въ Италію. Можетъ случиться, что вы съ нимъ свидитесь. Я уговариваю его переѣхать послѣ путешествія на житье въ Петербургъ. Онъ въ Москвѣ безпрестанно подъ раздражающими сердце его впечатлѣніями. Теперь онъ въ газетной ссорѣ съ Коршемъ[1]). Присоедините и вы, князь, къ моему совѣту свой. Можно бы со временемъ хоть маленькую кучку образовать изъ литераторовъ, не торгующихъ своими дарованіями. Я сердечно благодаренъ графинѣ Вимпфель, что она вдохновила васъ прелестнѣйшею пьесой. А что касается до возможности или невозможности влюбиться — это дѣло стороннее. Если чувствуешь благодатное вліяніе истинной красоты, то она

[1]) Валент. Өедор., издателемъ въ то время *Московскихъ Вѣдомостей*.

и совершила свое призваніе. Дѣло все въ истинѣ ощущенія. Остальное не относится къ поэзіи, которая только и цѣнна истиною.

Я нынѣшнюю зиму живу подъ грустными впечатлѣніями. Моя бѣдная жена опять почувствовала возвращеніе прежней болѣзни. Итакъ полтора года нашей заграничной жизни дали ей силъ только на одну первую зиму. Что сдѣлать мнѣ лѣтомъ? Меня министръ вызывалъ въ попечители въ Одессу. Но я не увѣренъ, поправитъ ли здоровье моей больной эта радикальная перемѣна жизни. Если тамошняя пыль окончательно разстроитъ слабую грудь больной, то я вовсе погибну.

Вы жалуетесь, что къ вамъ рѣдко отсюда пишутъ. Что же я долженъ сказать, лишенный возможности кого-нибудь видѣть. Тютчевъ у меня былъ только разъ, а дома его никогда нѣтъ. У Мещерскихъ [1]) я тоже былъ только разъ. Елизавета Николаевна [2]) уѣзжала въ Москву, куда перевезли больную жену Александра Карамзина. Теперь, говорятъ, ей лучше.

Да: смерть Риго очень опечалила меня. Нечасто родятся такіе талантливые люди. Читали ли вы въ Journal des Débats нынѣшняго 1859 года восточную повѣсть Лабуле: «Abdallah, ou le trèfle à quatre feuilles»?

43.

13 (25) Февраля 1859. Спб. (Въ Ницу).

Прошло ровно сорокъ дней съ отправленія послѣдняго моего къ вамъ письма, 5 (17) янв., князь Петръ Андреевичъ — а я все не дождался отъ васъ никакой вѣсточки. Утѣшаюсь тѣмъ, что Ница продолжаетъ сладостно лелѣять васъ. Скажу съ тѣмъ же Державинымъ, котораго не вотще вы такъ полюбили: «Я радъ: и поцѣлуй въ сей жизни кладъ» [3]).

---

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Мещерскій былъ женатъ на дочери Карамзина Екатеринѣ Николаевнѣ.

[2]) Карамзина, меньшая дочь исторіографа.

[3]) Изъ пьесы *Гостю* (*Соч. Державина*, т. I).

Я сбирался было продолжать для васъ литературно-цензурную мою лѣтопись; но Тютчевъ сказалъ мнѣ, что недавно онъ продиктовалъ для васъ цѣлые листы разныхъ въ этомъ родѣ разностей. Прибавить остается не много. Bureau de presse долго искало распорядителя для своей канцеляріи, между прочимъ приглашало и Гончарова; но всѣ отказались. Вчера я слышалъ отъ К. И. Арсеньева, будто старый профессоръ Лицея Шульгинъ принялъ это мѣсто съ жалованьемъ по 3,000 р. въ годъ.

Отставленный цензоръ фонъ Крузе блаженствуетъ въ отставкѣ, не принявъ мѣста состоять по Министерству Просвѣщенія. Его почитатели поднесли ему сбору 50,000 р. с. Сверхъ того онъ приглашенъ заниматься дѣлами въ какой-то частной компаніи съ жалованьемъ по 6,000 р. въ годъ.

Привилегированныхъ къ Bureau de presse писателей не нашлось. Вѣроятно оно будетъ само составлять по временамъ статьи, которыя и предписано журналистамъ помѣщать съ отмѣткою: «Сообщено». Еще предписано всѣмъ издателямъ журналовъ являться въ Bureau, когда они получатъ оттуда приглашеніе. Равнымъ образомъ ихъ обязали доставлять туда по экземпляру изданій своихъ.

«Парусъ» Аксаковыхъ, послѣ появленія двухъ №№, подвергли запрещенію. Между тѣмъ дошла до высшей инстанціи пущенная въ ходъ идея, что Западные Славяне примутъ это запрещеніе какъ соучастіе нашего правительства въ преслѣдованіи Славянской національности правительствомъ Австрійскимъ. И это обратило мысли на воскрешеніе Славянофильскаго журнала. Онъ будетъ вновь выходить, но подъ редакціею Ѳед. Чижова и подъ названіемъ «Парохода».

Генералъ Исаковъ, новый Московскій попечитель, скоро туда отправится. До сихъ поръ онъ готовился къ своей должности, посѣщая въ Петербургѣ университетъ и гимназіи. Въ помощники себѣ, какъ слышно, онъ выбралъ Корнилова [1]), служившаго въ кан-

---

[1]) Ѳедора Петр., нынѣ члена Государственнаго Совѣта.

целяріи графа Закревскаго. Графъ Уваровъ, послѣ женитьбы на княжнѣ Щербатовой, вышелъ въ отставку и ѣдетъ за границу.

Въ нашемъ университетѣ Никитенко и Стасюлевичъ уже кончили свои лекціи для публики (по три каждый) въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Никитенко читалъ о Державинѣ. Стасюлевичъ выбралъ за предметъ лекцій: «Провинціальный бытъ во Франціи при Людовикѣ XIV». Наша большая зала буквально биткомъ была набита дамами и мущинами. Апплодисментамъ конца не было.

8 Февраля нашъ университетскій актъ удался тоже. Власти присутствовали всѣ отъ Евгр. Петровича до кн. Павла Петровича[1]). Явились изъ почетныхъ членовъ и графъ Сергій Строгановъ, и баронъ Корфъ, и даже К. И. Арсеньевъ, хоть весь нездоровой. При балотировкѣ въ университетскомъ совѣтѣ проф. Устрялова на новое пятилѣтіе, онъ оказался забалотированнымъ, вѣроятно, изъ жалости къ его немощамъ и утратѣ голоса. А самъ онъ по какой-то уже тупости соображенія не догадался проситься въ отставку. Никитенко, тоже балотированный, едва удержался на каѳедрѣ только тремя голосами.

Вѣроятно, и до васъ дошла вѣсть о кончинѣ князя Сергія Михайловича Голицына. Разсказываютъ, будто онъ благодарилъ Бога за смерть свою, посланную въ эпоху наступающаго бѣдствія Россіи, разумѣя эмансипацію крѣпостныхъ. Онъ умеръ 7-го февраля. А третьяго дня (11 февр.) скончалась, если её помните еще, Марья Антоновна Коренина. Очень жаль её. Она покинула двухъ дочерей, уже, какъ говорится, невѣстъ, и сына студента. Мужъ же весь погруженъ въ свое архитекторство. Моя жена должна непремѣнно еще разъ ѣхать купаться въ Булонь. Если вы къ Маю не возвратитесь, то, можетъ статься, гдѣ нибудь съѣдемся. Какъ ни совѣстно мнѣ, а принужденъ буду проситься въ отпускъ.

NB. Прилагаю рукопись Зонтагъ и для печатанія ваши процензированныя стихотворенія.

---

[1]) Т. е. министра, Ковалевскаго, и помощника попечителя, князя П. П. Вяземскаго, сына. Попечителемъ С.-Петербургскаго округа въ то время былъ князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ.

44.

16 (28) Марта, 1859. Спб. (Въ Ницу).

Отъ В. П. Титова до меня дошли только двѣ посылки стихотвореній вашихъ, князь Петръ Андреевичь: первую, гдѣ между прочими находилось «Лѣсъ горитъ», я уже возвратилъ вамъ процензированную. Вторая содержитъ только три пьесы: «Дорогою изъ Ницы въ Канны», «У страха глаза велики» и «Вечеромъ въ Ницѣ». Болѣе ко мнѣ ничего не было прислано. Эти послѣднія три стихотворенія такъ восхитительны, что я попросилъ Морица прочитать ихъ Государынѣ. Е. В. приказала меня увѣдомить, что ей все очень понравилось — и особенно второе стихотвореніе. Правда, оно и прибыло сюда какъ-то къ сроку, потому что только за день, по настоянію князя Михаила Дмитріевича[1]), остановлено было изданіе польскаго «Слова» и арестованъ редакторъ. Когда я отдалъ стихи въ цензуру, она эту вторую пьесу не рѣшилась пропустить сама, и отправила ее въ Главное Управленіе цензуры, гдѣ однакоже разрѣшили печатать ее.

Я ничего не зналъ о перемѣщеніи Я̀нышева[2]), и очень радъ за него, потому что климатъ Берлина не многимъ лучше Петербургскаго, а зимою въ комнатахъ несравненно хуже. Если понадобятся остающіяся теперь у меня упомянутыя три стихотворенія ваши для печатанія ихъ съ прочими въ Карлсру, то не позабудьте, князь, заблаговременно увѣдомить меня, на чье имя и куда ихъ отсюда отправить. Въ «Русской Бесѣдѣ», изъ вашихъ пьесъ, оставленныхъ у Максимовича, напечатаны только двѣ: «Прага» и «Зонненштейнъ». Не знаю, отъ чего показалось вамъ нужнымъ одобреніе Бюро, или правителя его дѣлъ, на пропускъ въ печать стихотвореній вашихъ. Тамъ, по видимому, разсматриваться будутъ только уже вышедшія въ свѣтъ сочиненія, чтобы знать общее направленіе. Я сужу такъ потому, что слышу о прі-

---

[1]) Горчакова, намѣстника въ Царствѣ Польскомъ.

[2]) Протоіерея Іоанна Леонтьевича, нынѣ духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ.

исканіи лицъ для прочитыванія выходящихъ книгъ и журналовъ. Мнѣ называли родственника Абрама Сергѣевича, и вамъ извѣстнаго Гумалика, поступившаго въ это число. Главный же дирижёръ теперь утвержденъ, но не Шульгинъ (какъ носился слухъ), а нашъ Н—о. Николай Алексѣевичь[1]) къ нему очень добръ, представлялъ Государю и жалованья положилъ ему (если надобно вѣрить слуху) 4,000 р. с. въ годъ. Отъ меня нашъ пріятель обо всемъ секретничаетъ. Онъ предположилъ издавать особый журналъ, нѣчто въ родѣ Монитёра. Нельзя не пожалѣть, что ему неизвѣстны не только политика и литература, но и языки нѣмецкій и французскій. Онъ надѣется найти хорошихъ себѣ сотрудниковъ, удержавъ надъ ними власть редактора. Можетъ и это удаться. Съ нами, по работамъ цензурнаго устава, онъ умѣлъ же справиться, сдавши министру все какъ собственное свое произведеніе, за что и удостоился отличной денежной награды. Изъ прочихъ участниковъ, начиная съ предсѣдателя, нигдѣ ни о комъ и помину не было.

Всего удачнѣе, что этотъ искусный редакторъ умѣлъ расположить въ свою пользу какъ членовъ Бюро, такъ и редакторовъ всѣхъ газетъ и журналовъ. Онъ составилъ такую программу будущаго изданія своего, что сперва прочиталъ ее своимъ, а послѣ пригласилъ къ себѣ самыхъ ретивыхъ изъ пишущей братіи, дабы убѣдить ихъ, какъ онъ взялся за все это единственно въ видахъ охраненія ихъ отъ всякой бѣды. Вотъ теперь и радуются послѣдніе, что нашелся столь честный и благонадежный человѣкъ. Желательно, чтобы у него стало умѣнья такъ и вести дѣло, какъ онъ его началъ. Затрудненій предвидится не мало, особенно со стороны московскихъ писателей, между которыми многіе не прибѣгаютъ къ иносказательнымъ выраженіямъ, и рѣжутъ напрямки. Вѣроятно, вы слышали, что, послѣ появленія двухъ номеровъ, Ивану Аксакову пришлось свернуть его «Парусъ». Чтобы Славяне не скорбѣли, предложено было Өедору Чижову издавать

[1]) Мухановъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, за отсутствіемъ Е. П. Ковалевскаго управлявшій министерствомъ.

«Пароходъ»; но этотъ, безъ участія прежняго редактора, отказался заступить его мѣсто. Погодинъ между прочими тоже помогъ спуску «Паруса». Онъ набросалъ во 2-мъ его номерѣ нѣсколько вопросовъ, вызывая власти на отвѣты, наприм.: «Что дѣлаетъ Тотлебенъ? отъ чего неслышно про Хрулева? гдѣ Путятинъ?» и тому подобное. Когда ему сдѣлано было отъ министра неодобрительное замѣчаніе, онъ не принялъ его и настаиваетъ, чтобы прежде подвергли его слѣдствію и суду. Катковъ, разсказывая о политико-литературныхъ новостяхъ Пруссіи и Франціи, со всѣмъ негодованіемъ изображаетъ плоды казеннаго направленія писателей, что и вызвало, какъ слышно, распоряженіе, чтобы «политическія обозрѣнія» ограничивались впредь перепечатываніемъ статей по этой части изъ оффиціальныхъ журналовъ. Все это представляетъ замѣтную неурядицу въ умственныхъ трудахъ нашихъ — и она-то должна исчезнуть при появленіи журнала Н—а. Дай Богъ нашему теляти волка поймати.

На мою просьбу о заграничной поѣздкѣ уже послѣдовало разрѣшеніе. Главная наша цѣль — купанье въ морѣ. Поэтому мы и не выѣдемъ ранѣе первыхъ чиселъ Іюня. Не видавши во время первой поѣздки ни южной Германіи, ни даже Швейцаріи, мы, если удастся, пустимся прямо изъ Варшавы на Вѣну, оттуда черезъ Тріэстъ въ Венецію, послѣ черезъ Миланъ и Туринъ проберемся въ Швейцарію, гдѣ желаемъ отдохнуть до половины Іюля, чтобы закончить все купаньемъ въ Остенде, или по старому въ Булони. Это, какъ мнѣ представляется, не сведетъ меня съ вами, чего хотѣлось бы мнѣ всего болѣе. Но вы, прибывъ въ Карлсбадъ (тамъ, кажется, и конгрессъ назначенъ окончательно), потрудитесь написать мнѣ въ Петербургъ, не будетъ ли что положено у васъ для предстоящихъ мѣсяцевъ навѣрное. Я бы постарался что нибудь перемѣнить въ моемъ маршрутѣ для свиданія съ вами. Впрочемъ позвольте надѣяться, что до Мая вы откликнетесь мнѣ еще изъ Ниццы.

И. И. Давыдовъ уже сенаторъ въ Москвѣ. Меня графъ Блудовъ представилъ въ предсѣдательствующіе II Отдѣленія Ака-

деміи. Тютчевъ съ семьею пріѣдетъ въ Крейцнахъ. Левшинъ вышелъ изъ министерства. Въ числѣ его преемниковъ нѣсколько разъ слышалось имя и вашего Валуева. Крестьянскимъ дѣломъ занимается болѣе всѣхъ Ростовцевъ. Онъ предсѣдатель новыхъ двухъ коммиссій: редакціонной и финансовой. Имъ набраны самые бойкіе люди: Самаринъ, кн. Черкасскій, Кошелевъ и мн. др. Товарищемъ Мин. Финанс. Шигаевъ. Словомъ: новостей пропасть. Пріѣзжайте скорѣе — всего не перескажешь. О книгѣ Корсини справлюсь: но для покойницы не все ли это равно?

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

45.

11 (23) Апрѣля 1859 г. Спб. (Въ Ницу).

Изъ послѣдняго ко мнѣ письма вашего, князь Петръ Андреевичь, отъ 27 Марта (8 Апрѣля), я не могъ узнать, дошло ли мое къ вамъ письмо, посланное мною 17 (29) Марта. По обыкновенному ходу почты, вѣроятно его подали вамъ черезъ день послѣ того, какъ вы отправили ко мнѣ свое. Присланныя вами новыя три стихотворенія: Море, Царица Красоты и Рыбакъ, я прочиталъ съ великимъ удовольствіемъ и остался при томъ мнѣніи, что не предстоитъ надобности перемѣнять выраженія, которыя не понравились строгому Влад. Павл. Титову. Не знаю, какой приговоръ произнесетъ Ѳ. И. Тютчевъ. Его, какъ вамъ извѣстно, нѣтъ возможности поймать въ квартирѣ его, а еще мудренѣе залучить къ себѣ на квартиру. Вы упоминаете, что отправили ко мнѣ черезъ Титова цѣлое судно съ старымъ хламомъ и балластомъ. Не знаю, что̀ разумѣете вы подъ этимъ. Но до сихъ поръ, кромѣ упоминаемаго въ предыдущемъ письмѣ и нынѣшнемъ, я ничего не получалъ вашего. Жаль будетъ, если это все явится сюда послѣ моего отъѣзда, который долженъ послѣдовать не позже 1 (13) Мая. Думаю, что ваше отбытіе изъ Ницы въ Карлсбадъ совершится еще ранѣе. Не рѣшитесь ли вы (чтобы намъ какъ нибудь открыть слѣды другъ друга) послать на мое имя

письмо въ Дрезденъ poste restante? Вѣроятно, я не миную этотъ городъ и справлюсь на почтѣ. Въ послѣдствіи времени я намѣренъ жить въ Женевѣ (полагаю въ концѣ Мая и въ первой половинѣ Іюня). Мнѣ было бы отрадно, въ случаѣ неудачи въ Дрезденѣ, хоть тамъ обрѣсти ваше письмецо. А самъ я все-таки попробую писать вамъ въ Карлсбадъ: вы только прикажите навѣдываться на почтѣ.

Вашею перемѣной слова *выразить* (Вечера въ Ниццѣ) я менѣе доволенъ, нежели терминомъ *выказать*. Въ этомъ предметъ становится слишкомъ матеріальнымъ, а тамъ онъ болѣе интеллектуальный, какъ и быть должно. Дамаскинъ [1]), конечно, могъ бы и лучше быть, сильнѣе, сжатѣе; но по нынѣшнимъ понятіямъ онъ хоть куда. Ребиндеру, кажется, надоѣли схватки со студентами. Оно въ самомъ дѣлѣ невесело. Теперь и я благодаренъ за избавленіе меня отъ этой тягости. Только схватки съ департаментскими бумагами и чиновниками едва ли отраднѣе [2]). Давыдовъ [3]), котораго судьба такъ васъ разнѣжила, давно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, куда онъ, какъ въ безопасную пристань, всѣми помышленіями стремился изъ волнъ житейскаго моря. Гаевскій менѣе его успѣлъ. Панинъ не соблаговолилъ принять его въ число избранныхъ. Покамѣстъ ему позволили жить на опустѣлой квартирѣ Давыдова. — До свиданія, если Богъ услышитъ молитву мою.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

46.

17 (29) Апрѣля 1859 г. Спб. (Въ Карлсбадъ).

Получили ли вы мое письмо, князь Петръ Андреевичь, посланное 11 (23) Апрѣля? Оно было отправлено мною по случаю присылки вами 3-хъ стихотвореній: Рыбакъ, Царица Красоты и

---

[1]) Сочиненіе графа А. К. Толстаго, появившееся тогда въ *Русской Бесѣдѣ*.

[2]) Никол. Роман. Ребиндеръ изъ попечителей Кіевскаго учебнаго округа назначенъ былъ директоромъ Департамента народнаго просвѣщенія.

[3]) Ив. Ив., академикъ и бывшій директоръ Педагогическаго института.

Море. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, я улучилъ-таки Тютчева и читалъ ихъ съ нимъ. Онъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что стихи, помѣченные В. П. Титовымъ какъ требующіе поправокъ, лучше оставить по-вашему безъ перемѣнъ. Тютчевъ все читалъ съ живымъ восхищеніемъ. Онъ желалъ бы только перемѣнить стихъ: *И рыданья въ небеса*, и то единственно отъ того, что предлогъ *въ* какъ-то не гармонируетъ въ этой мысли.

Стихотворенія эти уже пропущены въ печать цензоромъ. Полученныя же мною сегодня: Степью, Полтава и на Босфорѣ, отправлены мною, вмѣстѣ со стихами вашими На смерть Иванова также въ цензуру. Надѣюсь, что все это приготовится къ отсылкѣ въ Дрезденъ къ кн. Волконскому [1]) прежде моего отъѣзда. Сегодня же я отправилъ письмо въ Москву къ Бартеневу и просилъ его собрать и мнѣ доставить тѣ пять стихотвореній, которыя вами туда были переданы для Бесѣды и предполагавшагося журнала Павлова? Объ этихъ не смѣю утвердительно сказать, поспѣютъ ли они попасть ко мнѣ и отъ меня въ цензуру прежде отбытія моего.

Нынѣшній праздникъ Пасхи ознаменованъ былъ слѣдующими царскими милостями: В. Кн. Николай Николаевичъ старшій занялъ мѣсто Гринвальда въ должности главнаго начальника гвардейской кавалеріи, а Гринвальдъ назначенъ главноначальствующимъ по коннозаводству; Игнатьевъ въ полные генералы; Княжевичъ и Ковалевскій (министры) въ дѣйств. тайные совѣтн.; Лабенскій (Нассаускій), Фонтонъ (при Герм. союзѣ), Свистуновъ и Вестманъ въ тайн. совѣтники; Никитенко украшенъ Станиславской лентой, а Остроградскій произведенъ въ тайн. совѣтн.

О сегодняшнихъ милостяхъ, которыя тоже должны воспослѣдовать, еще не успѣлъ я развѣдать. Бывши утромъ въ 9 часовъ съ поздравленіемъ Его Величества, я только замѣтилъ, что Енохинъ [2]) былъ въ свѣжей лентѣ Бѣлаго Орла, и вѣроятно полу-

---

[1]) Кн. Андрей Никитичъ былъ нашимъ посланникомъ въ Дрезденѣ.

[2]) Иванъ Васильевичъ, лейбъ-медикъ, каждое утро являвшійся къ государю.

чалъ ее сегодня же. Ребиндеръ еще до Пасхи вступилъ въ отправленіе новой должности своей, и въ Пасху же получилъ уже чинъ. Тайн. совѣтн. Гаевскому [1]) министръ дозволилъ временно жить въ квартирѣ директора Главнаго Педаг. Инст., выхлопотавъ между прочимъ ему 1,000 р. квартирныхъ и назначивъ опять Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Глав. Правл. училищъ съ жалованьемъ, оставивъ за нимъ всѣ прежніе оклады.

Въ предыдущемъ письмѣ моемъ я просилъ васъ, князь, адресовать ко мнѣ письма poste restante въ Дрезденъ и Женеву. По случаю почти открывшейся войны я принужденъ буду измѣнить планъ поѣздки своей, и теперь прошу васъ, до полученія отъ меня перваго письма изъ-за границы, покуда ко мнѣ не отправлять вашихъ писемъ. Къ вамъ же я всегда могу писать черезъ кн. Волконскаго въ Дрезденъ, откуда навѣрное мое письмо дойдетъ до васъ. Мы съ вами тронемся съ мѣста только двумя недѣлями не въ одно время: вы около 26 Апр. (8 Мая), а я 9 (21) Мая. Слѣдовательно, вамъ еще можно писать ко мнѣ даже въ послѣдній день отъѣзда изъ Ниццы, такъ какъ письма идутъ оттуда до Петербурга менѣе двухъ недѣль.

Свѣтлая недѣля на исходѣ, а я не получалъ еще отъ Титова тѣхъ стихотвореній, о которыхъ упоминаете вы въ письмѣ, сегодня полученномъ мною. Жаль будетъ, если эта отдѣльная посылка не войдетъ въ общій съ вашими стихотвореніями пакетъ, который мною будетъ отправленъ къ кн. Волконскому.

Поѣздка кн. Щербатова въ Алжирію доставитъ ему много интересныхъ воспоминаній. Сужу по расказамъ Лакіера, который, сказать къ слову, на Ѳоминой вступаетъ во второй бракъ очень съ богатою гречанкой Варваци изъ таганрогскаго круга всѣхъ нашихъ откупныхъ Крезовъ: Бенардаки, Вофсій, Алфераки и проч. За васъ я очень радъ, что, вмѣсто Алжиріи, вы отправитесь въ Австрію. Это браноносное царство менѣе угро-

---

[1]) Павелъ Ив. Гаевскій былъ прежде директоромъ Департамента народнаго просвѣщенія.

жаетъ опасностями, нежели Варварійская область, хотя и офранцузившаяся.

Арсеньеву, К. И., Государь позволилъ цѣлый годъ провести за границею для поправленія здоровья, и сверхъ оставленія за нимъ всѣхъ его окладовъ, пожаловалъ ему изъ Государственнаго Казначейства 4,000 рублей.

Въ ожиданіи скораго вашего отвѣта.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

47.

17 Марта 1860 г. (Въ Петербургѣ).

Билетовъ уже никакого разряда нѣтъ ни одного. Поэтому и деньги имѣю честь возвратить вашему сіятельству. Но я все-таки покорнѣйше прошу васъ пожаловать на этотъ поединокъ [1]). Только не найдете ли вы возможности прибыть ко мнѣ на квартиру никакъ не позже *семи часовъ вечера*? Мы и отправились бы вмѣстѣ, чтобы намъ пріютиться рядомъ близъ каѳедры.

П. Плетневъ.

48.

3 Іюня 1860 г.

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству обѣщанныя мною статьи касательно Гельсингфорскаго университета. Онѣ, по моему мнѣнію, должны и могутъ возбудить участіе къ нынѣшней опалѣ университетскаго праздника.

Для прочтенія особенно важны три мѣста, заложенныя мною и помѣченныя №№. *Первую статью* необходимо прочесть всю, потому что она даетъ полное понятіе о запрещенномъ празднествѣ и оканчивается Рескриптомъ Самого Александра Николаевича по случаю подобнаго праздника. Изъ *№ 2-го* довольно про-

---

1) Назначенный въ университетѣ диспутъ Погодина съ Костомаровымъ по вопросу о происхожденіи Руси.

честь послѣднія три страницы, на которыхъ помѣщенъ переводъ прекрасныхъ Шведскихъ стиховъ въ честь Александра же Николаевича. Наконецъ *№ 3-ій* опять необходимо прочитать весь (онъ въ другомъ томѣ), потому что тутъ полное описаніе того восторга, съ какимъ Александръ Николаевичь, въ первое свое появленіе въ Гельсингфорсѣ, былъ принятъ жителями и особенно студентами.

Объ одномъ умоляю васъ: такъ какъ обѣ эти книги взяты изъ полнаго экземпляра Современника всѣхъ годовъ съ его созданія, то *не оставляйте его* ни на одинъ часъ во Дворцѣ; иначе я лишусь сокровища, которое хранитъ въ себѣ самыя дорогія для меня воспоминанія.

49.

КЪ КНЯГИНѢ В. Ѳ. ВЯЗЕМСКОЙ.

27 Февраля 1861 г.

Только сію минуту я получилъ копіи: съ Указа Министру Финансовъ отъ 20 нынѣшняго Февраля, и съ Отношенія Министра Просвѣщенія къ Президенту Академіи Наукъ отъ 27-го того же Февраля. Поэтому между нами нѣтъ болѣе тайны [1]).

Прежде всего позвольте обратиться къ вамъ, душевно уважаемая мною и сердечно любимая княгиня Вѣра Ѳедоровна, съ поздравленіемъ. Милость Государя, какъ выраженіе высокаго его благоволенія, не можетъ не радовать сердца вашего.

Прошу васъ покорно передать поздравленіе и князю Петру Андреевичу. Мнѣ думается, что онъ вѣритъ въ искренность полной моей ему преданности, уваженія и любви. Нынѣ пятьдесятъ лѣтъ какъ онъ сочетался съ музою, а я съ гордостью и радостью прибавляю: нынѣ ровно сорокъ лѣтъ, какъ я въ первый разъ введенъ былъ въ кабинетъ князя — и съ тѣхъ поръ онъ конечно не замѣтилъ ни разу измѣненія въ чувствахъ моихъ къ нему.

---

[1]) Рѣчь идетъ о готовившемся праздновании юбилея князя П. А. Вяземскаго: см. выше стр. 235. Указомъ 20-го февраля, къ пожалованной ему въ 1859 году арендѣ въ 2000 руб. прибавлена еще тысяча.

Кстати о юбилеѣ. При нынѣшней адской дорогѣ ни князю, ни вамъ, княгиня, не будетъ ловко и удобно ѣхать съ Литейной въ Академію въ четвергъ. Не сочтете ли вы за болѣе удобное дѣло пожаловать вмѣстѣ къ 4-мъ часамъ въ мою квартиру? И академикамъ удобнѣе будетъ явиться къ князю съ зовомъ на обѣдъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

50.

2 Марта 1861 (день юбилея князя).

Тоже самое объявилъ Николай Алексѣевичъ [1]) и мнѣ. Повинуясь волѣ его превосходительства, я съ непремѣннымъ секретаремъ Константиномъ Степановичемъ Веселовскимъ буду имѣть честь явиться къ вашему сіятельству часа въ три (не правда ли, *въ часъ* слишкомъ рано).

51.

15 Марта 1861 г.

Въ Академію просятъ прислать эти свѣдѣнія, вѣроятно, для составленія формуляра вашего, котораго, надобно думать, у нихъ до нынѣшняго экстреннаго случая и не было.

То, за что вы такъ желаете благодарить меня, составляетъ само собою одно изъ счастливѣйшихъ для меня событій въ жизни. Безъ васъ и безъ вашего безпримѣрнаго ко мнѣ расположенія, для меня не могло бы осуществиться такого праздника для души моей. Итакъ тутъ выйдетъ благодареніе съ двухъ сторонъ. Такъ ужъ лучше пусть оно пребудетъ у васъ и у меня только въ душѣ, которая лучше языка умѣетъ дать цѣну своему ощущенію.

Статью Соллогуба, если непремѣнно вамъ хочется видѣть ее въ отдѣльныхъ оттискахъ, придется заказать напечатать, какъ новую брошюру.

---

[1]) Мухановъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

Не можете ли вы переждать, когда напечатается полное описаніе юбилея? Конечно отъ этого пройдетъ недѣли двѣ-три.

Сами рѣшите, что вамъ необходимѣе. Послѣднее выйдетъ обстоятельнѣе и полнѣе. Во времени разница около 10 дней.

52.

22 Апрѣля 1861 г.

Сегодня изъ типографіи представятъ вашему сіятельству тѣ *сто экземпляровъ* Юбилея [1]), которыя вы желали получить для раздачи ближайшимъ вашимъ. Вчера, переплетенные для Царской фамиліи, отправлены были мною къ графу Блудову, при чемъ приложено какъ для него самого, такъ и для министра Народн. Просв. по экземпляру. Не знаю, рѣшится ли графъ сегодня поднести Ихъ Величествамъ: а хорошо было бы вмѣсто яичка.

За то *всѣ* дѣйствительные академики сегодня по экземпляру получатъ отъ непремѣннаго секретаря. Ни о комъ изъ нихъ вамъ заботиться нечего.

Принесенные вами 2,000 экз. въ даръ «Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» еще брошируются. За тѣмъ немедленно они будутъ сданы въ распоряженіе предсѣдателя Егора Петр. Ковалевскаго, съ которымъ я уже заблаговременно переговорилъ.

Отъ меня непосредственно будетъ по сосѣдству выданъ только одинъ экземпляръ Никол. Иван. Уткину.

Я почелъ за необходимое все это сообщить вамъ, чтобы вамъ не повторять того, что уже сдѣлано.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

53.

16 Мая 1861 г.

Ежели № IV Современника 1861 года за Апрѣль болѣе не нуженъ вашему сіятельству, то соблаговолите (буде можно) пе-

---

[1]) Т. е. брошюры, изъ которой выше, стр. 234, напечатана рѣчь, произнесенная Плетневымъ на юбилеѣ кн. Вяземскаго.

реслать его съ этимъ самымъ человѣкомъ, который принесъ записку мою.

Я собираю выпущенныя изъ моей библіотеки книги по случаю близкаго отъѣзда своего за границу. Грустно мнѣ думать, что три мѣсяца я не буду имѣть возможности отвести душу бесѣдою съ вами. Хоть бы, сжалившись надо мною, вы избрали и назвали бы мнѣ *одно вѣрное въ Петербургѣ мѣсто*, куда я могъ бы отправить на ваше имя письмо, не страшась за неизбѣжныя отлучки ваши въ Москву, въ Царское, въ Петергофъ и наконецъ въ самый Крымъ. Безъ этого указанія, куда и къ чему писать? А вамъ не трудно бы это устроить, еслибы вы, напримѣръ, хоть П. А. Валуева выбрали въ посредники между собою и отсутствующими своими знакомыми.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

54.

3 (15) Августа, 1861 г. Парижъ. Rue Chateaubriand. 1. (Въ Царское Село).

Сегодня, какъ вамъ, князь Петръ Андреевичъ, конечно памятно, весь Парижъ вечеромъ двинется на иллюминацію, о великолѣпіи и безпримѣрности которой нѣтъ способовъ у сѣвернаго человѣка выразиться съ надлежащею удовлетворительностію, а тѣмъ еще менѣе о роскоши и нескончаемости имѣющаго очаровать и оглушить публику фейерверка. Весь Парижъ, въ честь августѣйшаго именинника, въ этотъ вечеръ спѣшится. Рогатки уже приготовлены для прегражденія выѣздовъ съ боковыхъ улицъ на центральныя. Можете вообразить, какое будетъ движеніе между Конкордіею и Эгуалью, когда по проѣзжей между ними дорогѣ и по обѣимъ сторонамъ Елисейскихъ полей безтактно замаршируютъ обоего пола чтители и поклонники такихъ безопасныхъ и свѣтлыхъ праздниковъ.

Мы здѣсь только еще два дня. Нашъ переѣздъ отъ Кронштадта до Hull'я былъ прекрасной. Восемь дней жили мы на палубѣ. Это одно необыкновенно помогло укрѣпленію здоровья мень-

шаго сына моего, который передъ отъѣздомъ такъ опасно былъ боленъ. Жена тоже отъ морскаго воздуха получила нѣсколько болѣе силъ. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ черезъ Лондонъ и Портсмутъ на островъ Уайтъ опять утомилъ-было моихъ больныхъ, особенно тѣ дни, которые мы должны же были провести въ этой адской кузницѣ сатанинской политики и тлетворнаго богатства, называемой Лондономъ. За то Ryde, первый изъ приморскихъ городковъ Уайта, показался намъ земнымъ раемъ. Вотъ такъ бы надобно было отстроить наше Царское Село. Его единственные въ Европѣ сады тогда только были бы окаймлены достойнымъ ихъ образомъ. Въ Ryde всѣ улицы точно аллеи. Роскошные цвѣтники и палисадники передъ домами, граціозная и разнообразная архитектура строеній, какъ паркетъ чистый макадамъ, ни на минуту не оставляемый безъ легкой увлаженности, отсутствіе экипажной гонки (пѣшкомъ ходить здѣсь по улицамъ такъ же легко и пріятно, какъ въ Царскомъ Селѣ по саду), вѣчная тишина при оживленной картинѣ множества пѣшеходицъ, дешевые, простые, но украшенные вкусомъ и полусельскою прелестью туалеты — все вмѣстѣ образуетъ изъ этого городка что-то очаровательное, безпримѣрное. Тутъ и остались мы для нашихъ морскихъ купаній. Я осмотрѣлъ впрочемъ весь Уайтъ вдоль и поперекъ. Его называютъ сами Англичане садомъ Англіи. И дѣйствительно: на островѣ не осталось куска землицы необработаннымъ. Изъ красивѣйшихъ мѣстъ для морскихъ купаній наиболѣе замѣчателенъ Вентноръ на самой южной оконечности Уайта. Тамъ изъ Русскихъ я нашелъ графа Ѳед. Петр. Толстаго съ семействомъ. Онъ бѣдный начинаетъ терять зрѣніе. И въ Осборнѣ побывалъ я, но понапрасну. Королева, подражая узаконеніямъ Петергофской Александріи, запретила впускъ не только во Дворецъ, но и въ паркъ, кто бы ни были пріѣзжающіе.

Морскія купанья въ Ryde очень помогли больному сыну моему. Послѣ шести недѣль и слѣдовъ не осталось болѣзненнаго его состоянія. Жена также стала чувствовать въ себѣ болѣе силъ и крѣпости. Но безъ помощи спеціальнаго леченія нельзя было

одними купаньями вывести корень недуга. Поэтому мы принуждены были искать помощи врача, который въ 1859 году уже былъ намъ полезенъ своими совѣтами. Это Нелатонъ, къ которому перешла въ Парижѣ почти вся практика покойнаго Шомеля. Такимъ образомъ это неотвратимое горе вновь погнало насъ по морямъ и желѣзнымъ дорогамъ. Черезъ Портсмутъ мы опять прибыли въ этотъ убійственный Лондонъ, а изъ него, черезъ Фолькстонъ и Булонь, въ Европейской Вавилонъ, процвѣтающій на пересохшей отъ жаровъ Сенѣ.

Здѣсь первымъ моимъ желаніемъ было увидѣть графа Киселева и поблагодарить его за самое милое письмо, которое онъ мнѣ прислалъ, получивъ брошюру мою о вашемъ юбилеѣ. Онъ между прочимъ разсказываетъ, что болѣе 50 лѣтъ, находясь съ вами въ близкихъ сношеніяхъ, не перестаетъ цѣнить достоинства ваши, и теперь отъ всей души радуется столь торжественному выраженію общей признательности за прекрасную вашу жизнь и литературные труды. Онъ упоминаетъ еще, что Мериме, академикъ и сенаторъ, выпросилъ у него для прочтенія эту брошюру, находя ее по содержанію очень симпатичною для себя. На бѣду мою, еще до моего пріѣзда въ Парижъ, графъ Киселевъ отправился въ Баденъ-Баденъ, и я вѣроятно не увижу его. Другого пріятеля вашего я нашелъ здѣсь: Як. Никол. Толстой почти не перемѣнился. Ему я лично вручилъ экземпляръ случившейся со мною брошюры. Онъ сѣтуетъ, что корреспонденція между нимъ и вами часто прерывается. На дняхъ выйдетъ изъ печати брошюра его о Варшавѣ и Польшѣ, гдѣ, по словамъ его, достанется порядкомъ Англіи и Франціи. Онъ сбирается скоро уѣхать въ Ниццу, чтобы полюбоваться на купленное тамъ прекраснѣйшее имѣніе сестрою его Жеребцовою (пріятельницею покойнаго князя Петра Михайловича [1]). Туда же прибудетъ, вѣроятно на постоянное житье, сынъ ея, бывшій нѣкогда Вилен. губернаторъ, Николай Арсеньевичъ Жеребцовъ.

---

[1]) Кн. Волконскаго, бывшаго министромъ Двора.

Вотъ сколько новостей я посылаю вамъ, князь, только два дня проживши въ Парижѣ. Какъ могли бы вы одолжить меня, сообщивъ мнѣ хоть что нибудь относительно неизбѣжныхъ перемѣнъ по нашему министерству. Ужели нисколько не пожалѣете вы меня, выбрасываемаго изъ ректоровъ, только потому, что покойный Императоръ Николай Павловичь изволилъ повелѣть мнѣ, вмѣсто чтенія лекцій, исключительнѣе заниматься общими дѣлами университета? Сжалились же вы и Абрамъ Сергѣевичь надъ Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ!

П. Плетневъ.

55.

1 Октября 1861 г. (Въ Петербургѣ).

Съ какимъ огорченіемъ я принужденъ былъ лишить себя давно ожидаемаго, сердечнаго удовольствія увидѣться съ вами, князь Петръ Андреевичь. Теперь мое положеніе таково, что я не выхожу изъ дому. Дѣлъ множество, а словесныхъ объясненій еще болѣе.

Я впрочемъ не желаю совсѣмъ отказаться отъ мысли побывать у васъ въ Царскомъ Селѣ. Боюсь только, чтобы на бѣду не разъѣхаться какъ нибудь съ вами. Можетъ статься, вы и въ нашъ городъ пріѣзжаете иногда. Я особенно желалъ бы узнать пообстоятельнѣе, по какимъ днямъ и въ какую пору всего вѣрнѣе найти васъ какъ здѣсь въ Петербургѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ.

Мои больные, жена и сынъ, благодаря Бога, поправились въ здоровьѣ. Не знаю только, надолго ли станетъ этого.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

56.

11 Октября 1861 г. Среда. $^3/_4$12 ч. утра.

Трудно опредѣлить точную цифру возвратившихся въ университетъ, а еще труднѣе это сдѣлать относительно имѣющихъ оста-

вить его. Первыхъ, до истеченія срока для подачи прошеній, оказалось 600 съ небольшимъ. Но, не смотря на просрочку, прошенія о вступленіи ежедневно приходятъ. Между ними попадаются съ прописаніемъ законныхъ причинъ просрочки. Я ихъ откладываю до времени, пока не прекратится этотъ наплывъ. Разумѣется, что безпричинные подлежатъ исключенію на основаніи публикаціи. Другіе же, которыхъ числа нельзя будетъ опредѣлить еще нѣсколько дней, только по разсмотрѣніи просьбъ ихъ попечителемъ и министромъ, могутъ попасть въ число возвращенныхъ.

Простите меня, ваше сіятельство, что я, находясь нѣсколько дней въ лихорадочномъ состояніи, лишенъ возможности, не только пріѣхать къ вамъ, но и написать потолковѣе.

57.

30 Ноября 1861 г. (Въ Петербургѣ).

Не удивляйтесь, князь Петръ Андреевичъ, что до сихъ поръ еще я не явился къ вамъ и не прислалъ записки о Кохановской (Сохапской). Вотъ сряду уже четыре дня, какъ я боленъ и не могу выйти изъ комнаты.

Что нужно было сказать объ интересномъ авторѣ, это трудно угадать. Но что я знаю, вы найдете на приложенномъ здѣсь листкѣ.

Раздумавши внимательнѣе и сообразивъ наши предположенія о пособіи ей съ нѣкоторыми чертами характера ея, я убѣдился, что денегъ посылать ей не надобно: это оскорбитъ ее и унизитъ въ мнѣніи тамошняго круга. Каждый изъ насъ очень понимаетъ, что самый дешевый подарокъ милѣе денегъ, сколько бы ихъ ни было, а особенно отъ особы, которой малѣйшій знакъ вниманія драгоцѣненъ. Въ подаркѣ есть намекъ на выборъ и память; въ деньгахъ ничего, кромѣ подачки.

(Отдѣльная записка:)

Дѣвица Надежда Степановна Сохапская воспитывалась въ Харьковскомъ институтѣ. Ея отецъ, изъ Черниговскихъ дворянъ,

умеръ на службѣ маіоромъ Глуховскаго Кираспрскаго полка. Съ войны 1812 года онъ находился до кончины своей во всѣхъ заграничныхъ походахъ. Сынъ его также, въ послѣдствіи времени, былъ въ военной службѣ. Израненный въ Крымскую войну, онъ дожилъ только до 1861 года и умеръ.

У дѣвицы Сохаиской осталась мать и сестра отца ея, теперь двѣ старушки, съ которыми она живетъ въ Харьковской губерніи, близъ Изюма, на хуторѣ Макаровкѣ, въ пустой степи. Это имѣніе все ограничивается 400 десятинъ. Соханская принята была въ институтъ въ мартѣ 1834 года на девятомъ году отъ роду въ числѣ другихъ сиротъ на сумму, отпускавшуюся изъ вѣдомства южныхъ военныхъ поселеній. Пробывъ тамъ до Іюля 1840 года, т. е. до окончанія полнаго курса, она получила на выпускѣ первый шифръ.

На развитіе природныхъ ея способностей самое большое дѣйствіе произвели въ институтѣ уроки Русской словесности. До сихъ поръ она вспоминаетъ о нихъ съ восхищеніемъ. Надобно предположить, что преподаватель ихъ (Ильенко), хоть и не принадлежитъ къ разряду писателей нашихъ, проникнутъ былъ чувствомъ всего прекраснаго и умѣлъ сообщать его слушательницамъ.

Жизнь въ степи, въ ежедневной нуждѣ, безъ малѣйшаго развлеченія и даже безъ общества, необходимость помогать старушкамъ въ хозяйствѣ и полное отсутствіе всякаго чтенія болѣе и болѣе заставляли ее думать и предаваться прихоти воображенія. Случайно попавшійся ей въ руки одинъ номеръ прежняго Современника (это было еще въ 1846 году) пробудилъ въ ней желаніе узнать, какъ будутъ приняты его издателемъ первые собственные опыты ея въ повѣствовательномъ родѣ. 25 Февраля 1846 года она рѣшилась послать къ нему при анонимномъ письмѣ одну повѣсть свою. Не смотря на то, что издатель, какъ человѣкъ прямодушный, не выразилъ своего сочувствія къ этому бывшему тогда въ модѣ роду сочиненій, гдѣ мало истины и все въ преувеличенномъ видѣ, Соханская не только не прекратила съ нимъ переписки, но сильнѣе и болѣе начала вызывать его замѣчаній и мнѣній.

Съ 1847 года Современникъ поступилъ подъ редакцію нынѣшнихъ его издателей. Это обстоятельство не прекратило сношеній Сохаиской съ прежнимъ его издателемъ.

Письмо кн. Вяземскаго.

21 Іюня (3 Іюля) 1863 г. Киссингенъ (Въ Павловскъ).

Только сейчасъ узнаю отъ пріѣхавшаго сюда Благовѣщенскаго [1]), что вы, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, были очень больны, но вмѣстѣ отъ него же узнаю, что вамъ было гораздо лучше. Слѣдовательно имя его можетъ за нимъ оставаться. И я надѣюсь, что теперь съ наступленіемъ лѣта вы уже и совершенно оправились. Если вамъ самому писать еще трудно, то попросите отъ меня вашу любезнѣйшую жену увѣдомить меня нѣсколькими строками о томъ, что вы дѣлаете и будете дѣлать, гдѣ проводите лѣто и проч. и проч. Я и самъ отвыкъ отъ пера и почти разучился писать, а только диктую, чего никогда не дѣлалъ и дѣлать не умѣю, но особенно же на водахъ перья и чернила запрещаются. О своемъ же здоровьи не знаю, что сказать. Казалось, было мнѣ отъ Киссингенскихъ водъ не много получше, но вотъ опять почки мои свихнулись и я теряю не только бодрость, но и надежду. Не знаю, куда доктора отправятъ меня отсюда. Давно не имѣю никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается съ нашею матушкою литературою, съ мачихою цензурою и съ русскимъ грамотнымъ міромъ. Здѣсь получается одна Сѣверная Почта, но Гончарова въ ней не вижу. Передайте наше сердечное привѣтствіе вашей любезнѣйшей женѣ. Не отправляютъ ли и васъ куда нибудь на водопой? За невѣдѣніемъ куда поѣдемъ, пишите мнѣ по адресу Титова въ Стутгардъ.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

Кланяйтесь отъ меня Тютчеву. Что знаете о графѣ Блудовѣ [2])?

---

[1]) Николая Мих., въ то время профессора С.-Петербургскаго университета

[2]) Только двѣ послѣднія строки написаны своеручно.

58.

30 Іюня (12 Іюля) 1863. С.-Петербургъ. (Въ Киссингенъ).

Вчера, въ день вашихъ именинъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, я получилъ письмо ваше изъ Киссингена отъ 21 Іюня (3 Іюля). Можете вообразить, какое это было для меня удовольствіе, тѣмъ болѣе, что мы о васъ особенно часто въ этотъ день вспоминали съ женою. Но какъ вмѣстѣ и грустно, что здоровье не возвращается. Тяжелое испытаніе намъ съ вами выпало въ эти два года; я тѣмъ болѣе въ отчаяніи, что при началѣ нынѣшней весны мое выздоровленіе начиналось. Но при Петербургскомъ климатѣ «на счастье прочно всякъ надежду кинь». Теперь я гораздо въ худшемъ состояніи, нежели былъ прежде. Кромѣ страданія отъ двухъ ранъ въ груди (вторую принуждены были на дняхъ открыть вслѣдствіе сильнаго накопленія матеріи подъ первою раной) я совершенно утратилъ всѣ силы и не болѣе двухъ разъ могу перейти комнату, принужденный усталостію садиться. Не говорю о томъ, какъ весь я исхудалъ. Всего нестерпимѣе, что ни одинъ день ничего не приноситъ лучшаго.

Теперь въ Петербургѣ необыкновенною репутаціею пользуется молодой врачь Боткинъ, братъ писавшаго объ Испаніи. Онъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что мое первое спасеніе въ лучшемъ климатѣ. Когда же услышалъ онъ, что я хорошо въ Парижѣ знакомъ съ Нелатономъ, то прямо сказалъ, чтобы я, ни дня не теряя здѣсь напрасно, поспѣшилъ къ нему, такъ какъ въ настоящее время у насъ нѣтъ ни одного въ Петербургѣ отличнаго хирурга. И вотъ мы сбираемся недѣли черезъ двѣ пуститься въ Парижъ. Велитъ ли Господь возвратиться оттуда — на то Его святая воля.

Въ нашей литературѣ теперь одинъ человѣкъ, котораго не стыдно назвать писателемъ. Его «Московскія Вѣдомости» изо дня въ день представляютъ намъ такой высокой интересъ, такой ученый анализъ современной политики, такія патріотическія и нази-

дательныя идеи, что Катковъ дѣйствительно, по публичной своей дѣятельности, у насъ первое лице въ Россіи. Все прочее не вышло изъ ряду обыкновенности. Достоевскихъ журналъ «Время» совсѣмъ запрещенъ за статью противъ Россіи [1]). Председатель Цензурнаго Комитета сенаторъ Цеэ оставленъ только въ послѣднемъ званіи, а по цензурѣ мѣсто его отдано Турунову.

Графъ Блудовъ, послѣ леченія за границею, поправился. На лѣто онъ уѣхалъ въ Москву, откуда побываетъ въ своихъ деревняхъ. Тютчева я совсѣмъ не вижу, потому что живу въ Павловскѣ.

59.

15 (27) Апрѣля 1864 г. Парижъ. 59. Rue du chemin de Versailles. (Въ Венецію).

«За днями дни идутъ, идутъ —
Напрасно [2]) . . . .»
Жуковскій.

Этимъ восклицаніемъ я начинаю почти каждый день. Особенно мнѣ тяжелѣе были прошлые пять мѣсяцевъ послѣ операціи, когда ни погода, ни здоровье не позволяли мнѣ даже подышать на открытомъ воздухѣ. Я просидѣлъ все то время у себя въ комнатѣ. Можете представить, князь Петръ Андреевичь, что̀ я вытерпѣлъ. Теперь у насъ весна во всей красѣ, и я ежедневно хоть на короткое время отправляюсь въ садъ «Château des fleurs», подлѣ котораго живу. Это видимо дѣйствуетъ на улучшеніе здоровья моего, которое до сихъ поръ оставалось чуть-чуть не въ одномъ ли состояніи.

Вы, князь, кажется, полюбили Венецію. Да она благопріятствуетъ и поэзіи вашей. Прекрасны стихи ваши на кончину графа Блудова. Вчера изъ Петербурга получилъ я письмо, въ которомъ увѣдомляютъ меня, что Егоръ Петровичь Ковалевскій и графиня

---

[1]) Извѣстно недоразумѣніе къ которому подала поводъ статья Н. Н. Страхова: *Роковой вопросъ*.

[2]) Начало стихотворенія: *Узникъ* (Изд. Глазунова. II, 13).

Антонина Дмитріевна[1]) желаютъ получить отъ меня (если у меня есть) письма покойнаго, а также, чтобы я составилъ біографическую записку о графѣ, которой матеріалы могъ бы Ковалевскій употребить въ полной біографіи Блудова, приготовляемой имъ къ изданію по порученію Государя. Но я съ покойнымъ графомъ никогда не состоялъ въ такихъ отношеніяхъ, какъ съ вами, князь, съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Поэтому, корреспонденціи между нами не существовало; что же касается до особенностей жизни его, характера и умственной дѣятельности, мнѣ извѣстно только то, что всѣ знаютъ, слѣдовательно и самъ Егоръ Петровичъ.

Мнѣ кажется, ни у кого нѣтъ столько самыхъ любопытныхъ матеріаловъ для полной біографіи покойнаго, какъ въ памяти графини Антонины Дмитріевны, которая всю жизнь была съ нимъ неразлучна и дѣлила съ нимъ всѣ его помышленія.

Вотъ совсѣмъ другое дѣло, если бы вы, князь, принялись за составленіе особой біографической записки, не въ помощь Ковалевскому, а издали бы ее какъ отдѣльный вашъ трудъ: тутъ увидѣли бы мы истинную оцѣнку всего, что такъ замѣчательно было въ покойномъ Блудовѣ.

Я полагаю, что вы постоянно получаете извѣстія о томъ, что̀ дѣлается въ Петербургѣ. Какъ осчастливили бы вы меня, если бы хоть что нибудь передали мнѣ. Гдѣ вы предполагаете провести лѣто? Довольно ли для васъ пріятнаго общества въ Венеціи? Что дѣлаетъ Титовъ, и гдѣ бѣдная овдовѣвшая дочь его? Шевыревъ здѣсь; но мы оба такъ больны, что и видѣться не можемъ. У него такіе нарывы на ногѣ, что принуждены были сдѣлать ему операцію.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

---

[1]) Блудова.

Письмо кн. Вяземскаго.

Венеція. Casa Barbier. (22 Апрѣля) 4 Мая 1864 г. (Въ Парижъ).

Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня *немедленно*, долго ли еще пробудете въ Парижѣ. У меня накопилось много виршей, которыя хочу напечатать за границею, но предварительно передать на вашу цензуру, какъ то обычно заведено съ давняго времени.

Чрезъ недѣлю думаемъ ѣхать въ Меранъ на сыворотку и пробудемъ тамъ, вѣроятно, съ мѣсяцъ. Хорошо, если бы и васъ доктора посадили туда же на эту дрянь вмѣстѣ со мною.

Благодарю васъ за письмо отъ 15-го Апрѣля, на которое буду отвѣчать послѣ. Теперь купаюсь въ Державинѣ, который присланъ мнѣ Гротомъ. Добросовѣстный и прекрасный трудъ, но форматъ безчеловѣчный: нужно имѣть *двѣ огромныя руки*, и то желѣзныя, чтобы книгу держать [1]).

Сердечно радуюсь, что ваше здоровье поправилось, и жалѣю, что бѣдный Шевыревъ все еще страдаетъ. Я послалъ вамъ чрезъ него, не зная тогда вашего адреса, свою французскую брошюру. Получена ли она вами? Титовъ все въ Штутгардѣ; разумѣется, горюетъ, но кажется, здоровъ. Дочь его въ Петербургѣ и благополучно родила сына [2]).

Желаю получить вашъ отвѣтъ до отъѣзда изъ Венеціи, а потому и прошу пижайше отвѣчать тотчасъ. Мой сердечный поклонъ любезнѣйшей вашей женѣ. То-то она, полагаю, настрадалась глядя на васъ. Мы всѣ никуда не годимся. Молодежь заѣла насъ стариковъ и жирѣетъ нашею худобою.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

---

[1]) Большой форматъ 1-го академическаго изданія сочиненій Державина былъ необходимъ для воспроизведенія при текстѣ рисунковъ, найденныхъ въ рукописяхъ поэта. Другое, общедоступное изданіе безъ рисунковъ явилось въ меньшемъ форматѣ

[2]) Только слѣдующія за симъ строки писаны кн. Вяземскимъ своеручно.

60.

25 Апрѣля (7 Мая) 1864 г. Парижъ. Rue du chemin de Versailles. 59. (Въ Венецію).

Наше пребываніе въ Парижѣ связано съ состояніемъ моего здоровья. А такъ какъ оно поправляется (если только это не работа воображенія) очень медленно, то навѣрное сказать можно, что до будущаго Декабря намъ и думать нельзя о выѣздѣ отсюда. Втораго Нелатона трудно найти еще гдѣ нибудь. Прибытія ко мнѣ стиховъ вашихъ нетерпѣливо жду, не для цензуры, какъ выражаетесь вы, а для моего оживотворенія, потому что я ничего передъ собою не вижу, чѣмъ прежде жилъ. Съ одними французскими журналами не долго наживешь.

Французской брошюры вашей, князь Петръ Андреевичь, я еще ни отъ кого не получалъ. Если она у Шевырева, то конечно дойдетъ когда нибудь и до меня. Мы съ нимъ живемъ почти на противоположныхъ концахъ города. Я выѣзжать не могу. Только жена моя навѣщаетъ его. Но такъ какъ она исправляетъ при мнѣ и должность Нелатонова помощника, четыре раза въ день производя инжекціи, то конечно рѣдко удается ей отлучаться отъ меня.

Дай Богъ, чтобы вы, князь, совершенно возстановили свои силы въ Меранѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо кн. Вяземскаго.

Венеція. 7 (19) Мая 1864 г. Casa Barbier. (Въ Парижъ).

А что скажетъ Нелатонъ, когда увидитъ, что я на его паціента взваливаю такую ношу? Боюсь и стыжусь своей нескромности, а все же надѣясь на вашу дружбу и на ваше благодушіе, посылаю вамъ первый тяжелый транспортъ моихъ стиховъ *съ продолженьемъ впредь*.

Сдѣлайте милость, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, прочтите все съ терпѣніемъ, со вниманіемъ и со свирѣпою строгостью, отмѣчая безпощадно все, что вамъ не понравится.

Наконецъ оставляемъ Венецію и послѣ завтра отправляемся въ Меранъ (въ Тиролѣ) на сыворотку, вѣроятно на одинъ мѣсяцъ. Увѣдомьте меня (*Méran*, poste restante) о полученіи моего транспорта, а самую кладь оставьте пока у себя до моего востребованія. Надѣюсь, что и любезный Шевыревъ поможетъ вамъ въ полицейской расправѣ надъ моими стихами. Французская брошюра моя должна была быть вамъ доставлена чрезъ него, посредствомъ M-r Wallon, 82 Rue St. Louis en l'île. Отыщите ее. Я теперь въ скучныхъ хлопотахъ отъѣзда, перебираю, укладываю книги, бумаги. Изъ Мерана надѣюсь написать вамъ болѣе [1]). Выздоравливайте, это главное. Сердечно обнимаю васъ. Мое нѣжное почтеніе вашей сестрѣ милосердія и поклонъ ей и вамъ отъ жены моей.

Вяземскій.

61.

10 (22) Мая 1864 г. Парижъ. (Въ Меранъ).

Сейчасъ я получилъ ваше письмо, князь Петръ Андреевичъ, изъ Венеціи отъ 7 (19) Мая, и спѣшу увѣдомить васъ, что пакетъ вашъ съ новыми вашими стихотвореніями полученъ мною въ исправности.

Грустно было читать мнѣ въ письмѣ вашемъ: «Надѣюсь, что и любезный Шевыревъ поможетъ вамъ въ полицейской расправѣ надъ моими стихами». Нѣтъ, ужъ не поможетъ: вы это писали въ четвергъ, а на другой же день, 8 (20) Мая, онъ бѣдный скончался послѣ тяжелой и довольно долгой болѣзни: у него начала напослѣдокъ распространяться гангрена. Семейство его, жена, дочь и сынъ (совсѣмъ большіе), неутѣшны. Ждутъ еще сына (офицера), которому телеграфировали.

---

[1]) Только слѣдующія за симъ слова писаны княземъ собственноручно.

Какъ было бы хорошо, если бы вы о немъ послали въ Петербургъ или въ Москву статейку! Вы стали знать его давно; знали близко и во всѣхъ отношеніяхъ. Я только здѣсь началъ съ нимъ сближаться. Онъ удивлялъ меня основательнымъ знаніемъ древнихъ и стольких новыхъ языковъ, начитанностію своею и разнообразіемъ предметовъ, о которыхъ судилъ съ знаніемъ дѣла. Даже Французы, которые у меня съ нимъ разговаривали, послѣ отзывались о немъ съ уваженіемъ. Тѣло его, послѣ сорока дней, отвезутъ въ Москву, а до тѣхъ поръ оно будетъ оставаться здѣсь въ нижнемъ придѣлѣ церкви нашей.

Французскую брошюру вашу я получилъ черезъ жену мою отъ самого Шевырева еще при жизни его. Я смотрю на нее какъ на образецъ полемики. Какая у васъ логика, какое правильное развитіе мыслей, какая очевидность истины, и въ то же время какой благородный тонъ! Вы могли бы и этому роду часто посвящать свои досуги, особенно на дипломатическомъ языкѣ, которымъ вы владѣете какъ своимъ.

Мы тоже сбираемся переѣхать на дачу. Но какъ трудно тутъ два удовлетворить обстоятельства, по моему положенію самыя важныя: жить не слишкомъ далеко отъ города (иначе и доктора не дождешься во все лѣто) и пользоваться собственнымъ при дачѣ садомъ.

Письмо кн. Вяземскаго.

23 Мая (4 Іюня) 1864 г. Méran, dans le Tyrol. (Въ Парижъ).

Villa Pittel — куда и адресуйте мнѣ письмо [1]).

И мнѣ сердечно было грустно неожиданно прочесть ваши строки о кончинѣ бѣднаго Шевырева. Я зналъ, что онъ боленъ, но никакъ воображать не могъ, чтобы болѣзнь его была къ смерти.

Мой біографъ, быть можетъ, Шевыревъ, сказалъ я въ сти-

---

[1]) Приписано рукой кн. Вяземскаго.

хахъ своихъ о Іерусалимѣ. А вотъ теперь выходитъ, что вы меня вызываете написать его некрологію. Я очень любилъ и уважалъ его и высоко цѣнилъ его способности и дарованія. Едва ли онъ не одинъ былъ между нами настоящій homme de lettres, по разнообразнымъ своимъ свѣдѣніямъ, по прилежности и постоянству его въ литературныхъ трудахъ и вообще по всей жизни, которую онъ исключительно посвятилъ литературѣ. Но я мало знаю подробностей изъ этой жизни, и не имѣю подъ рукою ничего изъ того, что онъ написалъ. Слѣдовательно не могу, къ сожалѣнію моему, исполнить ваше порученіе, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. — Я очень радъ, что вамъ понравилась моя брошюра, но, кажется, не имѣла она того же успѣха у парижскихъ журналистовъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, не сказали о ней ни слова. Хоть поругали бы меня, и то было бы лестно. А теперь

Презрѣнье мнѣ отвѣтъ на дерзкія слова[1]).

Всему виноватъ le Nord, который долго продержалъ и схоронилъ мою рукопись въ своей кладовой. А вотъ еще вамъ новый транспортъ. Если вы покончили разсмотрѣніемъ перваго, то возвратите мнѣ его, разумѣется не франкируя, а такъ чтобы я заплатилъ здѣсь вѣсовыя. Впрочемъ, если мои транспорты вовлекутъ васъ въ какія нибудь издержки, дайте мнѣ знать, и я немедленно вышлю вамъ деньги. Дружба дружбою, поэзія поэзіей, а деньги деньгами. Это совершенно особая статья, которую надобно всегда правильно очищать. Я намѣренъ раздѣлить свою новую книгу на слѣдующія отдѣленія:

1) Хандра (которой у васъ еще нѣтъ, т. е. моей письменной хандры, а другой моей личной вамъ и имѣть не желаю).

2) Фотографіи Венеціи.

3) Дорожныя фотографіи.

4) Замѣтки, и

5) Разныя стихотворенія.

---

[1]) Стихъ изъ *Димитрія Донскаго*, Озерова.

Все это, съ вашего позволенія и съ позволенія Нелатона, перебываетъ у васъ въ рукахъ. Только, ради Бога, будьте не только строги, но и свирѣпы. Опасное дѣло въ одиночествѣ писать русскіе стихи въ Италіи и Германіи. О пребываніи въ Меранѣ сказать еще ничего не могу. Пью сыворотку; природа прекрасная, но ночи мои начинаютъ быть опять плохи. Можетъ быть, съ непривычки дѣйствуетъ на меня горный воздухъ, послѣ рыбьей жизни моей въ лагунахъ. Увидимъ, что будетъ впередъ, а докторъ мой хочетъ, чтобы я пробылъ здѣсь не менѣе пяти недѣль [1]).

Если вдова Шевырева еще въ Парижѣ, передайте ей мое сердечное и глубокое участіе въ скорби ея. Видите ли иногда гр. Киселева и что здоровье его? Не можете-ли прислать мнѣ *sous bande* французскаго перевода въ прозѣ Катулла? Полагаю, что у отца Васильева должно быть нѣсколько денегъ моихъ, оставшихся у него изъ присланныхъ за напечатаніе брошюры. А если нѣтъ, то немедленно вышлю вамъ деньги. Желаю вамъ скорѣйшаго и прочнаго выздоровленія. Вѣдь Нелатонъ поставилъ же на ноги Гарибальди, въ чемъ впрочемъ большой нужды не было. Грѣшно ему будетъ, если онъ съ вами того же не сдѣлаетъ.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

62.

4 (16) Іюня 1864 г. Paris. Parc de Marnes. Près ville d'Avray. Maison de M-me Loiseau-Censier. (Въ Меранъ).

Съ этою же почтой имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству Катулла, который впрочемъ не продается отдѣльно, въ одномъ изданіи съ Тибулломъ и Проперціемъ, съ прибавленіемъ къ переводу и латинскаго подлинника. Для васъ это совсѣмъ не лишнее. Вы можете иныя фразы повѣрять подлинникомъ.

Съ отцомъ Васильевымъ я не могъ видѣться, потому что онъ приглашенъ въ Берлинъ вѣнчать графа Шувалова, а какого? сказать вамъ не умѣю.

---

[1]) Только слѣдующее за симъ окончаніе письма писано рукою князя.

Графа П. Д. Киселева я тоже не видѣлъ здѣсь ни разу, потому что самъ я ни къ кому не могу явиться какъ больной; а онъ сначала все собирался навѣстить меня, но не успѣлъ, какъ вдругъ съ нимъ случилось непріятное обстоятельство: у него обнаружился родъ легонькаго паралича. Къ счастію, доктора успѣли захватить болѣзнь и помогли ему. Теперь онъ, слава Богу, кажется, внѣ опасности. Слабость осталась нѣсколько въ ногахъ.

Порученіе ваше ко вдовѣ Шевырева мною исполнено. Для бо̀льшаго утѣшенія ея, я даже послалъ ей изъ вашего письма выписку всего, что съ такою теплотою говорите вы о достоинствахъ покойнаго ея мужа.

Мнѣ было бы очень пріятно на занимаемой мною дачѣ: она уединенна, удобна, и мы одни въ саду, который ее окружаетъ. Но погода пока не благопріятствуетъ больному: воздухъ холоденъ; почти ежедневно дождь, а вѣтеръ и солнечные часы превращаетъ часто въ осенніе. Итакъ мое выздоровленіе остается незамѣтнымъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Шесть писемъ кн. Вяземскаго (Въ Парижъ).

I.

Меранъ. 3 (15) Іюня 1864 г. Villa Pittel.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, за ваши замѣчанія. Я очень тронутъ, что вы и въ болѣзни своей съ такимъ вниманіемъ занялись моимъ дѣломъ. Почти со всѣми вашими замѣчаніями я совершенно согласенъ и воспользуюсь ими. Другимъ я не безпрекословно могу подчиняться. Напр. *я было разлюбилъ:* конечно въ разговорѣ поставишь частичку *было* послѣ глагола, но въ стихахъ, кажется, можно воспользоваться правомъ переставливать слова, даже часто раздѣляя прилагательное отъ существительнаго. Да и въ словарѣ академическомъ сказано просто, что *было* ставится при глаголахъ,

а не сказано послѣ глагола. Однородную частичку *бишь* тоже, полагаю, можно употреблять какъ хочешь. Можно сказать: *какъ бишь зовутъ его?* и *какъ его бишь зовутъ?* Тутъ даже правильно ставить *бишь* предъ глаголомъ. Почему же не поставить и *было?* Но во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя сказать въ стихѣ и въ отношеніи къ ударенію: *я разлюбилъ было.* Другое: *но мнѣ ль съ поэтами другими споря:* конечно, слѣдующія четыре строфы лишнія и, какъ вы замѣчаете справедливо, измѣняютъ характеръ пьесы. Но она посвящена Императрицѣ и въ такомъ видѣ была къ Ней послана. Слѣдовательно, неловко ихъ выключить. Но въ печати можно отдѣлить ихъ звѣздочками и дать имъ видъ приписки.

А вотъ вамъ и третій транспортъ. Поручаю его также вашей благосклонной взыскательности и строгости. Надѣюсь, что загородная жизнь ваша укрѣпитъ ваши силы и возобновитъ ваше здоровье. Мое все бываетъ перемежками, т. е. съ безсонницами, потому что другой болѣзни во мнѣ нѣтъ. Жаль мнѣ, что не хвораемъ и не охаемъ мы вмѣстѣ. Здѣшній воздухъ очень хорошъ и крѣпителенъ, и я увѣренъ, что онъ былъ бы для васъ полезенъ. Но вы совсѣмъ офранцузились. Дѣлать нечего. Буду ожидать возвращенія второй тетрадки, а послѣ и третьей, а вы ждите четвертой, а, можетъ быть, пятой, шестой и т. д.

(Своеручно:) Душевно вамъ преданный Вяземскій.

II.

Меранъ. Villa Pittel. 27 Іюня (9 Іюля) 1864.

Я въ долгу передъ вами, любезнѣйшій Петръ Александровичъ: не отвѣчалъ вамъ на два письма ваши, не благодарилъ за присылку римскаго Катулла и за возвращеніе тетрадокъ русскаго Федула. Причина тому, что я съ недѣлю хандрилъ отъ упорной безсонницы, которая опять навалила на меня невѣдомо съ чего и откуда. Теперь отъ души премного за все благодарю. Не стыдно

ли, не совѣстно ли вамъ говорить: «я позволилъ себѣ перестановку слова» и пр.; ужъ если пошла рѣчь о позволеніи, то я не позволяю вамъ не дозволять себѣ, а требую, а повелѣваю, чтобы вы все себѣ до нельзя позволяли. Не только ваше правильное замѣчаніе, но и всякая придирка будетъ мнѣ въ пользу, потому что заставитъ меня внимательнѣе раскусить и разжевать свой стихъ, который въ минуту алчности и обжорства, т. е. въ минуту творчества, глотаешь какъ ни попало. Вы замѣчаете, что стихъ: *Давно слетѣли пчелы Съ медоточивыхъ липъ* непонятно теменъ. Теперь я и самъ нахожу, что выраженіе не точно. Назвалъ я липы *медоточивыми* потому, что пчелы собираютъ съ липоваго цвѣта самый свой душистый медъ. А вотъ при семъ и четвертый транспортъ. На послѣдній, т. е. на третій, выслали вы мнѣ очень мало замѣчаній. Это меня пугаетъ. Боюсь, что на слѣдующія тетрадки будетъ еще менѣе. Пожалуйста, не лѣнитесь и не унывайте.

Настоящія тетрадки продержите у себя, пока не напишу я вамъ куда ихъ выслать, потому что на дняхъ думаемъ отсюда выѣхать, не зная еще положительно, въ какую сторону. Вы не сказали мнѣ, что я вамъ долженъ за Катулла. Прошу увѣдомить. Вы спрашиваете меня: есть ли общество въ Меранѣ? Очень мало, хотя и есть кое-кто, чтобы иногда приводить языкъ въ движеніе. Но я въ обществѣ не очень нуждаюсь. Много хожу, пишу или диктую, привожу въ порядокъ старыя бумаги, реставрирую и достроиваю старыя и недоконченныя зданія или, правильнѣе сказать, лачуги. День меня никогда не тяготитъ. Хорошо, если бы могъ сказать то же о своихъ ночахъ [1]). Лѣто у насъ хорошо, особенно по сравненію. Изъ многихъ мѣстъ жалуются на погоду. А что ваше лѣто? А что ваше здоровье? Любезнѣйшей супругѣ вашей мой сердечный поклонъ.

Душевно вамъ преданный П. Плетневъ.

---

[1]) Только слѣдующее за симъ писано своеручно.

III.

17 (29) Іюля 1864 г. Меранъ. Villa Pittel.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, мой послѣдній транспортъ, по крайней мѣрѣ изъ Мерана, который оставляемъ завтра. А что Богъ дастъ впередъ—увидимъ. Теперь отправляемся прямо въ Крейцнахъ къ внучкѣ нашей Лизѣ Голицыной, оттуда въ Швальбахъ къ Императрицѣ. Что будетъ далѣе, пребываетъ пока въ совершенномъ мракѣ неизвѣстности. Оставьте у себя мои тетрадки, т. е. нынѣшнюю и двѣ прежнія, отправленныя къ вамъ въ послѣднихъ числахъ минувшаго мѣсяца, пока не скажу вамъ, какъ и куда ихъ выслать. А если нужно было бы вамъ мнѣ писать, адресуйте письмо на имя Титова въ Стутгартъ. Мнѣ особенно было весело отыскать въ своей памяти или въ бумагахъ старые грѣхи свои, какъ напр. стихи къ Милонову и къ Денису Давыдову. Отъ нихъ молодѣешь. Можетъ быть, будутъ еще нѣсколько эксплорацій въ этомъ родѣ.

Что ваше здоровіе? Мое не худо но все еще безсонницы меня по временамъ посѣщаютъ. Душевно вамъ преданный Вяземскій [1]).

IV.

Крейцнахъ, 1 (13) Августа 1864 г.

Надѣюсь, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, что вы получили письмо мое и транспортъ, посланные передъ самымъ выѣздомъ изъ Мерана. Теперь гощу здѣсь у нашей внучки Голицыной. Нѣсколько дней провелъ я въ Швальбахѣ, гдѣ находится Императрица. Завтра туда же возвращаюсь и пробуду до отъѣзда Царицы, то есть вѣроятно до 6 (18)—20. Потомъ возвращусь сюда а что будетъ впередъ, незнаю. Прошу васъ прислать мнѣ, если успѣли съ ними справиться, мои два транспорта по слѣдующему

[1]) Послѣднія двѣ строчки своеручныя.

адресу: Monsieur le Prince Alexandre Galitzin, aux bains de Kreutznach, maison Kaufman, pour être remis au Prince Wiasemski [1]).

Императрица довольна своимъ лѣченіемъ, и, кажется, во всякомъ случаѣ проведетъ осень за границею, но гдѣ именно еще неизвѣстно. Что здоровіе ваше? Мое въ моей бродяжнической жизни не худо.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

V.

Ницца, 9 (21) Генваря 1865 г. Hôtel Bellevue, rue St. Etienne.

Наши старыя сердца другъ по другѣ стосковались, любезнѣйшій Петръ Александровичь. Нѣсколько времени тому я спрашивалъ Титова объ васъ, но онъ ничего не могъ мнѣ сказать. Теперь прислалъ онъ мнѣ ваше къ нему письмо, въ которомъ вы его обо мнѣ разспрашиваете. Очень я радъ, что мы другъ друга отыскали и спѣшу возобновить прерванную нашу переписку. Я не писалъ къ вамъ, потому что послѣ Мерана я велъ самую кочующую жизнь, которая прервана была скорбнымъ ударомъ. Вамъ вѣроятно извѣстно, что мы имѣли несчастіе лишиться внука, Саши Валуева. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ Баденъ-Баденъ изъ Россіи полумертвый и вскорѣ тутъ и умеръ отъ злѣйшей чахотки. Вы видите, что и съ нами совершаются тяжелыя операціи и *отламываются* сердечныя ребра. Вотъ что значитъ долго засиживаться на землѣ. Понемногу, а часто и помногу, физически и нравственно разрушаешься. Теперь вотъ уже три недѣли, что мы въ Ниццѣ, не знаю на долго ли. Это будетъ зависѣть отъ моего здоровья и отъ моихъ ночей. Императрицѣ, кажется, здѣшнее пребываніе для здоровія благопріятно, но Наслѣдникъ все еще послѣ Флоренціи не оправляется и страдаетъ ревматическими болями. Здѣсь и Тютчевъ съ семействомъ. Онъ оправляется отъ своего

[1]) Слѣдующее за симъ своеручно.

горя и написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, которыя постараюсь вамъ прислать. Мои намѣренія объ изданіи новыхъ моихъ стиховъ отложены до другаго времени. По сосѣдству съ Карлсруэ, я думалъ заняться этимъ дѣломъ въ Баденъ-Баденѣ, но послѣ нашего несчастія, разумѣется, мнѣ не хотѣлось заживаться въ Баденъ-Баденѣ, а между тѣмъ еще кое-что прибавилось къ старому, которое также повергну на вашу цензуру. Здѣсь разнесся было слухъ и всѣхъ разстревожилъ, что Катковъ по разнымъ придиркамъ цензуры и высшихъ властей отказывается отъ Московскихъ Вѣдомостей, но по извѣстіямъ вчера полученнымъ дѣло обдѣлывается. Катковъ былъ въ Петербургѣ и видно отразилъ готовившійся ударъ. Отецъ Васильевъ говорилъ мнѣ объ васъ и сказывалъ, что вы съ большою бодростью переносите свои страданія, и что жена ваша слѣдуетъ вашему примѣру, въ чемъ и не сомнѣвался. Исполать вамъ обоимъ, и дай Богъ чтобы испытанія прекратились и дали бодрости вашей отдохнуть на лаврахъ. Le secrétaire [1]) dit au mari et à la femme mille et mille choses affectueuses et ses voeux pour leur parfaite tranquillité et santé.

(Своеручно:) Тѣмъ кончаю и я и дружески васъ обнимаю.

VI.

(Письмо изъ Ниццы, безъ числовой помѣтки, но рукою Плетнева означено: Получено 1 (13) Февраля 1865).

Представляю вамъ бѣглаго О.

О этотъ югъ, о эта Ницца,
О какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!

А между тѣмъ подстрѣленная птица
и въ самомъ дѣлѣ неможетъ.

---

[1]) Т. е. княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская, писавшая эти письма подъ диктовку князя.

Твоя подстрѣленная птица
Такъ звучно - жалобно поетъ,
Намъ такъ сочувственно пѣвица
Свою тоску передаетъ,
Что вчужѣ насъ печаль волнуетъ,
Что пѣсню скорби возлюбя,
Въ насъ сердце, вторя ей, тоскуетъ
И плачетъ, словно, за себя.
Поэтъ, на язвы злополучья
Ты льешь свой внутренній елей,
И слезы перлами созвучья
Струятся изъ души твоей.

Тютчевъ такъ надѣялся на этотъ югъ, что ходилъ по обыкновенью своему весь на распашку, волоса, жилетъ, платье, пледъ, все на распашку, даже рубашка, и такимъ образомъ доходилъ себя до сильной простуды. Теперь ему лучше; а вотъ прочли вы и мой отвѣтъ на его стихи, посланные изъ Веве. Дѣвица Распопова сказала мнѣ, что вамъ пишетъ и сообщаетъ всѣ здѣшнія новости житейскія и письменныя. Вотъ вамъ еще мои стихи, напечатанные у васъ же въ Парижѣ. Нелатонъ меня очень успокоилъ *на вашъ счетъ* (хотя Карамзинъ, слывшій галломаномъ, не терпѣлъ этого галлицизма). Я нарочно ѣздилъ къ нему для разспросовъ объ васъ. А вы скажите мнѣ при случаѣ, что сказалъ вамъ Нелатонъ о нашемъ здѣшнемъ больномъ [1]). Онъ начинаетъ выѣзжать въ каретѣ. Погода у насъ по Петербургскому календарю лѣтняя. Тютчевъ послѣ свадьбы дочери отправляется въ Россію чрезъ Парижъ, гдѣ разумѣется съ вами увидится. Все не могу добиться я узнать, что дѣлается съ Яковомъ Толстымъ. Здѣсь мы читаемъ присланные рукописные отрывки біографіи Блудова (Ковалевскаго) и Карамзина (Погодина).

---

[1]) Т. е. о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Нелатонъ былъ вызванъ въ Ниццу для подачи мнѣнія о болѣзни Его Высочества, котораго, къ общей скорби Россіи, не стало 12-го апрѣля 1865 года.

(Собственноручно:) Обнимаю васъ и желаю вамъ и милой сестрѣ и женѣ милосердія всѣхъ возможныхъ благъ.

Душевно вамъ преданный Вяземскій.

63.

18 (30) Іюня 1865 г. Paris. St. Germain en Laye. Rue de Pontoise. 26. (Въ Петербургъ).

Недавно услышалъ я, что вы, князь Петръ Андреевичь, находитесь уже въ Петербургѣ, и потому спѣшу васъ просить объ увѣдомленіи меня, какъ теперь идетъ здоровье ваше. Также хочется мнѣ отъ васъ узнать, гдѣ вы проводите лѣто, и есть ли уже у васъ въ городѣ квартира для зимы. Безъ этихъ извѣстій я лишенъ буду возможности писать къ вамъ.

Въ Россію возвратились вы съ богатымъ запасомъ новыхъ стихотвореній. Когда располагаете вы начать печатаніе ихъ? Мнѣ кажется, они составятъ полные два тома. Изъ послѣднихъ стихотвореній вашихъ до меня дошло только одно: «*Плыветъ Онъ, молодой Царевичъ*». Какая это прелестная картина!

Я былъ очень радъ, что недавно представился мнѣ благопріятный случай списать эти ваши стихи для В. К. Маріи Николаевны. Ея Высочество, въ проѣздъ черезъ Парижъ изъ Флоренціи въ Трувиль для морскихъ купаній, опять изволила навѣстить меня, не смотря на то, что должна была въ наемномъ экипажѣ переѣхать до Сенжермена болѣе 20 верстъ.

Позвольте мнѣ надѣяться, князь Петръ Андреевичь, что, когда выйдетъ изъ печати изданіе вашихъ стихотвореній, вы не забудете меня бѣднаго, отчужденнаго отъ всѣхъ и пришлете мнѣ экземпляръ. А что подѣлываетъ нашъ поэтъ Ниццы и ея птицы? «*Разрозненъ кругъ*»! Оставлена ли въ его вѣдѣніи иностранная цензура? Въ городѣ ли онъ пребываетъ и гдѣ именно, или на какой нибудь дачѣ?

До меня никакого еще не дошло извѣстія о В. П. Титовѣ. Въ Петербургѣ ли онъ, или возвратился къ своему посту въ Стут-

гардъ? Былъ слухъ, что его опредѣлятъ воспитателемъ новаго Цесаревича. Нѣтъ ли на этотъ счетъ чего нибудь уже опредѣленнаго? Когда живешь въ такой дали и безъ всякаго сношенія съ людьми, составляющими высшее общество, то незамѣтно становишься какъ бы одичалымъ. Въ такомъ положеніи теперь я: хотѣлось бы получить какую нибудь вѣсточку о Карамзиныхъ, о Мещерскихъ, о графинѣ Блудовой; но кто займется мною и что нибудь передастъ мнѣ? Я очень понимаю, что вамъ писать трудно. По крайней мѣрѣ, не попадетъ ли вамъ подъ руку юноша, который бы, по краткимъ указаніямъ вашимъ, могъ чѣмъ нибудь порадовать меня?

Въ состояніи здоровья моего мало перемѣны, хоть мы съ половины Апрѣля живемъ въ какомъ то раю. Никогда еще на дачѣ такъ прекрасно не устраивался я, какъ нынѣшній годъ. Нелатонъ долженъ былъ остановиться въ продолженіи операцій, потому что оставшіяся кости слишкомъ велики и еще очень крѣпки. Впрочемъ онъ ни сколько не затрудняется и сюда ко мнѣ ѣздить.

Вы, князь Петръ Андреевичь, конечно можете мнѣ вѣрнѣе всякаго другаго дать понятіе о состояніи здоровья и вообще о настроеніи духа ихъ Императорскихъ Величествъ. Какъ часто я думаю о глубокой, неутѣшной скорби этихъ страждущихъ родителей!

Прошу васъ передать княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ отъ жены моей и отъ меня выраженіе искренняго душевнаго почтенія.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо кн. Вяземскаго.

(Все письмо собственноручное, въ траурномъ кантикѣ) [1]).

Петергофъ. 27 Іюня 1865 г. (Въ Сенъ-Жерменъ, близъ Парижа).

Сердечно обрадовался я письму вашему, любезнѣйшій Петръ Александровитъ, и обрадовался двоякою радостью: первая та, что имѣлъ прямую вѣсть объ васъ и отъ васъ: вторая та, что самъ могу

[1]) Ороографія подлиннаго въ точности сохраняется.

писать вамъ и знаю куда послать письмо, чего я прежде не зналъ. Извѣстно было мнѣ, что вы изъ Парижа выѣхали, но *куда вы путь склонили, въ какой предѣлъ оттуда перешли* [1]), все это покрыто было мракомъ неизвѣстности. Ѣздилъ даже ради васъ и ради того въ академію на засѣданіе для присужденія послѣднихъ демидовскихъ премій, но нѣмыя стѣны академическія, и рѣдкіе присутствующіе члены академіи, и публика, которая вся сосредоточилась въ Гречѣ съ молодою супругою его, не могли разрѣшить моего вопроса. Очень пріятно было мнѣ узнать, что если ваше здоровіе еще не совершенно оправилось, то по крайней мѣрѣ не хуже прежняго; въ наши лѣта и посредственное statu quo есть уже дѣло не худое. Бываетъ и хуже. Надѣюсь, что вы довольны своимъ лѣтнимъ пребываніемъ и не имѣете повода жалѣть о соснахъ нашего лѣснаго уединенія, о нашихъ дождяхъ и пока довольно свѣтломъ лѣтѣ. Провелъ я недѣли три въ Ц. Селѣ, а теперь въ слѣдъ за дворомъ переѣхалъ въ Петергофъ. Сегодня послѣ обѣдни за Высочайшимъ завтракомъ сказалъ я Ихъ Величествамъ, что получилъ письмо отъ васъ. Они меня распрашивали объ васъ и о всемъ семействѣ вашемъ. Впрочемъ Государь сказалъ мнѣ, что имѣетъ свѣдѣніе о васъ отъ В. К. Маріи Николаевны. Теперь стану по порядку отвѣчать на всѣ вопросы ваши. Во всякомъ случаѣ лѣто и часть осени пробуду въ Россіи. А тамъ что Богъ дастъ. Но вѣроятно позднѣе во слѣдъ за ласточками отправлюсь куда нибудь, гдѣ потеплѣе и гдѣ посолнечнѣе. Въ молодости вездѣ жить можно, а когда уже не живешь, но только прозябаешь, то надобно искать почвы и неба болѣе благопріятныхъ.

Я и самъ желалъ бы собрать и напечатать все написанное мною въ послѣдніе эти годы. Но какъ и съ кѣмъ приступить къ этому дѣлу? Я на спекуляціи не горазды. Ни одного литератора не знаю, книгопродавца также. Гдѣ найти честнаго и добропорядочнаго человѣка, который помогъ бы мнѣ? Впрочемъ увидимъ,

---

[1]) Передѣлка двухъ стиховъ изъ извѣстной пьесы Жуковскаго: *Голосъ съ того свѣта.*

попытаюсь. Тютчевъ здѣсь, но на него не возложишь этотъ трудъ. Онъ сохранилъ свое ценсорское мѣсто. Кажется, *птичка* примолила. Впрочемъ вижу его очень рѣдко. Онъ въ городѣ, а я въ городъ только мелькомъ заглядываю. Онъ собирается въ Москву и даже въ деревню съ семействомъ; его увѣряютъ, что присутствіе его нужно въ деревнѣ. Но онъ самъ этому не вѣритъ и кажется правъ. Титовъ также по деревенскимъ и земскимъ дѣламъ отправился въ Рязанскую губернію. Вѣроятно онъ оставляетъ Стутгартъ и опредѣлится здѣсь, но разумѣется, не по воспитательной части. Вы, вѣроятно, знаете что онъ изъ Ниццы сопровождалъ тѣло покойнаго Цесаревича. Мещерскій и Карамзины по внутреннимъ деревнямъ. Гр. Блудова была здѣсь, но также отправилась въ Москву и далѣе. Всѣ пока если не совершенно здравствуемъ, то кое какъ живемъ. Егоръ Ковалевскій пишетъ біографію Блудова, Погодинъ Карамзина. Разумѣется, художественнаго произведенія ни отъ того, ни отъ другаго ожидать нельзя. Но по возможности будутъ собраны матеріалы, живыя, очныя преданія, и то благо и за то спасибо. Посылаю вамъ свою брошюрку, тутъ и стихи.—Здоровіе ихъ Величествъ довольно удовлетворительно, но тяжкая грусть, особенно въ Государѣ, явно высказывается. Императрица болѣе въ себѣ сосредоточена. Кажется, отвѣчалъ я на всѣ ваши вопросы. Теперь отъ меня и жены моей вамъ и вашей 1000 искреннихъ нѣжностей.

Понедѣльникъ.

Думалъ я покончить письмо однимъ листкомъ, но принимаюсь за другой. Очень любопытно знать, что̀ говорилъ и что̀ говоритъ Нелатонъ о кончинѣ Наслѣдника. Неужели онъ и товарищъ не доглядѣли болѣзни и не догадались о ея опасности? Неужели они въ этомъ случаѣ придворничали и не рѣшились высказать правду? Впрочемъ въ обоихъ предположеніяхъ ихъ репутація компрометирована. Никакъ не доберешься тутъ толку. Много было слуховъ о томъ. Говорили, что гр. Строгоновъ и казенные врачи не позволили, не дали времени и возможности парижскимъ до-

статочно освидѣтельствовать больнаго и вникнуть въ болѣзнь его. Все это невѣроятно. Объясните мнѣ все это по возможности. Эти свѣдѣнія не только требуются сердцемъ, но нужны и для исторіи. Нельзя выразить, какое глубокое и единодушно-скорбное сочувствіе возбудила въ Россіи кончина Цесаревича. Надобно собрать бы письма его. Говорятъ, что нѣкоторыя, писанныя Братьямъ изъ разныхъ концовъ Россіи, во время путешествія его, очень замѣчательны. По письмамъ, которыя мнѣ случилось видѣть, можно заключить, что онъ правильно и даже литературно писалъ по-русски. Императрица сказала мнѣ, что по собственному сознанію Сына, онъ обязанъ былъ Гроту знаніемъ языка и свободнымъ упражненіемъ въ немъ.

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Вы можетъ быть, прочтя письмо мое, того не скажете, но глядя на *піющую* бумагу и на *вопіющія* каракули мои, въ этомъ видѣ еще болѣе безобразныя, можете сказать: и сырость отечества намъ сладка и пріятна. Это можетъ послужить вамъ фотографическою карточкой нашего лѣта.—Жена моя вамъ и вашей вмѣстѣ со мною свидѣтельствуемъ нашу сердечную и неизмѣнную преданность.

Весь вашъ Вяземскій.

1-го Іюля. Въ Ц. Селѣ видѣлъ я при Дворѣ дочь Жуковскаго. Она очень мила.

64.

(Письмо это изъ Сенъ-Жермена въ Петергофъ, безъ помѣтки, конечно относится къ Іюлю 1865 г.).

Вы, князь Петръ Андреевичь, желаете узнать отъ меня, что думаетъ и говоритъ Нелатонъ о болѣзни покойнаго Цесаревича. Вотъ два года, какъ Нелатонъ постоянно лечитъ меня. Могу съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что я изучилъ его характеръ. Это человѣкъ серьезный, правдивый, честный и благородный. Начинаю съ этого для того, чтобы вамъ было понятно, отъ чего я ни

одного его слова касательно болѣзни Цесаревича не могъ иначе принимать отъ него, какъ съ полною вѣрою въ его искренность.

Послѣ посѣщенія больнаго, Нелатонъ изъ Ниццы возвратился въ Парижъ вечеромъ. На другой день утромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ веселый и, можно сказать, сіяющій радостію. Онъ съ полною увѣренностію сказалъ мнѣ, что совсѣмъ нечего бояться за Великаго Князя, потому что у него болѣзнь легкая и вылечивается безъ затрудненія. Это было за два мѣсяца до ожидавшаго всѣхъ насъ роковаго событія.

Такъ какъ все, сказанное Нелатономъ, было имъ передано мнѣ вслѣдствіе собственнаго его желанія, безъ малѣйшаго съ моей стороны домогательства, то понятно, что я тѣмъ легче предался радости, которую поспѣшилъ передать въ письмѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Ея Высочество изволила сообщить это извѣстіе Государю Императору.

Между тѣмъ, нѣкоторыя лица, бывшія послѣ этого въ Ниццѣ и видѣвшія Цесаревича, опять начали отзываться не хорошо о здоровьѣ его. Тогда я попросилъ Нелатона, чтобы онъ, для моего спокойствія, точнѣе опредѣлилъ и даже медицинскими терминами, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе о безопасности больнаго.

Вотъ что онъ мнѣ продиктовалъ: «Il n'y a rien dans la colonne vertébrale, rien dans la moëlle épinière. Il y a un muscle de rompu, ce qui n'a aucune gravité et qui se guérira très bien; c'est quelque chose dans le genre de ce qu'on a quelquefois dans une jambe et qu'on appelle vulgairement un coup de fouet».

Это болѣе подробное сообщеніе я принялъ смѣлость въ копіи препроводить къ Его Императорскому Величеству.

Послѣ того, я получилъ нѣсколько извѣщеній изъ самой Ниццы, которыя тоже меня успокоивали. Я не могъ всему этому не вѣрить, потому что корреспонденція ко мнѣ шла не отъ стороннихъ людей, а отъ посѣщавшихъ часто дворецъ и получавшихъ свѣдѣнія изъ самаго источника.

Во все это время Нелатонъ оставался въ прежнемъ своемъ убѣжденіи, которое утвердилъ еще въ немъ и графъ С. Г. Стро-

гоновъ, возвращаясь черезъ Парижъ изъ Россіи въ Ницу. Когда Нелатонъ спросилъ у графа, можетъ ли Цесаревичь свободно разгибаться, онъ отвѣчалъ, что это Великій Князь дѣлаетъ легко разъ по пятидесяти въ день. Разговоръ ихъ былъ за двѣ недѣли до кончины больнаго.

Наконецъ, когда бѣдствіе разразилось, я все-таки желалъ слышать, что Нелатонъ думаетъ объ этомъ ужасномъ событіи. Онъ сказалъ, что часто причину смерти относятъ къ предшествовавшей ей болѣзни, тогда какъ дѣйствительная причина заключается въ какомъ нибудь новомъ недугѣ, развившемся послѣ. Вотъ его подлинныя слова: «Le Grand-Duc est mort d'une méningite tuberculeuse qui ne fait pas grâce. Ces tubercules trouvés dans son cerveau pouvaient se former dans l'espace de deux semaines, surtout chez un sujet qui était prédisposé par des tubercules antérieurs dans le poumon».

Эти подробности показываютъ вамъ, князь, что со стороны Нелатона не было во всемъ этомъ дѣлѣ никакого притворства. По моему мнѣнію, онъ конечно что нибудь могъ и не досмотрѣть у больнаго: онъ пріѣхалъ къ нему вечеромъ, а утромъ его уже и отпустили.

65.

17 (29) Іюля 1865 г. St. Germain en Laye. Rue de Pontoise. 26.

Письмо ваше, князь Петръ Андреевичь, отъ 27 Іюня (9 Іюля) я получилъ 8 (20) Іюля. Оно меня оживотворило и перенесло туда, гдѣ все для меня дорогое и милое. Отъ всей души благодарю васъ за трудъ, который вы приняли на себя, чтобы ничего не оставить безъ отвѣта въ моемъ къ вамъ письмѣ. Предупреждаю васъ (чтобы опять не случилось столь длиннаго перерыва въ корреспонденціи нашей), что я, при всякой перемѣнѣ моего жительства, постоянно увѣдомляю о новомъ мѣстопребываніи своемъ какъ посольство наше, такъ и настоятеля нашей здѣсь церкви. По этому, даже не зная моего адреса въ Парижѣ, всегда можно писать ко мнѣ, поручая письмо тому, или другому мѣсту.

Меня очень тронуло вниманіе Ихъ Величествъ къ положенію моему, когда вы сообщили Имъ, что̀ я къ вамъ писалъ. На дняхъ В. К. Марія Николаевна, отправившись изъ Трувиля къ Маріи Максимиліановнѣ, опять проѣзжала черезъ Парижъ, но пробыла въ немъ только одинъ день — и то затѣмъ, что была нездорова.

Въ помощники вамъ, по изданію стихотвореній вашихъ, я могу указать, какъ на людей благонадежныхъ и добросовѣстныхъ, только на два лица, которыя оба въ Москвѣ: на профессора тамошняго университета Тихонравова и на библіотекаря Чертковской библіотеки Бартенева. А что послѣдовало съ этимъ чиновникомъ Публичной Библіотеки, Межовымъ, который по доброй волѣ такъ усердно занимался нѣкогда собираніемъ и перепискою стихотвореній вашихъ?

Положеніе Ѳ. И. Тютчева я нахожу очень тяжелымъ для него, и сомнѣваюсь, чтобы пребываніе въ деревнѣ помогло ему сколько нибудь. Въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ онъ, по моему мнѣнію, скорѣе нашелъ бы для себя нѣкоторое пріятное развлеченіе, безъ чего онъ не можетъ жить.

Мнѣ совсѣмъ непонятно, зачѣмъ В. П. Титовъ покидаетъ Стутгардъ. Королева такъ благосклонна къ нему! Что найдетъ онъ въ замѣнъ дипломатическаго поприща, которому была посвящена вся жизнь его? А жить у насъ въ отставкѣ еще неудобнѣе и труднѣе.

Независимо отъ біографіи графа Блудова, составляемой Егоромъ Ковалевскимъ, хорошо было бы написать что нибудь въ родѣ характеристики его. Въ нее вошли бы черты ума его, столь богатаго разнородными свѣдѣніями, привычки его и частная жизнь, движенія и правила прекрасной его души, чистота сердца его, не измѣнявшаяся ни при какихъ перемѣнахъ его положенія въ свѣтѣ, и наконецъ дружескія отношенія его къ такимъ историческимъ лицамъ, каковы были, напримѣръ, Карамзинъ, Жуковскій и нѣкоторые другіе современники ихъ. Эту характеристику создать могли бы конечно только вы. Если же здоровье ваше и необходимость въ частыхъ путешествіяхъ становятся для васъ

преградою къ такому труду—не займется ли имъ Ѳ. И. Тютчевъ? Это, можетъ статься, пріятно наполнило бы тяжелые теперешніе досуги его.

То, что вы сказали мнѣ о продолжающейся тяжкой грусти Государя, наводитъ на меня особенное уныніе. Онъ такъ впечатлителенъ при подобныхъ событіяхъ, что мнѣ часто за него становится страшно. Никогда не забуду я горести его послѣ кончины старшей дочери Ихъ Величествъ [1]). Я тогда имѣлъ счастіе часто видѣть Государя по утрамъ, почти безъ свидѣтелей. Въ его лицѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ столько выражалось глубокаго унынія, что нельзя было смотрѣть на него безъ участія и горести. Живо воображаю, что̀ долженъ чувствовать онъ при нынѣшней утратѣ.

Вы упомянули о томъ, что хорошо было бы собрать письма Цесаревича Николая Александровича. Это легче всѣхъ сдѣлать вамъ, такъ какъ его корреспонденція преимущественно относилась къ Братьямъ его и лицамъ, окружавшимъ и окружающимъ дѣтей Ихъ Величествъ. Изъ числа такихъ писемъ мнѣ доставлено одно, адресованное покойникомъ изъ Флоренціи Николаю Павловичу Литвинову. Оно въ самомъ дѣлѣ замѣчательно по правильности языка, по ходу и связи мыслей, по явному навыку управляться съ письменною работой и по нѣкоторому интересу содержанія. Но вотъ извѣстіе, которое особенно обрадовало меня, если только оно вполнѣ справедливо. Я приведу подлинныя слова изъ письма Аѳан. Ѳед. Бычкова (библіотекаря Имп. Публ. Библіотеки): «Какую огромную утрату Россія понесла въ Николаѣ Александровичѣ! При разборѣ его бумагъ нашли всѣ слушанныя имъ лекціи начисто составленными какъ у порядочнаго студента. Полное собраніе законовъ испещрено его замѣтками. Видно, что онъ любилъ науку и готовилъ себя, какъ слѣдуетъ, къ тому высокому званію, къ которому былъ предназначенъ».

Мнѣ очень любопытно знать, попались ли вамъ въ руки тѣ

[1]) Малолѣтней великой княжны Александры Александровны, родившейся 18-го августа 1842, скончавшейся 16 іюня 1849 года.

замѣчательныя строки, которыя Стасюлевичь, преподававшій покойному среднюю исторію, напечаталъ (подъ заглавіемъ: Изъ прошедшаго, 1860—1862 г.) въ изданной имъ недавно книгѣ: «Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и проч. III томъ». По моему мнѣнію, въ этихъ строкахъ, безъ пышныхъ выраженій, безъ малѣйшаго ласкательства, авторъ, съ простотою и скромностію, сказалъ объ Августѣйшемъ слушателѣ своемъ то, что никогда не забудется.

Въ похвалу дочери Жуковскаго, еще изъ Флоренціи, весною писала мнѣ В. К. Марія Николаевна. Она ее называла общею во дворцѣ любимицей. Тогда же она очень хорошо отзывалась о княжнѣ Мещерской [1]) и о Ланскихъ, дочеряхъ покойной Натальи Николаевны [2]).

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

ПЕРЕПИСКА СЪ В. А. ЖУКОВСКИМЪ.

1.

1 Іюня 1823. Спб. (Въ Павловскъ.)

Василій Андреевичь! Послѣдній листъ перваго тома потому не печатается, что не сдѣлано Оглавленія [3]). Если оглавленіе будетъ обыкновенное, т. е., безъ означенія годовъ, когда каждая піеса написана, то позвольте мнѣ сдѣлать оное. Если же съ означеніемъ, то потрудитесь когда нибудь на досугѣ сами составить оное.

Въ Институтѣ, по случаю праздника двадцатипятилѣтія, стихи ваши прочитаны были Государынѣ дѣвицею Каблуковой — и очень удачно, такъ, что это Государыню растрогало. Признаюсь,

---

[1]) Внучкѣ исторіографа по его дочери, Екатеринѣ Николаевнѣ, въ замужствѣ княгинѣ Мещерской.

[2]) Вдовы А. С. Пушкина, во второмъ бракѣ Ланской.

[3]) Рѣчь идетъ о третьемъ изданіи сочиненій Жуковскаго, которое появилось въ трехъ частяхъ въ 1824 году.

я самъ, дочитавшись въ первой разъ при новой начальницѣ до того мѣста, гдѣ вы упомянули о голосѣ

Умолкнувшемъ, но нами незабытомъ,

невольно заплакалъ, хоть это было и некстати. Я слышалъ въ Царскомъ Селѣ отъ Н. М. Карамзина, что вы въ то Воскресенье, въ которое мы съ Воейковымъ у васъ были, не выходили къ общему столу Императрицы. Какъ жаль, что мы не остались у васъ подолѣе въ Павловскомъ. Мнѣ очень хотѣлось бы подышать съ вами побольше времени однимъ воздухомъ, поговорить тогда, когда вы не въ хлопотахъ, и освѣжиться для томительныхъ трудовъ своихъ.

Познакомились ли вы съ нашею Богдановой? Позвольте мнѣ, какъ старому ея учителю, рекомендовать вамъ ее особенно. У ней въ характерѣ столько неизъяснимо-прелестнаго, сколько я еще почти не видывалъ. Вѣрно Богъ за это и взыскалъ ее. Порученіе ваше я исполнилъ: сказалъ Соревнователямъ, чтобы они не печатали стиховъ вашихъ въ своемъ журналѣ, читанныхъ въ торжественномъ собраніи.

Не потрудитесь ли вы до отъѣзда Воейкова въ Дерптъ увѣдомить его, какіе часы у васъ свободнѣе, чтобъ онъ меня тогда взялъ къ вамъ съ собою? Я чувствую, что становлюсь неотвязчивымъ; но вы меня сами испортили. Узнавши васъ, нельзя не желать видѣть васъ, а особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ каждая тропинка вашимъ

Замѣчена крылатымъ вдохновеньемъ [1]).

Простите! Я весь вашъ. Плетневъ.

2.

8 Декабря 1832. С.-Петербургъ. (Въ Швейцарію) [2]).

Пишу къ вамъ, Василій Андреевичь, точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ нѣкогда нашли вы меня передъ своимъ

---

[1]) Передѣлка изъ стиха въ посланіи Пушкина «Къ Овидію»:
«Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ».

[2]) См. выше, стр. 98—103.

отъѣздомъ въ Москву: опять голова моя обвязана, изъ глазъ бьютъ слезы, т. е. ревматизмъ снова посѣтилъ меня. До сихъ поръ не писалъ я къ вамъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, опасался вызывать васъ на отвѣты, которые, какъ я знаю, всегда на васъ нагоняютъ тоску; во вторыхъ, не увѣренъ былъ, столько ли вы поправились, чтобы заниматься письмами, которыхъ и безъ меня довольно къ вамъ посылаютъ. Наконецъ нѣжный выговоръ вашъ, помѣщенный въ письмѣ къ Карлу Карловичу [1]), ободрилъ меня, и я теперь пишу съ увѣренностію, что не наведу на васъ хандры. Начну съ главнаго: занятія съ Великимъ Княземъ идутъ у меня противъ прежняго гораздо лучше; но это относится къ практической части языка (что впрочемъ для него и болѣе необходимо). Онъ теперь пишетъ, соблюдая связь мыслей, заботясь о точности выраженій, округляя фразы, и очень мало дѣлаетъ ошибокъ ортографическихъ. Въ его разсказахъ есть уже нѣкоторая свобода и пріятность. Что касается до теоріи языка, онъ все еще небольшой до нея охотникъ. Но я пользуюсь каждымъ случаемъ, чтобы на нее обращать его вниманіе, и когда правило представляется ему легкимъ, онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ принимаетъ его. Я присоединяю по временамъ замѣчанія самыя короткія о трехъ главныхъ стихіяхъ, которыя должны входить во всякое сочиненіе, т. е. о разсужденіи, повѣствованіи и описаніи, чтобы тѣмъ дать побольше матеріаловъ къ составленію сочиненій. Въ декламаціи (на что употребляется одинъ изъ ихъ свободныхъ вечеромъ часовъ) Великій Князь также примѣтно успѣваетъ: ему только вредитъ неровность голоса, который отъ росту какъ-то двоится.

Вамъ хотѣлось знать что нибудь о литтературныхъ друзьяхъ нашихъ. Въ настоящее время первое мѣсто между литтераторами, по моему мнѣнію, занимаетъ Анна Петровна Зонтагъ [2]). Она издала новое собраніе Повѣстей и Сказокъ для дѣтей. Между ними есть

[1]) Мердеру, воспитателю Наслѣдника, Великаго Князя Александра Николаевича.

[2]) Рожденная Юшкова, племянница Жуковскаго, дочь 3-й сестры его, Варвары.

одна, которой совершенствомъ я былъ пораженъ. Читая ее въ корректурѣ я заливался слезами: такъ она сильно на меня подѣйствовала. Можетъ быть, много тутъ дѣйствовали и воспоминанія. Но мнѣ въ первыя минуты казалось, что это произведеніе совершенствомъ своимъ равняется извѣстной повѣсти: Вильчерскій священникъ или Подарокъ на новый годъ [1]). Дѣйствіе происходитъ въ Бѣлевѣ. Главныя лица: бѣдная старуха и дѣвочка, подкидышъ, у ней выросшая. Въ этой повѣсти является и Катерина Аѳанасьевна и Марья Андреевна и Александра Андреевна [2]). Разумѣется, онѣ не названы; но для меня все это такъ ясно и притомъ такъ натурально, что я каждый разъ перечитывалъ эту повѣсть съ новымъ наслажденіемъ. На дняхъ началось печатаніе втораго тома ея же Повѣстей и Сказокъ для дѣтей. То, что при отъѣздѣ поручили вы мнѣ разыскать, уже объяснилось. Всѣ тетради Анны Петровны нашлись, и Смирдинъ отправилъ ей за каждую книжку по условію. Альманахъ Смирдина [3]), гдѣ будетъ ваша сказка Берендей, еще не вышелъ; но, кажется, непремѣнно выйдетъ къ празднику. Для Берендея сдѣлана картинка. Изданіе газеты, о которой такъ хлопоталъ Пушкинъ еще при васъ, едва ли приведется въ исполненіе, хотя ему и дано на то право. Онъ больше роется теперь по своему главному труду, т. е. по исторіи, да кажется въ его головѣ и романъ копышется. Впрочемъ, рѣдко видаясь съ нимъ, особенно въ послѣднее время, когда ревматизмъ поразилъ его въ ногу, а меня въ голову, совсѣмъ потерялъ я изъ виду нить его занятій. Гнѣдичь очень поправился въ своемъ здоровьѣ, пользовавшись цѣлое лѣто козьимъ молокомъ. Вышло собраніе стихотвореній его. Его книга представляетъ пестроту, любопытную для наблюденія. Гнѣдичь, какъ поэтъ, пожилъ въ каждомъ поколѣніи, и каждое поколѣніе оставило въ его книгѣ слѣды языка и вкуса. Впрочемъ неизмѣнно хорошъ и самъ

---

[1]) Эта повѣсть была напечатана въ *Сынѣ Отечества* двадцатыхъ годовъ.

[2]) Катер. Аѳан. Протасова, младшая сестра Жуковскаго, съ двумя дочерьми.

[3]) *Новоселье* на 1833 годъ, т. I.

себѣ равенъ бываетъ онъ тамъ, гдѣ попадаетъ на предметъ Гомерическій; напротивъ того онъ жалко смѣшенъ, когда въ стихахъ любезничаетъ какъ Французъ. Кстати о чадахъ Малороссіи. Гоголь нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ и обязанъ о себѣ давать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху ни духу. Оригиналъ. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитріевымъ, который принялъ его со всею любезностію своею. Вообще тамошніе литтераторы, кажется, порадовали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту. Онъ не можетъ нахвалиться Погодинымъ, Кирѣевскимъ и прочими. Гоголь очень сожалѣетъ, что Кирѣевскій при его прекрасномъ умѣ слишкомъ разсѣянно, слишкомъ свѣтски проводитъ время. У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста. Гоголь мнѣ сказывалъ, что князь Одоевскій (съ которымъ я самъ не видался больше полгода) готовитъ собраніе своихъ повѣстей, подъ названіемъ: Домъ сумасшедшихъ. Нѣкоторыя прочитывалъ онъ съ Гоголемъ: онѣ ему такъ нравятся, что онъ ихъ предпочитаетъ напечатаннымъ, какъ наприм. Послѣдній концертъ Бетговена. Устряловъ публиковалъ, что онъ издаетъ полное собраніе всего, что только вышло изъ-подъ пера князя Курбскаго. Разумѣется, онъ обѣщаетъ все освѣтить критическими примѣчаніями и хорошимъ введеніемъ. Такія намѣренія не могутъ не радовать. Сынъ Панкратія Сумарокова выдалъ вторично собраніе стихотвореній отца своего. При этомъ изданіи приложена біографія автора, гдѣ со всею подробностію изложены обстоятельства несчастной ссылки поэта въ Сибирь. Вѣроятно писавшій эту біографію не предполагалъ, чтобы одинъ изъ главныхъ участниковъ сего преступленія могъ прочитать, что̀ скажетъ о немъ потомство. И потому о немъ говорено въ книгѣ со всевозможнымъ презрѣніемъ, какъ о ничтожномъ существѣ, запятнавшемъ жизнь отличнаго поэта. Чтоже вышло? Этотъ человѣкъ не только живъ, но и служитъ

здѣсь, такъ, что могъ подать прошеніе генералъ-губернатору объ удовлетвореніи за обиду, нанесенную его чести. Въ Москвѣ вышло изданіе Стихотвореній Давыдова (Дениса). Книжка небольшая, но полная жизни и оригинальной его поэзіи. Онъ самъ написалъ свою біографію (кажется, разъ уже печатанную) отъ чужаго имени, но такъ осторожно, что нельзя не узнать его, развернувъ книжку. Теперь Давыдовъ весь у насъ въ рукахъ. Онъ одно только сдѣлалъ снисхожденіе къ цензурѣ: чего нельзя было напечатать всего, такъ онъ оставилъ при такихъ словахъ только по первой буквѣ; напримѣръ описаніе бала:

Бѣгу вѣкъ сборища, гдѣ жизнь въ однѣхъ ногахъ,
Гдѣ благосклонности передаются вѣсомъ,
Гдѣ откровенность въ кандалахъ,
Гдѣ тѣло и душа подъ прессомъ;
Гдѣ спѣсь да подлости — вельможа да холопъ,
Гдѣ заслоняютъ намъ вихрь танцевъ эполеты,
Гдѣ подъ подушками потѣетъ столько ж. . . ,
Гдѣ столько пузъ затянуто въ корсеты.

Или:

Герою битвъ, биваковъ, трактировъ и б. . . . . .
Люблю тебя,
Когда, летая по рядамъ,
Горишь какъ свѣчка въ дымѣ бранномъ,
Когда въ б. . . . . . окаянномъ
Ты лупишь с. . . . . по щекамъ.

Ничего не пишу вамъ о князь-Петрѣ [1]), полагая, что онъ часто самъ вамъ пишетъ. Къ нему переѣхало сюда его семейство. Онъ сдѣланъ вице-директоромъ Департамента Внѣшней Торговли. О лучшемъ изъ поэтовъ нашихъ (объ Александрѣ Осиповнѣ [2]) вы конечно все слышали. Она очень несчастна была своими родами. Пушкинъ ей напророчилъ *богатыря*, котораго надобно было по

[1]) П. А. Вяземскомъ.
[2]) Смирновой, рожденной Россети: см. выше, стр. 373.

частямъ вынимать, чтобы спасти ея жизнь. Можете вообразить, сколько она страдала. Мѣсяца два лежала она безъ всякой надежды. Теперь посылаютъ ее въ Берлинъ, и кажется скоро она туда отправится. Но сколько она показала душевной силы въ этомъ страданіи! Прошу васъ не забыть, что̀ обѣщали вы писать для В. К. Марьи Николаевны. Она мнѣ объясняла, что это родъ поэмы или романсовъ: дѣйствіе близъ Байкала. Обнимаю васъ мысленно. П. Плетневъ.

3.

17 Февраля 1833 г. С.-Петербургъ. (Въ Швейцарію) [1].

. . . . Сейчасъ только получилъ я отвѣтъ вашъ. Не умѣю, какъ надобно, благодарить васъ за столько труда и терпѣнія. Если бы не видалъ я писемъ вашихъ къ ***, то я совсѣмъ бы удивленъ былъ, что вы для меня пожертвовали такою мѣрою времени и стоянія [2]. Но заняться такою корреспонденціею.... Вы теперь въ правѣ презирать такихъ лѣнтяевъ, какъ Пушкинъ, который ничего не дѣлаетъ, какъ только утромъ перебираетъ въ гадкомъ сундукѣ своемъ старыя къ себѣ письма, а вечеромъ возитъ жену свою по баламъ, не столько для ея потѣхи, сколько для собственной. И такъ я правъ былъ, когда, опасаясь вызвать васъ на тягость и скуку отвѣтовъ, не писалъ къ вамъ писемъ. Теперь уже безпокойство совѣсти заставляетъ меня спѣшить писать къ вамъ. Прошу васъ, умоляю, заклинаю: берегите себя.

11 Марта.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я принялся было съ жаромъ писать отвѣтъ вамъ и уговаривать, чтобъ вы не слишкомъ занимались корреспонденціею, которая будетъ вамъ стоить

---

[1] Это письмо печатается здѣсь по неполному тексту его, помѣщенному въ *Р. Архивѣ* 1875 года. Въ этомъ же изданіи за 1870 г. появились извлеченія изъ писемъ Плетнева къ Жуковскому, воспроизводимыхъ теперь по подлинникамъ въ болѣе полномъ видѣ. Письма Жуковскаго къ Плетневу цѣликомъ печатаются здѣсь въ первый разъ.

[2] В. А. Жуковскій имѣлъ обыкновеніе писать стоя. (*Р. А.*).

и здоровья, и времени. Не помню, кто или что̀ оторвало меня отъ письма, и вотъ теперь только, на Воскресенье, въ три часа ночи, на раздольѣ, я могу опять къ вамъ писать. Вы не можете представить, какъ ужъ тягостна мнѣ становится такая жизнь. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я еще не жилъ какъ другіе. Я только работалъ, да и то безъ выгоды; потому что если пересталъ бы сегодня работать по обыкновенному, то принужденъ былъ бы и себѣ и своимъ отказывать въ необходимомъ, или по крайней мѣрѣ въ такомъ, къ чему всѣ привыкли. Какая была бы разница въ моемъ положеніи, если бы я двадцатилѣтнюю службу свою отдалъ какому нибудь антрепризу, какъ это дѣлаютъ дѣти негоціантовъ! Я былъ бы съ независимымъ состояніемъ и работалъ бы только для того, чтобъ жизни давать разнообразіе и прелесть. Но теперь уже поздно о чемъ нибудь мечтать. Лучше свыкаться съ идеею о неизбѣжности своихъ трудовъ и близости конца ихъ у гроба. Правда, я ужъ довольно свыкся съ послѣднею мыслію, особенно въ прошедшіе два года и въ нынѣшній. Люди, съ которыми я дѣлился малыми остатками отдыховъ своихъ, чуждъ будучи всякаго другаго развлеченія, эти люди, одинъ за другимъ, уходятъ отсюда. Такимъ образомъ не стало Дельвига сперва, потомъ Молчанова, а теперь наконецъ и Гнѣдича. Какъ страшно было мнѣ повторять въ письмѣ вашемъ свои собственныя слова: Гнѣдичъ выздоровѣлъ, тогда, когда ужъ его не было на свѣтѣ. Въ началѣ осени, точно, ему было лучше, потому что онъ все лѣто пилъ молоко козы, которую называлъ шутя своею исцѣлительницею. Онъ даже началъ выѣзжать и менѣе остерегаться въ пищѣ. Но то-то и было худо. Отъ простуды, или отъ другого чего, открылась у него кровь горломъ. Напрасно тогда доктора усиливались поправить его здоровье. Онъ слабѣлъ и примѣтно близился къ концу своему. Ужаснѣе всего было одиночество его, отъ котораго его характеръ, и самъ по себѣ довольно тяжелый, сдѣлался до чрезвычайности раздражительнымъ. А къ бо̀льшей тоскѣ, какъ его самаго, такъ и приходившихъ къ нему, доктора запретили съ нимъ говорить. Поэтому, наконецъ, кромѣ людей

и наемной сестры милосердія, никого почти при немъ не было. Такъ печально и томительно исчезала жизнь человѣка, который въ здоровомъ состояніи умѣлъ пріятнѣйшимъ образомъ оживлять бесѣду съ собою всякаго человѣка, къ нему приходившаго. Его похоронили 3-го Февраля въ Невскомъ. При погребеніи было довольно людей, любившихъ его. Но Хвостовъ не пощадилъ и послѣдней церемоніи. Цѣлую обѣдню раздавалъ онъ стихи свои и разговаривалъ во весь голосъ, такъ что Крыловъ, при концѣ отпѣванія, сказалъ ему: «Васъ было слышнѣе, чѣмъ Евангеліе». Пушкинъ пророчитъ, что Хвостовъ всѣхъ насъ похоронитъ. Оно правдоподобно: если онъ не умеръ въ старину, когда надъ нимъ смѣялись, то кто ему велитъ умирать теперь, когда его чуть на рукахъ не носятъ? Вѣрно насладились вы лицезрѣніемъ его на картинкѣ Новоселья (которое князь Вяземскій къ вамъ давно отправилъ), гдѣ онъ такъ чинно сидитъ между Крыловымъ и Пушкинымъ.

Смирдинъ, въ Воскресенье второй недѣли поста, повторилъ опять свое Новоселье, накормивъ насъ по старому. Собранье, однакожъ, было попристойнѣе, потому что представитель Русской литтературы, живя въ своемъ Фернеѣ-Карловѣ, не могъ подпакостить собранію; а товарищъ его [1]), въ одиночку, не пускался на такую отвагу, какъ бывало вдвоемъ.

Между дѣятельными литтераторами теперь явилось новое лице, хотя въ старомъ образѣ. Пріѣхалъ сюда Катенинъ, сдѣлалъ сколько нужно было визитовъ Александру Семеновичу [2]), да и засѣлъ въ Россійскую Академію. Онъ тамъ началъ сильную тревогу. Первый споръ зашелъ о словѣ: бурко. Катенинъ требовалъ, чтобы его писали: бурка. Спускать онъ никому не любитъ: такъ что̀ ему значитъ Петръ Ивановичъ Соколовъ [3])? И такъ онъ началъ ему высказывать горькія истины, что онъ Петръ Ивановичъ русскій языкъ знаетъ плохо, что слушать его нечего, а на-

---

[1]) Булгаринъ и Гречъ.

[2]) Шишкову, президенту Россійской Академіи.

[3]) Секретарь Россійской Академіи.

конецъ (послѣ завтрака, на которомъ стоялъ графинъ съ ерофеичемъ и бутылка съ черныиъ пивомъ, да кусковъ пять семги съ лукомъ) Катенинъ открылъ за новость Соколову, что самому ему пятый десятокъ, что служилъ онъ въ гвардіи и давно полковникъ и проч. Вы можете представить, какъ это забавляетъ Пушкина, который также членъ Россійской Академіи, и слѣдственно безденежно, даже съ барышемъ монеты въ четвертакъ [1]), можетъ слушать ихъ и глядѣть такую комедію.

Вы, конечно, не забыли доктора Даля, который такъ часто приходилъ къ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ [2]). Онъ вступилъ тоже на литературное поприще. Передъ Рождествомъ издалъ было онъ книжку своихъ сказокъ; только въ нихъ что-то нашли непозволительное или слишкомъ простонародное, и книжка не пущена въ продажу. Теперь онъ напечаталъ еще книжку, въ которой двѣ повѣсти. Изъ нихъ одна, названная имъ Цыганка, очень замѣчательна. У него оригинальный умъ и талантъ рѣшительный. — Про Воейкова самаго нечего сказать. Какъ-то утратилъ онъ весь интересъ. Но за то много хорошаго говорятъ про его Сашу, что̀ въ Институтѣ. Она будетъ первая во всемъ этомъ выпускѣ [3]).— Вы мнѣ поручили писать къ Аннѣ Петровнѣ [4]). Виноватъ: не собрался. Да вы и не удивитесь этому, когда я въ мѣсяцъ едва къ вамъ успѣлъ окончить письмо. Изъ отмѣченныхъ вами для себя книгъ вы только двѣ отъ меня получите: Новоселье и Повѣсти Анны Петровны. Послѣднюю книжку (въ которой помѣщена Олинька) отдалъ я для отсылки къ вамъ С. А. Юрьевичу [5]) еще на прошлой недѣлѣ; не знаю, исправно-ли онъ ее къ вамъ отправилъ. Въ нее вложилъ я и списокъ начала вашего перевода: Мо-

---

[1]) Жетоны, которые по примѣру Французской академіи раздавались академикамъ послѣ каждаго засѣданія. Ср выше, стр. 337, письмо Пушкина.

[2]) Протасовой.

[3]) Александра Александровна Воейкова, впослѣдствіи фрейлина великой княгини Маріи Николаевны.

[4]) Зонтагъ, жившей тогда въ Одессѣ.

[5]) Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ состоялъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Николаевичѣ во время его воспитанія.

настырь [1]). Что касается до Ундины, она здѣсь. Прочія книги я не послалъ, не увѣренъ будучи, точно-ли вы еще долго останетесь въ чужихъ краяхъ. Если это дѣйствительно такъ, что ваше здоровье потребуетъ должайшаго отъ васъ леченія, то вы вѣроятно дадите объ этомъ знать мнѣ или князю Вяземскому: тогда я и пришлю къ вамъ побольше книгъ. Между тѣмъ выйдетъ и Курбскій весь, котораго теперь у насъ одна только часть. На Давыдова придется вамъ развѣ только поглядѣть: новаго читать нечего; онъ прежній, безъ прибавокъ. Одоевскій еще не напечаталъ своихъ сказокъ, которыя называются Пестрыми съ краснымъ словцомъ. У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами. Но никто не торжествовалъ съ такою славою надъ физическими страданіями, какъ Александра Осиповна *(Смирнова):* она представила изъ себя существо выше и своего пола, и нашего вѣка. Еслибъ вы были свидѣтелемъ, какъ она, по воскресеніи своемъ, стала выше всѣхъ женщинъ и многихъ мущинъ: то вы болѣе бы еще стали ее любить. Теперь она въ Берлинѣ. Вы конечно туда къ ней напишете. А бѣдный Стеричь! [2]) Сегодня или завтра онъ скончается въ чахоткѣ. Такой ли быстрой конецъ онъ назначалъ себѣ при этомъ блистательномъ началѣ? Мать его, я думаю потеряется. Она только и жила имъ и для него.

Нашъ добрый, незамѣнимый Карлъ Карловичъ! [3]) Сегодня онъ отправился: воротится ли, Богъ знаетъ. Мы безъ васъ и

---

[1]) Этотъ неизвѣстный намъ переводъ (изъ Вальтеръ-Скотта?) вѣроятно остался неконченнымъ.

[2]) Камеръ-юнкеръ, блиставшій въ большомъ свѣтѣ, кажется внукъ Архаровой. Есть французскіе романсы его сочиненія.

[3]) Мердеръ.

безъ него совершенно осиротѣли. Такъ какъ въ васъ теперь настоитъ для Великаго Князя чрезвычайная нужда, то я и думаю, что нѣтъ надобности посылать къ вамъ много книгъ, увѣренъ бывъ, что вы не замедлите сюда явиться, лишь только почувствуете возможность. На экзаменѣ Великій Князь показалъ удивительную способность выражаться. Онъ могъ по цѣлому часу безостановочно разсказывать, сохраняя достоинство слога, чистоту языка и пріятность тона. Вашими совѣтами я не замедлилъ воспользоваться. Они у меня болѣе всего пишутъ и читаютъ. Теперь я пробую, какъ они изъ знакомыхъ имъ историческихъ происшествій будутъ составлять характеристики лицъ. Мнѣ хочется пріучить ихъ къ сжатости разсказа, къ нѣкоторому созданію въ произведеніяхъ. То что̀ они составляютъ по лекціямъ К. И. [1]) есть подражаніе или лучше повтореніе его созданія. Я желаю видѣть, какъ они, взявъ все, что̀ касается до какого нибудь историческаго лица, составятъ сами краткій обзоръ его жизни, какъ сольютъ его черты въ одну картину.

Обнимаю васъ и молю Бога, чтобъ возвратилъ васъ къ намъ въ совершенномъ здоровьѣ. Преданный вамъ душевно Плетневъ.

4.

14 Іюля 1834 г. Спасская мыза, близъ Спбурга. (Въ Петергофъ).

На вашѐ порученіе имѣю честь отвѣтствовать слѣдующее: Единственный человѣкъ, котораго я считалъ достойнымъ находиться при васъ, соглашается на это. Исторія его слѣдующая: Христофоръ Николаевичь Бѣлокопытовъ (будущій камердинеръ вашъ) воспитанъ былъ для сей должности покойнымъ П. С. Молчановымъ, который до такой степени оставался имъ всегда доволенъ, что завѣщалъ ему по смерти своей 15 т. р. и все то, что остается въ его спальнѣ, кабинетѣ и погребѣ. Все это вмѣстѣ конечно составило изрядный капиталецъ. Но онъ, по смерти бла-

---

[1]) Константина Ивановича Арсеньева, преподававшаго Великому Князю русскую исторію.

годѣтеля своего, женился: слѣдственно понимаетъ необходимость не касаться своего капитала, и желаетъ продолжать службу при комъ нибудь, гдѣ бъ его также любили, какъ и въ первомъ его мѣстѣ.

Я не входилъ и не могъ входить съ нимъ ни въ какія подробности на счетъ его семейства, долженъ ли онъ нанимать для него особую квартиру, или вы позволите ему держать жену въ вашей квартирѣ: объ этомъ рѣшительнѣе можно будетъ вамъ говорить тогда, когда вы его нѣсколько узнаете поближе. На первый случай я только сказалъ ему, что вы полагаете ему жалованья въ годъ тысячу рублей, что для работъ почернѣе будетъ въ его вѣдѣніи истопникъ, и что вы слишкомъ умѣете цѣнить и оцѣните все, что въ немъ будетъ особенно хорошаго. Къ его чести скажу, что онъ не считаетъ за униженіе быть въ услугахъ при комъ нибудь, видѣвъ на опытѣ, что отличнаго слугу всѣ предпочитаютъ негодному чиновнику. Встаетъ онъ всегда въ пять часовъ. Нѣтъ въ домѣ ни одной вещи, которой бы онъ не понималъ, какъ съ нею обходятся, какъ ее можно улучшить и въ случаѣ нужды поправить. На посылкахъ къ самымъ знатнымъ лицамъ онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ посланниковъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ природнаго языка понимаетъ понѣмецки и, кажется, пофранцузски.

Въ цвѣтущіе годы его прежней службы, я старался узнавать, какими слабостями онъ можетъ вредить себѣ, потому что смѣшно было бы воображать въ его лицѣ существо совершенное. Мнѣ говорили, что онъ наклоненъ только къ тому, къ чему и всѣ въ пламенной юности. Изъ этого онъ своею женою освобожденъ отъ одной части. Не знаю, любитъ ли онъ шампанское: но мнѣ не случалось никогда его видѣть не только пьянымъ, даже немножко потерявшимъ свое достоинство. Говорили, будто онъ и въ карты поигрывалъ: но это я приписываю зависти, или послабленію, въ которомъ онъ могъ находиться у человѣка, ввѣрившагося ему совершенно. Однимъ словомъ: объ этихъ слабостяхъ я говорю, какъ о слухахъ, которые хорошо принять къ свѣдѣнію,

чтобы ему же больше сдѣлать добра. Вы въ первое время будете смотрѣть на него свѣжими глазами и тотчасъ примѣтите, отъ чего надобно или ненадобно будетъ его остеречь. Главное: изыскивайте больше для него дѣла, особенно въ комнатахъ вашихъ. Онъ можетъ быть вашимъ библіотекаремъ, аптекаремъ, лѣкаремъ, поваромъ и проч., и проч. Вамъ смѣшно, что я имъ столько занимаюсь. Но я думаю такъ: этотъ человѣкъ долженъ для васъ сдѣлаться всѣмъ, потому что у васъ нѣтъ ни жены, ни гофмейстера. Потрудитесь написать, когда ему пріѣхать къ вамъ.

Вашъ Плетневъ.

5.

30 Декабря 1838 г. Санктпетербургъ. (Въ Италію).

Завтра мы соберемся на чердакѣ у Одоевскаго для встрѣчи новаго года, но увы! безъ васъ, нашъ добрый, нашъ милый Василій Андреевичъ! Вы конечно про это вспомните. Мы будемъ пить ваше здоровье, всѣ, громко и единодушно, но не такъ радостно, какъ если бы въ присутствіи вашемъ. Я живо воображаю, сколько для васъ наслажденій въ этой Италіи, на которую вы такъ наглядитесь! Сколько вы прибавите къ вашей коллекціи новыхъ эстамповъ, картинъ, и увы! сколько вы накидаете карандашемъ собственныхъ видовъ; потому *увы*, что въ эти минуты могли бы вы переводить Тасса, или хоть Манзони, а еще бы лучше, писать собственные стихи. Но говорятъ, вы такъ наслаждаетесь счастливымъ бездѣйствіемъ, что и пера не мочите чернилами. Какъ это грустно! Правду говаривалъ намъ покойный К. Ѳ. Германъ: «удивительно, какъ человѣкъ отъ природы лѣнивъ»! Сознавая всю непреложность этой истины, я не смѣю ожидать отъ васъ не только стиховъ, даже и прозы письменной. Но у васъ теперь подъ рукой Гоголекъ. Заставьте его за себя написать что нибудь ко мнѣ. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Думаетъ ли возвратиться сюда? Уже ли онъ забылъ, что въ концѣ нынѣш-

няго (1839) года его сестры выйдутъ изъ Института? На вашу лѣнь жаловалась мнѣ одна дама, у которой на время я заступаю ваше мѣсто; разумѣется, заступаю безъ той пользы, которую доставляли ей ваши совѣты. Угадали ли, кто она? [1]) Но я хочу въ свою очередь помучить васъ и промолчу.

Я не посылаю къ вамъ экземпляра вашего Современника; потому что Назимовъ увѣрилъ меня, что Великій Князь получаетъ его. Не браните ли вы меня за статью о вашемъ путешествіи по Россіи? [2]) Я очень желалъ бы даже бранныя получать отъ васъ письма, да и тѣхъ не дождусь. Къ А. И. Тургеневу и кн. Вяземскому я отправилъ свой журналъ. Желалъ бы это же сдѣлать и для Тютчева; но не знаю какъ.

Обнимаю васъ. Объ одномъ умоляю: не лишите меня вашей памяти въ замѣнъ стиховъ и прозы.

Душевно и сердечно преданный вамъ П. П.

Письмо Жуковскаго.

17 (29) Іюля 1840. Дармштадтъ.

Любезнѣйшій Петръ Александровичъ.

Вы думаете, что я къ вамъ скоро буду? Анъ нѣтъ, погоди. Я еще остаюсь шататься на Рейнѣ и не прежде возвращусь въ Петербургъ какъ въ половинѣ или въ концѣ Октября. Благодарю васъ за оба дружескія письма ваши и за то что вы скрутили въ дугу Смирдина. Этого я бы не умѣлъ сдѣлать, и съ сего времени опредѣляю васъ моимъ литтературнымъ палачемъ. Для этого теперь представляется особенный казусъ; мнѣ бы хотѣлось продать существующія мои сочиненія кому нибудь на вѣчное владычество,

---

[1]) Повидимому Плетневъ разумѣетъ здѣсь великую княжну Марію Николаевну, которой онъ преподавалъ русскую литературу во время отсутствія Жуковскаго.

[2]) Эта статья появилась въ *Современникѣ;* см. I-й томъ настоящаго изданія, стр. 404.

ибо деньжура будетъ мнѣ крайне нужна при моемъ возвращеніи на святую Русь. Поручаю вашей дружбѣ эту заботу. Другая забота вотъ какая: передайте приложенное письмо генералу Дубельту. Въ немъ находится письмо къ Кюхельбекеру, которому я не успѣлъ написать при отъѣздѣ моемъ за границу; но это письмо лежитъ у меня на сердцѣ; прошу васъ попросить Дубельта, чтобы его немедленно отправилъ. Приложите къ нему экземпляръ моихъ сочиненій и экземпляръ сочиненій Пушкина, которыя возьмите на мой счетъ у Смирдина и передайте Дубельту съ просьбою доставить при письмѣ Кюхельбекеру. Поспѣшите это исполнить, мой добрый Петръ Александровичь, вы крайне меня этимъ обяжете.— Еще одна просьба, на которую обратите дружеское вниманіе, хотя она можетъ быть и покажется вамъ маловажною. У меня есть здѣсь пріятель, нѣтъ, болѣе нежели пріятель, другъ по сердцу, человѣкъ какихъ мало и для меня особенно значительной по его вліянію на судьбу мою. Это Радовицъ. Вы объ немъ не слыхали. Онъ страстный охотникъ до автографовъ и собралъ ихъ уже великое множество. Онъ желаетъ имѣть русскихъ и далъ мнѣ списокъ [1]). Увѣряю васъ, что вы меня несказанно обяжете, если поможете мнѣ сдѣлать это удовольствіе Радовицу; соберите что можете по приложенному списку и доставьте мнѣ повѣрнѣе. Адресовать можете на имя нашего министра Убриля (Oubril) во Франкфуртъ на Майнѣ. Онъ будетъ знать куда переслать мнѣ письмо ваше. Радовицъ сказалъ мнѣ что можно найти автографы у Шардіуса, архиваріуса Петербургской Академіи Наукъ. Попросите его моимъ именемъ; употребите разныя каверзы, словомъ потѣшьте меня.

---

[1]) Вотъ имена, вошедшія въ этотъ списокъ, переписанный рукою Жуковскаго на особомъ листкѣ, приложенномъ къ настоящему письму: «Петръ Великій, Лефортъ, Екатерина I, Петръ II, Анна, К. Яковъ Долгорукій, Остерманъ, Биронъ, Минихъ, Елизавета, Лестокъ, Ферморъ, Салтыковъ, Бестужевъ, Петръ III, Екатерина, Алексѣй Орловъ, Григорій Орловъ, Румянцевъ, Суворовъ, Репнинъ, Каменскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Кантемиръ, Эйлеръ, Потемкинъ, Павелъ I, Кутузовъ, Дибичъ, Паскевичъ, Сперанскій, Дашковъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Дмитріевъ, Вяземскій, Батюшковъ, Крыловъ, Крузенштернъ, Филаретъ, и пр. и пр.».

Поручаю вамъ поклониться отъ меня Субботѣ Одоевскаго; а самаго хозяина Субботы дружески за меня обнять. Во всякомъ случаѣ отвѣчайте поскорѣе на это письмо и адресуйте его къ Убрилю, если не будетъ фельдъегеря.

Вашъ отъ всего сердца Жуковскій.

6.

Пятница. 9 Августа, 1840 г. С.-Петербургъ. (Въ Дармштадтъ).

Сегодня былъ у меня князь П. А. Вяземскій и разсказалъ мнѣ свою сплетню. Ничего не нашедши новаго написать къ вамъ, Василій Андреевичь, въ послѣдній разъ, онъ вспомнилъ о разговорѣ, изъ котораго дошло до его слуха, будто я, вдовецъ, опять женюсь — и написалъ вамъ объ этомъ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Хоть и я смѣялся съ нимъ надъ этою сплетнею, но все нашелъ, что лучше вывести васъ изъ этого ложнаго мнѣнія. Я не только не думаю жениться, но сбираюсь и совсѣмъ уѣхать отсюда, чтобы, послѣ 27 лѣтъ службы, тягостной и безпрерывной, гдѣ нибудь вздохнуть на свободѣ, будетъ ли это въ Одессѣ или въ Дрезденѣ—для меня все равно, лишь бы не въ Петербургѣ. За три дня передъ симъ возвратился я изъ Гельсингфорса, проживъ тамъ мѣсяцъ. Юбилей въ Университетѣ торжествовали и великолѣпно и умилительно [1]). Участіе почти всѣхъ жителей Финляндіи въ ученомъ праздникѣ, старинныя, прекрасныя формы промоцій, сліяніе торжества свѣтскаго съ религіозными обрядами — все это поразило меня и оставило въ душѣ глубокое впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, вы уже видѣли изъ газетъ, что и васъ тамъ не забыли, произведши васъ заочно въ доктора философіи. Я передалъ Дубельту письмо ваше и книги, которыя онъ уже отослалъ по принадлежности. Смирдинъ ужасный негодяй. Увидѣвъ, что я денегъ Анны Петровны ему не подарилъ, онъ, противъ заключеннаго

---

[1]) См. въ I-мъ томѣ настоящаго изданія, стр. 433—444, описаніе этого юбилея.

съ вами контракта, не беретъ отъ меня рукописей ни Анны Петровны, ни Авдотьи Петровны[1]), такъ что я не знаю, ужь не напрасно ли онѣ трудятся. Онъ чувствуетъ, что я не допущу его печатать ихъ переводовъ, пока онъ каждой изъ нихъ по условію не выдастъ по тысячѣ рублей, чего ему и не хочется. Продавая навѣки свои сочиненія, вы должны означить примѣрно, чего хочется вамъ: безъ этого нельзя приступить и къ торгу. Въ дѣлѣ автографовъ обѣщалъ мнѣ помощь кн. П. А. Вяземской. Но ничего нельзя ожидать скоро. Это дѣло многихъ мѣсяцевъ и свободныхъ дней, какихъ теперь, при моей должности, не имѣется у меня.

Марья Ѳедоровна Козлова прислала ко мнѣ копію съ аттестата, полученнаго покойнымъ профессоромъ Рейтеромъ, и копію съ просьбы, поданной Императрицѣ вдовою его. Все это поручила Козлова мнѣ, чтобы я вручилъ вамъ для исходатайствованія вдовѣ Рейтеръ пенсіи. Долгомъ считаю извѣстить васъ объ этомъ и просить, чтобы вы о послѣдующемъ увѣдомили Козлову сами, написавъ ей во Флоренцію poste restante. Я не посылаю самыхъ копій, ибо она доставитъ вамъ другія.

Гоголь желаетъ занять мѣсто въ Римѣ при Кривцовѣ, назначенномъ въ начальники русскихъ художниковъ въ Италіи. Это дало бы ему рублей тысячу серебромъ — и онъ благословилъ бы Провидѣніе, посвятивъ себя единственно литературной работѣ.

Желаю, чтобы вы были совершенно здоровы и веселы. Кстати о весельѣ: Вяземскій и о васъ мнѣ сказалъ, будто вы женитесь. Слушая его, я про себя думалъ: голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о племянницахъ Жуковскаго, А. П. Зонтагъ и Авд. П. Елагиной, по родителямъ Юшковыхъ.

7.

3 Сентября 1840 г. С.-Петербургъ. (Въ Дюссельдорфъ).

Скоро будетъ 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ меня какая-то счастливая звѣзда привела къ вамъ, Василій Андреевичъ! Много было случаевъ, которые передо мною раскрывали вашу благородную, возвышенную душу. Не говорю уже о томъ, что всѣмъ своимъ нынѣшнимъ счастіемъ обязанъ я единственно хорошему обо мнѣ вашему мнѣнію. Да если бы и не привелъ мнѣ Богъ такъ близко сойтись съ вами, все бы вы были для меня, какъ и для всякаго не безъ души человѣка, существомъ утѣшительнымъ и святымъ.

Я началъ издалека для того, чтобы вы яснѣе поняли, съ какимъ теперь участіемъ я думаю о новой судьбѣ вашей. Боже мой! Кому же и послать на землѣ это тихое, отъ всѣхъ закрытое, но неизсякающее счастіе, какъ не вамъ, который, при всѣхъ перемѣнахъ жизни, умѣлъ спасти святыя чувства души и лучшіе помыслы! Съ какимъ умиленіемъ я читалъ эти восхитительныя, исполненныя восторговъ и задумчивости строки, въ которыхъ вы заговорили о новомъ раѣ своей души! «Жизни! жизни»! О! Провидѣніе услышитъ эту молитву! Она каждый день вылетать будетъ не изъ вашихъ только устъ, но и изъ тысячи другихъ, кто только васъ узналъ когда нибудь. Такъ: жизни! жизни! съ ея поэзіею любви, дружбы, мира и вдохновенія!

Помните ли, что разъ, лѣтъ за двадцать, въ Павловскѣ, еще не коротко вамъ знакомый, но столько же, какъ и теперь, привязанный къ вамъ, я говорилъ съ вами о вашемъ назначеніи? Я вѣрилъ, что вы рождены единственно для уединенія и поэзіи. Всѣ эпохи съ тѣхъ поръ, въ которыя удавалось вамъ находиться въ этомъ состояніи, Богомъ указанномъ душѣ вашей, оправдывали меня. Не тогда ли вы были вполнѣ собою, когда только съ собою жили то на берегу Женевскаго озера, то на берегахъ Рейна,

то въ мирной Лифляндіи—и писали или Шильонскаго узника, или Ангелъ и Пери, или Ундину?

Наконецъ Богъ указалъ вамъ пристань. Съ вами ангелъ, который озаритъ всякое для васъ уединеніе. И такъ будьте тѣмъ, чѣмъ вы должны быть. Живите для любви, дружбы и поэзіи—и Богъ продлитъ вашу жизнь, безмятежную, радостную и полную высокихъ благъ.

Скажите вашей Элизѣ, а нашему Генію вдохновенія, что мы всѣ уже ее любимъ и покланяемся ей. Мы столько же ее считаемъ счастливою, сколько и васъ, потому что существо, которому вы ввѣрили себя, не безъ залоговъ отъ Небесъ.

То, что я говорю, чувствуютъ и говорятъ всѣ близкіе ваши: А. О. Смирнова, граф. Віельгорская (мать) и князь Вяземскій.

Къ этой поэзіи надобно прибавить немножко и прозы: такова жизнь! Смирдинъ не принялъ отъ меня рукописей Авдотьи Петровны и Анны Петровны. Онъ желаетъ приступить къ ихъ изданію только при вашемъ возвращеніи. Дѣло въ томъ: принявъ рукописи, надобно взнести тотчасъ же двѣ тысячи рублей. Онъ уже по опыту знаетъ, что чужими деньгами я не шучу. Васъ же онъ надѣется умаслить.

Напишите какія нибудь условія, на которыхъ вы желаете продать навѣкъ свои сочиненія. Тогда я переговорю объ этомъ съ типографщикомъ Фишеромъ.

Объ автографахъ ничего еще не получилъ я вѣрнаго. Но это дѣло ношу на сердцѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

(Получено 4 Октября 1840 г. изъ Дюссельдорфа).

Я сбирался писать къ вамъ, мой добрый, мой любезный Петръ Александровичь, но вы предупредили меня и я спѣшу отвѣчать на ваше письмо, которое тронуло меня до слезъ. Благодарю,

благодарю васъ за то, что мое счастіе такъ вѣрно отозвалось въ вашемъ дружескомъ сердцѣ: душа въ этомъ случаѣ похожа на кокетку: ей любо смотрѣть въ чужую душу какъ въ зеркало и любоваться въ ней своимъ счастіемъ, которое можно назвать граціею души. Она можетъ пробыть на землѣ и безъ счастія; но когда до него доберется, то всегда похорошѣетъ. И тогда очень для нея бываетъ пріятно, когда попадется ей вѣрное зеркало, въ которомъ эта благопріобрѣтенная красота не обращается въ уродство, а отражается тамъ какова она есть. Моя душа, естьли не похорошѣла, то помолодѣла съ той минуты, какъ этотъ добрый ангелъ налетѣлъ на нее и шепнулъ ей: пойдемъ со мною. Подлинно добрый ангелъ, посланный мнѣ Провидѣніемъ, которое здѣсь все устроило, безъ моего вѣдома, такъ ясно и чисто, что я безъ всякаго сомнѣнія позволилъ себѣ поднять руку чтобы взять то благо, которое само далось мнѣ, и котораго бы себѣ самъ ни надѣяться, ни искать не позволилъ. Это было, кажется, мнѣ приготовленнымъ и даннымъ свыше. А все таки страхъ находитъ на душу. Что Богъ дастъ намъ и какъ дастъ, мы не знаемъ; иногда самое лучшее добро, которое кажется намъ въ жизни, есть не иное что какъ поводъ къ испытанію; дается чтобъ быть взятымъ; а ты стой прямо и гляди въ глаза несчастію, чтобы не попасть подъ его свинцовыя ноги. Какъ ни велика участь побѣды надъ самимъ собою, но да пройдетъ мимо эта чаша и да сохранитъ мнѣ Богъ то, что самъ благоволилъ даровать и что теперь даетъ иное значеніе, иную прелесть жизни. Мнѣ будетъ пріятно разсказать вамъ какъ все это случилось со мною. Теперь не буду входить въ подробности. Два мѣсяца пролетѣли для меня здѣсь какъ мигъ съ приводящею въ трепетъ быстротою. Черезъ десять дней пускаюсь въ дорогу; она продолжится вѣроятно недѣли три. А тамъ мы и увидимся.—Что Богъ велитъ потомъ, не знаю. О многомъ не загадываю. Очень будетъ мнѣ весело увидѣть моихъ добрыхъ друзей, принимающихъ въ судьбѣ моей живое участіе, и особенно васъ, мой безцѣнный Петръ Александровичь. Въ ожиданіи личнаго свиданія, скажите Александрѣ Осиповнѣ *(Смирновой)*, что

я ее отъ всего сердца обнимаю: она болѣе другихъ знаетъ, какое сокровище мнѣ досталось. Я къ ней писалъ и радуюсь мыслію, что увижу ее и что моя Елизавета ей знакома.—До свиданья.

Жуковскій.

Что дѣлать съ Смирдинымъ! Или, лучше сказать, съ нимъ дѣлать ничего не надобно; а приняться за кого нибудь другаго. О продажѣ моихъ сочиненій будемъ хлопотать вмѣстѣ; но я полагаю, что вы имъ цѣну знаете лучше, нежели я, и продадите ихъ успѣшнѣе моего.

8.

5 Іюня 1842 г. С.-Петербургъ. (Въ Дюссельдорфъ).

Годъ уже прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ вами, добрый Василій Андреевичь, кормчій мой черезъ цѣлую половину жизни. Но я не былъ вовсе лишенъ извѣстій о васъ. Добрая наша Государыня позволила друзьямъ вашимъ прочитать то письмо, которое вы прислали къ ней передъ Пасхою. Оно вполнѣ удовлетворило нашему любопытству и участію. Какъ я живо представляю теперь этотъ уединенный домикъ, въ которомъ вы проводите мирные, счастливые дни свои. Но состояніе здоровья вашего и особенно вашихъ глазъ безпокоитъ насъ всѣхъ. По необходимости надобно отказаться отъ многаго, что бы вы должны, могли и желали бы сдѣлать. Теперь ваша жизнь не вамъ принадлежитъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, сколько уже успѣли вы перевести изъ Одиссеи. Какое наслажденіе вы готовите намъ!

Нынѣшнюю весну провелъ здѣсь Гоголь. Сегодня опять отправляется онъ за границу. Онъ напечаталъ свой романъ: Мертвыя души. Это безъ сомнѣнія лучшее изъ всего, что только есть въ нашей литературѣ. Сколько комизму разнообразнаго, схваченнаго живьемъ въ натурѣ и переданнаго со всею яркостію красокъ! Особенно это поражаетъ всякаго, когда онъ самъ читаетъ. Для его сочиненій нуженъ чтецъ, который бы напередъ

изучилъ его: иначе досадно слушать, чувствуя, какъ гибнутъ изумительныя красоты искуства поэтическаго.

Одоевскій вчера уѣхалъ тоже за границу съ женою. Я увѣренъ, что онъ навѣститъ васъ. Вяземскій думаетъ все лѣто прожить въ городѣ, хоть этому какъ-то не вѣрится. Ростопчина завтра ѣдетъ въ Гельсингфорсъ, а можетъ быть останется и въ Ревелѣ, куда Карамзины уже переѣхали. Не знаю, гдѣ лѣтомъ будетъ жить Смирнова. Пока она еще здѣсь, потому что у ея дѣтей была скарлатина. Послѣднее время ее очень занималъ Листъ, расшевелившій весь Петербургъ. Теперь гоститъ у насъ Мармье, милый и добродушный любитель Сѣвера. Онъ пробрался къ намъ изъ Швеціи черезъ Финляндію, гдѣ очень подружился съ моимъ Гротомъ. Кстати о Гротѣ: получили ли вы посланный мною Альманахъ въ воспоминаніе юбилея Александровскаго Университета? [1]).

Что касается до меня, я остаюсь на прежнемъ положеніи: ректорствую и издаю коё-какъ Современникъ. Лѣтомъ, вѣроятно, никуда не поѣду, развѣ за городъ. Дочь моя съ Ишимовой отправилась уже въ Гельсингфорсъ купаться въ морѣ, что я дѣлалъ прошлое лѣто.

Препровождаю вамъ нѣсколько новостей нашей литературы. Недостаетъ Мертвыхъ Душъ: ихъ вы конечно получите отъ самого автора. Другую новость: Стихотворенія Аполлона Майкова тоже получите отъ него лично осенью. Это сынъ извѣстнаго живописца. Замѣчательной молодой человѣкъ.

Отрекомендуйте меня и поклонитесь отъ меня всѣмъ у васъ въ пріютѣ счастія и тишины.

П. Плетневъ.

---

[1]) Изданный около этого времени въ Гельсингфорсѣ въ память двухсотлѣтняго юбилея тамошняго университета и составленный изъ статей нѣсколькихъ русскихъ и финляндскихъ литераторовъ, сблизившихся между собою на бывшихъ по поводу этого юбилея празднествахъ. См. Списокъ сочиненій и изданій Я. Грота въ *Сборникѣ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ*, т. XXXII, стр. 5.

9.

26 Ноября 1844 г. С.-Петербургъ. [1]).

Посылаю вамъ, Василій Андреевичь, экземпляръ Записокъ Порошина. Я взялъ ихъ для васъ у издателя, внука сочинителева, товарища моего по университету. Книга эта вамъ знакома уже отчасти. Мнѣ помнится, что вы помѣстили изъ нея отрывки въ Вѣстникѣ Европы.

Нынѣшнюю осень мы лишились добраго Крылова. Онъ недолго былъ боленъ отъ несваренія желудкомъ кашки изъ рябчиковъ, которую велѣлъ подать себѣ на ужинъ и куда положилъ масла слишкомъ много. Онъ не страдалъ; все былъ въ памяти и даже до самой смерти разсказывалъ разные по обыкновенію анекдоты. Свою неосторожность въ отношеніи къ кушанью изъ тертыхъ рябчиковъ онъ сравнилъ съ глупостью мужика, который на хилую лошаденку навалилъ 400 пудовъ рыбы, полагая, что она свезетъ, отъ того что рыба была сушеная. Государь изъявилъ согласіе на собраніе подписной суммы по всей Имперіи для сооруженія ему памятника. У министра просвѣщенія собирался по этому случаю сегодня Комитетъ, составленный, кромѣ самого министра, изъ графа Блудова, князя П. А. Вяземскаго, вице-президента Академіи Наукъ, ректора Спб. университета и душеприкащика покойнаго, генерала Ростовцова.

Въ 12 № Современника вы увидите напечатаннымъ письмо ваше къ Государынѣ. Это сдѣлалось по приказанію Ея Величества. Все, что относилось слишкомъ частно до васъ, я выпустилъ изъ этого письма по наставленію Императрицы.

---

[1]) При слѣдующихъ за симъ письмахъ трудно уже въ точности означать, куда именно каждое изъ нихъ посылалось, такъ какъ Жуковскій, по поводу болѣзни жены и другихъ обстоятельствъ, часто перемѣнялъ свое мѣстопребываніе: достаточно знать, что онъ въ это время жилъ то въ томъ, то въ другомъ городѣ близъ береговъ Рейна.

Не смѣю просить, чтобы вы исполнили обѣщаніе свое прислать мнѣ для Современника другую переведенную вами повѣсть въ стихахъ[1]); но если вы сдержите слово, то я буду очень счастливъ.

Главная моя просьба: будьте здоровы и не лишайте меня того вниманія, которое давно сдѣлалось потребностію сердца моего. Дай Богъ, чтобы всѣ ваши также были здоровы.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

10.

2 Марта 1845 г. С.-Петербургъ.

Если бы самимъ вамъ, Василій Андреевичь, можно было чувствовать то, что происходило у меня въ сердцѣ, когда я читалъ письмо ваше ко мнѣ, то могу навѣрное сказать, что вы чаще бы ко мнѣ писали. Вы не можете и вообразить, до какой степени я теперь одинокъ, какъ все около меня умерло, чѣмъ прежде я наслаждался такъ полно! Теперь я совершенно понимаю, что значитъ пережить тѣхъ, кому жизнь одолжена была лучшими своими цвѣтами. Въ одну изъ счастливѣйшихъ для васъ минутъ вы сказали о себѣ: «Прошлая жизнь осыпалась съ меня и лежитъ на моей дорогѣ, какъ сухой листъ вокругъ дерева, воскресающаго съ весною». И я похожъ на голое дерево, но не весною, а позднею осенью. Маленькое число тѣхъ людей, съ которыми вмѣстѣ я бывалъ у васъ, теперь странно разрознилось. Нѣтъ общей любви, общаго интереса и общей цѣли. Однихъ охолодило чувство глубокаго презрѣнія къ господствующимъ идеямъ въ кругахъ литературныхъ. Другіе, недостойно увлекшись соблазномъ

---

[1]) Подъ этою повѣстью слѣдуетъ разумѣть разсказъ: «Капитанъ Боппъ», который однакожъ явился не въ *Современникѣ*, а въ альманахѣ гр. Соллогуба: *Вчера и Сегодня*, на 1845 годъ, т. I. Письмо, при которомъ въ *Современникъ* послана была первая повѣсть («Маттео Фальконе»), не сохранилось въ бумагахъ Плетнева и извѣстно только по отрывку, напечатанному имъ въ біографіи Жуковскаго (см. выше, стр. 120).

корысти, невольно отталкиваютъ отъ себя каждое несовременное сердце. Третьи, какъ златые тельцы, стоятъ на своемъ подножіи — боги для упавшихъ предъ ними, болваны для неязычниковъ. Нѣтъ Моисея — и нѣтъ религіи. Я увѣренъ, что и Вяземскій испытываетъ ощущенія, отъ которыхъ я часто задыхаюсь. Но онъ еще держится за цѣпь, которая нерѣдко втягиваетъ его въ большой свѣтъ. А тамъ нехотя забудешься. Онъ впрочемъ одинъ, при которомъ я дышу какъ будто по старому. Но вы его знаете лучше меня. Предпринимая многое, онъ ничего не исполняетъ. Думаю, что онъ во всю остальную жизнь не успѣетъ не только собрать и издать свои прежнія сочиненія, но даже додержать корректуру своей біографіи Фонвизина. Мнѣ кажется, Блудовъ глубже всѣхъ чувствуетъ одиночество старости своей. Встрѣчаясь съ нимъ, каждый разъ я пораженъ бываю меланхоліею, которою запечатлѣно въ немъ все: движенія, взглядъ, физіономія, даже голосъ. Въ его душѣ безъ всякаго сомнѣнія погребено много великаго и прекраснаго. Корни этого дерева вросли не въ ту почву, на которой бы плоды его созрѣли. Віельгорскій одинъ составляетъ счастливое исключеніе. Онъ блаженствуетъ по своему. Какъ онъ упоенъ оперою! Какими торжествами окружилъ онъ пребываніе здѣсь любимцевъ своихъ! Сколько денегъ брошено въ одну нынѣшнюю зиму на вѣнцы имъ изъ натуральныхъ и золотыхъ цвѣтовъ! Но совсѣмъ не походитъ на него son beau-fils, ублажавшій васъ и выманившій у васъ повѣсть для альманаха, о которомъ (сказать мимоходомъ) ни слуху, ни духу [1]). Эти господа модные писатели заботятся только какънибудь запродать рукопись и выхватить за все у какого нибудь барышника деньги. А что въ этой рукописи для нихъ имени и чести, какъ она будетъ относиться къ современному состоянію литературы и выйдетъ ли когда? это ихъ не занимаетъ. Имъ только нужно, какъ ни попало, добыть денегъ; потому что они должны

[1]) Покойный графъ В. А. Соллогубъ: см. предыдущее примѣчаніе.

являться непремѣнно въ театрѣ, потомъ на вечерѣ, гдѣ играютъ въ карты, и даже наконецъ еще гдѣ нибудь повеселиться, такъ, чтобы слѣдующее утро можно было проспать самымъ богатырскимъ сномъ. Нашъ любимецъ Андрей Карамзинъ, какъ вы конечно слышали, отличился на Кавказѣ. Онъ былъ раненъ въ голову и въ руку. Его храбрость возбудила тамъ общій энтузіасмъ. Теперь онъ возвратился къ матери. Но я еще не видалъ его. И у Карамзиныхъ я почти не бываю. Новость этого развлеченія прошла. Обороту въ ихъ обществѣ и жизни нѣтъ никакого. Между тѣмъ во мнѣ онъ совершился. Я предпочитаю или остаться одному у себя, или провести вечеръ съ Балабиными. Это одинъ въ городѣ домъ, гдѣ постигаютъ и чувствуютъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію. Особенно жена старика Балабина безцѣнное созданіе[1]). Религіозная, интеллектуальная и эстетическая жизнь ни у одной женщины такъ не развиты гармонически, какъ у нея. Смирнова совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она только какъ видоизмѣненіе роскоши приближаетъ въ свой уголъ образы нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, беззаботно отвращаясь отъ нихъ ко всѣмъ земнымъ утѣхамъ; а та ими проникнута и безъ нихъ не могла бы жить. Впрочемъ я очень люблю Смирнову, хотя и желалъ бы многое измѣнить въ ея философіи. Она одна своимъ обществомъ заставляетъ меня забывать, что я пережилъ свой вѣкъ. Къ сожалѣнію, я не могу бывать у нея часто. Постороннія лица, съ которыми надобно у нея встрѣчаться, препятствуютъ, чтобы я наслаждался только ея присутствіемъ и умомъ. Но что сказать объ Одоевскомъ? Въ немъ все еще остается что-то неразгаданное. Онъ къ чему-то стремится. Только въ на-

---

[1]) Варвара Осиповна, дама французскаго происхожденія, но хорошо знавшая и русскій языкъ. Мужъ, Петръ Ивановичъ, былъ отставной генералъ-майоръ. Въ ихъ домѣ Гоголь, по рекомендаціи Плетнева, встрѣтилъ особенно дружескій пріемъ и давалъ уроки единственной дочери Балабиныхъ, Марьѣ Петровнѣ, впослѣдствіи вышедшей замужъ за доктора А. Л. Вагнера и донынѣ проживающей въ Парижѣ, гдѣ В. О. скончалась въ 60-хъ годахъ. Изъ сыновей Балабиныхъ одинъ, Викторъ (уже покойный), былъ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, а другой, Евгеній, переселился во Францію и сдѣлался іезуитомъ.

мѣреніяхъ и поступкахъ его, въ цѣли и средствахъ, въ желаніяхъ и ихъ осуществленіяхъ столько несогласія и противорѣчія, что я готовъ признать его за существо, отъ природы обдѣленное какимъ нибудь органомъ. Его тайныя сношенія и поддержка, оказываемыя К—, наводятъ сильное подозрѣніе на что нибудь — или на чистоту его сердечныхъ движеній, или на объемъ его умственной сферы. К— чистый и открытый ренегатъ. Чтобы не распространяться объ этомъ черномъ созданіи, черномъ и маломъ какъ тѣлесно, такъ и духовно, скажу, что онъ своими поступками принудилъ меня вѣрить несомнѣнно въ существованіе злонамѣренныхъ людей, злонамѣренныхъ не по какимъ нибудь земнымъ, слѣдственно понятнымъ, а иногда и извинительнымъ побужденіямъ, а просто по врожденному влеченію. Ростопчина, кажется, рѣшилась превзойти Вьельгорскаго, разыгрывая изъ себя страстную любительницу оперы. Но это просто желаніе отличиться въ свѣтѣ. Музыкой она не занимается, да и въ душѣ не носитъ къ ней потребности. За то никто больше ея не погубилъ цвѣтовъ на вѣнки и гирлянды. Для содержателей цвѣточныхъ магазиновъ (если только отпускаютъ они свой товаръ на чистыя) это очень хорошо, но не думаю, чтобы это такъ же хорошо было для домоваго ея казначея. Впрочемъ у нея много добраго и хорошаго какъ въ сердцѣ, такъ и въ умѣ, только все гибнетъ отъ легкомыслія и суетности. Изъ таланта своего къ поэзіи никогда не образовать ей ничего художническаго. Она въ понятіяхъ объ искуствѣ, кажется, завязла въ осьмидесятыхъ годахъ. И вотъ, какъ вы видите, всѣ люди, которыхъ присутствіе ваше здѣсь дѣлало сколько нибудь единодушными, вѣрующими и достойными главы своей. Теперь всякой изъ нихъ хочетъ быть главою — и потому нѣтъ ни соединенія, ни дѣйствія.

Покинувъ не безъ горести тотъ кругъ, въ которомъ я прожилъ лучшія двадцать лѣтъ, дѣлюсь теперь воспоминаніями и опытами съ маленькимъ числомъ особъ, ищущихъ моего общества или переписки. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ Г—. Хоть онъ профессорствуетъ въ Гельсингфорсѣ, но мы регулярно по

два раза въ недѣлю сообщаемъ другъ другу о всемъ, что происходитъ въ насъ и около насъ. Это человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ по дѣятельности умственной, по способностямъ къ ученымъ занятіямъ, по моральнымъ правиламъ, по религіознымъ убѣжденіямъ и по характеру счастливѣйшему, какой только встрѣчался мнѣ. Его философія ставитъ его внѣ всякихъ огорченій и мелочныхъ непріятностей жизни. Трудъ и мудрость образовали для него на землѣ какой-то рай, непонятный для другихъ. У него нѣтъ минуты, прекрасно не наполненной чѣмъ нибудь. Другіе въ отправленіи должностей видятъ средство къ жизни и покою; у него наоборотъ: жизнь и успокоеніе служатъ средствами къ достиженію единственной его цѣли — всесторонняго самосовершенствованія. Каждый годъ два раза онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ жить — то на мѣсяцъ (около Новаго года), то на два (въ каникулы). Я всѣмъ ему обязанъ, если успѣлъ утвердить въ себѣ что-нибудь прекраснаго въ высшемъ человѣческомъ значеніи. Я вполнѣ убѣдился теперь, что не ученіе, не воспитаніе, не книги, не общество совершаютъ въ душѣ нашей благодѣтельные перевороты, а одинъ человѣкъ съ могучею волею, съ твердымъ характеромъ, съ неподдѣльнымъ достоинствомъ, если онъ живетъ съ нами, и если мы его съ любовію оцѣнили. Въ нашемъ обществѣ и Ишимова, существо чистѣйшее по душѣ, по побужденіямъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и равно стремящееся къ самосовершенствованію, но безъ малѣйшаго знанія людей и свѣта, стѣсняемая домашними огорченіями, гдѣ никто ее не понимаетъ, не только что не цѣнитъ. Она со всею страстію добра и истины занимается Звѣздочкою своей и воспитаніемъ моей дочери. Ольгѣ теперь уже четырнадцать лѣтъ. Если бы она была не дочь моя, сколько бы я могъ наговорить вамъ о ней! Но вотъ одно: со дня рожденія своего до этой минуты она ни однажды не дала мнѣ почувствовать, что за самыя счастливыя удовольствія мы обязаны платить иногда огорченіями, или хоть заботами. Все духовное въ ней самою природою образовалось такъ счастливо, что я, если Богу угодно, теперь же могу навѣкъ оставить ее, не предавшись ни одному

печальному помышленію объ ея будущности. Тѣ истины, до которыхъ я дошелъ такъ поздно, и не самъ собою, а при содѣйствіи Г. . . а, въ ней развились свободно, легко и твердо. Объ нихъ никто не твердилъ ей. Она только жила въ кругу, гдѣ онѣ являлись не въ звукахъ, не въ буквахъ, а въ дѣйствительности. Для нея бездѣйствіе — наказаніе. Изобрѣтательное воображеніе ея каждому мгновенію назначаетъ самый пріятный трудъ. У нея есть маленькая подруга, или, точнѣе сказать, воспитанница ея. Это одна бѣдная дѣвочка, которую она случайно узнала и которой мать не въ состояніи дать никакого воспитанія. На эту любимицу она истощаетъ всѣ свои попеченія. Что только узнаётъ она сама отъ учителей, или отъ Ишимовой — все спѣшитъ она передать этой дѣвочкѣ. Сама учитъ ее играть на фортепьяно, лишь только успѣетъ чему нибудь выучиться новому у Беллинга. Таже исторія съ рисованьемъ, танцами и другими уроками. Она составляетъ для нея расписаніе занятій по днямъ и часамъ. Два дня въ недѣлѣ она должна проводить при ней, чтобы дать полный отчетъ въ занятіяхъ и успѣхахъ. Можете по этому судить, остается ли у нея время для скуки или праздной разсѣянности. Но довольно: я совсѣмъ забылъ, что она мнѣ дочь. Съ прошедшаго лѣта въ мой кругъ вошелъ молодой человѣкъ изъ Москвы, Коптевъ, котораго стихи вы иногда встрѣчаете въ Современникѣ. Онъ живетъ у родителей, которые съ хорошимъ состояніемъ. Изъ университета вышелъ онъ кандидатомъ; служитъ, какъ всѣ молодые московскіе дворяне, въ канцеляріи у тамошняго генералъ-губернатора. Онъ прекрасно владѣетъ Нѣмецкимъ и Французскимъ языкомъ. Цѣль его литературныхъ занятій (рѣдкое нынѣ явленіе!) ни деньги, ни мѣсто по службѣ, ни суетное желаніе прослыть писателемъ: онъ любитъ поэзію для поэзіи и желаетъ только достигнуть въ ней до совершенства, возможнаго при его талантѣ. Когда онъ лѣтомъ былъ у меня, я на недѣлю посылалъ его въ Гельсингфорсъ — и такимъ образомъ, познакомясь лично съ Г. . . мъ, онъ вошелъ ближе въ нашъ бѣдный кружокъ. Между тѣмъ въ эту же пору Ишимова съ моею Ольгой ѣздила въ Москву, гдѣ познакомилась

съ братомъ Коптева, ревностнымъ участникомъ во всѣхъ тамошнихъ филантропическихъ предпріятіяхъ. Это все вмѣстѣ насъ еще тѣснѣе соединило съ поэтомъ. Еще считаю нужнымъ вывести передъ вами лице, для всѣхъ насъ интересное. Можетъ быть, вы помните Нордстрема, который изъ Казанскаго университета являлся къ вамъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ кого-то изъ вашихъ знакомыхъ. Это братъ того Нордстрема. Онъ также изъ Казанскаго унив., только медицинскаго факультета. Былъ онъ года четыре уже докторомъ. Теперь прибылъ сюда для академика Бера, чтобы служить прозекторомъ во время анатомическихъ его лекцій въ Медико-хирургической академіи. Нордстремъ этотъ что-то совершенно въ родѣ Г. . . а. Таже прекрасная душа, таже жадность къ знаніямъ, тѣже моральныя и религіозныя чувства. Но замѣчательнѣе всего то, что въ немъ зрѣетъ геніальный врачь. Нашъ кружокъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ чудныхъ исцѣленій, которыя совершилъ онъ передъ нами. Особенно мы поражены были, какъ онъ спасъ жизнь мальчику изъ Сибири, который (что почти всегда бываетъ съ переѣхавшими въ молодыхъ лѣтахъ оттуда въ Петербургъ) угасалъ отъ чахотки, объявленной прочими врачами неисцѣлимою. На себѣ я еще ощутительнѣе чувствую дѣйствіе его глубокихъ знаній и геніальной проницательности. Онъ теперь занимается состояніемъ внутренняго моего организма — и такія чудеса показываетъ во мнѣ самомъ, что я съ ужасомъ помышляю, до чего бы довели меня прежніе врачи, если бы онъ на ихъ рукахъ остался. Онъ держится болѣе системы предохранительной, нежели преслѣдовательной. Я увѣренъ, что всѣ, обыкновенно отсылаемые отсюда докторами за границу, могли бы и безъ этого обойтися, если бы заблаговременно ввѣрялись человѣку, подобному моему Нордстрему. Итакъ вы видите, что половина лицъ, принадлежащихъ моему сердцу, живетъ розно со мною. Изъ живущихъ здѣсь никто не видалъ и не дѣлилъ моего прошлаго — слѣдственно тутъ нѣтъ необходимѣйшаго въ каждомъ обществѣ — исторіи. Моя исторія вся въ васъ, въ Пушкинѣ и Дельвигѣ. Мнѣ осталось только новому міру

моему указывать на васъ — и онъ дѣйствительно уже знаетъ васъ немногимъ менѣе меня. Вотъ почему письмо ваше такъ животворительно подѣйствовало на меня. Оно прибавило прекрасный къ моей исторіи листокъ — для меня и моего теперешняго міра. Если этотъ новый міръ ничего не можетъ сообщить мнѣ, чѣмъ бы еще такъ хотѣлось пожить, по крайней мѣрѣ я ему оставлю то, чѣмъ нѣкогда жить онъ будетъ.

О Порошинѣ, кажется, я писалъ вамъ нѣсколько. Этотъ издатель — внукъ сочинителя записокъ, не по прямой отъ него линіи, а отъ брата его. Мать нынѣшняго Порошина родная тетка Одоевской, урожденная Ланская. У него хорошее состояніе — и по Русскимъ понятіямъ ему слѣдовало бы, какъ и сдѣлали братья его, служить въ гвардіи. Но онъ предпочелъ профессорство и преподаетъ у насъ Политическую Экономію и Статистику. Онъ образованъ и ученъ отлично. Кончилъ курсъ наукъ въ Дерптѣ и за границею, куда любитъ ѣздить и ѣздитъ часто. Только въ его характерѣ есть что-то непріятное: вѣчное недовольство и подозрительность. При всѣхъ моихъ усиліяхъ я никакъ не могъ усвоить его моему міру. Впрочемъ неудивительно. Въ семьѣ у него были Эдиповскія событія. Одна сестра, играя пистолетомъ, застрѣлила своего брата. Другой ея братъ, бывъ на охотѣ съ мужемъ ея, оступился, задѣвъ курокъ своего ружья, которое убило зятя. Такое сцѣпленіе семейныхъ бѣдствій конечно омрачитъ всякое сердце. У нихъ же нѣсколько лѣтъ тянулся страшный процессъ за большое имѣніе между матерію Порошина и ея сестрою Потуловою. Нашъ Порошинъ возилъ всѣ подробности этого процесса съ выписками законовъ къ парижскимъ юристамъ. Напечатавъ тамъ ихъ мнѣнія, онъ пустилъ въ ходъ эти брошюры по Петербургу — и это ли подѣйствовало, или другое что, только процессъ скоро кончился въ ихъ пользу. Я думаю, что чтеніе Записокъ Павловскаго Порошина иногда наводитъ васъ на мысль, сколько бы вы могли сообщить потомству о времени, проведенномъ вами въ покойномъ Шепелевскомъ и другихъ здравствующихъ дворцахъ. Современникъ никакъ не можетъ оцѣнить всей

важности, какую получаютъ его замѣтки въ потомствѣ. То, что намъ такъ близко и ясно и часто незанимательно, то, по истеченіи столѣтія, становится неоцѣненно. Вы сожалѣете, что не удалось вамъ сдержать обѣщанія и что повѣсть, назначенная вами въ Современникъ, попадется въ Альманахъ. И я, признаюсь, очень сожалѣю о томъ, особенно по тому, что судьба Альманаха неизвѣстна. Въ отдаленіи отъ насъ, вы совсѣмъ не можете ясно представить, что̀ новѣйшіе издатели книгъ дѣлаютъ изъ пьесъ и именъ, цѣнимыхъ дорого публикою. Нынѣ это родъ векселей, которые по востребованію надобности передаются однимъ лицомъ другому то за высшую, то за низшую цѣну, какъ обстоятельства предписываютъ. На примѣръ у васъ выпросилъ пьесу Влад. Сол.; идучи на вечеръ, гдѣ будутъ играть, онъ призываетъ отъявленнаго плута, извѣстнаго книгопродавца Иванова, показываетъ ему листокъ вашъ и по взаимному соглашенію беретъ отъ него столько, сколько успѣетъ выгормошить изъ него, отъ 25 р. до 175. Узнаётъ о томъ спекулантъ Александръ Башуцкій, идетъ къ Иванову, приторговываетъ себѣ вашъ листокъ, уплачивая по самому низкому курсу своихъ непродающихся сочиненій и объявляетъ по секрету площадному поэту Кукольнику, что у него есть рѣдкости. Тотъ, на общія съ нимъ издержки, готовитъ ужинъ, созываетъ на него всѣхъ наличныхъ въ городѣ писателей и приглашаетъ ихъ участвовать въ изданія Illustration на Русскомъ языкѣ, сообщая, что и самъ Жуковскій, желая въ этомъ участвовать, уже прислалъ пьесу, для прочтенія которой вмѣстѣ со множествомъ другихъ пьесъ, написанныхъ знаменитыми Полевымъ, Булгаринымъ, Соллогубомъ, Бенедиктовымъ, и проч. и проч., онъ Кукольникъ и назначилъ сегодняшнее собраніе всѣхъ литераторовъ. На другое утро Сѣверная Пчела, которая передъ разсвѣтомъ пьяная насилу домой дотащилась отъ Кукольника, со слезами умиленія объявляетъ публикѣ о томъ, какъ наконецъ почтеннѣйшій Несторъ Васильевичъ соединилъ всѣ литературныя партіи. Это вамъ легонькой образчикъ, до какой утонченности дошли наши модные литераторы въ сношеніяхъ своихъ съ именами и

пьесами лицъ, которыя впрочемъ, если покажутъ имъ открыто презрѣніе, завтра же будутъ обруганы во всѣхъ журналахъ и газетахъ, потому что нынѣ обыкновенно одинъ издаетъ по два и по три журнала или газеты. Такъ Краевскій издаетъ Инвалидъ, Литер. Газету и Отеч. Записки. Онъ во всѣхъ пишетъ одно, что ничего нѣтъ интереснѣе фельетона Инвалида (въ Лит. Газ.), а въ Инвалидѣ, что ничего нѣтъ остроумнѣе Литер Газ., а въ Отеч. Зап., что ничего лучше обоихъ вышереченыхъ изданій, строго держась скромности, не подписывая нигдѣ своего имени. За то Соллогубъ благоговѣетъ передъ Краевскимъ и коноводами Сѣвер. Пч., Библ. д. Чт., даже Акад. Вѣд.; потому что нынѣ выше таланта секретъ распубликованія. Я полагаю, что вы еще найдете способъ очистить свою совѣсть передъ Современникомъ — а если даже и нѣтъ, то онъ будетъ сожалѣть только о подписчикахъ своихъ, а не о разлетѣвшихся планахъ: у него ихъ нѣтъ. Онъ считаетъ, что ему нужно существовать, такъ какъ онъ получилъ свое существованіе отъ лица безсмертнаго. А какъ о немъ судятъ — это до него не касается. Кстати о судѣ. Вы дурную услугу оказали Москвитянину, поспѣшивъ прислать ему новыя свои Двѣ повѣсти[1]). Онъ же и самъ подсолилъ себѣ, тиснувъ самое письмо ваше, при которомъ онѣ присланы. Краевскаго такъ озадачило это обиліе капитальныхъ статей журнала при его открытіи новою редакціею, что онъ поспѣшилъ въ Отеч. Зап. пустить ругательнѣйшую на него статью, подъ замысловатымъ заглавіемъ: Москвитянинъ и Вселенная. Такъ какъ цензоръ не пропустилъ его остротъ на ваши пьесы, то вся желчь излилась на бѣдныхъ Погодина и Кирѣевскаго. Чтеніе пьесъ вашихъ въ Москвитянинѣ для нашего общества, т. е. для моего маленькаго міра, было истиннымъ наслажденіемъ, какое приносятъ только весеннее солнце да весенніе цвѣты. Избранный вами метръ для стиховъ мнѣ удивительно нравится. Онъ даетъ способъ сохранить всю прелесть натуральнаго тона, все разнообразіе

---

[1]) Такъ озаглавлено стихотвореніе Жуковскаго, напечатанное въ 1-й книжкѣ *Москвитянина* 1845 года.

колорита и всѣ оттѣнки языка. Но это потому, что вы и поэзія—близнецы. Въ какомъ бы костюмѣ оба ни являлись вы — всѣ чувствуютъ, что вы родные оба. И экзаметръ древнихъ и безрифменный вашъ ямбъ, равно какъ самая проза ваша, ни въ чемъ не нуждаются, какъ скоро вы дали имъ жизнь. И это я говорю не по пристрастію къ вамъ, не по личности (какъ многимъ кажется), а по тому, какъ я удовлетворяюсь. Не думаю, чтобы столько лѣтъ занимавшись все литературою, я вовсе лишенъ былъ чувства къ истинно-прекрасному. Я думаю, что цѣнность сочиненія эстетическаго всего вѣрнѣе опредѣлять объемомъ, силою и полнотою ощущеній, оставляемыхъ ими въ сердцѣ и душѣ читающаго. Когда я прочиталъ ваше письмо къ Кирѣевскому и Двѣ повѣсти; то сдѣлался такъ счастливъ, такъ исполненъ спокойствія, такъ близокъ къ добродѣтели, что день этотъ остался для моей памяти въ числѣ пріятнѣйшихъ. Уже ли слѣпое пристрастіе къ кому бы то ни было можетъ на насъ такъ странно дѣйствовать? Я люблю и кромѣ васъ многихъ еще, особенно Г. . . а. Но перечитывая его не наполняюсь тѣмъ же, что перечитывая васъ. Или природа, создавъ меня, сообщила мнѣ въ душу особеннаго рода ограниченность, которая не допускаетъ въ нее другаго счастія, кромѣ доставляемаго вашими идеями и выраженіемъ ихъ? Нѣтъ; я убѣжденъ, что вы глубже всѣхъ проникаете въ предметы, яснѣе всѣхъ видите ихъ поэтическую сторону и — даже переводя — лучше самаго автора сливаетесь съ поэзіею его представленій. Вотъ отъ чего, наприм., Мильвуа такъ не увлекателенъ, какъ вы въ Плачѣ надъ могилою коня [1]). Это особенно меня поразило въ письмѣ вашемъ на кончину в. кн. Александры Николаевны. Не понимаю, какъ бы вы это же самое могли сказать для публики яснѣе и короче. Императрица и Ольга Николаевна, когда я пріѣхалъ еще въ Гатчину, показывая письмо ваше, замѣтили, что всѣ онѣ точно то думали и чувствовали, что написали вы, а выразить этого не умѣли какъ вы. Онѣ сами пожелали,

---

[1]) Въ собраніяхъ сочиненій Жуковскаго: «Пѣснь араба надъ могилою коня» (1809).

чтобы я напечаталъ письмо ваше въ Современникѣ [1]), предоставивъ моему личному соображенію, что опустить изъ него. Погодинъ перепечаталъ это письмо въ Москвитянинѣ, съ примѣчаніемъ, что оно по своимъ идеямъ принадлежитъ не только Особѣ, къ которой писано, не только Россіи въ ея горестномъ чувствѣ, но и всему христіанскому міру. Я съ нимъ согласенъ — и скрывать подобныя сочиненія значитъ не творить воли Пославшаго. Вы очень справедливо думаете, что бы можно сдѣлать изъ біографіи Крылова. Да кому это сдѣлать-то? Мнѣ кажется, одинъ Пушкинъ былъ бы въ состояніи повторить въ твореніи своемъ это чудное твореніе руки Создателя. Въ запискахъ у Вигеля есть много остраго и даже справедливаго (хотя не въ похвалу Крылову) о той эпохѣ, когда Крыловъ жилъ въ деревнѣ у Голицына. Вигель пренаблюдательный умъ, только желчный и односторонній.

Двѣ утраты, столь горестныя для Семейства Царскаго, теперь нѣсколько облегчены явленіемъ на свѣтъ Сына Цесаревича [2]). Трауръ снятъ. По сердце матерей, которыя похоронили въ такихъ обстоятельствахъ радовавшія ихъ существа, не можетъ втайнѣ не страдать. Новый Александръ долженъ внести съ собою въ семью Наслѣдника всѣ радости, какія соименный ему Императоръ нѣкогда внесъ въ сердце Екатерины. Намъ не увидѣть этого будущаго, которое такъ таинственно и значительно. Чѣмъ нѣкогда сдѣлается Россія? А къ ея бытію много, много судебъ пріобщено Провидѣніемъ. Меня одно успокоиваетъ:

Летитъ Оно
Съ жезломъ міроправленья
Надъ темной бездною временъ —
И съ вѣчной колесницы
Судьбы державъ, судьбы племенъ
Бросаетъ изъ десницы.

---

[1]) Напечатано въ *Современникѣ* 1844 г., т. XXXVI; въ 7-мъ изд. соч. Жуковскаго, т. VI, стр. 44.

[2]) 6 февраля 1845 года родился нынѣ царствующій Государь Императоръ.

Будьте здоровы, мой ангелъ утѣшенія на землѣ, а счастливы ужъ вы и теперь и будете всегда. Переселившись отсюда въ другую жизнь, я скажу: онъ мнѣ далъ почувствовать тамъ такія радости, какихъ выше и чище я и здѣсь не ожидаю. Пусть добрая и нѣжная супруга ваша къ чувствамъ любви своей присоединитъ мои къ вамъ чувства благоговѣнія и удивленія: она будетъ еще счастливѣе. Передайте это ей. Я бы желалъ когда нибудь хоть взглянуть на нее: только не въ Россіи. Перецѣлуйте ангеловъ вашихъ, дочь и сына. Сохраните ко мнѣ хоть нѣсколько вниманія.

Письмо Жуковскаго.

1 Іюля 1845 г.

Любезнѣйшій мой Петръ Александровичь, ваше длинное письмо, длинное по числу строкъ и страницъ, но слишкомъ короткое по тому удовольствію, которое принесло мнѣ его чтеніе, это любезное письмо, писанное въ Мартѣ мѣсяцѣ, получилъ я въ началѣ Іюня вмѣстѣ съ книжками Современника. И я не тотчасъ прочиталъ его по полученіи, ибо вы такъ искусно умѣли его закопать между листами Современника, что я не скоро бы добрался до него самъ; но оно само соблаговолило выскочить изъ своей темницы, конечно предчувствуя какое удовольствіе принесетъ мнѣ своимъ появленіемъ. И такъ не дивитесь запоздалости моего отвѣта. Но этотъ отвѣтъ будетъ не длинный, ибо мнѣ писать нѣтъ времени; хотѣлъ писать много; но пришлось вдругъ импровизировать письмо короткое: ко мнѣ явился Эртель; онъ ѣдетъ нынче же и я хочу ему передать письмо мое, по той причинѣ, что пакетъ, его заключающій, будетъ довольно увѣсистъ (что для почты не такъ-то удобно); а будетъ онъ увѣсистъ потому, что будетъ заключать въ себѣ сверхъ письма и стихи работы вашего стараго поэта, который изъ-за Одиссеи иногда заглядываетъ и въ Русскія сказки: одну изъ такихъ сказокъ, во всѣхъ статяхъ русскую, разсказанную просто, на русскій ладъ, безъ примѣси постороннихъ украшеній, имѣю честь здѣсь представить издателю

Современника, прося его дать ей уголокъ въ своемъ журналѣ [1]). Симъ приношеніемъ хочу очистить себя предъ вами въ старомъ грѣхѣ: я обѣщалъ вамъ капитана Боппа; а онъ попалъ къ Сологубу (котораго Тарантасъ мнѣ *NB* весьма понравился). Прочитавъ мою сказку, вы можетъ быть найдете, что она черезъ чуръ длинна; но мнѣ хотѣлось въ одну сказку впрятать многое характеристическое, разсѣянное въ разныхъ русскихъ народныхъ сказкахъ; подъ конецъ же я позволилъ себѣ и разболтаться. Если достанетъ хорошаго расположенія, то при Одиссеѣ постараюсь состряпать еще нѣсколько сказокъ въ разныхъ тонахъ и разныхъ характеровъ. Но удастся ли это сдѣлать до своего отъѣзда отсюда, не знаю и даже сомнѣваюсь. Я остановился, кончивъ XII-ую пѣснь Одиссеи и написавъ Ивана Царевича; съ тѣхъ поръ какъ будто заколдобило: всю зиму хворалъ; послѣ хворанья не писалось и теперь не пишется; и такъ будетъ до конца Августа, ибо въ концѣ Іюля надобно будетъ ѣхать въ Швальбахъ пить воды и купаться. По возвращеніи оттуда примусь свѣжій за дѣло. По крайней мѣрѣ могу надѣяться, что кончу Одиссею. Вяземскій прислалъ мнѣ ту записку, которую вы написали ему въ отвѣтъ на его запросъ, какъ бы напечатать Одиссею на казенной счетъ и сдѣлать ее классическою книгою. Мнѣ самому хлопотать объ этомъ не ловко; надобно чтобъ всѣ мои добрые пріятели это пустили въ ходъ. Но признаюсь (хотя я работаю надъ моею Одиссеею единственно изъ любви къ ней и безъ всякаго другаго посторонняго вида), я желалъ бы чтобы мой трудъ могъ обратиться въ пользу моего семейства; какъ поэтическое произведеніе, моя русская Одиссея будетъ моимъ твердѣйшимъ памятникомъ на Руси: она, если не ошибаюсь, вѣрна своему греческому отцу Гомеру; въ этомъ отношеніи можно ее будетъ почитать произведеніемъ оригинальнымъ. И будетъ великое дѣло, если мнѣ моимъ переводомъ удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда я подружилъ ихъ съ поэзіею Нѣмцевъ. По своей важно-

---

[1]) «Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ» напеч. въ *Соврем.* 1845, № 9.

сти въ этомъ отношеніи Одиссея можетъ обратить на себя вниманіе Русской Академіи и Министерства Просвѣщенія, понеже она можетъ быть полезною образовательною книгою въ рукахъ юношества. Мнѣ даже хочется сдѣлать изъ нея книгу для *перваго отроческаго возраста*: переводъ простъ и при всей своей вѣрности кажется мнѣ удобопонятенъ, ибо языкъ не исковерканъ греческими формами, хотя онѣ и всѣ сохранены съ благоговѣніемъ. Можетъ быть я доставлю первыя XII пѣсней для прочтенія Министру [1]); онъ знаетъ хорошо оригиналъ и лучше другихъ будетъ въ состояніи оцѣнить переводъ. Но хлопотать о дѣлѣ изданія поручаю вамъ, Вяземскому, Вьельгорскому. Вы же должны позаботиться и о томъ, чтобы это изданіе было на самыхъ выгоднѣйшихъ для меня условіяхъ: о семъ послѣднемъ, то есть о выгодѣ, я теперь *обязанъ* думать; но имѣю ли надлежащее искусство сохранять свою выгоду — это другое дѣло. Это искусство было всегда у меня въ великомъ несовершенствѣ. А теперь я бы очень желалъ имѣть его. Все здѣсь писанное *между нами двумя*. Отвѣчайте, какъ вы думаете. Къ Уварову я писалъ, но совсѣмъ о другомъ, хотя впрочемъ и объ Одиссеѣ помѣстилъ нѣсколько строкъ въ письмѣ своемъ. Я писалъ къ нему о Гоголѣ. Но Гоголь уже со мною съ мѣсяцъ разстался; онъ отправился купаться въ Гастейнъ; я однако еще ни строки не имѣю отъ него со времени его отъѣзда. — Благодарю за списокъ моего письма, переписаннаго барономъ Розеномъ. Благодарю и барона за его примѣчанія; но не отвѣчаю на нихъ потому, что самый рѣшительный на нихъ отвѣтъ заключается именно въ тѣхъ же моихъ строкахъ, на которыя они сдѣланы. Одно только общее замѣчаніе сдѣлаю: барону не слѣдовало бы обвинять меня въ притворствѣ и въ іезуитизмѣ. Забавно только то, что онъ обвиняетъ меня въ сихъ грѣхахъ за такія выраженія, которыхъ, переписывая мою рукопись, не разобралъ; и бранитъ меня за собственную ошибку. — Въ рукописи моей стоитъ: «Какъ же очутилось выраженіе меланхоліи въ по-

---

[1]) Графу Уварову.

эзіи христіанской? Сперва надобно сдѣлать въ этомъ вопросѣ маленькую поправку: не въ поэзіи христіанской, а въ поэзіи *по распространеніи христіанства*» [1]). Баронъ переписалъ: *а въ поэзіи распространенія христіанства* — и замѣчаетъ: *это что-то непонятно и какъ-то походитъ на ловкій изворотъ казуистики. Что же вы называете поэзіею христіанскою? Евангеліе что ли? и прочее.* — Любезный баронъ, мало того, что это *что-то непонятно*, но это даже чистѣйшая галиматья; только не я произвелъ ее на свѣтъ. А понеже это галиматья, то ни ловкости, ни казуистики въ ней заключаться не можетъ. И весьма неловко что вы меня обвиняете въ *ловкихъ изворотахъ казуистики!* И даже забавно, что вы у меня спрашиваете, не Евангеліе ли называю я поэзіею христіанскою? — Все это не мѣшаетъ мнѣ, любезный баронъ, благодарить васъ за трудъ, который вы взяли на себя переписать письмо мое.

А васъ, любезнѣйшій Петръ Александровичь, сердечно обнимаю. Если вы будете отвѣчать мнѣ скоро и такимъ же длиннымъ письмомъ какъ послѣднее, то я обѣщаю вамъ письмо —

Чудовище, какъ мостъ длиною. (Державинъ) [2]).

Поздравляю васъ съ нынѣшнимъ праздникомъ [3]). Жуковскій.

11.

Пятница. 24 Августа. 1845 г. Спасская Мыза близь С.-Петербурга.

Мѣсто, откуда я пишу вамъ, Василій Андреевичь, не незнакомо вамъ. Когда-то, еще при жизни покойной жены моей, въ мои именины, вы у меня обѣдали здѣсь. Я постоянно живу все на этой дачѣ, и теперь прожилъ на ней ровно 19-ть лѣтъ. Сегодня мнѣ особенно захотѣлось писать къ вамъ, потому что сегодня мои

---

[1]) См. статью Жуковскаго «О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи» (Соч. его, изд. 7-е, т. VI, стр. 71).

[2]) Изъ оды «На переходъ Альпійскихъ горъ», строфа 9.

[3]) Днемъ рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны.

именины. И такъ мнѣ будетъ казаться, что вы опять у меня, по крайней мѣрѣ во все это время, пока я буду писать вамъ. Со мною здѣсь и моя Ольга, а съ нею и воспитательница ея Александра Осиповна Ишимова. Съ нами еще докторъ Нордстремъ, котораго вы по прежнему письму моему отчасти знаете. Для полноты нашего братства недостаетъ сегодня только Г. . . а. Но онъ уже жилъ съ нами нынѣшнимъ лѣтомъ цѣлый мѣсяцъ, и теперь отправился на свою работу въ Гельсингфорсъ. Онъ тамъ работаетъ много и умно. Недавно кончилъ онъ для Финляндскихъ училищъ Исторію Россіи, которую издастъ по русски и по шведски. Въ Современникѣ было много его трудовъ. Статьи его о Державинѣ еще не кончены. Чѣмъ далѣе идетъ онъ въ нихъ, тѣмъ сильнѣе интересъ возвышается. А сколько онъ работаетъ для Звѣздочки Ишимовой. Теперь ужъ два особыхъ отдѣла выходитъ въ этомъ дѣтскомъ журналѣ: одинъ для перваго возраста, другой для втораго. Скоро первый отдѣлъ понадобится для вашей дочери. Вы меня увѣдомьте, когда она выучится читать по-русски. Я ей пришлю эту Звѣздочку, отъ которой у насъ всѣ умненькія дѣти въ восхищеніи. И мой Нордстремъ работаетъ не менѣе Г. . . а, только не перомъ, а ножемъ. Сколько онъ операцій произвелъ въ нашихъ окрестностяхъ! Замѣтили ли вы особеннаго рода глазную болѣзнь у простыхъ людей, особенно у чухонцевъ: она происходитъ отъ того, что рѣсницы ростутъ внутрь глаза. Вотъ надъ этими-то несчастными и работаетъ мой Нордстремъ. Ольга моя исправляетъ у него должность прозектора: она во время операціи держитъ у больныхъ голову, а послѣ промываетъ глаза ихъ. Недостаетъ намъ еще Коптева. Онъ писалъ, что уѣхалъ на лѣто изъ Москвы въ Тульскую свою деревню. Еще зимою прислалъ онъ мнѣ нѣсколько своихъ переводовъ изъ Шамиссо, вамъ посвященныхъ, которые и просилъ онъ переслать вамъ. Я все откладываю, ожидая, не пріѣдете ли вы сюда. Теперь вижу по послѣднему письму вашему, что вы дѣйствительно къ намъ собираетесь. Тогда я и представлю вамъ рукописи Коптева. Самъ я цѣлые полгода долженъ былъ исправлять обязанность здѣшняго по-

печителя, послѣ того, какъ вышелъ въ отставку князь Г. П. Волконскій. Намъ всѣмъ очень жаль его. У него прекрасное сердце и образъ мыслей наилучшій. Но я понимаю, что хлопотливая должность, особенно по ея отношенію къ цензурѣ, немогла не надоѣсть ему. Теперь прибылъ изъ Казани новый нашъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Онъ очень дѣятеленъ, любитъ свою должность и опытенъ въ ней какъ нельзя болѣе, пробывъ въ Казани попечителемъ 18 лѣтъ. Но мы еще не знаемъ его въ частности и вблизи.

Не знаю, какъ благодарить васъ, Василій Андреевичъ, за драгоцѣнный вкладъ вашъ въ сиротствующій Современникъ. Всѣ въ восхищеніи отъ стихотвореній вашихъ. Кн. П. А. Вяземскій, доставившій ихъ мнѣ, радуется, что ни Германія, ни Греція (въ Одиссеѣ) не увлекли васъ изъ Россіи. Вяземскій нынѣшнее лѣто живетъ на Каменномъ Острову. Я бывалъ у него нѣсколько разъ. Тамъ я видѣлъ сына покойнаго поэта Долгорукаго [1]). Онъ назначенъ посланникомъ въ Персію. Ему хочется издать только для друзей сочиненія отца, который между прочимъ оставилъ и автобіографію, очень любопытную. Отрывки изъ нея помѣщены въ Москвитянинѣ, который что-то пріостановился. Для изданія журнала, кромѣ таланта и учености, нужно необыкновенное терпѣніе или постоянство въ дѣятельности. У меня сказку вашу, которую вы получите въ Современникѣ съ этимъ письмомъ, читалъ въ корректурѣ англичанинъ Шо (Shaw). Онъ даетъ уроки моей Ольгѣ въ англ. языкѣ и хорошо выучился по-русски. Это человѣкъ съ необыкновенными способностями для переводовъ въ прозѣ и стихахъ. Вы можете сами въ томъ убѣдиться, прочитавши въ Blackwood's Edinburghag Mazine (№ CCCLVI. June, 1845. Vol. LVII). его статью, подъ названіемъ: Pushkin, the Russian poet, которую онъ заимствовалъ изъ вашего письма къ С. Л. Пушкину и изъ моей статьи: Александръ Пушкинъ. Сказку вашу онъ непремѣнно хочетъ перевести на англ. языкъ и напечатать въ томъ же журналѣ. Онъ говоритъ, что это произведетъ необыкновенное

---

[1]) Ивана Михайловича, род. 1764, ум. 1823 г.

дѣйствіе, какъ образецъ истинно-народной русской поэзіи. Пьеса изъ Шамиссо (Выборъ Креста) тоже прекрасна. Этотъ родъ предметовъ и тонъ изложенія нравятся мнѣ чрезвычайно. Ваши планы касательно изданія Одиссеи легко могутъ быть приведены въ исполненіе. Книга введена будетъ какъ учебникъ греческаго языка во всѣ училища Министерства Н. П. Это особенно легко будетъ сдѣлать, если вы прибавите къ переводу то, о чемъ писали Кирѣевскому, т. е. чтобы съ Одиссеею соединить исторію героическихъ временъ Греціи. Остается вамъ только кончить переводъ, обработать Введеніе—и прислать сюда рукописи. Я уже берусь дѣйствовать у Уварова и въ Отдѣленіи Рус. я. и сл. Только дай Богъ, чтобы здоровье и расположеніе духа какъ собственно ваше, такъ и всѣхъ вашихъ помогало вамъ въ окончаніи этихъ работъ. По моему мнѣнію, кромѣ поэзіи и домашняго мира, ничто уже не должно здѣсь на землѣ входить въ святилище души вашей. Вы совершили все, чего могло требовать отъ васъ просто человѣческое: останьтесь при одномъ небесно-человѣческомъ. Заботы ваши о будущемъ семьи вашей должны ограничиться только дыханіемъ на нее теплотою любви вашей. Все прочее уже приложится къ ней. Семейство царское и благоговѣніе къ вамъ Русскихъ представляютъ достаточные залоги въ неизмѣнномъ счастіи навсегда жены и дѣтей вашихъ. Вы согрѣшите и передъ Богомъ и передъ Царемъ и передъ Россіею, если хоть на мигъ опечалитесь при мысли, какая судьба ждетъ безъ васъ семью вашу. Кто въ жизни то и такъ сдѣлалъ, что и какъ вы, тому непозволительно смущаться земными заботами. При томъ же не убѣждены ли вы вполнѣ, что вся мудрость человѣческая есть буйство передъ Божественною? Ежели это убѣжденіе могло вполнѣ успокоить мое сердце, что же должно поселить оно въ вашемъ? И такъ совлекитесь всего, чуждаго божественности души вашей — и, освятивъ своею вѣрою, надеждою и любовью каждое изъ трехъ лицъ, дарованныхъ вамъ Богомъ, предайтесь одной заботѣ, чтобы всѣ остальныя дни ваши пронеслись съ благодатнымъ на васъ вліяніемъ мирнаго труда и мирнаго веселія.

Вы конечно уже слышали, что мужъ Смирновой губернаторомъ въ Калугѣ. Въ Октябрѣ и она туда ѣдетъ. Богъ знаетъ, что ждетъ ее тамъ. Меня одно успокоиваетъ, что она постигла суету земную и ожидаетъ лучшаго единственно отъ Неба.

Обнимаю васъ мысленно. Молю Бога, чтобы онъ хранилъ дни ваши долго, долго, пока не совершено будетъ вами все ввѣренное прекрасной душѣ вашей.

П. Плетневъ.

12.

1 (13) Ноября 1845 г. С.-Петербургъ.

Ваше письмо отъ 19 (31) Октября получено мною 30 Октября (11 Ноября) [1]. Вы не упомянули въ немъ, Василій Андреевичъ, о моемъ письмѣ, которое съ Современникомъ отправилъ я къ вамъ, получивъ Сказку вашу [2] и Выборъ креста. Можетъ быть, оно осталось въ книжкѣ, и до сихъ поръ не догадалось оттуда выпасть. Не удивляйтесь, что Выборъ Креста еще не напечатанъ мною: я желаю начать имъ 1846 годъ [3]. Нельзя же безъ толку бросать въ публику брильянтами. Въ тотъ самый день, когда я получилъ послѣднее отъ васъ письмо, зашелъ ко мнѣ Вяземскій— и мы читали его вмѣстѣ. Онъ полагаетъ, что сказка ваша, со всею прелестію своею, не защититъ васъ отъ критики людей, совершенно съ разныхъ сторонъ смотрящихъ на этотъ родъ поэзіи. Такъ называемые ревнители народности скажутъ, что Иванъ Царевичъ лишенъ яркихъ красокъ сказочнаго русскаго языка и больше представляетъ собою собственное ваше сочиненіе. Выдающіе себя за художниковъ-космополитовъ будутъ говорить, что ваша сказка ниже тѣхъ произведеній вашихъ, которыми выра-

---

[1]) Этого письма Жуковскаго не оказалось въ бумагахъ Плетнева.

[2]) «Сказку о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ». См выше, стр. 555.

[3]) Это стихотвореніе и напечатано въ 1-й книжкѣ *Современника* на 1846 годъ.

зился личный поэтическій вашъ характеръ. Ни тѣ, ни другіе не оцѣнятъ присутствія русской фантазіи, живаго вашего сочувствія съ героями повѣсти, вѣрности языку нашихъ сказокъ, и той изумительной простоты, которой вы не нарушили ни разу во всемъ столь длинномъ разсказѣ. Что касается до меня лично (такъ какъ вамъ хотѣлось знать и мое мнѣніе), я раздѣляю образъ мыслей вашихъ о цѣли сказокъ и о средствахъ, какими она должна достигать цѣли своей. Сравненіе ваше сказки съ дѣтскими играми очень вѣрно. Игры полезны, пріятны, необходимы, даже правоучительны, если только дѣти предаются имъ отъ полноты души, въ присутствіи любящихъ и умныхъ родителей или воспитателей. Игры не только облегчаютъ серьёзныя занятія и поддерживаютъ прекрасное расположеніе духа, но счастливо развиваютъ самый характеръ и сообщаютъ сердцу дѣтей лучшія качества: незлобіе, благорасположеніе, чувствительность, терпѣливость и признательность. Я полагаю, что чистая, свѣтлая и дышущая благоуханною свѣжестію сфера, что̀ бы она ни была, есть лучшій изъ предметовъ, которыми обязаны мы окружать дѣтей для ихъ и нашего счастія. И касательно правоученія у меня съ вами одни и тѣ же понятія. Ежели вѣяніе чистаго воздуха на физическіе наши органы укрѣпляетъ ихъ безъ всякаго искуственнаго содѣйствія, то и чтеніе сказки или чего бы то ни было, подобнаго ей по интересу, прелести и нравственной чистотѣ, непремѣнно должно развертывать, укрѣплять, настраивать и обогащать всѣми совершенствами духовные органы дѣтей. Въ Иванѣ Царевичѣ не то достоинство, будто бы онъ (какъ вамъ хотѣлось) удержалъ въ себѣ весь характеръ той сказочницы, о которой вы такъ живо вспоминаете, но то, что летишь съ нимъ легко, чувствуешь около себя дѣйствительно сказочную Русь, рѣчь вездѣ такая понятная и такъ близкая къ русскому сердцу и памяти выросшаго на рукахъ русскихъ нянюшекъ, а между тѣмъ есть и богатое разнообразіе, какъ въ самой натурѣ—расказъ то шутливъ, то степененъ, то возвышенъ, то простъ. Видно, что эта сказка идетъ не изъ избы мужицкой, а изъ барскаго дома, и говоритъ ее не бар-

ской подлинала, а прямой поэтъ. Словомъ: вы сдѣлали свое дѣло — и какъ бы о немъ ни стали толковать даже сами вы, не только другіе, ужъ этого дѣла никому не испортить. Въ самомъ дѣлѣ: что̀ значатъ всѣ толки о правилахъ поэзіи? Прахъ и дымъ! Я не перестану думать, что новый родъ воззрѣнія вашего на поэзію только отъ того вамъ по̀ сердцу, что эта самая поэзія въ настоящій періодъ вашей дѣятельности и составляетъ потребность дыханія души вашей. Вы воображаете, что стали работать въ слѣдствіе новыхъ на̀чалъ; а я убѣжденъ, что нача̀ла пришли вамъ въ голову въ слѣдствіе самой поэзіи, вылившейся изъ души вашей, какъ новаго элемента жизни. Слава Богу, что дѣятельность срослась съ вашею жизнію. И такъ вотъ мой силлогисмъ: дай Богъ много, много лѣтъ вамъ здравствовать, тогда вы и напишете для насъ еще много; какъ ни станете мѣнять вы (въ слѣдствіе обновленія жизни) настроеніе трудовъ своихъ, они всѣ будутъ равно прекрасны, потому что всѣ они истинны, т. е. вѣрны жизни, или, что все одно, природѣ; что̀ ни сочините вы по теоріи для поддержанія, или опроверженія поэзіи, что̀ ни станутъ другіе говорить о томъ или этомъ, мы примемъ все только къ свѣдѣнію, въ назиданіе наше, а вашу поэзію, во всѣхъ ея видахъ, сердце наше приметъ въ себя какъ лучшій элементъ его дыханія. О переѣздѣ вашемъ сюда я каждый разъ думалъ съ какою-то печалію, хоть и желалъ бы при концѣ моихъ дней иногда счастливить себя свиданіями съ вами и вашими особенно. Здѣсь не климатъ вашей поэзіи. Ей нужно именно то, чѣмъ вы дышете теперь. О Лифляндіи нечего думать: тамъ не Германія и не Россія, а что-то похуже того и другаго. Въ Дерптѣ наткнешься на Булгарина; на мызѣ занесетъ снѣгомъ такъ, что и не выберешься. Въ Москвѣ нынче живутъ по большой части двойники Краевскихъ, Бѣлинскихъ, Межевичей да Коши. Они-то и Кирѣевскаго такъ озадачили, что онъ бросилъ Москвитянина и, кажется, самую Москву. Въ Петербургѣ безъ службы умрешь отъ скуки. Что лучше Франкфурта, и особенно Дюссельдорфа? По крайней мѣрѣ откладывайте это антипоэтическое возвращеніе столько, сколько бу-

детъ возможности. Но непремѣнно будьте въ Генварѣ 1847 года[1]) въ Петербургѣ. Мы тряхнемъ стариной: по-Крыловски зададимъ вамъ юбилей. Есть отъ чего и будетъ кому развернуться на праздникѣ Пѣвца въ станѣ 1812 года. И съ этого года пройдетъ тогда *дѣсять лѣтъ серебромъ* (Русская шуточка!). Нельзя надѣяться возстанія Смирдина: Сенковскій да Булгаринъ утопили его безвозвратно. Да и безъ него можно обойтися. Вотъ у меня Современникъ, а у Ишимовой Звѣздочка идутъ безъ помощи мужицкихъ лапъ. Правда, барыша мало, а у меня и не безъ изъяну; за то, не играя въ карты по случаю ежедневной корректуры и составленія статей, я все-таки чувствую себя въ большомъ выигрышѣ. А когда подумаю о томъ, что каждый годъ два-три молодые человѣка охранены мною отъ пути литературныхъ беззаконій, то и очень повеселѣетъ на сердцѣ. Если бы даже привелось мнѣ ограничиться и однимъ утѣшеніемъ, что мой Современникъ сформировалъ для ученаго и литературнаго міра драгоцѣннаго моего Я— Г—: и тогда право не жаль мнѣ, что я десять лѣтъ такъ упрямо сидѣлъ за безденежнымъ (слѣд. и безцѣнымъ) своимъ изданіемъ. Если вы задумаете здѣсь изданіе журнала, то безъ книгопродавца пойдетъ дѣло по маслу. Какой переворотъ произвели бы вы въ *не*правленіи (такъ напечаталось у одного изъ модныхъ нынѣшнихъ литераторовъ вмѣсто *на*правленія) нашей литературы!

Великая Княгиня Марія Николаевна приказала мнѣ благодарить васъ за письмо къ Ея Высочеству. Она ожидаетъ исполненія обѣщанія вашего и сама будетъ сказки ваши читать своимъ дѣтямъ. Я провелъ у нея незабвенное утро 25 Окт. Тутъ были всѣ ея дѣти. Она приказала мнѣ прочитать ей Ивана Царевича— и въ ея фантастическомъ воображеніи создался изъ этого чудесный балетъ. Вамъ не надобно рѣдить письмами къ Ея Высочеству. Она и не отвѣчая сама вполнѣ сочувствуетъ всему вашему. Се-

---

[1]) Тогда должно было исполниться пятьдесятъ лѣтъ со времени напечатанія перваго стихотворенія Жуковскаго: «Ода Благоденствіе Россіи» и т. д. (См. Сочиненія его, изд. 7-е, т. I, стр. 1 и 490).

годня я отправляю Ивана Царевича въ Палермо къ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Я воображаю, какое доставитъ ей счастіе чтеніе русской сказки на берегу Средиземнаго моря.

Гоголю прилагаю здѣсь письмо. Самому мнѣ писать къ Бутеневу[1]) показалось какъ-то совѣстно. Онъ и не слыхивалъ имени моего. Вы конечно не затруднитесь переслать. Прошу Гоголя о высылкѣ мнѣ бумаги изъ миссіи, что онъ живъ: иначе и денегъ не выдаютъ въ Государственномъ Казначействѣ.

Смирнова переѣхала уже въ Калугу на губернаторство. Поклонитесь графинѣ Ростопчиной и возмите у нея стиховъ для Соврем., да, буде можно, и своихъ приложите.

Цѣлую ручки всѣмъ вашимъ. Весь вашъ Плетневъ.

13.

25 Декабря 1845 г. (6 Генваря 1846 г.). С.-Петербургъ.

Пишу къ вамъ, Василій Андреевичь, въ праздникъ Рождества Христова, и поздравляю васъ, отъ всей души желая вамъ и всѣмъ вашимъ здоровья. Я нынче люблю большіе праздники; они даютъ мнѣ два неоцѣненныя права: никуда не выходить и (что еще лучше) никого не принимать.

Конечно, вы уже получили горестное извѣстіе о скоропостижной кончинѣ нашего добраго друга А. И. Тургенева[2]). Его утрата была для меня утратою лучшихъ воспоминаній моей жизни. Рано сталъ я знать его—и всѣ эпохи, при которыхъ я сходился съ нимъ, еще по видимому окружали нынѣшнее одинокое бытіе мое, пока живъ былъ Тургеневъ. Теперь онѣ для меня исчезли вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ самому странно, какою судьбою я, чуждый всѣмъ вамъ, вброшенъ былъ въ вашъ кругъ, и, незамѣтный для васъ, я про себя складывалъ ступени жизни своей изъ событій, вамъ принадлежавшихъ. Ровно тридцать лѣтъ теперь, какъ я сталъ знать Тургенева, и двадцать пять, какъ я представился

[1]) Русскому посланнику въ Римѣ.
[2]) Онъ умеръ въ Москвѣ 5-го декабря 1845 года.

вамъ. До выѣзда его и вашего изъ Петербурга я могу сосчитать всѣ годы свои съ тѣхъ поръ по происшествіямъ, васъ касавшимся. Мы, такъ близко знавшіе Тургенева и такъ нѣжно любившіе его, болѣе другихъ должны сожалѣть, что онъ не успѣлъ совершить всего, къ чему былъ призванъ и къ чему такъ долго готовился. Онъ долженъ бы былъ начать собою въ Россіи рядъ государственныхъ людей, которые и исторію считали въ числѣ государственныхъ дѣлъ своихъ. Теперь этотъ огромный запасъ матерьяловъ безъ сомнѣнія погибнетъ. Вотъ какъ избытокъ въ желаніяхъ къ совершенству губитъ осуществленіе этого совершенства. Нѣтъ — человѣкъ болѣе всего долженъ помнить и сознавать, что онъ не болѣе какъ человѣкъ; что одна настоящая минута въ его распоряженіи; что лучше пустить въ оборотъ лепту, нежели созидать одни планы на пріобрѣтеніе ихъ въ милліонномъ количествѣ. Да и самая жизнь, растрачиваемая въ колебаніяхъ ѣзды, словъ, посѣщеній и надеждъ, согласна ли съ законами мудрости? Не есть ли это суетность юношества? Все это, кажется, такъ; но кто изъ людей осмѣлится праведно и совѣстливо сказать: я благоразумнѣе другаго? И такъ, поучаясь, какъ слѣдуетъ, уроками другихъ, будемъ сожалѣть о добромъ другѣ нашемъ, но да будетъ его память для насъ вѣчно священна и дорога!

Посылая вамъ первую книжку Современника во второмъ его десятилѣтіи, прошу обратить вниманіе на то, что ей велѣлъ Богъ начаться *крестнымъ* знаменіемъ [1]), чѣмъ я обязанъ вашему доброму ко мнѣ расположенію. И такъ теперь ровно девятъ лѣтъ, какъ не стало нашего Пушкина. Боже мой! къ чему нельзя привыкнуть! По моему чувству, нѣтъ на землѣ разительнѣе убѣжденія въ ничтожествѣ всего, что здѣсь называется великимъ и прекраснымъ, какъ неизмѣнность общей жизни по смерти геніальныхъ людей.

Въ Современникѣ (если вы иногда пересматривали пьесы его) нѣсколько разъ попадаются стихи Коптева [2]), молодаго человѣка

---

[1]) Т. е. стихотвореніемъ Жуковскаго: «Выборъ креста» (изъ Шамиссо).

[2]) Дмитрія Ивановича. Выборъ изъ писемъ Плетнева къ нему былъ напечатанъ въ *Р. Архивѣ* 1877 года (кн. III) вмѣстѣ съ очеркомъ жизни Коптева (см. тамъ стр. 357)

лѣтъ 25. Подлѣ вашего «Креста» въ № 1, 1846 г., напечатана его пьеса: Палачь, переведенная тоже изъ Шамиссо. Коптевъ просилъ меня переслать эту пьесу къ вамъ еще въ рукописи. Онъ желалъ услышать какой нибудь приговоръ вашъ стихамъ его. Передъ этимъ № были въ Совр. три его Русскія Идилліи. По прочтеніи всего напишите мнѣ, могу ли я обрадовать еще неиспортившагося москвича благословеніемъ вашимъ.

Я на дняхъ получилъ изъ Палермо письмо отъ Великой Княжны Ольги Николаевны. Такъ какъ въ немъ и объ васъ есть рѣчь, да и все письмо очень мило, то мнѣ пріятно здѣсь переписать его для васъ вполнѣ.

«Петръ Александровичь! Случалось ли съ вами, что когда вы о комъ нибудь думали, онъ или самъ являлся къ вамъ, или вы о немъ получали извѣстіе? Вотъ въ какое время я получила ваше письмо, за которое васъ очень благодарю. Что сказать вамъ объ этой волшебной странѣ, гдѣ всѣ чудеса соединены? Повторить ли вамъ тѣ описанія, которыя такъ часто мы читали, и которыя не даютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, чѣмъ можно только наслаждаться безъ словъ и возносясь мысленно къ Богу? Главное у меня чувство — благодарность, что есть на землѣ рай, гдѣ несравненная Мама̀ наконецъ возстановляетъ свое здоровье. Вы понимаете, что я всякой день благословляю за это Бога. Правда, что климатъ имѣетъ большое вліяніе на характеръ человѣка: увѣренность, что на другой день солнце будетъ насъ грѣть, что небо будетъ также голубое, безоблачное, эта увѣренность даетъ непрерывное спокойствіе духу — и я понимаю теперь, отъ чего народы Юга такъ живы и веселы. У меня окно открыто; садъ дышетъ благовоніемъ; золотые апельсины висятъ на вѣтвяхъ; вездѣ цвѣты и между ними розы; трава зелена какъ весной; вдали пальмовое дерево. Вы завидуете мнѣ? А мнѣ грустно провести зиму безъ снѣгу — такъ и тянетъ назадъ. — Я жду братнина пріѣзда, чтобы вмѣстѣ читать сказку Жуковскаго, о которой онъ самъ говорилъ мнѣ. Я его видѣла въ Нюрнбергѣ съ его женой и маленькой дочкой: точно нѣмецкая картина; но *онъ* остался русскимъ

и ждетъ, когда здоровье жены позволитъ ему возвратиться къ намъ. Прощайте. Будьте здоровы. Я такъ занята итальянскимъ языкомъ, что вмѣсто старипнаго vale скажу вамъ: addio signore. Ольга». Не правда ли, какъ все это граціозно?

Прилагаемую записку потрудитесь переслать къ Гоголю. Ему и мнѣ съ пожалованными деньгами пока одни хлопоты, а удовольствія никакого.

Да подкрѣпитъ васъ Господь Богъ и силою и терпѣніемъ при окончаніи Одиссеи.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

14.

5 Февраля 1846 г. С.-Петербургъ.

Хоть вы еще и не отвѣчали мнѣ, Василій Андреевичь, на то письмо, которое отправилъ я къ вамъ съ № 1 Соврем. нынѣшняго года, мнѣ однако же очень хочется что нибудь написать вамъ и съ № 2. Пока вамъ не вздумалось побаловать меня нѣсколькими отвѣтами, я почиталъ ихъ недосягаемымъ для меня счастіемъ — а потому и васъ не тревожилъ своими письмами. Но теперь совсѣмъ другое дѣло. Я жду уже, и въ нетерпѣніи самъ осаждаю васъ письмами. Что если бы вдругъ написали вы мнѣ странички двѣ-три о томъ, какою представляется теперь вамъ бѣдная русская литература, или что̀ вообще вы теперь думаете о литературѣ въ Европѣ (разумѣю Францію, Германію и Англію). Какая прелесть рѣчь гр. Моле Альфреду де Виньи! Это небывалое въ лѣтописяхъ всѣхъ Академій. Что̀ бы у насъ можно сказать на эту тему! Да куда! Проклянутъ.

И такъ Ольга Николаевна будущая Виртембергская королева! Сколько въ этомъ глубокихъ тайнъ! Главное (о чемъ уже и писалъ я къ ней): она должна возвратить Виртембергіи всѣ тѣ блага, которыя Виртембергія прислала Россіи съ императрицею Маріею Ѳеодоровной. Мнѣ кажется, великая княжна способна взвѣсить смыслъ этихъ словъ. Она уже не дитя. Много впечат-

лѣній сильныхъ легло на ея прекрасную душу въ послѣднія пять лѣтъ.

Смирнова изъ Калуги писала мнѣ очень много — и прекрасно, и умно. Она собою стала тамъ довольнѣе нежели была здѣсь. Я въ этомъ и увѣренъ былъ. Самый умный человѣкъ не властенъ надъ собою въ омутѣ глупостей и страстей. Особенно я надѣюсь на дѣтей, что онѣ возвратятъ ее къ благамъ прямымъ и непроходящимъ.

Деньги для Гоголя, со дня подписанія указа и до числа, выставленнаго въ посольскомъ сертификатѣ, я получилъ. Изъ денегъ этѣхъ вычли однако же 10 проц. на инвалидовъ. Чтобы вѣрнѣе доставить ему посылку, я отправлю ее прямо на имя Бутенева.

Какъ идетъ у васъ переводъ послѣднихъ двѣнадцати пѣсень Одиссеи? Думаете ли вы, что лучше вамъ съ собою привезти вдругъ всю поэму, или заблаговременно начать знакомить публику съ этимъ трудомъ для распространенія о немъ свѣдѣнія? Если рѣшитесь на послѣднее, то ради Бога не обойдите Современникъ: вѣдь онъ все-таки дитя нашего Пушкина.

При № 2 я посылаю вамъ двѣ брошюры: одна годится вамъ для справокъ по Современнику (если таковыя встрѣтятся только); другая — нѣмецкая. Ее собрала изъ разныхъ старыхъ нѣмецкихъ газетъ, издававшихся въ Дерптѣ, Marie Balabine, нынѣшняя madame Wagner [1]). Воображаю, съ какимъ наслажденіемъ вы и всѣ ваши читать это будете.

Хотѣлось бы мнѣ собрать для вашего прочтенія годичные отчеты мои, которые читалъ я въ Университетѣ и Академіи Наукъ. Они напечатаны. Ихъ накопилось уже девять штукъ. Но я полагаю, что наше академическое краснорѣчіе не можетъ интересовать васъ посреди трудовъ, столь серьёзно-поэтическихъ и на горизонтѣ всѣхъ европейскихъ новостей.

Будьте здоровы и обнимите отъ души всѣхъ вашихъ. Я послалъ бы вамъ поклонъ отъ доброй моей Оли (ей уже 15 лѣтъ), да вы ея не помните конечно.

---

1) См. выше, примѣчаніе на стр. 544.

Всѣ наши здоровы, хоть я, правду сказать, и не видался съ ними давно. Вѣрно вамъ пришлетъ Соллогубъ Петербургскій Сборникъ. Тамъ есть Достоевскаго романъ: Бѣдные люди. Отъ него наши Некрасовцы (печатающіеся въ альманахѣ какого-то Некрасова) безъ ума, и говорятъ, что теперь смерть и Гоголю и всѣмъ. Но я пока не думаю этого.

Дайте мнѣ пока надежду, что я долго буду сохранять ваше ко мнѣ доброе расположеніе.

П. Плетневъ.

15.

Воскресенье, 2 Іюня 1846 г. Спб.

Прежде всего, однажды навсегда, я желаю заключить съ вами, Василій Андреевичь, слѣдующій уговоръ: на мои письма никогда не пишите вы собственноручныхъ отвѣтовъ, а кому нибудь диктуйте ихъ. У васъ есть висбаденскій русской пѣвчій, да и дамы ваши (особенно M-lle Mia) легко привыкнуть могутъ чертить съ вашихъ звуковъ русскія буквы, если только вы настоятельно того потребуете. В. К. Наслѣдникъ сказывалъ мнѣ, что глаза ваши не слишкомъ крѣпки, да и кн. Петръ Андреевичь подтвердилъ мнѣ тоже. И такъ, не желая лишиться отвѣтовъ вашихъ, и еще болѣе не желая что нибудь прибавить къ ослабленію зрѣнія вашего, я умоляю васъ писать хоть ко мнѣ чужою рукою. Въ противномъ случаѣ я съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ буду отказывать себѣ въ удовольствіи писать къ вамъ.

Благодарю васъ за два неоцѣненные подарка Современнику [1]). Исполненіе плана вашего касательно сочиненія Сказокъ идетъ изумительно успѣшно. Натуральность расказа, истина и простота въ языкѣ, неподдѣльность красокъ и оборотовъ, интересъ въ содержаніи — все это восходитъ выше и выше, чѣмъ болѣе со-

---

[1]) Стихотворенія: «Тюльпанное дерево» и «Котъ въ Сапогахъ», напечатанныя въ №№ 7 и 10 *Современника* 1846 года.

здаете вы новаго. Какое для насъ счастіе, что вамъ вздумалось обратиться къ этому новому источнику красоты и поэзіи.

Объ изданіи Одиссеи вотъ мое мнѣніе. Вы должны осуществить то, что говорили въ письмѣ къ Кирѣевскому, напечатанномъ въ Москвитянинѣ и откуда главнѣйшее заимствовалъ я въ отчетъ 1845 г. II Отдѣленія Академіи Наукъ. Во 1-хъ, всѣ 24 пѣсни должны быть кончены переводомъ. Во 2-хъ, надобно приготовить изъ полнаго перевода классную Одиссею для училищъ. Въ 3-хъ, послѣдняя должна быть снабжена обѣщаннымъ вами вступленіемъ или прологомъ и эпилогомъ, такъ, чтобы миѳологія, географія и вся исторія древней Греціи обняты были въ этомъ классномъ изданіи. Тогда чисто-литературный переводъ самъ собою останется, по художественной красотѣ своей, общимъ достояніемъ русской публики — и его изданіямъ, наравнѣ со всѣми сочиненіями вашими, конца не будетъ. Вообразите, на прим., теперь: книгопродавцы за собраніе сочиненій вашихъ, пользуясь малымъ числомъ остающихся въ продажѣ экземпляровъ, дерутъ съ публики по 35 р. серебромъ за экземпляръ. Классное же изданіе Одиссеи, по приказанію Мин. Н. П., должно быть введено, наравнѣ съ катихизисомъ, грамматикою, ариѳметикою и др. учебными книгами, во всѣ школы, сколько для умственнаго развитія учениковъ, столько же для формъ языка и знакомства учащихся съ классическимъ міромъ. Все это вы пропишете въ бумагѣ, при которой пошлете къ Министру Н. П. рукопись свою. Постоянныя условія, на которыхъ вы передадите эту собственность свою въ вѣчное обладаніе Министерства, могутъ быть слѣдующія: 1) всѣ издержки на бумагу и печатаніе оно употребляетъ отъ себя; 2) оно можетъ печатать, сколько, когда и какъ ему заблагоразсудится; 3) всякой разъ, приступая къ печатанію классной Одиссеи, Министерство оффиціально увѣдомляетъ васъ или наслѣдниковъ вашихъ о числѣ экземпляровъ, какое опредѣлено напечатать—и при этой же бумагѣ препровождаетъ вамъ, по условію, 25 к. сер., или 30, или 40, словомъ: сполна всю сумму за это изданіе. Такимъ образомъ классная Одиссея сдѣлается еще вѣр-

нѣйшимъ источникомъ доходовъ семейства вашего. Если же подобныя условія удастся вамъ заключить еще съ гр. Протасовымъ, съ Ростовцовымъ, съ Гофманомъ и другими лицами, начальствующими надъ училищами; то вы можете получить очень значительный доходъ. Только все это надобно вамъ обдѣлать здѣсь самимъ, спокойно, формально, прозаически. Академія Наукъ тутъ ни сколько не нужна — да и все это дѣло зависитъ единственно отъ убѣжденія главнаго начальника школъ, въ какой мѣрѣ онъ цѣнитъ умственное развитіе обучающихся, пріобрѣтеніе правильныхъ формъ отечественнаго языка и сближеніе ихъ съ идеями классическаго міра.

Посланныя мною къ вамъ для Гоголя деньги вѣрно уже дошли теперь до васъ. Я не пишу особаго письма Гоголю, потому что не люблю письмами своими ловить человѣка, перемѣняющаго мѣсто. Да онъ же и сухъ необыкновенно въ своихъ письмахъ, такъ, что чувствуешь, до какой неловкости доводишь его, какъ вынудишь писать. Конечно, главная причина неискренности его въ отвычкѣ отъ меня въ продолженіе столь долговременной разлуки, а еще болѣе въ его болѣзни, разстроившей нервы его; но и безъ того, по характеру своему, онъ мало расположенъ къ общежительности.

По желанію вашему посылаю вамъ еще три экземп. Розенштрауха[1]). Я очень радъ, что онъ такъ понравился вамъ и супругѣ вашей, которую вы совсѣмъ несправедливо назвали незнакомою моею: вы забыли, что я видѣлъ ея портретъ, что сами вы расказывали мнѣ множество о ней подробностей; а въ добавокъ и Смирнова со мною столько разъ говорила о ней. Если вы могли про

---

[1]) «Іоаннъ Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ишимовой». Спб. 1847. Этотъ переводъ сперва былъ напечатанъ въ *Звѣздочкѣ* старш. возр. 1846 г., ч. XIX и XX, а потомъ изданъ книгою. Вначалѣ помѣщена біографія Розенштрауха, далѣе же идутъ извлеченія изъ его записокъ подъ заглавіемъ: «Опыты евангелическаго пастыря душъ у смертныхъ постелей». Подлинникъ, нынѣ большая рѣдкость, появился въ Лейпцигѣ: «Mittheilungen aus dem Nachlasse von J. A. Rosenstrauch» &c.

нее сказать, что она меня знаетъ; то на моей сторонѣ гораздо болѣе правъ, по которымъ я всегда готовъ утверждать, что знаю ее. Кромѣ Розенштрауха вы получите стихотворенія Полонскаго, вышедшія въ 1846 г. Я прислалъ бы вамъ и тѣ, которыя онъ напечаталъ въ прошломъ году; но къ досадѣ моей ихъ не перевезли изъ Москвы въ Спб. Наконецъ, все-таки по желанію же вашему, прилагаю отчеты, составленные мною за 1842, 3, 4 и 5 годъ по II Отдѣленію Ак. Н. Вы найдете въ послѣднемъ и выписку изъ письма вашего, напеч. въ Москвѣ. Равнымъ образомъ замѣтите вы, что не было ни одного года, въ который бы стѣны Академіи не оглашались вашимъ именемъ, какъ будто бы вы и не покидали Россіи.

Юбилей не можетъ и устроиться, если вы не захотите присутствовать на немъ. Это не праздникъ воспоминанія, а сочувствіе трудящемуся.

Нѣкоторыя строки писемъ вашихъ заставляютъ меня думать, что вы пробѣгаете Современникъ. Обратите вниманіе на отдѣлъ его: Разное[1]). Изъ этого скромнаго уголка я рѣшился по временамъ открывать ту истину, которую затемнить такъ усиливаются наши журналисты. Воевать съ ними я не намѣренъ, но почитаю долгомъ говорить правду, не различая никого. Это вооружило противъ меня всѣхъ (разумѣется, исключая Погодина).

Будьте здоровы и счастливы.

П. Плетневъ.

16.

15 Іюля 1846 г. Спб. [2]).

Получивши письмо ваше, Василій Андреевичь, которымъ вы уполномочили меня вести переговоры со Смирдинымъ касательно

---

[1]) См. во II-мъ томѣ настоящаго изданія, статью подъ этимъ же заглавіемъ.

[2]) По сохранившемуся на оборотѣ листа адресу этого письма видно, что оно отправлено было во Франкфуртъ на Майнѣ, куда Жуковскій переселился изъ Дюссельдорфа, «чтобы находиться ближе къ лучшимъ врачамъ» (См. выше стр. 125).

новаго изданія сочиненій вашихъ, я немедленно пригласилъ его къ себѣ. Мнѣ хотѣлось, во-первыхъ, увѣриться, дѣйствительно ли онъ въ состояніи уплатить вамъ предлагаемую имъ сумму, а во-вторыхъ, какъ бы ее возвысить. По первому обстоятельству я узналъ, что у Смирдина собственныхъ денегъ еще нѣтъ, но что другой книгопродавецъ ссужаетъ его на это предпріятіе — и экземпляры вашего изданія, какъ залогъ, будутъ храниться въ лавкѣ послѣдняго. Что касается до вгораго обстоятельства, оно уже мастерски обдумано было Смирдинымъ въ его пользу. Я заставилъ его сдѣлать расчетъ, во что обойдется плата типографіи, бумага, уступка 20 проц. при этомъ изданіи, и сколько останется чистой прибыли по распродажѣ всѣхъ экземпляровъ. Результатъ былъ, по его счету, слѣдующій: расходу 5940 р. с., чистой прибыли 8460 р. с. Когда послѣднюю раздѣлить по-поламъ между вами и Смирдинымъ, то выходитъ, что онъ вамъ долженъ бы заплатить только 4230 р. с., т. е. 14805 р. ас. — менѣе 195 рублями ас., нежели онъ теперь вамъ предлагаетъ. Ясно, что, расчитывая расходъ, онъ все бралъ въ преувеличенномъ видѣ.

Для бо́льшей повѣрки дѣла я позвалъ къ себѣ и того книгопродавца, который ссужаетъ Смирдина деньгами. Это нѣкто Крыловъ, сынъ извѣстнаго переводчика нѣмецкихъ нравственно-религіозныхъ сочиненій. Молодой Крыловъ учился въ нашемъ университетѣ и служитъ учителемъ въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Онъ съ нынѣшняго года, соединившись съ другимъ учителемъ Студитскимъ, открылъ книжный магазинъ, подъ фирмою: *Крашенинникова и К°*. Крыловъ увѣрилъ меня, что онъ ручается въ исправности платежа денегъ, предлагаемыхъ вамъ Смирдинымъ. Увеличить эту сумму онъ полагаетъ невозможнымъ, такъ какъ издатель рискуетъ большимъ капиталомъ и — хорошо ли, худо ли пойдетъ продажа — обязывается въ извѣстные сроки взносить деньги. Но Крыловъ вызвался это же изданіе сдѣлать и на другомъ основаніи, конечно несравненно для васъ выгоднѣйшемъ, если вы согласитесь весь рискъ принять на себя, ничего впрочемъ сюда не присылая. Вотъ его планъ. Книги будутъ печа-

таться на вашъ счетъ. Крыловъ берется согласить поставщика бумаги и типографщика, чтобы они получили слѣдующія имъ деньги изъ выручки съ продажи первыхъ экземпляровъ. По уплатѣ имъ, всѣ остальные экземпляры будутъ продаваться въ вашу пользу. Крыловъ же, какъ главный производитель этой операціи, требуетъ въ свою пользу только 30 проц. съ каждаго экземпляра, ибо онъ обязанъ будетъ уступать прочимъ книгопродавцамъ по 20 проц., а учебнымъ заведеніямъ по 30 проц. Расчитывая даже по-Смирдински расходы на изданіе и уступку 30 процентовъ, вы, по распродажѣ всего изданія, должны будете получить 7020 р. с., или 24570 р. ас. Положимъ, что могутъ встрѣтиться еще непредвидимые расходы, на прим. уплата процентовъ бумажной фабрикѣ и типографіи за ожиданіе ими платы — самый вѣрный вамъ остатокъ 20,000 р. ас. Смирдинъ же, послѣ всѣхъ выписанныхъ имъ издержекъ, беретъ съ васъ *за торговый рискъ* тоже самое, что и вамъ предлагаетъ за сочиненія ваши. А объ этомъ рискѣ онъ нѣсколько разъ не стыдился повторять мнѣ, что это изданіе онъ навѣрное распродастъ въ два года.

Изложивъ это дѣло со всѣми подробностями, прошу васъ немедля увѣдомить меня, заключить ли мнѣ контрактъ со Смирдинымъ на условіяхъ его, вамъ уже извѣстныхъ, или съ Крыловымъ на томъ основаніи, какъ я изложилъ выше. Не забудьте прибавить, что Смирдина вы уполномочиваете произвести на его собственный счетъ сдѣлку съ Фишеромъ, которому пока принадлежитъ IX томъ. Надобно также (я думаю) оговорить, что ваши сказки не должны входить въ это изданіе, хотя онѣ и были уже напечатаны. По моему мнѣнію, онѣ должны составить особое изданіе. Впрочемъ, какъ вы лучше найдете, такъ и объясните въ условіи. Еще не забудьте что нибудь сказать Смирдину касательно включенія въ это изданіе нигдѣ непечатанныхъ вашихъ сочиненій и особой за нихъ платы, какъ онъ самъ предлагаетъ въ письмѣ къ вамъ.

Гоголю скажите, что я получилъ его письмо со статьею его о переводѣ вашемъ Одиссеи и уже тиснулъ это въ № 8 Совр.

Статья прелестна. За другихъ газетчиковъ и журналистовъ не отвѣчаю, согласятся ли они у себя перепечатать эту статью: всѣ они на меня злобствуютъ. Касательно изданія Одиссеи я уже отвѣчалъ вамъ подробно. Увѣдомьте, какъ вы нашли соображенія мои.

П. Плетневъ.

17.

5 (17) Августа 1846 г. Спб.

Нынѣшнее лѣто я очень счастливъ: вы написали мнѣ, Василій Андреевичъ, четыре письма. Два первыя касались печатанія сказокъ вашихъ въ Современникѣ. На нихъ отвѣчалъ я 2 (14) Іюня, при чемъ отправлены были къ вамъ: № 6 Совр. 1846 г., нѣсколько экз. Розенштрауха и стихотворенія Полонскаго. Въ первомъ вашемъ письмѣ еще была рѣчь о способѣ выгоднѣйшаго изданія Одиссеи. Въ моемъ отвѣтѣ я подробно изложилъ о томъ мнѣніе свое. Здѣсь я прилагаю заглавіе Ульмановой книги (если только вы не купили еще ея), которую Гротъ для васъ рекомендуетъ мнѣ [1]). Увѣдомьте меня, дошло ли исправно до васъ все, о чемъ здѣсь упомянулъ я. Третье ваше письмо касалось новаго изданія сочиненій вашихъ. На него я отвѣчалъ 15 (27) Іюля. Жду, на что̀ рѣшитесь вы по этому дѣлу. Наконецъ 31 Іюля (12 Авг.) получилъ я ваше четвертое письмо отъ 22 Іюля (3 Авг.) и поспѣшаю отвѣчать на него.

Начало новой книги Гоголя: *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, получено мною и тотчасъ же отдано въ цензуру. Печатать я подговорилъ типографію Департамента Внѣшней Торговли на 2400 экз. Теперь только необходимо, чтобы Гоголь аккуратно высылалъ мнѣ продолженіе. Ужъ вы похлопочите, чтобы онъ не задержалъ работы.

Вы спрашиваете, отъ чего нѣтъ отъ меня отзыва на послѣднія письма ваши. Это меня безпокоитъ, потому что, какъ означилъ выше, отвѣчалъ на все исправно. Уже ли мои письма пропадаютъ?

[1]) Dr. C. Ullmann. Über den unterscheidenden Charakter oder das Wesen des Christenthums &c. Hamburg. 1845.

О землетрясеніи у васъ мы слышали; а здѣсь и похожаго на то ничего не было.

Второй листокъ этого письма потрудитесь оторвать и передайте его Гоголю.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

18.

Пятница, 17 (29) Января 1847 г. Спб.

Долго не отвѣчалъ я вамъ, Василій Андреевичъ, на письмо, въ которомъ вы говорили мнѣ, что Кирѣевъ явится ко мнѣ для условій по изданію сочиненій вашихъ. Это произошло отъ того, что Кирѣевъ не являлся. Наконецъ случайно сошелся я съ нимъ на обѣдѣ у А. Княжевича. Я спросилъ его, что̀ онъ думаетъ о своемъ предпріятіи—и узналъ, что ему кажется невыгоднымъ принять на себя это изданіе. Онъ извѣстный спекулантъ — и берется только за то, что̀ даетъ ему большіе барыши. И такъ, по моему мнѣнію, надобно вамъ это дѣло отложить до собственнаго сюда пріѣзда вашего, буде рѣшились вы непремѣнно быть здѣсь въ нынѣшнемъ году, или, какъ я говорилъ прежде, дозволить Крылову (книгопродавцу) печатать на его счетъ съ условіемъ продажи въ вашу пользу и съ уступкою въ пользу издателя какихъ нибудь процентовъ. Смирдинъ же совсѣмъ ненадеженъ въ денежномъ отношеніи.

Вы получите отъ меня съ курьеромъ (не знаю только, скоро ли его отправятъ) біографію Крылова (баснописца), мною написанную къ вышедшему на дняхъ полному собранію сочиненій его въ трехъ томахъ [1]). Мнѣ будетъ очень полезно, если удосужитесь вы сказать мнѣ хоть пять словъ, что̀ вы думаете объ этомъ сочиненіи моемъ. Теперь, отказавшись отъ Современника [2]), я же-

---

[1]) Оно издано книгопродавцемъ Юнгмейстеромъ подъ наблюденіемъ Плетнева.

[2]) Переданнаго Плетневымъ И. И. Панаеву, съ условіемъ, что главнымъ редакторомъ будетъ профессоръ Никитенко.

лаю исключительно заниматься біографіями лучшихъ писателей нашихъ. И такъ надобно услышать мнѣ умное и правдивое слово, по хорошей ли намѣренъ я итти дорогѣ, и довольно ли у меня къ тому умственныхъ силъ. Послѣ Крылова желаю заняться Карамзинымъ [1]). Только, вообразите, ни одинъ человѣкъ въ его семействѣ не вызывается мнѣ помочь чѣмъ нибудь въ этомъ дѣлѣ, по видимому, такъ имъ близкомъ. Не передадите ли вы мнѣ какихъ нибудь указаній и совѣтовъ? Послѣ Карамзина хотѣлось бы мнѣ начать собираніе матерьяловъ для вашей біографіи. Тутъ я не смѣю уже ни о чемъ просить васъ. Когда вы почувствуете, что я выбралъ работу выше силъ своихъ, то конечно отмолчитесь. Если бы, напротивъ, показалось вамъ, что можно поощрить меня въ дѣлѣ, то вы сами пожелаете въ немъ оказать мнѣ помочь.

Въ нынѣшнемъ письмѣ моемъ я препровождаю къ вамъ вексель (Secunda) барона Штиглица, выданный имъ товарищу Гоголя Прокоповичу еще 26 Янв. 1845 года, когда происходило изданіе Гоголевыхъ сочиненій въ 4 томахъ. Первый экземпляръ этого векселя (Prima), какъ объясняетъ мнѣ Прокоповичъ, въ свое время былъ отправленъ во Франкфуртъ на Майнѣ на ваше имя для передачи Гоголю. Между тѣмъ Гоголь, нынѣшнимъ лѣтомъ видѣвшійся въ Швальбахѣ съ какимъ-то Анненковымъ [2]), который сказывалъ ему объ этой посылкѣ Прокоповича, писалъ ко мнѣ, будто онъ еще не получалъ денегъ по этому векселю. Тутъ вышла съ его стороны какая нибудь сбивчивость. Я просилъ Прокоповича объяснить мнѣ дѣло и узнать отъ Штиглица, отдадутся ли деньги, если первый вексель пропалъ на почтѣ. Штиглицъ отвѣчалъ, что и теперь, по второму его векселю, еще можно получить деньги, какъ скоро по первому не было выдачи. И такъ я васъ прошу потрудиться объяснить это все дѣло, потомъ написать обо всемъ къ Гоголю въ наше посольство въ Неаполѣ, и наконецъ увѣдомить меня обо всемъ, чтобы я могъ успокоить Прокоповича.

---

[1]) Это предположеніе осталось безъ исполненія.

[2]) Вѣроятно, Павломъ Васильевичемъ.

Вы конечно знаете уже о смерти поэта Языкова[1]). Живо воображаю, какъ это опечалитъ васъ. Въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года Городской Листокъ. Шевыревъ напечаталъ тамъ прекрасную статью о покойномъ общемъ другѣ нашемъ. Такъ-то бѣднѣе и бѣднѣе становимся мы тѣми, съ которыми нѣкогда было намъ такъ весело и привольно. Вяземскій чрезвычайно огорченъ этою утратой.

Вы должны уже получить теперь новую книгу Гоголя, мною изданную[2]). Вашъ экземпляръ я отдалъ Вяземскому, который вызвался отправить его черезъ графиню Нессельродъ. Прежде еще я послалъ вамъ переложеніе въ Русскіе стихи Краледворской рукописи. Это трудъ молодаго человѣка[3]), только что кончившаго въ Москвѣ университетскій курсъ.

На дняхъ я получилъ изъ Стутгардта письмо отъ Великой Княгини Ольги Николаевны. Ея Высочество между прочимъ разсказываетъ мнѣ о своемъ свиданіи съ вами и семействомъ вашимъ.

Но что дѣлаетъ Одиссея? Ужели вы и не попробовали перешагнуть во вторую ея половину? И такъ справедливо полагаетъ Великой Князь Наслѣдникъ, что мысль о перемѣщеніе въ новое мѣсто пребыванія цѣлый годъ будетъ тревожить васъ до этого событія и еще годъ послѣ совершенія его?

Я молю Бога, чтобы здоровье ваше было въ цвѣтущемъ состояніи: все прочее придетъ тогда, когда назначено свыше.

19.

5 (17) Апрѣля 1847 г. Спб.

Много пропустилъ я времени, прежде нежели собрался писать къ вамъ, Василій Андреевичъ. Причиною тому разныя хлопоты, насылаемыя на меня Гоголемъ въ письмахъ. Теперь,

---

[1]) Ник. Мих. Языковъ умеръ въ Москвѣ 26 декабря 1846 года.

[2]) *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.*

[3]) Николая Васильевича Берга, умершаго лекторомъ русскаго языка при Варшавскомъ университетѣ въ іюнѣ 1884 года.

слава Богу, стало полегче. Онъ рѣшился отложить свою поѣздку на Востокъ до будущаго года, а потому и 2-ое изданіе Писемъ его я отложилъ до осени. Въ это время Вьельгорскій и Вяземскій успѣютъ что нибудь сдѣлать касательно пропуска мѣстъ, запрещенныхъ цензурою. Меня очень тревожитъ страсть Гоголя читать всѣ глупости, какія пишутъ объ его книгѣ. Изъ нихъ онъ намѣренъ поучаться и совершенствоваться. Втолкуйте ему, что отъ этихъ бредней можно развѣ только съ ума сойти, или просто разозлиться. Ежели бы у васъ достало терпѣнія пробѣжать пошлости, непристойности и грубости, которыя позволяютъ себѣ газетчики и журналисты, то вы конечно употребили бы все свое вліяніе, чтобы вылечить Гоголя отъ женскаго любопытства. Когда я смотрю, съ какимъ упорствомъ онъ требуетъ къ себѣ присылки всѣхъ этихъ бредней, то мнѣ невольно приходитъ на умъ, что Гоголь не совсѣмъ преданъ душою дѣлу истины и религіи, а только высматриваетъ, что̀ заговорятъ люди о новой его штукѣ. Это унизительно. Вознесшись на такую высоту безстрастія и самопожертвованія, убѣдясь въ душѣ, что это долгъ христіанина, можно ли хлопотать о слѣдствіяхъ произнесеннаго слова? Оно уже все свое совершило тѣмъ, что было произнесено. Ему, по словамъ его, хочется еще поналучиться. Да развѣ не въ немъ самомъ источникъ откровенія? Вѣдь не Булгаринъ же съ Сенковскимъ и Павловымъ научили его броситься въ объятія религіи и нравственности. Такъ и продолженіе этого совершенствованія осталось только въ немъ. Онъ пиши только такъ, какъ говоритъ его сердце — а читатели уже получатъ то, что онъ обязанъ дать какъ творецъ ученія.

По вашему обѣщанію, я жду нетерпѣливо пріѣзда вашего, лишь бы это не могло вредить здоровью ни вашему, ни вашихъ.

Ради Бога, отбросьте мысль остановиться на 12 только пѣсняхъ Одиссеи. Она должна быть вся окончена вами. Это лучшее изъ всего, что связано по волѣ Провидѣнія съ вашимъ назначеніемъ.

Мы поминутно, видя, какъ около насъ валятся товарищи

жизни нашей и трудовъ, восклицаемъ: возможно ли? Боже мой! Эти восклицанія должны перемѣниться на рѣшимость — наполнить остатокъ еще присужденныхъ намъ дней дѣятельностію и жизнію, вполнѣ соотвѣтствующими волѣ Провидѣнія.

«Біографію моей матери» написалъ Головинскій [1]). Онъ все взялъ изъ дѣйствительной ея жизни. Теперь онъ ректоромъ Спб. католической духовной академіи.

Статья о Жоржъ-Зандъ написана одною дамою (ея тамъ имя не выдуманное [2]) изъ Прусской Польши.

О Кернерѣ и войнѣ 1813 года писалъ Невѣдомскій (тоже не псевдонимъ). Онъ служилъ въ гусарахъ съ Фигнеромъ, и спалъ въ одной палаткѣ съ Кернеромъ [3]). Только нынѣшней зимою онъ умеръ въ Москвѣ.

Не знаю, гдѣ васъ найдетъ это мое письмо. Вчера Полтарацкій сказалъ мнѣ, что вы изъ Франкфурта поѣхали въ Ганау. Будьте здоровы и спокойны. При свиданіи мы можемъ устроить всѣ распоряженія касательно вашихъ изданій.

Третьяго дня скончался и Балугьянскій. Это первый нашъ ректоръ. Я четвертый. По исчисленію вѣроятностей мнѣ еще 16 лѣтъ можно надѣяться жить [4]). Обнимаю васъ.

П. Плетневъ.

20.

25 Апрѣля 1847 г. Спб.

Изъ Москвы, учитель второй тамошней гимназіи, Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ поручилъ мнѣ отъ его имени доставить вамъ, Василій Андреевичъ, и Н. В. Гоголю по экземпляру перевода его съ Санскритскаго языка: Торжество свѣтлой мысли — что я и исполняю.

---

[1]) «Жизнь моей матери» въ *Современникѣ* 1846 г. № 10 (Т. XLIII).

[2]) Въ 9-й книжкѣ *Совр.* того же года, статья Элеоноры Земенцкой.

[3]) См. конецъ статьи Николая Невѣдомскаго: «Поэзія партизанской войны» въ 10-й книжкѣ *Совр.* 1845 г. (Т. XL), стр. 86—89.

[4]) Плетневъ прожилъ двумя годами долѣе: онъ ум. 29 дек. 1865. Ректорами С.-Петербургскаго университета послѣ Балугьянскаго были: Дегуровъ и за нимъ И. П. Шульгинъ.

При этомъ прошу васъ увѣдомить Гоголя, что деньги, четыре тыс. асс., пропадавшія столько времени, получены мною отъ Штиглица. Объ этомъ при случаѣ подробнѣе буду писать къ нему.

П. Плетневъ.

21.

15 (27) Мая 1847 г. Спб.

Страшное дѣло: третьяго дня обѣдалъ я у Вяземскаго, который объявилъ мнѣ, будто вы, Василій Андреевичь, получили разрѣшеніе отъ Государя оставаться за границею столько времени, сколько того пожелаете, и по этому будто вы ужъ отложили намѣреніе пріѣхать сюда нынѣшнимъ лѣтомъ. Возвратившись домой, я нашелъ у себя письмо ваше отъ 4 (16) Мая, гдѣ вы положительно говорите о своемъ пріѣздѣ въ Спб. Принимаю за вѣрное собственное извѣщеніе ваше и спѣшу отвѣчать вамъ обстоятельно.

Письмо ваше и нынѣшнее изъявленіе благодарности издательницѣ Звѣздочки за присылку ея книжекъ переданы ей мною, чему она, какъ можете представить, обрадовалась несказанно. Совѣту вашему—заниматься біографіями—послѣдую. Только затрудняетъ меня недостаточность матерьяловъ, особенно касательно перваго періода жизни Карамзина. А онъ, въ моихъ глазахъ, есть солнце, около котораго двигались всѣ мы какъ планеты. Въ книгѣ Гоголя я не нахожу такихъ ошибокъ, какія вамъ представляются. Она только оригинальна какъ самъ Гоголь и все имъ издаваемое. Наша публика конечно не привыкла къ такимъ явленіямъ и потому приведена въ недоумѣніе. Но благо, ею произведенное, не двусмысленно. Я знаю многихъ, которые восхищены этою новостію. Втораго изданія этой книги (какъ уже рѣшено между Вяземскимъ, Мих. Вьельгорскимъ, Россети и мною) до осени не будетъ. Есть въ книгѣ этой недосмотры касательно плавности и чистоты языка; но они, какъ принадлежность слога Гоголя, неисправимы. Не думаю, чтобы когда нибудь дошелъ онъ до той исправности въ выраженіяхъ, которая отличаетъ школу Карам-

зина отъ новѣйшихъ русскихъ писателей. Я не сержусь на Гоголя, что онъ любитъ читать глупыя на него критики. Но сожалѣть объ этомъ не перестану. Сколько потери времени — а извлечь изъ этого нельзя ничего. Лучше бы онъ себя перечитывалъ: тогда додумался бы до многаго. Современника теперь расходится болѣе 2-хъ т. экз. Конечно много въ сравненіи съ тѣмъ, что у меня и 500 не расходилось. Двѣ причины помогаютъ новымъ издателямъ: помѣщеніе глупыхъ французскихъ романовъ, или и своихъ въ томъ же родѣ, да главное — умѣнье публиковать, чѣмъ я совсѣмъ не занимался. Объ отсрочкѣ вашего перевода Одиссеи я заключилъ изъ того, что вы два года не продолжали его.

Но то, что вы въ это время успѣли сдѣлать, успокоило меня совершенно. Я полагаю, что теперь можно вамъ смѣло самимъ сдѣлать новое изданіе всѣхъ своихъ сочиненій, и оно доставитъ вамъ большую прибыль. Новаго наберется на цѣлый томъ. Вы это размѣстите по прежнимъ девяти — и навѣрное въ годъ разойдется хоть 3 т. экз.

Какъ я обрадовался, что ваша больная поправляется въ здоровьѣ! Теперь старайтесь, чтобы она совершенно укрѣпилась. Не только не надобно думать ей о пріѣздѣ въ Россію, но—если бы то необходимо было для ея спокойствія—и вамъ лучше пропустить лѣто безъ поѣздки сюда, лишь бы обезопасить ея физическія силы. Впрочемъ вы это все лучше меня видите. Я никуда не намѣренъ отъѣзжать на лѣто и буду ожидать васъ въ университетѣ или на той дачѣ подлѣ Лѣснаго института, гдѣ въ *оны дни* я видалъ васъ у себя.

16 (28) Мая. Сію минуту въ 10 ч. утра возвратился я отъ Великаго Князя Наслѣдника. Я сообщилъ Его Высочеству о вашей радости встрѣтить его въ Германіи и о вашемъ предположеніи прибыть въ Спб. Великій Князь удивленъ былъ тѣмъ только, что вы сюда пуститесь одни, ибо Его Высочество по вашему же письму надѣялся, что вы прибудете къ намъ всѣ вмѣстѣ. Я при этомъ объявилъ, что Коппъ не позволяетъ больной, хотя и выздоравливающей, предпринять дальнюю на сѣверъ поѣздку.

Прилагаю письмо къ Гоголю. Онъ вѣрно читаетъ постоянно Сѣверную Пчелу. Вчера или третьяго дня была тамъ вторая бранная статья на Вяземскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на него. Указываю на это для того, что, по вашимъ словамъ, Гоголь изо всего извлекаетъ пользу. Что до меня, признаюсь, ничего не умѣю извлечь изъ пошлыхъ личностей нашихъ, кромѣ горечи во рту.

Желаю, чтобы вы и всѣ ваши были здоровы. Жду, какъ праздника, обнять васъ и переслушать то, что привезете намъ новаго.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

22.

Пятница, 11 (23) Іюля, 1847 г. Спасская мыза подлѣ С.-Петербурга.

Сегодня именины моей дочери. По этому особенно мнѣ весело писать къ вамъ, Василій Андреевичъ. Да сегодня же именины и Ея Высочества Ольги Николаевны. Если вы увидите ее, прошу не забыть сказать ей, что хоть я и не поздравлялъ Ея Высочество письменно въ этотъ день, а мысленно это сдѣлалъ. Спѣшу отвѣчать на письмо ваше изъ Дармштадта отъ 12 (24) Іюня. Благодарю васъ за то высокое наслажденіе, которое вы доставили мнѣ присылкою Рустема. Я въ первый разъ читалъ его одинъ—и когда дошелъ до послѣднихъ главъ, то слезы текли у меня, и я такъ былъ счастливъ, какъ давно этого не случалось со мною. Вяземскій послѣ сказывалъ мнѣ, что и съ нимъ происходило тоже самое. Вы полагаете, что начало поэмы не такъ живо, какъ середина и конецъ. Да ужь это неизбѣжно во всякомъ расказѣ. По крайней мѣрѣ для меня все было такъ увлекательно и живо, что я ни надъ чѣмъ не остановился. И такъ я полагаю, что вы не ошибаетесь и не отъ родительскаго ослѣпленія бьется ваше сердце, когда вы тоже чувствуете при чтеніи Рустема, что чувствовали мы.

По желанію вашему мы долго толковали съ Вяземскимъ на счетъ изданія новой поэмы и полнаго собранія вашихъ сочиненій. Только мы съ нимъ видимъ разно это дѣло. По его мнѣнію, мож-

но въ Карлсру напечатать одинъ X-й томъ вашихъ сочиненій; а что касается до полнаго ихъ собранія, то его слѣдуетъ печатать въ Россіи. Я совсѣмъ не вижу оскорбленія патріотическому чувству, если и всѣ ваши сочиненія будутъ напечатаны въ Карлсру. Дѣло въ томъ, чтобы изданіе предпринято было на законномъ основаніи, чтобы печатаніе его обошлось подешевле, и чтобы исправностію текста оно превзошло всѣ предыдущія. Предварительно мы условились, чтобы Вяземскій повидался съ графомъ Уваровымъ и узналъ отъ него, что̀ въ этомъ случаѣ дозволено и что̀ нѣтъ. Тамъ объявлено, что съ разрѣшенія нашей цензуры вы въ правѣ печатать вездѣ, и Уваровъ совѣтовалъ Вяземскому приготовить для него записку, на которую бы министръ могъ отвѣчать оффиціально. Мы съ Вяземскимъ составили записку изъ трехъ главныхъ пунктовъ. Не удивляйтесь ея содержанію. Надобно было однажды навсегда разрѣшить, чего можемъ мы для васъ надѣяться отъ Министерства и чего нѣтъ. При томъ же, откровенно скажу, я рѣшительно полагаю, что теперь единственный и вѣрнѣйшій представляется вамъ случай положить прекрасное основаніе капиталу съ своихъ сочиненій для семейства вашего. Я думаю, что ежели издать теперь одинъ только X-й томъ, то онъ также исчезнетъ безъ слѣдовъ, какъ исчезъ и IX-й. Соберете вы тысячь 5—7 р. ас., да и не увидите ихъ. А какъ извѣстно уже навѣрное, что стараго изданія вашего въ продажѣ нѣтъ и требованія на сочиненія ваши со дня на день увеличиваются; то попробуйте напечатать объявленіе: 1), что вы, написавъ цѣлую поэму вновь, а равно и другихъ пьесъ столько, что изъ нихъ выйдетъ болѣе обыкновеннаго тома, рѣшились, подъ собственнымъ наблюденіемъ, дабы и прежнее все пересмотрѣть, поправить и раціональнѣе распредѣлить въ полномъ собраніи, выдать вдругъ полное собраніе всѣхъ сочиненій своихъ, какъ не бывшихъ еще въ печати, такъ и бывшихъ; 2) что, для уменьшенія издержекъ покупателей, вы употребите всѣ способы, совмѣстные съ хорошимъ изданіемъ, какъ бы вмѣстить всѣ эти сочиненія въ наименьшее число томовъ, и 3) что это изданіе, собственно

вами просматриваемое и распредѣляемое, должно будетъ остаться нормальнымъ для всѣхъ будущихъ изданій сочиненій вашихъ, когда они потребуются. Въ слѣдъ за этимъ можно будетъ въ объявленіи тиснуть планъ новаго распредѣленія пьесъ, соотвѣтственно *эпохамъ* ихъ явленія на свѣтъ, и *роду*, къ которому приблизительно они относятся. Всѣ пьесы, не вошедшія въ девять прежнихъ томовъ должны быть оговорены или какъ помѣчены въ объявленіи. Нѣтъ надобности расказывать, что изданіе будетъ сдѣлано въ Карлсру. Застрахованное, оно привезено будетъ на пароходѣ въ Россію и явится въ продажѣ вездѣ вдругъ: въ Спб., въ Москвѣ, въ Одессѣ и проч. и проч. Я отвѣчаю головою, что этого изданія, продавая его по 8 р. сер., можно будетъ спустить въ два года 10 тысячь экземпляровъ. Ужъ это изданіе *необходимо* пріобрѣтено будетъ и тѣми, которые въ первый разъ желали пріобрѣсти всѣ ваши сочиненія, и тѣми, которые X-мъ томомъ желали пополнить собраніе, купленное ими прежде. Тутъ и задумываться не надъ чѣмъ. Да, признаюсь, и стыдно придѣлывать X-й томъ къ Смирдинскому изданію, пущенному небрежно, съ пробѣлами и безъ вкусу. Въ Карлсру, напротивъ, съ Рейфомъ[1]) вы все обдумаете. Бумага дешева; наборъ тоже. Торопиться не для чего. Надобно же хоть разъ въ жизни вытти въ публику такъ, какъ кто любитъ. Посторонній глазъ не умѣетъ около чужихъ дѣтей все такъ оглядѣть, какъ око родительское. При томъ же (я обязанъ говорить истину) основаніе капитала для семейства вашего вѣрнѣе, тверже и несомнѣннѣе при собраніи сочиненій вашихъ, нежели при Одиссеѣ. Эта драгоцѣнна для немногихъ. Тѣ составляютъ потребность мало-мальски грамотнаго каждаго изъ Русскихъ. У васъ нѣтъ денегъ приступить къ изданію. Заключите контрактъ съ бумажною фабрикою и съ типографіею, что вы обязуетесь всю первую выручку отъ продажи немедленно обращать на уплату долга, даже съ процентами. Вѣдь вамъ повѣ-

---

[1]) Филиппъ Ивановичъ Рейфъ, авторъ извѣстныхъ словарей, прежде жившій долгое время въ Россіи вкачествѣ домашняго наставника, убитъ былъ въ Карлсру своимъ слугой 26-го сентября 1872 г.

рять. Мы можемъ даже начать продажу съ появленія 1-го тома, присовокупивъ къ нему оглавленіе остальныхъ и опредѣливъ приблизительно, когда должны являться слѣдующіе и когда очутится въ рукахъ покупателей все это изданіе. И оглянуться не успѣете, какъ расплатитесь съ долгами. Вяземскій вѣроятно напишетъ вамъ свои соображенія. Выбирайте—и рѣшите сами. Но теперь вамъ будетъ понятно, зачѣмъ я въ запискѣ министру помѣстилъ нижеслѣдующіе три пункта. Во 1-хъ сказано, что какъ В. А. Жуковскій далеко живетъ отъ центра нашей цензуры, то желательно, на случай, если бы потребовалась нужда, чтобы ему дано было оффиціальное разрѣшеніе всѣ пьесы его, когда либо уже напечатанныя, въ полномъ ли собраніи сочиненій его, или въ періодическихъ изданіяхъ, вновь печатать ему, не внося опять въ цензуру. На это графъ Уваровъ отвѣчалъ, что хотя это и несогласно съ общими постановленіями о цензурѣ, однако онъ готовъ, изъ уваженія къ имени В. А. Ж., ходатайствовать у Государя о предоставленіи ему просимаго нами позволенія. Во 2-хъ сказано въ запискѣ, что желательно получить немедленно разрѣшеніе цензуры на напечатаніе новой поэмы Рустемъ. Министръ увѣдомляетъ, что не замедлитъ возвратить ее процензированною. Въ 3-хъ сказано: такъ какъ прилагаемая здѣсь выписка изъ Москвитянина показываетъ, что В. А. Ж. намѣренъ со временемъ напечатать Одиссею особою книгою для образовательнаго чтенія, присовокупивъ къ ней изъ другихъ поэтовъ Греческихъ и Римскихъ необходимое для полнаго изученія древняго міра, особенно Греческаго и его миѳологіи, а также и всѣхъ героическихъ вѣковъ; то мы полагаемъ, что Министерство Н. П. для собственной своей выгоды должно обратиться къ В. А. Ж. для предварительныхъ переговоровъ касательно условій, на какихъ могли бы сойтися обѣ стороны, чтобы тѣмъ ускорить появленіе столь полезной книги и поощрить автора въ дѣлѣ, вообще трудномъ и медленномъ. Министръ объявилъ, что авторъ самъ долженъ обратиться съ своими условіями въ Министерство, представивъ готовую книгу, которую оно, разсмотрѣвъ ее, приметъ или нѣтъ, смотря по важ-

ности пользы, имѣющей произойти отъ введенія въ училища изданія этого. Вы видите, что попытка наша подвергнуть разоблаченію темныя ваши надежды на Министерство почти увѣнчалась успѣхомъ. Оно не бросилось съ жадностію на мысль, богатую благодѣтельными послѣдствіями. Оно отвѣчало холодно, какъ бы тутъ дѣло шло объ азбукѣ или вокабулахъ. Министерству подавали конецъ нитки, ухватясь за который оно могло бы явиться достойнымъ своего назначенія и своего вѣка. Но у него недостало чутья, чтобы обоняніемъ почувствовать, съ которой стороны такъ хорошо пахнетъ. Это все и я давно предвидѣлъ. Нѣтъ ничего общаго и родственнаго между высокими истинами дѣйствительной поэзіи и мелкими дѣлами оффиціальныхъ отношеній. Поэтому-то я и говорю, что вы сами должны все создать для своей славы и для обезпеченія своего семейства. Слава Богу, что это нисколько не трудно. Если по моему плану удастся вамъ выпустить въ свѣтъ собственное полное и во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствованное изданіе сочиненій, то точно также вы издадите сами сперва переводъ всей Одиссеи, а въ слѣдъ за тѣмъ и книгу изъ нея для образовательнаго чтенія. Все это, лишь бы являлось вполнѣ готовымъ, имя ваше внесетъ во всѣ библіотеки по громадной Россіи — и вы можете ни за чѣмъ не обращаться ни въ Министерство Просвѣщенія, ни въ какое другое. Напротивъ: послѣ, когда эти три изданія будутъ кончены, къ вамъ обратятся всѣ министерства, — и вы спокойно можете излагать имъ свои условія. Такимъ же образомъ, хоть я не противорѣчу, чтобы вы не присылали первыхъ XII пѣсней Одиссеи въ Академію Наукъ, но не вижу тутъ никакой цѣли. Останьтесь только поэтомъ въ святомъ своемъ пріютѣ и не хлопочите о томъ, что̀ думаетъ Академія. Въ самомъ дѣлѣ, что за мысль заставлять праздно путешествовать сюда рукописи! Другое дѣло прислать ихъ въ цензуру. Тогда спѣшите препроводить все, что есть у васъ не видавшаго печати. Я буду все это возвращать вамъ съ цензорскою подписью. Вы отправляйте все къ Рейфу — а приготовленное къ продажѣ препровождайте сюда уже для книжныхъ лавокъ. Должностнымъ

важнымъ лицамъ некогда наслаждаться вашимъ талантомъ. Я желалъ бы, чтобы вы для пробы послали дружески литературное письмо хоть къ министру Н. П., что̀ бы и какъ бы отвѣчалъ онъ вамъ! Увѣдомьте, что̀ вы думаете обо всемъ этомъ.

П. Плетневъ.

23.

4 (16) Августа, 1847 г. Санктпетербургъ.

По порученію князя П. А.[1], отвѣчаю вамъ, Василій Андреевичъ, на письмо ваше къ нему изъ Эмса отъ 2 (14) Іюля и 20 Іюля (1 Авг.) Затѣянное мною дѣло о вашемъ юбилеѣ теперь въ странномъ положеніи. Прежнія письма ваши не оставляли во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы нынѣшнимъ лѣтомъ вы не прибыли въ Россію. *«Но развѣ нужно для этого мое присутствіе?»* спрашиваете вы. И *да*, и *нѣтъ* — можно отвѣчать вамъ. По идеѣ, какая у меня была объ юбилеѣ вашемъ, вы могли бы и не присутствовать на немъ. Я думалъ, что прекрасно было бы устроить (безъ обѣда, безъ музыки и проч.) духовное, такъ сказать, академическое торжество, на которомъ принесена была бы дань уваженія и признательности имени вашему и таланту, столько славы и добра принесшимъ Россіи. Это можно было бы выразить взглядомъ на литературное поприще ваше, на труды ваши и характеръ ихъ. Но еще думалъ я, чтобы, въ воспоминаніе событія, незабвеннаго для всѣхъ Русскихъ, и особенно для посвящающихъ жизнь свою умственнымъ занятіямъ, въ этотъ день учреждены были стипендіи (по имени виновника) во всѣхъ университетахъ Имперіи на капиталъ, какой можно было бы составить подпискою къ предполагавшемуся празднику. В. К. Наслѣдникъ вполнѣ одобрилъ мою мысль. Министръ Просвѣщенія нашелъ, что праздникъ безъ обѣда и безъ виновника торжества не въ Русскихъ нравахъ, и отвѣчалъ мнѣ чуть не тоже, что Владиміръ Великій

[1] Вяземскаго.

магометанскимъ посланцамъ. Послѣ того, естественно, обратились къ юбилею, въ какомъ родѣ онъ былъ учрежденъ для Крылова. Извѣстіе, что вы не пріѣдете сюда, остановило все. Никто теперь не знаетъ, къ чему и приступить. Мнѣ больше всего хочется скорѣе дождаться возвращенія сюда В. К. Наслѣдника. Между тѣмъ я предвижу и знаю по опыту, что думать обо всемъ окончательно долженъ кто нибудь одинъ, именно тотъ, кому ближе къ сердцу дѣло. Иначе все пойдетъ кое-какъ. Хотѣлось бы мнѣ подмоги отъ васъ, самой маленькой, но дѣйствительной. Мнѣ надобно знать вашу мысль о характерѣ и хотя отчасти о формѣ праздника. Безъ этого самое усердіе, вмѣсто услуги, можетъ только раздосадовать. Вы не четырнадцатилѣтняя дѣвочка, чтобы неумѣстно раскраснѣться отъ вызова на искренній отвѣтъ человѣкомъ очень непостороннимъ, по крайней мѣрѣ, какъ это самъ онъ чувствуетъ.

Рустема отправилъ я къ вамъ, не знавъ, что у васъ есть другой его списокъ: а въ процензированномъ ни одного слова не зачеркнуто. Вамъ показалось излишнимъ, что мы желали выхлопотать для васъ разрѣшеніе печатать безъ новой цензуры все, явившееся уже разъ гдѣ нибудь въ печати. Но, по моимъ соображеніямъ, это избавитъ васъ отъ многихъ хлопотъ. Во 1-хъ, день ото дня привязчивость цензоровъ становится несноснѣе. Могло бы случиться, что глупый цензоръ вздумалъ бы затрудняться въ пропускѣ такихъ мѣстъ, о которыхъ прежде онъ же и не призадумался. Важнѣе же всего то, что теперь, когда вамъ разрѣшено (это и послѣдовало на дняхъ отъ Государя по представленію министра) все, напечатанное разъ, перепечатывать снова безъ оглядки, вы можете готовить свое изданіе вездѣ — и за границею подъ собственнымъ наблюденіемъ, не теряя времени на объясненіе съ цензорами, и въ Россіи, поручивъ дѣло какому нибудь довѣренному лицу. Передъ выпускомъ въ продажу, представляя въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ книгъ своихъ, чтобы получить пропускный билетъ, вы подадите только письменное оглавленіе всѣхъ пьесъ съ отмѣтками

противъ каждой, *гдѣ* она первоначально была напечатана, или *кто* нынѣ въ первый разъ цензировалъ ее. Это разрѣшеніе пойдетъ вамъ въ пользу навсегда. Остается однакоже вамъ письменно увѣдомить князя П. А., за границею ли вы рѣшились приступить къ новому изданію полнаго собранія Стихотвореній своихъ, или въ Россіи. Объ этомъ надобно извѣстить министра для распоряженій его по Цензурному Комитету. Равно и о томъ дайте намъ знать, будете ли вы 10-й томъ печатать какъ дополненіе къ Смирдинскому послѣднему изданію стихотвореній вашихъ, или соедините его какъ часть съ новымъ своимъ изданіемъ всѣхъ вашихъ Стихотвореній. Въ коммерческомъ отношеніи, по моему мнѣнію, послѣднее выгоднѣе. Всѣ, купившіе прежніе девять томовъ, получивъ отъ васъ отдѣльно десятый, ужъ никакъ не войдутъ въ число покупателей новаго полнаго изданія —и вы на послѣднее должны искать покупателей только между людьми, не успѣвшими запастися Смирдинскимъ изданіемъ. Но ежели вы имъ не дадите отдѣльно новаго тома, то они, волею или неволею, должны будутъ пріобрѣсти все новое изданіе ваше, такъ что тутъ количество покупателей явится свыше, нежели вдвое. Впрочемъ это мой только расчетъ, не совсѣмъ, какъ видите, моральный, чисто коммерческій. Такъ, или иначе, поступите вы съ Рустемомъ и другими пьесами, бывшими только въ журналахъ, постарайтесь новому изданію, когда приступите къ полному, дать характеръ окончательно обдуманный. Многіе теперь упорно защищаютъ мнѣніе, что только хронологическій порядокъ пьесъ есть истинно законный и отвѣчающій идеямъ нашего вѣка. Но, мнѣ кажется, можно помириться съ вѣкомъ, держась двухъ идей въ размѣщеніи пьесъ: 1) разложить ихъ на томы по роду сочиненій; 2) въ каждомъ же томѣ соблюдать строго хронологію пьесъ, даже помѣтивъ въ оглавленіи, когда какая сочинена, или переведена. Кстати о послѣднемъ: какъ это изданіе должно сдѣлаться образцовымъ, то потрудитесь въ Оглавленіи же отмѣтить имя автора, которому вы подражали, или изъ котораго перевели. Для историка это будетъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ

въ его работѣ. Рѣшившись печатать у Рейфа въ Карлсру (какъ сдѣлалъ недавно Гречь съ Русскою своею Грамматикой) полное собраніе сочиненій своихъ, вы напередъ приготовьте не большое, но обстоятельное для Русской публики Объявленіе, въ которомъ дайте знать: 1) что наконецъ вы сами приступили къ изданію своихъ всѣхъ стихотвореній, гдѣ помѣстите и то, чего публика еще не знаетъ; 2) что вы нашли удобнѣе и даже полезнѣе размѣстить новое изданіе по новому порядку, давши въ каждомъ родѣ пьесъ мѣсто сначала тѣмъ, которыя вами прежде были написаны и такимъ образомъ держась вездѣ хронологіи, а въ слѣдствіе того снабдили Оглавленіе указателями годовъ и иностранныхъ авторовъ, коимъ подражали; 3) что нынѣшнее самое полное изданіе вы постарались вмѣстить для дешевизны въ четыре только тома, не допустивъ безполезныхъ пробѣловъ и другихъ прихотей роскоши; 4) что въ 1-мъ томѣ помѣщены будутъ слѣдующія стихотворенія (выписать ихъ въ порядкѣ, какой имъ дадите въ печати), во 2-мъ слѣдующія и такъ далѣе во всѣхъ четырехъ; 5) что печатаніе будетъ итти безостановочно и начнется по образцу иностранному съ 4-го тома, который явится скоро въ продажу и будетъ стоить 2 р. 50 к. сер., а за нимъ 3-ій, 2-ой и наконецъ 1-ый, такъ что всѣ вмѣстѣ будутъ стоить 10 р. сер.

Лишь только вы пришлете 4-й томъ, я его удобнѣе могу раздать по лавкамъ, соберу скорѣе деньги, и пришлю къ вамъ на уплату издержекъ по печатанію, такъ что съ каждымъ новымъ томомъ вы будете сбывать накопляющійся долгъ и при послѣднемъ томѣ очутитесь отъ него свободны. Между тѣмъ, если въ Сентябрѣ 1848 года явится 4-й томъ въ продажу, къ концу года онъ розойдется весь: не нужно будетъ и кладовой нанимать для книгъ. Остальные пойдутъ за нимъ тоже быстро. Такъ я думаю. Само собою разумѣется, что вы поступите, какъ придумаете еще лучше.

П. Плетневъ.

24.

30 Октября 1847 г. [1]).

Хоть я не получилъ еще изъ рукъ графа Уварова рукописи вашей, Василій Андреевичъ, но уже слышалъ отъ цензора Никитенка, что Одиссея передана ему для подписанія къ печатанію, и что на ней выставлено будетъ сегодняшнее число, т. е. 30 Октября. И такъ теперь нѣтъ вамъ никакой остановки въ печатаніи всѣхъ вашихъ сочиненій.

Я напрасно сталъ бы описывать вамъ, какое невыразимо-пріятное впечатлѣніе произвело на меня чтеніе вашей Одиссеи. Не только занимательность расказа и чудная прелесть простоты нравовъ, но и самый языкъ Русской подъ вашимъ перомъ — все принимаетъ изумительный характеръ живости, ясности, точности и сладкогласія. Меня, сколько теперь могу припомнить, остановилъ только одинъ эпитетъ *бранный* (въ 140 стихѣ I пѣсни), относящійся къ слову *столъ*; а онъ по-русски назначается для слова *скатертъ* въ отличіе отъ тканой скатерти. Но эти бездѣлицы вы непремѣнно замѣтите въ корректурѣ.

Ради Бога успокойте меня, дошла ли до васъ рукопись *Рустемъ и Зорабъ*. У меня нѣтъ другаго пути отправить къ вамъ и Одиссею, какъ черезъ того же Полѣнова [2]). До сихъ поръ всѣ посылки онъ доставлялъ вамъ отъ меня преисправно.

Мы съ часу на часъ ждемъ пріѣзда сюда А. О. Смирновой. Ея здоровье не слишкомъ хорошо, говорятъ. Что-то дѣлается съ вашею выздоравливающею? Еще мы ждемъ изъ Москвы холеры. Богъ знаетъ, что съ кѣмъ случится.

Будьте вы здоровы со всѣми для васъ милыми. Въ отплату

---

[1]) На послѣдней, бѣлой страницѣ сложеннаго листка адресъ: «Francfort-sur-le Mein. Son Excellence Monsieur de Joukofsky. Aux soins de l'Ambassade de S. M. l'Empereur de toutes les Russies».

[2]) Василья Алексѣевича, директора департамента внутреннихъ сношеній Министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ въ то же время былъ предсѣдательствующимъ во второмъ отдѣленіи Академіи Наукъ.

за дружбу и довѣренность вашу ко мнѣ, я, на случай внезапной моей смерти, поручаю покровительству вашему дочь мою—единственное на землѣ благо мое. — Жду отзыва.

25.

17 Ноября 1847 г. Спб.

Теперь, Василій Андреевичь, ужъ конечно вы получили рукопись Зораба. Полѣновъ объяснилъ мнѣ, отъ чего произошло замедленіе въ отсылкѣ: во все время, пока Государь уѣзжаетъ изъ столицы, иностранное министерство не отправляетъ отсюда курьеровъ своихъ за границу. Посылаю вамъ и рукопись Одиссеи. Я во второй разъ—и еще съ большимъ вниманіемъ, а слѣдовательно и съ большимъ удовольствіемъ—прочиталъ ее. Вашъ переводъ Одиссеи, сравнительно съ переводомъ Иліады Гнѣдича, убѣдилъ меня, что въ языкѣ и умѣньи владѣть имъ есть необъяснимая для насъ тайна. Вы удержали разстановку стиховъ подлинника — Гнѣдичь тоже; вы не уклонились, какъ и онъ, отъ церковнославянскихъ словъ; вы не приняли выраженій простонародныхъ, какими нѣкоторые изъ нашихъ умниковъ совѣтовали возсоздать простоту первобытныхъ вѣковъ — что̀ и у Гнѣдича отвергнуто, какъ легко низводящее къ смѣшной пошлости истинную красоту: за всѣмъ тѣмъ въ чтеніи вашъ переводъ совсѣмъ другое производитъ впечатлѣніе, нежели Гнѣдичевъ. У васъ все идетъ къ сердцу. Но верхъ этой прелести въ VI пѣсни. Не умѣю представить себѣ ничего совершеннѣе, граціознѣе Навзикаи. Между тѣмъ все же не отступаю я отъ прежней мысли, что въ корректурѣ вы должны быть внимательны къ каждому слову. На примѣръ: ударенія надъ словами должны оставаться одни и тѣже непремѣнно: у васъ есть, я помню, бездыханный и бездыха̀нный. Нельзя ли имя Дій, какъ родительный падежъ, замѣнить именительнымъ Зевсъ? Ничего не смѣю сказать противъ слова *понеже;* но предчувствую, что его непремѣнно станутъ осуждать пуристы.

Словомъ: на корректуру я много надѣюсь, какъ на послѣдній мигъ вдохновенія.

Здѣсь прилагаю къ вамъ письмо Уварова. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, что со временемъ можно будетъ выдать всю Одиссею для чтенія юношества съ обѣщаннымъ вами вступленіемъ и добавленіями къ исторіи героическихъ временъ изъ греческихъ трагиковъ и Виргиліевой Энеиды. Но все это послѣ, когда будетъ кончена Одиссея вся, и когда вы приступите къ ея изданію особой книгой. Теперь въ полномъ собраніи Стихотвореній вашихъ напечатайте XII пѣсней такъ, какъ онѣ вполнѣ переведены. Не забудьте ничего, что я вамъ совѣтовалъ сдѣлать вообще въ новомъ изданіи, т. е. чтобы въ каждомъ томѣ пьесы шли хронологически; чтобы подъ каждою пьесою, какъ у Карамзина, означено было время ея сочиненія, и чтобы въ Оглавленіи было отмѣчено, изъ какого автора пьеса заимствована. Еще вы можете къ первому тому приложить и небольшое предисловіе; а если этого не захотите, то ужъ по крайней мѣрѣ составьте сами проектъ публикаціи.

Ежели бы все изданіе могло поспѣть къ Ноябрю 1848 года; то оно дѣйствительно утвердило бы благосостояніе вашего семейства.

Пріѣхала сюда изъ Калуги Смирнова. Она лечится у Пашкова посредствомъ сомнамбюльки. Я что-то не предвижу тутъ рѣшительно хорошаго.

Дай Богъ, чтобы вы и всѣ ваши были совершенно здоровы и благополучны.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

26.

28 Ноября 1847 г. Спб.

Вы получите, Василій Андреевичь, отъ г. Родіонова сводъ окончательныхъ мнѣній нашихъ касательно изданія вашихъ сочиненій. Меня теперь больше всего безпокоитъ судьба манускрипта

Рустема. Какъ уже я писалъ вамъ, Полѣновъ успокоилъ-было меня извѣстіемъ, что эта рукопись, за неотправленіемъ курьеровъ по причинѣ отсутствія Государя, залежалась у него. Между тѣмъ видя изъ послѣдняго письма вашего, что и 29 Октября вы еще не получили ея, я прихожу въ отчаяніе. По крайней мѣрѣ утѣшьте меня увѣдомленіемъ, что у васъ другой полный экземпляръ рукописи этой, и что ея потеря не остановитъ печатанія. Съ цензоромъ я уже берусь сладить: онъ подпишетъ новый оригиналъ старымъ числомъ и во второй разъ.

Прошу васъ какъ можно внимательнѣе выправить все въ печатныхъ томахъ, съ которыхъ будутъ набирать новое изданіе въ отсутствіе ваше: тамъ много ошибокъ, особенно въ знакахъ препинанія. Несказанно обрадовался я, увидѣвъ приписку вашу, что послѣ изданія 8 тома вы не отрекаетесь и отъ 9-го (Одиссеи XIII—XXIV). До сихъ поръ вы объ этомъ упорно молчали. Не позабудьте все это высказать въ вашемъ предисловіи. Мысль — помѣстить въ варіантахъ исправленный текстъ нескромныхъ мѣстъ Одиссеи — прекрасна. Я совсѣмъ не согласенъ съ Уваровымъ, будто дѣтямъ все можно читать тамъ безъ нарушенія ихъ скромности. Я самъ прочиталъ всѣ XII пѣсней дочери моей, и чувствовалъ, какъ благодѣтельны для меня были красненькія балюстрадцы.

Только знаете что: не помѣстить ли вамъ своихъ исправленій на тѣхъ же страницахъ, гдѣ и полный текстъ, внизу, употребивъ условные типографскіе значки для отмѣтки, какіе стихи долженъ пропустить читающій дѣтямъ или дѣвушкамъ. И это, разумѣется, будетъ пояснено въ предисловіи же. А то очень скучно при чтеніи часто соваться на конецъ книги въ примѣчанія.

Все, что говорите вы о впечатлѣніи, какое производитъ чтеніе всей Одиссеи, я уже испыталъ на себѣ, на дочери моей и на тѣхъ, кто съ нею слушалъ. Это былъ удивительный интересъ. Никто не чувствовалъ, что тутъ живешь слишкомъ за 2500 лѣтъ; всѣмъ казалось, что это знакомыя событія: такъ Гомеръ вѣренъ человѣческому сердцу.

Теперь вѣроятно вы уже получили процензированную рукопись Одиссеи съ письмами Уварова и моимъ. Я воображалъ, что вамъ не съ чего набирать Одиссею, и отъ того поспѣшилъ отправить ее къ вамъ.

Предположеніе — ввести Одиссею въ семейства и училища какъ книгу для образованія вкуса и распространенія самыхъ точныхъ знаній о героическихъ вѣкахъ — привести можно въ исполненіе тогда, какъ уже кончено будетъ изданіе всѣхъ 9 томовъ сочиненій вашихъ. Тогда вы еще яснѣе будете видѣть, чѣмъ надобно будетъ пополнить текстъ Одиссеи, т. е. какія прибавить поясненія и переводы изъ Иліады, Энеиды и греческихъ трагиковъ.

Дай Богъ, чтобы ничто не задержало васъ пріѣхать къ намъ въ Іюнѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

27.

6 (18) Января, 1848 г. С.-Петербургъ.

31-го Дек. 1847 г. (12 Янв. 1848) получилъ я письмо ваше, Василій Андреевичъ, и немедленно отправилъ къ Никитенку рукописи, которыя онъ долженъ былъ процензировать. Сегодня онъ прислалъ ихъ мнѣ обратно съ дозволеніемъ печатать. Я, пересматривая ихъ, встрѣтилъ маленькія помарки въ статьѣ: «Черты Исторіи Г. Р.» Думаю однако, что онѣ принадлежатъ вамъ, а не цензору. Чтобы не вышло тутъ какого нибудь qui pro quo, я выписываю здѣсь эти мѣста. Вы сами увидите, кто поправлялъ. Вотъ что вычеркнуто:

На стран.: 45, отъ фразы: *оно послушно единому Богу*, до словъ: *оно говоритъ Властителямъ*.

Тамъ же, отъ словъ: *она и въ достоинствѣ и въ благоденствіи вашего народа*, до фразы: *она говоритъ народамъ: покорствуйте порядку*.

На стран.: 54, отъ фразы: *становятся ясны взаимныя отношенія между Государемъ и подданными*, до словъ: *любовь и уваженіе властителя къ народу.*

На стран.: 55, отъ словъ: *и свобода, хранимая закономъ*, до фразы: *и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее.*

Зачеркнутаго я разбирать не могъ, да оно и не нужно для наборщика; я только здѣсь выписалъ незачеркнутыя слова, отъ которыхъ начинается выброшенное, и слова̀, непосредственно оставшіяся послѣ выкинутыхъ.

Прочее все (даже Оглавленіе осьми томовъ) одобрено къ напечатанію. Я ничего изъ этихъ рукописей не посылаю вамъ обратно, такъ какъ у васъ есть другіе списки со всего.

Касательно оффиціальной бумаги, содержащей въ себѣ Высочайшее разрѣшеніе печатать вамъ въ другой разъ безъ цензуры то, что̀ уже однажды когда нибудь было цензировано, Никитенко изъяснилъ мнѣ, что вамъ нѣтъ въ ней никакой надобности. Эта бумага нужна только Цензурному Комитету, который ее и получилъ. По отпечатаніи всѣхъ книгъ вашихъ, вы при нихъ пришлете такой же общій списокъ или оглавленіе всего содержащагося въ осьми томахъ. Тутъ и видно будетъ, что въ напечатанномъ нѣтъ ничего недозволеннаго. Само собою разумѣется, что вы тогда приложите къ книгамъ всѣ рукописи, процензированныя нынѣ въ первый разъ и съ которыхъ въ первый же разъ набирались нѣкоторыя статьи. Что касается до печатныхъ оригиналовъ, которые давали вы наборщику при нынѣшнемъ изданіи, то можете ихъ и совсѣмъ не присылать, если найдете для себя въ этомъ затрудненіе, потому что, въ случаѣ сомнѣнія, можно же найти въ Петербургѣ всѣ книги, гдѣ въ первый разъ были напечатаны статьи ваши. Цензоръ, свѣривъ ваши новые оригиналы и Оглавленіе всѣхъ осьми томовъ съ печатнымъ экземпляромъ Полнаго собранія Сочиненій вашихъ, и найдя, что все въ порядкѣ, немедленно выдастъ билетъ на пропускъ книгъ вашихъ въ продажу. Никитенко мнѣ сказалъ даже, что если бы вамъ вздумалось въ корректурѣ перемѣнить заглавіе какой ни-

будь пьесы или что нибудь въ текстѣ, то вы безъ опасенія можете все дѣлать, не забывая только эти же перемѣны дѣлать и въ тѣхъ оригиналахъ, съ которыхъ производится наборъ и которые при вашихъ книгахъ присланы будутъ въ Цензурный Комитетъ.

Такимъ образомъ и Одиссея и Рустемъ, подписанные цензоромъ, должны прибыть сюда съ печатными экземплярами вашихъ сочиненій. Если же рукопись Рустема, съ подписью цензора мною къ вамъ посланная, пропала; то, по окончаніи набора съ другой (вашей) рукописи, вы не забудьте эту прислать мнѣ заблаговременно, чтобы я могъ заставить Никитенко подписать ее вновь.

Одиссею вашу въ другой разъ прочиталъ я съ такимъ же, и даже еще съ бо̀льшимъ наслажденіемъ. Выраженій, которыя бы не нравились мнѣ, я рѣшительно не встрѣтилъ. Одно меня останавливало и прежде и нынѣ: это введеніе нашей народности въ народность Греческую. Вы, на прим., употребляете слова: *крайчій*, *тризна*, *домовитый*, и подобныя имъ. Я полагаю, что въ такихъ словахъ слишкомъ много *частно-русскаго*, и они хороши только въ нашей народной поэзіи. Ничего не говорю я противъ слова: *глашатай*. Корень его и самое образованіе содержитъ въ себѣ что-то *обще-человѣческое*. Но если бы вы вмѣсто *глашатай* употребили слово *бирючъ*, то перевели бы понятіе *общее* въ *наше частное*. Я не знаю, чѣмъ замѣнить подобныя слова; но они такъ же мнѣ не нравились, какъ у Вронченка въ переводѣ Гамлета: «Хоть бабка рѣпку пой (стран. 160)». Повторяю, что больше всего надѣюсь я на корректуру, если хоть одну вы сами держать будете: она вдохновительница. Я не воюю противъ *понеже* и подобныхъ ему; но обратилъ на нихъ ваше вниманіе въ томъ предположеніи, что ежели гдѣ и безъ нихъ обойтися будетъ можно, то зачѣмъ же пристращаться къ нимъ? вѣдь они все-таки не алмазы и не жемчугъ языка. Слово: *браная* скатерть или *браное* полотенце, или *браная* салфетка указываетъ на узоры, на украшенія, которыхъ нельзя выткать, какъ прочія части, а надобно *забирать* руками: тутъ антитеза съ тканьемъ.

Князю П. А. Вяземскому я ничего не говорилъ. Впрочемъ,

не думаю, чтобы Одиссея не правилось ему. Помню, что онъ ее всю прочиталъ съ жадностію.

Наконецъ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности отпечатало весь Русской Словарь. Экземпляръ его и вамъ будетъ посланъ, если только Полѣновъ найдетъ къ тому способъ.

Передъ Новымъ Годомъ Государь изволилъ почтить меня небывалою въ Россіи милостію. Графъ Уваровъ внесъ въ Комитетъ Министровъ записку о награжденіи меня Анненскою лентою. Комитетъ отказался дать свое согласіе на такую высокую награду профессору. Безъ всякаго мнѣнія со стороны Комитета поднесено было дѣло Его Величеству на рѣшеніе. Государь соизволилъ. Совѣтъ Университета избралъ меня въ ректоры въ третій разъ на четыре года. Вашъ всею душою

П. Плетневъ.

28.

18 (30) Марта 1848 г. Санктпетербургъ.

Письмо ваше, Василій Андреевичь, отправленное вами изъ новаго обиталища вашего въ Саксенгаузенѣ, получилъ я 16 (28) Марта. Оно мнѣ было такъ необходимо: я со времени безпокойствъ въ Германіи безпрестанно чувствовалъ страхъ за васъ. Теперь мнѣ стало легче. Но надежно ли это временное успокоеніе? До какой поры мы дожили! Право, невольно завидуешь достигнувшимъ вѣчнаго успокоенія. Что впереди ждетъ Европу? Возврата къ прежнему состоянію ожидать нельзя. Главное бѣдствіе въ томъ, что во всеобщемъ волненіи нѣтъ нигдѣ пріюта мирному человѣку. И это называется свободою! При старомъ порядкѣ, въ тюрьмѣ больше было свободы и счастія. Человѣка считали человѣкомъ и охраняли его личность. Теперь, помчавшись за идеею человѣчества, на пути губятъ всякаго человѣка безъ разбора. И такъ, для воплощенія фантома, надобно истребить всѣ недѣлимыя, надъ трупами которыхъ возсядетъ идея,

изъ нихъ образовавшаяся? Вотъ куда повлекли разнузданныя страсти и безвѣріе.

За день до полученія письма вашего я приглашенъ былъ къ В. К. Маріи Николаевнѣ. Ея Высочеству угодно было со мною вмѣстѣ прочитать ваши письма къ Цесаревичу, заключающія извѣстія о началѣ переворота въ Германіи. Сколько новаго совершилось съ тѣхъ поръ! Не удержались ни Австрія, ни Пруссія. Какое положеніе короля Прусскаго! Что суждено перечувствовать нѣжному сердцу доброй Императрицы нашей! Въ Воскресенье, 14 (26) Марта, изъ Берлина курьеромъ пріѣхалъ сюда молодой графъ Вьельгорскій. Государыня въ такомъ смятеніи, что, войдя въ комнату Императора, не узнала даже Вьельгорскаго. Какое для насъ счастіе, что мы въ сторонѣ отъ всей этой бури! Надежды наши на бдительность и прозорливость Государя такъ крѣпки, что мы безъ боязни смотримъ на отдаленное волненіе.

Но ваше положеніе, вдвойнѣ бѣдственное, ни на минуту не выходитъ у меня изъ памяти. Страданія вашей больной, а съ ними и ваши неизбѣжныя страданія, преслѣдуютъ воображеніе мое. До нынѣшняго переворота я желалъ даже, чтобы вы долѣе оставались въ томъ мирномъ уголкѣ, въ которомъ такъ много могли дѣлать для пользы и чести литературы нашей. Здѣшній образъ жизни я находилъ несовмѣстнымъ съ вашимъ призваніемъ. Но теперь все перемѣнилось. Теперь я не могу не желать скорѣйшаго возврата вашего въ Россію. Даже приходитъ мнѣ на умъ, не произведетъ ли это благотворнаго перелома въ положеніи вашей больной. Она страдаетъ нервами, которыхъ разстройство, какъ многими опытами дознано, поправляется скорѣе на сѣверѣ, нежели на югѣ. Примите, по крайней мѣрѣ, къ свѣдѣнію, если не сочтете нужнымъ попробовать, то, что произошло съ самимъ мною. Вы нѣкогда были свидѣтелемъ, какъ я страдалъ отъ ужасныхъ головныхъ болей, къ которымъ, по случаю смерти жены моей, присоединилось послѣ и нервное разстройство. Нынѣ, вотъ уже два года, я пользуюсь такимъ ровнымъ здоровьемъ, какого

въ себѣ не чувствовалъ въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ. Эта благотворная перемѣна совершилась со мною, по совѣту одного молодаго врача (Нордстрема), отъ самыхъ простыхъ предосторожностей: 1) Вечеромъ ложиться никогда не позже одиннадцати часовъ. 2) Вставать всегда въ шесть часовъ. 3) Вставши, крѣпко вытирать все тѣло полотенцемъ, омоченнымъ въ самую холодную воду и выжатымъ хорошенько. 4) Тотчасъ же послѣ этого прогуливаться на воздухѣ хоть съ полчаса. 5) Не употреблять никогда ни кофе, ни вина, ни такого мяса, которое горячитъ; даже вмѣсто чаю лучше пить сырое молоко. 6) Днемъ никогда не спать. 7) Обѣдать ранѣе, какъ возможно (въ часъ или въ два). 8) До обѣда чаще пить самую холодную воду. 9) Свѣжій воздухъ предпочитать всѣмъ лекарствамъ. 10) Для слабонервныхъ хорошо поставить кровать такъ, чтобы больной спалъ головой всегда на сѣверъ. Все это до такой степени просто, что и здоровому употреблять пріятно. Надобно остерегаться носить что нибудь шерстяное на голомъ тѣлѣ (наприм.: фуфайку, шерстяные чулки и другія вещи, раздражающія кожу). Оно должно согрѣваться движеніемъ, т. е. внутреннимъ жаромъ, а не внѣшнимъ. Попробуйте исполнить это сами, или уговорить больную. До Эмса еще болѣе мѣсяца. Можетъ быть, и окажется благодѣтельная съ нею перемѣна.

Отъ Родіонова теперь вы должны уже получить и письма и деньги, какъ для себя, такъ и для Рейтерна. Они отправлены имъ 4 (16), 6 и 13 Марта. Странно спрашивать теперь о судьбѣ работъ, которыя по изданію вашему начались-было въ Карлсру. Вѣроятно, все остановилось. Но тѣмъ не менѣе хочется мнѣ знать, какъ все это по вашему мнѣнію кончится. Еще мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ теперь Гоголь, и что съ нимъ дѣлается. До меня давно не доходитъ о немъ никакого извѣстія.

Государь Цесаревичъ со мною вмѣстѣ прочиталъ ваше письмо ко мнѣ. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за все, за все . . .

Ваши друзья всѣ здоровы. Здѣсь живетъ А. О. Смирнова. Ясновидящая лечитъ ее у Пашкова. Всякой человѣкъ спѣшитъ

помочь ближнему, какъ умѣетъ: а поэтому и Смирнова поручила мнѣ совѣтавать вамъ прислать сюда волоса вашей больной, чтобы ясновидящая могла прописать ей лекарства.

П. Плетневъ.

Письма Жуковскаго.

13 (25) Августа 1848 г.

Любезнѣйшій Петръ Александровичь, приложенная тетрадка должна быть представлена цензору. Если не захотятъ пропустить посвященія Великому Князю Константину Николаевичу; то потрудитесь взять отъ него на то письмо или позволеніе. Просто можно черезъ Уварова объявить ему письмо моимъ именемъ. что позволено. — Это надобно подать въ цензуру прежде выпуска въ свѣтъ *Новыхъ Стихотвореній*.—Слѣдующій вамъ экземпляръ получите отъ Родіонова, потрудитесь раздать назначенныя. Буду скоро много писать къ вамъ, а теперь только мысленно обнимаю.

Вашъ Жуковскій.

7 Октября 1848 г.

Не такъ живи какъ хочется, а такъ живи какъ Богъ велитъ, любезнѣйшій мой Петръ Александровичь. Въ этой русской пословицѣ весь катехизисъ. Мнѣ хотѣлось въ Россію, а Богъ велѣлъ остаться въ Германіи, хотѣлось пріютиться на родинѣ подъ мирнымъ покровомъ самодержавнаго Русскаго Царя, а Богъ велѣлъ переселиться въ край разбоя, гдѣ звѣрскій деспотизмъ черни называютъ свободою и безстыдно проповѣдуютъ неправду подъ именемъ закона. Сперва мой отъѣздъ отсюда остановила холера, потомъ къ ней присосѣдилось и убѣжденіе, что женѣ необходимо и нынѣшнюю зиму остаться въ климатѣ умѣренномъ. Я переселился въ Баденъ и отдалъ мою больную на руки Гуггерту. Что Богъ велитъ, то и будетъ. Баденъ меньше другихъ пунктовъ Германіи подверженъ ударамъ политическаго землетрясенія (то

есть Баденъ-городъ); вся же здѣшняя сторона заражена республиканизмомъ, въ самомъ дурномъ смыслѣ; уже мы почти видѣли въ лицѣ войско красной республики — но эта неудачная попытка послужила къ пробужденію власти. Но пробудилась власть не та, которая бы должна была пробудиться, пробудилась власть вышедшая изъ анархіи, власть такъ называемаго *викарія имперіи*; она остановила бунтъ; но и ее пробужденіе кажется такимъ только отъ того, что всѣ правительства спятъ непробуднымъ сномъ или, лучше сказать, магнетическимъ сномъ, въ которомъ усыпившій ихъ магнетизеръ (наше чудовищное время) заставляетъ ихъ то думать, говорить и дѣлать, что ему приходитъ въ голову. Такого безмыслія (при всей цивилизаціи, произведенной вѣками), такой трусости, такого отсутствія всѣхъ здравыхъ идей, всѣхъ рѣшительныхъ намѣреній и во снѣ вообразить было невозможно.

У насъ передъ глазами обветшалое, полное испорченныхъ соковъ тѣло; пока еще не было болѣзни, оно держалось; вдругъ открылась болѣзнь — какъ тутъ лѣчить? Ничто не беретъ, никакое лѣкарство не помогаетъ, да и лѣкаря нѣтъ. Полное разложеніе всѣхъ частей. Что изъ этаго выйдетъ? Всякая нравственность, всякая вѣра, всякое признаніе авторитета исчезло — что можно построить на оставшейся вонючей тинѣ?—Но я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить, хотѣлъ говорить о себѣ. Мое положеніе здѣсь весьма непріятное—посреди окружающей меня сумятицы я не живу, а только приготовляю возможность начать жить—ибо нѣтъ возможности жить подъ вліяніемъ этой болѣзни, которая такъ давно, и все какъ будто съ усиленною ревностью, терзаетъ мою бѣдную жену, а съ нею и все мое семейное счастіе. Въ такіе мрачные дни чаще думается о смерти. Она въ рукѣ Божіей; когда придетъ, дай Богъ ее встрѣтить какъ добраго гостя. Но меня тревожитъ, можетъ быть болѣе нежели должно бы, будущее моего семейства. Надобно, чтобы мои дѣла были на всякій случай въ порядкѣ и въ ясности. Вотъ я чего желаю отъ васъ: переговорите съ Р. Р. Родіоновымъ; онъ всѣми дѣлами моими въ Россіи завѣдываетъ; но онъ *одинъ;* надобно, чтобы знали объ нихъ и

другіе, которые могли бы вступиться въ мои обстоятельства въ случаѣ моей смерти или въ случаѣ смерти Родіонова. Здѣсь у меня все устроено; и у Родіонова также все въ порядкѣ; но если я буду знать, что и вамъ и Вяземскому (и еще бы я желалъ Сербиновича) все извѣстно, то у меня на душѣ будетъ спокойнѣе. И такъ не откажите мнѣ въ моей просьбѣ и переговорите съ Родіоновымъ. Онъ былъ моимъ дѣятельнымъ опекуномъ во все продолженіе моей заграничной жизни, самый добрый, благородный, чистый человѣкъ. Теперь у него на рукахъ мое изданіе. Онъ будетъ завѣдывать продажею. Но мнѣ кажется, лучше въ теперешнее неблагопріятное время не приступать ни къ какой продажѣ. У меня напечатано четыре тысячи экземпляровъ Полныхъ сочиненій и двѣ тысячи Новыхъ стихотвореній. *Полныхъ* сочиненій только четыре послѣдніе тома отправилъ въ Петербургъ, ихъ продавать нельзя; Новыхъ сочиненій всѣ экземпляры отправлены. Ихъ бы продавать можно. Но должно ли? не подорветъ ли это расхода Полныхъ? Оставляю этотъ вопросъ на разрѣшеніе Комитета. Не подождать ли когда переведется вся Одиссея (этою работою займусь въ Баденѣ, по допустятъ ли кончить нѣмецкіе республиканцы — не вѣдаю). Теперь все старое отпечатано, кромѣ немногихъ листовъ прозы. Но съ нынѣшнимъ пароходствомъ едва успѣемъ отправить, да и не нужно, ибо я только съ Сентября будущаго 1849 года получу право перепечатывать Наля и Дамаянти и все что было въ девятомъ томѣ изданія послѣдняго. Здѣсь (дабы это извѣстно было вамъ) я долженъ сказать, что я опредѣлилъ, что со всѣхъ экземпляровъ, которые будутъ проданы самимъ Родіоновымъ, 20 процентовъ должны принадлежать ему; на это онъ никакъ не хотѣлъ согласиться, но я настоялъ, и такъ оно быть должно. Съ экземпляровъ, которые будутъ проданы книгопродавцамъ съ уступкою, принадлежать должны Родіонову тѣ проценты, которые останутся за вычетомъ уступки. Это здѣсь пишу для васъ, только для того, чтобы это право сохранилось Родіонову и безъ меня. Онъ уже самъ, какъ слѣдуетъ, распорядится съ продажею. Но какъ бы легко было все

это устроить самымъ для меня выгоднымъ образомъ и безъ всякаго для себя ущерба правительству. Стоило бы купить разомъ все мое изданіе. У меня бы образовался тотчасъ капиталъ и я бы оставилъ маленькое наслѣдство своимъ дѣтямъ; а правительство въ 5 или 6 лѣтъ выручило бы свои деньги. Но кто эту идею можетъ пустить въ ходъ? А такимъ образомъ было бы прекрасно означенъ мой юбилей—благотвореніемъ моему семейству. Въ этой мысли, которую вамъ сообщаю, вы конечно не увидите корыстолюбія и жадности къ деньгамъ. Я никогда кажется корыстолюбивъ не бывалъ. Но будущее жены и дѣтей не выходитъ изъ головы моей; не назову этого тревогою, ибо всякій разъ при мысли, что въ будущемъ ожидаетъ ихъ бѣдность, живѣе пробуждается надежда, что Богъ имъ поможетъ, какъ мнѣ помогъ. Еслибы угодно было Богу дать мнѣ еще лѣтъ десять жизни, я бы еще и перомъ могъ поработать: теперь у меня есть готовый томъ прозы; и есть планъ для работъ будущихъ, и этотъ планъ могъ бы тотчасъ быть приведенъ въ исполненіе, еслибъ сила обстоятельствъ не помѣшала мнѣ возвратиться въ отечество. — Простите, мой милый. Вяземскому стыдно, что онъ не отвѣчаетъ мнѣ. Да и вы что-то слишкомъ примолкли.

Вашъ Жуковскій.

29.

29 Октября (10 Ноября) 1848 г. Спб.

Вы можете быть совершенно увѣрены, Василій Андреевичь, что всѣ ваши распоряженія исполняются здѣсь въ точности. У васъ, по моему мнѣнію, одна теперь должна быть забота — собрать точныя наставленія свѣдущихъ врачей, какими средствами дѣйствовать на вашу больную по пріѣздѣ сюда, если бы оказались здѣсь признаки теперешней болѣзни ея. Все прочее, что безпокоитъ васъ въ минуты меланхоліи, очень естественной при видѣ упорной и долговременной болѣзни, можетъ и должно быть удалено отъ васъ яснымъ размышленіемъ. Вы говорите, что легко

можетъ смерть постигнуть васъ прежде, нежели успѣете вы устроить будущую судьбу семейства. Но вы уже все устроили. Жизнію своею, своимъ талантомъ и заслугами передъ лицомъ Государя и его Наслѣдника вы своему имени, а слѣдовательно и семейству своему, доставили все, что можетъ на землѣ назваться прочнымъ. Этимъ обезпечено ихъ состояніе, утверждено ихъ положеніе въ обществѣ и открыты всѣ пути къ тому, что называется здѣсь счастіемъ. За васъ и за нихъ вся Россія отъ ея Главы до послѣдняго изъ грамотныхъ людей. Я ужъ ничего не прибавляю объ участіи друзей вашихъ. Если бы даже и изъ нихъ, вмѣстѣ съ вами, ни одного не осталось въ живыхъ, въ имени вашемъ остается голосъ, который вѣчно будетъ находить вамъ друзей и поклонниковъ. Все это не фразы, не мечты и не гипербола. Это святая истина въ строжайшемъ прозаическомъ видѣ.

Оба тома вашихъ «Новыхъ Стихотвореній» я отдалъ цензору для полученія билета на продажу ихъ. Всѣ мы полагаемъ, что выпускъ ихъ не повредитъ распродажѣ «Полнаго собранія» вашихъ стихотвореній, тѣмъ болѣе, что цѣлый годъ будетъ раздѣлять ихъ выходъ. Еще лучше будетъ, если успѣете вы кончить и напечатать второе отдѣленіе Одиссеи. Тогда можно бы и этого тома распродажу начать до выпуска «Полнаго собранія». На счетъ пріобрѣтенія правительствомъ всего нынѣшняго изданія вашего, объ этомъ и думать нечего — да и пользы въ томъ не было бы много: не бывъ ничѣмъ никому обязаннымъ, вы продадите книги свои, положимъ, въ три года, и получите все свое, чѣмъ бы наградило васъ правительство. Пускай же за нимъ остается этотъ долгъ на другой случай.

Письмо ваше къ Вяземскому о «Святой Руси»[1]) я препровождалъ къ Государю Наслѣднику при своемъ письмѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ приказалъ мнѣ пріѣхать въ Царское Село. Тамъ Его Высочество лично объявилъ мнѣ, что, не считая себя въ правѣ на цензорское полномочіе, онъ показывалъ рукопись

---

[1]) См. *Сочиненія Жуковскаго*, изд. 7-е, т. VI, стр. 162.

Государю, который остался очень доволенъ сочиненіемъ и приказалъ напечатать его за исключеніемъ мѣста о Реформаціи изъ чувства деликатности передъ тѣми, которые въ Россіи реформатскаго исповѣданія.

Ваше стихотвореніе: «Не тревожься, великанъ» явилось первоначально въ Инвалидѣ съ слѣдующею прибавкою: «Чтеніе этихъ стиховъ воздушевило одного изъ нашихъ поэтовъ, того, чьи прекрасныя стихотворенія, печатавшіяся въ Современникѣ при жизни Пушкина, конечно памятны читающей публикѣ русской. Вотъ экспромтъ, набросанный поэтомъ:

«Стой же ты, утесъ могучій;
Потерпи лишь часъ-другой:
Не всегда жъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой.
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣетъ вновь волна,
И безъ пѣны, и безъ бою,
Подъ гигантскою стопою
Вновь уляжется она».

Вы угадали, что это Тютчевъ.

А. П. Зонтагъ пишетъ мнѣ, что А. П. Елагина получила Одиссею вашу и Рустема, и при этомъ спрашиваетъ, нѣтъ ли экземпляра и на ея долю. Я напишу, что точно есть, но не былъ къ ней отосланъ по неполученію билета изъ цензуры на выпускъ. Если вы въ спискѣ и не поставили имени ея, то конечно не отъ того, что не хотѣли. Будьте здоровы.

П. Плетневъ.

30.

17 Ноября, 1848 г. Спб.

Спѣшу увѣдомить васъ, Василій Андреевичъ, что мы, избранные вами въ распорядители дѣлъ по изданію вашихъ сочиненій, опредѣлили не откладывать выпускъ готовыхъ теперь двухъ то-

мовъ Новыхъ Стихотвореній вашихъ. Причины, по которымъ такъ поступили мы, суть слѣдующія: 1) Появленіе полнаго собранія сочиненій вашихъ такъ еще отдаленно, что будетъ достаточно времени для распродажи этихъ томовъ, служащихъ какъ бы продолженіемъ послѣдняго изданія вашего, явившагося въ девяти томахъ. Ежели Новыя Стихотворенія ваши будутъ пріобрѣтены и тѣми только лицами, у которыхъ уже есть прежніе девять томовъ, то изданіе разойдется несомнѣнно. При томъ замедленіе его въ выпускѣ сблизило бы срокъ появленія полнаго изданія вашего, отъ котораго оказались бы никому не нужными эти два тома, и ваши на нихъ издержки остались бы не вознагражденными. 2) Третій томъ Новыхъ Стихотвореній (конецъ Одиссеи) вы обѣщаете прислать безъ замедленія. Это дастъ окончательный ходъ всѣмъ тремъ томамъ Новыхъ Стихотвореній. Только употребите всю свою дѣятельность, чтобы не затянулось появленіе третьяго тома. Онъ долженъ быть въ рукахъ публики прежде, нежели узнаетъ она о приготовленномъ вами изданіи полнаго собранія сочиненій вашихъ. 3) Появленіе всѣхъ сочиненій вашихъ вызоветъ на покупку его преимущественно молодое поколѣніе читателей, которымъ теперь нѣтъ никакой возможности запастися старыми вашими девятью томами. И такъ все должно пойти чинно, не мѣшая одно другому. Ранѣе Ноября 1849 года, о полномъ собраніи вашихъ стихотвореній нечего намъ и помышлять касательно его выпуска. А относительно передачи его, съ уступкою 10%, въ руки Министерства Просвѣщенія, я не вижу въ томъ надобности. Когда вы будете здѣсь, я вамъ представлю простой и легкой планъ сбыть вдругъ все изданіе это на чистыя деньги безъ всякой уступки.

Мы отнесемся циркуляромъ во всѣ министерства, сколько каждое изъ нихъ для училищъ своихъ (ибо въ Россіи есть особыя училища во всякомъ вѣдомствѣ) чувствуетъ надобность взять полнаго собранія стихотвореній вашихъ. Вы увидите, что послѣ этого собственно для публики очень немного останется у васъ экземпляровъ.

По расписанію вашему всѣ даровые экземпляры розданы. Я получилъ письменныя порученія отъ Уварова, Ростовцова и Ишимовой благодарить васъ за эти подарки.

П. Плетневъ.

31.

28 Февраля (11) Марта 1849 г. Спб.

Почти два мѣсяца прошло, какъ я получилъ письмо ваше, Василій Андреевичь, отъ 20 Дек. 1848 г. (1 Янв. 1849). Вамъ легко догадаться, отъ чего я, противъ обыкновенія своего, долго не отвѣчалъ на него. Принявши святое благословеніе ваше, я отпраздновалъ свою свадьбу 26 Янв. (7 Февр.). В. К. Наслѣдникъ удостоилъ быть у меня отцемъ посаженымъ, а Балабина была посаженою матерью. Изъ начальниковъ я пригласилъ только министра да попечителя. Въ числѣ немногихъ гостей былъ князь П. А. Вяземскій съ княгинею. На третій день послѣ свадьбы, какъ уже вы знаете, всѣ мы праздновали у Вяземскаго день вашего рожденія. Въ числѣ подписавшихся дамъ вы найдете подпись: *Александра Плетнева.* Это подпись моей жены, которая тутъ въ первый разъ письменно означила новую свою фамилію, чему очень радовалась. Дочь моя тоже находилась на праздникѣ и подписалась: *Ольга Плетнева.* Такого прекраснаго праздника я не запомню. Всѣ одушевлены были однимъ чувствомъ — чистою, нѣжною любовію къ вамъ, и благодарностію къ хозяевамъ. Притомъ это собраніе представляло цвѣтъ общества, вкуса и благородства. Отъ воспоминанія радости, мелькнувшей такъ свѣтло и благодатно въ домѣ Вяземскихъ, я съ разорваннымъ сердцемъ долженъ перейти къ свѣжему событію, горестному, къ потерѣ невозвратимой: сегодня похоронили ихъ послѣднюю дочь — Валуеву. Она скончалась скоропостижно. Болѣзнь ея называютъ сухою холерою. Это внезапное охлажденіе тѣла, безъ малѣйшей боли, какъ бы засыпаніе, при которомъ ни больной, ни предсто-

ящіе не подозрѣваютъ такой близости смерти. Одинъ выступающій потъ даетъ чувствовать доктору, что его работа уже кончилась. Бѣдный нашъ другъ Вяземскій! Его вторая половина жизни вся наполнена одними лишеніями и горестями. И какъ они передѣлали его! Это не прежній весельчакъ: это задумчивый философъ, тихой христіанинъ, меланхолической затворникъ. Если когда нибудь Богу угодно будетъ, чтобы мы трое сошлись кончать дни наши вблизи другъ друга, о, я увѣренъ, что это было бы самое ровное, самое тихое и небесамъ самое угодное общество.

По вашему порученію былъ у меня полковникъ Бульмерингъ съ книжкою стихотвореній покойнаго Триніуса. Я лично отдалъ книжку В. К. Наслѣднику. Его Высочество изволилъ самъ вызваться послать подарокъ вдовѣ Триніуса. Я приложилъ къ книгѣ и записку о приношеніи, и адресъ, гдѣ живетъ вдова. Не знаю, что̀ за тѣмъ послѣдовало. Но мнѣ тутъ ничего нельзя было сдѣлать болѣе.

Вы должны получить книгу, составленную Ростовцовымъ, которую онъ поручилъ мнѣ переслать къ вамъ. За этотъ вѣрно трудъ Государь изволилъ пожаловать его въ генералъ-адъютанты.

Ради Бога употребите все ваше стараніе, чтобы скорѣе сюда прибыли экземпляры окончанія Одиссеи, предназначенные къ продажѣ вмѣстѣ съ двумя томами «Новыхъ Стихотвореній» вашихъ, пущенными уже въ публику. Появленіе окончанія Одиссеи сильно двинетъ распродажу экземпляровъ, теперь продающихся не совсѣмъ быстро за недостаткомъ конца Одиссеи. Передъ новымъ же 1850 годомъ пустимъ и «Полное собраніе Стихотвореній» вашихъ. Оно пойдетъ скоро и вознаградитъ васъ за издержки.

Помните, что къ Маю 1849 года вы обѣщали (одни или съ семействомъ) *непремѣнно* пріѣхать въ Россію. Сдержите это обѣщаніе. В. К. Цесаревичь поручилъ мнѣ изъяснить вамъ, что слова́: «я напередъ зналъ, что ему трудно будетъ подняться назадъ, въ отечество», были произнесены безъ укоризны, а тѣмъ

менѣе безъ гнѣва. Они только показываютъ, какъ *всѣ* любятъ васъ и желаютъ васъ видѣть.

Еще разъ благодарю васъ, мой добрый ангелъ, за благословеніе. Оно свело на меня благодать Божію. Моя жена—существо кроткое, нѣжное и преданное самымъ чистымъ, самымъ возвышеннымъ помышленіямъ. Она только и мыслитъ вашею поэзіею, которая такъ связала наши души задолго до того, какъ мы догадались что любимъ другъ друга.

Поклонитесь всѣмъ у васъ. Будьте здоровы. Обнимаю васъ.

П. Плетневъ.

32.

28 Августа 1849 г. Спбургъ.

Исполинскій подвигъ совершили вы, Василій Андреевичь, успѣвъ кончить переводъ и печатаніе втораго тома Одиссеи посреди смятеній и бурь политическихъ. Но всего изумительнѣе въ этомъ дѣлѣ присутствіе ненарушимаго покоя, какимъ вы, по видимому, ограждены были во время труда столь серьёзнаго и предназначеннаго для вѣчности. Такъ: я убѣжденъ, что этотъ вашъ трудъ навсегда останется памятникомъ бытія вашего и нашей поэзіи. Во второмъ томѣ у васъ не только незамѣтно ни какого нибудь утомленія отъ продолжительной и быстрой работы, ни небрежности въ языкѣ или въ отдѣлкѣ стиховъ, но чувствуется, вмѣстѣ съ интересомъ поэмы, возрастаніе искуства и сродненіе души вашей со всѣми дѣйствующими въ ней лицами. Огомеривишись духомъ, вы себя проявили такъ рѣзко и прекрасно, что теперь нельзя развести творца съ переводчикомъ: они оба стали наши. Въ поэзіи, такъ какъ въ жизни, по крайней мѣрѣ для меня, вся прелесть явленій заключается въ возбужденіи сочувствія и въ наклоненіи ко взаимнымъ ощущеніямъ всѣхъ движеній души. Это все испытываю я читая и перечитывая вашу Одиссею. Она дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ все, встрѣчающееся съ душою изъ отдаленной страны, но ей родное: она сперва въ него

тихо и долго всматривается, потомъ сближается съ нимъ, и наконецъ у нея недостаетъ силъ отлучить его отъ себя.

Я только объ одномъ жалѣю: это наслажденіе пока не съ кѣмъ дѣлить мнѣ, кромѣ двухъ особъ женскаго пола, со мною живущихъ. Онѣ конечно не отстаютъ ни въ чемъ отъ меня, но не умѣютъ помогать мнѣ въ развитіи этого счастія. Передъ ними я несу фонарь, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы съ нимъ кто нибудь шелъ еще съ одного бока и съ другого и спѣшилъ бы показать мнѣ то, что я могу пропустить. Единственный собесѣдникъ мой по литературной части, князь Вяземскій, далеко отъ меня; онъ изъ Константинополя не воротится сюда прежде Мая 1850 года.

Критика наша толкуетъ пока о первомъ томѣ вашей Одиссеи, не подозрѣвая, что и второй уже здѣсь. Объ этой критикѣ сказать вамъ нечего. Она не помышляетъ ни о трудѣ, ни о достоинствѣ его, а рада оккaзіи выставить свой носъ изъ-за чего нибудь, по чему и его замѣтятъ.

Изъ цензуры не выдали пока билета на пропускъ въ свѣтъ втораго тома вашей Одиссеи. Затрудненіе въ томъ, что вы на книгѣ позабыли припечатать цензорское одобреніе. Хорошо, что теперь такая пора, когда и не зачѣмъ выпускать книги въ продажу. Пока мы уладимъ дѣло, тогда наступитъ лучшая для того пора. Теперь же всѣ ваши экземпляры втораго тома Одиссеи подъ замкомъ, и никто о нихъ не знаетъ.

О выпускѣ въ продажу Полнаго собранія вашихъ сочиненій до распродажи отдѣльно втораго тома Одиссеи нечего и думать: иначе онъ весь сядетъ у васъ на рукахъ. Если Одиссею мы пустимъ въ продажу около конца Сентября, то безъ сомнѣнія въ началѣ Января 1850 года можно будетъ публиковать и о продажѣ Полнаго собранія вашихъ сочиненій. И такъ потерпите, если не желаете страдать отъ безденежья, и во всемъ положитесь на Родіонова.

Прощайте. Какъ мнѣ хотѣлось бы обнять васъ, но если необходимо вамъ жить отъ насъ вдали, то да благословитъ васъ Господь Богъ.

П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

29 Сентября (11 Октября) 1849 г. Баденъ-Баденъ.

Любезнѣйшій Петръ Александровичъ, вы конечно сѣтуете на меня за мое долгое молчаніе; и я за него на себя сѣтую; тѣмъ болѣе что все собирался написать къ вамъ, все хотѣлось поговорить съ вами о моей Одиссеѣ и все лежало у меня на сердцѣ, что я не поблагодарилъ вашу жену за ея присутствіе на моемъ юбилеѣ и не высылалъ вамъ моего поздравленія со вступленіемъ вновь въ союзъ семейнаго счастія, хотя впрочемъ и далъ вамъ на него мое благословеніе. За то и вы не остаетесь у меня въ долгу, вы молчите усердно, вы думаете: дружба дружбой, а долгъ платежемъ красенъ; Ж. у меня въ долгу; на послѣднее мое письмо онъ не отвѣчалъ мнѣ, пускай же попостится; хотя и получилъ я отъ него вторую часть Одиссеи — но это не письмо; хоть десять Одиссей пришли онъ, все не откликнусь, пока онъ не принесетъ мнѣ повинной головы за свое молчаніе. Ну вотъ я и приношу вамъ свою повинную голову. Теперь отвѣчайте мнѣ. И вотъ вамъ вопросы: Что дѣлается у васъ въ Петербургѣ со времени возвращенія Государя? Правда ли, что Уваровъ опасно боленъ? Булгаковъ пишетъ ко мнѣ, что его разбилъ параличъ? Занялъ ли кто его мѣсто? И кто именно? — Получили ли вы вашъ экземпляръ Одиссеи? Я знаю, что еще въ Москву экземпляры не посланы — Булгаковъ, который пишетъ ко мнѣ отъ 14 Сентября, еще не имѣетъ ихъ. Что же это значитъ? Отъ Родіонова я давнымъ давно не имѣю никакого извѣстія; онъ даже не увѣдомилъ меня о прибытіи вещей моихъ и экземпляровъ моего изданія сочиненій въ Петербургъ! И денегъ мнѣ не присылаетъ — это въ теперешнемъ положеніи дѣлъ Германскихъ можетъ ввести въ большое затрудненіе — я весьма тревожусь его молчаніемъ. Что съ нимъ сдѣлалось? Не боленъ ли? Боюсь прибавить другой вопросъ. Прошу васъ, мой милый Петръ Александровичъ, поспѣшить увѣдомленіемъ меня обо всемъ этомъ: отвѣчайте на вопросы

мои хотя въ немногихъ словахъ. А если не полѣнитесь и если нѣтъ вамъ ничего печальнаго сказать мнѣ, то скажите мнѣ слова два о второй части моей Одиссеи — я переводилъ ее con amore и работа шла неимовѣрно быстро; менѣе нежели во 100 дней переведены были и даже отпечатаны всѣ XII пѣсней; поправка шла рядомъ съ переводомъ; я поправлялъ въ корректурѣ, что гораздо лучше и вѣрнѣе, нежели въ манускриптѣ и почти всегда имѣлъ 6 корректуръ каждаго листа (это было возможно по причинѣ близости Бадена, гдѣ я жилъ, отъ Карлсру, гдѣ производилось печатаніе). И какъ будто свыше было опредѣлено, чтобы тишина въ Баденѣ продолжалась до окончанія труда моего. Послѣдній листъ былъ отпечатанъ и нѣсколько корректуръ его было уже отправлено въ Карлсру, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ, который принудилъ меня немедленно переѣхать съ семьею въ Страсбургъ. Туда явился и Рейфъ изъ Карлсру; онъ также бѣжалъ отъ мятежа, но не забылъ мнѣ привезть послѣднюю корректуру, которая и подписана была въ Страсбургѣ. Не смотря на бунтъ, всѣ экземпляры были немедленно отправлены по Рейну въ Мангеймъ, изъ Мангейма въ Кельнъ, а изъ Кельна по желѣзной дорогѣ въ Штетинъ; и я уже давно имѣю извѣстіе отъ Шлецера, что все благополучно отправлено въ Петербургъ. Но изъ Петербурга нѣтъ никакихъ вѣстей. И я прошу васъ убѣдительно дать мнѣ какое нибудь извѣстіе. Мое бѣгство въ Страсбургъ не позволило мнѣ сдѣлать эрраты; нѣкоторыя мѣста мною поправлены въ самомъ текстѣ; а нѣкоторыя опечатки надлежало бы непремѣнно замѣтить: но напечатанію всего этого положила препятствія вооруженная Баденская вольница. И если этотъ бунтъ принудилъ мою жену бросить начатое ею леченіе, которое взяло было хорошій ходъ, то онъ принудилъ насъ повидаться съ Альпами, и мы спокойно прожили посреди ихъ великолѣпія въ тихомъ пріютѣ Интерлаксна, въ виду чудной Снѣжной дѣвы, между двухъ прекрасныхъ озеръ Бріенцкаго и Тунскаго. Наше пребываніе въ Швейцаріи продолжалось отъ 2 (14) Мая до 14 (26) Іюля. Горный воздухъ былъ полезенъ женѣ; и она могла, по

возвращеніи въ Баденъ, снова начать прерванный курсъ леченія; но уже ей нельзя было думать о поѣздкѣ въ Россію съ наступленіемъ осени; тѣмъ болѣе, что одна часть леченія кончилась, другая должна теперь необходимо начаться, и будетъ продолжаться до зимы. Необходимость этого леченія заставила меня съѣздить въ Варшаву, дабы представить на видъ Государя мои жалкія обстоятельства. Онъ принялъ меня несказанно милостиво и позволилъ мнѣ остаться за границею столько времени, сколько потребуютъ обстоятельства. Поѣздки моей въ Варшаву я не стану вамъ подробно описывать: вы вѣрно уже видѣли Великаго Князя и онъ вамъ все разсказалъ обо мнѣ. Теперь я опять на неопредѣленное время долженъ отложить свиданіе съ отечествомъ и съ вами, добрые друзья мои; велитъ ли Богъ вамъ меня увидѣть? Думалъ ли я, покидая Россію для своей женитьбы, что не прежде возвращусь въ нее какъ черезъ десять лѣтъ? И дозволитъ ли Богъ возвратиться? Моя заграничная жизнь совсѣмъ не веселая, не веселая уже и потому, что непроизвольная; причина, здѣсь меня удерживающая, самая печальная: она портитъ всю жизнь, отымаетъ настоящее, пугаетъ за будущее — болѣзнь жены (а нервическая болѣзнь самая бѣдственная изъ всѣхъ возможныхъ болѣзней), болѣзнь матери семейства и хозяйки дома уничтожаетъ въ корнѣ семейное счастіе. Да и самъ я не въ порядкѣ. Швейцарскій воздухъ мнѣ былъ не въ прокъ; тамъ начали немного шалить и мои нервы, пропалъ мой всегдашній вѣрный товарищъ сонъ и сдѣлалось у меня что-то похожее на одышку; поѣздка въ Варшаву меня поправила; сонъ возвратился; одышка не такъ сильна; но есть какой-то безпорядокъ въ кровообращеніи, отъ чего біеніе сердца и нервы продолжаютъ пошаливать. Докторъ изъясняетъ все это геммороемъ и утверждаетъ, что скоро все придетъ въ порядокъ. Я и самъ не нахожу въ себѣ рѣшительной болѣзни. Теперь передо мною цѣлая зима. Надѣюсь, что она здѣсь въ Баденѣ, подъ покровомъ Прусской арміи, пройдетъ спокойно, хотя мы всё живемъ здѣсь на волканическомъ грунтѣ. Прошлая зима была для меня благопріятна: она была поэтически-плодотворна. Что

произведетъ нынѣшняя, не вѣдаю, и еще ни на какую работу не рѣшился, хотя передъ глазами и много плановъ. Съ поэзіей пора проститься; надобно приниматься за прозу. У меня есть довольно написано философическихъ отрывковъ: они могутъ составить толстый томъ и еще многое хочется написать. На это можетъ быть употреблена нынѣшняя зима, если только Богъ дасть здоровья, — вотъ вамъ мой полный отчетъ, любезнѣйшій Петръ Александровичъ; прошу васъ мнѣ отвѣчать немедленно. Скажите побольше о себѣ; дайте свое мнѣніе объ Одиссеѣ. Я сообщу вамъ послѣ то, что мнѣ пишетъ объ ней Фарнгагенъ фонъ Энзе (теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ въ Германіи); онъ знаетъ прекрасно и греческій и русскій языкъ; если онъ мнѣ не льстить, то могу считать мою работу удачною. — Простите, любезный другъ; скажите обо мнѣ вѣсть всѣмъ нашимъ друзьямъ, совершенно меня забывшимъ. Не диво ли? Каждому изъ нихъ я послалъ по экземпляру моего Гомера. Ни одинъ не откликнулся! Ни одинъ не сказалъ спасибо! И поэтъ и трудъ поэта остались въ пренебреженіи именно отъ тѣхъ цѣнителей, которыхъ бы голосъ было такъ пріятно услышать. Но я трудился для сладости труда, и для меня довольно. Обнимаю васъ; вы одни для меня живы.

33.

11 (23) Октября 1849. С.-Петербургъ.

Напрасно думаете вы, Василій Андреевичъ, будто я откладываю писать вамъ, дожидаясь вашихъ отвѣтовъ на мои письма. Если бы я не боялся наскучать вамъ и былъ бы увѣренъ, что исправно будутъ доходить до васъ письма мои; я былъ бы готовъ писать къ вамъ еженедѣльно. И вотъ одно изъ доказательствъ, что это правда. Лишь только Родіоновъ далъ мнѣ знать, что вы въ Варшавѣ и ждете отсюда нашихъ писемъ, я послалъ къ вамъ свое 28-го Августа. По несчастію, какъ послѣ узналъ я, вы покинули Варшаву 29 Августа — и мое письмо до сихъ поръ лежитъ

тамъ на почтѣ, потому что я сдѣлалъ надпись: poste restante. Ради Бога вытребуйте изъ Варшавы это мое письмо: въ немъ найдете отвѣты на все, о чемъ вы спрашиваете меня въ своемъ письмѣ отъ 29 Сент. (11 Октября). Особенно для меня важно все, сказанное тамъ мною о второй части вашей Одиссеи, все, что я чувствовалъ, прочитавши въ первый тогда разъ это восхитительное ваше возсозданіе Гомера. Свѣжія, еще живыя тогда впечатлѣнія мои диктовали мнѣ мой отзывъ. Теперь я только прибавлю, что не удивляюсь восхищенію Фарнгагена фонъ Энзе. Одни безчувственные, лишенные поэтической воспріимчивости могли бы равнодушно читать подобный переводъ. Еще до вашего письма я вполнѣ убѣжденъ былъ, что вы надъ второю частью трудились con amore, или вѣрнѣе, не трудились, а мчались по ней вдохновенно. Все тутъ ознаменовано силою и быстротою творчества. Иначе и быть не могло: вторая часть увлекательна до безконечности. Тутъ и трагедія и идиллія. Вяземскій изъ Константинополя писалъ ко мнѣ только одинъ разъ. Онъ проситъ меня переслать ему туда 2-ю часть Одиссеи, что я и исполнилъ. Воображаю, съ какимъ онъ упоеніемъ читаетъ ее на берегу Геллеспонта. Ваше предположеніе откланяться поэзіи и жить для прозы совсѣмъ не нравится мнѣ. Поэзія, ужъ если она внѣдрена въ человѣка, не принадлежитъ извѣстному возрасту или извѣстнымъ обстоятельствамъ жизни: она дыханіе его, душа его, жизнь его. Что ни начали бы вы писать — вы все поэтъ. И въ прозѣ вы не перестанете быть поэтомъ. Это уже судьба ваша. И такъ не обманывайте себя, будто вы властны тутъ выбирать одно или другое: при васъ вѣчно одно. Работайте по влеченію и прихоти; но напередъ знайте, что поэзія нигдѣ не разстанется съ вами. Готовыя философическія статьи можно пустить въ ходъ по пріѣздѣ вашемъ сюда въ будущемъ году. Между тѣмъ не попробуете ли вы побороться съ Шекспиромъ? Вѣдь это столь же вѣрный рудникъ золота, какъ и Гомеръ. Посмотрите, что за чудная пьеса Пушкина Анжело; а это одна попытка заимствованія у Шекспира. Перечитайте ее, чтобы освѣжить давнишнія

впечатлѣнія. Я увѣренъ, что это притянетъ васъ къ чему нибудь въ Шекспирѣ. Его у насъ никто еще не показалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ быть представленъ. Что за оригинальность идей, что за свѣжесть выраженій, что за неотразимыя истины, что за свобода въ положеніяхъ въ каждой части Анжело! А это и не драма; просто — одинъ экстрактъ.

Касательно Родіонова будьте покойны. Онъ живъ и здоровъ. Дѣла ваши обработываетъ онъ со всеусердіемъ. Не всегда изъ-за такой дали можно вдругъ то исполнить, о чемъ вы хлопочете. Но вы должны быть въ убѣжденіи, что если ужъ дошло до него какое либо изъ порученій вашихъ, то онъ работаетъ. Это я вижу и знаю. Теперь мы пустили въ продажу одинъ второй т. Одиссеи, чтобы не пропало особое изданіе «Новыхъ Стихотвореній» въ 3-хъ т. Что касается до полнаго изданія вашихъ сочиненій, мы о немъ будемъ молчать до Декабря: иначе тѣ три тома не станутъ покупать въ ожиданіи Полнаго собранія. Но вы должны увѣдомить Родіонова, *по чемъ* продавать Полное собраніе вашихъ сочиненій. Ни онъ, ни я, безъ васъ не смѣемъ назначить ему цѣну.

У васъ не совсѣмъ истинное понятіе и касательно такихъ друзей вашихъ, каковы Віельгорскіе, Блудовы и проч. Они къ вамъ не пишутъ — и вы воображаете, что они разлюбили васъ, или даже забыли о васъ. Это совсѣмъ не то. Они живутъ въ чаду большаго свѣта. Кто же тамъ исправенъ въ корреспонденціи? Хорошо мнѣ, когда я лучше люблю просидѣть вечеръ дома и заняться письмами; а какъ же это сдѣлать имъ, которые то въ одномъ, то въ другомъ дворцѣ должны являться каждый почти вечеръ? Нѣтъ, или вы утратили представленіе о Петербургской жизни высшаго общества, или вы стали придирчивы. Друзей вашихъ успокоиваетъ мысль, что вы здоровы и счастливы. Но (чего Боже избави!) случись маленькая бѣда: они всѣ за васъ.

У Уварова былъ нервической ударъ. Теперь ему лучше. Только правая рука не совсѣмъ исправно дѣйствуетъ. Министерствомъ правитъ Шихматовъ; но Уваровъ объ отставкѣ и не помышляетъ.

Императорская фамилія до вчерашняго дня оставалась въ Царскомъ Селѣ, а теперь въ Гатчинѣ. Я былъ у Наслѣдника, но не засталъ его. Онъ получилъ начальство надъ кадетскими корпусами. У насъ все идетъ по прежнему — мирно и благочестно. Вчера умеръ Дм. Петр. Бутурлинъ. Не желаете ли принять въ свое вѣдѣніе Импер. Публ. Библіотеку? А это право было бы хорошо. Вчера въ первый разъ былъ напечатанъ рескриптъ вамъ Государя. Чудно хорошо онъ написанъ. Это торжественное признаніе его въ васъ знаменитаго поэта и наставника Дѣтей его всѣхъ восхитило. Умоляю васъ, берегите свое здоровье. Вы ежедневно встаете въ 5 часовъ. Примите еще за правило ежедневно выходить на прогулку отъ $^1/_2$ 7-го до 7. Я это дѣлаю теперь три года — и не былъ ни разу боленъ. Моя жена благодаритъ васъ за воспоминаніе о ней. Это существо кроткое, милое, полное божественной поэзіи. Можете вообразить, какъ я счастливъ.

Не прошу васъ объ отвѣтѣ, хотя конечно не могу не желать его. Но по крайней мѣрѣ увѣдомляйте меня просто, что письмо мое отъ 11 (23) Октября дошло до васъ, а за письмомъ отъ 26 Авг. (7 Сент.) вы послали въ Варшаву. Это меня успокоитъ.

Обнимаю васъ. Да благословитъ Господь Богъ всѣхъ вашихъ.

П. Плетневъ.

34.

3 (15) Января 1850 г. Спб.

Вы обѣщали написать ко мнѣ, Василій Андреевичъ, по полученіи изъ Варшавы моего письма, отправленнаго туда мною на ваше имя въ Августѣ. Я долженъ теперь заключить, что или не получили вы этого письма, или позабыли о своемъ обѣщаніи. Можетъ быть (чему я очень вѣрю), просто вамъ не хочется терять трудъ и время на переписку безъ особенной надобности. Но мнѣ, кромѣ естественнаго, понятнаго интереса отъ сношенія съ вами, приходится иногда терпѣть какую-то напасть, что я рѣшительно остаюсь одинъ тамъ, гдѣ прежде видѣлъ себя въ кругу милыхъ

мнѣ людей. Я вскользь укажу вамъ на тѣхъ, которые были нѣкогда вмѣстѣ: посмотрите, гдѣ они. А. О. Смирнова въ Калугѣ. Ея братъ, Осипъ, женился на воспитанницѣ какого-то Ершова, который сперва укрѣпилъ за нею недвижимое имѣніе свое, а послѣ подалъ жалобу, будто актъ насильно отъ него вытребовали, и онъ проситъ суда на губернатора Смирнова. Посланъ для разбора дѣла сенаторъ князь Давыдовъ. Можете вообразить, какія пріятныя ощущенія испытываетъ отъ всего этого больная А. О. Счастлива еще будетъ, ежели успѣетъ уговорить мужа покинуть губернаторство и переселится сюда. Князь П. А. Вяземскій все остается въ Константинополѣ и прежде Мая не воротится. Я отправилъ туда къ нему 2-ю часть вашей Одиссеи. Онъ недоволенъ пребываніемъ на югѣ. Изъ Перы нельзя никуда выбраться: такая грязь, а экипажа нѣтъ; гляди на одни остатки послѣ пожара. Гоголь живетъ въ Москвѣ. Недавно писалъ и ко мнѣ. Жалуется, что не пишется что-то. Полагаетъ, что это и быть такъ должно по недостатку читателей, которыхъ разогнали политическія бури, какъ замѣчаетъ онъ по случаю выхода вашей Одиссеи. Ѳ. И. Тютчевъ совсѣмъ невидимъ. Я только въ одинъ вечеръ поймалъ его у него дома. Онъ такъ невластенъ надъ собою, что вѣрно и тогда не можетъ свидѣться, когда даже располагается. Не говорю о знаменитомъ домѣ графовъ Вьельгорскихъ на Михайловской площади. Тамъ никто не увѣренъ утромъ въ своемъ вечерѣ. Къ тому же Аполина[1]) и Софья Михайловны рѣдко бываютъ здоровы. Князь Одоевскій потерялся среди незнакомыхъ намъ лицъ общества посѣщенія бѣдныхъ. Такъ я и сижу все одинъ. Хорошо, что женился.

Хотѣлось бы мнѣ познакомить васъ съ женою моею; но я нахожу, что въ словахъ остается всегда что-то неточное и какъ бы недоконченное. Она принадлежитъ болѣе міру души своей, не-

---

[1]) О замѣчательной личности Аполины Михайловны Веневитиновой, рожденой Вьельгорской и умершей 4 сентября 1884 г., см. ея некрологъ, напеч. П. И. Бартеневымъ въ *Москов. Вѣдом.* этого года, № 260.

жели свѣту. Ея постоянное стремленіе — совершенствовать всѣ стороны умственнаго и нравственнаго бытія своего. Съ давнихъ лѣтъ она ведетъ свой журналъ, родъ исповѣди передъ собою, и вмѣстѣ родъ лѣтописи минутъ, въ которыя она сильно что нибудь чувствуетъ. Тутъ я вижу и убѣждаюсь, что истина и свобода даютъ мысли все, чѣмъ дорожимъ мы въ нашемъ писательскомъ искуствѣ. Сколько свѣжести, оригинальности и точности въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ оборотѣ! Такъ она отмѣчаетъ всѣ дни, въ которые случается съ нею что нибудь сильно ее тревожащее. Въ минуты же покойныя, среди семьи моей, она чистый, кроткій и раздѣляющій всѣ радости младенецъ. Ея любовь къ дочери моей неизобразима.

Съ давнихъ поръ была въ перепискѣ со мною по журналу одна изъ институтокъ Харьковскихъ (Сохaнская) [1]), дѣвушка съ удивительнымъ умомъ и талантомъ. Никогда не видавъ ея, я упросилъ, чтобы она составила для меня свою біографію самую подробную и самую откровенную. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ она присылала мнѣ тетради этихъ разсказовъ, чудно интересныхъ, оригинальныхъ и со всею увлекательностію написанныхъ. Изъ нихъ выйдетъ большой печатный томъ. А ей не болѣе 23-хъ лѣтъ. Если вы пріѣдете когда нибудь сюда, мы прочитаемъ это. Жена моя страстно привязалась къ этому чудному существу заочно, какъ и я. Онѣ теперь переписываются какъ нѣжные друзья. Тоже затѣяла съ женой моей и Ростопчина изъ Москвы. Эта по крайней мѣрѣ ее видала у меня до замужства. Въ бытность свою здѣсь Смирнова также очень полюбила ее (свадьба наша была при ней).

Въ Москвѣ необыкновенная литературная дѣятельность. Въ 1 № Москвитянина 1850 г. вы найдете Нелюдимку, комедію Ростопчиной. Она мнѣ писала еще о комедіи какого-то Островскаго, и увѣряетъ, что это совершенство. Вамъ, Василій Андрее-

---

[1]) Извѣстная въ литературѣ подъ именемъ Кохановской: см. о ней выше, стр. 490.

вичь, предлежитъ важнѣйшій теперь подвигъ: «Составленіе въ видѣ Записокъ всего того изъ вашей жизни, что можно передать въ публику». Это лучшее, полезнѣйшее и пріятнѣйшее дѣло для васъ и для современниковъ вашихъ. Умоляю васъ приступить къ этому. Дмитріевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Батюшковъ и Пушкинъ—сколько главъ одни они доставятъ вамъ для работы. Другія ваши занятія прекрасны — спору нѣтъ; но эти необходимѣе, даже священнѣе. Это будетъ завѣтъ вашъ потомству, которое безъ него останется въ слѣпотѣ на счетъ прекраснаго прошлаго, бывъ отуманено скаредностію настоящаго, усиливающагося разрушить все лучшее въ литературѣ. Полное собраніе сочиненій вашихъ еще не пущено въ продажу за тѣмъ, чтобы побольше разошлось пока изданіе Новыхъ Стихотвореній. Вы не должны выводить никакихъ неблагопріятныхъ заключеній на счетъ Одиссеи судя по тому, что наша публика не расхватила ея до сихъ поръ. У насъ все теперь на откупу у журналистовъ и газетчиковъ. Трудно понять, какъ довели до этого публику — а на дѣлѣ это несомнѣнная истина. Однимъ я изъясняю такое явленіе: въ публикѣ недостаетъ самостоятельности сужденій: вотъ она и обрадовалась, что нашлись добрые люди, которые за нее судятъ, выпросивъ за то съ нея не совсѣмъ дорогую цѣну — 15 р. с. съ рыла.

Моя служба осталась въ прежнемъ мѣстѣ, а недавно еще очень покачивалась. Много переворотовъ было, а еще больше ожидаемъ по Министерству Просвѣщенія. Уваровъ недовольно внимательно слѣдовалъ за направленіемъ періодической литературы. При открывшихся въ Европѣ безпорядкахъ, Государь принужденъ былъ поручить особой коммиссіи пересмотрѣть все, что пишутъ въ нашихъ журналахъ. Затѣмъ образовался постоянный Цензурный Комитетъ (тайный), который обязанъ просматривать все выходящее изъ печати. Предсѣдателемъ былъ Д. П. Бутурлинъ, членами: баронъ М. А. Корфъ и П. И. Дегай, а производителемъ дѣлъ камергеръ И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (сынъ Логина Ивановича). Они повредили Уварову до того, что онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Министерствомъ пока

управляетъ Шихматовъ. Уваровъ замѣтно поправился отъ того нервическаго удара, на который могъ сослаться, чтобы оставить министерство. Между тѣмъ составленъ еще Комитетъ для разбора всѣхъ постановленій Министерства Просвѣщенія. Предсѣдателемъ Блудовъ, а членами: Протасовъ, Ростовцовъ, Анненковъ и баронъ Корфъ. Это было устроено по возвращеніи Государя изъ похода. Тайный Цензурный Комитетъ ввелъ въ подозрительное положеніе всѣ Русскіе Университеты, хотя въ нихъ и капли нѣтъ того, что бываетъ въ заграничныхъ. Послѣдовало новое постановленіе, чтобы Ректоры не были избираемы профессорами, а правительствомъ на неопредѣленное время. Стороною я узналъ, что Бутурлинской Комитетъ и на меня подалъ Государю доносъ, находя въ моихъ лекціяхъ и годичныхъ отчетахъ слѣды либеральныхъ идей. Я написалъ Наслѣднику письмо, изложивши въ немъ правила моей жизни, службы и всѣхъ сочиненій моихъ. Онъ прочиталъ это Государю, который велѣлъ меня успокоить. Тогда Министерство Просвѣщенія снова представило меня въ Ректоры — и Государь утвердилъ. Но Уваровъ увѣряетъ, что если бы я не поступилъ такъ рѣшительно, то не былъ бы утвержденъ, и (по словамъ его) перемѣна въ способѣ избранія Ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности. Послѣ того, когда я былъ у Наслѣдника, Государь, проходя мимо меня, спросилъ меня, доволенъ ли я студентами, прибавивъ, что всѣмъ внѣшнимъ и онъ въ нихъ доволенъ, но желаетъ, чтобы у нихъ побольше было тутъ (показывая на сердце), особенно послѣ такихъ ужасныхъ исторій, какъ недавняя (съ Петрашевскимъ). Все это конечно правда; но какъ помочь? У насъ не дѣти и не воспитываются, а совершеннолѣтніе и живутъ у себя. Впрочемъ въ этой исторіи изъ 700 студентовъ замѣшанъ былъ только одинъ. Теперь Ректоръ не долженъ самъ читать лекцій, а обязанъ безпрестанно ходить по аудиторіямъ и наблюдать за направленіемъ и духомъ лекцій. И это конечно хорошо, но для людей неблагонамѣренныхъ сколько средствъ къ злоупотребленіямъ! Никто не знаетъ, кого назначатъ въ министры. Даже

говорятъ, будто изъ нашего вѣдомства составятъ, какъ изъ военноучебныхъ заведеній, Штабъ подъ главнымъ начальствомъ Наслѣдника. Это было бы для насъ лучше.

Пожалуста пишите иногда ко мнѣ, особенно касательно мысли о вашихъ мемуарахъ.

35.

14 (26) Февраля 1850 г. Спб.

На мое имя изъ Москвы прислали къ вамъ, Василій Андреевичь, какое-то письмо. Можетъ быть, оно и не стоитъ путешествія за границу; но я не смѣлъ задержать его у себя. Отправляя здѣсь его къ вамъ, я посовѣстился не написать къ вамъ чего нибудь и отъ себя, хоть вы и рѣшились всѣ мои письма оставлять безъ отвѣта.

По Министерству Просвѣщенія совершились слѣдующія перемѣны: министромъ утвержденъ князь Шихматовъ, его товарищемъ Абрамъ Сергѣевичь Норовъ, президентомъ Академіи Наукъ оставленъ графъ Уваровъ, предсѣдательствующимъ въ Русскомъ Отдѣленіи Академіи назначенъ Полѣновъ, а въ Археографической коммиссіи Комовской.

Новый директоръ Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго Музеума статсъ-секретарь баронъ Модестъ Корфъ успѣлъ, для избавленія себя отъ подчиненности новому министру, высвободить эти учрежденія изъ подъ власти Министерства Н. П. и подчинить ихъ министру Двора.

Бывшій сослуживецъ нашъ Владиміръ Ивановичь Назимовъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ, сдѣланъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа.

Князь П. А. Вяземскій на дняхъ писалъ ко мнѣ изъ Константинополя, и очень жалуется, что вы совсѣмъ забыли его. Надобно вамъ сказать, что Смирдинъ въ числѣ новыхъ дешевыхъ изданій своихъ объявилъ объ изданіи сочиненій Екатерины II.

Это возмутило Вяземскаго. Онъ негодуетъ на Академію Наукъ, какъ она могла допустить подобное посрамленіе великаго имени Екатерины, упоминая, во сколько насъ выше Берлинцы, со всею роскошью издавшіе творенія Фридриха Великаго, не смотря, что онъ плюнулъ на нѣмецкій языкъ и писалъ по-французски. Мысль Вяземскаго объ изданіи Екатерины II съ такимъ предисловіемъ, или жизнеописаніемъ, которое бы представило во всемъ блескѣ вѣкъ и умъ ея, меня очень занимаетъ. Если бы мы трое, сосредоточившись въ Петербургѣ и раздѣливъ межъ собой работу по этому изданію, бодро и усердно посидѣли годокъ за дѣломъ, каждый за своимъ по указанію съобща, я увѣренъ, что изъ этого вышло бы что нибудь очень путное Екатерина конечно не важна какъ авторъ, но она чудныя рождаетъ въ душѣ идеи какъ человѣкъ своей эпохи и своей націи. Всякая пьеса ея послужила бы темою для такой главы, въ которой разгулялось бы перо вдохновеннаго историка. А кто не вдохновится, принявшись говорить о ней?

Памятникъ Крылову рѣшено поставить въ Лѣтнемъ саду въ аллеѣ передъ кофейнымъ домомъ. Отливать изъ бронзы будетъ Клотъ по своей модели, на которой барельефы, говорятъ, чудно хороши (звѣри изъ басень).

Полное изданіе вашихъ сочиненій еще хранится въ тайнѣ, чтобы продлился сбытъ экземпляровъ «Новыхъ Стихотвореній». Родіонова очень давно не видалъ я, и не знаю, каково идетъ продажа. Скажите навѣрное, ждать ли сюда васъ лѣтомъ? Я буду жить у Лѣснаго Института, тамъ же, гдѣ нѣкогда вы посѣщали меня.

Гоголь въ Москвѣ. Онъ жалуется въ письмѣ ко мнѣ, что 2-я часть Мертвыхъ Душъ очень медленно у него подвигается, хоть онъ и работаетъ прилежно.

Ростопчина расписалась. Недавно напечатана ея драма: Нелюдимка. Тутъ много хорошихъ мѣстъ, но драмы совсѣмъ нѣтъ.

А что вы дѣлаете? Обнимаю васъ отъ души.

П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

3 (15) Февраля 1850 г. Баденъ-Баденъ.

Отвѣчаю разомъ на три письма вашихъ, мой добрый другъ Петръ Александровичь. Если бы вы знали, какъ мнѣ пріятно и вдали утѣшительно читать ваши письма, то писали бы, какъ вы сами говорите, ко мнѣ *еженедѣльно*, не считая моихъ отвѣтовъ и давъ мнѣ полную волю откладывать ихъ. Къ несчастію, этотъ порокъ *откладывать* письма во мнѣ есть какая-то особенная, моей натурѣ принадлежащая болѣзнь; если бы воскресъ Галь и ощупалъ мой черепъ, то конечно гдѣ-нибудь отыскалъ бы горбъ Эпистолофобіи. Говорю не шутя: мнѣ всегда пріятно писать *нѣкоторыя* письма, то есть, письма къ тѣмъ, для кого у меня душа на распашку, слѣдовательно и къ вамъ. Но стоитъ только отложить отвѣтъ на одинъ день по полученіи письма, какъ это отдалится на недѣли или мѣсяцы; необходимость писать обращается тотчасъ въ какое-то пугало; и чѣмъ далѣе откладываешь, тѣмъ тяжелѣ становится этотъ cauchemar. Онъ даже всякую другую работу портитъ. И несмотря на это безпрестанное давленіе совѣсти, нѣтъ силъ взяться за перо. Самое трудное въ этомъ дѣлѣ есть просто этотъ механическій актъ принятія пера въ руки; какъ скоро рѣшился и перо въ рукѣ — все вмигъ въ порядкѣ, пишешь и веселишься. А отписавъ, вдругъ чувствуешь себя и здоровымъ и легкимъ. Это со мной безпрестанно повторяется — и все опытъ не помогаетъ; и теперь лежитъ у меня съ десятокъ не отвѣтствованныхъ писемъ, на которыя бы такъ было весело отвѣчать; авось вашимъ письмомъ сдѣлаю доброе начало и исцѣлюсь до новой болѣзни. Я вошелъ въ эти подробности для того, чтобы возбудить васъ къ христіанскому подвигу, на который вы вызываетесь, увѣряя меня, что рады бы писать ко мнѣ *еженедѣльно*. Я буду доволенъ если хотя *ежедвунедѣльно*: это было бы для меня большимъ добромъ и, чего добраго, я бы самъ расписался и о многомъ бы могло что нибудь доброе быть сказано. Впрочемъ кромѣ моего грѣшнаго

таланта откладывать отвѣты на письма, есть и другая причина, которая мѣшаетъ моей точности. Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариометики: за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ самихъ родителей. Съ новаго года я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскія буквы и склады писать по русски; считать. Но по той методѣ, которую я себѣ составилъ, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело. Къ этимъ двумъ предметамъ присоединены библейскія повѣсти; мать ихъ разсказываетъ, а я потомъ ихъ повторяю: мы употребляемъ простой языкъ святаго писанія, доступный младенцу такъ же, какъ и мудрецу; разсказываемъ одни факты, безъ всякаго нравственнаго примѣненія — это примѣненіе придетъ само по себѣ, если только чистая роса святыхъ фактовъ падетъ свѣжо на воспріемчивое, дѣтское сердце. Вѣра христіанская исходитъ изъ смиреннаго принятія откровенныхъ фактовъ, а не изъ умственнаго убѣжденія. Съ чтеніемъ и счетомъ (которые не будутъ сухимъ механическимъ, а самодѣятельнымъ занятіемъ) перейду къ моему систематическому курсу; не буду учить ни географіи, ни естественной исторіи, ни математикѣ, ни грамматикѣ, ни слогу, все это составитъ одну цѣпь постепеннаго умственнаго развитія; дитя будетъ не *получать*, а *брать* своею собственною силою. И надъ этимъ то курсомъ я теперь работаю, что меня чрезвычайно занимаетъ. Я уже на опытѣ надъ моею дочкою извѣдалъ, что метода моя хороша. Правда, моя Сашка умной ребенокъ и съ нею легко; но это *легко* съ умнымъ ребенкомъ происходитъ такъ же и отъ того, что при наставленіи заставляешь дѣйствовать умъ и чувство, которые бы заупрямились (и въ умномъ ребенкѣ сильнѣе, нежели въ другомъ), еслибы оставить ихъ въ покоѣ. Павла я не

допускаю еще къ занятію, и это тѣмъ для него полезнѣе, что онъ ни минуты не бываетъ безъ занятія; онъ кажется не будетъ имѣть сестриной геніальности, но такъ же можетъ назваться одареннымъ ребенкомъ: надобно подслушать, что они съ утра до вечера болтаютъ, какія вдвоемъ выдумываютъ игры и какое важное участіе принимаютъ въ ихъ жизни ихъ куклы. Павелъ весь я — и лицемъ и свойствами и характеромъ. Дай Богъ жизни, чтобы привести его къ началу прямой дороги; *итти* же по ней придется ему безъ меня.

Чтобы обратиться къ моимъ педагогическимъ занятіямъ (которыя не безъ поэзіи), я желалъ бы составить полный курсъ домашняго, систематическаго ученія, составить его такъ, чтобы онъ могъ пригодиться и въ другихъ семействахъ, чтобы отцы и матери могли имъ пользоваться, не прибѣгая къ помощи наемниковъ. Но удастся ли это? Глаза служатъ плохо; работать долго стоя, какъ я привыкъ прежде, уже не могу, ноги устаютъ; сидя работать такъ же долго не могу, кровь бѣжитъ въ голову. И какъ нарочно, думая, что въ 1848 году отправлюсь въ Россію, я всѣ свои педагогическія работы отослалъ вмѣстѣ съ нужными книгами въ Петербургъ: надобно начинать снова; время не терпитъ; а когда буду на мѣстѣ—какъ узнать? Еще незнаю гдѣ будетъ мое мѣсто? Я осужденъ вести бивачную жизнь въ такое время, когда надлежало бы имѣть свою тихую кровлю въ отечествѣ! Не покоемъ семейной жизни дано мнѣ подъ старость наслаждаться; безпрестанными же, всякую душевную жизнь разрушающими страданіями бѣдной жены моей уничтожается всякое семейное счастіе. Ничего нельзя устроить; все на авось. Крестъ мой не легокъ, иногда тяжелъ до упада. Но наука жизни есть *признаніе* Воли Божіей — сперва *просто признаніе*, что она выше всего, и что мы здѣсь для покорности; потомъ *смиреніе въ признаніи*, исключающее всякіе толки ума или страждущаго сердца, могущіе привести къ ропоту; потомъ *покой въ смиреніи* и цѣлительная *довѣренность;* наконецъ сладостное *чувство благодарности* за науку страданія и *живая любовь* къ Учителю и къ его строгому ученію.

Вотъ четыре класса, которые необходимо должны мы пройти въ школѣ жизни. Я еще въ первомъ классѣ. Дастъ ли Богъ время перейти въ четвертый — это въ Его волѣ. А жизни утекло много и утекло въ ребяческой безпечности. Но семейная жизнь сдѣлала уже великое добро душѣ моей, сорвавъ для нея маску со многихъ призраковъ и съ нея самой. Въ женѣ Богъ далъ мнѣ свѣтлаго товарища; и къ этому благу прибавилъ Онъ даръ поучительнаго страданія. Дай Богъ претерпѣть до конца. Вы пишете о моемъ счастіи; такъ, у меня есть счастіе или лучше сказать много матеріаловъ счастія, но не того, которое такъ называется; я знаю, *гдѣ* это *мое* счастіе, но дорога къ нему крута, а мои старыя ноги слабы; есть у меня и вѣрный, добрый товарищъ, но и на его плечахъ тяжелое бремя, бремя, котораго сложить нельзя потому, что условіе этого счастія состоитъ въ донесеніи до мѣста своего бремени, не кряхтя и не сѣтуя. Я долженъ однако признаться, что есть много, много минутъ несказанно тяжелыхъ, и эти минуты возвращаются часто. Помоги Богъ... И всему одна причина — болѣзнь жены.

Наконецъ ваше письмо прибыло ко мнѣ изъ Варшавы; оно порадовало мнѣ сердце за мою Одиссею, которая не есть отъ меня даръ современникамъ — въ наше время литтература взяла уродливое, безнравственное, лишенное всякаго очарованія направленіе. Но объ этомъ предметѣ будемъ говорить послѣ. Теперь надобно намъ заняться матеріальною стороною Одиссеи и моихъ сочиненій — то есть ихъ распродажею. То, что вы и весьма немногіе говорите мнѣ о трудѣ моемъ, который такъ сладостно повеселилъ мою старость и озолотилъ мнѣ многіе плоды жизни, для меня весьма удовлетворительно. Я весьма однако сожалѣю, что вошелъ въ убытокъ и напечаталъ особенные экземпляры для моихъ друзей и знакомыхъ; вмѣсто ста экземпляровъ мнѣ бы должно было раздать десятокъ, не болѣе. Ни одинъ не только не порадовалъ меня изъявленіемъ своего участія, но и не потрудился увѣдомить о полученіи экземпляра. Это мнѣ было больно и досадно, особенно отъ Смирновой, отъ Вьельгорскаго, отъ Карамзиныхъ.

Мои обѣ дѣвицы Воейковы такъ позабыли о моемъ существованіи, что я только изъ новаго придворнаго календаря узналъ о принятіи меньшой Воейковой ко двору В. К. Константина Николаевича.

Смирнова не отвѣчала мнѣ на нѣсколько писемъ и оставила безъ уваженія мою просьбу о моей крестницѣ, которую, т. е. просьбу, я для бо́льшаго эффекта написалъ во вкусѣ моихъ арзамасскихъ протоколовъ галиматьею — но и это не подѣйствовало. Спросите при случаѣ у Софьи Николаевны Карамзиной, получила ли она письмо мое? — Вы называете мой переводъ второй части Одиссеи подвигомъ исполинскимъ — это особенно въ томъ отношеніи правда, что моя работа была *постоянная* и *безъ всякаго внѣшняго подкрѣпленія;* первыя 12 пѣсней переведены во Франкфуртѣ; тамъ жилъ въ моемъ домѣ Гоголь, я читалъ ему мой переводъ, онъ читалъ его мнѣ и судилъ объ немъ какъ поэтъ; потомъ я читалъ его вмѣстѣ съ Хомяковымъ, наконецъ съ Тютчевымъ — все это было истиннымъ поэтическимъ наслажденіемъ, не пиромъ самолюбія, а просто лакомствомъ за трапезою Гомера. Ничего этого я не имѣлъ, переводя вторую часть Одиссеи въ Баденѣ; никто бы лучше моей жены не оцѣнилъ труда моего и не далъ мнѣ совѣта — у нея и душа и чутье поэтическое; но я еще не выучилъ ее по русски; и ни съ кѣмъ изъ русскихъ, мною встрѣченныхъ въ Баденѣ, не приходило мнѣ и въ мысли познакомить моего лавроноснаго старца Гомера. Я былъ вполнѣ одинокъ... Но куда я убѣжалъ отъ моихъ предположеній насчетъ распродажи моего изданія? Еще однако одно маленькое отступленіе: у меня такая безпамятность, что я почти ни слова не помню изъ Одиссеи. Зналъ только наизусть одну первую пѣснь; но теперь думаю, что и ее не буду умѣть прочитать безъ книги. Я могу читать мой переводъ какъ чужой; это было со мною и во время моей работы. Окончивъ пѣснь, я отсылалъ ее въ типографію, и когда приносили ко мнѣ корректуру, я читалъ ее, какъ нѣчто вовсе для меня новое, и это было почти такъ со всякою корректурою. Отъ этого и ошибки ярче бросались въ глаза. Вотъ и

теперь, перечитавъ ваши письма и полакомившись, не вашими похвалами, а вашею поэтическою симпатіею, мнѣ захотѣлось развернуть вторую часть Одиссеи, и я прочиталъ пѣсни стрѣльбы изъ лука и убійства жениховъ какъ нѣчто, не только не мною писанное, но и какъ нѣчто, никогда мною не читанное. И мнѣ стало грустно, что эта прелесть труда для меня миновалась. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ созданіи поэтическомъ самое сладостное для поэта есть самый актъ созданія, и что *продолженіе* работы усладительнѣе самаго ея *совершенія*.

Воротимся къ прозаическому; здѣсь слѣдуетъ раздѣлить мое разсужденіе на пункты:

1) Изданіе кончено, деньги на него употреблены; этотъ капиталъ заключается въ массѣ экземпляровъ; вотъ главное: я теперь имѣю *книжный* капиталъ, который, если онъ и медленно обратится въ *денежный* капиталъ, все капиталъ вѣрный; онъ собирается по каплямъ, и наконецъ весь соберется и начнетъ приносить свой полный доходъ. Если бы я велъ разсчетъ купеческій, то конечно бы могъ считать убыткомъ эту утрату процентовъ. Но для меня довольно знать что у меня есть капиталъ вѣрный, котораго мнѣ ни на что тратить не нужно и который со временемъ достанется моимъ дѣтямъ. Сохрани только Богъ мнѣ и имъ нашего ревностнаго попечителя Родіонова.

2) Но при всемъ этомъ не должно оставаться беззаботнымъ: чѣмъ *скорѣе* распродастся изданіе, тѣмъ лучше. Я думаю, что не надобно убивать *трехъ томовъ новыхъ стихотвореній* поспѣшною публикаціею *полнаго изданія*. Мнѣ даже кажется, что будетъ выгоднѣе подождать этою публикаціею до будущей осени, отдавъ на произволъ судьбы распродажу *новыхъ стихотвореній*. Это была большая ошибка съ моей стороны, что я напечаталъ особенно 2000 экземпляровъ новыхъ стихотвореній и не отложилъ публикаціи до окончанія Одиссеи. Вы увидите, что половина изъ купившихъ первые два тома, не найдетъ нужнымъ покупать третьяго. Онъ останется у насъ на рукахъ депарельированнымъ. Тогда можно будетъ къ оставшимся на рукахъ экземплярамъ

втораго тома (если ихъ останется половина) припечатать столько же экземпляровъ перваго, тогда можно будетъ продавать Одиссею особенно. Между тѣмъ вы, мой милый Петръ Александровичь, можете весьма помочь ходу этого дѣла — и вотъ какъ. Великій Князь Наслѣдникъ начальствуетъ теперь всѣми военными учебными заведеніями; при немъ мой добрый пріятель Яковъ Ивановичь Ростовцевъ. Можно представить на видъ имъ обоимъ, что три тома новыхъ стихотвореній моихъ такая книга, которую можно безопасно давать въ руки юношамъ, и что ее можно раздавать какъ призъ за доброе поведеніе и ученіе. Симъ способомъ можетъ въ молодежи распространено быть не вредное, а образовательное чтеніе, а мнѣ сдѣлано будетъ значительное пособіе. Это все можете вы лично объяснить Наслѣднику, то же самое можете сообщить и Ростовцеву, даже моимъ именемъ; онъ ко мнѣ всегда былъ доброжелателенъ и конечно не откажется быть мнѣ полезнымъ по возможности. Можно такое же сдѣлать предложеніе и Государынѣ для институтовъ ея: теперь я не знаю, кто главный надъ институтами, но кто бы онъ ни былъ, я увѣренъ, что не откажется оказать мнѣ добро. Вамъ легко будетъ найти средство сдѣлать предложеніе Императрицѣ, даже черезъ Великаго Князя. Для удобнѣйшаго же сбыту экземпляровъ можно сдѣлать слѣдующее: раздробить три тома на двѣ книги, перемѣнивъ только титулы. Первая книга подъ титуломъ Рустемъ и Зорабъ, въ одномъ томѣ (разумѣется, что первый титулъ долженъ быть уничтоженъ); вторая книга въ двухъ томахъ подъ священнымъ титуломъ Одиссеи. Подумайте объ этомъ. Не захочетъ ли помочь намъ и помощникъ министра просвѣщенія, который такимъ подвигомъ далъ бы истинный смыслъ своему великолѣпному титулу?

Мнѣ даже пришла въ голову другая мысль и мысль весьма удобоисполнимая. И исполнителемъ ея никто не можетъ быть кромѣ васъ; и исполнивъ ее, вы бы, въ случаѣ удачи, сдѣлали значительное добро мнѣ и моему семейству. Вотъ въ чемъ дѣло: напишите Великому Князю записку объ *изданіи моихъ сочиненій* такого содержанія:

1) Ж. напечаталъ полное изданіе своихъ сочиненій на свой счетъ.

2) Изданіе стоило ему столько то (счетъ у Родіонова); капиталъ взятъ имъ изъ своего достатка, съ котораго проценты онъ будетъ терять во все то время, пока будетъ продолжаться распродажа.

3) Удача и скорость этой продажи зависитъ отъ книгопродавцевъ, которые будутъ для своей выгоды притѣснять ее и отъ которыхъ уплата не всегда надежна.

4) Все изданіе можетъ быть продано въ теченіе 4 или 5 лѣтъ.

5) Мнѣ (Плетневу) и Родіонову поручено отъ Жуковскаго завѣдываніе продажею.

6) Я (Плетневъ) нахожу, что можетъ быть оказано отъ Государя Императора въ этомъ случаѣ великое пособіе, безъ малѣйшей траты на то какой бы то нибыло суммы.

7) Пускай казна купитъ все изданіе съ уступкою пяти или даже десяти процентовъ отъ издателя. Черезъ пять лѣтъ она возвратитъ весь капиталъ свой.

8) Не нужно даже и платить всего капитала, а разсрочить уплату на пять лѣтъ, или даже заплатить всю сумму разомъ не прежде какъ по истеченіи пяти лѣтъ, съ уплатою ежегодно пяти процентовъ.

9) Такимъ образомъ будетъ Жуковскому ассюрированъ его капиталъ и онъ будетъ избавленъ отъ самовластія книгопродавцевъ, которые тогда не могутъ уже замедлять распродажи его изданія, и съ которыхъ плату казна будетъ получать вѣрнѣе нежели частный человѣкъ.

10) На изданіе сочиненія Пушкина Государь пожаловалъ 50.000 рублей. Подписка и продажа изданія произвели значительный капиталъ для дѣтей Пушкина. Здѣсь не требуется ни денегъ, ни даже пособія. Здѣсь будетъ только ссуда или лучше сказать обезпеченіе капитала, который вдругъ сдѣлается живымъ достояніемъ Жуковскаго, если за матеріальный *капиталъ*, заклю-

чающійся въ полномъ изданіи его сочиненій, обращенный въ собственность казны, будетъ ему выдана отъ казны бумага на уплату этого *капитала деньгами* въ теченіи пяти или черезъ пять лѣтъ, въ которыя *продажею* книгъ казна возьметъ мало по малу весь свой *денежный* капиталъ или большую его часть, а Жуковскій не потерпитъ никакого убытка, получая въ теченіе пяти лѣтъ по пяти процентовъ, а черезъ пять лѣтъ всю сумму.

Каковъ кажется вамъ мой планъ? Я думаю тутъ нѣтъ ничего несбыточнаго. Оставляю все на ваше разрѣшеніе. Вамъ, какъ моему распорядителю, по отношеніямъ вашимъ къ Великому Князю не только не трудно, но и прилично представить ему такую записку. Можете сами понять, какъ бы мнѣ было покойно, когда бы это дѣло такимъ образомъ было вдругъ приведено въ порядокъ.

Но вотъ уже я переступилъ на 10-ую страницу письма моего — надобно знать честь; да и ноги жестоко устали (я пишу стоя). Мнѣ бы еще многое хотѣлось написать вамъ, особенно объ отрывкѣ, вами для меня переписанномъ изъ журнала милой и геніальной жены вашей (которой дружески поклонитесь отъ меня и отъ моей жены); но о такомъ предметѣ надобно писать свѣжее письмо. И такъ до будущаго раза. А когда? Не знаю. Передо мною *туча* писемъ; наконецъ я взялся за перо, не надобно выпускать его изъ рукъ. Но васъ убѣдительно прошу немедленно отвѣчать на это письмо; а потомъ и начать наблюдать двунедѣльный срокъ, то есть писать ко мнѣ каждое 1-е и каждое 15-е число мѣсяца. Это вамъ будетъ пріятно, ввечеру, имѣя подлѣ себя добрую вашу жену и посылая мнѣ мысленно и письменно частичку отечества и жизни вашей и далекихъ, разсѣянныхъ друзей моихъ.

Простите, всѣмъ сердцемъ васъ обнимаю.

Вашъ Жуковскій.

36.

21 Февраля (5 Марта) 1850 г. Спб.

Василій Андреевичъ! Вы мнѣ дали названіе *друга*. Оно проникло въ меня и наполнило всю душу мою. Не удивляйтесь теперь, ежели найдете что въ моихъ письмахъ не прежнее: въ обновленномъ существованіи своемъ я буду искать указаннаго мнѣ мѣста и говорить со всѣми приданными мнѣ правами; но любить и уважать васъ буду постарому, потому что ни для того, ни для другого чувства въ сердцѣ моемъ нѣтъ высшей степени. Писать вы можете ко мнѣ только тогда, когда вамъ захочется; а я по вашему желанію дѣйствительно буду писать часто, какъ и увидите. У меня есть много, о чемъ говорить съ вами. Что я ни читаю, о чемъ ни думаю — вы всегда у меня на мысли. Я не перестану твердить вамъ о томъ, что разъ высказалъ, помнится, при извѣщеніи о смерти А. И. Тургенева. Года убѣгаютъ, а никто у насъ не приводитъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, т. е. такихъ сокровищъ, которыхъ покойный другъ вашъ накопилъ горы да и забросилъ, ничего не приготовивъ для потомства. Вы предались теперь самому сладостному занятію какъ отецъ, и конечно очень полезному какъ опытный наставникъ; но эту работу не хуже васъ совершатъ многіе изъ педагоговъ. Высшій же вашъ талантъ какъ поэта и вообще какъ писателя есть исключительно ваше назначеніе. Отвратиться отъ обязанностей, съ нимъ соединенныхъ, есть тяжкой грѣхъ. Вы спросите, что же начать вамъ! Никто не укажетъ вамъ на это, кромѣ внутренняго совѣтника души вашей и распорядителя вашихъ думъ. Помните мою идею о мемуарахъ. Ихъ можно вести такъ скромно, а между тѣмъ такъ назидательно для вѣка и интересно для потомства, что книга сдѣлается сокровищницею читателей всѣхъ возрастовъ и сословій. Прочитали ли вы: Vie de Mad. de Krudener par Ch. Eynard, Paris, 1849, in

8; 2 vol.? Указавъ на это сочиненіе, я только желаю привести примѣръ, какъ легко въ работѣ подобнаго рода сосредоточить все интереснѣйшее изъ цѣлой эпохи, и однимъ иногда штрихомъ внести замѣчательнѣйшую черту великаго человѣка въ исторію. Вотъ такое мѣсто для образца: «A mesure que la faveur Impériale et celle du vulgaire firent défaut à mad. de Krudener, mr. de Châteaubriand se dépouilla sans trop de peine des illusions de l'amitié, et l'an 1840, nous n'avons pu en tirer d'autre souvenir que celui-ci: «J'ai connu mad. de Krudener mondaine, je l'ai connue dans la dévotion, elle m'a toujours laissé *de glace*». Aveu naïf et douloureux de cet homme dont le malheur fut d'être exclusivement voué à la contemplation *de sa vaste et noble individualité*». Не правда ли, что въ послѣднемъ выраженіи такъ и обозначился весь портретъ автора *«Замогильныхъ Записокъ»*? Укажу и на другую въ этомъ родѣ статью: «Madame Récamier (Revue Britan., № 12, Décembre, 1849), par mad. Sarah Austin». «Il y avait une douceur et une suavité dans tous ses mouvements qui excitaient l'admiration, même au milieu de la tendre pitié qu'elle (Récamier) inspirait. Il est probable que l'impression qu'elle fit sur moi, fut plus profonde et plus durable à l'heure de la vieillesse et de la cécité, qu'elle ne l'aurait été si je l'eusse vue dans l'orgueil de sa beauté et le triomphe de ses charmes. Ce qui est certain, c'est que ceux qui l'ont connue dans l'éclat de sa puissance, ne l'ont jamais abandonnée, et que *les attachements qu'elle a inspirés n'ont fini qu'avec la vie*»! Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Во многомъ захочется поправить себя. А это не лучшее ли во всякой книгѣ? Впрочемъ, нечего распространяться мнѣ о томъ, что вы и понимаете и чувствуете гораздо лучше меня.

Распредѣленіе ваше науки жизни по четыремъ классамъ я впишу въ число тѣхъ высшихъ откровеній, которыми въ лучшія минуты бытія такъ пламенно желаю руководствоваться. Вы помѣстили себя пока въ первомъ классѣ. Молитесь Всевышнему, чтобы онъ скорѣе ниспослалъ вамъ помощь дойти до четвертаго! Чувство благодарности за науку страданія и живая любовь къ

Учителю и къ его строгому ученію .... да! только этого и желать должно на землѣ. У меня давно утвердилась мысль, что изъ множества житейскихъ соблазновъ опаснѣйшій называется: *прекрасное слово*. Оно чаще всего убаюкиваютъ слабую душу нашу. Расчитавшись этою блестящею монетою съ требованіями разсудка и совѣсти, мы часто успокоиваемся, какъ будто весь свой долгъ исполнили, когда желаніе одѣли звукомъ. Нѣтъ, другъ моей души! Здѣсь-то и корень главнаго грѣхопаденія нашего, людей XIX вѣка. Я по крайней мѣрѣ ежедневно чувствую, какъ прекрасное слово тѣшитъ лучшее стремленіе души моей, вознаграждая ее своею прелестію вмѣсто самаго дѣйствія, или исполненія того, что заключено въ этомъ очаровательномъ звукѣ. Мнѣ показалось, что и вы еще не защищены отъ чего-то похожаго на это. «Любовь къ Учителю и его строгому ученію!» Вникните глубже въ безпредѣльность идеи этихъ божественныхъ словъ. Эта любовь не защищаетъ ли сердце ваше отъ всѣхъ искушеній и страховъ земной жизни? Не укрѣпляетъ ли она сердце ваше вѣрою въ каждое слово Евангельскихъ истинъ? Не представляетъ ли она всѣхъ благъ земныхъ безплодными и ничтожными? Не обязываетъ ли насъ она не только стоять прямо и твердо передъ всѣми превратностями судьбы и счастія, но и всѣхъ близкихъ намъ приводить въ такое же положеніе? Не упрекая васъ въ недостаткѣ твердости при помышленіи о неизбѣжномъ концѣ, потому что эта слабость есть прекрасное свидѣтельство души, вполнѣ осчастливленной любовію семейственной, я однакоже считаю себя въ правѣ сказать искренно, что вы дѣйствительно должны молиться о скорѣйшемъ переводѣ васъ въ четвертый классъ. Даже вдвойнѣ согрѣшаете вы, страшась будущаго для семейства своего: добрый и справедливый нашъ Царь, нѣжно любящій васъ Наслѣдникъ его — ужели мысль объ нихъ не довольно укрѣпляетъ душу вашу при взглядѣ на будущее? Когда же вспомянется слово: «не надѣйтеся на князи и сыны человѣческія», то не можетъ быть забвенно другое слово: «Безъ воли моей и власъ главы вашей не погибнетъ». Теперь пока довольно объ этомъ. Не знаю, какъ бы

я самъ принялъ отъ васъ подобныя строки; но въ эту минуту онѣ вышли къ вамъ прямо изъ моего сердца.

Почему не должны вы сердиться на молчаніе друзей вашихъ — я объ этомъ не разъ говорилъ вамъ. Теперь прибавлю одно: надобно остаться на нѣсколько часовъ въ уединеніи, съ собою и вами только, чтобы передать все, происходившее въ душѣ при чтеніи сочиненій вашихъ, присланныхъ каждому изъ этихъ друзей: а онѣ всѣ принадлежатъ высшему кругу общества, гдѣ ни на минуту (кромѣ сна) никто не остается одинъ. Вотъ отъ чего и нѣтъ имъ возможности писать къ вамъ. Но явитесь вы къ нимъ сами: они будутъ васъ носить на рукахъ.

Если придется вамъ еще когда нибудь упоминать о женѣ моей, ради Бога не приводите ее въ краску эпитетами, на которые она не только не претендуетъ, но о которыхъ и не думаетъ. Это просто чистая, добрая, нѣжная и вся мнѣ преданная душа. Желаніе самосовершенствованія — вотъ все, чѣмъ она иногда разнится отъ окружающихъ ее особъ ея пола.

Сейчасъ я и Родіоновъ, по вашему письму, составили общій планъ, какъ дѣйствовать въ выгоднѣйшую распродажу изданій вашихъ. «Новыхъ Стихотвореній» продано I и II т. 1588 экз. (остается 412); III-го т. продано 1024 экз.; остается 976. Такъ какъ періодъ распродажи первыхъ томовъ вдвое болѣе, нежели третьяго тома; то и ясно, что всѣ три тома раскупаются равномѣрно. До Сентября мы, не требуя безъ нужды ничьей обязательной помощи, будемъ чаще публиковать о «Новыхъ *только* Стихотвореніяхъ» — и конечно сбудемъ почти все изданіе. «Полное Собраніе» составляетъ *пока* нашу тайну. Ни цензура, ни купцы ничего о немъ не должны знать. Поэтому нельзя *пока никому* и подносить экземпляровъ «Полнаго Собранія». Капиталу вашего, изъ 9.500 р. взятыхъ на оба изданія, уже возвращено въ банкъ 4.000 р. Слѣдовательно осенью вы явитесь не только съ законными процентами, но и съ удвоеннымъ капиталомъ.

37.

4 (16) Марта 1850 г. Спб.

Сегодня ужъ 4-ое число мѣсяца, а я еще не писалъ къ вамъ, Василій Андреевичъ: меня отчасти задерживаетъ сомнѣніе, попадаю ли я въ моихъ письмахъ на такіе предметы, которыми вы подлинно интересуетесь. Я знаю, что вамъ было бы всего пріятнѣе, если бы я сообщалъ вамъ извѣстія о друзьяхъ вашихъ. Къ сожалѣнію, мнѣ совсѣмъ не удается видѣться съ тѣми изъ нихъ, которые здѣсь; а тѣ, которые отсюда уѣхали, не пишутъ ко мнѣ. Смирнова ни разу не писала ко мнѣ изъ Калуги, уѣхавъ туда прошедшею осенью. Помнится однако, что я извѣщалъ васъ о непріятностяхъ, которыя навлекъ на нихъ процессъ ея брата съ Ершовымъ, тестемъ его. Теперь отправленъ туда для разбирательства этого дѣла на мѣстѣ сенаторъ князь Давыдовъ. Гоголь живетъ въ Москвѣ: онъ изрѣдка пишетъ ко мнѣ, но очень понемногу. Въ послѣдній разъ онъ жаловался, что медленно подвигается работа его надъ вторымъ томомъ Мертвыхъ Душъ, хоть онъ и корпитъ надъ нею прилежно. Вяземскій только два раза писалъ изъ Константинополя: онъ всѣ подробности о себѣ сообщаетъ Тютчеву, а этотъ по разсѣянной жизни совсѣмъ не видимъ, такъ что во всю зиму я только разъ былъ у него, и онъ у меня тоже разъ только. Къ Карамзинымъ я ѣзжу съ женою и дочерью. Но какъ бѣдная жена моя слабаго здоровья и при томъ чаще должна отправляться къ больной матери своей, то вышло, что въ зиму у Карамзиныхъ были только два раза. Віельгорскихъ ужъ совсѣмъ нельзя поймать. Большой свѣтъ и итальянская опера уничтожаютъ всякую возможность сохранять простыя, дружескія сношенія. Одоевскій, какъ я извѣщалъ васъ, погибъ для нашего круга, уклонившись въ новый кругъ людей, называющихся обществомъ посѣщенія бѣдныхъ. Да я и самъ охотнѣе остаюсь дома въ своей семьѣ, нежели ищу общества. Всѣхъ насъ связывала и животворила чистая, свѣтлая литература. Теперь этого

нѣтъ. Всѣ интересы обращены на мастерство богатѣть и мотать. Видно, старое, доброе время никогда къ намъ не воротится. Вотъ если бы еще поселились вы между нами — тогда, можетъ быть, совершился бы переворотъ въ отношеніяхъ и интересахъ. А то какъ соединиться, когда нѣтъ центра?

Ростопчина очень хлопочетъ, чтобы драма ея, напечатанная въ № 1 Москвит. 1850 г., подъ названіемъ: Нелюдимка, была поставлена на театрѣ. Еще она прислала мнѣ комедію какого-то Островскаго, подъ заглавіемъ: «Свои люди — сочтемся!» Родъ и характеръ этой пьесы относятся къ Гоголевскимъ. Но тутъ нѣтъ подражанія, и даже она стройнѣе идетъ. Впрочемъ теперь поэзіею овладѣла такая проза, что ни отъ чего не встрепенешься. Я предложилъ В. К. Маріи Николаевнѣ чтеніе этой комедіи; къ сожалѣнію, подоспѣли праздники (масленица), и я не знаю, получу ли отвѣтъ.

Если бы далъ Богъ увидѣть мнѣ васъ здѣсь не мелькомъ, а осѣдлымъ, мирнымъ жителемъ, познакомилъ бы я васъ съ талантомъ, совсѣмъ не похожимъ на эти характерныя явленія, которыя возникаютъ въ слѣдствіе моды и начитанности. Есть у меня (по выраженію Ѳ. Н. Глинки), «знакомая незнакомка», дѣвушка лѣтъ 23-хъ, вышедшая изъ Харьковскаго института и живущая съ матерью и теткой на бѣдномъ хуторѣ близъ Изюма. Вотъ это—такъ явленіе изумительное. Ее зовутъ Соханская [1]). Я зналъ ее, когда еще издавалъ Современникъ, куда она присылала свои повѣсти, которыя я не печаталъ, бывъ недоволенъ тѣмъ, что въ нихъ замѣчалъ я пріемы новой французской школы. И такъ мое знакомство съ нею началось отрицаніемъ въ ней литературныхъ достоинствъ. Но когда я отказался отъ Современника и увѣдомилъ ее, чтобы впредь она уже не обращалась ко мнѣ съ своими повѣстями, тогда только началось мое сближеніе съ ея чудною душою. Я попросилъ ее заняться написать для меня коротенькую біографію ея (какъ нѣкогда вы сдѣлали съ Милькѣе-

---

[1]) Ср. выше, стр. 622.

вымъ, увы! исчезнувшимъ совсѣмъ изъ виду): она присылала мнѣ послѣдовательно одну тетрадь за другою, одну другой интереснѣе, такъ что теперь эта автобіографія, по моему признанію, есть лучшее, что только явилось у насъ оригинальнаго въ послѣднія пять лѣтъ. Тутъ исчерпаны всѣ роды красоты и всѣ оттѣнки русской жизни. А сама она является такимъ неподражаемо-милымъ существомъ, что не разстаться бы съ нею. Одну изъ этихъ тетрадей (описаніе жизни въ институтѣ) я препровождалъ для прочтенія къ Государынѣ Императрицѣ, и Ея Величество раздѣляетъ мое мнѣніе.

Норовъ (товарищъ Министра Н. П., Абрамъ Сергѣевичъ) затѣваетъ образовать журналъ для противодѣйствія успѣхамъ конвульсивно-скаредной литературы нашей. Что вы объ этомъ думаете?

Когда вы соберетесь писать ко мнѣ, то возьмите примѣръ съ Родіонова: онъ предварительно проведетъ красными чернилами на поляхъ черточки противу всѣхъ мѣстъ, которыя требуютъ отвѣта, и потому никогда ничего не забудетъ.

П. П.

Два письма Жуковскаго.

1.

1 (13) Марта 1850 г. Баденъ-Баденъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Петръ Александровичъ. Пишу эти строки только для того, чтобы сказать вамъ, что я къ вамъ послалъ довольно давно длинное письмо и что вашъ упрекъ будто я рѣшилъ всѣ ваши письма оставлять безъ отвѣта, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, несправедливъ. Все это напередъ объяснено въ моемъ письмѣ, которое вы, вѣроятно, теперь уже получили. Вотъ посмотрю я, какъ то вы исполните вашъ же дружескій вызовъ писать ко мнѣ еженедѣльно; я, какъ вы увидите изъ письма моего, буду доволенъ и предоволенъ однимъ разомъ въ двѣ недѣли. Но сказываю вамъ напередъ, что на

первыя письма ваши отвѣтъ не скоро послѣдуетъ. Я только что опростался отъ множества писемъ, скопившихся мало по малу и лежавшихъ какъ гора Араратъ на моей совѣсти. Но за то множество дѣла, и такого дѣла, которое вамъ же послѣ придется похвалить или похулить, слѣдовательно это входитъ, если не въ переписку, то въ ея будущіе матеріалы. Мнѣ теперь время становится весьма дорого (хотя это и не побѣждаетъ моей лѣни): многое, многое хотѣлось бы начать и кончить, и все мерещится, что смерть сидитъ за плечами и вдругъ всему конецъ. Ну, что Богъ велитъ, то и будетъ. Ближайшій планъ мой тотъ, что въ концѣ Іюня мы оставимъ Баденъ, жена должна взять нѣсколько морскихъ ваннъ въ Пордерпеѣ или въ Гельголандѣ или въ Остенде; оттуда мы отправимся въ Ревель, гдѣ и проведемъ зиму; тамъ уже есть и домъ для насъ готовый. Такимъ образомъ будущей зимою можетъ быть насъ Богъ сведетъ въ Петербургѣ.

Заключаю это письмо просьбою увѣдомить меня, не сдѣлалось ли чего съ Родіоновымъ. Вотъ уже 1-е Марта, а я не получаю своей трети, которую долженъ бы былъ получить въ началѣ Февраля. Всякая такая остановка пугаетъ меня за Родіонова: ужь я вижу его въ воображеніи больнымъ и мертвымъ; и вижу тогда себя сиротою. Ибо Родіоновъ такой вѣрный, добрый, дѣятельный — что мнѣ подобнаго хлопотуна обо мнѣ и съ фонаремъ Діогеновымъ не найти. Увѣдомьте о немъ. — Теперь простите. Жду вашего письма.

Вашъ Жуковскій.

2.

6 Марта 1850 г.

Мой добрый другъ Петръ Александровичь, на послѣднее ваше письмо, третьяго дня полученное, отвѣчаю, вопреки моей благословенной привычкѣ откладывать, немедленно. Сперва о вашихъ пунктахъ касательно изданія и распродажи моихъ сочиненій.

1. Весьма одобряю, что вы публикацію о полныхъ сочиненіяхъ отложили до осени нынѣшняго года; они такимъ образомъ не подорвутъ продажи *Новыхъ стихотвореній*; да сверхъ того ихъ достоинство увеличится тѣмъ, что къ ихъ публикаціи подоспѣетъ вѣроятно десятый томъ, въ которомъ многое будетъ интересно для читателей. Весь этотъ томъ будетъ проза, если къ тому времени не успѣю написать своего послѣдняго стихотворенія, котораго мысль прекрасная [1]). Но сладитъ ли съ нею моя старость? не знаю. Можетъ случиться, что вмѣсто лебединой пѣсни произойдетъ одно карканье вороны. Думаю, что моею прозою вы будете довольны.

2. Второй томъ Одиссеи можетъ большею половиною остаться у насъ на рукахъ. Это поздній урокъ: на Руси нельзя еще выдавать перваго тома прежде втораго. Особливо когда дѣло идетъ объ Одиссеѣ и тому подобномъ. Русскій человѣкъ беззаботенъ. Онъ не купитъ продолженія и Вѣчнаго Жида и Фобласа; чего жь тутъ надѣяться для Одиссеи? Если же останется на рукахъ довольно экземпляровъ втораго тома, то можно будетъ перепечатать въ томъ же количествѣ первый.

3. Я писалъ, что можно раздробить новыя стихотворенія на двѣ книги въ одной: *Рустемъ и Зорабъ. Сказки и повѣсти.* Стоитъ только перепечатать одинъ заглавный листъ. Во второй книгѣ — *Одиссея*. Такимъ образомъ можно бы и цѣну увеличить. Расходъ же на напечатаніе особыхъ титуловъ можетъ быть весьма малый. Впрочемъ творите, какъ хотите.

4. О покупкѣ въ казну можно хлопотать только тогда, когда будетъ надежда, что она, т. е. покупка, а не казна, вполнѣ удастся. Дѣло мнѣ кажется возможнымъ. Казна ничего непотеряетъ. А мнѣ капиталъ мой будетъ ассюрированъ. Этого даже нельзя назвать и особенною милостію; просто вспоможеніе безъ всякаго пожертвованія. Нынѣшній министръ кажется не откажется въ этомъ мнѣ способствовать, особливо, когда узнаетъ, что это будетъ

---

[1]) *Лебедь.*

пріятно великому князю, который могъ бы черезъ васъ предварительно съ нимъ объясниться, прежде испрошенія на то воли Государя Императора. Я самъ бы могъ просить объ этомъ великаго князя, но для этого нужно быть на лицѣ; черезъ васъ же это и ловче; лучше, когда это будетъ *ваша* мысль, а не *моя*. Впрочемъ я и самъ не слишкомъ объ этомъ забочусь; спѣшить нечего. Эта мысль пришла мнѣ вдругъ; я нашелъ, что она хороша, удобоисполнима, и сообщилъ ее вамъ. И все тутъ. До осени все можно оставить in statu quo. А заботиться только о распродажѣ *Новыхъ стихотвореній*.

Обращаюсь къ вашему письму. Вы меня журите за мою заботливость о утвержденіи будущаго семьи моей. Ничто не можетъ быть для меня желаннѣе, какъ *знать теперь* навѣрное, что ихъ хлѣбъ насущный упроченъ. Въ этомъ желаніи нѣтъ и тѣни сомнѣнія, что Богъ не оставитъ ихъ, что Государь и Наслѣдникъ будутъ ихъ вѣрными покровителями. Но въ этомъ *знаніи* заключается покой моего сердца, отложеніе всѣхъ земныхъ попеченій; въ этомъ знаніи рай тишины, прекращеніе всѣхъ тревогъ (которыя поневолѣ врываются въ душу), покойный и беззаботный трудъ; однимъ словомъ, чистая, свѣтлая свобода, безъ всякой темной мысли о будущемъ, безъ всякой борьбы съ настоящими тревогами, которыхъ наше бѣдное сердце избѣгнуть не можетъ, особливо когда, посреди земнаго невѣрнаго, обращается оно на судьбу того, что ему мило. Эту сладкую свободу было бы такъ легко мнѣ дать однимъ словомъ, не прибавляя ничего къ тому, что я уже имѣю, и все бы земное разомъ для меня было исполнено. Все это, повторяю, не есть недостатокъ надежды на покровительство Божіе, а просто, безтревожное, весьма естественное желаніе лучшаго и самаго непорочнаго земнаго блага — *свободы душевной*.

Вы хотите, чтобы я написалъ свои мемуары. На этотъ вызовъ рѣшительно отвѣчаю: нѣтъ, сударь, не буду писать своихъ мемуаровъ. Чтобы дерзнуть на такую исповѣдь передъ свѣтомъ, надобно быть или святымъ Августиномъ, или развратнымъ цини-

комъ Руссо; первый съ смиреннымъ уничтоженіемъ себя передъ Богомъ исповѣдуетъ свою ничтожность передъ людьми на прославленіи Бога и на обращеніи души къ нему своихъ братій. Другой съ безстыдною гордостію ставитъ себя въ образецъ людямъ, прославляя съ дерзкою искренностію передъ ними свой развратъ, свои пороки и свои низкія преступленія. Я далеко, слишкомъ далеко отъ божественнаго смиренія Августинова. И не имѣю еще ни безстыдства, ни гордости женевскаго софиста. Мемуары мои и подобныхъ мнѣ могутъ быть только *психологическими*, то есть, исторіею души; событіями, интересными для потомства жизнь моя бѣдна; да и тѣ событія, которыя могъ бы я описать, были бы конечно худо описаны; я по натурѣ моей не имѣлъ практическаго взгляда на жизнь и на людей; я описалъ бы настоящее фантастически; были бы лица безъ образовъ, и вѣрно $\frac{9}{10}$ подробностей утратила моя память; а что жизнеописаніе безъ живыхъ подробностей? Мертвый скелетъ или туманный призракъ. Журнала я не велъ, и весьма, весьма сокрушаюсь объ этомъ — сокрушаюсь не потому, что теперь лишенъ возможности писать мои мемуары, а потому, что много прошедшаго для меня исчезло, какъ небывалое. И потому еще не могу писать моихъ мемуаровъ, что выставлять себя такимъ, каковъ я былъ и есмь, не имѣю духу. А лгать о себѣ не хочется. Въ поэтической жизни, сколь бы она ни имѣла блестящаго, именно по этому много лжи (которая все ложь, хотя по большей части непроизвольная), и эта ложь теряетъ весь свой мишурный блескъ, когда поднесешь къ ней (рано или поздно) лампаду христіанства. Однѣ мемуары людей *государственныхъ* могутъ быть искренни и представляютъ предметъ, достойный всего нашего вниманія. Государственный человѣкъ смотритъ на людей и на современность и съ общественной и съ своей точки зрѣнія; онъ описываетъ дѣйствія, въ которыхъ самъ принималъ участіе, онъ списываетъ лица дѣйствователей съ натуры, въ минуту ихъ и своего съ ними вмѣстѣ дѣйствія; онъ переноситъ на всѣ времена прошедшее въ настоящее, которое, сохраняя всю свою быстроизмѣняющуюся живость ми-

нуты, пріобрѣтаетъ и всю неизмѣнную неподвижность прошедшаго. Но въ наше время и такія мемуары сдѣлались почти невозможными. Съ одной стороны глупое хвастовство и чванство (прочитайте Les mémoires d'outre-tombe Ламартина [1]) и пр.); съ другой, или спекуляція денежная, которая наводнила литтературу фальшивыми мемуарами, или спекуляція порока, разврата, соединенная съ корыстію, которая заставляетъ самихъ преступниковъ, воровъ и развратныхъ б.....овъ (Casanova) нагло писать за деньги свои грязныя признанія, чтобы въ одно время или угодить какой нибудь низкой страсти, или увлечь въ свой развратъ тѣхъ, которыхъ неразвратность служитъ упрекомъ такого рода самохваламъ. Не такъ писали свои мемуары Сюлли, С. Симонъ, даже развратникъ Рецъ, которые имѣли уваженіе къ исторіи своего времени и не себя, а свой вѣкъ ставили на первый планъ своихъ повѣствованій. Впрочемъ, если напишется, въ послѣднемъ, еще несуществующемъ томѣ сочиненій моихъ будетъ нѣчто въ родѣ мемуаровъ, но только въ одномъ литтературномъ смыслѣ.

Вы прекрасно говорите о моихъ четырехъ классахъ науки жизни, и такъ прекрасно, что возбудили во мнѣ желаніе имѣть копію этой статьи письма моего, такъ, какъ она есть у васъ. Если къ списку прибавите свои коментаріи — тѣмъ будетъ лучше; ваши мысли могутъ возбудить и пояснить мои, и мы можемъ многое доброе сказать объ этомъ важномъ предметѣ другъ другу, съ полною недовѣрчивостію и неуваженіемъ къ тому, что вы такъ хорошо назвали *прекраснымъ словомъ* и что весьма часто не иное что, какъ шарлатанъ, обманывающій нашу душу.

Не горюйте, что я, отложивъ поэзію, принялся за дѣтскую азбуку. Въ этомъ занятіи глубокая жизнь. Первое воспитаніе, первыя понятія дѣтей принадлежатъ, какъ святѣйшее, не раздѣлимое ни съ кѣмъ сокровище, отцу и матери. Кому можемъ мы уступить эту прелесть перваго знакомства съ первыми проявленіями душевной и мысленной жизни нашего младенца? Что силь-

---

[1]) Т. е. Шатобріана — обмолвка

нѣе можетъ утвердить союзъ сердецъ между родителями и дѣтьми, какъ не этотъ *совокупный* входъ *однихъ обратно* въ дѣтскія ихъ лѣта, воскресающія передъ ними въ младенчествѣ ихъ дѣтей, а *другихъ впередъ* на первый свѣжій, только начинающій разцвѣтать лугъ ихъ лучшихъ лѣтъ, рука въ руку съ отцемъ и матерью, которые одни могутъ съ ними играть на этомъ лугу, забывая свои зрѣлыя или старыя лѣта? Надъ нами совершилось великое милосердіе Божіе — онъ далъ намъ дѣтей здоровыхъ тѣломъ и уже достаточно одаренныхъ душею. Саша дитя геніальное; Павелъ весь я съ головы до пятокъ, физически и нравственно. Сохрани имъ Всевышній это ихъ здоровье и тѣлесное и душевное, ничѣмъ не заслуженное нами Его несказанное благотвореніе. Съ ужасомъ думаю, какое было бы для меня нестерпимое несчастіе, если бы кто изъ дѣтей моихъ былъ въ такомъ состояніи, какъ бѣдный младенецъ княгини Голицыной (Толстой), неподвижный, не чувствующій, не видящій, ничего не понимающій, только болѣзненно дышущій автоматъ. Нѣтъ, мой милый, это педагогическое занятіе не есть просто механическое преподаваніе азбуки и механическій счетъ: это педагогическая поэма, въ которую все входитъ и которой никто не можетъ сочинить съ такимъ единствомъ, какъ самъ отецъ, если только онъ имѣетъ къ тому призваніе. И мнѣ совсѣмъ не скучна и не суха моя работа, хотя я и долженъ приводить въ систему буквы и цыфры; она до сихъ поръ шла такъ удачно, что моя малютка ни разу еще не чувствовала скуки и что для нея часы ученья всегда были пріятны; тайна, дарующая имъ эту пріятность, заключается въ томъ, что она, то есть, моя ученица, не сидитъ праздно съ разинутымъ ртомъ, въ который жареныя перепелки, совсѣмъ пережеваныя, сами влетаютъ; а въ томъ, что она сама работаетъ умомъ своимъ, сама ходитъ на охоту за этими перепелками и ходитъ по дорогѣ, окруженной привлекательными видами, которыя дѣлаютъ и самую дорогу для нея пріятною, не избавляя однако ее и отъ труда идти своими ногами, и получить отъ этого движенія позывъ на ѣду, весьма нужный для того, чтобы взять на себя трудъ изжарить искомыхъ перепе-

локъ и съѣсть ихъ со вкусомъ, не потерпѣвъ отъ того индижестіи. Эта *главная* моя работа, предписываемая мнѣ званіемъ отца (и я весьма горюю, что давно не занялся ею), не отвлекаетъ меня отъ другихъ работъ. На первомъ планѣ этихъ другихъ работъ не стоитъ поэзія; но она не забыта — вы это современемъ увидите, если Богъ дастъ мнѣ жизни. Проза выступила теперь впередъ; многое множество плановъ въ головѣ, и если ихъ исполню, то это будетъ мое лучшее. Одно уже давно исполнено: я перевелъ съ славянскаго текста весь *Новый Завѣтъ*, т. е. всѣ 4 Евангелія, Дѣянія апостоловъ, всѣ посланія и Апокалипсисъ. Этотъ переводъ конченъ былъ въ самый день новаго года, когда исполнился одинъ годъ моему Павлу; онъ и подаренъ ему въ день рожденія. Теперь мало по малу его начну переписывать и переписывая поправлять. Прошу объ этомъ переводѣ не говорить никому: могутъ подумать, что я затѣваю его напечатать; а я просто перевелъ С. П. для себя, чтобы занять себя главнымъ предметомъ жизни и чтобы оставить по себѣ добрый памятникъ моимъ дѣтямъ. — Мои педагогическіе труды могутъ послѣ быть приведены въ порядокъ, изданы, и могутъ составить курсъ предварительнаго ученія, которымъ могутъ воспользоваться наши отцы и матери семейства.

Но довольно съ васъ; я такъ разкудахтался, что вѣрно вамъ ужь надоѣлъ черезъ чуръ. Смотрите же, сдержите слово писать часто; а я ужь буду вамъ отвѣчать съ возможною точностію; только не сѣтуйте, если случится мнѣ попримолкнуть. Это будетъ означать сперва лѣнь, а потомъ и то, что я занятъ безпрестанно. Дай Богъ мнѣ привезти къ вамъ добрый грузъ дѣльнаго и не дѣльнаго. Скажите мой дружескій поклонъ вашей женѣ, къ которому моя прибавляетъ свой: она опять въ постелѣ. Простите. Обнимаю васъ.

Жуковскій.

Я писалъ къ Родіонову о моихъ живописныхъ картинахъ; это дѣло касается и до васъ. Прошу васъ его рѣшить вмѣстѣ съ Родіоновымъ.

38.

15 (27) Марта, 1850 г. Спб.

Третьяго дня пришло ко мнѣ письмо ваше, Василій Андреевичь, отъ 1 (13) Марта. Вы напрасно предостерегаете меня, чтобы я не надѣялся на исправность отвѣтовъ вашихъ. Я, помнится, давно предупредилъ васъ просьбою, чтобы вы, безъ особенной крайности, и не думали объ отвѣтахъ. Но, признаюсь, не могу не желать, чтобы вы, рѣшившись когда нибудь отвѣчать мнѣ, пересмотрѣли во всѣхъ моихъ письмахъ отмѣтки свои на поляхъ красными чернилами (объ этомъ сказано въ предыдущемъ письмѣ моемъ). Иначе у насъ выйдутъ только монологи, а не разговоръ.

Вы напрасно безпокоитесь о здоровьѣ Родіонова. Благодаря Бога, оно въ отличномъ состояніи. Я третьяго же дня написалъ ему, чтобы онъ немедленно отправилъ къ вамъ, то, чего вы ожидаете—и я увѣренъ, что онъ все исполнилъ, если тутъ нѣтъ препятствій, отъ него не зависящихъ.

Я утѣшаюсь мыслію, что зимой мы свидимся. Это извѣстіе передалъ я Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной, и тѣмъ порадовалъ ее. Софья Николаевна не знаетъ, о какомъ письмѣ спрашиваете вы ее. Между тѣмъ, какъ ни хорошо предположеніе ваше провести будущую зиму въ Ревелѣ, на меня находитъ сомнѣніе, останетесь ли вы довольны, послѣ Баденъ-Бадена, пребываніемъ въ провинціальномъ городѣ, который зимою открытъ несносному вѣтру съ моря и не можетъ гордиться удобствами жизни, а особенно медицинскими пособіями для милой вашей больной. Хоть у васъ есть тысячи самыхъ неотразимыхъ возраженій противъ пребыванія въ Петербургѣ, я однакоже позволяю себѣ говорить съ вами объ этомъ. Особенно меня къ тому побуждаетъ чудная практика молодаго доктора Нордстрема, о которомъ когда-то я уже писалъ вамъ[1]). Этотъ человѣкъ за неизмѣнное принялъ пра-

---

[1]) Христіанъ Андреевичъ Нордстремъ здравствуетъ понынѣ и содержитъ пользующееся большою извѣстностью водолечебное заведеніе близъ Дубельна въ Лифляндіи.

вило въ леченіи ничѣмъ не ослаблять, чѣмъ бы то ни было, организма тѣлеснаго, и посредствомъ медицинскихъ, всегда самыхъ простыхъ и невинныхъ пособій прямо дѣйствовать только на источникъ или причину болѣзни, а не заниматься одними проявленіями ея, которыя безъ уничтоженія причинъ никогда не исчезнутъ. За пять лѣтъ назадъ онъ меня пересоздалъ своимъ геніальнымъ искуствомъ. Не говоря о моемъ разстроенномъ организмѣ, вспомните только, какъ страдалъ я отъ ревматизма болью въ головѣ. Я принужденъ былъ какъ старикъ носить подъ рубашкой шерстяную фуфайку, теплые чулки, затыкать корпіею уши, въ шляпу вдѣлывать тафтяную на ватѣ подкладку, закутываться въ шубу, и проч. и проч. Теперь пятый годъ ничего этого я не знаю: болѣе двадцати лѣтъ снялъ онъ съ плечь моихъ.

Я приглашалъ Пирогова для освидѣтельствованія средствъ, употребляемыхъ въ леченіи Нордстремомъ, и тотъ все одобрилъ, посовѣтовавъ только женѣ лѣтомъ покупаться въ морѣ, что и сдѣлаемъ мы въ Гельзингфорсѣ.

Вы конечно не удивитесь послѣ всего этого, зачѣмъ бы я желалъ переманить васъ изъ Остенде прямо въ Петербургъ. Мнѣ все кажется, что здѣсь ждетъ васъ счастливая звѣзда. Являться вамъ въ большомъ свѣтѣ, или нѣтъ — это совершенно отъ васъ зависитъ. Даже принимать, или не принимать посѣщенія знакомыхъ — въ вашей же все волѣ. Такому во всѣхъ отношеніяхъ независимому лицу какъ вы, въ Петербургѣ болѣе свободы, нежели во всякомъ провинціальномъ городѣ.

По литературѣ ждется новость. За восемь лѣтъ Государь разрѣшилъ Устрялову открыть архивы для сочиненія исторіи Петра I-го. Теперь Устряловъ кончилъ огромный томъ (по его расчету подобныхъ будетъ около осьми) и представилъ его Государю, который приказалъ Блудову прочитать и дать отчетъ. Блудовъ одобрилъ книгу, выразивъ только желаніе, чтобы во Введеніи болѣе развито было мыслей о Петрѣ I. Надобно знать, что Устряловъ въ своемъ Введеніи опровергаетъ Карамзина, не безотчетно восхвалявшаго преобразованія. Государь приказалъ

выдавать автору пособіе по мѣрѣ надобности при печатаніи его Исторіи. Но еще Богъ знаетъ, доживемъ ли мы до выхода ея въ свѣтъ.

Я кончилъ чтеніе жизни Крюденеръ. Очень желаю знать ваше о немъ мнѣніе. Обнимаю васъ.

П. П.

39.

28 Марта 1850 г.

17 (29) Марта получилъ я письмо ваше, Василій Андреевичъ, въ которомъ говорите вы о невозможности писать вамъ мемуары. Постараюсь опредѣлительнѣе написать отвѣтъ на все, что содержится въ этомъ письмѣ.

Я истинно обрадовался, узнавши, что у васъ наберется прозы еще на цѣлый томъ. Не воображайте, что, убѣждая васъ не переставать быть поэтомъ, я исключительно желаю видѣть стихи ваши. Въ одномъ изъ прежнихъ моихъ писемъ я изложилъ вамъ, что когда вы пишете въ слѣдствіе потребности души своей, это все выходитъ какъ ваша поэзія, стихами ли то написано, или прозою. Не позабудьте однакоже, что разрѣшеніе печатать безъ цензуры въ отношеніи къ вамъ простирается только на бывшее въ печати прежде, а все новое надобно показать цензору: иначе встрѣтится затрудненіе выпустить книгу въ свѣтъ.

Способъ распродажи сочиненій вашихъ и обезпеченіе капитала, употребленнаго на печатаніе, предоставьте Родіонову и мнѣ. Будьте увѣрены, что все устроено будетъ, какъ нельзя выгоднѣе для васъ. Если бы дѣйствительно понадобилось при этомъ содѣйствіе какого министра, или даже Цесаревича, объ этомъ вы должны ожидать увѣдомленія отъ насъ. Молчаніе же наше должно оставаться для васъ ручательствомъ, что и безъ этой помощи всѣ ваши цѣли достигаются преисправно.

О судьбѣ семейства своего вы желаете знать навѣрное, и тутъ же прибавляете, что въ желаніи вашемъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія касательно вѣрнаго ему покровительства со стороны Государя и Наслѣдника. Признаюсь, я тутъ не понимаю васъ. Все дѣло въ двухъ словахъ: убѣждены ли вы, что они примутъ подъ свое покровительство ваше семейство, или сомнѣваетесь? Вы говорите: не сомнѣваюсь, а между тѣмъ мучитесь желаніемъ знать то, въ чемъ у васъ нѣтъ сомнѣнія. Согласитесь, что все это происходитъ частію отъ какой-то неувѣренности, а частію и отъ неопредѣленности самаго желанія. Это и вызываетъ меня сказать вамъ рѣшительное слово. Получаемое вами теперь неотъемлемо останется у вашего семейства и послѣ васъ. Мало того, что это по нашимъ законамъ и обычаямъ дѣлается при кончинѣ простаго учителя ничтожной школы, Государь торжественно усвоилъ для себя правило обезпечивать судьбу семействъ при смерти извѣстныхъ талантами лицъ, какъ это мы видѣли при кончинѣ Карамзина и Пушкина. А въ вашемъ лицѣ двойственное право: вы были наставникомъ всѣхъ царскихъ дѣтей и знаменитѣйшимъ поэтомъ своего вѣка. Вашему семейству оказаны будутъ даже безпримѣрныя милости: это такъ вѣрно, что я считаю лишнимъ и говорить объ этомъ. Если Наслѣдникъ не ходатайствуетъ объ утвержденіи этого теперь особымъ указомъ, а Государь самъ его не издастъ, причина простая: никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ, что это дѣло когда нибудь можетъ иначе кончиться, и что вы не по нихъ думаете. Я вотъ чего боюсь: не безпокоитъ ли васъ мысль, что безъ васъ, какъ безъ опытнаго распорядителя, семейство ваше не въ состояніи будетъ при нынѣшнихъ средствахъ жить такъ удобно, какъ это шло до сихъ поръ? Словомъ: не придаете ли вы излишней цѣны и достоинства избытку благъ земныхъ? Это, къ сожалѣнію, сдѣлалось такъ общимъ, что не хочется начинать и говорить противное. Всѣ хватаются за слово: необходимое; а помните ли вы вами же переведенную сказку: *Необходимое и излишнее*? Человѣку образованному и принадлежащему къ хорошему обществу гораздо менѣе необхо-

димо, нежели всѣ воображаютъ. Безъ нарушенія скромности я не ставлю себя внѣ круга образованныхъ и порядочныхъ (comme il faut) людей; однакоже умѣю обойтися безъ тысячи прихотей, за удовлетвореніе которыхъ другіе поплачиваются самыми неодобрительными долгами. Собственные опыты и ежедневные примѣры другихъ внесли въ сердце мое убѣжденіе, что для нашего дѣйствительнаго счастія необходимы только независимость состоянія и возможность очень скромно, для удовлетворенія душевной потребности, а не страстей и мелкаго себялюбія, пользоваться благами природы и выгодами общежитія. Это все такъ мнѣ обходится дешево, что я, въ Петербургѣ, съ женою, дочерью и свояченицей, держа три лошади и всевозможные экипажи, нанимая дачу, и никому не отказывая ни въ чемъ необходимомъ, издерживаю едва ли 20 т. р. ас. Когда я принужденъ буду нанимать квартиру, прибавки потребуется не болѣе 5 т. р. ас. Я такъ привыкъ чувствовать ничтожество какихъ нибудь пріобрѣтеній сверхъ необходимаго, что на всякую лишнюю новую вещь отъ всей души гляжу какъ на камень, который кладутъ мнѣ на крылья. Вчера графъ Уваровъ (онъ теперь очень часто приглашаетъ меня къ себѣ обѣдать), говоря, какъ будетъ онъ доволенъ своимъ лѣтнимъ пребываніемъ въ Подмосковной своей, прибавилъ: тамъ нельзя не чувствовать, до какой степени пріятно быть богатымъ. Эти слова сжали мнѣ сердце. И онъ еще не почувствовалъ, что не только сокровища, имъ свезенныя въ Порѣчье, да и сокровища всѣхъ Разумовскихъ изъ Бутурлина, Яготина, изъ Москвы и Петербурга, не въ состояніи прибавить капли того тихаго наслажденія, въ которомъ одномъ нуждается душа наша! Онъ ни картинами, ни книгами, ни мраморами своими до сихъ поръ не хотѣлъ, или не умѣлъ пользоваться, только цѣлую жизнь продолжалъ собирать; а надѣется вдругъ вкусить удовольствія всей жизни наканунѣ смерти своей, явившись туда чѣмъ-то въ родѣ развалины. Вотъ чѣмъ оканчивается привычка откладывать жить сообразно истиннымъ потребностямъ своимъ и воображать, что намъ необходима бездна вещей.

Говоря вамъ о составленіи мемуаровъ, совсѣмъ не думалъ я о чемъ нибудь въ родѣ исповѣди Руссо. Гордость, является ли она въ изображеніи слабостей, или героическихъ подвиговъ, равно противна мнѣ, столько же противна, какъ и безстыдная ложь, какою Булгаринъ наполняетъ свои мемуары. Всѣ умные люди знаютъ, что безъ нѣкоторыхъ слабостей никто не совершилъ земнаго странствованія. Входить въ описаніе ихъ ни надобности нѣтъ, ни славы. Но всѣмъ назидательно, когда мыслящее существо, посвятивъ жизнь извѣстному роду занятій, сообщитъ потомству убѣжденія свои, которыя наблюденіями, опытами и геніемъ своимъ онъ усвоилъ, и руководствуясь ими дошелъ до нѣкоторыхъ результатовъ. Это все равно, что исторія, только спеціальнѣе обыкновенной, и слѣдовательно доступнѣе большему числу читателей. То, что вы говорите о лицѣ государственномъ, я вижу и въ такомъ литераторѣ какъ вы. Политикою и народоправленіемъ занимаются тѣ люди въ высшемъ кругу, которые соприкосновенны къ этимъ предметамъ. Изъ этого же круга другіе люди больше наклонны къ жизни созерцательной, философической. Имъ гораздо назидательнѣе знать, что любилъ читать Карамзинъ, нежели Сперанскій. Такъ же могутъ быть назидательны мемуары Брюловыхъ, Львова и Глинки, если они не только художники, да еще и люди съ наблюдательностію и сознаніемъ. Вы, до переѣзда во дворецъ, лучшую часть жизни провели съ лучшими нашими литераторами. Кому нибудь надобно же произнести о нихъ вдохновенное слово. Иначе къ отдаленному потомству они обречены будутъ явиться съ ярлыками, наклеенными на нихъ Бѣлинскимъ. Если бы по скромности и не признавали вы приговора вашего судомъ окончательнымъ, все-таки онъ многоцѣненъ какъ слово Жуковскаго. Все, что попадается намъ у Пушкина, Байрона, Гете и Шиллера въ родѣ суда литературнаго, мы ловимъ все это съ жадностію и усвояемъ какъ лучшее убѣжденіе наше. А какое богатое поле характеровъ, дарованій, вкусовъ и произведеній! Не нужно тутъ ни хронологіи, никакой вообще системы, пугающей слабую или лѣнивую память. Всѣ

образы живы передъ вами. Эпохи не могли и не могутъ сгладиться. У меня ни таланта нѣтъ, ни авторскихъ пріемовъ. Между тѣмъ набросалъ же я не нелюбопытное жизнеописаніе Крылова при полномъ изданіи его сочиненій. Изъ любопытства пробѣгите его и скажите, не правъ ли я, уговаривая васъ къ труду въ такомъ же родѣ?

По вашему желанію прилагаю выписку изъ письма вашего о четырехъ классахъ школы жизни. Чтобы убѣдились вы, до какой степени въ людяхъ по видимому одного и того же настроенія являются другіе совсѣмъ оттѣнки мыслей, приведу вамъ и слова А. П. Зонтагъ, которой я хотѣлъ доставить сердечное утѣшеніе, въ ея одинокой жизни, пославши выписку словъ вашихъ о наукѣ жизни. Видно, что для полнаго сочувствія необходимо многое и особенно воспріемлемость сердца въ ту минуту, когда прикладываютъ къ нему раздѣляемое.

«Наука жизни есть *признаніе* воли Божіей — сперва *просто признаніе*, что она выше всего, и что мы здѣсь для покорности; потомъ *смиреніе въ признаніи*, исключающее всякіе толки ума или страждущаго сердца, могущіе привести къ ропоту; потомъ *покой* въ смиреніи и цѣлительная *довѣренность*; наконецъ сладостное чувство благодарности за науку страданія и *живая любовь* къ Учителю и къ его строгому ученію. Вотъ четыре класса, которые необходимо должны мы пройти въ школѣ жизни». На это я сказалъ вамъ: Молитесь пламеннѣе, чтобы Господь благоволилъ скорѣе перевести васъ въ четвертый классъ. Но по послѣднему письму (тамъ между прочимъ есть слова: «Все это не недостатокъ надежды на покровительство Божіе, а просто, безтревожное, весьма естественное желаніе лучшаго и самаго непорочнаго земнаго блага—*свободы душевной*) я нахожусь вынужденнымъ сказать, что для васъ всего необходимѣе попасть въ третій классъ. Ваша довѣренность не крѣпка; иначе она бы явилась вамъ дѣйствительно *цѣлительною*, какъ вы называете ее сами. Какъ бы то ни было, все это божественно-прекрасно и свидѣтельствуетъ о чудной высотѣ, на которую возноситъ насъ христіанство хоть

въ нѣкоторыя минуты. Не чувствовать въ этомъ прелести значитъ слушать неземную музыку съ заткнутыми ушами. Моя жена обобщила эту способность, съ которою мы изъ всего можемъ извлечь лучшее, способность симпатизировать всему, что является надъ земнымъ ничтожествомъ, способность творить божественное тамъ, гдѣ для обыкновенныхъ людей является одно вынужденное обстоятельствами: она эту способность вообще называетъ поэзіею, и говоритъ, что безъ нея самая добродѣтель что-то черствое и холодное. Если А. П. Зонтагъ не приняла словъ вашихъ въ ихъ истинномъ смыслѣ, надобно положить навѣрное, что въ эту минуту она оставалась безъ поэзіи. Вотъ ея отвѣтъ: «Господь далъ намъ такъ много хорошаго въ жизни, что часто счастье наше въ собственныхъ нашихъ рукахъ, но мы не умѣемъ ни держать его, ни имъ пользоваться. Къ той наукѣ жизни, о которой вамъ пишетъ Жуковскій, надобно прибавить еще и этотъ классъ. Добрый нашъ Жуковскій! Онъ все любитъ подводить подъ систему. Но какіе тутъ классы? Кто призналъ бытіе Божіе (а кто можетъ не признать его?), тотъ не можетъ не признать и воли Его. И намъ дана свободная воля — иначе бы мы не имѣли отвѣтственности за дѣла наши; но наша воля по большой части ведетъ насъ ко злу, а всемогущая воля Господня изъ самаго этого зла извлекаетъ благо. И такъ изъ этого признанія благой воли Божіей, воли всемогущей, истекаетъ все: и покорность и смиреніе, и покой въ смиреніи, довѣренность, благодарность и любовь. Но вотъ гдѣ нужно употребить всѣ силы души, чтобы взойти на *Черную Бемберскую гору*. А у кого въ жизни не бываетъ своей черной горы? Для иного она крута, для другаго отложе. Иной бодрѣе, другой слабѣе; но у всякаго въ жизни есть Бемберская Черная гора. Она была и для Спасителя такъ тягостна, что въ минуту страданія и Онъ, который все постигъ еще будучи во плоти, вскричалъ: Боже, Боже мой! Вскую мя оставилъ еси?—Но, взобравшись на верхъ горы, вы видите надъ головою небеса, а у ногъ вашихъ царство Кашемирское (La chaumière Indienne). Милый Жуковскій! Для него въ наукѣ

жизни и самая наука и Учитель были менѣе строги, чѣмъ для многихъ. И всему этому причиною его ангельская душа, исполненная благости, кротости, смиренія, не постигающая злобы даже и въ другихъ. За то для него цвѣтетъ жизнь въ такую пору, когда для другихъ остались одни тернія». Я тутъ вижу только, что ей хотѣлось немножко попротиворѣчить тексту вашему. Чувство отрицанія бываетъ у насъ господствующимъ, когда мы хоть на мгновеніе очутимся безъ благодати поэзіи. То, что разумѣли вы какъ степени совершенствованія души, она приняла за доктрину, и то ее дополняетъ, то превращаетъ. Ничего нѣтъ легче, какъ оспаривать прозаически истины поэтическія.

Составленіе курса, которымъ бы сами родители могли вводить въ святилище наукъ, я не считаю за дѣло, васъ недостойное. Мнѣ только не хочется думать, чтобы вы ото всего отказались для этой работы. По вашему послѣднему письму я вижу, что вы такъ и поступаете. Это въ томъ отношеніи важно, что поддерживаетъ въ какомъ-то равновѣсіи производительныя силы души. Вамъ Богъ послалъ богатство даровъ. Грѣшно было бы увлечься одною идеею или страстію, и для ея удовлетворенія пожертвовать прочими силами. Впрочемъ ничто такъ не доказываетъ близорукости моихъ взглядовъ на занятія и труды ваши, какъ это желаніе твердить вамъ о томъ, что вы должны дѣлать. Всю жизнь вы дѣлали то, къ чему призваны были свыше. Кто въ Россіи изъ литераторовъ, въ продолженіе 60 лѣтъ, не измѣнилъ ни разу своему правилу,—ежедневно съ 5 час. утра, какъ священнѣйшую должность, отправлять свои литературныя дѣла? Только вы — и болѣе никто. И такъ да почіетъ на васъ неизмѣнно благодать Іисуса Христа, нашего учителя и вдохновителя. Переводъ Новаго Завѣта есть трудъ, свидѣтельствующій о чудной силѣ воли вашей, о чудной силѣ любви вашей къ слову Господню и о чудной силѣ вашей нѣжности къ дѣтямъ вашимъ.

Вяземскій получилъ отсрочку прибытія къ должности еще на полгода. И такъ онъ въ Петербургъ воротится не ранѣе Ноября, т. е. когда и вы можете къ намъ пріѣхать, если не пожелаете

испытать леченія нервно-больной Нордстремовою методой. А я все остаюсь въ убѣжденіи, что если бы, вмѣсто Остенде, вы прямо пріѣхали сюда, то къ зимѣ ваша больная явилась бы совершенно здоровою. Судя по тому, что въ короткое время и при томъ зимою произошло уже съ моею женой отъ Нордстремова леченія, я не могу иначе думать.

На дняхъ провелъ я вечеръ у Тютчева вдвоемъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ для меня самый интересный. Три часа съ нимъ показались мнѣ минутою. Если къ его таланту и свѣдѣніямъ, къ его душѣ и поэтическому чутью придать привычку правильной и трудолюбивой жизни, онъ былъ бы для нашей эпохи свѣтиломъ ума и воображенія. Мы все говорили о васъ. Какъ онъ ясно умѣетъ цѣнить вашъ талантъ! На остаткѣ жизни, какое было бы счастіе увидѣть въ одномъ мѣстѣ совокупленными такихъ людей, какъ онъ, Вяземскій и вы! При этой мысли я вполнѣ понимаю слова А. П. Зонтагъ: «Господь далъ намъ такъ много хорошаго въ жизни, что часто счастье наше въ собственныхъ нашихъ рукахъ, но мы не умѣемъ ни держать его, ни имъ пользоваться». И сама Анна Петровна, потерявъ мужа, выдавъ за мужъ дочь, развѣ не могла бы двѣ трети года жить въ Петербургѣ же, чтобы не страдать въ одиночествѣ въ деревнѣ? Нѣтъ, мы выше душевныхъ благъ поставили блага земныя. Всѣ озабочены доходами, расчетами. Никто не рѣшится жить хоть бѣдно, да по̀ сердцу. Хочется и комнатами, и лакеями, и обѣдомъ, и туалетомъ, и экипажами вполнѣ уравнять себя съ тѣми, у кого всего много. Безъ этого мы поселяемся въ пустыню и жалуемся на судьбу.

У Катерины Андреевны Карамзиной было недавно что-то въ родѣ воспаленія. Мы всѣ за нее испугались. Однако теперь ей лучше. Для насъ безъ нея утратится въ Петербургѣ и послѣдній центръ соединенія.

Недавно пріѣхала сюда Смирнова хлопотать по извѣстному дѣлу мужа своего съ Ершовымъ. Она пробудетъ здѣсь до лѣтняго пути. Здоровье ея лучше. Я видѣлся съ нею пока на минуту и не могъ ни о чемъ поговорить.

Моя жена не умѣетъ найти выраженій, какъ благодарить васъ за ваши о ней приписки и за то, что вы, хоть заочно, познакомили ее съ вашей женой. Обнимаю васъ отъ сердца.

П. Плетневъ.

Записка Жуковскаго.

(Получена 4 Апрѣля 1850 г.).

Сію минуту получилъ ваше письмо и отвѣчаю въ двухъ словахъ: вы пишете о своей поѣздкѣ въ Гельзингфорсъ. Весьма вѣроятно, что вмѣсто Остенде мы отправимся прямо въ Ревель для морскихъ ваннъ. Это будетъ, если будетъ, въ началѣ Іюля. Подумайте, нельзя ли будетъ и вамъ вмѣсто Гельзингфорса поселиться въ Ревелѣ. Пожили бы вмѣстѣ. Отвѣчайте на это. А я васъ увѣдомлю, что у насъ рѣшится.

Вашъ Жуковскій.

Письмо Жуковскаго.

9 (21) Апрѣля 1850 г.

Любезнѣйшій мой Петръ Александровичь, благодарствуйте за милое письмо; на него будетъ отвѣтъ, но не скоро. У меня теперь бездна занятій накопилось. Но вы пишите какъ начали: чрезвычайно весело знать, что каждыя двѣ недѣли будетъ отъ васъ письмо. Передъ моимъ отъѣздомъ отсюда, который можетъ послѣдовать въ началѣ Іюля н. с., могу отъ васъ имѣть еще четыре письма. А вамъ, вмѣсто письменнаго отвѣта, посылаю нѣчто мое печатное въ новомъ вкусѣ — политическое [1]). Эта статья вышла сама собою изъ-подъ пера въ письмѣ къ фельдмаршалу. Я продиктовалъ ее потомъ по-нѣмецки одному знающему

---

[1]) Письмо къ князю Варшавскому: «Русская и англійская политика» (Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 187.

русскій языкъ; онъ поправилъ мою нѣмечину по-своему, и вотъ что изъ этого вышло. — Напишите что думаете и что слышали объ этой статьѣ.

Вашъ Жуковскій.

40.

Понедѣльникъ Страстной недѣли, 17 (29) Апрѣля 1850 г. Спб.

Вмѣсто 15-го, пишу къ вамъ, Василій Андреевичь, 17-го числа. Вы угадаете причину: сію минуту возвратился я отъ нашего добраго, несравненнаго Цесаревича. Мнѣ хотѣлось писать къ вамъ именно въ этотъ день, который для насъ съ вами бо̀льшій праздникъ, нежели для другихъ. За тридцать два года, въ Москвѣ, вы пожелали:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ»!

И я, бывши у него, повторялъ про себя эти глубоко-знаменательные стихи. Перваго изъ нихъ теперешнее время, кажется, къ сожалѣнію нашему, не оправдало пока. За то послѣдующіе не были напраснымъ вдохновеніемъ и урокомъ. Онъ чудно сохраняетъ свое достоинство. Такъ какъ это представленіе было неоффиціальное, то насъ предстало не много. Едва вышелъ въ свою уборную комнату Великій Князь, къ нему отправились князь Голицынъ (адъютантъ его), Енохинъ [1]) и молодой графъ Толстой [2]), пользующійся особеннымъ благоволеніемъ Его Высочества. Черезъ минуту позванъ былъ туда же Василій Перовскій, который спрашивалъ у меня о вашемъ мѣстопребываніи и о планахъ касательно будущаго. Одѣвшись, Великій Князь отправился на обычную свою коротенькую прогулку. Возвратившись оттуда,

[1]) Ив. Вас., лейбъ-медикъ.
[2]) Алексѣй Констант., извѣстный поэтъ, племянникъ Перовскихъ.

онъ въ залѣ принималъ наши поздравленія, гдѣ были: генералъ Витовтовъ (начальникъ штаба войскъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Наслѣдника), Арсеньевъ, И. П. Бунинъ, флигель-адъютантъ Фридриксъ и я. Тутъ только я услышалъ, что за три дня старый князь Меншиковъ упалъ съ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ, и разшибся. Арендтъ однакоже полагаетъ, что большой опасности нѣтъ.

Вчера былъ я на званомъ обѣдѣ у Г. С. Попова [1]), гдѣ собрано имъ было человѣкъ до 70, все мущины. Онъ тѣшитъ такъ свою холостую жизнь. Въ этомъ обществѣ болѣе двухъ третей находилось воспитывавшихся въ Московскомъ университетѣ или въ бывшемъ его пансіонѣ, на мѣсто котораго теперь сформированъ тамъ новый кадетскій корпусъ. Лица, собранныя Гавр. Ст., оправдываютъ репутацію заведенія, ихъ образовавшаго. Это все или товарищи министровъ, или статсъ-секретари, или директоры разныхъ канцелярій и департаментовъ. Мнѣ одно было не по сердцу: въ этой толпѣ я не чувствовалъ единства, да и самая веселость была какъ-то грубовата. Я вывелъ изъ этого два заключенія: не надобно безъ необходимости созывать большое общество, въ которомъ одни любятъ веселиться такъ, а другіе иначе; при томъ, далеко мы въ искуствѣ общежитія не дошли до той сферы, въ которой живость и веселость получаютъ особенный интересъ и привлекательное благородство. И такъ я не перемѣню привычнаго моего образа жизни. При ограниченныхъ доходахъ это уже и потому особенно хорошо, что не доводитъ до безразсудныхъ долговъ, которыхъ я былъ врагъ во всю мою жизнь.—На дняхъ видѣлся я съ гравёромъ Уткинымъ. Узнавъ, что иногда я пишу къ вамъ, онъ просилъ меня передать вамъ извѣстіе, что Клара, которой вы были всегда покровителемъ, нынѣшнею зимой скончался въ Петербургѣ.

Еще сошелся я у графа Уварова съ докторомъ Зейдлицемъ. Онъ вамъ кланяется. Когда я объявилъ ему, что, можетъ статься, вы на нѣсколько времени поселитесь въ Ревелѣ, то онъ этому уди-

[1]) Статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ.

вился и говоритъ, что онъ не посовѣтовалъ бы вамъ на то рѣшиться. Какъ русскій, вы, по его мнѣнію, не найдете тамъ все по вашимъ мыслямъ.

Кстати: я ожидаю окончательнаго отъ васъ отзыва на счетъ лѣтняго пребыванія. Если вы дѣйствительно будете лѣтомъ въ Ревелѣ, то я точно, вмѣсто Гельсингфорса, переѣду туда же. Прошлаго года лѣтомъ тамъ изволила жить Цесаревна. Можетъ статься и нынче Е. В. вздумаетъ сдѣлать тоже.

Дай Богъ, чтобы вы и всѣ у васъ были здоровы. Обнимаю васъ.

П. П.

41.

6 (18) Мая, 1850 г. Спб.

Моя поѣздка въ Гельзингфорсъ или въ Ревель день ото дня становится болѣе и болѣе сомнительною. Кажется, я писалъ къ вамъ, Василій Андреевичъ, что мать жены моей страдаетъ ревматизмами. Ей только и могла бы принести облегченіе холодная вода. Но какъ этого средства, конечно тягостнаго, больная выносить не соглашается, то и остается полтора года въ одномъ положеніи. Теперь Тильманъ совѣтовалъ ей съѣздить въ Старую Русу и попробовать тамошнихъ грязей. Она и рѣшилась на это. Жена моя, до болѣзненности любящая мать свою, боится уѣхать изъ Петербурга, чтобы отсюда имѣть возможность при первомъ призывѣ матери пріѣхать къ ней въ Старую Русу. На это она тѣмъ легче согласилась, что при стараніяхъ Нордстрема, ея собственное здоровье видимо укрѣпилось. И такъ мы переѣзжаемъ пока на обыкновенную дачу нашу у Лѣснаго Института, откуда, смотря по обстоятельствамъ и по требованію надобности, готовы будемъ пуститься либо въ Ревель въ случаѣ вашего туда пріѣзда, либо въ Старую Русу по желанію нашей больной. Но все же вы должны увѣдомить меня положительно, на что сами рѣшились. Ужъ я-то съ Нордстремомъ непремѣнно васъ навѣщу, если явитесь вы въ Ревель.

Статья ваша о политикѣ Англіи и Россіи на меня прекрасно подѣйствовала. Она дала мнѣ мысль, что если пожелаете, то вы сдѣлаетесь и историкомъ нашимъ. Сколько у васъ благородной искренности и краснорѣчія въ высшемъ значеніи! Цесаревичъ еще до моего о томъ объявленія читалъ эту статью, не знавъ, что она ваша, и очень доволенъ ею. Изъ людей, которыхъ отзывы я цѣню, бывшій нашъ профессоръ Порошинъ замѣтилъ только мнѣ, что вы о политикѣ Россіи менѣе сказали, нежели о политикѣ Англіи, чтò и справедливо; но я это изъясняю, первое тѣмъ, что Русскому не совсѣмъ прилично было излишне хвалить политику своей земли, второе тѣмъ, что наша политика менѣе сложна англійской.

Проживъ самое чреватое переворотами время въ Германіи, вы въ состояніи написать книгу, назидательнѣйшую для потомства, именно: о значеніи власти. Это было бы pendant книги: Génie de la Monarchie, par Alexandre Weill. Читали ли вы ее? Наша эпоха лучше самыхъ глубокомысленныхъ теорій врѣзала въ умы новыя и самыя вѣрныя идеи о государственныхъ улучшеніяхъ и переворотахъ. Особенно все это поразительно было для людей, которые, какъ вы, вблизи глядѣли на сумасбродства.

Дворъ уже въ Царскомъ Селѣ. Государь и Цесаревичъ до Іюня совершатъ свои объѣзды, простирающіеся до Варшавы. Прощаясь съ Его Высочествомъ, я встрѣтился съ княземъ Барятинскимъ, бывшимъ адъютантомъ, нынѣ довольно плотнымъ генераломъ. Онъ болѣе всѣхъ пользуется благоволеніемъ Наслѣдника.

В. К. Марія Николаевна поручила мнѣ сказать вамъ, что, несмотря на трехлѣтнее молчаніе, она по прежнему любитъ васъ и часто васъ вспоминаетъ.

Александръ Карамзинъ женится на княжнѣ Оболенской, которой мать была урожденная графиня Мусина-Пушкина.

Вышла книга Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 г. Очень умное и любопытное явленіе въ литературѣ нашей. П. П.

42.

19 (31) Мая 1850 г. Спасская мыза близъ Спб.

Нынѣшній годъ у насъ такая весна, какой лучше нельзя вообразить и у васъ, Василій Андреевичь, въ Баденѣ. Уже десять дней, какъ я съ моею семьей переѣхалъ на дачу, все на ту же, въ которой нѣкогда видалъ я у себя и васъ и Вяземскаго и Пушкина. Нынѣшнее лѣто я провожу здѣсь двадцать-пятое съ тѣхъ поръ, какъ почти смертельная болѣзнь въ 1826 году заставила меня въ первый разъ искать спасенія внѣ города. Не получивъ увѣдомленія, гдѣ вы проводите лѣто, и не побуждаемый Нордстремомъ везти мою жену купаться въ морѣ, до поры до времени я останусь здѣсь, тѣмъ болѣе, что мать жены моей отправляется въ Старую Русу, и тѣмъ накладываетъ обязанность на мою жену не уѣзжать далеко, чтобы наготовѣ быть тотчасъ навѣстить ее, лишь явится надобность.

Однакоже все это ни чуть не помѣшаетъ собственно мнѣ прилетѣть къ вамъ съ Нордстремомъ, если бы вы сверхъ чаянія вдругъ очутились вмѣсто Остенде въ Ревелѣ.

Друзья ваши всѣ разлетятся на лѣто по разнымъ сторонамъ. Смирнова уже отправилась въ Калугу. Здѣсь она такъ занята была хлопотами по дѣламъ мужа своего, что я едва на одну минуту могъ поймать ее. Часть Карамзиныхъ (Катерина Андреевна, Елизавета и Андрей Ник.) отправляется на свадьбу Александра Ник. въ Москву. Софья Ник. останется съ Мещерскими въ ихъ здѣшней деревнѣ. Блудовъ съ дочерью переѣзжаетъ въ Ревель. Вьельгорскіе вѣроятно не пустятся далѣе своего Павлина. Я давно не былъ у нихъ. Вяземскаго я не жду прежде Ноября. Тютчевъ сбирается въ Германію, гдѣ надѣется съѣхаться съ вами. Завтра отправляется Уваровъ въ свое Порѣчье, а осенью вѣроятно пустится за границу.

Такова-то жизнь людей извѣстнаго круга. Они никакъ не могутъ составить того, что называется обществомъ, и круглый

годъ не находятъ возможности постоянно сходиться съ тѣми, которые могли бы прямо участвовать въ ихъ умственныхъ и эстетическихъ интересахъ. Зимою разлучаетъ всѣхъ опера. Развѣ тотъ въ состояніи уловить нѣкоторыхъ друзей, кто въ силахъ начинать вечеръ съ перваго часа за полночь, а день (по неволѣ) съ двѣнадцатаго передъ полуднемъ? Но гдѣ же, въ наши лѣта и принадлежа службѣ, взять силъ и возможности такъ изуродовать сутки? По неволѣ разстаешься съ обществомъ и становишься ему чуждъ. Оно вычеркиваетъ тебя изъ своего списка и при встрѣчахъ едва узнаетъ тебя.

Есть еще бѣдствіе для насъ, приписныхъ служителей науки. Ни за что въ свѣтѣ не допускаютъ насъ вытти изъ этой касты и хоть на время подышать атмосферою другой касты. Недавно за обѣдомъ у Уварова былъ Блудовъ съ дочерью и Тютчевъ. Общество, какъ видите, слишкомъ немногочисленное и слишкомъ не разнородное по составу. Но къ изумленію моему, никакъ не вышло у насъ ничего общаго. Ужели, при разности чиновъ и служебныхъ обязанностей, должно уничтожиться все, чѣмъ связываетъ людей единство мыслей, единство вкуса и степень умственной сферы? Я думаю, что подобное разобщеніе при встрѣчѣ порядочныхъ людей возможно только въ нашей Россіи, гдѣ слишкомъ много занятій частныхъ, чтобы наконецъ созрѣли твердыя формы общежительныхъ отношеній.

Но гдѣ все одно хорошее? Кажется, только на небесахъ. Страшно подумать, до чего дошло общежитіе въ другихъ странахъ Европы. Какъ теперь справедлива выходитъ басня Крылова: *Водолазы*! Благую часть избрали себѣ вы, Василій Андреевичь, сосредоточивши въ тѣсномъ кабинетѣ своемъ міръ всѣхъ своихъ наслажденій и умственныхъ и эстетическихъ и общежительныхъ. Въ молодости мы подшучивали надъ мудрецами Востока, которые обрекали на пустынножительство всѣ опыты, всѣ сокровища души своей. А теперь приходится согласиться, что это едва ли не единственный путь, остающійся для человѣка мирнаго и свыкшагося съ созерцательной жизнію.

Я читалъ послѣднее письмо ваше къ Родіонову, но изъ него ничего не могъ узнать рѣшительнаго касательно будущаго вашего, кромѣ того, что вы сбираетесь писать ко мнѣ. Это будетъ для меня поощреніемъ къ дальнѣйшимъ бесѣдамъ съ вами. Безъ поощренія я могу утомиться и даже истощиться, какъ человѣкъ безпрестанно говорящій другому и не поддерживаемый ни однимъ отвѣтомъ. По крайней мѣрѣ послѣ этого письма я непремѣнно долженъ отъ васъ узнать, куда мнѣ писать къ вамъ. Вы уѣзжаете изъ Бадена—и я не хочу бросать своихъ писемъ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

2 (14) Іюня 1850 г. Баденъ-Баденъ.

Любезнѣйшій мой Петръ Александровичъ, благодарствуйте, благодарствуйте, благодарствуйте за ваши многія, милыя, добрыя, дружескія письма, оставленныя мною до сихъ поръ безъ отвѣта. Я уже коротенькимъ письмецомъ предупредилъ васъ на счетъ моего принужденнаго молчанія, котораго непосредственная причина есть уже не лѣнь, а просто такого рода занятіе, которое захватило все мое время. Въ продолженіе этого времени накопилось множество писемъ, на которыя надобно отвѣчать, которыя лежали на мнѣ какъ извѣстная гора Монбланъ, которыя теперь захватятъ весь мой досугъ и не дадутъ мнѣ воспользоваться оставшимся мѣсяцемъ жизни въ Баденѣ. Работа же, которой я былъ подчиненъ въ послѣднее время, была прежде весьма длинное письмо, написанное порусски; потомъ я самъ перевелъ его на нѣмецкій языкъ и теперь изъ него вышла нѣмецкая брошюрка, напечатанная въ Карлсру для немногихъ[1]. Сію минуту я послалъ въ типографію послѣдній корректурный листъ и не отдыхая принялся за перо, чтобы прежде всѣхъ другихъ отвѣчать вамъ.

Вопервыхъ скажу о самомъ себѣ: я благодаря Бога кажется совсѣмъ оправился, пью еще воду (Маріенбадскую) и возьму

---

[1]) См. выше, стр. 660.

нѣсколько ваннъ. Женѣ, благодаря Гугерту, лучше нежели въ прошломъ лѣтѣ. Она беретъ усердно курсъ леченія. И до сихъ поръ кажется весьма вѣрно, что мы наконецъ (помоги милосердый Боже!) отправимся въ путь на родину. Но мы уже не ѣдемъ въ Ревель. Я поручилъ нанять намъ домъ въ Дерптѣ. Отвезши туда жену и дѣтей, поѣду въ Петербургъ, потомъ въ Москву на свиданіе съ своими и наконецъ возвращусь въ Дерптъ къ моей семьѣ, чтобы приняться за работу. Это будетъ въ концѣ года.

Если Богъ позволитъ, отпраздную вмѣстѣ съ Москвою серебряную свадьбу Царя съ Россіею. Если бы не было въ виду этого святаго праздника, я можетъ быть остался бы еще на зиму гдѣ нибудь заграницею, чтобы безъ всякаго разсѣянія кончить многія работы, отъ которыхъ теперь до моего возвращенія въ Дерптъ надобно будетъ вовсе отказаться. Вы бы тогда погладили меня можетъ быть съ похвалою по головкѣ. Страшно въ мои лѣта откладывать; но какъ Богу угодно!—Вы же, мой милый другъ, не оставляйте своей благословенной привычки писать ко мнѣ съ такою точностію, которая дѣлитъ прекраснымъ образомъ каждый мой мѣсяцъ на два періода, которыхъ крайними эпохами суть ваши добрыя письма.

Претерпите до конца и пишите, какъ начали. Мнѣ теперь еще остается прожить въ Баденѣ цѣлый мѣсяцъ. Поѣду отсюда не прежде какъ 5 (17) Іюля. Слѣдственно могу еще имѣть въ Баденѣ отъ васъ два письма. Болѣе не пишите. Передъ отъѣздомъ увѣдомлю васъ о рѣшительномъ срокѣ моего отъѣзда. Тогда вы напишете ко мнѣ въ Дерптъ poste restante. А пріѣхавъ въ Дерптъ, увѣдомлю васъ о моихъ дальнѣйшихъ планахъ. Тогда можетъ быть устроится такъ, что вы пріѣдете ко мнѣ въ Дерптъ, чтобы взглянуть на мою семью и взять меня съ собою въ Петербургъ.— Вотъ вамъ весь мой теперешній планъ. Благослови Богъ его исполненіе. Простите, обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ. Сообщите объ этомъ Родіонову.

Я прочиталъ недавно въ журналѣ Министерства Просвѣщенія дѣльную статью о моей Одиссеѣ (это въ Генварскомъ № 1849 г.).

Она подписана Г. С. Я бы желалъ знать, кто этотъ Г. С. [1]) Написано съ знаніемъ дѣла, съ достоинствомъ, съ чувствомъ поэтическимъ. Авторъ не вошелъ въ подробный разборъ перевода, отложивъ этотъ трудъ до окончанія моего труда. Теперь Одиссея кончена. Кончилъ ли мой Аристархъ свою обѣщанную работу? Я бы радъ былъ, если бы онъ занялся сравненіемъ русскаго съ греческимъ, онъ бы и мнѣ могъ сказать много поучительнаго, ибо я не знаю своего подлинника. Если бы онъ замѣтилъ и ошибки, я бы охотно воспользовался (добро)совѣстными замѣчаніями для втораго изданія. Увѣдомьте его объ этомъ, ежели знаете, кто онъ, и мнѣ перешлите его имя.

Еще просьба: я долженъ буду оставить своего русскаго камердинера за границею. Оглянитесь вокругъ себя, не найдете ли надежнаго. Я бы радъ былъ, когда бы нашелся такой къ моему пріѣзду. Мнѣ несказанно жаль разстаться съ моимъ теперешнимъ—Родіоновъ знаетъ, почему не могу привезти его съ собою.

Попросите отъ меня и Родіонова поискать мнѣ камердинера.

43.

17 (29) Іюня 1850 г. Спб.

До отъѣзда вашего изъ Бадена, Василій Андреевичь, остается теперь только 18 дней. А такъ какъ письма наши въ дорогѣ находятся по 10, 11 и даже по 12 дней, то вы согласитесь, что послѣ нынѣшняго къ вамъ письма мнѣ уже не удастся написать другого. И такъ я буду ожидать только обѣщаннаго вами, которое вы мнѣ пришлите передъ отъѣздомъ. Ради Бога не позабудьте тамъ сказать, около какого времени можете вы прибыть въ Дерптъ, чтобы я тогда же туда вамъ написалъ.

Давно не видавшись съ вами и живучи посреди современныхъ треволненій, о многомъ желалъ бы я побесѣдовать съ вами. Покамѣсть передаю вамъ извѣстіе очень невеселое. У графини Софьи Михайловны Соллогубъ [2]) въ короткое время скончалось

---

[1]) Свѣдѣніе объ авторѣ см. въ отвѣтѣ Плетнева на слѣд. страницѣ.

[2]) Дочери графа Мих. Юрьев. Вьельгорскаго. О ней выше, стр. 621.

двое дѣтей. Особенно она поражена была вторичнымъ ударомъ— смертію старшей дочери своей, которой исполнилось уже 8 лѣтъ. Печаль матери до того глубока и страшна, что опасаться можно за ея собственную жизнь. Теперь графиня Луиза Карловна перевезла ее изъ Павлина, гдѣ совершилось несчастіе, въ Гельзингфорсъ. Можетъ быть, всемогущій цѣлитель всѣхъ душевныхъ болѣзней нашихъ—время и утишитъ ея страданія. Но можетъ случиться, что смертельный недугъ уже и утвердился въ ея сердцѣ.

Родіонова извѣстилъ я обо всемъ, что до него касается, особенно о прінсканіи вамъ камердинера, такъ какъ чувствую, что самъ я не съумѣю этого сдѣлать.

Объ Аристархѣ первыхъ XII пѣсенъ Одиссеи вашей узналъ я слѣдующее: это выпущенный изъ студентовъ Петербургскаго университета, нынѣ надворн. совѣтн. Сахаровъ, служащій въ редакціи журнала М. Н. П. Такъ какъ онъ собственно не сильный эллинистъ, хотя и литтераторъ, то редакція окончаніе этого разбора, гдѣ ужь по случаю выхода послѣднихъ XII пѣсенъ надобно заняться сравненіемъ перевода съ оригиналомъ, поручила другому лицу, тоже изъ нашего университета вышедшему, а именно г. Дестунису, сыну переводчика Плутарха, природному греку. Его статья хоть и окончена, но еще не напечатана, и остается въ рукахъ главнаго редактора Сербиновича, очень убитаго печалію о кончинѣ второй его жены, умершей отъ родовъ.

Обнимаю васъ. Будьте всѣ, всѣ здоровы.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Три письма Жуковскаго.

1.

25 Іюня 1850 г.

Посылаю вамъ черезъ Рейфа, любезнѣйшій Петръ Александровичь, мои отрывки въ прозѣ на судъ и на осужденіе. Вы удивитесь и спросите, для чего я не самъ привожу ихъ? Весьма мо-

жетъ статься, что вслѣдъ за ними явлюсь и самъ. Но вы перечитайте мое послѣднее къ вамъ письмо — вы найдете въ немъ выраженное мною желаніе еще на одну зиму остаться за границею, остаться какъ для довершенія пользованія жены, такъ и для нѣкоторыхъ работъ литтературныхъ. Я писалъ къ вамъ, что ѣду особенно для того, чтобъ быть на праздникѣ 25 лѣтія царствованія Императора Николая Павловича. Съ тѣхъ поръ вотъ что случилось: я услышалъ, что этотъ праздникъ повторится въ Москвѣ въ Августѣ будущаго 1851 года по случаю 25 лѣтія коронаціи. Въ такомъ случаѣ, если это правда, я могу согласить мои уединенныя мирныя работы зимою нынѣшняго года въ Баденѣ съ моимъ присутствіемъ на святомъ русскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Я писалъ къ Его Высочеству Наслѣднику и просилъ отъ него и увѣдомленія и разрѣшенія. Какой бы ни былъ его отвѣтъ — все онъ мнѣ будетъ по сердцу. Или вслѣдствіе его — останусь, тогда работа; или поѣду — тогда радостное, желанное возвращеніе на родину.

Но понеже весьма легко случиться можетъ, что я останусь, то я рѣшилъ воспользоваться отъѣздомъ Рейфа, чтобы доставить вамъ мои манускрипты въ прозѣ. Прошу васъ поступить съ ними слѣдующимъ образомъ:

№ 1. Переплетенная тетрадь должна быть отдана въ цензуру немедленно по полученіи; къ ней принадлежитъ и № 2, особая тетрадь, которая можетъ быть процензурована особенно. Эту тетрадь (которую NB я не успѣлъ перечитать) и съ нею статью въ переплетенномъ экземплярѣ подъ титул. *Письмо къ графу Ш.* слѣдуетъ предварительно показать Великому Князю, дабы онъ испросилъ мнѣ разрѣшеніе напечатать эти обѣ піесы въ собраніи сочиненій моихъ: въ нихъ упоминается о Государѣ и другихъ членахъ Царскаго семейства.

Тетрадь № 3 отдать въ цензуру, но прежде отдать неофиціально на разсмотрѣніе духовному цензору, дабы онъ вычеркнулъ то, что можетъ ему показаться сомнительнымъ. Я желаю что-

бы въ моихъ христіанскихъ разсужденіяхъ и тѣни несогласнаго съ православіемъ не встрѣтилось.

Когда все процензуровано и просмотрѣно будетъ, возвратите мнѣ съ Рейфомъ манускрипты; они составятъ десятый томъ собранія сочиненій моихъ. Не вздумаете ли пустить ихъ на подписку, такъ что при подпискѣ выдать 9 томовъ, а остальной десятый въ свое время будетъ выданъ подписчикамъ? Впрочемъ поступите какъ сами заблагоразсудите. Не полѣнитесь прочитать мои манускрипты и поправить ошибки переписчика прежде отдачи въ цензуру.

Прилагаю здѣсь нѣсколько экземпляровъ моего новаго сочиненія, написаннаго порусски и мною же переведеннаго на нѣмецкій языкъ. Прошу не взыскать. Одинъ экземпляръ вамъ, 1 Вяземскому, 1 Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ, 1 Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, 1 Булгакову въ Москву, черезъ котораго и два послѣднихъ послать; наконецъ 1 Родіонову.

Поздравляю съ нынѣшнимъ праздникомъ [1]).

Вашъ Жуковскій.

Въ рукописяхъ, которыя я къ вамъ посылаю, вы найдете много ошибокъ переписчика; я не успѣлъ перечитать переписаннаго. Отвѣтъ Рейфа засталъ меня въ расплохъ. Поправьте какъ можете. Въ иныхъ мѣстахъ найдется и безсмыслица, найдется много и повтореній. Эти повторенія замѣтьте особенно: я много поправлю и выпущу при печатаніи; теперь же посылаю манускрипты только для того, чтобы вы могли ихъ мнѣ, по цензурѣ, возвратить вмѣстѣ съ Рейфомъ, если NB. я останусь еще за границею на зиму. Это должно для меня черезъ нѣсколько дней рѣшиться. Если же останусь, то надѣюсь, что вы, какъ я уже о томъ и писалъ къ вамъ, погладите меня при свиданіи по головкѣ. Теперь займитесь публикаціею моихъ сочиненій: не отложить ли этой публикаціи до Ноября, дабы можно было представить Царю его экземпляръ ко дню его юбилея? напишите объ этомъ.

[1]) Днемъ рожденія императора Николая.

2.

30 Іюня (12 Іюля) 1850 г.

Любезнѣйшій Петръ Александровичь, я послалъ къ вамъ свои манускрипты съ Рейфомъ. Въ тетради непереплетенной подъ № 2 есть статья о Вѣрѣ въ нѣсколькихъ отрывкахъ. Прошу васъ тотъ отрывокъ, который начинается слѣдующими словами: *То, что мы называемъ вѣрою въ обыкновенномъ, низшемъ смыслѣ* и пр. исключить и вырвать изъ тетради. Онъ переписанъ ошибкою, и я хотѣлъ самъ его уничтожить, но забылъ. Хотя въ немъ и нѣтъ ничего противузаконнаго и не православнаго; но въ концѣ есть нѣчто о Церкви, что можетъ быть перетолковано вреднымъ для меня образомъ. А во мнѣ нѣтъ и тѣни противорѣчія постановленіямъ Церкви. — Прошу васъ приложенное письмецо отдать немедленно Рейфу. Я еще не получилъ отвѣта отъ Великаго Князя. Жду его; онъ рѣшитъ, увидимся ли мы въ нынѣшнемъ году, или въ Маѣ будущаго. — Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ.

Вашъ Жуковскій.

Письмо къ Рейфу посылаю черезъ Сегена.

3.

26 Сентября (8 Октября) 1850 г.

Ну, мой милый Петръ Александровичь, заставляете вы меня поститься. Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ къ вамъ съ Рейфомъ и послалъ свои манускрипты — отъ васъ ни слова. Что сдѣлалось съ вашею привычкою писать ко мнѣ каждыя двѣ недѣли, привычкою, которой вы были такъ вѣрны и мнѣ на радость и себѣ на утѣшеніе. Ваше молчаніе такъ мнѣ непонятно, что я наконецъ начинаю тревожиться и думать, не случилось ли чего съ вами худаго. На этотъ счетъ успокоиваетъ меня нѣсколько то, что мой добрый Родіоновъ конечно бы меня о васъ увѣдомилъ. Впрочемъ и онъ точно такъ же, какъ вы, примолкъ. Ужъ не сердитесь ли

вы на меня оба за то, что я опять обманулъ ваше ожиданіе и еще на зиму остался въ Баденѣ? И еще за то, что собирался въ Варшаву, и ни съ мѣста? Можетъ быть, что вы уже написали ко мнѣ въ Варшаву? Если такъ, то я долженъ получить скоро ваши письма изъ Варшавы; я просилъ о высылкѣ ихъ Варшавскаго почтдиректора князя Голицына. Если же вы ждете еще отъ меня увѣдомленія о томъ, ѣду или нѣтъ въ Варшаву, то знайте, что не ѣду, беритесь за перо и пишите ко мнѣ скорѣе, чтобы накормить мою проголодавшуюся душу. Моихъ манускриптовъ пускать въ ходъ еще нельзя въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь; надобно многое поправить, многое сжать; написанное мною по русски надобно будетъ исправить по моему же нѣмецкому переводу[1]) и пр. и пр. Я послалъ ихъ для того, что былъ случай послать съ Рейфомъ. Когда пройдутъ манускрипты черезъ горнило цензуры, пошлите ихъ въ Варшаву на имя князя Александра Михайловича Голицына, почтдиректора; онъ перешлетъ ихъ по почтѣ. Я къ процензурованному ничего не прибавлю: развѣ только многое выброшу, или иныя выраженія поправлю. Страшное дѣло сдѣлалось — подивитесь моей памяти. Я на сихъ дняхъ купилъ Русскую Грамматику, напечатанную въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ: половину этой книги составляетъ хрестоматія, выборъ отрывковъ въ стихахъ и прозѣ. Изъ моихъ твореній нѣмецъ взялъ только отрывокъ Пѣвца во станѣ р. воиновъ (который теперь мнѣ самому весьма мало правится); а въ прозѣ напечаталъ мое письмо о Бородинскомъ праздникѣ, о которомъ я вовсе забылъ и самъ теперь не помню, къ кому оно было писано и гдѣ напечатано — а что оно напечатано, въ томъ убѣждаетъ меня его появленіе въ нѣмецкой грамматикѣ. Если бы я зналъ о его существованіи, то внесъ бы его въ томъ прозы, ибо описаніе очень живо и тепло, и мнѣ самому разительно напомнило о самомъ событіи. Знаете ли вы объ этомъ письмѣ?

---

[1]) Рѣчь идетъ о письмѣ: «Русская и англійская политика»; см. выше, стр. 660 и 667.

Если знаете, скажите, гдѣ оно гнѣздится?[1])—Если же вы сердитесь на меня за мое непрiбытiе ни въ Дерптъ, ни въ Варшаву, то смягчите свой гнѣвъ: я поступилъ весьма благоразумно, что не поѣхалъ. Женѣ это сдѣлаетъ большое добро; ей надобно и зимою продолжать свое леченiе: я начинаю надѣяться, что она наконецъ отдохнетъ отъ своего многолѣтняго страданiя. Хорошо вамъ звать меня и судить и осуждать меня въ отдаленiи, не зная, что со мною дѣлается. Бываютъ несказанно тяжелыя минуты, и бываютъ часто. Я на нихъ не ропщу, это минуты поучительныя и образовательныя; но въ шестьдесятъ лѣтъ труднѣе учиться нежели въ молодыя лѣта, хотя и яснѣе знаешь, что наша жизнь намъ только на то дана, чтобъ учиться, учиться доброю волею, даже безъ надежды выучиться, а только для того, чтобы угодить Учителю, творя Его волю.—Я остался и по собственной необходимости. Я совсѣмъ было собрался въ Варшаву, и мнѣ хотѣлось несказанно видѣть Императрицу; и квартера была мнѣ готова у моего шурина Рейтерна. За два дни передъ назначеннымъ срокомъ для выѣзда, оказалось (и это къ счастiю) геморроидальное кровотеченiе. Само по себѣ оно не вредно, но путешествiе по желѣзной дорогѣ въ продолженiе шести дней, и такое же обратно, и тревожная жизнь въ Варшавѣ — ибо Императрица будетъ жить не въ самой Варшавѣ, а въ Скерновичахъ, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Варшавы—все это вмѣстѣ раздражило бы геморой и могло бы приключить ту болѣзнь, которая два раза уже на меня нападала (въ 1847 и въ 1849) и которая въ мои лѣта могла бы сдѣлаться смертельною. На все воля Божiя; но явно и произвольно вредить себѣ я не долженъ. Я былъ *обязанъ* остаться по долгу отца семейства. Мои причины на то неотрицаемы и святы. Если бы и нихъ не было, все я имѣлъ бы право жить тамъ, гдѣ мнѣ удобнѣе, и гдѣ я болѣе могу имѣть досуга для работъ моихъ. Но я жажду возвратиться на родину. Хорошая же сторона этой необходимости остаться, для меня весьма впрочемъ непрiят-

---

[1]) Отвѣтъ на это см. въ слѣдующемъ за симъ письмѣ Плетнева, стр. 678.

ная (ибо мнѣ надоѣла кочевая жизнь начужѣ), есть та, что я, если Богъ позволитъ, надѣюсь хорошо воспользоваться своимъ Баденскимъ уединеніемъ, и вы, опять повторяю, погладите меня по головкѣ при нашемъ свиданіи. Привезу и стиховъ и прозы.—Вотъ вамъ моя полная исповѣдь. Теперь моя эпистолярная дѣятельность должна прекратиться. У меня работы по горло и мнѣ безпрестанно говоритъ тайный голосъ: спѣши. Не то, чтобы это былъ голосъ смерти. Нѣтъ, но глаза слабѣютъ и слухъ тупѣетъ. Что если мнѣ назначено не кончивъ начатаго ослѣпнуть и оглохнуть? И такъ надобно не терять времени, а между тѣмъ и приготовить себя къ этой темничной жизни. Не скажу, чтобы она меня ужасала. Весьма вѣроятно, что ея и не будетъ. Воля Божія. Но надобно быть готовымъ. Я уже выдумалъ себѣ машину для писанія въ случаѣ слѣпоты. Надобно придумать отводъ и отъ глухоты. Между тѣмъ постараюсь воспользоваться сколько можно собою, пока я еще цѣлъ. Для этого надобно только строго экономить временемъ. Вотъ почему и не буду писать къ вамъ длинныхъ писемъ. Но васъ прошу убѣдительно: пишите, пишите ко мнѣ. Вамъ же есть теперь о чемъ писать; мои манускрипты дадутъ вамъ довольно текста.—Возвратился ли Вяземскій? Онъ ни крошки не кинулъ мнѣ отъ своего пира на Востокѣ. Увѣдомьте о немъ и скажите ему, что я еще дышу на свѣтѣ. Обнимаю васъ съ нѣжнѣйшею дружбою.

Вашъ Жуковскій.

44.

5 (17) Октября 1850 г. Спб.

Сегодня получилъ я письмо ваше, Василій Андреевичь, которое вы отправили ко мнѣ изъ Б.-Бадена 26 Сентября (8 Октября). Спѣшу отвѣчать на него и начну разсказомъ съ того дня, когда отъ г. Рейфа я получилъ ваши рукописи. Это было 18 (30) Іюля. Въ тотъ же день тетрадь подъ № 1-мъ отдана была цензору Шидловскому, подъ № 2-мъ препровождена къ Его Импе-

раторскому Высочеству Государю Цесаревичу при особомъ отъ меня письмѣ въ Петергофъ, а подъ № 3-мъ въ Духовную Цензуру, какъ вы сами все это назначили. Я надѣялся, что, не пропустивъ ни одного дня въ бездѣйствіи, я, до отбытія отсюда г. Рейфа, получу обратно рукописи и съ нимъ же къ вамъ ихъ отправлю. Вышло совсѣмъ не такъ. Г. Шидловскій донесъ Цензурному Комитету, что вашу рукопись подъ № 1-мъ можетъ разрѣшить къ печатанію только Главное Управленіе Цензуры. Ее туда и послали; но отвѣта не получено мною до сихъ поръ. Отъ Его Высочества я также не получилъ никакого отзыва. Наканунѣ отъѣзда Государя Цесаревича на Кавказъ явился я къ Его Высочеству и узналъ, что маневры и другія занятія въ лагерное время не оставили свободной минуты для доклада этого дѣла Государю Императору. Тогда я выпросилъ обратно тетрадь и черезъ Цензурный Комитетъ отправилъ ее общимъ путемъ къ министру Императорскаго Двора. За отсутствіемъ министра Просвѣщенія товарищъ его отвѣчалъ мнѣ, что это сочиненіе [1]), по представленію Московскаго Цензурнаго Комитета, уже было докладываемо Государю Императору, въ томъ видѣ, какъ оно было выдано на нѣмецкомъ языкѣ, но Высочайшаго соизволенія не послѣдовало на изданіе его въ Россіи, почему товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія не считаетъ себя въ правѣ входить съ новымъ о томъ представленіемъ. Рукопись эту мнѣ возвратили, и я ее храню до новаго съ вашей стороны назначенія. Что касается до цензуры Духовной, она, по истеченіи болѣе двухъ мѣсяцевъ съ половиною, не прислала никакого ко мнѣ отзыва на счетъ тетради подъ № 3-мъ.

Всѣ эти неудачи привели меня въ такое уныніе, что я не могъ собраться съ силами писать къ вамъ, да и не зналъ, о чемъ тутъ говорить. Мое мнѣніе: оставимте все это дѣло до того времени, когда вы сами пріѣдете въ Петербургъ. Я предчувствую, что безъ васъ все пойдетъ неудачно. Если обѣ тетради и будутъ

---

[1]) Т. е. письмо къ князю Варшавскому о русской и англійской политикѣ.

мнѣ возвращены, то вѣрно въ такомъ видѣ, что не для чего будетъ ихъ печатать.

Письмо ваше о Бородинскомъ праздникѣ адресовано было къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ и напечатано вмѣстѣ съ вашими же на этотъ случай стихами въ *моемъ* Современникѣ того года [1]). Если бы вы не растеряли его, то теперь могли бы и отыскать это все.

Князя Вяземскаго мы ждемъ со дня на день. Онъ давно въ Москвѣ. Его прекрасно честили въ Одессѣ: въ оба проѣзда его, тамъ устраивали для него литературные обѣды.

Родіонова я тоже давно не вижу. Если нужно, разрѣшите его на что нибудь касательно продажи полнаго собранія сочиненій вашихъ. Новую прозу можно будетъ издать и въ будущемъ году.

Обнимаю васъ и посылаю поклонъ отъ моихъ дамъ.

П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

16 (28) Октября 1850 г.

Наконецъ долгоожиданное письмо пришло и я очень обрадовался, что получилъ его, ибо уже начиналъ думать, что съ вами что нибудь недоброе случилось, мой добрый и сердечный другъ Петръ Александровичь, такъ долго вы молчали. По сей причинѣ я радъ былъ матеріальному явленію письмомъ, какъ видимому доказательству того, что страхи мои были напрасны. Но чтеніе вашего письма меня какъ-то смутило другимъ образомъ. И это смущеніе произошло не отъ того, что вы мнѣ говорите о печальныхъ похожденіяхъ моей рукописи: они не были для меня неожиданностію и совсѣмъ меня не тревожатъ. Написанное написано; оно было для меня важнымъ душевнымъ занятіемъ; это

---

[1]) 1839 г., въ XVI томѣ, подъ общимъ заглавіемъ: «Бородинская годовщина». Въ 7-мъ изд. сочиненій Жуковскаго, см. т. VI, стр. 80.

главное; если ему не суждено изъ написаннаго превратиться въ напечатанное, то-есть *теперь* превратиться, то это можетъ совершиться послѣ; не бѣда, если и совсѣмъ не совершится. Мое смущеніе произошло отъ другой причины: ваше письмо, послѣ толь долгаго молчанія, показалось мнѣ сухимъ; вы какъ будто спѣшили дать отчетъ о судьбѣ моего манускрипта, и болѣе ничего — такъ ли это? Мое пребываніе за границею, такъ давно для меня принужденное и тягостное, сдѣлало меня подозрительнымъ и робкимъ насчетъ моихъ друзей. Я ждалъ отъ васъ мнѣнія о моихъ статьяхъ — вы ихъ не читали. Впрочемъ этого я не ставлю на счетъ равнодушія, а просто вы поспѣшили ихъ предать на пытку цензуры. Вѣроятно, онѣ выдутъ изъ ея когтей въ лохмотьяхъ, хотя, положивъ руку на совѣсть, не знаю къ чему бы можно было придраться (если только пришло во-время къ вамъ мое письмецо, въ которомъ я просилъ васъ уничтожить одну статью прежде представленія манускрипта въ духовную цензуру. Но отъ нашей цензуры (теперь черезъ-чуръ испуганной) всего ожидать можно. Это впрочемъ меня не тревожитъ. Я все-таки буду писать въ прозѣ если не про чужихъ, то про себя и про своихъ. Со временемъ и отечество скажетъ спасибо. Я стою твердо на двухъ основаніяхъ—на христіанствѣ и православіи относительно философіи и нравственности, и на основаніи христіанства и самодержавія относительно политики. Теперь пока все это въ сторонѣ. Занимаюсь азбукою и первыми правилами ариметики, и историческимъ атласомъ. Между тѣмъ есть еще и другая работа. Возвращаясь къ вашему письму, скажу, что оно показалось мнѣ не такимъ, каковы были его предшественники — показалось такимъ въ первую минуту чтенія; теперь мнѣ самому кажется, что моя тревога неосновательна. Все-таки будетъ весьма хорошо, если вы напишете сами мнѣ тоже. И такъ отвѣчайте немедленно на это письмо. Вы спрашиваете моего разрѣшенія для Родіонова, для публикаціи моихъ сочиненій. Оставляю это на ваше общее съ нимъ разсужденіе: сдѣлайте какъ вамъ самимъ покажется лучше. Было бы хорошо, когда бы публикація

сдѣлана была простая; тогда я самъ бы роздалъ Императорской Фамиліи экземпляры. Это бы такъ и было, еслибъ я нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣхалъ въ Россію. И такъ что вы думаете? Теперь ли публиковать? или дождаться моего возвращенія и выдать все вмѣстѣ напечатанное теперь, съ тѣмъ, что можетъ быть напечатано къ тому времени? Тогда можно будетъ выдать по подпискѣ. Впрочемъ дѣлайте, что хотите... Я вамъ это дѣло вполнѣ ввѣряю. Только напишите, на что рѣшитесь. — Отсюда на сихъ дняхъ отправился нѣкто Шилль въ Россію; я далъ ему свою визитную карту, съ которою онъ явится къ вамъ и къ Родіонову. Съ нимъ можете прислать мнѣ мои манускрипты, если цензура ихъ выпуститъ изъ когтей своихъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь, ихъ печатать нельзя, многое должно быть исправлено или выпущено.

Прощайте, мой милый, потѣшьте меня лакомымъ письмомъ. Между тѣмъ сдѣлайте мнѣ одолженіе, попросите (напишите къ нему тотчасъ объ этомъ записку) Родіонова, чтобы онъ наконецъ мнѣ откликнулся. Со времени отъѣзда въ Петербургъ Рейфа, нѣтъ отъ него ни слова. Прошу его мнѣ прислать оставшіяся деньги отъ моей трети и кредитивъ отъ Сегена, какъ я было писалъ. — Обнимаю васъ. Вашъ Жуковскій.

Поклонъ отъ меня сердечный вашей доброй женѣ, а отъ моей жены ей и вамъ вмѣстѣ.

Прошу васъ доставить приложенное письмо дочери Козлова. Гдѣ она, узнáете отъ Антонины Блудовой или отъ графини Лаваль.

45.

6 (18) Ноября 1850 г. Спб.

Спѣшу успокоить васъ, Василій Андреевичь: нѣтъ ничего въ душѣ моей такого, что могло бы измѣнить отношенія наши. Я вамъ давно сказалъ, что вы для меня всегда были и навѣкъ останетесь усладою и очарованіемъ жизни. Вліяніе ваше на судьбу мою такъ многозначительно, что я не въ силахъ и опре-

дѣлить съ точностію, болѣе ли вы окружили меня счастіемъ какъ поэтъ, или какъ человѣкъ, или какъ гражданинъ. Вы указали мнѣ прямую и свѣтлую дорогу въ жизни ко всему, что я цѣню такъ дорого, чему я такъ сладостно вѣрю, и что я люблю такъ неизмѣнно. Безъ спѣси могу я повторить вамъ слова Карамзина, сказанныя имъ всѣмъ Русскимъ: «мы одно любимъ, одного желаемъ».

Если въ послѣднемъ письмѣ моемъ дѣйствительно можно было замѣтить нѣкоторую сухость — это надобно изъяснить двумя обстоятельствами: во-первыхъ преобладавшею тогда во мнѣ мыслію изложить ходъ вашего дѣла какъ можно яснѣе, обстоятельнѣе и короче; во-вторыхъ естественною меланхоліею, которая неизбѣжно наполняетъ сердце при разсказѣ о судьбѣ сочиненій такого писателя, который не только всѣми твореніями своими, но цѣлою жизнію своею и столь убѣдительно въ грамотѣ на орденъ Бѣлаго Орла выраженнымъ сознаніемъ Государя доблестныхъ заслугъ поэта, долженъ бы, кажется, защищенъ быть отъ мелкой придирчивости дюжинныхъ судей.

Вотъ и теперь надобно къ тому разсказу прибавить новости, конечно смѣшныя, но тѣмъ не менѣе печальныя, потому что узнаёшь изъ нихъ, какъ трудно самую свѣтлую мысль провести черезъ головы тупыя и отуманенныя отчасти невѣжествомъ, а отчасти ложнымъ страхомъ. Государь желаетъ, чтобы въ цензированіи книгъ какъ можно болѣе было вниманія, осторожности и ума. Онъ такъ обезпечилъ особу цензора, что каждому опредѣлилъ въ годъ жалованья по 3 тыс. руб. сер. Чтожъ цензорá? Они разочли, что легче всего сохранить эту благостыню, не пропуская ничего, что только мелькнетъ живаго: они знаютъ, что мѣсто ихъ можно потерять только за пропущенное, а не за вычеркнутое, какъ бы ни было несправедливо послѣднее. Ваша тетрадь, о которой я писалъ, что изъ Цензурнаго Комитета передана въ Главное Управленіе Цензуры, была тамъ разсматриваема, т. е. ее повертѣли, поглядѣли на нее, коё-что и прочли изъ нея, да и отдали на окончательное заключеніе одного изъ

членовъ — Мусина-Пушкина, какъ предсѣдателя нижней инстанціи, т. е. Цензурнаго Комитета. И онъ нѣсколько часовъ у себя повозился съ нею. Два узла держатъ все дѣло: они боятся имени вашего и не желаютъ прослыть обскурантами, а еще болѣе боятся — ну, если пропущенное не понравится кому нибудь повыше! Вотъ Мусинъ-Пушкинъ, ничего не сдѣлавъ, и взвалилъ опять всю отвѣтственность на цензора, первоначально читавшаго вашу рукопись (Шидловскаго), приказавъ ему приготовить новое донесеніе, самое подробное, которое бы побудило Главное Управленіе Цензуры наконецъ чѣмъ нибудь рѣшить это дѣло. Шидловскій потѣлъ, потѣлъ — и написалъ на васъ разборъ въ 20-ть листовъ. Это еще не внесено въ Главное Управленіе Цензуры. Но вы согласитесь, будетъ ли тамъ довольно времени въ засѣданіи прочесть эти 20-ть листовъ и провѣрить отзывъ цензора съ оригиналомъ вашимъ? Дѣло или передастся секретарю для составленія новой докладной записки, или просто будетъ тянуться до вашего пріѣзда. Послѣднее было бы еще лучше. Не согласитесь ли вы, что нынѣ цензура должна стать въ рядъ высшихъ государственныхъ дѣлъ, и слѣдовательно дѣйствительно полезными цензорами могутъ быть одни люди мало еще съ высшимъ образованіемъ, но и съ высшимъ положеніемъ въ обществѣ? Иначе никто не осмѣлится произнести твердое слово и благородно отстаивать истину, какъ этого хочется Государю. О другой вашей тетради и слуху нѣтъ, хотя она и 4 мѣсяца въ Духовной цензурѣ. Третья тетрадь, какъ я писалъ, у меня.

Вамъ странно, что я ничего не сказалъ о статьяхъ вашихъ. Но вы могли замѣтить, что, усердствуя все свершить по желанію вашему и съ Рейфомъ же возвратить къ вамъ процензированныя тетради, я едва позволилъ себѣ промедлить съ ними одну минуту, чтобы уничтожить одну указанную вами статью духовнаго содержанія, и немедленно всѣ три номера отправилъ по назначенію вашему. Я предпочелъ лишить себя удовольствія, чтобы только строго сохранить предписаніе ваше. Читать васъ, наслаждаться этимъ чтеніемъ, и по указаніямъ вашимъ перемѣнять

тамъ что-нибудь — я это все отложилъ до спокойнаго будущаго, какъ уже почувствую, что надъ нами проползла туча цензуры. То, что вы называете основными своими началами въ политикѣ и въ философіи и нравственности, а именно — христіанство и самодержавіе, христіанство и православіе, какъ день ясно мнѣ изъ статьи вашей, которая Норовымъ не пропущена и лежитъ теперь у меня. Въ ней отрывокъ современной исторіи проникнутъ такимъ могуществомъ логики и отлитъ въ такую форму неувядающей поэзіи, что для каждой литературы это былъ бы блестящій памятникъ. И у насъ онъ будетъ тѣмъ же, когда возметъ его въ руки судія, непоколебимый внѣшними предположеніями, и душою отдающійся владычеству мысли.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ полагаю, что выпускъ *полнаго* собранія сочиненій вашихъ лучше отложить до пріѣзда вашего сюда. Безъ васъ не разрубится Гордіевъ узелъ. Но, можетъ быть, отъ промедленія, на которое надобно положить еще годъ, очень чувствителенъ сдѣлается ущербъ капитала, уже издержаннаго вами на это изданіе: то неотлагательно прикажите— и мы къ Рождеству же выпустимъ *готовые* томы.

Г. Шилль еще не былъ у меня. Уже три дня, какъ мы на Васильевскомъ Островѣ заперты льдомъ Невы. Постоянный мостъ быстро подвигается къ окончанію и (какъ слышно) открытъ будетъ чрезъ двѣ недѣли, т. е. 21 Ноября. Я только 4-го Ноября возвратился въ Петербургъ изъ Старой Русы, куда съ женою ѣздилъ на двѣ недѣли. Тамъ лѣтомъ на водахъ лечилась ея мать, страждущая третій годъ ревматизмами, отъ которыхъ она безъ движенія. По этому-то невозможно было оттуда перевезти ее опять въ Петербургъ. Я уже сказывалъ вамъ, до какой степени жена моя любитъ свою мать. Можете вообразить, что̀ мы должны были чувствовать у постели этой страдалицы. Прибавьте къ этому трудности дороги и переправы черезъ рѣки въ позднюю осень: тогда вы составите понятіе, какія впечатлѣнія оставила въ моемъ сердцѣ эта поѣздка.

Къ Родіонову я напишу обо всемъ, лишь установится переправа черезъ Неву.

4-го же Ноября наконецъ возвратился сюда и князь П. А. Вяземскій. Онъ прислалъ ко мнѣ записку, приглашая къ себѣ. Но рѣка еще разлучаетъ насъ. Въ Москвѣ литераторы и дамы дали князю и княгинѣ такой праздникъ, отъ котораго у меня разогрѣлось сердце (изъ Штутгарта отъ секретаря Великой Княгини Ольги Николаевны истребуйте 249 № Спб. Вѣдомостей и прочитайте его описаніе). Въ Одессѣ тоже хорошъ былъ данъ для нихъ праздникъ, но Москва перещеголяла.

Моя жена отъ души благодаритъ васъ и жену вашу за память объ ней.

Около половины нынѣшняго мѣсяца мы ожидаемъ возвращенія сюда Цесаревича изъ-за Кавказа.

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Сію минуту услышалъ, что третьяго дня скончался нашъ Александръ Александровичь Кавелинъ.

Письмо Жуковскаго.

19 (31) Декабря 1850 г.

Мой любезнѣйшій Петръ Александровичь, сердечно поздравляю васъ и милую вашу жену отъ себя и отъ моей жены съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ новый годъ наконецъ отворилъ мнѣ дверь въ отечество и чтобы я опять нѣсколько времени вмѣстѣ съ вами пожилъ родною русскою жизнію. А вы, мой милый, кажется забыли, что обѣщали мнѣ писать каждыя двѣ недѣли. Вотъ уже гораздо за законный срокъ прошло послѣ вашего послѣдняго письма, за которое благодарю васъ всѣмъ сердцемъ, но которое меня разлакомило на дальнѣйшую отъ васъ покормку. Не скупитесь вашими подачами. Я же долженъ васъ предувѣдомить, что мои письма должны по необходимости съ настоящей минуты сдѣлаться еще короче и рѣже: мнѣ хочется много

наработать до моего отсюда отъѣзда; но вижу, что и половины того не успѣю сдѣлать что затѣялъ, хотя все время принадлежитъ мнѣ, хотя и живу въ полной независимости отъ внѣшняго, но на точную, подробную и постоянную переписку вовсе нѣтъ времени, какъ бы ни хотѣлось вести ее. Впрочемъ, сколь я ни лѣнивъ писать, мои друзья, кромѣ васъ однихъ и Булгакова, меня въ этомъ далеко перещеголяли. Вьельгорскій даже не вспомнилъ обо мнѣ въ такія минуты, когда это есть необходимость,—въ минуты горя, и не откликается мнѣ. Вяземскій не подѣлился со мною ни святынею Палестины, ни поэзіею Троады. Надѣюсь, что послѣ узнаю отъ него лицомъ къ лицу о томъ, что съ нимъ тамъ было. Боюсь только одного, доживу ли самъ до свиданія съ своими, уже теперь весьма немногими, подъ отеческимъ небомъ. Но вы, мой милый, пишите ко мнѣ, безъ всякой взыскательности, а просто по милости безкорыстной. Теперь отвѣчаю на послѣднее письмо ваше одною короткою строкою: *возьмите назадъ манускрипты мои изъ цензуры.* Я раздумалъ ихъ печатать и весьма радъ, что цензурныя затрудненія меня на то надоумили. Я не намѣренъ ничего впередъ печатать, кромѣ, разумѣется, если что напишется стихотворное. Теперь для меня наступила эпоха прозы. Я хотѣлъ дѣлиться съ своими соотечественниками тѣми мыслями, которыя жизнь развила въ головѣ и сердцѣ. Это не нужно; гораздо вѣрнѣе, покойнѣе и смиреннѣе думать и выражать искренно свои мысли про себя. Зачѣмъ подвергать себя недоразумѣнію, произвольному суду, и навлекать на себя неосновательныя обвиненія? Я знаю по совѣсти, что у меня въ томъ, что представлено въ манускриптахъ моихъ на судъ цензуры, нѣтъ ни одной вредной мысли. Можетъ быть, иное худо и неясно выражено; можетъ быть, иное ошибочно,—еще тотъ не родился, кто бы мыслилъ безошибочно—но вреднаго нѣтъ и быть не можетъ. Вредное выходитъ изъ источника нечистаго. По моему направленію философическому я строгій христіанинъ; я теперь вполнѣ убѣжденъ, что не можетъ быть другой философіи кромѣ христіанской, то есть кромѣ основанной на откровеніи. О разныхъ исповѣданіяхъ я не спорю; по моему глубокому

убѣжденію я принадлежу православію, и наиболѣе утвердился въ немъ въ послѣднее время жизни: но это однако не приводитъ меня ко мнѣнію, что ни католикъ ни протестантъ не могутъ быть вѣрующими христіанами Въ моихъ статьяхъ, написанныхъ въ смыслѣ христіанскомъ, могутъ быть ошибки противъ строгой теологіи: это весьма вѣроятно; я не теологъ, и въ этомъ отношеніи всякое незлонамѣренное опровержение моихъ мыслей принимаю съ покорностію, ибо совершенно увѣренъ, что всякое отступленіе отъ позитивнаго православія не должно быть у насъ допускаемо. Я охотно бы уничтожилъ и все то, что, будучи истинно само по себѣ, можетъ по неясности выраженія быть легко перетолковано въ худую сторону: я совершенно далекъ отъ всякаго произвольнаго скептицизма. Что же касается до другихъ моихъ мнѣній политическихъ, философическихъ и чисто литературныхъ, то я увѣренъ, что они не только не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго, но могли бы имѣть доброе вліяніе на русскихъ читателей и особенно на нашу молодежь. Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи неприкосновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны быть пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго высшей правдѣ. Судя самого себя съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое въ 67 лѣтъ весьма естественно, могу думать, что мой голосъ отозвался бы не въ одномъ умѣ, но и въ сердцѣ моихъ соотечественниковъ; особенно онъ принесъ бы пользу начинающемуся поколѣнію, которое мало у насъ въ отношеніи этомъ слышитъ добраго. — Но теперь, благодаря строгому суду нашихъ цензоровъ, я долженъ буду вѣроятно узнать что мои мысли могутъ быть незаконны и вредны. Смиряюсь напередъ и смиряюсь безъ всякой досады передъ ихъ приговоромъ. И это меня просвѣщаетъ вполнѣ насчетъ того, что я долженъ дѣлать. Я не покину пера, но навсегда отказываюсь отъ печатанія (прозы). Буду писать про себя и можетъ быть болѣе прежняго;

но безъ всякой гордой мысли автора, который полагаетъ, что всякое написанное имъ слово есть драгоцѣнная перла. Опять скажу: время прозы для меня наступило, то есть, время чистаго изложенія мыслей и убѣжденій, собранныхъ въ теченіе жизни. Многое сидитъ въ головѣ, что хотѣлось бы положить на бумагу. И это, если Богъ позволитъ, будетъ. Но оно останется про меня и про моихъ дѣтей. Такимъ образомъ отъ моей теперешней литературной дѣятельности отдѣлится всякій позывъ на хвастовство и похвалу, мысли пріобрѣтутъ болѣе простоты и искренности, выраженіе ихъ будетъ безъ кокетства; однимъ словомъ, будетъ во всемъ болѣе совѣсти, и умственная работа будетъ безъ всякой тревоги самолюбія, которое замышляетъ учить, боится противорѣчія и сердится на опроверженія. Искренно скажу вамъ, что меня эта перспектива одинокой, ничѣмъ не тревожимой работы радуетъ; есть что-то очаровательное въ этой тайнѣ души, доступной только ей одной и еще немногимъ, съ которыми она ими захочетъ подѣлиться. Я очень благодаренъ цензурѣ за то, что она такъ строго меня приняла въ руки: страсть печатать есть надменность; писать про себя есть самая чистая дѣятельность; есть разговоръ безпристрастный съ своею совѣстію и письменный протоколъ всѣхъ мнѣній pro и contra.—Однимъ словомъ, возмите изъ цензуры обратно мои манускрипты; прочитайте ихъ вы и Вяземскій и никто болѣе (развѣ если захочетъ Цесаревичъ) и потомъ отошлите ихъ по слѣдующему адресу: Ея Высокоблагородію Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной въ Бѣлевѣ, въ селѣ Петрищевѣ, чтобы хранила у себя до моего возвращенія въ Россію. — На всякій случай было бы не худо, если бы вы велѣли переписать на мой счетъ одинъ экземпляръ и оставили его у себя до моего пріѣзда. Чтеніе моихъ статей подало бы вамъ поводъ дѣлать мнѣ замѣчанія pro и contra, а мнѣ подало бы также поводъ отвѣчать вамъ, съ вами соглашаться или оправдывать и тѣмъ объяснять свои мысли. О печатаніи не тужу нисколько; напротивъ радуюсь, что не буду ничего печатать ни теперь, ни послѣ.—Сердечно обнимаю васъ и Вяземскаго, которому сообщите это письмо.

Если не захотятъ вамъ возвратить моихъ манускриптовъ, то прибѣгните къ покровительству Цесаревича: они моя неотъемлемая собственность. Простите.

Вашъ Жуковскій.

46.

Праздникъ Рождества Христова, 25 Декабря 1850 г.

16-го Декабря возвращена мнѣ рукопись ваша, Василій Андреевичъ, та, которую отдавалъ я въ Духовную цензуру. Она проживала въ ней съ 18 Іюля — ровно 5 мѣсяцевъ. Какая-то духовная особа, не означившая на ней имени своего, карандашемъ нацарапала на *вашей* рукописи слѣдующія *историческія* слова: «Авторъ слѣдуетъ одному французскому писателю, котораго представляетъ святымъ, но который однакожъ неизвѣстенъ «и не признанъ въ нашей Церкви, и его мысли, изложенныя Жуковскимъ, не отличаются вѣрностію и основательностію. Собственныя мысли Жуковскаго также требуютъ исправленія въ «отношеніи къ точности и ясности. Потому статьи не иначе могутъ быть одобрены къ напечатанію, какъ по исключеніи всего, «что касается французскаго писателя, и исправленіи собственныхъ мыслей Жуковскаго». Меня это нисколько не удивило, потому что я довольно привыкъ къ мнѣніямъ этой цензуры. Полагаю, что и вы на это не болѣе какъ только улыбнетесь.

Вчера призвалъ меня къ себѣ нашъ министръ, и показавъ мнѣ тетрадь вашу № 1, сказалъ: «Эта рукопись находилась поочередно у всѣхъ членовъ Главнаго Управленія Цензуры. Общее заключеніе вышло то, что безъ Высочайшаго разрѣшенія «нельзя ее печатать. Поэтому я намѣренъ представить ее на «благоусмотрѣніе Государя. Но какъ она переписана не четко; то «возьмите ее къ себѣ, наймите вдругъ нѣсколько писцовъ, потомъ свѣрьте копію съ оригиналомъ — и поскорѣе доставьте «все мнѣ». Заранѣе предчувствуя, что безъ вашего здѣсь при-

сутствія всѣ эти пересылки не дадутъ хода новымъ сочиненіямъ вашимъ, я отвѣчалъ министру такъ: «Мнѣ извѣстно, что В. А. весною сюда пріѣдетъ; и такъ я прошу эту рукопись до его прибытія оставить безъ движенія, тѣмъ болѣе, что мнѣ трудно отвѣчать, дѣйствительно ли въ копіи не останется чего нибудь безъ ошибокъ». Тогда министръ сказалъ: «Я и согласенъ бы на это «былъ, если бы не полагалъ, что Государь можетъ самъ потре-«бовать къ себѣ этой рукописи, такъ какъ о ней знаетъ уже и «графъ Орловъ». Послѣ этого я могъ только упросить министра, чтобы онъ мнѣ далъ сроку 20 дней, по истеченіи которыхъ я получу ваше распоряженіе, нанимать ли мнѣ переписчиковъ, или просить отложить все это дѣло до вашего сюда пріѣзда. Теперь поспѣшите мнѣ развязать руки. Но я все остаюсь при мысли, что для успѣха необходимо, чтобы всѣ новыя сочиненія ваши проходили по цензорамъ при васъ: иначе дѣло будетъ проиграно.

Сейчасъ я былъ у Цесаревича. Онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за два къ нему письма, особенно за то *милое* (выраженіе Е. В.) письмо, въ которомъ вы поздравляете его съ Георгіевскимъ крестомъ.

Прощайте, добрый другъ Василій Андреевичъ. Спѣшу въ церковь. Да пошлетъ Господь съ Новымъ годомъ вамъ и женѣ вашей новыя силы и здоровье.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Друзья ваши всѣ здоровы.

Письмо Жуковскаго.

3 (15) Генваря 1851 г.

Сію минуту, собираясь отсылать на почту мое письмо къ вамъ, нѣсколько дней уже написанное, получилъ я ваше доброе новое письмо, любезнѣйшій другъ. На него мнѣ отвѣчать много нечего; все напередъ сказано въ письмѣ здѣсь приложенномъ. Прибавлю нѣсколько словъ: духовный неизвѣстный вамъ цензоръ

ошибается, утверждая что я называю Лувиньи святымъ [1]); этого нигдѣ нѣтъ въ моей статьѣ. Что въ моихъ собственныхъ мысляхъ можетъ быть теологическая ошибочность и неясность, противъ этого ни слова; на всякую поправку я согласенъ. Но это согласіе не нужно: я раздумалъ печатать свою прозу. Что же касается до другихъ статей, то я и самъ думаю, что ихъ безъ Высочайшаго разрѣшенія печатать нельзя. Въ двухъ говорится о Государѣ; на напечатаніе ихъ должно быть дано свыше позволеніе. Одна по своему содержанію есть письмо къ Наслѣднику о Радовицѣ, въ которомъ, заступаясь за Радовица, я говорю о его политикѣ не въ томъ смыслѣ, какой находитъ въ ней наше правительство: это письмо вѣроятно одобрено не будетъ, и его слѣдовало бы вовсе исключить изъ манускрипта. Но это теперь ненужно: я не намѣренъ печатать ничего въ прозѣ, кромѣ развѣ моихъ грамматическихъ таблицъ, моей живописной азбуки, моей живописной священной исторіи, моей мнемонической ариѳметики и моего историческаго атласа древней исторіи, который постараюсь привести къ окончанію до моего отъѣзда изъ Бадена. — Простите. Еще разъ обнимаю васъ; отвѣчайте немедленно.

Ж.

47.

21 Марта (2 Апр.) 1851 г. Спб.

Иванъ Осиповичъ Шпле былъ у меня два раза. Я познакомилъ его съ моею женою. Онъ можетъ нѣсколько поразсказать вамъ, добрый другъ Василій Андреевичъ, о нашемъ житьѣ. У меня все шло бы прекрасно, если бы здоровье жены моей не разстраивалось отъ тяжкой и безконечной болѣзни матери ея. Кажется, я уже писалъ вамъ, что этой страдалицѣ присовѣтовали прошлымъ лѣтомъ изъ Петербурга переѣхать въ Старую Русу, гдѣ она не только не получила никакого облегченія, но и дошла

---

[1]) См. въ 7-мъ изд. сочиненій Жуковскаго (т. VI) статью: «О внутренней христіанской жизни». Ср. выше, стр. 688.

до послѣдней степени разслабленія, которое не позволяетъ перевезти ее сюда обратно. Жена моя уже три раза туда ѣздила. Осенью въ ужасную распутицу и я тамъ былъ съ нею. Въ послѣдній разъ она отправилась къ матери въ послѣднихъ числахъ Января въ ужаснѣйшіе холода и вѣтеръ. Это произвело у нея такой кашель, что и теперь она не можетъ отъ него освободиться, что меня несказанно огорчаетъ и тревожитъ за нее.

Дочь мою, какъ вы уже знаете отъ меня, я выдалъ за мужъ за Лакіера, молодаго человѣка съ хорошимъ образованіемъ, съ хорошими правилами и для начала очень счастливаго по службѣ у графа Панина.

Изъ общихъ знакомыхъ нашихъ теперь здѣсь А. О. Смирнова. Ея мужъ, по увольненіи отъ губернаторства, причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Говорятъ, будто князь Давыдовъ, ревизовавшій губернію, отозвался, что хотя онъ и не нашелъ никакихъ упущеній по должности со стороны Смирнова, но полагаетъ, что лучше не оставлять его на этомъ мѣстѣ. У Смирновой уже двѣ большія дочери. Ея здоровье лучше прежняго.

Князь П. А. Вяземскій иногда, какъ и всѣ мы, прихварываетъ; а его сынъ, князь Павелъ, былъ боленъ не на шутку. Теперь и онъ поправился. Я слышалъ, будто онъ будетъ отправленъ къ нашей миссіи въ Голландію.

Гоголь теперь живетъ въ Одессѣ, а лѣтомъ пустится опять на Востокъ. Смирнова читала съ нимъ вторую часть его Мертвыхъ Душъ, и говоритъ, что лучше этого ничего вообразить нельзя.

Віельгорскихъ я почти не видаю. Графъ Владиміръ Соллогубъ переѣхалъ на службу изъ Петербурга въ Тифлисъ къ князю Воронцову. Софья Михайловна осталась пока здѣсь.

Теперь Петербургъ занятъ весь выставкою художественныхъ вещей и рѣдкостей частныхъ лицъ въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ. Это собраніе, помѣщенное въ Академіи Художествъ, гораздо занимательнѣе обыкновенныхъ академическихъ выставокъ. Государя Наслѣдника я видаю не часто. Онъ всегда такъ задавленъ дѣлами, что совѣстно отнять у него и минуту. Недавно

съѣздилъ онъ въ Гельзингфорсъ, гдѣ нашалили студенты, не въ ладахъ состоящіе съ ближайшимъ своимъ начальникомъ вице-канцлеромъ [1]). Цесаревичъ уладилъ это дѣло прекрасно, великодушно и для обѣихъ сторонъ успокоительно.

Вы не говорите ни слова о выпускѣ въ свѣтъ «Полнаго Собранія вашихъ сочиненій». Когда же наступитъ этому срокъ?

Пріѣзжайте сами сюда поскорѣе. Лѣто я проведу по обыкновенію въ Лѣсномъ Институтѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Три письма Жуковскаго.

1.

18 Апрѣля 1851 г. [2]).

Христосъ воскресе, добрый другъ Петръ Александровичь; благодарствуйте за ваше послѣднее дружеское письмо. Я могъ бы на него не отвѣчать, ибо предувѣдомилъ васъ, что будучи занятъ съ утра до вечера, могу писать только маленькія записочки; но не могу не сказать вамъ во первыхъ христіанскаго, братскаго привѣта, во вторыхъ доброй вѣсти, что я не на шутку готовлюсь къ отъѣзду. Благослови Богъ довести къ концу это начало, то есть довесть меня къ вамъ. Вы же, мой милый, были въ послѣднее время крѣпко лѣнивы на письма и двунедѣльный срокъ былъ вами немилосердо нарушенъ. Я ждалъ, что моя бѣдная проза, потерпѣвшая цензурное кораблекрушеніе, вызоветъ васъ на бесѣду со мною, что вы на многія мысли мои откликнетесь вашими pro или contra. Не тутъ-то было. Я даже не знаю, полюбопытствовали ли вы что нибудь прочитать. Не только цензура вытолкала въ шею прозаическое дитя мое изъ отечественной гостиной,

[1]) Генераломъ И. И. Норденстамомъ, занимавшимъ эту должность съ 1847 года. До того онъ былъ губернаторомъ бывшей Кавказской области, почему финляндцы и находили, что онъ явился между ними съ «русскими понятіями».

[2]) На подлинномъ письмѣ нѣтъ этого числа; но рукою Плетнева означено, что оно получено 25-го апрѣля и что онъ отвѣчалъ 1-го мая. Этотъ отвѣтъ, такъ же какъ и отвѣтъ на слѣдующее за симъ письмо, не сохранился

но и мои родные судьи не приняли его въ свой кабинетъ. А вы еще въ передпослѣднемъ письмѣ своемъ говорите, что я не долженъ приходить въ *отчаяніе* и что нельзя никакъ писать только *про себя*. Первое, признаюсь, было мнѣ нѣсколько не по сердцу: гдѣ же нашли вы въ моихъ письмахъ отчаяніе? Что я рѣшился не печатать написаннаго, значитъ только то, что я не нахожу никакой нужды печатать: что написано, то написано, и минуты, въ которыя мысль выливалась на бумагу опредѣленнымъ словомъ, были для меня минутами внутренней дѣятельности, которыя составляютъ для меня главное и лучшее содержаніе жизни. Раздѣлъ такихъ минутъ съ *близкими* мнѣ есть второе, но уже менѣе значительное ея содержаніе. Выпускъ изъ уединенія мысли на толкучій рынокъ любителей полезнаго и пріятнаго чтенія не имѣетъ для меня никакой цѣны — конечно хвала щекочетъ самолюбіе и тѣмъ хуже. Хвала свѣта есть русалка, которая щекотаньемъ своимъ убиваетъ и замучиваетъ хохотомъ до смерти.

Нѣтъ, мой милый, я совсѣмъ не въ отчаяніи, что моя проза не пошла въ ходъ; такого рода горе мнѣ не по лѣтамъ. А про себя писать буду; это есть великое наслажденіе, для меня же и необходимое потому, что мои мысли приходятъ въ ясный порядокъ только тогда, когда перо въ рукахъ моихъ. Оно ловитъ ихъ на лету и приковываетъ къ бумагѣ; иначе онѣ и для меня самаго остались бы мимопролетѣвшими тѣнями, никакого слѣда не оставившими за собою. Феноменъ довольно замѣчательный: результатъ моего воспитанія и прошедшей моей жизни. — Отправили ли вы копію съ манускрипта моего къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной? не полѣнитесь позаботится объ этомъ.

Я отправляюсь изъ Бадена въ концѣ Іюня. Прежде въ Остенду на мѣсяцъ для морскихъ ваннъ; потомъ черезъ Берлинъ и Таурогенъ или черезъ Берлинъ и Варшаву въ Россію; пошлю семью въ Дерптъ, а самъ въ Петербургъ къ вамъ, гдѣ и опредѣлится дальнѣйшая судьба моя. Отъ васъ еще могу получить нѣсколько писемъ; передъ отъѣздомъ изъ Бадена еще разъ напишу о себѣ. Скажите отъ меня А. О. Смирновой, что ея совершенное забве-

ніе бытія моего меня давно и весьма огорчаетъ. На три письма моихъ она мнѣ не отвѣчала и даже не обратила никакого вниманія на мою просьбу о моей крестницѣ, шуточно написанную, но по своему содержанію не шуточную. Я просилъ ее откликнуться мнѣ — напрасно. И Вьельгорскіе меня вовсе бросили. Однако мнѣ будетъ большая радость всѣхъ ихъ увидѣть.— Всѣмъ сердцемъ дѣлю ваши семейныя тревоги. Надѣюсь, что весна исцѣлитъ вашу добрую жену. Я знаю по собственному долговременному опыту, каково быть свидѣтелемъ страданія матери семейства, которымъ всякое домашнее счастіе сокрушается. Помоги вамъ Богъ!

Вашъ всемъ сердцемъ Жуковскій.

(Съ боку приписано:) О публикаціи сочиненій моихъ позаботимся вмѣстѣ.

2.

9 (21) Мая 1851 г. Баденъ.

Мой милый Петръ Александровичъ, напрасно вы попрекаете мнѣ мою лѣнь. Вы болѣе нежели я виноваты. Вы обѣщали мнѣ лакомить меня каждыя двѣ недѣли письмецомъ, давъ мнѣ полное право не наблюдать точности въ отвѣтахъ моихъ. Я своимъ правомъ воспользовался, а вы свое обѣщаніе не слишкомъ точно исполнили; особливо въ послѣднее время мы какъ будто помѣнялись ролями. Другое ваше обвиненіе совсѣмъ несправедливо: вы спрашиваете, зачѣмъ я васъ маню обѣщаніями пріѣхать въ Россію, и все не ѣду. Неужто думаете вы, что я играю тутъ комедію? Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Причина, которая меня удерживаетъ начужѣ, не радостная; она всю семейную жизнь мою портитъ. Вотъ и теперь я не на шутку готовлюсь къ отъѣзду. Домъ для меня будетъ нанятъ въ Дерптѣ. Многія издержки будутъ сдѣланы; отправлю впередъ пожитки, о пропускѣ которыхъ уже я просилъ и министра. Большая дыра будетъ сдѣлана въ моемъ небольшомъ капиталѣ—но могу ли знать, что случится съ женою, которой болѣзнь уже шестой годъ судьбу мою раз-

рушаетъ. Вамъ легко вдалекѣ на просторѣ судить и осуждать. А мнѣ въ удѣлъ досталась на старости не легкая ноша. Но дѣло не объ томъ — что Богъ велитъ, то и будетъ. Мой отъѣздъ изъ Бадена пока твердо назначенъ въ концѣ Іюня н. с., сперва въ Остенду недѣли на три, потомъ въ обратный путь черезъ Дрезденъ и Варшаву; изъ Варшавы жена отправится прямо въ Дерптъ, а я въ Москву и оттуда черезъ Петербургъ въ Дерптъ. Вотъ пока мой планъ. Буду счастливъ, если напишется на немъ Божіе *быть по сему*. Каждый день утромъ и вечеромъ между прочими молитвами говорю передъ Богомъ: возврати меня въ отечество. Будетъ ли эта молитва исполнена, это Его воля. Во всякомъ случаѣ: до свиданья! Вашъ всѣмъ сердцемъ Жуковскій.

Судьба изданія моихъ сочиненій устроится при моемъ возвращеніи; до тѣхъ поръ пускай они спокойно спятъ въ подвалѣ.

3.

13 Августа 1851 г. Баденъ [1]).

Грѣхъ вамъ, Петръ Александровичъ, что вы меня такъ совершенно бросили. Сколько времени, какъ я ничего отъ васъ, ни объ васъ не слышу. Но дѣло теперь не о томъ. За шесть недѣль передъ этимъ я долженъ былъ выѣхать изъ Бадена—вдругъ напалъ на глазъ ревматизмъ, и я еще по сію пору не знаю, когда выѣду: пишу къ вамъ съ закрытыми глазами, пользуясь мною выдуманной на слѣпоту машинкой Пишу для того, чтобъ вы мнѣ сказали подробно, что дѣлается съ Вяземскимъ. Здѣсь слышу объ немъ страшное, душу сокрушающее. Напишите поскорѣе: куда повезли его? Не встрѣчусь ли съ нимъ на дорогѣ? Письмо ваше или застанетъ меня въ Баденѣ, или его перешлютъ мнѣ въ Дрезденъ — во всякомъ случаѣ напишите немедленно. Сердце болитъ и глаза плачутъ. Вашъ Жуковскій.

---

[1]) Начиная съ этого, письма Жуковскаго писаны карандашемъ, крупнымъ почеркомъ, напоминающимъ древній уставъ.

48.

22 Августа (3 Сентября) 1851 г. Спасская мыза близъ Спб.

Если бы сами вы, добрый другъ Василій Андреевичь, не предувѣдомили меня, что не для чего писать къ вамъ болѣе за границу, и если бы письмо Коссовича, изъ Баденъ-Бадена ко мнѣ недавно присланное, не подтвердило повсюду слышаннаго мною извѣстія, что вы отправляетесь въ Россію, именно съ тѣмъ, чтобы къ 22-му Авг. поспѣть въ Москву, то конечно я и нѣсколько разъ успѣлъ бы вамъ написать о Вяземскомъ.

Его болѣзнь, отъ которой онъ страдаетъ только по ночамъ, обнаруживается дрожаніемъ нѣкоторыхъ членовъ, на прим. руки, ноги и проч. Это не сообщаетъ ему физическаго страданія, но сильно поражаетъ воображеніе его, такъ что ему приходитъ въ голову, будто онъ непремѣнно отъ этого сойдетъ съ ума, или сдѣлается самоубійцею. Въ испугѣ отъ такихъ мыслей онъ молится Богу и проситъ Господа скорѣе послать ему христіанскую кончину. Тревожимый подобнымъ образомъ, онъ не спитъ, что увеличиваетъ разстройство нервовъ его. Сдѣлавшись боязливымъ и опасливымъ, онъ желаетъ всегда оставаться безъ общества, что естественно увеличиваетъ мрачность мыслей его.

Все это началось съ отъѣзда сына и его семейства, которое въ продолженіе зимы наполняло обществомъ всѣ свободные часы его.

На свою дачу, которая близко моей, онъ переѣхалъ тогда, когда жена моя отправилась въ Старую Русу. По этому Вяземскій, зная, что я одинъ, иногда приходилъ ко мнѣ и вообще со мною всегда былъ какъ совершенно здоровый. Послѣ онъ просилъ, чтобы я ежедневно утромъ и вечеромъ проводилъ съ нимъ время. Такъ мы и прожили три съ половиною мѣсяца. Кромѣ княгини и меня, онъ никого не желалъ видѣть и не принималъ. На двѣ недѣли ѣздилъ онъ въ Ревель. Но какъ погода тамъ была скверная, то онъ и воротился назадъ. Я простился съ нимъ въ

день его отъѣзда за границу. Онъ только сказалъ: жаль, что вчера вы не были у меня; мнѣ было очень хорошо; прощайте; крѣпко обоймите Жуковскаго. Въ его наружности не произошло никакой перемѣны.

Я полагаю, что вы съѣдетесь съ нимъ въ Дрезденѣ. Безъ сомнѣнія путешествіе и общество сына съ его семействомъ пособятъ возвращенію здоровья его. Не надобно теперь покидать его одного, безъ людей, съ которыми онъ любилъ жизнь.

Отправленіе Ихъ Величествъ въ Москву было эпизодомъ изъ Лалла-Рукъ. 18-го числа Императрица въ 10 часовъ вечера прибыла на желѣзную дорогу [1]). Тамъ приготовлена была ея почивальня. На другой день въ 3 ч. и 36 мин. утромъ поѣздъ тронулся — и черезъ 19 часовъ всѣ были въ Москвѣ. Пріѣхали бы въ 16 часовъ, да Государь останавливался на серединѣ дороги благодарить строителей.

Я васъ жду нетерпѣливо. У меня все благополучно. Вчера похоронили жену добраго графа Местра. Прощайте.

Вашъ вѣчно П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

1 (13) Сентября 1851 г. Баденъ.

Благодарствуйте, мой милый другъ Петръ Александровичь, за письмо ваше; оно почти успокоило меня на счетъ Вяземскаго: если его отправили къ сыну въ Голландію, то это съ надеждою и вѣроятностію изцѣленія: ему нужно быть въ семьѣ, между друзьями, далеко отъ мрачныхъ воспоминаній Петербурга. Меня напугали слухи совсѣмъ иного рода. Благословенъ Богъ! страхъ и горе были напрасны.

Отъ Родіонова вѣроятно вы уже слышали о томъ, что всѣ мои планы вдругъ неожиданнымъ и самымъ прискорбнымъ обра-

---

[1]) Этимъ началось движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ.

зомъ для меня разрушилась. Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу взаперти въ темнотѣ и не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться свовдухомъ — всѣ прекрасные дни лѣта мною потеряны; и покамѣсть рѣшилось дѣло тѣмъ, что мнѣ объ отъѣздѣ въ Россію теперь и думать нельзя. Уже осень: холодъ мнѣ вреденъ; солнечнаго свѣта еще не могу терпѣть; а послѣ бѣлизна русскаго снѣга и совсѣмъ доконала бы глазъ — эта бѣда случилась со мною дня за два до назначеннаго мною выѣзда. Я вижу въ ней однако указаніе Провидѣнія: она особенно можетъ послужить къ добру для моей жены, которая весьма еще далеко отъ изцѣленія. Не смотря на это, я бы поѣхалъ непремѣнно; моя болѣзнь обратила отъѣздъ въ совершенную невозможность. И жена моя уже воспользовалась моимъ затворничествомъ, чтобы въ продолженіе четырехъ недѣль прекраснѣйшей погоды брать ванны въ текучей водѣ, чего бы ей нельзя было сдѣлать, если бы мы поѣхали; и зима будетъ ей вѣроятно полезна въ отношеніи ея леченія. Для меня же перспектива невеселая: мои работы будутъ жестоко хромать отъ невозможности употреблять глаза, ибо моя болѣзнь можетъ продолжиться еще недѣли. Постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный! Вотъ напримѣръ я давно уже приготовилъ машинку для писанія на случай угрожающей мнѣ слѣпоты—эта машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому: могу писать съ закрытыми глазами; правда, написанное мнѣ трудно самому читать; въ этомъ мнѣ поможетъ мой камердинеръ. И странное дѣло! почти чрезъ два дни послѣ начала моей болѣзни загомозилась во мнѣ поэзія и я принялся за поэму[1]), которой первые стихи мною были написаны тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвита, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину и до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ—вдругъ дѣло само собою началось, все льется извнутри; обстоятельства

---

[1]) Агасферъ, или Вѣчный Жидъ.

свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно и чего самъ читать не могу, именно въ то время когда оно мнѣ нужно для хода впередъ: что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ въ слухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію: въ связи же читать не могу безъ него: такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику и самъ еще не знаю, каково тó, что до сихъ поръ слѣплено ощупью — кажется однако живо и тепло. Содержанія не стану разсказывать: дай Богъ кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено: если *напишется такъ какъ думается*, то это будетъ моя лучшая, высокая, лебединая пѣснь. Потомъ, если Богъ позволитъ кончить ее, примусь за другое дѣло, за Иліаду. У меня уже есть точно такой нѣмецкій переводъ, съ какого я перевелъ Одиссею; и я уже и изъ Иліады перевелъ двѣ пѣсни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу — я былъ занятъ составленіемъ моего педагогическаго курса, который въ своемъ родѣ будетъ замѣчательное созданіе, и наработалъ пропасть, но все еще только одно начало; нынѣшнею зимою этою работою заняться не могу: глаза не позволятъ; надобно много читать и особенно много рисовать, что для больныхъ глазъ убійственно. Для Иліады же найду нѣмецкаго лектора: онъ будетъ мнѣ читать стихъ за стихомъ: я буду переводить и писать съ закрытыми глазами, а мой камердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, поправлять его и переписывать. И дѣло пойдетъ какъ по маслу. — О дѣлѣ изданія сочиненій моихъ пишу къ Родіонову. Изъ моего письма увидите, въ чемъ дѣло.

Обратитесь и отъ себя и отъ меня къ В. К. Можете показать ему и это письмо, изъ котораго увидитъ онъ, что я дѣлаю. Прошу васъ не сложить съ себя ветхаго человѣка, а напротивъ возвратиться къ ветхому человѣку, то есть къ тому, который во время оно обѣщалъ писать ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ и нѣсколько времени былъ вѣренъ этому обѣщанію, не требуя моихъ отвѣтовъ. Ваши письма теперь мнѣ нужнѣе стали; мое положеніе требуетъ помощи: можно притти въ уныніе. Что если бы не

сохранилъ мнѣ милосердый Богъ возможности заниматься! И такъ пишите, пишите.

Скажите отъ меня Вьельгорскому, что толстѣть, ѣсть за четырехъ и не писать писемъ къ друзьямъ еще весьма простительно. Но такъ вычеркнуть меня изъ книги живыхъ, что не подумать меня увѣдомить о бѣдѣ, какая случается съ моими друзьями, это непозволительно, обидно и очень больно. Онъ былъ при отправленіи Вяземскаго — (это пишетъ мнѣ жена Павла Вяземскаго, которая еще сама не знаетъ, гдѣ онъ): — что бы обо мнѣ вспомнить! Прошу васъ не забывайте меня.

Вашъ Жуковскій.

49.

11 (23) Сентября 1851 г. Спб.

Сегодня получилъ я ваше письмо, добрый другъ Василій Андреевичь, отъ 1 (13) Сент. Очень хорошо, что оно явилось: я непремѣнно хотѣлъ и безъ того писать къ вамъ сегодня же. Я спѣшу передать вамъ одно нерадостное извѣстіе, но тѣмъ не менѣе умилительное и, могу сказать, отрадное для насъ всѣхъ. Вчера всѣ мы, живущіе и случившіеся въ Петербургѣ, друзья Карамзина, друзья Жуковскаго и друзья Пушкина, подъ ту же надпись: «Блажени чистіи сердцемъ», которая такъ мирила насъ съ волненіями жизни и ограждала отъ всего недостойнаго, подъ ту же надпись положили тѣло прекрасно совершившей путь свой подруги нашего Карамзина, Катерины Андреевны. Она скончалась въ тотъ самый день, въ который вы писали ко мнѣ свое послѣднее письмо, т. е. 1 (13) Сент. Кончина ея послѣдовала близъ Ополья въ деревнѣ у Мещерскихъ, гдѣ проводила она все нынѣшнее лѣто. Больна она не была, и скончалась мгновенно отъ аневризма. По тайному предчувствію, сверхъ ожиданія, за два дня до этого пріѣхалъ къ ней изъ Гельзингфорса сынъ ея Андрей и гостившій у него внукъ ея, старшій Мещерскій. Эти два дня

исполнены были для нея чистѣйшихъ радостей. Другихъ сыновей здѣсь нѣтъ: они въ своихъ имѣніяхъ. Ночью, передъ кончиною, она почувствовала легкое нездоровье въ желудкѣ. Вставши и оправившись, сѣла она въ кресла. Женщина, при ней бывшая, вышла и черезъ нѣсколько минутъ едва услышала обыкновенный, самый тихій ея кашель. Возвратившись къ ней, она нашла ее уже скончавшеюся. Тѣло ея перевезли сюда. Софья и Елизавета Николаевны, Андрей съ Авророю [1]) и всѣ мы проникнуты были однимъ чувствомъ глубокой горести о потерѣ и отраднаго умиленія при видѣ праведницы, напутствуемой столь общимъ и искреннимъ благоговѣніемъ къ ея добродѣтелямъ. Въ эти минуты я не переставалъ думать о васъ и общей судьбѣ нашей, которая столько благородныхъ сердецъ въ одну эпоху соединила на пути къ одной прекрасной цѣли. Моя жена благословляла Провидѣніе, что ему угодно было и ее примкнуть, хоть въ послѣдніе наши годы, къ этому кругу. Мало осталось насъ — и тѣ раздѣлены пространствомъ. Но это не мѣшаетъ быть намъ душою вмѣстѣ. Освятимъ же послѣдніе годы жизни своей крѣпче соединенными усиліями въ оправданіи евангельскихъ началъ, во всемъ руководившихъ насъ—Вѣры, Любви и Надежды.

Я давно не видалъ Родіонова; но теперь поѣду къ нему переговорить съ нимъ обо всемъ по вашему письму. Изобрѣтенная вами машина для письма съ завязанными глазами прекрасна. Теперешній почеркъ вашъ несравненно разборчивѣе прежняго. Ужели нельзя дойти и до того, чтобы вмѣсто карандаша писать чернилами? Я въ восхищеніи отъ того, что вы принялись за оригинальную новую поэму. Эта лебединая пѣснь не должна затягиваться — и такъ какъ ея начало было быстро, вѣроятно Богъ дастъ, и конецъ подвинется скоро. Не перемѣняйте своего плана:

---

[1]) Аврора Карловна Карамзина, рожденная Шернваль, въ первомъ бракѣ Демидова, финляндка по происхожденію, знаменитая своею красотою и воспѣтая Баратынскимъ въ извѣстныхъ стихахъ:

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари! и т. д.

сперва раздѣлайтесь съ поэмою своей, а потомъ уже переходите къ Иліадѣ. Педагогической курсъ долженъ совершаться независимо отъ поэзіи. Распредѣлите свои часы трудовъ такъ, чтобы и здоровье ваше отъ нихъ не страдало, и чтобы все у васъ шло ровнымъ шагомъ.

Если найду необходимую надобность, то съѣзжу въ Царское Село къ Его Высочеству Наслѣднику и покажу письмо ваше. На мою дѣятельность и исправность въ корреспонденціи можете положиться: я только тогда перестаю писать, когда не знаю, гдѣ найти васъ.

Вьельгорскихъ трудно гдѣ нибудь встрѣтить, особенно лѣтомъ. Вяземскіе безъ сомнѣнія пріѣдутъ къ вамъ.

Обнимаю васъ нѣжно и крѣпко. Ваши стихи Е. В. Маріи Николаевнѣ разстрогали меня до слезъ.

П. Плетневъ.

50.

1 (13) Октября 1851 г. Спбургъ.

Съ 1-го числа воспринимаю на себя ту обязанность, которую вы, добрый, безцѣнный другъ мой, Василій Андреевичъ, возлюбили во мнѣ какъ въ ветхомъ человѣкѣ: пишу къ вамъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не пропускать ни 1-го, ни 15 чиселъ безъ писемъ. Отъ васъ ничего больше не прошу, какъ своевременнаго предварительнаго увѣдомленія въ случаѣ перемѣны вашего жительства. Пока зрѣніе ваше не укрѣпится, и отъ этой обязанности вы можете уволить себя, передавъ ее тому, кто такъ прекрасно по русски надписываетъ адресы на вашихъ ко мнѣ письмахъ. Не можете ли вы между прочимъ продиктовать ему описаніе той чудной машинки, посредствомъ которой вы такъ разборчиво ко мнѣ карандашемъ пишете? Въ наши лѣта всѣмъ намъ полезно запастися благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ вашимъ.

Поговорю теперь о вашихъ рукописяхъ, не пропущенныхъ въ печать цензурою. Оригиналы, какъ вы желали, давно ото-

сланы мною въ Москву къ А. П. Елагиной. Слѣдовательно передо мною нѣтъ и помѣтокъ, проведенныхъ на нихъ рукою цензора. У меня однѣ чистыя копіи, по вашему желанію приготовленныя на случай вашего сюда прибытія. Но я наизусть могу сообщить вамъ то, что въ пьесахъ вашихъ затрудняло цензуру.

1. *Русская и Англійская политика.* Общая цензура подобныхъ статей ни у кого сама собою не разрѣшаетъ. Полагаю, что это было представляемо на Высочайшее усмотрѣніе. Ежели не послѣдовало соизволенія, причиною всегдашняя скромность Русской политики, не вступающей въ состязаніе съ Западною Европой. 2. *Философическій языкъ.* Тутъ ничего нѣтъ ни политическаго, ни религіознаго. И потому отдѣльно отъ прочихъ она прошла бы безпрепятственно. 3. *Аксіомы.* Здѣсь много касающагося Духовной цензуры, которая по видимому все отвергаетъ, что пишетъ о религіи и Богѣ человѣкъ свѣтской. 4. *Истина.* Тоже надобно думать, что сказано и о статьѣ подъ № 3-мъ. 5. *Наука.* Опять прикосновеніе къ теологіи. Но если бы вы здѣсь были сами и лично объяснились съ цензурою, думаю, это все могло бы пройти. 6. *О меланхоліи въ жизни и поэзіи.* Снова прикосновеніе къ Духовной цензурѣ. Нужно вамъ самимъ отдѣлить то, что касается до истинъ общихъ. 7. *Письма къ Гоголю.* Ихъ три. О смерти и о молитвѣ ужъ по самому заглавію требуютъ Духовной цензуры. Третіе: Слова поэта—дѣла поэта. Оно, какъ я думаю, пройдетъ. 8. *Двѣ сцены изъ Фауста.* Задѣваютъ часто теологію, изъ-за которой все свѣтское пропадаетъ. 9. *Нѣчто о привидѣніяхъ.* Все это, столь интересное для ясно мыслящаго человѣка, страшно для омраченнаго предубѣжденіемъ и суевѣріями ума. Но полагаю, что при личномъ объясненіи вы многое спасете отсюда. 10. *Воспоминаніе.* Если не пропущена, то единственно по тому, что тутъ упоминается о Прусской королевѣ, матери Императрицы, и слѣдовательно требуетъ разрѣшенія Министра Двора. 11. *Идея бытія.* Можетъ пройти. 12—17. *Свобода*, равно и послѣдующія за нею *пять* статей могутъ пройти, особенно при васъ. 18. *Исторія и историческая живопись.* Прой-

детъ, кажется. 19. *Что такое воспитаніе?* Можетъ пройти. 20. *Искуство.* Тоже. 21. *Что будетъ? Писано въ Январѣ 1848 г.* Статья политическая. Лично вами можетъ быть отстоена. 22. *Къ графу Ш., о происшествіяхъ 1848 г.* Безъ Высочайшаго разрѣшенія не можетъ пройти никакъ. 23. *Письмо къ кн. П. А. Вяземскому объ его стихотвореніи Святая Русь.* Много политическихъ идей, которыя только вами могутъ быть отстоены. 24. *О смертной казни.* Эта превосходная статья въ соприкосновеніи съ юридическимъ законоположеніемъ. Слѣдственно не можетъ пройти безъ воли источника законовъ. 25. *Теорія и практика.* Можетъ пройти. 26. *Энтузіазмъ и Энтузіасты.* Тоже. 27. *Іосифъ Радовицъ.* Политическая статья. Требуетъ высшей цензуры. 28. *О внутренней христіанской жизни.* 29. *Промыслъ, Испытаніе,* и проч. 30. *Законъ. Грѣхъ.* 31. *Плоть. Духъ.* 32. *Вѣра.* 33. *Причащеніе св. таинъ.* Всѣ эти пять статей не пройдутъ, по той же причинѣ, которая показана при статьѣ подъ № 3.

Вы сами легко выведете заключеніе общее: если бы по личному объясненію вашему съ Государемъ Наслѣдникомъ, съ графомъ Протасовымъ или митрополитомъ, и наконецъ съ министромъ Просвѣщенія пущены были эти статьи въ цензуру съ увѣдомленіемъ, что онѣ уже извѣстны высшимъ властямъ, то почти ничего не было бы и вычеркнуто въ нихъ. По несчастію онѣ пошли противоположнымъ путемъ — снизу вверхъ: на низу, отъ робости, иногда же отъ подлости, а можетъ, хотя и рѣдко, отъ недоброжелательства, началось сомнѣніемъ, которое естественно сообщалось и верхнимъ слоямъ, говоря буквально, лежащимъ на нижнихъ. Я увѣренъ, что, прибывъ сюда, вы измѣните судьбу этихъ рукописей, тѣмъ болѣе, что онѣ разборчивы теперь и легки для прочтенія. Поправокъ, измѣненій и т. п. никто не требовалъ. Всѣ испуганы высокостью истинъ, какихъ не видывали въ нашей литературѣ. Нужно высшее на то освященіе.

Перехожу къ другому важному дѣлу. Узнавъ отъ Родіонова, что вамъ хочется всѣ экземпляры *Новыхъ Стихотвореній* и *Полнаго собранія сочиненій* вашихъ продать вдругъ въ казну, я сперва

недоумѣвалъ, есть ли у насъ лишнія на это деньги. Чтобы осмотрительнѣе начать дѣло, я отправился переговорить предварительно о томъ съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, какъ съ человѣкомъ, близкимъ къ дѣламъ государственнымъ. Изъ его отвѣтовъ я замѣтилъ, что онъ не считаетъ этой сдѣлки невозможною. При мнѣ пріѣхала къ нему фрейлина В. К. Маріи Никололаевны, гр. Толстая, которая объявила мнѣ, что Цесаревичъ изъ вашего письма къ Е. В. уже знаетъ объ этомъ предположеніи вашемъ. Тогда я почувствовалъ, что не хорошо отлагать дѣло, которое начато уже самими вами. Я рѣшился, безъ предварительнаго сношенія съ вами, составить записку о томъ, чего вы желаете, какъ бы я совсѣмъ не увѣдомленъ былъ о вашемъ письмѣ къ Наслѣднику. Для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, я попросилъ графиню Толстую передать мою записку Е. В., такъ какъ мнѣ теперь, когда Дворъ въ Царскомъ Селѣ, трудно лично дойти до Цесаревича. Она охотно согласилась, а графъ Д. Н. Блудовъ попросилъ меня ему показать напередъ эту записку. Я составилъ ее по вашему плану, изложенному въ письмѣ къ Родіонову. Во 1-хъ, я коротко расказалъ, что въ одно почти время въ послѣдніе годы вы сдѣлали два изданія. О *Новыхъ Стихотвореніяхъ* говорю я, что имъ можно дать троякое назначеніе: 1) пополнить ими въ казенныхъ библіотекахъ ваше же изданіе въ 8 томахъ, вышедшее въ 1835 г. и дополненное IX томомъ въ 1844 г.; 2) употреблять ихъ какъ наиболѣе приспособленныя сочиненія къ цѣли для чтенія и нравственнаго образованія юношества; 3) раздавать ихъ въ награду обучающемуся въ казенныхъ заведеніяхъ юношеству. О *Полномъ Собраніи Сочиненій* вашихъ я сказалъ, что оно публикою ожидаемо съ нетерпѣніемъ, ибо теперь, лишь найдется у кого экземпляръ изданія 1835 года, за него охотно платятъ отъ 30 до 40 р. с. Затѣмъ я изъяснилъ, что эти почти одновременныя ваши два изданія естественно не могли не разстроить вашихъ денежныхъ средствъ, и чтобы уплатить свои долги, вы желаете продать оба изданія вдругъ въ казну съ уступкою ей со всего капитала, представляемаго вашими книгами, 20-ти процентовъ.

Затѣмъ я означилъ, что у васъ остается *неразрозненныхъ* экземпляровъ *Новыхъ Стихотвореній*, вышедшихъ въ 3-хъ томахъ, 580, которые вы продавали по 4 р. с. каждый экземпляръ. Вся сумма за это безъ вычета процентовъ есть 2,320 р. с., а съ уступкою 20 проц. только 1,856 р. с. Наконецъ я сказалъ, что *Полнаго собранія сочиненій* вашихъ въ 9-ти томахъ вы напечатали 4,000 экземпляровъ и предположили пустить ихъ въ продажу за каждый экз. по 10 р. с., слѣдственно весь этотъ капиталъ равенъ 40,000 р. с., за вычетомъ же 20 проц. остается 32,000 р. с., а то и другое пріобрѣтеніе потребуетъ отъ казны только 33,856 р. с.

Посылая эту записку къ графу Д. Н. Блудову, я прибавилъ, что буде графиню Толстую увидитъ онъ у своей дочери скоро, то лучше будетъ, если, не возвращая мнѣ, ей передастъ онъ мою записку. Такъ какъ я обратно не получилъ ее, то и увѣренъ, что она уже въ рукахъ Его Высочества.

Вотъ вамъ подробный отчетъ. Будете ли вы мною довольны — еще не знаю. Но я дѣйствовалъ въ полномъ убѣжденіи, что служу вашей пользѣ. Мнѣ извѣстно, что *послѣдняго* тома *Новыхъ Стихотвореній* гораздо у насъ болѣе 580 экземпляровъ. Но объ этомъ безполезно бы было и упоминать. Великое будетъ благополучіе, ежели казна купитъ одни неразрозненные экземпляры.

Другихъ новостей пока нѣтъ, кромѣ стихотвореній Майкова, впрочемъ пока не печатанныхъ, а слышанныхъ мною отъ него по рукописямъ. Это что-то выше, нежели просто замѣчательное Постараюсь списать экземпляръ и пришлю вамъ.

Будьте здоровы. Мой душевный поклонъ всѣмъ и каждому въ семьѣ вашей.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

51.

15 (27) Октября 1851 г. Спб.

Много успокоили бы вы меня, добрый другъ Василій Андреевичъ, если бы надписывателю адресовъ на письмахъ вашихъ про-

диктовали ко мнѣ коротенькое увѣдомленіе, не испортилъ ли я вашего плана касательно продажи въ казну двухъ послѣднихъ изданій сочиненій вашихъ, пустивши въ ходъ свою о томъ записку, о которой я сообщилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ. Еще есть возможность поправить это дѣло, буде мое усердіе *поторопилось не кстати*. Вотъ вамъ продолженіе расказа о дальнѣйшемъ ходѣ моей по этому негоціаціи.

Отправивъ помянутую мою записку къ графу Д. Н. Блудову, какъ онъ самъ того желалъ, я просилъ его не возвращать ея мнѣ, а прямо доставить, если окажется она годною, графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, которая вызвалась передать мою записку Государю Цесаревичу. Долго ждалъ я какого нибудь увѣдомленія отъ графа Блудова или отъ графини Толстой. Наконецъ пришло мое 15-ое число, и я написалъ къ послѣдней, чтобы она отозвалась мнѣ, въ какомъ положеніи общее наше дѣло. Вотъ ея отвѣтъ въ точной копіи:

«Къ сожалѣнію, не могу сказать вамъ ничего пріятнаго. Я уже просила графа Блудова передать вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла удовольствіе васъ видѣть, мы, по случаю нездоровья Великой Княгини, *ни разу не ѣздили* въ Царское Село, и поэтому я не имѣла никакого средства передать записку Его Высочеству. Теперь они всѣ ѣдутъ въ Гатчину, и дѣло это опять отлагается *на неизвѣстное время*, что меня весьма тревожитъ. Неужели Жуковскій самъ *не писалъ* объ этомъ Великому Князю [1])? Очень бы желала переговорить съ вами словесно о мѣрахъ, которыя нужно принять, чтобы пустить дѣло въ ходъ. Если васъ не пугаетъ моя огромная лѣстница, то потрудитесь зайти ко мнѣ когда нибудь поутру — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, начиная съ одиннадцати часовъ».

Я намѣренъ непремѣнно воспользоваться этимъ приглашені-

---

[1]) Этотъ вопросъ графини удивляетъ меня. Отъ нея же и узналъ я, что вы, не дождавшись отъ насъ проекта записки, уже *послали* къ Государю Наслѣднику собственную свою записку о продажѣ книгъ въ казну. Это самое извѣстіе и побудило меня скорѣе пустить въ ходъ другую записку отъ моего лица *съ необходимыми въ такомъ случаѣ цифрами*, сколько книгъ, чего онѣ стóятъ, и какая казнѣ будетъ уступка. *П. П.*

смъ, которое показываетъ мнѣ, что участіе графини въ вашемъ дѣлѣ самое искреннее, что меня тронуло еще въ первое мое съ нею свиданіе у Блудовыхъ.

Сегодня же ѣздилъ я на свиданіе къ графу Мих. Юр. Вьельгорскому. Онъ меня встрѣтилъ объявленіемъ, что отъ графа Блудова слышалъ, въ какихъ выраженіяхъ Жуковскій прислалъ ему выговоръ въ письмѣ ко мнѣ, и что онъ уже пишетъ въ отвѣтъ письмо, начинающееся въ родѣ слога Жуковскаго слѣдующими словами: «Ты мой истинный другъ, а я настоящая свинья». Не могу увѣдомить васъ, когда графъ кончитъ это къ вамъ посланіе. При мнѣ принесли къ нему изъ Владикавказа письмо отъ графини С. М. Соллогубъ, которая отправилась на житье къ мужу въ Тифлисъ.

На недѣлѣ провелъ я восхитительный вечеръ у В. К. Маріи Николаевны tête-à-tête. Она нездорова и теперь одна. Много переговорили мы о прошломъ, слѣд. большею частію о васъ. По ея желанію я сообщилъ ей копію о четырехъ классахъ *науки жизни*, что нѣкогда и для васъ сдѣлалъ. Мы прочли тутъ же всю первую главу Онѣгина. Великая Княгиня непремѣнно хочетъ основательно узнать Исторію Россіи, и поручила мнѣ уговорить К. И. Арсеньева заниматься съ нею, что я и успѣлъ уже сдѣлать.

Обнимаю васъ мысленно и кланяюсь усердно всѣмъ вашимъ. Ради Бога слово о Вяземскомъ.

П. Плетневъ.

Два письма Жуковскаго [1]).

1.

12 (24) Октября 1851 г. Баденъ.

Благодарю васъ всѣмъ сердцемъ, любезнѣйшій Петръ Александровичь, за два письма вашихъ. Я бы отвѣчалъ немедленно

[1]) Это и слѣдующія за симъ письма Жуковскаго писаны постороннею рукой чернилами. Только подпись подъ ними сдѣлана Жуковскимъ своеручно, чернилами же, но весьма нетвердымъ почеркомъ.

на первое, которое глубоко поразило меня извѣстіемъ о нашей общей утратѣ, но я былъ въ это время увлеченъ пошлою прозою переборки на другую квартиру. Не буду объ этомъ ничего говорить теперь; завтра буду писать къ самимъ Карамзинымъ; а васъ только благодарю за то, что вы своимъ письмомъ мнѣ дали такъ живо присутствовать на этомъ торжествѣ погребенія: нѣтъ ничего торжественнѣе и умилительнѣе этихъ проводовъ на тотъ свѣтъ души, умилившей здѣшній свѣтъ своею чистою жизнію. Какой новый ударъ для бѣднаго Вяземскаго! Надо благодарить Бога, что это случилось послѣ его отъѣзда; въ Петербургѣ ударъ этотъ слишкомъ бы сильно отозвался въ его разстроенномъ сердцѣ. Онъ теперь въ Парижѣ; я еще оттуда не имѣю прямаго о немъ извѣстія, но слышу, что ему вообще лучше. То, что вы въ послѣднемъ письмѣ пишете о цензурѣ и о замѣткахъ ея на мои статьи, дѣйствуетъ на душу, какъ удушье на горло, не потому, что оно касается до меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе: болѣе говорить не буду.

Обращаюсь къ другому предмету письма вашего. Не могу не благодарить васъ, что вы съ такою жаркою поспѣшностію дружбы схватились за мое дѣло и пустили его въ ходъ; но долженъ признаться, что было бы лучше, когда бы вы, составивъ записку, ее предварительно сообщили мнѣ, и когда бы она перешла съ моимъ объясненіемъ въ руки Великаго Князя прямо отъ меня, а не отъ графини Толстой, что́ можетъ ему показаться страннымъ. Но такъ и быть; я все искренне благодарю васъ за этотъ новый знакъ дружбы, весьма для меня трогательной. Нѣжно васъ обнимаю. Теперь надобно докончить начатое: я написалъ объяснительное письмо къ Великому Князю безъ всякой новой записки, ибо у него въ рукахъ должна быть ваша; при этомъ письмѣ послалъ и просьбу на имя Государя. Остается теперь собрать экземпляры, переплетенные для Царской фамиліи и раздать ихъ кому слѣдуетъ. Объ этомъ завтра буду писать къ Родіонову, которому доставлю и всѣ подносительныя письма. А вы, мой сердечный другъ, держитесь постояннаго вашего благаго намѣренія

писать ко мнѣ каждое 1-е и 15-е число мѣсяца; увѣдомляйте меня о томъ, что у васъ и съ вами дѣлается: это будетъ отрадно мнѣ слѣпому; мой глазъ совсѣмъ не выздоравливаетъ; вѣроятно, что это пошло на цѣлую зиму. Простите еще разъ. Благодарю васъ.

Вашъ Жуковскій.

2.

26 Октября (7 Ноября) 1851 г. Баденъ.

Подлинно, любезнѣйшій Петръ Александровичъ, изъ нашего дѣла вышла большая путаница; но я все таки благодарю васъ за этотъ новый знакъ вашей дружбы: вы хотѣли какъ можно скорѣе мнѣ сдѣлать добро, и этою дружескою поспѣшностью дали нашему дѣлу не тотъ ходъ, который бы надлежало дать ему. Я послалъ вамъ проектъ записки съ тѣмъ, чтобы вы ее составили, обдумавъ все, что̀ возможно и что̀ нѣтъ, и мнѣ возвратили; тогда бы я прямо отъ себя представилъ ее Великому Князю съ письмомъ къ Государю и дѣло бы кончилось между мною и имъ. Теперь это дѣло извѣстно постороннимъ, и, что всего хуже, записка моя пошла черезъ женскія руки; а если дѣло не удастся, то данная ему извѣстность будетъ мнѣ крайне непріятна. Опять повторяю: не виню васъ ни въ чемъ, напротивъ благодарю за доброе намѣреніе. Но признаюсь, не могу не сѣтовать на Блудова: если же уже ваша записка дошла до него, то уже ему надлежало овладѣть моимъ дѣломъ, какъ собственнымъ; степень, на которой онъ стоитъ и уваженіе, которымъ онъ пользуется, давала ему право, а его связь со мною предписывала ему потребовать отъ Великаго Князя аудіенціи, чтобъ переговорить съ нимъ о моей пользѣ языкомъ приличнымъ; не могу понять, какъ Блудовъ не схватился за этотъ случай позаботиться о моей пользѣ, что̀, если бы я былъ на его мѣстѣ, а онъ на моемъ, было бы для меня и счастьемъ и честью. Впрочемъ я радъ, что бумага еще не вышла изъ фрейлинскихъ рукъ; вѣроятно, письмо мое къ Великому

Князю будетъ прочитано прежде нежели моя записка, вами составленная, и дѣло мое будетъ ему объяснено мною самимъ; но тутъ другая путаница: прочитавъ мое письмо, онъ не будетъ знать, о какой запискѣ я говорю ему; прошу васъ похлопотать, чтобы ваша бумага какъ можно скорѣе была ему доставлена. Графиня Толстая, какъ вы пишете, сказывала вамъ о какой-то будто мною посланной Великому Князю запискѣ — я не посылалъ никакой; послѣднее ваше письмо заставило меня немедленно написать къ нему. Это былъ первый и единственный разъ, что я говорилъ ему объ этомъ дѣлѣ. Прошу васъ увѣдомить меня немедленно о томъ, какой возьметъ это дѣло ходъ.

За мѣсяцъ или за полтора передъ этимъ былъ у меня вашъ пріятель Коссовичь; онъ мнѣ очень понравился. Я сообщилъ ему мое желаніе имѣть образованнаго классически Русскаго, который бы могъ со мною заняться составленіемъ домашняго предварительнаго курса ученія по моей методѣ, отчасти вамъ извѣстной — Коссовичь назвалъ мнѣ Бартенева, кандидата Московскаго университета; не знаете ли вы и не можете ли освѣдомиться о семъ Бартеневѣ? Или не знаете ль кого изъ воспитанниковъ Педагогическаго института способнаго, классически образованнаго и достаточно воспріимчиваго, чтобы постигнуть мою мысль, которой исполненіе могло бы сдѣлаться полезнымъ, не однимъ моимъ дѣтямъ, но и отечеству въ семейственномъ воспитаніи?

Отъ княгини Вяземской я получилъ письмо изъ Парижа; Вяземскій мраченъ, но къ счастью дѣло не такъ дурно, какъ я воображалъ. Вяземскому не сидится на мѣстѣ, онъ бы хотѣлъ покинуть Парижъ и переѣхать ко мнѣ въ Баденъ; по этому и я противлюсь: Баденъ пустъ и скученъ, а я полуслѣпой не буду ему полезенъ, и гробъ его дочери, здѣсь погребенной, не поможетъ мнѣ развеселить его; я зову его въ Баденъ на Апрѣль мѣсяцъ; самъ же, слѣпой или зрячій, съ первою возможностью въ Маѣ отправлюсь въ Россію.

Обнимаю васъ, будьте здоровы и пишите ко мнѣ.

Вашъ Жуковскій.

52.

30 Октября (11 Ноября) 1851 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, добрый другъ Василій Андреевичь, что дѣла наши по передачѣ книгъ въ казну идутъ какъ нельзя лучше. Я раскажу вамъ подробно ходъ дѣла.

Отправивъ къ вамъ 15-го Октября письмо, я поѣхалъ къ графинѣ А. А. Толстой, чтобы разрѣшить загадку на счетъ словъ ея о вашемъ письмѣ къ Цесаревичу — и вотъ что открылось. Его Высочество при одномъ свиданіи съ графинею между прочимъ сказалъ ей, что получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ вы просите о какой-то милости, но что безъ Государя нельзя этого разрѣшить. Съ такимъ неопредѣленнымъ извѣстіемъ пріѣхала она къ графу Блудову въ то самое время, когда и я былъ у него. Вслушиваясь въ нашъ разговоръ и узнавъ, что рѣчь идетъ объ испрошеніи вамъ за книги денегъ, она подумала, что и Наслѣдникъ намекнулъ ей о томъ же. Вотъ почему такъ опредѣлительно и выразилась она тогда, что вы объ этомъ писали къ Великому Князю. Гораздо позже узнала графиня, что тамъ шла рѣчь объ исходатайствованіи вамъ позволенія внести въ гербъ: «Боже! Царя храни». Между тѣмъ я, испугавшись, чтобы такъ быстро начатое вами дѣло не остановилось, принялся, какъ уже писалъ вамъ, за составленіе записки о книгахъ и пустилъ ее въ ходъ. Къ счастію, я составлялъ эту записку по подробному наставленію вашему, изложенному въ письмѣ къ Родіонову. Отъ того она вышла такого характера и такого сходства съ письмами вашими къ Наслѣднику и Государю, какъ будто бы вы сами ее мнѣ надиктовали.

Письмо ваше ко мнѣ отъ 12 (24) Октября я получилъ 23 Октября (4 Ноября). Въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ Родіоновъ расказать, что вы писали къ нему и назначили заняться раздачею даровыхъ экземпляровъ. На другой день утромъ ѣздовой изъ дворца объявилъ мнѣ, что Цесаревичь приказалъ мнѣ быть у Его

Высочества ровно въ 12 часовъ. Я и отправился туда въ назначенное время. Великій Князь, расказавъ мнѣ, что вы прислали два письма, одно къ нему, другое къ Государю, спросилъ, гдѣ моя записка о книгахъ. Я отвѣчалъ, что у графини Толстой. Онъ немедленно отправилъ меня за нею — и я изъ дворца Маріи Николаевны послалъ ее въ Зимній дворецъ на имя Цесаревича, запечатавъ печатью графини.

Вчера, 29 Октября (10 Ноября), явился ко мнѣ отъ Наслѣдника фельдъегерь и объявилъ, что опять въ 12 часовъ я долженъ быть у Его Высочества. Цесаревичь, отдавая мнѣ записку мою о вашихъ книгахъ и письмо ваше къ Государю, сказалъ: «Я уже успѣлъ доложить Его Величеству объ этомъ дѣлѣ, и Государь изъявилъ согласіе на покупку книгъ. Поѣзжайте къ князю Шихматову, раскажите ему все, и отъ моего имени объявите, чтобы онъ приступилъ къ исполненію». Зная мнительность и ненаходчивость Министра въ подобныхъ обстоятельствахъ, я заѣхалъ домой и наскоро набросалъ для него еще особую записку, въ которой указалъ, какими средствами можно сбыть «Новыя Стихотворенія», и какъ поступить съ «Полнымъ собраніемъ сочиненій».

Прибывши къ Министру, я подробно изложилъ, въ чемъ дѣло, какое участіе принимаетъ въ немъ Наслѣдникъ, что послѣдовало на докладъ Государю Его Высочества—и тутъ же вручилъ ему всѣ бумаги, т. е. ваше къ Государю письмо и мои обѣ записки. Князь Шихматовъ спросилъ у меня, на чемъ же основать ему докладъ объ этомъ Его Величеству. Я отвѣчалъ: на изустномъ приказаніи Цесаревича, въ подлинности котораго я отвѣтствую. Прочіе распросы его касались разсрочки денегъ, которую ему хочется опредѣлить въ три года. Я не возражалъ на это ничего, а только прибавилъ, что для узнанія всѣхъ подробностей нужно пригласить г. Родіонова, какъ завѣдывающаго дѣлами автора. Онъ поручилъ мнѣ прислать его на другое же утро.

Возвратясь къ себѣ, я принялся за письмо къ Родіонову, чтобы увѣдомить его о завтрашнемъ визитѣ къ Министру, о по-

дробностяхъ всего хода дѣла нашего и о тѣхъ условіяхъ, которыхъ онъ единодушно со мною держаться обязанъ. Тутъ же прибавилъ я, чтобы онъ непремѣнно отъ Министра пріѣхалъ ко мнѣ. Сегодня все это такъ и было. Когда Министръ, по своей неумѣстной расчетливости, предложилъ было Родіонову разложить уплату на семь лѣтъ, то онъ, памятуя мое предостереженіе, объявилъ рѣшительно, что это невозможно, что при такомъ условіи намъ выгоднѣе продавать самимъ, ибо половина денегъ непремѣнно черезъ годъ будетъ уже у насъ въ рукахъ. Этимъ рѣшительнымъ отказомъ я очень доволенъ. Теперь князь Шихматовъ не посмѣетъ уклониться по крайней мѣрѣ отъ того, что обѣщалъ мнѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ Родіонову, что теперь займется составленіемъ доклада Государю, а между тѣмъ взялъ Родіонова адресъ.

Такимъ образомъ теперь я совсѣмъ успокоился, что, какъ изъ послѣдняго письма вашего вижу, немножко встревожилъ васъ поспѣшностію въ этомъ дѣлѣ. Можетъ быть, безъ этой поспѣшности и не удалось бы намъ кончить его такъ счастливо. Иногда, пропустивъ одинъ удобный часъ, не вознаградишь его мѣсяцами.

О Вяземскомъ вотъ что я слышалъ: сынъ отвезъ его въ Парижъ, гдѣ помѣстилъ на жительство у одного доктора, который вызвался лечить его. Все же до сихъ поръ больной не вышелъ изъ своего не слишкомъ радостнаго положенія. Умоляю васъ сообщать мнѣ все, что будете узнавать о немъ вѣрнаго.

Прилагаю здѣсь для вашего любопытства два стихотворенія Майкова и прошу васъ не отказать мнѣ хоть въ самомъ коротенькомъ отзывѣ, какъ вы ихъ найдете.

У меня все идетъ по старому. Больная мать жены моей живетъ съ нами, а съ нею и обѣ ея дочери отъ втораго мужа, который нынѣшнимъ лѣтомъ умеръ. Заботы и безотлучная грусть очень вредятъ здоровью бѣдной жены моей, которая и безъ того слаба.

Это письмо я отправляю новымъ путемъ; отъ того необхо-

димо нужно, чтобы вы для успокоенія моего немедленно увѣдомили меня, что оно до васъ дошло.

Будьте здоровы вы и всѣ ваши. О глазахъ вашихъ ради Бога хоть слово каждый разъ.

П. Плетневъ.

Два письма Жуковскаго.

1.

Ноября 15 (27) дня 1851 г. Баденъ.

Сію минуту получилъ письмо ваше, любезнѣйшій Петръ Александровичь, и отвѣчаю не откладывая въ даль. И такъ Гордіевъ узелъ нашего дѣла самъ легко распутался. Я теперь даже и радъ той путаницѣ, которая произошла въ его ходѣ, радъ потому, что она есть знакъ вашей заботливой обо мнѣ дружбы; а подлинно не было никакой путаницы: письмо мое къ Великому Князю и просьба къ Государю Императору пришли прежде нежели ваша записка была доставлена Наслѣднику, и такимъ образомъ ходъ дѣла вошелъ въ свою естественную колеину. Теперь прошу васъ ладить съ княземъ Шихматовымъ, который кажется мнѣ оправдываетъ пословицу: Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Его предложеніе разсрочить платежъ на семь лѣтъ не имѣетъ никакого смысла; онъ имѣетъ въ рукахъ мое письмо къ Государю; изъ него онъ могъ понять, что̀ побудило меня просить Императора о покупкѣ моихъ книгъ въ казну: я хочу имѣть *поскорѣе* вѣрный капиталъ, чтобы оставить его въ наслѣдство моему семейству безъ всякихъ хлопотъ, соединенныхъ съ продажею по мелочамъ и съ зависимостію отъ книгопродавцевъ, наслѣдство, которое можетъ достаться моей семьѣ скоро, ибо мнѣ скоро стукнетъ 70 лѣтъ. Уступая 20 процентовъ, я не введу казну въ убытокъ; могу надѣяться, что книги мои на рукахъ ся не останутся, и она покупкою моихъ экземпляровъ не дѣлаетъ мнѣ ни малѣйшаго подарка; здѣсь главная моя выгода состоитъ въ милости Государя, который, снисходя на мою просьбу такъ благосклонно, соизволилъ согласиться вывести меня изъ затруднительнаго по-

ложенія, не подвергая казну никакому пожертвованію. Если разсрочить платежъ на семь лѣтъ, то главная цѣль моей просьбы не будетъ достигнута, моего капитала не будетъ въ моихъ рукахъ въ продолженіе 7-ми лѣтъ, въ которыя и безъ казны мои экземпляры сошли бы съ рукъ моихъ. Однимъ словомъ, на эту разсрочку я не могу никакъ согласиться; прошу васъ отстоять мою бѣдную фортуну: на два, много на три года разсрочить можно; удивляюсь какъ Министръ не почувствовалъ, что ему приличнѣе бы было представить, что никакой разсрочки дѣлать не нужно и что 20-и процентовъ уступки весьма для казны довольно. Я бы желалъ, чтобы вы какимъ нибудь способомъ сообщили ему это мое мнѣніе. Если онъ станетъ шиканировать насчетъ разсрочки, то прошу васъ (и это вамъ теперь легко сдѣлать, ибо Великій Князь вамъ поручилъ завѣдываніе о моемъ дѣлѣ) довести до свѣдѣнія Наслѣдника, что считая такую разсрочку вовсе для меня не выгодною, я желаю лучше, чтобы по просьбѣ моей ничего не было сдѣлано. Оканчиваю сердечною благодарностію за ваши дружескія хлопоты.

Отослали ль вы мое письмо къ Карамзинымъ? Гдѣ Смирнова? Если она въ Петербургѣ, то скажите ей, что ее совершенное обо мнѣ забвеніе мнѣ и обидно и печально; я этого отъ нея не ожидалъ и не заслужилъ; на три письма моихъ не было отъ нея отвѣта; просьба моя о моей крестницѣ, по выраженію шуточная, а по смыслу весьма сюрьёзная, оставлена безъ вниманія. Я положилъ къ стопамъ ея послѣдніе цвѣты моей устарѣлой Музы; не знаю, что съ ними сдѣлалось: дошли ли они до ея рукъ, или, полѣнившись наклониться, чтобы взять ихъ въ руки, она ихъ оттолкнула своими стопами, предоставивъ дѣятельному помелу вымести ихъ со всякимъ другимъ соромъ изъ ея роскошнаго будуара. Въ продолженіе моей десятилѣтней заграничной жизни я узналъ по опыту, что можно любить поэзію, не заботясь ни о какой извѣстности, ни даже о участіи тѣхъ, чье одобреніе дорого: они имѣютъ большую прелесть, но сладость поэтическаго созданія сама себѣ награда. Благодарю васъ за доставленіе стиховъ Майкова; я прочиталъ ихъ

съ величайшимъ удовольствіемъ. Майковъ имѣетъ истинный поэтическій талантъ; я не читалъ его другихъ произведеній; слышу, что онъ еще молодъ: слѣдовательно передъ нимъ можетъ лежать еще долгій путь. Дай Богъ ему понять свое назначеніе, дай Богъ ему пріобрѣсть взглядъ на жизнь съ высокой точки, то есть, быть тѣмъ поэтомъ, о которомъ я говорю въ моемъ письмѣ къ Гоголю, и избѣжать того эпикуреизма, который заразилъ поэтовъ и осквернилъ поэзію нашего времени. Прощайте; прошу васъ отвѣчать на это письмо въ срочное время. Глаза мои все еще въ томъ же положеніи. Объ Вяземскомъ не могу ничего сказать вамъ новаго.

Вашъ Жуковскій.

2

22 Ноября (4 Декабря) 1851 года. Баденъ.

Любезнѣйшій Петръ Александровичъ, прилагаю при семъ письмо къ Министру Просвѣщенія и копію съ него для васъ; дѣйствуйте въ смыслѣ этого письма. Если можно будетъ обратить число 5 въ число 3, хорошо; а если нельзя, такъ и быть, дѣло сдѣлано, Государь утвердилъ. Постарайтесь также, чтобъ право новаго изданія опредѣлено было срокомъ 6-ти лѣтъ: оставить срокъ неопредѣленнымъ значитъ отказаться вовсе отъ новаго изданія. Также прошу васъ взять на замѣчаніе то, что я говорю объ Одиссеѣ для юношества; всего было бы лучше, когда бы вы взяли одинъ экземпляръ ея, и по моимъ указаніямъ научили переплетчика, что и какъ заклеить; если же это сдѣлано не будетъ, то поправленныя мѣста вмѣсто пользы сдѣлаютъ вредъ, ибо обратятъ двойное вниманіе на тѣ мѣста, которыя должно выкинуть.

Слѣдуетъ копія съ письма моего къ министру. (NB. Родіоновъ писалъ, что послалъ ко мнѣ вашу записку. Я ея не получалъ. Я завтра пошлю къ нему на всякій случай особенную довѣренность на полученіе денегъ изъ министерства).

Копія.

Я имѣлъ честь получить отъ В. С. увѣдомленіе о покупкѣ въ казну 4,000 экземпляровъ новаго изданія моихъ сочиненій и 580 экземпляровъ моихъ напечатанныхъ въ 1849 году Новыхъ стихотвореній — приношу В. С. благодарность какъ за письмо ваше, такъ и за участіе, которое вы приняли въ скоромъ окончаніи этого дѣла. Я долженъ однако признаться, что разсрочку на 5 лѣтъ платежа денегъ я нахожу для меня весьма невыгодною: она противорѣчитъ той цѣли, которая побудила меня всеподданнѣйше просить Государя Императора о покупкѣ въ казну моихъ экземпляровъ; весьма бы было довольно разсрочить на 3 года, но такъ какъ это дѣло окончено и утверждено Высочайшимъ соизволеніемъ, то я не прекословлю, хотя и былъ бы весьма радъ, когда бы какимъ нибудь магическимъ процессомъ число 5 обратилось въ число 3.

Принимая на себя обязанность ни печатать, ни вполнѣ, ни по частямъ, двухъ проданныхъ въ казну изданій, ни передавать на то права другимъ, пока будетъ продолжаться казенная распродажа, я считаю необходимымъ опредѣлить срокъ, когда возвратится мнѣ право новаго изданія; и именно черезъ 6 лѣтъ, въ теченіе которыхъ безъ сомнѣнія всѣ экземпляры, за исключеніемъ весьма немногихъ, будутъ распроданы. Прошу исключить однако изъ этой обязанности перепечатаніе особенно Одиссеи, которая можетъ послѣдовать если окончится начатый мною переводъ Иліады; если же Иліада не переведется, то и перепечатываніе Одиссеи не будетъ нужно.

При семъ имѣю честь увѣдомить В. С., что со времени моего пребыванія за границею завѣдываетъ всѣми дѣлами моими коллежскій совѣтникъ Ростиславъ Родіоновичь Родіоновъ, служащій въ канцеляріи Г. И.: онъ имѣетъ отъ меня довѣренность на полученіе всѣхъ слѣдующихъ мнѣ суммъ, какъ изъ казенныхъ мѣстъ, такъ и отъ частныхъ людей; благоволите учредить, чтобы суммы, слѣдующія мнѣ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, были выдаваемы подъ росписку г. Родіонова.

Я долженъ обратить здѣсь вниманіе В. С. на одно обстоятельство: 3 тома Новыхъ стихотвореній, въ числѣ которыхъ находится и Одиссея, могли бы быть исключительно опредѣлены на раздачу въ награду учащимся въ казенныхъ заведеніяхъ при публичныхъ экзаменахъ. Чтеніе Одиссеи особенно могло бы распространить вкусъ къ классической поэзіи, которая у насъ слишкомъ забыта. Желая, чтобы Одиссея досталась въ руки юношества безъ всякихъ грѣховъ, я присоединилъ къ 1-й части нѣкоторыя поправки, которыми во всякомъ экземплярѣ, назначаемомъ для юношества, могутъ быть замѣнены тѣ мѣста текста, которыя не слѣдуетъ давать въ руки юношамъ. Благоволите учредить, чтобы означенныя мѣста, при переплетѣ экземпляровъ, были по моему указанію, напечатанному въ 1-мъ томѣ Одиссеи, исключены и замѣнены другими: это сдѣлаетъ Одиссею самою здоровою нравственною и поэтическою пищею для нашихъ молодыхъ читателей.

Прося В. С. обратить вниманіе на сказанное мною въ этомъ письмѣ, я напередъ соглашаюсь на все, что вы окончательно опредѣлите. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и проч.

53.

26 Ноября (8 Декабря) 1851 г. Спб.

Отвѣчаю на два послѣднія письма ваши, добрый другъ Василій Андреевичь: одно отъ 26 Октября (7 Ноября), а другое отъ 15 (27) Ноября.

Путаницы, какъ вы видите, никакой не вышло. Находясь здѣсь и зная ходъ подобныхъ дѣлъ, я все расчиталъ напередъ. Протянись это дѣло—Богъ знаетъ, когда и какъ бы оно кончилось. Въ нынѣшнемъ рѣшеніи одно для васъ не очень выгодно: разсрочка на пять лѣтъ. Виноваты вы сами: зачѣмъ въ письмѣ помѣстили слова: «пусть казна разсрочитъ такъ, какъ найдетъ удобнѣе для себя». Но и это не большая бѣда. Ежегодно, въ те-

ченіе пяти лѣтъ, получать *вѣрныхъ* почти 24 т. р. ас. очень выгодно. Этотъ капиталъ, простирающійся чуть не до 119 т. р. ас., уже вашъ, безъ всякихъ хлопотъ. Книгопродавцы, безъ уступки 20 процен., протянули бы вамъ продажу столькихъ экземпляровъ на 15 или 20 лѣтъ. Вспомните о «Налѣ и Дамаянти», или, говоря о ближайшемъ, вспомните о распродажѣ «Новыхъ Стихотвореній». Я почитаю счастливѣйшею изъ моихъ идей, что ввернулъ непродавшіеся 580 экз. этихъ стихотвореній въ итогъ купленныхъ новыхъ экземпл. Безъ этого рѣшительно ихъ надобно бы сжечь. Въ условіяхъ Министерства конечно можно бы назвать прижимкою *оговорку*, что до распродажи этого изданія вы не имѣете права еще его печатать. За то вы властны печатать все *новое*, что̀ бы ни приготовили. Перепечатывать же до распродажи старое, когда оно вами пущено по столь недорогой цѣнѣ, и вамъ самимъ не придетъ въ голову, да и невыгодно. Добровольно не медлили ль вы новымъ изданіемъ отъ 1835 года до 1851? Слѣдовательно, и этою оговоркою не для чего обижаться. Тутъ только выразился характеръ министерства, которое на всѣ книги, не чухая таланта, смотритъ какъ на товаръ, за который и грошъ перекинуть боится. Но васъ изъ мнимой бѣды выкупитъ Господь Богъ, т. е. Имъ дарованный вамъ талантъ и по немъ ваше имя, дорогое для Русскихъ. Увидите, что черезъ 6 лѣтъ изъ 4,000 экз. ни одного въ министерствѣ не останется.

Вы уже получили бумагу отъ Шихматова. Онъ воображаетъ, какъ я думаю, что одолжилъ васъ несказанно. Если вы еще не успѣли послать ему отвѣтъ, то ради Бога послушайтесь совѣта моего и не начинайте съ объявленія какихъ нибудь новыхъ претензій или домогательствъ. Оставьте все, какъ оно есть, а развѣ слегка только упомяните, что, находясь въ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, не можете не согласиться на условія, хотя и не достигаете этимъ вполнѣ своей цѣли. Вотъ все, что можно ему сказать, и то для того, чтобы онъ не вообразилъ себя меценатомъ вашимъ. Новыя же домогательства ровно ничего вамъ не принесутъ, а только охладятъ къ вамъ сердце тѣхъ, кого

вы сердечно любите. Шихматовъ успѣлъ себя выгородить изъ отвѣтственности, какъ я узналъ послѣ. Онъ посылалъ проектъ своей докладной Государю записки о вашемъ дѣлѣ на предварительное одобреніи Цесаревича. Его Высочество не могъ не одобрить ея, видя главное, что капиталъ вашъ теперь обезпеченъ весь, и не подозрѣвая, что этими самыми условіями вы вдвойнѣ связаны. Когда эта записка утверждена была Государемъ, Его Высочество немедленно прислалъ за мною и радостно объявилъ мнѣ о томъ. Я осмѣлился было замѣтить, что разсрочка длинна, но Цесаревичь прямо сказалъ: «За то капиталъ совершенно обезпеченъ». По этому вы видите, что ни Его Высочеству, ни Его Величеству не будетъ пріятно, если дойдетъ до нихъ слухъ, что вы желаете перемѣнить рѣшеніе этого дѣла. Не на Шихматова будутъ сердиться, а васъ назовутъ ничѣмъ не удовлетворяющимся. И такъ, еще разъ умоляю, оставьте это дѣло, какъ оно есть. Великій Князь такъ васъ любитъ и такъ увѣренъ въ удовлетвореніи важнѣйшаго изъ желаній вашихъ, что, отпуская меня, сказалъ: «Благодарю васъ за живое участіе въ дѣлѣ В. А.». Знаете ли вы, что въ его библіотекѣ поставлена *одна* только картина: это во весь ростъ вашъ прекрасный портретъ. Я былъ въ восхищеніи отъ такой идеи, равно какъ и отъ работы.

Съ тѣхъ поръ, какъ я насильно попалъ по дѣлу вашему къ графу Блудову, ни разу не присылалъ онъ за мною, чтобы навѣдаться, какъ пошло это дѣло. Кажется, между нами не усовершенствовалось еще искуство, отправляя государственныя дѣла, любить по старому тѣхъ, съ кѣмъ связаны воспоминанія лучшихъ лѣтъ нашей юности. Коссовичь не побывалъ у меня еще ни разу. Когда переговорю съ нимъ, то дамъ вамъ отчетъ въ предположеніи касательно молодаго человѣка, который бы согласился посвятить себя изученію методы педагогики вашей. Впрочемъ будетъ лучше, если вы опредѣлительнѣе скажете, что понадобится ему сдѣлать, какія принести жертвы службѣ и въ чемъ ожидать вознагражденія. Бартенева я не знаю; а педагоги всѣ обязаны служить 8 лѣтъ въ казенной службѣ учителями. Вы не присылали

ко мнѣ письма для Карамзиныхъ. Вѣрно оно отправлено къ кому другому, или еще не дошло до меня. Смирнова переѣхала на дняхъ сюда и поселилась со всѣмъ домомъ въ опустѣвшей квартирѣ Софьи Михайл. Соллогубъ, которая изъ родительскаго дома переселилась на Кавказъ къ мужу. Смирнова опять больна и очень похудѣла. Кажется, для поэзіи она отжила, какъ и многіе изъ нашихъ. Майкову я передалъ слова ваши: онъ ждалъ приговора вашего, какъ голоса судьбы своей. Онъ точно молодъ; лѣтъ девять, какъ вышелъ онъ изъ нашего университета. Я очень надѣюсь, что его служеніе музамъ будетъ достойно таланта его.

Снова жду утѣшительнаго слова о состояніи вашихъ глазъ.

Посылаю это письмо по почтѣ, которая, какъ убѣдился теперь, исправнѣе курьеровъ.

Вашъ П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго.

Баденъ, 7 (19) Декабря 1851.

Благодарствуйте, мой добрый другъ Петръ Александровичь, за ваше письмо. Благодаря вашимъ заботамъ, наше дѣло округлилось какъ нельзя лучше. Конечно, пять лѣтъ разсрочки для меня невыгодно, а для казны слишкомъ выгодно; но я объ этомъ не забочусь; вы могли это видѣть изъ моего послѣдняго письма, которое служитъ отвѣтомъ на ваше, теперь мною полученное. Я самъ виноватъ, что сдѣлана такая разсрочка; мнѣ бы не слѣдовало совсѣмъ упоминать объ разсрочкѣ въ моей просьбѣ: этимъ и воспользовался нашъ министръ просвѣщенія, который, вмѣсто того, чтобъ видѣть во мнѣ русскаго поэта, трактовалъ меня, какъ нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленцковъ, для котораго я перевелъ за 75 руб. Мальчика у ручья, и который выплачивалъ мнѣ эту сумму по 5 р., по 7 р. съ полтиною, и т. под. Но дѣло кончено и я самъ радъ такому его окончанію, а вы нашли способъ сбыть съ рукъ и мои залежавшіяся Новыя стихотворенія:

это чистый барышъ, и барышъ неожиданный, ибо я уже отпѣлъ панихиду моимъ Новымъ стихотвореніямъ. И такъ еще разъ благодарствуйте за ваши дружескія хлопоты. Жаль мнѣ очень, что Блудовъ оказался столь равнодушенъ въ моемъ дѣлѣ. Отсутствіе и разлука вредятъ дружбѣ. Вотъ напримѣръ и любезный мой Вьельгорскій: назвалъ себя свиньею, да и думаетъ, что положилъ великую жертву на алтарь дружбы. Не знаете ли чего о Гоголѣ? Онъ для меня пропалъ; я бы давно къ нему писалъ, но не знаю, куда къ нему писать; говорятъ, что онъ кончилъ вторую часть Мертвыхъ душъ, и что это чудесно хорошо; если будетъ напечатано, пришлите немедленно. Скажите отъ меня Майкову, что онъ съ своимъ прекраснымъ талантомъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ поэтовъ, служащихъ высшей правдѣ, а не матеріальной чувственности; пускай онъ возьметъ себѣ за образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла; пускай напитается исторіею и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, Руси богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской, и пускай, скопивъ это сокровище знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ которой наши знанія не имѣютъ цѣли и всякая поэзія не иное что, какъ жалкое сибаритство — русалка, убійственно щекочущая душу. Таково мое завѣщаніе молодому поэту: если онъ съ презрѣніемъ оттолкнетъ отъ себя тенденціи, оскверняющія поэзію и вообще литературу нашего времени, то онъ съ своимъ талантомъ совершитъ вполнѣ назначеніе поэта. Но довольно. Чтобъ заплатить вамъ чѣмъ нибудь за ваши обо мнѣ хлопоты, посылаю вамъ новые мои стихи, біографію Лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ Великую Княгиню Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину Лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка ихъ выучила наизусть; но вышелъ не

простой лебедь; посылаю его вамъ; можетъ быть въ его стихотворной біографіи вы найдете ту же старческую хилость ея автора, какою страдалъ описанный имъ лебедь. Во всякомъ случаѣ прошу принять благосклонно этотъ лептъ вдовицы.

Вашъ Жуковскій.

54.

25 Декабря 1851 г. (6 Января) 1852 г. Спб.

Съ Новаго года, вы, добрый другъ Василій Андреевичъ, столько же дней прожили, сколько намъ до него осталось. Примите же мое усердное поздравленіе со всѣми праздниками, которые въ настоящую пору стекаются для насъ. Вашъ собственный Новый годъ и именины ваши—да будетъ все это истинно радостнымъ торжествомъ для благословенной семьи вашей. Молю Бога, чтобы Онъ долго хранилъ всѣмъ намъ дорогое здоровье ваше. Пожалуста не оставляйте меня безъ увѣдомленія, каково идетъ леченіе вашихъ глазъ. Даютъ ли вамъ доктора надежду, что весною отпустятъ васъ сюда? Равнымъ образомъ вы заманили меня прежними подробностями о литературныхъ работахъ вашихъ. И о нихъ не умалчивайте въ вашихъ письмахъ.

Видѣлся я по вашему порученію съ кн. Шихматовымъ. Онъ, какъ вы знаете, горой стоитъ за интересы казны. Главное, чего я могъ отъ него добиться, состоитъ въ томъ, что и всѣ деньги ваши и право печатанія немедленно будутъ возвращены вамъ, если купленныя книги успѣютъ разойтися (въ чемъ я не сомнѣваюсь) по истеченіи хоть трехъ, даже хоть двухъ лѣтъ. На счетъ заклейки нѣкоторыхъ стиховъ въ Одиссеѣ въ экземплярахъ, назначаемыхъ юношеству, Министръ самъ уже распорядился.

Гоголь живетъ въ Москвѣ. Онъ получилъ разрѣшеніе напечатать прежнія свои сочиненія безъ цензуры, въ томъ видѣ, какъ они были изданы прежде. Говорятъ, будто онъ приготовилъ къ печати и второй томъ Мертвыхъ Душъ. Вы можете писать къ нему, адресуя къ Шевыреву или Погодину.

Смирновой здоровье разстроено, какъ нельзя хуже. Она все живетъ въ домѣ Вьельгорскаго. Одинъ изъ братьевъ ея, полковникъ, управлявшій Калужскою провіантскою коммиссіею (не знаю навѣрное, но долженъ быть Joseph), на дняхъ скончался.

Майковъ оживотворенъ тѣмъ, что вы о немъ ко мнѣ писали. Я съ нимъ прочиталъ вмѣстѣ вашего Лебедя—и онъ въ восторгѣ отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, что за прелесть русской языкъ подъ перомъ вашимъ! Сколько восхитительныхъ картинъ и глубоко трогательныхъ мыслей вы соединили въ жизни старика-лебедя. Одно только мѣсто, по моему мнѣнію, не худо бы додѣлать:

«Видишь, угасая, *какъ* семья младая
Вкругъ *Царевой силы* вьется, *какъ* зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба» и проч. [1]).

Второе *какъ* затемняетъ смыслъ и должно быть замѣнено хоть словомъ *будто*. Третій стихъ начинается *тремя долгими*, затрудняющими его чтеніе. Наконецъ самая семья, вьющаяся около Царевой силы, была бы картиннѣе, если бы вилась около предмета *не метафизическаго*, что относится и къ *силѣ дуба*. Пусть оба предмета: *Царь и дубъ*, будутъ сами обвиты, одинъ семьею, а другой плющемъ—картина сдѣлается точнѣе. Но это придирки прозаизма. Благодарю васъ за все—и крѣпко, крѣпко обнимаю васъ.

Письмо Жуковскаго.

23 Января (4 Февраля) 1852 г. Баденъ.

Любезнѣйшій Петръ Александровичъ, вы просите отъ меня увѣдомленій о поступкахъ моего глаза: мнѣ нельзя имъ похвалиться; онъ все продолжаетъ парализировать мою жизнь: вотъ уже

---

[1]) Вслѣдствіе замѣчанія Плетнева, Жуковскій такъ исправилъ эти стихи:
«Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ Царевой силы — вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба—вьется подъ короной» и т. д.

7 мѣсяцевъ, какъ я не могу ни читать, ни писать и ничѣмъ порядочно заниматься. У насъ не было холодной зимы, но за то постоянная скверная сырая погода, которая дѣйствуетъ гораздо хуже холода на подагру и ревматизмъ, обхватившіе бѣдный, давно ослѣпшій глазъ мой. И поэзія отъ этого позачахла. Благодарю васъ за критику на моего Лебедя: я самъ не былъ доволенъ тѣми стихами, которые вы забраковали; я поправилъ ихъ, хорошо или дурно, не знаю; посылаю вамъ Лебедя съ прибавкою. Отъ Вяземскаго получилъ письмо, грустное, но въ немъ нѣтъ признаковъ того, что насъ пугало. Гоголь наконецъ по двухлѣтнемъ молчаніи написалъ ко мнѣ, и я изъ его письма узналъ съ восхищеніемъ, что онъ живетъ въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ въ домѣ Талызина. Я начинаю думать, что я всѣхъ моихъ друзей и пріятелей обидѣлъ, подаривъ имъ по экземпляру моихъ сочиненій: почти ни одинъ мнѣ не откликнулся. Вьельгорскій и его графиня и Смирнова не только не отвѣчаютъ мнѣ на мои письма, но зная, что мнѣ молчаніе ихъ больно, не думаютъ подарить меня дружескою строчкою. Но васъ прошу продолжать писать ко мнѣ. Обнимаю васъ дружески.

Вашъ Жуковскій.

55.

4 (16) Февраля 1852 г. Спб.

Благодарю васъ, добрый Василій Андреевичь, за присылку «стихотвореній, посвященныхъ Павлу и Александрѣ Васильевичамъ»[1]). Эта прелесть перенесла меня туда, «гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ»: я вспомнилъ ваши «Для немногихъ». Всѣ эти стихотворенія восхитительны. Я однакоже остановлюсь на томъ, что меня въ нихъ останавливало. I и II безукоризненно хороши. II-ое даже едва ли не превосходитъ 1-е по простотѣ расказа, точности выраженій и картинности предметовъ. Въ III-мъ начальные во-

---

[1]) См. въ 7-мъ изд. сочиненій Жуковскаго, т. V, стр. 156: «Четыре стихотворенія для дѣтей».

семь стиховъ чудо поэзіи, хоть бы даже и не дѣтской. Но въ послѣднихъ четырехъ стихахъ не нравится мнѣ «радушно», потому что мы его придаемъ какъ свойство человѣка, принимающаго гостей. Даже слово «воздушно» не совсѣмъ точно. Послѣдній же стихъ неясенъ: онъ заставляетъ думать, что или все въ Божьемъ мірѣ внушаетъ жаворонку пѣсни, или въ пѣсняхъ его отражается все зримое въ Божіемъ мірѣ. Такимъ образомъ читатель остается въ невѣдѣніи. IV-ое, по своей граціи, идетъ рядомъ съ «Моей Богиней», но и въ немъ есть слово «впивалъ», которое употреблено не въ своемъ значеніи. Можно въ себя впивать, а впивать во что нибудь свои губки, кажется, нельзя. Лебедь теперь чудесно хорошъ.

Все предыдущее написалъ я третьяго дня — и принужденъ былъ отложить окончаніе письма къ вамъ до 6 (18) Февраля. Такова моя должность, которая не даетъ мнѣ права отказываться ни отъ одного посѣтителя по службѣ. Къ тому же теперь лишнія хлопоты по университетскому акту, который будетъ послѣ завтра въ память основанія нашего Университета въ этотъ день 1819 г. Я обыкновенно читаю на актѣ годичный отчетъ о состояніи Университета и дѣятельности ученаго его сословія. Такихъ ректорскихъ моихъ отчетовъ накопилось у меня тринадцать съ 1840 г. По Русскому Отдѣленію въ Академіи Наукъ на меня же возложено составленіе годичныхъ отчетовъ, читаемыхъ въ день основанія Академіи 29 Декабря. Этихъ я составилъ уже десять — и въ нынѣшнемъ году Отдѣленіе напечатало ихъ вторымъ изданіемъ всѣ вмѣстѣ въ видѣ особой книги, которую вѣроятно, какъ члену Академіи, Отдѣленіе доставитъ и вамъ. Такъ уходитъ у меня день за днемъ въ дѣлахъ должностныхъ и конечно однообразныхъ. Меня успокоиваетъ одно: въ отчетахъ моихъ по Академіи и Университету я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго сорта, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка,

который чѣмъ нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце. По Академіи набралось 20 біографій. По Университету выйдетъ не менѣе. Ежели, по смерти моей, въ чьей нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій, и приложивши къ нимъ позамѣчательнѣе разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ[1]). Хоть я и знаю, что это не выйдетъ что нибудь вѣковѣчное, однакоже читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое живымъ убѣжденіемъ. Изъ всѣхъ родовъ сочиненій я болѣе всего люблю біографіи. Ихъ чтеніе доставляетъ мнѣ всегда величайшее наслажденіе. Если бы я зналъ такъ близко Карамзина, какъ удалось мнѣ знать Крылова, я счастливѣйшимъ почелъ бы себя человѣкомъ, занявшись его біографіею. Но писать, основываясь на однихъ книгахъ, совсѣмъ не то, что писать по убѣжденію. Посмотрите, какъ Барантъ въ Journal des Débats нѣсколькими строками обрисовалъ графа Алексѣя Сен-При. И все это отъ того, что, кромѣ таланта автора, тутъ было живое сочувствіе между ними, и жизнь, проведенная въ сообществѣ, снабдила живописца лучшими своими красками. Я давно думаю, что кромѣ васъ, никто не достоинъ и не долженъ смѣть писать біографіи ни Карамзина, ни Пушкина.

Чтеніе стихотвореній вашихъ по новому изданію теперь занимаетъ меня съ женою такъ, какъ будто мы принялись за него въ первый разъ. Мы всякой день чувствомъ этого счастія благодаримъ васъ за подарокъ. Не удивляйтесь, что многіе изъ получившихъ въ подарокъ экземпляры ваши забыли о томъ написать къ вамъ. Надобно сердцемъ любить поэзію, чтобы чувствовать, что̀ вы для нихъ сдѣлали, приславши эти драгоцѣнныя книги. Но въ свѣтѣ ничего не любятъ сердцемъ, кромѣ того, что зади-

---

[1]) Вторая половина высказаннаго здѣсь желанія осуществляется настоящимъ изданіемъ. Что касается краткихъ академическихъ біографій, о которыхъ говоритъ Плетневъ, то онѣ всѣ уже соединены въ двухъ томахъ Отчетовъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, изданныхъ въ 1852 и 1865 г.

раетъ за живое, какъ наприм. почести, суетность, деньги, спектакли и т. п. По крайней мѣрѣ я давно привыкъ не удивляться подобнымъ явленіямъ, а Гоголь дѣйствительно неспособенъ къ дружеской перепискѣ. Онъ умѣетъ писать только на извѣстныя темы —и тогда письма его становятся краснорѣчивы.

Дай Богъ, чтобы приближеніе весны благотворно подѣйствовало на вашъ глазъ. Ужели и нынѣшнимъ годомъ не приведетъ мнѣ Господь васъ обнять? По крайней мѣрѣ мысленно теперь я васъ обнимаю.

П. Плетневъ.

56.

24 Февраля (7 Марта) 1852 г. Спб.

Начну расказъ мой съ потери, которая совершилась у меня дома. Вы знаете, любезный другъ Василій Андреевичъ, что мать жены моей около четырехъ лѣтъ страдала отъ ревматизмовъ и давно была безъ всякаго движенія. Я также писалъ къ вамъ, что это положеніе матери производило мучительное впечатлѣніе на жену мою, которая готова была отдать страдалицѣ половину жизни своей. Съ прошлаго лѣта больная переѣхала изъ Старой Русы къ намъ въ домъ, гдѣ и жила съ двумя дочерьми своими отъ втораго брака. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ 14-го числа наконецъ прекратились ея страданія вмѣстѣ съ жизнію. . . .

Перехожу къ расказу о другой утратѣ, которая, къ несчастію, должна васъ поразить особенно. Съ утра сегодня я все твержу стихи Дельвига:

«Ничто не безсмертно, ни прочно
Подъ вѣчно-измѣнной луной,
И все разцвѣтаетъ — и вянетъ
Рожденное бѣдной землёй».

Эти стихи не сходятъ у меня съ языка отъ того, что сегодня утромъ прочелъ я въ академическихъ Вѣдомостяхъ слѣдующую

фразу: «Сію минуту получили мы изъ Москвы извѣстіе глубокоприскорбное: 21-го Февраля скончался Николай Васильевичъ Гоголь». Ничѣмъ не приготовленный къ такой вѣсти, можете представить, въ какомъ я былъ положеніи отъ этихъ словъ. Первое движеніе у меня было ѣхать къ А. О. Смирновой, съ которою не видался я около двухъ недѣль. Тамъ встрѣтилась мнѣ Sophie (вторая дочь ея) и тотчасъ попросила меня не говорить ея матери о смерти Гоголя. Я нашелъ Смирнову довольно поправившеюся послѣ недавней страшной болѣзни. Она, не дождавшись моего вопроса, сама начала говорить о худыхъ вѣстяхъ о Гоголѣ. Впрочемъ видно было, что она разумѣла только его болѣзнь. Вчера прибылъ къ Смирновой изъ Москвы одинъ изъ ея братьевъ, который оставилъ Гоголя только больнаго—не болѣе. Вотъ что я узналъ отъ Смирновой. Въ Москвѣ былъ тифусъ, отъ котораго пострадалъ и Гоголь. Однако врачи помогли ему. За тѣмъ нашелся какой-то священникъ, который неизвѣстно чѣмъ поразилъ воображеніе Гоголя до того, что онъ на масленицѣ рѣшился говѣть. Онъ уже и прежде показывалъ упадокъ духа и воли, стараясь опираться на слово какого нибудь духовнаго. Такъ еще осенью, отправясь въ Малороссію на свадьбу сестры, онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ расказъ его, присовѣтовалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедъ изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, что надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога.

Изъ этого вы видите, какъ овладѣло имъ малодушіе, или правильнѣе сказать—суевѣріе. И такъ онъ началъ говѣть. Черезъ два дня слуга графа А. П. Толстаго (Гоголь жилъ въ его домѣ)

явился къ нему и говоритъ, что онъ боится за умъ и даже за жизнь Ник. Вас., потому что онъ двои сутки провелъ на колѣнахъ передъ образами безъ питья и пищи. Какъ Толстой ни увѣщевалъ Гоголя подкрѣпиться—ничто не дѣйствовало. Графъ поѣхалъ къ Митрополиту Филарету, чтобы словомъ архипастыря подѣйствовать на разстроенное воображеніе кающагося грѣшника. Филаретъ приказалъ сказать, что сама Церковь повелѣваетъ въ недугахъ предаться волѣ земнаго врача. Но и это не произвело перемѣны въ мысляхъ больнаго. Пропуская лишь нѣсколько капель воды съ краснымъ виномъ, онъ продолжалъ стоять колѣнопреклонный передъ множествомъ поставленныхъ передъ нимъ образовъ и молиться. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кротко: «оставьте меня; мнѣ хорошо». Онъ забылъ обо всемъ: не умывался, не чесался, не одѣвался.

Неизвѣстно мнѣ, что за всѣмъ этимъ послѣдовало. Вѣроятно, изнуреніе подвергло его снова нападенію тифуса. Смирнова, послѣ расказавъ объ его самоизнуреніи, не зная роковаго конца, говорила мнѣ: «я надѣюсь только, что его натура все переработаетъ».

Вотъ, милый другъ, какова натура человѣка: съ одной стороны геній вдохновенія, а съ другой слѣпота младенца. Смиримся передъ Господомъ и будемъ молиться, чтобы Онъ не покинулъ насъ, сохранивъ здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

Письмо Жуковскаго [1]).

5 (17) Марта 1852 г. Баденъ.

Любезнѣйшій Петръ Александровичь, какою вѣстью вы меня оглушили, и какъ она для меня была неожиданна! Весьма недавно я получилъ еще письмо отъ Гоголя и сбирался ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной ра-

[1]) Вверху страницы подлиннаго, писаннаго все тѣмъ же посторонним, весьма четкимъ почеркомъ, означено рукою Плетнева крупными буквами: Послѣднее . . .

ботѣ, то есть хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о моемъ Жидѣ, котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу и занимаясь которымъ я особенно думалъ о Гоголѣ ..... И вотъ ужъ его нѣтъ! я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ — изъ двухъ мужескаго пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки—Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неконченныхъ работъ; для нашей литературы онъ потеря незамѣняемая. Но жалѣть ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призваніе было монашество: я увѣренъ, что если бы онъ не началъ свои Мертвыя Души, которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не давалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его генія, въ которомъ глубокая меланхолія соединялась съ рѣзкостію ироніи, было въ противорѣчіи съ его монашескимъ призваніемъ и ссорила его съ самимъ собою. По крайней мѣрѣ такъ это мнѣ кажется изъ тѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его смерти, которыя вы мнѣ сообщаете. Гоголь, стоящій четыре дня на колѣняхъ, не вставая, не ѣвши и не пивши, окруженный образами и говорящій кротко тѣмъ, которые о немъ заботились: *оставьте меня, мнѣ хорошо*, — какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я не вижу суевѣрія: это набожность человѣка, который съ покорностью держится установленій православной Церкви. Что возмутило эту страждущую душу въ послѣднія минуты, я не знаю; но онъ молился, чтобы успокоить себя, какъ молились многіе святые отцы нашей Церкви; и конечно ему было въ эти минуты *хорошо*, какъ онъ самъ говорилъ; и путь, которымъ онъ вышелъ изъ жизни,

былъ самый успокоительный и утѣшительный для души его. *Оставьте меня, мнѣ хорошо.* Такъ никому нельзя осуждать по себѣ того, что другому хорошо по его свойству; и эта молитва на колѣняхъ, продолжавшаяся четверо сутокъ, есть нѣчто вселяющее глубокое благоговѣніе: такъ бы онъ умеръ, если бы, послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. Теперь конечно душа его нашла все, чего искала. Перейдемъ теперь къ земному. Гдѣ онъ жилъ послѣднее время въ Москвѣ? Правда ль, что у графа Толстаго? если такъ, то бумаги его въ добрыхъ рукахъ: вѣрно, ничто не пропадетъ. Надобно намъ, его друзьямъ, позаботиться о изданіи его сочиненій, о изданіи полномъ, красивомъ, по подпискѣ въ пользу его семейства (у него кажется живы мать и двѣ сестры). Если публиковать теперь подписку, то она можетъ быть богатая. Позаботьтесь объ этомъ. Если бы я былъ въ Россіи, то бы дѣло разомъ скипѣло. Между тѣмъ отъ себя напишу къ Толстому. А васъ прошу сообщить мнѣ какъ можно болѣе подробностей о его послѣднихъ минутахъ.

Вашъ Жуковскій.

57.

17 (29) Марта 1852 г. Спб.

Если бы я навѣрное зналъ, что Москвитянинъ нынѣшняго года посылается къ вамъ, Василій Андреевичъ, то конечно не сталъ бы переписывать изъ него печатнаго извѣстія о послѣднихъ дняхъ Гоголя. Сомнѣваясь однакоже въ исправности корреспонденціи Погодина, принимаюсь за работу, живо чувствуя, какъ занимательно будетъ для васъ все, что касается послѣднихъ дней утраченнаго друга нашего.

Москвитянинъ 1852 г. № 5. Мартъ. Книга 1. Отд. VII. стр. 47. «21 Февраля, въ четвергъ, поутру, безъ четверти въ 8 часовъ, умеръ Гоголь. Публика требуетъ подробностей о кончинѣ своего любимца; въ городѣ ходятъ разные слухи и толки.

Скрѣпя сердце, приступаю къ исполненію журнальной обязанности, которая никогда не была для меня такъ тягостна. Чѣмъ онъ былъ боленъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только то, что онъ страдалъ, страдалъ много, страдалъ тѣломъ и душою; но въ чемъ именно заключались его страданія, какъ они начались — никто не знаетъ, и никому не сказывалъ онъ объ нихъ ничего, даже своему духовнику. Съ котораго времени, по крайней мѣрѣ, оказалась въ немъ роковая перемѣна? Кажется, недѣли за три до кончины. А за мѣсяцъ онъ былъ, повидимому, здоровъ, принималъ еще живое участіе въ изданіи своихъ сочиненій, которыя печатались вдругъ въ трехъ типографіяхъ, занимался корректурами, заботился объ исправленіяхъ въ слогѣ, просилъ замѣчаній. Лѣтомъ же читалъ многимъ главы (до семи [1]) изъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ», и самъ попросилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ. По соображеніямъ оказывается теперь, что въ послѣднее время онъ уклонялся подъ разными предлогами отъ употребленія пищи [2]), въ чемъ однакожъ уличить его было невозможно. Во вторникъ на масленицѣ [3]) онъ пріѣзжалъ къ своему духовнику, живущему въ отдаленной части города, извѣстить, что говѣетъ, и спросить, когда можетъ пріобщиться. Тотъ посовѣтовалъ-было дождаться первой недѣли поста, а потомъ согласился и назначилъ четвергъ. Въ четвергъ явился онъ въ церковь еще до заутрени, и исповѣдался. Передъ принятіемъ святыхъ даровъ, за обѣднею, палъ ницъ и много плакалъ. Былъ уже слабъ и почти шатался. Вечеромъ пріѣхалъ онъ опять къ священнику, и просилъ его отслужить благодарственный молебенъ, упрекая себя, что забылъ исполнить то поутру. Изъ церкви заѣхалъ по сосѣдству къ одному знакомому,

---

[1]) А. О. Смирнова сказывала мнѣ, что только И. В. Капнисту, который хотя любилъ Гоголя, но терпѣть не могъ его сочиненій, онъ прочиталъ девять главъ, желая воспользоваться строгою критикою безпощаднаго порицателя своихъ сочиненій. *П. Плетневъ.*

[2]) Она же говорила мнѣ, что онъ довольствовался, съѣдая въ день одну просвиру и пропуская нѣсколько глотковъ краснаго вина. *П. П.*

[3]) 5 Февраля стар. стиля. *П. П.*

который при первомъ взглядѣ на него замѣтилъ въ лицѣ болѣзненное разстройство, и не могъ удержаться отъ вопросовъ, что̀ съ нимъ случилось. Ничего, отвѣчалъ онъ; я нехорошо себя чувствую. Просидѣвъ нѣсколько минутъ, онъ всталъ (въ комнатѣ сидѣло двое постороннихъ) и сказалъ, что сходитъ пока къ домашнимъ, но остался у нихъ еще менѣе. Въ субботу на масленицѣ онъ посѣтилъ также нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ. Никакой особенной болѣзни не было въ немъ замѣтно, не только опасности; а въ задумчивости его, молчаливости, не представлялось ничего необыкновеннаго. Съ понедѣльника только обнаружилось его совершенное изнеможеніе. Онъ не могъ уже ходить и слегъ въ постель. Призваны были доктора̀. Онъ отвергалъ всякое пособіе, ничего не говорилъ, и почти не принималъ пищи. Просилъ только по временамъ пить, и глоталъ по нѣскольку капель воды съ краснымъ виномъ. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Такъ прошла вся первая недѣля. Въ четвергъ сказалъ: надо меня оставить; я знаю, что долженъ умереть. Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ духовникъ предложилъ ему пріобщиться и собороваться масломъ, на что онъ согласился съ радостію, и выслушалъ всѣ евангелія въ полной памяти, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Вечеромъ уступилъ-было настояніямъ духовника принять медицинское пособіе, но лишь только прикоснулись къ нему, какъ закричалъ самымъ жалобнымъ, раздирающимъ голосомъ: оставьте меня! не мучьте меня! Кто ни приходилъ къ нему, онъ не поднималъ глазъ, приказывалъ только по временамъ переворачивать себя или подавать себѣ пить. Иногда показывалъ нетерпѣніе. Во вторникъ онъ выпилъ безъ прекословія чашку бульону, поднесенную ему служителемъ, чрезъ нѣсколько времени другую, и подалъ тѣмъ надежду къ перемѣнѣ въ своемъ положеніи; но эта надежда продолжалась не долго. Въ среду обнаружились явные признаки жестокой нервической горячки. Употреблены были всѣ средства, коихъ онъ, кажется, уже не чувствовалъ, изрѣдка бредилъ, восклицая: поднимите, заложите, на мельницу, ну-же, подайте! Ночью дышалъ онъ тяжело, но къ утру затихъ—и скончался. Изъ рас-

просовъ объ участи его сочиненій оказалось: въ воскресенье передъ постомъ онъ призвалъ къ себѣ одного изъ друзей своихъ [1]), и, какъ бы готовясь къ смерти, поручалъ ему отдать нѣкоторыя свои сочиненія въ распоряженіе духовной особы, имъ уважаемой, а другія напечатать. Тотъ старался ободрить его упавшій духъ и отклонить отъ него всякую мысль о смерти. Ночью, на вторникъ [2]), онъ долго молился одинъ въ своей комнатѣ. Въ три часа призвалъ своего мальчика, и спросилъ его: тепло ли въ другой половинѣ его покоевъ? Свѣжо, отвѣчалъ тотъ. Дай мнѣ плащъ, пойдемъ, мнѣ нужно тамъ распорядиться. И онъ пошелъ, со свѣчей въ рукахъ, крестясь во всякой комнатѣ, чрезъ которую проходилъ. Пришедъ, велѣлъ открыть трубу, какъ можно тише, чтобъ никого не разбудить, и потомъ подать изъ шкафа портфель. Когда портфель былъ принесенъ, онъ вынулъ оттуда связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ ее въ печь, и зажегъ свѣчей изъ своихъ рукъ. Мальчикъ, догадавшись, упалъ передъ нимъ на колѣна и сказалъ: Баринъ! что это вы? перестаньте! Не твое дѣло, отвѣчалъ онъ: молись! Мальчикъ началъ плакать и просить его. Между тѣмъ огонь погасалъ послѣ того, какъ обгорѣли углы у тетрадей. Онъ замѣтилъ это, вынулъ связку изъ печки, развязалъ тесемку, и уложилъ листы такъ, чтобы легче было приняться огню, зажегъ опять, и сѣлъ на стулѣ передъ огнемъ, ожидая, пока все сгоритъ и истлѣетъ. Тогда онъ, перекрестясь, воротился въ прежнюю свою комнату, поцѣловалъ мальчика, легъ на диванъ и заплакалъ. Иное надо было сжечь, сказалъ онъ, подумавъ, а за другое помолились бы за меня Богу; но, Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю. Поутру онъ сказалъ гр. Т.: вообразите, какъ силенъ злой духъ! Я хотѣлъ сжечь

---

[1]) Графа Петра Александровича Толстаго, который, какъ я догадываюсь, по христіанскому смиренію, не желаетъ, чтобы гдѣ нибудь выставлено было имя его какъ человѣка, оказывавшаго одолженіе или помощь Гоголю. На этомъ основаніи печатно нигдѣ не упомянуто, что Гоголь и жилъ у него въ квартирѣ. Вездѣ говорится просто: на Никитскомъ бульварѣ, въ д. Талызина какъ и въ письмѣ Гоголя, въ послѣдній разъ къ вамъ писанномъ. *П. П.*

[2]) Съ 11-го на 12-ое Февраля. *П. П.*

бумаги, давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы «Мертвыхъ Душъ», которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ своей смерти. — Вотъ что до сихъ поръ извѣстно о погибели неоцѣненнаго нашего сокровища! Было ль это дѣйствіе величайшимъ подвигомъ христіанскаго самоотверженія, самою трудною жертвою, какую можетъ только принесть наше самолюбіе, или таился въ немъ глубоко сокрытый плодъ тончайшаго самообольщенія, высшей духовной прелести, или, наконецъ, здѣсь дѣйствовала одна жестокая душевная болѣзнь? Во всѣхъ трехъ, возможныхъ и вѣроятныхъ, случаяхъ онъ имѣетъ равное право на наше человѣческое участіе, и всѣ они одинаково вызываютъ насъ къ размышленію глубокому, въ наше время, исполненное чудныхъ явленій и въ обществахъ и въ людяхъ. Можно утвердить только то, что это была натура особливая, которая по кончинѣ сдѣлалась еще таинственнѣе и еще мудренѣе для уразумѣнія, чѣмъ была при жизни, и которую судить простою мѣркою, по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, нельзя и не должно. Можетъ быть, духъ, который былъ условіемъ его созданій, и который сообщалъ имъ ту, ни съ чѣмъ несравненную для насъ любезность и прелесть, ту силу удивительную, которой ничто не противилось, былъ вмѣстѣ и условіемъ его такой жизни, его такой смерти, его такого образа дѣйствій: если бы онъ не умеръ такъ, можетъ быть, онъ не могъ бы и жить такъ, и не живя такъ, не могъ бы и писать такъ. Что принадлежало въ немъ его физіологіи, его національности, его воспитанію, его жизни, опыту, что было ему врожденно, что имъ пріобрѣтено, что въ немъ выработалось безъ его вѣдома—всего этого разобрать едва ли достанетъ въ комъ силы. Все это вѣдать единому Сердцевѣдцу. И на что намъ разбирать источники плачевнаго событія? Больше ли мы должны благоговѣть передъ христіаниномъ, чѣмъ сострадать несчастливцу, или священно трепетать о человѣкѣ? Друзья и братья! человѣкъ еще ближе всѣхъ къ намъ. Оставимъ же безполезныя изслѣдованія и невѣрныя догадки. Оплачемъ горькими слезами то, что потеряли, и возблагодаримъ сторицею за то, что осталось! Будемъ удивляться

великому художнику, и молиться, кто можетъ, о слабомъ человѣкѣ». 4 Марта. М. П(огодинъ). P. S. «Торжественныя, умилительныя похороны Гоголя, приносящія столько чести Москвѣ и ея начальству, описаны въ нашихъ газетахъ. Въ роковую недѣлю меня не было въ Москвѣ, какъ будто въ наказаніе, что я въ последнее время позволилъ себѣ питать разныя подозрѣнія на счетъ его, и не вѣрилъ вполнѣ его искренности. Шевырева также не было: тотъ самъ лежалъ больной въ постелѣ [1]). Шкапъ покойнаго запечатанъ, и будетъ разобранъ по истеченіи шести недѣль. Можетъ быть, еще найдется что нибудь тамъ или въ другомъ неожиданномъ мѣстѣ».

Напишите мнѣ: 1) лучше ли глазу вашему, 2) ждать ли васъ на лѣто сюда, 3) пріѣдетъ ли въ Апрѣлѣ къ вамъ Вяземскій, и 4) нѣтъ ли о немъ свѣжихъ извѣстій? Обнимаю васъ.

П. Плетневъ.

58.

9 Апрѣля 1852 г. Спб.

Въ ожиданіи отвѣта на мое письмо, въ которомъ отправилъ я къ вамъ, Василій Андреевичь, статью Погодина о послѣднихъ дняхъ Гоголя, препровождаю того же автора описаніе поминовенія Московскихъ друзей нашихъ, свершенное надъ покойникомъ, по русскому обычаю, въ сороковой день. Это описаніе Погодинъ прислалъ къ А. О. Смирновой, а она мнѣ поручила отправить его къ вамъ.

Изъ нашихъ новостей пока нечего передать вамъ. Сегодня схоронили графа Вронченка. Полагаютъ что Брокъ, товарищъ его, заступитъ его мѣсто.

Вчера съ женою былъ я у Тютчевой, которая мнѣ дала прочесть послѣднее письмо отъ Вяземскаго. Онъ сбирается къ вамъ.

---

[1]) А. О. Смирнова знаетъ, что Гоголь за нѣсколько времени передъ симъ отдалъ Шевыреву запечатанный небольшой пакетъ съ бумагами. Послѣ шести недѣль все будетъ извѣстно. *П. П.*

По письму его вижу, что здоровье его, если не лучше, по крайней мѣрѣ не хуже.

В. К. Наслѣдникъ сказалъ мнѣ, въ послѣдній разъ, какъ я былъ у него (1-го Апрѣля), что получилъ отъ васъ письмо, писанное собственною рукою вашей. Я думаю, не напрасно ли вы принуждаете себя къ этому. Надобно, чтобы подагрическая матерія совсѣмъ отошла отъ больнаго глаза вашего: тогда безопасно будетъ и здоровымъ пользоваться.

Сейчасъ былъ у меня сынъ покойнаго Министра Д. В. Дашкова просить отъ имени матери рукопись вашего Лебедя, что я и исполнилъ съ удовольствіемъ. Этотъ молодой Дмитрій, кажется, будетъ современемъ настоящій нашъ Дмитрій старый. Онъ учится у меня въ университетѣ — и прекрасно. Ведетъ себя отлично благородно. Факультетъ себѣ выбралъ онъ, какъ и отецъ, историко-филологическій, въ которомъ пробылъ уже годъ: остается еще три.

Получаете ли вы листки, съ 1852 года печатаемые Вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: «Извѣстія»? Отдѣленіе непремѣнно желало, чтобы въ нихъ говорено было о пятомъ изданіи вашихъ сочиненій, и на меня возложило составленіе этой статьи. Первую часть ея я уже кончилъ — и она будетъ помѣщена въ 4-мъ № Извѣстій. Остальныя двѣ напишу и тамъ же въ слѣдующихъ №№ напечатаю [1]). Вы конечно не поцеремонитесь со мною и чистосердечно скажете, какъ вамъ покажется мое усердное маранье.

Обнимаю васъ мысленно, желая и моля о томъ Бога, чтобы это случилось наяву.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

---

[1]) См. выше, стр. 1—59.

Письмо Плетнева къ князю П. А. Вяземскому.

Отъ 10 Іюня 1847 года [1]).

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству письмо Гоголя, сію минуту полученное мною въ пакетѣ на мое имя: Гоголь теперь во Франкфуртѣ на Майнѣ, куда проситъ и отсылать къ нему письма, адресуя ихъ въ Русское посольство. Я отъ Гоголя узналъ слѣдующія новости. Жуковскій отложилъ намѣреніе пріѣхать въ Спб. нынѣшнимъ лѣтомъ. Онъ съ больною женою остается въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. И такъ о юбилеѣ и хлопотать нечего. Но тѣмъ удобнѣе сдѣлать что нибудь въ его пользу или для составленія стипендіи. Не можетъ ли графъ С. С. Уваровъ предложить отъ своего Департамента Жуковскому, чтобы онъ не откладывая готовилъ изданіе Одиссеи для училищъ, по тому плану со вступленіемъ въ Греческую исторію, какъ было объявлено въ Москвитянинѣ 1845 года.

Гоголь написалъ еще какую-то книжку, которая, по его словамъ, должна возвратить публику къ чтенію его «Переписки съ друзьями», и потому онъ настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобъ мы ему доставили для просмотру ненапечатанныя мѣста его книги (рукопись уже возвращена мнѣ графинею А. М. Віельгорскою).

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

10 іюня 1847.

P. S. По расчисленію моему, Жуковскаго 50-лѣтіе литературной жизни исполнится въ октябрѣ 1847 г. Его первая статья напечатана въ XVI ч. (№ 86) «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» 1797 года, начавшагося въ 1794 году.

---

[1]) Это письмо, напечатанное въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г., стр. 1068, пропущено на стр. 397 настоящаго тома.

ДОПОЛНЕНІЯ, ПРИМѢЧАНІЯ И ПОПРАВКИ.

Томъ III.

Стран.

154. Русскій переводъ сочиненія графа Уварова «Изслѣдованія объ элевсинскихъ таинствахъ» напечатанъ въ *Современникѣ* 1847 года, т. I, «Науки», стр. 77.

155. Подпись *А. В.* подъ упомянутою въ примѣчаніи статьею гр. Уварова не значитъ ли: «Арзамасскій Ветеранъ»?

199. Рѣчь графа Уварова: «Гэте», произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 12 марта 1833 г., была переведена И. И. Давыдовымъ и въ этомъ переводѣ помѣщена въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета* 1833 года, № 1.

224. Переведенная по-русски статья гр. Уварова «Объ исторической достовѣрности» напечатана въ *Современникѣ* 1851 года, т. XXV, № 1.—О его статьѣ «Литературныя воспоминанія» см. выше стр. 155.

240. Къ статьямъ, посвященнымъ издателемъ *Современника* воспоминаніямъ о Пушкинѣ, можно прибавить еще нѣсколько строкъ, напечатанныхъ имъ въ IX томѣ этого журнала (1838 г.), въ отдѣлѣ: «Современныя Записки», хотя эти строки составляютъ въ сущности только варіантъ нѣкоторыхъ мѣстъ замѣтки, помѣщенной въ настоящемъ томѣ, стр. 240—243:

«Безпристрастная и полная біографія какого бы ни было примѣчательнаго лица, до истеченія многихъ лѣтъ послѣ

Стран.

его смерти, такъ же невозможна, какъ прагматическая исторія современныхъ событій. Но будущей исторіи или біографіи никто столько не можетъ доставить драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, какъ современникъ, свидѣтель-очевидецъ, неизбѣжный участникъ и естественный судія происшествій, передъ нимъ совершающихся.

«Литература должна имѣть свою прагматическую исторію. Въ ней для потомства содержится больше, нежели одно дополненіе къ исторіи политической: нерѣдко въ ней находятся причины благотворныхъ и гибельныхъ эпохъ: въ ней отпечатывается замѣчательнѣйшая сторона каждой націи — жизнь умственной производительности и сила душевныхъ способностей; она ярко разрисовываетъ періоды всемірной и частной исторіи народовъ, что̀ одно способствуетъ къ надлежащему ихъ изученію.

«Имя Александра Пушкина, по достоинству его сочиненій, конечно принадлежитъ исторіи нашей литературы. И такъ на его современникахъ уже лежитъ долгъ позаботиться о будущей біографіи поэта. Черты его характера, ума, литературныя мнѣнія его; частности, относящіяся къ появленію его сочиненій; замѣчательные анекдоты изъ его жизни—все это вмѣстѣ можетъ служить нѣкогда къ доставленію занимательности и наставительности исторіи литературы его вѣка. Въ Современныхъ Запискахъ журнала, основаннаго Пушкинымъ, постоянно помѣщаемо будетъ все, до него касающееся, что найдется согласнаго съ этою цѣлію».

По поводу напечатанія въ *Современникѣ* перевода Байроновой поэмы «Мазепа», сдѣланнаго молодымъ поэтомъ, Плетневъ приводитъ здѣсь отрывокъ изъ частнаго письма Пушкина о его «Полтавѣ», и затѣмъ возвращается къ Александру Сергѣевичу:

«Немногіе хорошо знали Пушкина не писателя — человѣка. Судили о немъ по сочиненіямъ его, и привыкли пред-

Стран.

ставлять въ его душѣ только умъ, живость и необыкновенный талантъ. Казалось, и самъ онъ находилъ удовольствіе поддерживать о себѣ это мнѣніе, особенно въ обществѣ постороннихъ людей, гдѣ онъ былъ только или совершенно молчаливъ, или слишкомъ блистателенъ. Лучшія движенія сердца своего считалъ онъ домашнимъ дѣломъ, и потому не любилъ выказывать ихъ. Онъ хранилъ ихъ для тѣснаго круга друзей, преимущественно для своихъ лицейскихъ товарищей, которыхъ любилъ неизмѣнно».

250. Извѣстно, какъ стихотвореніе Плетнева «Б . . . . овъ изъ Рима», раздражило поэта, которому оно приписано. Свое неудовольствіе на эту, въ сущности весьма невинную, шутку Батюшковъ выражалъ не разъ въ пріятельскихъ письмахъ и навсегда сохранилъ враждебное чувство къ Плетневу, который, напротивъ, и послѣ этого недоразумѣнія нисколько не измѣнилъ своего уваженія къ талантливому писателю, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ его статья объ элегіи Батюшкова «Умирающій Тассъ», напечатанная въ 1-мъ томѣ настоящаго изданія (стр. 96).

295. Отсюда начинается рядъ тѣхъ стихотвореній Плетнева, которыя, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не были напечатаны. Такъ какъ въ рукописной его тетради стихи разныхъ эпохъ перемѣшаны, то невозможно было опредѣлить годы ихъ происхожденія. При напечатанныхъ его стихахъ я означалъ либо время ихъ появленія въ журналахъ, либо годы, показанные подъ нѣкоторыми изъ его стихотвореній въ рукописи.

330. Очевидно, что предисловіе къ стихотвореніямъ Пушкина по требованію Плетнева доставлено не было, и что самъ Плетневъ написалъ то, которое напечатано при изданіи 1826 г. (см. въ 8-мъ изданіи Сочиненій Пушкина, т. I, стр. 465).

333. Къ словамъ, находящимся въ письмѣ Пушкина: «а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ». Эта мысль

Стран.

выражена имъ въ черновомъ письмѣ къ императору Александру Павловичу, напечатанномъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1885 года, вып. 5, стр. 193.

335. Какъ это письмо, такъ и нѣкоторыя другія изъ слѣдующихъ за нимъ писемъ Пушкина напечатаны мною по подлинникамъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ г-жи Елагиной. Они были обнародованы уже въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года, но тамъ при трехъ письмахъ было замѣчено, что неизвѣстно, къ кому именно они писаны. Между тѣмъ на оборотной сторонѣ листа въ всѣхъ трехъ помѣщенъ и адресъ, незамѣченный издателемъ *Архива*: «Его высокоблагородію Петру Александровичу Плетневу. Въ С.-Петербургъ. Въ Екатерининскомъ Институтѣ».

364. «Михаилъ Алекс.» т. е. Салтыковъ, тесть барона Дельвига.

373. Сказка Жуковскаго о царѣ Берендеѣ появилась въ сборникѣ Смирдина *Новоселье* на 1832 годъ.

400. Письмо отъ 8 сентября 1849 г. было послано не въ Одессу, какъ означено при текстѣ, а въ Константинополь.

419. Въ примѣчаніи не совсѣмъ вѣрно означено мѣсто, гдѣ находился домъ Балабиныхъ: это былъ второй домъ отъ угла противъ Николаевскаго моста по дорогѣ къ Сенату.

479. Къ примѣч. 2, внизу страницы: Н. Р. Ребиндеръ, до назначенія въ должность директора Департамента народнаго просвѣщенія, былъ не попечителемъ, а помощникомъ попечителя въ Кіевскомъ учебномъ округѣ.

490 и *622.* Н. С. Соханская скончалась 3 декабря 1884 г. въ своемъ харьковскомъ имѣніи. Некрологъ ея см. въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 15-го означеннаго мѣсяца.

544. Марья Петровна Вагнеръ, рожденная Балабина, долго жила въ Парижѣ; нынѣшнее же ея мѣстопребываніе—въ Римѣ, гдѣ сынъ ея служитъ при посольствѣ.

567. На просьбу издателя о дозволеніи напечатать это письмо Ея Величество Королева Виртембергская Ольга Николаевна

Стран.

изволила милостиво отозваться: «Je n'ai rien contre la publication de ma lettre à Pletnef. Toute insignifiante qu'elle est, on y verra la relation d'estime et d'amitié qui régnait entre nous, ses élèves, et notre excellent maître Петръ Александровичъ. Je me réjouis de savoir les matériaux de sa biographie confiés aux mains de son ami, me rappelant combien souvent il nous citait son nom en lisant la traduction de Frithiofs-saga. Ces souvenirs remontent à quarante ans en arrière et appartiennent à l'histoire du passé».

695. Примѣчаніе внизу страницы должно быть измѣнено слѣдующимъ образомъ: «Какъ это, такъ и слѣдующее письмо Жуковскаго отъ 1-го сентября писаны карандашемъ, крупнымъ почеркомъ, напоминающимъ древній уставъ».

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ III.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
352	сн. 1	1853	1852
357	сн. 13	со	то
365	св. 2	его свадьбы	свадьбы Пушкина

2007051251